РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ISSN 2306-9015

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ – XX(1)

Материалы чтений, посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

Первый полутом

INDO-EUROPEAN LINGUISTICS AND CLASSICAL PHILOLOGY– XX(1)

Proceedings of the 20th Conference
in Memory of Professor Joseph M. Tronsky

20–22 июня 2016 г. – June 20–22, 2016

Санкт-Петербург
Наука
2016

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ-XX (1) (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 20–22 июня 2016 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2016. – 1218 с.

INDO-EUROPEAN LINGUISTICS AND CLASSICAL PHILOLOGY-XX (1) (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Perersburg, 20–22 June, 2016 / edited by Nikolai N. Kazansky. St.Perersburg: Nauka, 2016. – 1218 p.

ISSN 2306-9015 Indoevropejskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologiâ
ISBN 978-5-02-038451-4

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
академик РАН Н. Н. Казанский (отв. редактор);
Prof. Dr. G. Blažienė (Vilnius), Prof. Dr. V. Blažek (Brno),
д. филол. н. Н. А. Бондарко, д. истор. н. Н. В. Брагинская,
д. филол. н. Н. П. Гринцер, д. филол. н. А. В. Грошева,
Prof. Dr. H. Eichner (Wien), к. филол. н. П. А. Кочаров,
к. филол. н. Е. Р. Крючкова (отв. секретарь),
Prof. Dr. D. Petit (Paris), д. истор. н. А. В. Подосинов,
д. филол. н. А. И. Солопов, к. филол. н. А. В. Шацков

Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН

Конференция проходит в рамках постоянно действующей
Школы индоевропейского сравнительно-исторического языкознания
при ИЛИ РАН

Издание подготовлено при финансовой поддержке
РГНФ – грант № 16-04-14020г (рук. Н. Н. Казанский)

ISSN 2306-9015
ISBN 978-5-02-038451-4

© Коллектив авторов, 2016
© ИЛИ РАН, 2016
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Первый полутом

Е. В. Антонец, О. С. Павлова. Особенности употребления терминологии морского дела в *bellum Gallicum* Цезаря 7
Д. Е. Афиногенов. Юстинианово гонение на мужеложцев: трансформация рассказа в византийских хрониках 27
О. Л. Ахунова (Левинская). «Милетская разнузданность» в романе Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел» 35
А. С. Балаховская. Образ Иоанна Златоуста в контексте образа пророка Илии в византийской агиографии 48
А. М. Беликов. «Трубка для курения опиума» из Китиона и надпись ##161. KITI *Iins 001* 60
С. Г. Болотов. [Второй, «назально-кластерный»] закон Турнейзена, латинские герундивы, латинские nomina abstracta на *-ō*, *-inis* и… закон Клуге 72
Н. А. Бондарко, Д. Б. Крюкова. Средненижненемецкие молитвы и глоссы в сборнике латинских богослужебных текстов XV века (РНБ, Лат. О. I. 904) 78
В. А. Бондарь. «He hath spoken yesterday»: перфект в позднесреднеанглийский и ранненовоанглийский периоды 90
Г. И. Борисов. Как точно был издан Lex Frisionum? К критике текста базельского издания правовых средневековых памятников 1557 г 108
Н. В. Брагинская. Греческий как иностранный: осмысление эллинских философских терминов иудейским благочестием 117
Д. А. Браткин. Σεβόμενοι προσήλυτοι (Деян 13:43) 137
А. Ю. Братухин. Пренебрегал ли Климент Александрийский литературным стилем? 152
Л. В. Братухина. Восточные источники в «западном» сюжете: С. Рушди «Йорик» 162
О. А. Волошина. Речь божественная и человеческая в словаре-тезаурусе Амаракоша 172
Г. М. Воробьев. Кодикологические замечания о двух аристотелевских рукописях Димитрия Халкокондила 182
N. Ganina. Bardewikscher Codex: Problemstellungen und Perspektiven der Forschung 194
E. V. Grigoryeva. David der Unbesiegbare, Auslegung der Analytik: Sprachliche Aspekte Problems der Autorschaft 204
А. В. Грошева. О глаголах, производных от греч. ἡδύς ‘сладкий’ 212
С. И. Дмитриева. К семантике и этимологии греч. δειδίσκομαι 228
В. Г. Долгополов. Иерархия иудейских авторитетов в «Кинжале веры» Рамона Марти (XIIIв.): терминологические особенности и возможные источники 237
М. В. Домосилецкая. Пчеловодческая лексика в арумынском говоре села Кранея / Турья (по материалам МДАБЯ) 249
А. А. Евдокимова. Формулы погребальных надписей Константинополя.. 267
С. К. Егорова. Витрувий об образовании архитектора (*De Arch.* I, 1, 12–13) 278
Е. В. Желтова, А. Ю. Желтов. К вопросу об одушевленности и именной классификации в латинском, древнегреческом и русском языках в контексте семантической типологии именной классификации 283

А. В. Жугра. Алб. *lum* ‘счастливый’ < **leu̯bh-*‘желать, любить’ (к истории функционального развития) 300
А. В. Журбина. Позднеантичный Вергилий: автор или авторитет? Казус Фульгенция 310
С. В. Иванов. «Прение жестами» в европейской литературе и фольклоре 320
А. И. Илиади. К исторической ономастике Словакии: несколько сарматских гидронимов 354
Е. В. Илюшечкина. *Metus septentrionalis* как топос в политическом контексте Древнего Рима 363
M. N. Kazanskaya. Plato, *Resp.* 331a: quotation plus allusion? 372
В. П. Казанскене. Литовский крест до христианства: к этимологии лит. *krìkštas* 385
Н. Н. Казанский. Расширитель корня как лингвистическая проблема 393
Л. Н. Каминская. К вопросу о фонетической адаптации албанской лексики в словаре Петера Симона Палласа «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы» 401
А. В. Каргальцев. История одной мистификации: к вопросу об источниках гонения Деция 410
Б. А. Каячев. Эпитафия Дорихе (Посидипп, XVII Gow–Page) 419
М. Л. Кисилиер. Из истории новогреческого перфекта 426
S. D. Kleyner. Translating the Greek Active with the Gothic Passive 440
А. С. Коньков. Изменение населения Западной Европы в эпоху неолита и бронзы по данным полногеномных исследований древней ДНК 449
П. А. Кочаров. Проблема лексической и грамматической дистанции при реконструкции расширенных вариантов праиндоевропейского корня (*k$^{\text{u̯}}$ei-, *k$^{\text{u̯}}$eis-, *k$^{\text{u̯}}$eit-) 456
Е. В. Кравченко. Участие синонимов моря в приёме эпической вариации в «Беовульфе» 466
А. Н. Крюкова. Ранее не известная редакция «Жития Ксенофонта, супруги его Марии, и детей их Аркадия и Иоанна» 483
Е. Р. Крючкова. Древнеиндийские корни с начальным *k*^{h}- 492
А. Е. Кузнецов. Благодарность Катулла 501
Ю. К. Кузьменко. Древнегерманский стих в надписях старшими рунами 516
С. В. Кулланда, А. Солькà. Щит Олега 543
А. Д. Курилова. Дидактические аспекты преподавания риторики в России XVIII века (на материале рукописных руководств на латинском языке) 552
А. В. Курицына. Еще раз о союзной функции тохарских слов A *śla*, *ślak*, B *śle*, *śale*, *ślek* 559

Второй полутом

A. V. Lebedev. The origin and transmission of the doxographical tradition *Placita philosophorum* (Arius Didymus, Ps.-Plutarch, Stobaeus, Theodoret, Nemesius, Porphyrius) 573
М. В. Ленчиненко, А. И. Любжин. Издания Гомера в библиотеке М. Н. и Н. М. Муравьевых 634
Е. А. Литвин. *Stabat mater* в Саленто: к проблеме поэтического перевода 645
А. В. Логинов. Суд в гомеровском эпосе 657

А. Л. Макарова. Изоморфизм балканских глагольных систем (на материале арумынского, македонского и албанского диалектов региона Преспа) ... 670
М. С. Мамадасламов. Особенности пространственных предлогов и послелогов в шугнанском и немецком языках ... 684
А. Л. Мамонтов. Отношение Августина Блаженного к законам против донатистов (по материалам переписки) ... 691
R. Matasović. Latin tree and plant names with the suffix *-ix, -ex* ... 700
С. И. Межерицкая. *Hippolyt. Philosoph. I 8, 5* и древнегреческая доксографическая традиция ... 710
Т. Ал. Михайлова. Сон Моисея у Езекииля-Трагика ... 723
Т. А. Михайлова. Кем же все-таки был епископ Палладий? ... 730
М. А. Молина. Эмфатическая энклитика *=pat* в хеттском языке: анализ функций и семантика маркируемых фокусов ... 739
Л. Ю. Мусина, М. Г. Селезнев, А. И. Шмаина-Великанова. Ἀνομία, ἄνομος, ανομέω в Псалтири Септуагинты и богословие «Закона» 755
A. V. Nemirovskaya, A. G. Soushchevsky. The Egyptian origin of names and forms of the West Semitic (Canaanite) consonantal graphemes illustrated by *MĪM / MĒM* and *NŪN* ... 765
А. Ю. Никифорова. Codex Sinaiticus Liturgicus: к истории и типологии кодекса ... 776
Б. М. Никольский. Покрывало Федры и губительный свет в «Ипполите» Еврипида ... 803
Е. П. Новикова. Quomodo omnia Italica a ueteribus grammaticis Latinis habeantur ... 814
О. В. Осипова. Диодор Сицилийский о композиции исторических сочинений ... 823
О. С. Павлова. К вопросу об интерпретации выражения *pitulus septesemiodialis* (CIL X 3480 = Dess. 2880 и CIL X 3481 = Dess. 2881) ... 830
А. Д. Пантелеев. Агиография, эпиграфика и нумизматика: «Мученичество Пиония» в историческом контексте ... 834
Е. А. Парина. Об одном средневаллийском переводе *Visio Sancti Pauli* ... 842
А. Петкович. Истоки мифологической истории Родоса в седьмой олимпийской оде Пиндара ... 851
А. Е. Петросян. Миф об аргонавтах: индоевропейские параллели и история ... 861
Н. Б. Пименова. «Когда Иисус учил народ в храме»: готское *managei* 'народ' без маркирования и с маркированием дефинитности ... 879
M. M. Pozdnev. «Diese Sage war einmal sehr berühmt»: Ein literaturgeschichtliches Hapax bei Homer ... 891
О. В. Попова, А. С. Касьян. Знак BA в древнехеттских текстах ... 900
Т. В. Рождественская. Новонайденное древнерусское кириллическое граффито из Франции ... 907
А. Ю. Русаков. Плюсквамперфект с аористом вспомогательного глагола в современном албанском языке (предварительные замечания) ... 910
А. В. Сафронов. Хеттские походы на Кипр во второй половине 13 в. до н. э ... 919
М. Г. Селезнев. Осия 1:9 в еврейской Библии и в Септуагинте: аллюзия на Исх 3:14? ... 929

А. В. Сидельцев. Диахрония союзов -(*m*)*a* ‘но’/ -(*y*)*a* ‘и’ в истории хеттского языка 940
М. В. Скржинская. Иностранные послы на Боспоре и в Херсонесе 955
А. И. Солопов. Названия древнерусских городов, производные от имени князя, как продолжение одного из типов названий греко-латинской географической номенклатуры. (К этимологии топонимов *Владимир*, *Ярославль*, *Юрьев*, *Дмитров* и т. п.) 963
O. Spevak. On grammatical aspect in Latin 969
И. С. Тимофеев. Термин materia/materies в философском словаре Лукреция: этимология, семантика, морфология 972
Т. В. Топорова. «Человек & вода» в эпосе (на материале «Старшей Эдды» и русских былин) 984
С. Р. Тохтасьев. Из ономастики Северного Причерноморья: XXIII 999
А. А. Трофимов. Действовало ли в праиндоевропейском правило *TKN̥ > *KN̥? 1011
А. И. Фалилеев. Miscellanea Venetica II 1020
С. А. Харламова. Атетированные стихи поэм Гомера в трактате Плутарха «De audiendis poetis» 1028
М. Л. Хорьков. Параллелизм и вариативность метафор в немецкой и нидерландской духовной литературе Позднего Средневековья (на примере анонимных «поучений» в рукописи Leiden Ub Ltk 222) 1039
А. Б. Черняк. Вильгельм фон Гумбольдт о романских языках 1047
А. В. Шацков. К вопросу о функции назального инфикса в хеттском и праиндоевропейском 1059
В. Ю. Шелестин. Два способа обозначения сторон света в хеттской культуре 1067
М. Е. Шляхтер. Формы первого каузатива для обозначения опосредованной каузации в «Чайтанья-мангале» Джаянанды (XVI в.) 1073
М. В. Шумилин. Эллинистический источник рассказа Овидия о возникновении кораллов (Ov. Met. 4.740–752) 1081
Н. И. Щеглова. Императивы в речевых актах Дидахэ 1097
E. Sherbakova. The Psychology of the Pseudo-Hippocratic Treatise *De Victu*. An Episode in the Early History of Greek Pneumatism 1115
Х. А. Эрамжян. Аллюзии на Марциала в поэме Рафаэля Ландивара *Rusticatio Mexicana* 1133
Э. В. Янзина, О. В. Корнеев. О некоторых аспектах подготовки античных атлетов-единоборцев к состязаниям: практика и терминология тренировочного процесса 1143
М. В. Яценко. Древнеанглийская поэтическая парафраза «Даниил»: уровни рецепции библейского Писания и Предания 1162

Памятные даты

А. Гринбаум. «Я есмь» и «я кажусь». К 100-летию Н. С. Гринбаума 1179
А. Р. Аетбаев. К 90-летию со дня рождения А. И. Зайцева 1197

Е. В. Антонец, О. С. Павлова

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ МОРСКОГО ДЕЛА В *BELLUM GALLICUM* ЦЕЗАРЯ

В статье предпринимается попытка показать, что общая стилистическая установка Цезаря на унификацию лексики распространилась также и на описания морских эпизодов. Цезарь избегает использовать специальные морские термины, употребляя из них только те, которые известны широкому читателю, включая в текст узкоспециальные слова лишь в исключительных случаях и стараясь применять к морским реалиям те же самые выражения, которые использует по отношению к другим предметам во всем своем произведении.

Ключевые слова: терминология морского дела, Цезарь, *bellum Gallicum*, стиль.

Труд Цезаря стоит особняком в римской литературе прежде всего благодаря особенностям своего стиля (Bömer 1953; Дуров 2013). Одним из основных художественных приемов Цезаря является воспроизведение сухого стиля военной документации, отчетов военачальников в сенате, докладов офицеров. Это происходит, в частности, посредством использования синтаксических структур, характерных для бюрократического языка, устойчивых выражений политического, военного, канцелярского языка, а также специальной терминологии (Odelman 1972).

В настоящей заметке мы рассмотрим особенности употребления мореходной терминологии в *bellum Gallicum* Цезаря.

Как известно, термины – это слова, являющиеся наименованиями определенных понятий в области научных и технических знаний, а также в области политической, экономической и культурной жизни общества (ЛЭС 1990: 508–509).

К особенностям терминов относятся системность, наличие дефиниции, тенденция к моносемичности в пределах терминологии данной науки или дисциплины, отсутствие экспрессии и стилистическая нейтральность. Эти свойства термины реализуют только в пределах своего терминологического поля. Вне этого поля они теряют свои характеристики, т.е. детерминологизируются (напр., «цепная реакция» как образное выражение в общелитературном языке).

Большинство терминов употребляется в профессиональном языке специалистов, но многие термины могут проникать в сферу общеупотребительной лексики, не теряя при этом своего терминологического значения. Например, слова «гипотенуза», «кислород», «суффикс», «вирус» и пр. известны всем образованным людям и используются ими в обиходе именно в их терминологическом значении. Так, в повседневном выражении «эта улица параллельна той» прилагательное «параллельна» употреблено именно как геометрический термин, имеющий единственное значение, четкую дефиницию и лишенный экспрессии.

Что касается древних языков, то трудности выявления в них терминов той или иной области знаний очевидны. Тем не менее известны многие termini technici военного дела, виноградарства, риторики, политики, юриспруденции, мореходства и пр.

Истории античного кораблестроения и навигации посвящено значительное количество трудов, из которых наиболее авторитетными остаются труды Л. Кассона (Casson 1959; 1964; 1974; 1994; 1995). Существует несколько фундаментальных словарей, посвященных средиземноморской навигационной терминологии, среди которых наиболее полным по сей день остается словарь О. Жаля (Jal 1840; 1848), а специально латинской терминологии морского дела посвящен словарь Э. де Сен-Дени (Saint-Dénis 1935).

Рассматривая мореходные контексты в произведениях Цезаря, Сен-Дени отметил, что в произведениях Цезаря специальные морские термины встречаются относительно редко. Это обстоятельство дало ему основание полагать, что Цезарь плохо разбирался в морском деле. Сопоставив словоупотребление Цезаря и Тита Ливия, Сен-Дени заключил, что Ливий более сведущ в морской науке и более аккуратен в описании морских эпизодов, чем Цезарь, а читатели эпохи Ливия более интересовались морской тематикой, чем современники Цезаря (Saint-Dénis 1935: 129–130).

Действительно, в произведениях Цезаря морская терминология представлена скупо. Однако на основании отсутствия специальной лексики той или иной области в художественном произведении вряд ли можно судить о познаниях автора в этой области. Сочинение Цезаря не является научным трактатом о военном и морском деле, а представляет собой высокохудожественную прозу, вызывавшую восхищение современников (Cic. Brut. 262; Hirt. b. G. VIII 1, 5). Наличие специальной

терминологии в произведении такого рода не предполагается уже в силу самого жанра.

Тем не менее именно текст Цезаря как образцовое классическое сочинение чаще всего используют в качестве индикатора на принадлежность того или иного слова к морской терминологии. Но это не вполне согласуется с отмеченным выше фактом, что Цезарь избегает широко использовать морскую терминологию. Можно ли уверенно полагать, что Цезарь употребляет в своем сочинении именно морские термины, а не обиходные слова?

Рассмотрим подробнее, все ли слова, используемые Цезарем в описаниях морских эпизодов, можно относить к терминам. Рассмотрим также, какими причинами можно объяснить относительную малочисленность морских терминов в произведении Цезаря, кроме отсутствия у автора специальных познаний в искусстве мореплавания.

Слово (или выражение) мы можем считать термином, если оно регулярно встречается в единственном и устойчивом значении у разных авторов применительно к конструкции судна и искусству навигации в стилистически нейтральных ситуациях, не подразумевающих употребления слов в переносном значении. Поэтому употребленное Цезарем слово или словосочетание может считаться термином только в том случае, если оно засвидетельствовано в аналогичном значении в морском контексте у других авторов.

Пассажей, в которых речь идет о морских сражениях и где встречается морская лексика, в bellum Gallicum Цезаря несколько: пассаж из 3-й книги (Caes. b. G. III 8–16), повествующий о войне с венетами, которые отказались снабжать продовольствием легион П. Красса, стоявший на зимних квартирах на побережье (56 г.); пассажи из 4-й книги (Caes. b. G. IV 21–31 и 36–38), посвященные первой экспедиции Цезаря в Британию (55 г.); отдельные главы 5-й книги (Caes. b. G. V 1–2; 5; 8; 10–11; 23–24), описывающие второй поход в Британию (54 г.); и несколько глав 7-й книги (Caes. b. G. VII 58–62), в которых рассказывается об отступлении Лабиена от Лутеции во время общегалльского восстания (52 г.)[1]. Вне перечисленных мест морская лексика у Цезаря не встречается[2].

[1] В bellum ciuile морские эпизоды встречаются в описании отплытия Помпея из Брундизия (Caes. b. c. I 26, 1; 27, 1; 29, 1; 30–31; 56–58), в описании осады Массилии (Caes. b. c. I 36; II 3–7; 22), в рассказе о

Первую группу морских терминов, употребляемых Цезарем, составляют имена существительные (или словосочетания), из которых одни являются названиями частей судна, другие служат обозначениями типов судов, третьи обозначают понятия, связанные с передвижением судов.

1. Названия частей судна

prōra ‘нос’

Для обозначения передней части корабля Цезарь использует слово *prōra* ‘нос’. В качестве мореходного термина это слово употребляют и другие авторы, например, Тит Ливий[3] и Тацит[4]. У Цезаря слово prora встречается один раз – в описании конструкции венетских судов, которые, как известно, принесли римлянам много волнений и неприятностей (Caes. b. G. III 14 sqq.). Важной особенностью конструкции венетских судов было то, что нос был таким же высоким, как и корма: *prorae admodum erectae atque item puppes* (Caes. b. G. III 13, 2), что обеспечивало им хорошие мореходные качества[5] а также некоторые преимущества при столкновении с неприятелем[6].

puppis ‘корма’

В терминологическом характере слова *puppis* ‘корма’ также не возникает сомнений. Оно встречается в специальных контекстах у Цицерона (Cic. Att. XIII 21, 3), Тита Ливия (напр. Liu. XXX 36, 5), Квинта Курция (Curt. IV 3, 2). Цезарь употребляет этот термин всего два раза – в упомянутом выше описании кораблей венетов: *prorae admodum erectae atque item puppes* (Caes. b. G. III 13, 2) и в описании боя: *turribus autem excitatis tamen has altitudo puppium ex barbaris nauibus superabat* (Caes. b. G. III 14, 4).

carīna ‘киль’, ‘днище’

высадке армии Куриона в Африке и отплытии уцелевших солдат обратно (Caes. b. c. II 23; 43–44), в пассажах, посвященных отплытию войск Цезаря из Брундизия (Caes. b. c. III 6–9; 14; 23–30, 1), в описании обороны Орика (Caes. b. c. 39–40) и в описаниях преследования флота Помпея (Caes. b. c. III 100–104; 106; 111–112).

[2] Текст Цезаря приводится по изданию В. Геринга (Hering 1987).

[3] Liu. XXII 20, 2; XXVI 39, 13.

[4] Tac. hist. III 47.

[5] ad magnitudinem fluctuum tempestatumque adcommodatae (Caes. b. G. III 13, 2–3).

[6] neque propter altitudinem facile telum adigebatur, et eadem de causa minus commode copulis continebantur (Caes. b. G. III 13, 8).

Слово *carīna* как морской термин употребляют Тит Ливий (Liu. XXII 20, 2; XXVIII 8, 14) и Тацит (Tac. ann. II 6, 6). У Цезаря этот термин встречается два раза – один раз в *bellum ciuile*[7] и один раз в *bellum Gallicum* в описании кораблей венетов: *namque ipsorum naues ad hunc modum factae armataeque erant: carinae aliquanto planiores quam nostrarum nauium* (Caes. b. G. III 13, 1).

transtrum ‘бимс’

Transtra[8] – это поперечные связи судна, то есть бимсы (Peaks 1922: 202). Этот термин, по всей видимости, был понятен всем римлянам эпохи Цезаря, потому что при отсутствии палубного настила бимсы были хорошо видны, а также потому, что была ясна внутренняя форма слова: то, что располагается поперек (*trans*). Цезарь употребляет это слово один раз в рассказе о венетских кораблях: *transtra ex pedalibus in altitudinem trabibus confixa clauis ferreis digiti pollicis crassitudine* (Caes. b. G. III 13, 4) ‘бимсы (из бревен толщиной в фут) были закреплены железными гвоздями толщиной в большой палец’.

rōstrum ‘таран’, ‘ростр’

Использование этого слова в качестве термина засвидетельствовано разными источниками (напр. Cic. Phil. 2, 66; Sen. ep. 76, 13 и др.). Этот термин встречается в *bellum Gallicum* Цезаря всего два раз в том же описании кораблей венетов: *neque enim his nostrae rostro nocere poterant* (Caes. b. G. III 13, 8) ‘ведь наши [суда] с помощью тарана не могли им нанести никакого ущерба’ и *rostro enim noceri non posse cognouerant* (Caes. b. G. III 14, 4).

antemna ‘рей’

Из терминов, обозначающих рангоут судна, Цезарь употребляет слово antemna, которое встречается только три раза в *bellum Gallicum*: *funes qui antemnas ad malos destinabant* (Caes. b. G. III 14, 6; а также: III 14, 7; III 15, 1). Принадлежность этого слова к морской терминологии подтверждается многими контекстами (Sall. hist. IV 3; Liu. XXXIII 48, 5; b. Alex. 45, 2).

---

[7] В соответствии с технологией, которую Цезарь узнал в Британии, выстраивался сначала набор (киль и шпангоуты), а потом уже изготовлялась обшивка: *carinae ac prima statumina ex leui materia fiebant; reliquum corpus nauium uiminibus contextum coriis integebatur* (Caes. b. c. I 54, 2).

[8] Производн. от *trāns* (Walde 1938–1956: s.u. *transtrum*).

armamenta ‘снасти’

Об этом слове можно с уверенностью сказать, что оно является морским термином (OLD 1968–1982: s. u. *armamenta*). Цезарь употребляет это слово два раза в *bellum Gallicum* и подразумевает под ним словом рангоут и такелаж, так как разделяет *uela* и *armamenta*: *spes in uelis armamentisque consisteret* (Caes. b. G. III 14, 7) ‘вся надежда была на паруса и снасти’; *funibus ancoris reliquisque armamentis amissis* (Caes. b. G. IV 29, 3). В этом же значении использует это слово Ливий (Liu. XXXIII 48, 8)[9] и Тацит.

По-видимому, для обозначения снастей Цезарь применяет и более общее слово – *arma*, которое встречается в морском контексте один раз: *naues eorum paratissimae atque omni genere armorum ornatissimae ex portu profectae nostris aduersae constiterunt* (Caes. b. G. III 14, 2) ‘их корабли, готовые к бою и во всех отношениях отлично снаряженные, выйдя из порта, стали против наших’.

ancora ‘якорь’

В терминологическом употреблении находим слово ancora у многих авторов, в частности, у Ливия (Liu. XII 19, 10; XXV 25, 11; XXXVIII 17, 16 и др.) и Цицерона (Cic. Verr. V 88, 3).

В bellum Gallicum Цезаря это слово встречается восемь раз (Caes. b. G. III 13, 5; IV 23, 5 и др.). Терминологическим выражением, возможно, является *in ancoris* (*exspectabant*) (Caes. b. G. IV 23, 5) ‘на якоре (ждать, стоять)’, которое засвидетельствовано, например, у Ливия (Liu. XXXII 32, 12; XXXVII 13, 8).

remi ‘весла’

Во множественном числе это слово представляет собой термин, обозначающий весельный движитель судна (Cic. Verr. V 71; Cic. Att. XIII 21, 3; Liu. XXIV 34, 6; XXVII 15, 6; XVIII 17,

[9] i*ussit ... uela cum antemnis ex nauibus corrogari ut umbraculum ... cenantibus in litore fieret. <...> aliquot horas referendis in naues collocandisque et aptandis armamentis absumpserunt* (Liu. XXXIII 48, 8) «он (Ганнибал) приказал снять с кораблей паруса вместе с реями, чтобы устроить для пирующих навес на берегу. <...> Итак, они потратили несколько часов на то, чтобы вернуть на место и привести в порядок снасти». У Ливия выражение *uela cum antemnis* является полным соответствием *in uelis armamentisque* у Цезаря, причем конкретное *antemna* в тексте Ливия служит заменой более общего *armamenta* и позволяет автору избежать повтора одного и того же слова в пределах одной фразы.

12 и др.). В *bellum Gallicum* он употреблен 7 раз, причем дважды – в выражении *remis incitare* (Caes. b. G. III 14, 6; IV 25, 1).

uelum ‘парус’

Термин *uela* (мн. ч.) обозначает парусное вооружение судна (Liu. XXIV 36, 8; XXV 25, 12; XXV 26, 12; XXVIII 30, 12 и др.), в единственном числе *uelum* означает ‘прямой парус’. У Цезаря этот термин встречается три раза во множественном числе (Caes. b. G. III 13, 6; 13, 7; III 14, 7)

2. Названия типов судов

В *bellum Gallicum* встречаются следующие названия типов судов: *naues longae* ‘военные корабли’; *naues onerariae* ‘грузовые суда’ (Caes. b. G. IV 22, 3; IV 22, 4); *naues actuariae* ‘легкие гребные суда’ (Caes. b. G. V 1, 3); *linter* ‘челнок’, ‘легкая лодка’ (Caes. b. G. I 12, 2; I 53, 2; VII 60, 4); *nauigia speculatoria* ‘дозорные суда’ (Caes. b. G. IV 26, 4); *scaphae* ‘шлюпки’ (Caes. b. G. IV 26, 4); *nauigia uectoria* ‘транспортные суда’ (Caes. b. G. V 8, 4), а также один раз употреблено слово *nauigium* как общее наименование судна (Caes. III 14, 6).

3. Обозначения движения судов

cursus ‘курс’

О том, что слово *cursus* было термином мореплавания, мы можем заключить из сообщений Авла Геллия и Сервия:

cursus nauium recte dici solent (Gell. X 26, 6) ‘по отношению к судам обычно правильно употреблять слово *cursus*’; *hic cursus uel iste cursus, uel pro illuc. et cursus uerbum nauticum est* (Seru. Aen. I 534) ‘*hic cursus* – или ‘этот курс’, или в смысле ‘туда’, а *cursus* – морской термин’.

В терминологическом значении употребляют это слово, например, Цицерон[10] и Ливий[11].

У Цезаря слово *cursus* в подавляющем большинстве случаев встречается вне морских контекстов и имеет значение ‘бег’ (напр., *magno cursu* ‘быстрым бегом’ и пр.).

---

[10] Напр.: *cursum tenere* ‘держать курс’ (Cic. Verr. II 5, 89), *cursum suum derigere* (Cic. Sest. 98), *cursum conficere* (Cic. inu. I 58).

[11] Напр.: *cursus nauium* (Liu. XXI 49, 9; XLII 5, 2), *cursum tenere* (Liu. XXII 31, 6), *cursum tendere* (Liu. XXIII 34, 5), *cursum uertere* (Liu. XXXVI 20, 8), *cursum auertere* (Liu. XXXVII 11, 15), derigere cursum (XXXVII 27, 2; XXXIX 25, 9).

В морских контекстах это слово один раз употребляется в этом же значении ‘бег, ход’:

qui uectoriis grauibusque nauigiis non intermisso remigandi labore longarum nauium cursum adaequarunt (Caes. b .G. V 8, 5) ‘которые на тяжелых грузовых суда при неустанной гребле сравнялись ходом с военными кораблями’.

В остальных случаях, когда слово *cursus* встречается в ситуациях, связанных с морем, оно имеет значение ‘курс’, то есть маршрут следования судна:

equites cursum tenere atque insulam capere non potuerant (Caes. b. G. IV 26, 5); *tanta tempestas subito coorta est ut nulla [nauis] earum cursum tenere posse*t (Caes. b. G. IV 28, 1) ‘начался такой шторм, что ни одно судно не могла держаться курса’; *in hoc medio cursu est insula quae appellatur Mona* (Caes. b. G. V 13, 3); ‘на середине маршрута находится остров, называемый Мона’[12].

traiectus ‘переправа’

Это слово встречается у Цезаря в описании экспедиций в Британию (Caes. b. G. IV 21, 4; V 2, 3) и, по всей вероятности, относится к специальной морской лексике (ср.: Liu. I 3, 8; IV 34, 7; XXI 27, 6; Tac. ann. XV 34, 6).

nauigatio ‘мореплавание, судоходство’

Слово *nauigatio* относится к системе мореходной терминологии и употребляется разными авторами (Liu. XXVI 26, 3; XXX 10, 9 et al.; Cic. n. d. II 85, 6; Cato 71). В *bellum Gallicum* Цезаря оно встречается 6 раз (Caes. b. G. III 9, 4; III 9, 7 et al.).

4. Обозначения членов экипажа

Из специальных слов, обозначающих членов экипажа судна, в *bellum Gallicum* используются *nauta* ‘моряк’ (Caes. b. G. III 9, 1; V 10, 2), *gubernator* ‘кормчий’ (Caes. b. G. III 9, 1; V 10, 2), *remex* ‘гребец’ (Caes. b. G. III 9, 1).

Все перечисленные слова являются терминами в пределах своего терминологического поля: они обозначают определенное понятие в области морского дела, они являются элементами единой системы мореходных понятий, имеют четкую дефиницию и стилистически нейтральны.

[12] Также: Caes. b. c. III 28, 1; III 112, 3; II 3, 3; III 25, 3; III 47, 4.

С другой стороны, эти слова общеизвестны. Так, термины ‘весло’, ‘корма’, ‘рей’, ‘таран’, ‘снасти’, ‘курс’ в целом ясны большинству людей в отличие от таких терминов, как ‘банка’, ‘румпель’, ‘вулинг’, ‘шкот’, ‘гик’ и пр., которые понятны только специалистам. Таким образом, основной принцип Цезаря состоит в том, чтобы употреблять правильные и точные, но понятные всем слова. Вместо терминов, которые могут быть непонятны, Цезарь использует описательные выражения или общеупотребительные слова.

Так, например, в обоих произведениях не встречается слово *rudens* ‘конец’[13]. Вместо него Цезарь использует более общее funis ‘канат’, которое само по себе не является специальным морским термином.

При этом слово *funis* не встречается у Цезаря в узкоспециальном значении ‘швартов’ (причальный канат). Это терминологическое употребление засвидетельствовано, например, в Дигестах: *praecidere funes* ‘отдать швартовы’ (Ulp. dig. IX 2, 29, 3); *praecisis funibus* (ibidem), а также (в качестве термина) у Вергилия: *incidere funis* (Verg. Aen. IV 575).

Не встречается у Цезаря и термин *pes* ‘шкот’, обозначающий снасть бегучего такелажа, которая предназначена для растягивания нижних углов прямого паруса (ср.: Cic. Att. XVI 6, 1; Seru. Aen. V 830).

В качестве обозначения судна для перевозки лошадей Цезарь не использует термин *hippago*[14], предпочитая описательное выражение:

huc accedebant xviii onerariae naues, quae ex eo loco a milibus passuum octo uento tenebantur, quominus in eundem portum uenire possent; has equitibus tribuit (Caes. b. G. IV 22, 4); *his rebus pace confirmata post diem quartum, quam est in Britanniam uentum, naues XVIII de quibus supra demonstratum est, quae equites*

[13] Ср.: *rudentes – restes nauticae* (Fest. p. 265) ‘*rudentes* – корабельные тросы’; *inmitte rudentes, pande uela* (Plin. ep. VIII 4, 5) ‘растрави снасти, подними паруса’.

[14] Термин hippago засвидетельствован у Авла Геллия, Феста и в надписях (Gell. X 25, 5; Fest. p. 101; CIL VIII 27790, 5 = Dess. 9456, 9 (Альтибурская мозаика)), а также у Ливия: *forte postero die, quam Subota classis tenuit, quinque et triginta naues, quas hippagogus uocant, ab Elaea profectae cum equitibus Gallis equisque Phanas promunturium Chiorum petebant, unde transmittere in Macedoniam possent. Attalo ab Eumene mittebantur* (Liu. XL 28, 7).

sustulerant, ex superiore portu leni uento soluerunt (Caes. b. G. IV 28, 1)[15].

Вместо специального слова *epibata*[16] Цезарь использует слово *classiarii* ‘морская пехота’: *tectis instructisque scaphis elicuit naues Laelianas atque ex his longius productam unam quinqueremem et minores duas in angustiis portus cepit, itemque per equites dispositos aqua prohibere classiarios instituit* (Caes. b. c. III 100, 2; а также b. Alex. XII 1, XX 1, XXI 4).

Равным образом для обозначения долговременной стоянки кораблей на суше Цезарь предпочитает менее терминологизированное выражение *castra naualia* ‘стоянка флота’ вместо более специального *castra nautica* (Horsfall 2006: ad Verg. Aen. III 519)[17]:

his imperat, uti coactis omnibus copiis castra naualia de improuiso adoriantur atque oppugnent (Caes. b. G. V 22, 1).

Мы приходим к выводу, что из арсенала мореходной терминологии Цезарь старается употреблять те слова, которые известны большинству читателей. Узкоспециальные слова (*antemna*, *transtra*, *puppis*, *prora*, *rostrum*) Цезарь использует только по одному или по два раза в ситуациях, когда без них обойтись было нельзя. Это вполне соответствует стилистическим взглядам Цезаря и его общему подходу к отбору лексики, в котором, как известно, Цезарь был предельно строг.

Вторую группу морских терминов в *bellum Gallicum* образуют глаголы и устойчивые выражения, содержащие глаголы. При анализе глагольных сочетаний возникают затруднения. Так, для современного носителя русского языка очевидно, что из двух выражений, обозначающих одно и то же действие, ‘травить снасти’ – это термин, а ‘разматывать канаты’ – не термин (аналогично: ‘отдать якорь’ и ‘бросить якорь’; ‘взять рифы’ и ‘свернуть парус’ и пр.). Но для древнего языка нахождение таких параллелей и выявление собственно терминологического

[15] Возможно, не слишком удачный пример. Мы не знаем, были ли в конструкции гиппагога какие-то принципиальные отличия от конструкции грузового судна.

[16] Слово *epibata*, по-видимому, являющееся специальным, засвидетельствовано в произведениях продолжателей Цезаря (b. Afr. XX 1, LXII 1, LXIII 3; b. Alex. XI, 4), а также в надписях (CIL III 14567= Dess. 9225 (epibeta)) и у Витрувия (II 8, 14). Изначально в греческом языке словом ἐπιβάτης обозначали гоплитов на судне (Thuc. III 95; Herod. VI 12; VII 100; Polib. I 51, 2).

[17] Castra nautica: Seru. Aen. III 519; Sallust. hist. frg. 1, 124, Nep. Alc. 8, 5; castra naualia: Hann. 11, 6; Liu. XXIX 35, 14; XXX 9, 6.

выражения не всегда возможно из-за недостатка свидетельств. Ниже мы перечислим те глаголы и устойчивые сочетания из встречающихся в произведении Цезаря, которые можно с большой долей вероятности относить к морской терминологии.

armare 'оснащать корабль'

Глагол *armare*, аналог греческого глагола ὁπλίζω (Ernout-Meillet 1967: s. u. *arma*), встречается в терминологическом значении у Тита Ливия[18], Витрувия[19] и Плиния[20]. Цицерон употребляет этот глагол при сравнении государства с судном, которое собираются атаковать хорошо оснащенные корабли противника: *cum ... in hanc rei publicae nauem ... armatae tot classes ... incursare uiderentur* (Cic. Sest. 46)[21]. Можно предположить, что глагол *armare* в мореходном контексте обозначает конкретное действие: 'приготовить судно к отплытию', то есть полностью оснастить, возможно, сделать новый набор весел и подготовить команду[22]. Именно в этом терминологическом значении употребляет глагол *armare* Цезарь:

naues ad hunc modum factae armataeque erant (Caes. b. G. III 13, 1); *ad armandas naues* (Caes. b. G. V 1, 4); *reliquas armandas ... utuntur* (Caes. b. c. I 36, 2); *quibus* [*nauibus*] *effectis armatisque* (Caes. b. c. I 36, 5).

complere 'набрать (экипаж судна)'

По-видимому, это выражение следует считать термином, потому что именно глагол complere употребляется разными авторами, когда речь идет о наборе команды судов. Мы находим сочетание complere naues у Цицерона, Ливия, Тацита и (как тер-

[18] *instructamque et armatam ... classem ... habebat* (Liu. XXVI 39, 7); *naues instructae armataeque* (Liu. XXVIII 45, 21); *agili et nautico instrumento aptae et armatae classi* (Liu. XXX 10, 3); *ueteres naues ut armaret* (Liu. XXXVI 2, 15); *lembum armatum* (Liu. XL 4, 11).

[19] *armata classe* (Vitr. II 8,14).

[20] *armatae classes inponunt sibi turrium propugnacula* (Plin. n. h. XXXII 3).

[21] Ср.: *myoparonem ... ornatum atque armatum* (Cic. Verr. II 1, 86); *nauem ... armatam atque ornatam* (Cic. Verr. II 5, 50).

[22] Примечательно, что именно в терминологическом значении этот глагол употребляет Вергилий в «Георгиках» (*armatas deducere classes* (Verg. geo. I 255)) и в «Энеиде» (*fama ... detulit armari classem* (Verg. Aen. IV 298–299) 'молва донесла, что [троянцы] снаряжают флот'; *quae manus ... armetque rates* (Verg. Aen. X 164–165) 'чья рука ... оснащает суда').

мин) у Вергилия[23]. В *bellum Gallicum* данное сочетание встречается один раз, возможно, как специальный термин: item *speculatoria nauigia militibus compleri iussit* (Caes. b. G. IV 26, 4)[24].

ancoram iacere ‘отдать якорь’

Наиболее частотным выражением для обозначения отдачи якоря является ancoram iacere, которое регулярно встречается у Ливия (Liu. XXV 11, 19; XXXVI 45, 7; ср. также: Verg. Aen. III 277; VI 901). Это выражение находим и у Цезаря: *ancora de prora iacitur* (Caes. b. G. IV 28, 3) ‘якорь отдан со стороны носа’, что вполне соответствует мореходной практике, когда на судне имелось два якоря (Casson 1959: 98; 1995: 251), один из которых располагался как раз на носовой части судна[25].

soluere ‘отчаливать’

Глагол *soluere* (греч. ναῦν λύειν) употребляют в специальном значении многие авторы (напр.: Cic. off. III 12, 50; fam. XVI 9, 2; Mur. 4; Liu. XXIX 25, 13; XXIX 5, 1; XXXI 14, 3). У Цезаря он встречается в сочетаниях *ex portu soluere* (Caes b. G. IV 28, 2) и *naues soluere* (Caes. b. G. IV 36, 3; V 8, 2), а также в абсолютном употреблении (Caes. b. G. IV 23, 1; V 23, 6).

deducere ‘спускать на воду’

Вытащенное на берег судно перед отплытием необходимо было спустить на воду (Casson 1995: 89sqq.; Lersch 1843: 128). Для обозначения спуска на воду использовался глагол deducere, который с полным основанием можно считать морским термином. В этом значении он засвидетельствован, например, у Ливия (Liu. XXX 4, 10; XXXVII 11, 4) и (как специальный термин) Вергилия (Verg. Aen. III 71; IV 397–398).

В *bellum Gallicum* глагол *deducere* в терминологическом значении ‘спускать (корабль) на воду’ встречается дважды: *naues et longas duodetriginta inuenit instructas neque multum abesse ab eo, quin paucis diebus deduci possint* (Caes. b. G. V 2, 3); *exercitum reducit ad mare, naues inuenit refectas. his deductis...* (Caes. V 23, 2).

---

[23] Cic. Sest. 46; Liu. XXVI 39, 7; XXVIII 45, 21; XXX 10, 3; XXXVI 2, 15; XL 4, 11; Tac. ann. XII 56; Verg. geo. I 255; Verg. Aen. IV 299; X 165.

[24] Ср.: naues actuarias seruis, libertis, colonis suis compleuerat (Caes. b. c. I 34, 2) «набрал команду из своих рабов, вольноотпущенников и колонов»; naues … colonis complet (Caes. b. c. I 56, 3).

[25] Возможно, специальным является выражение *sublatis ancoris* (Caes. b. G. IV 23, 6), ср.: Liu. XXII 19, 6.

subducere ‘вытаскивать судно на сушу’

Если предполагалась длительная стоянка, суда вытаскивались с помощью катков на берег или ставились в сухие доки (Jal 1843: 26), и такое действие обозначалось глаголом *subducere*. Терминологическое значение настоящего глагола подтверждается регулярным его употреблением в указанном значении Ливием (Liu. XXXVII 11, 4; XXIX 35, 14; XLII 27, 1; VIII 14,12) и другими авторами, например, Вергилием (Verg. Aen. I 551; I 573).

У Цезаря этот глагол в морских эпизодах встречается три раза: *longas naues ... quasque in aridum subduxerat, aestus complebat* (Caes. b. G. IV 29, 2); statuit omnes naues subduci (Caes. b. G. V 11, 5); *subductis nauibus* (Caes. b. G. V 11, 7; V 24, 1). Примечательно, что в первом случае находим уточняющее термин выражение *in aridum* ‘на сушу’.

Один раз Цезарь использует существительное *subductio* ‘вытаскивание кораблей на берег’: *ad celeritatem onerandi subductionisque paulo facit humiliores, quam quibus in nostro mari uti consueuimus* (Caes. b. G. V 1, 2).

appelli ‘приставать к берегу’

По-видимому, термином следует считать глагол *appelli* (Saint-Denis. 1935. 28), который регулярно употребляется в значении ‘приставать’ (напр., Liu. XXIX 31, 11; Cic. Verr. V 64, 1). В *bellum Gallicum* он засвидетельствован дважды: *quo fere omnes ex Gallia naues appelluntur* (Caes. b. G. V 13, 1); *eum locum petit, quo naues appelli iusserat* (Caes. b. G. VII 60, 4)

attingere ‘причалить’

В этом значении глагол *attingere* у Цезаря встречается два раза: *primis nauibus Britanniam attigit* (Caes. b. G. IV 23, 2) и *terram attigit* (Caes. b. G. V 23, 6). Как специальное слово в этом же значении глагол засвидетельствован и у других авторов. Наиболее показательны следующие примеры:

omnia ista ante facta sunt non modo quam ego Siciliam, uerum etiam quam iste Italiam attigit (Cic. Verr. II 161, 4); *classe ab Epheso profectus cum primum Cretae litus attigit* (Liu. XXXVI 60, 4).

К терминологизированным морским выражениям относятся следующие глаголы *nauigare* ‘идти на корабле’ (Caes. b. G. IV 31, 3), *transportare* ‘перевозить (на корабле)’ (Caes. b. G. IV 22, 3), *remigare* ‘грести’ (Caes. b. G. V 8, 4), а также выражения *naui egredi* ‘сойти с корабля’ (Caes. b. G. IV 21, 9; 23, 4; 24, 2; 26, 2;

27, 3; V 8, 3), *naues conscendere* ‘подняться на корабль’ (Caes. b. G. IV 23, 2), *naues afflictae* ‘разбитые корабли’ (Caes. b. G. IV 29, 2; IV 31, 2; V 10, 2), *nauem deferre* ‘уносить корабль’ (Caes. b. G. V 8, 2; IV 36, 4) и *(in) portum uenire* ‘войти в порт’ (Caes. b. G. IV 22, 4)[26].

В то же время многие устойчивые выражения, которые мы находим у Цезаря в описаниях морских эпизодов, относятся к сфере общеупотребительной лексики. Среди них можно назвать следующие.

Глагол *stare* ‘стоять’ не является техническим термином, а представляет собой общеупотребительное слово, часто употребляющееся в мореходном контексте (Horsfall 2006: ad Aen. III 403). У Цезаря он встречается в *bellum ciuile*: [*onerariae naues*] … *quae stabant ad Uticam* (Caes. b. c. II 25, 6) ‘[грузовые суда] …, которые стояли под Утикой’[27].

Не является термином также и выражение *abscidere funes* ‘перерубать канаты’, которое Цезарь употребляет в морском контексте в описании сражения с кораблями венетов (Caes. b. G. III 14, 7)[28]. Сен-Дени без оговорок включает этот глагол в свой словарь (Saint-Denis 1935: 21), однако мы не видим достаточных оснований считать этот глагол термином, потому что он встречается совершенно в таком же значении (‘перерезать (перерубать) тросы (ремни, канаты), когда речь не идёт о морском деле[29].

Важно отметить, что Цезарь регулярно применяет к существительным, обозначающим морские реалии, те же самые гла-

---

[26] Возможно, к сфере специальной военной лексики принадлежит глагол *capere* ‘достигнуть места назначения’, засвидетельствованный в этом значении у Цезаря дважды: *sed ex iis onerariae duae eosdem portus quos reliquae capere non potuerunt et paulo infra delatae sunt* (Caes. b. G. IV 36, 4); *potuerunt, quod equites cursum tenere atque insulam capere non potuerant* (Caes. b. G. IV 26, 5); *partem insulae capere* (Caes. b. G. V 8, 3).

[27] Ср. также эпизод из «Африканской войны», неизвестный автор которой, без сомнения, подражал Цезарю: *nauis onerarias, quae longius a portu in salo stabant* (b. Afr. 62, 5) ‘грузовые суда, которые стояли на якоре в открытом море далеко от гавани’.

[28] *his cum funes qui antemnas ad malos destinabant comprehensi adductique erant, nauigio remis incitato praerumpebantur. Quibus abscisis antemnae necessario concidebant* (Caes. b. G. III 14, 7). Ср.: αποκόπτειν τὰ σχοινία (Vulg. Act. 27:32).

[29] Напр., Tac. hist. II 88, III 23.

голы, которые он использует по отношению к словам, имеющим отношение к морскому делу.

Так, глагол *imponere* ‘размещать’ находим применительно к всадникам, которых помещают на лошадей, к женщинам, которых размещают при обозе и к солдатам, которых сажают на корабли: commodissimum esse statuit omnibus equis Gallis equitibus detractis *eo legionarios milites* legionis decimae ... *imponere* (Caes. b. G. I 42, 5); *eo mulieres imposuerunt* (Caes. b. G. 51, 3); deprehensis nauibus circiter quinquaginta celeriterque coniunctis atque *eo militibus impositis* (Caes. b. G. VII 58, 4)[30].

Аналогичные примеры можно привести для глаголов движения.

Глагол *conuenire* ‘собираться’ используется для обозначения собирания в одно место подразделений всех родов войск, а также частных лиц. При этом наиболее употребительна конструкция acc. cum inf. при глаголе iubeo:

eodem *equitatus* totius Galliae *conuenit* ... principesque ex omnibus ciuitatibus (Caes. b. G. V 5, 3); omnem *senatum* ad se *conuenire ... iussit* (Caes. b. G. II 5, 1); *nauibus, quas* ex Pictonibus ... *conuenire iusserat* (Caes. b. G. III 11, 5); huc *naues* undique ... et ... *classem, iubet conuenire* (Caes. b. G. IV 21, 5); ciuitatibus *milites* imperat certumque in locum *conuenire iubet* (Caes. b. G. V 1, 7); *iubet* in oppida *multitudinem conuenire* (Caes. VI 4, 1); dum *milites* quos imperauerat *conuenirent* (Caes. b. G. I 7, 6).

Глаголы *cogere* ‘собирать’ и *contrahere* ‘стягивать’ мы также обнаруживаем как применительно сухопутным силам, так и к кораблям.

В частности, *cogere* (особенно в составе оборота abl. abs.) находим в следующих сочетаниях: *cogere manus* (Caes. b. G. II 2, 4; VI 4, 3; VII 59, 2); *cogere copias* (Caes. b. G. II 5, 4; III 20, 3; V 22, 1; V 40, 3); *cogere legiones* (Caes. b. G. VI 3, 1); *cogere equitatum* (I 15, 1; IV 34, 6; VI 43, 1) и *cogere naues* (Caes. b. G. IV 22, 3).

Глагол *contrahere* встречается в соединениях *contrahere exercitum* (Caes. b. G. I 34, 3; VII 43, 6); *contrahere cohortes* (Caes. b. c. I 15, 5) и *contrahere naues* (Caes. b. G. IV 22, 3).

Нельзя не отметить, что и существительное *concursus* ‘собрание, стечение’ применяется одинаково к пехотинцам и

[30] По-видимому, не является техническим обозначением высадки с корабля выражение ex nauibus exponere (Caes. b. G. IV 37, 1).

кораблям: *concursus militum* (Caes. b. G. I 8, 4; V 40, 7; VII 28, 6) и *concursus nauium* (Caes. b. G. V 10, 3; Caes. b. c. II 22, 4).

Также глаголы *progredi* 'выступать', *procedere* 'продвигаться', *accedere* 'подходить' Цезарь использует по отношению и к пешим силам, и к коннице, и к кораблям:

equites accedunt (Caes. b. G. I 46, 1); *equitatus ad castra accedit* (Caes. b. G. V 50, 4; VII 83, 8); *hostes accedere auderent* (Caes. b. G. III 17, 6; V 34, 3; V 51, 1; VII 81, 2) и (*nauibus*) *accedere* (Caes. b. G. V 8, 5);

(*milites*) *procedunt* (Caes. b. G. I 38, 1; II 20, 1; V 44, 4; VI 35, 7; VII 16, 3) и *naues procedunt* (Caes. b. G. VII 61, 5; Caes. b. c. I 56, 4);

(*milites*) *progrediuntur* (Caes. b. G. II 10, 4; V 47, 1; V 56, 1; VI 35, 4), *equites progrediuntur* (Caes. b. G. IV 23, 1) и *naues progredi iubet* (Caes. b. G. VII 60, 1).

Глагол *conuertere* 'поворачивать' также не является специальным термином морского дела:

itinere conuerso (Caes. b. G. I 23, 3) *omnem eam materiam quae erat caesa conuersam ad hostem conlocabat* (Caes. b. G. III 29, 1); *iter in prouinciam conuerteret* (Caes. b. G. VII 56, 2); *simul signa ad hostem conuerti aciemque dirigi iubet* (Caes. b. G. VI 8, 5) и *conuersis in eam partem nauibus quo uentus ferebat* (Caes. b. g. III 15, 3).

Построение кораблей Цезарь обозначает тем же глаголом *constituere* 'поставить', что и построение пехоты и устройство укреплений:

legionem Caesar, quam equis deuexerat, passibus ducentis ab eo tumulo constituit (Caes. b. G. I 43, 2); *alarios omnes in conspectu hostium pro castris minoribus constituit* (Caes. b. G. I 51, 1); *Germani suas copias castris eduxerunt generatimque constituerunt* (Caes. b. G. I 51, 2); *ad extremas fossas castella constituit ibique* (Caes. b. G. II 8, 4); *sex legiones pro castris in acie constituit* (Caes. b. G. II 8, 5) и *naues constituere* (IV 23, 6; IV 24, 2), *naues longas ... constitui ... iussit* (Caes. b. G. IV 25, 1).

Остановка в определенной позиции для пехоты, конницы и морских сил одинаково обозначается глаголом *consistere* 'стать':

item equites Ariouisti pari interuallo constiterunt (Caes. b. G. I 43, 2); *permoti barbari constiterunt* (Caes. b. G. IV 25, 2); *eius aduentu hostes constiterunt* (Caes. b. G. IV 34, 1) и *circiter* CCXX *naues eorum ... nostris aduersae constiterunt* (Caes. b. G. III 14, 3).

Общеупотребительным является также и прилагательное *instructus* ‘снабженный’, которое использует Цезарь по отношению к кораблям:

(*naues*) *paratas ad nauigandum atque omnibus rebus instructas inuenit* (Caes. b. G. V 5, 3); (*nauibus*) *parum clauis aut materia atque armamentis instructis ad reliquas armandas reficiendasque utuntur* (Caes. b. c. I 36, 2); *sic omnibus rebus instructa classe magna fiducia ad nostras nauis procedunt* (Caes. b. c. I 56, 4)[31].

Действия по постройке и подготовке кораблей обозначены также теми же глаголами, которые Цезарь употребляет применительно к заготовке провианта и других средств – глаголом: *parare* ‘заготовлять, готовить’, *comparare* ‘приготовлять’ и *instituere* ‘устраивать, строить’:

quaeque ad oppugnandum usui erant comparare coepit (Caes. b. G. II 12, 4); *copias parare coeperunt* (Caes. b. G. III 23, 3) и *nauium parandarum causa* (Caes. b. G. IV 22, 1);

omnibus rebus ad profectionem comparatis (Caes. b. G. I 6, 4); *re frumentaria ... comparata* (Caes. b. G. I 37, 5; IV 7, 1) и nautas *gubernatoresque comparare iubet* (Caes. b. G. III 9, 2);

pons institui coeptus est (Caes. b. G. IV 18, 4); *institutas turres, testudines munitionesque hostium admiratur* (Caes. b. G. V 52, 2) и *iis legionibus, quae sint apud eum, naues instituat* (Caes. b. G. V 11, 5).

Равным образом глаголы, обозначающие боевое столкновение употребляются независимо от того, сталкиваются в бою конница, пехота или корабли.

Так, глагол *confligere* ‘сталкиваться’ Цезарь употребляет в сочетаниях: *cum tanta multitudine ... confligendum sit* (Caes. b. G. II 5, 2); *magno cum periculo nostrorum equitum cum his confligebat* (Caes. b. G. V 19, 2); *fore uti pars cum parte ciuitatis confligat* (Caes. b. G. VII 32, 5); *suas naues ex portu educunt, cum Massiliensibus confligunt* (Caes. b. c. I 57, 3); *illae (naues) adeo grauiter inter se incitatae conflixerunt* (Caes. b. c. II 6, 5).

Аналогично используется и глагол *congredi* ‘сходиться в бою’ по отношению к пехоте (Caes. b. G. I 36, 3; I 40, 7; II 23, 3; VII 65, 2) и к кораблям (Caes. b. G. III 13, 6).

---

[31] *Ср.: iuuenem egregium, instructum naturae fortunaeque omnibus bonis* (Liu. III 12, 6); *nec Romanis satis instructis apparatu bellico* (Liu. VI 32, 11); *omnibus curat rebus instructum et paratum ut sit conuiuium* (Cic. Verr. IV 62, 11); *Mithridati copias omnibus rebus ornatas atque instructas* (Cic. Manil. 20).

Примечательно, что для обозначения разгона корабля Цезарь использует исключительно глагол *incitare* ‘разгонять’, который применяет также и по отношению к ускорению пехотинцев и всадников, в то время как собственно термином, обозначающим разгон судна, является, по-видимому, глагол *concitare (classem, nauem, nauigium, ratem)*, засвидетельствованный у других авторов (Cic. de or. I 153; Liu. XXX 25, 8; Val. Max. III 2, 10; Curt. IV 3, 2; IV 4, 7; Front. str. I 5, 6). Сен-Дени считает эти выражения техническими терминами, которые обозначают плавание с большей скоростью. Так, например, скорость набирали перед началом боя (Saint-Denis 1935: 36).

Цезарь предпочитает *incitare*[32], который находим, напр.: *incitare equos* (Caes. b. G. IV 24, 4; IV 26, 3; IV 12, 6; IV 33, 3); *cursu incitato* (Caes. b. G. II 26, 3).

Для обозначения назначения начальства для кораблей Цезарь использует те же глаголы, которые служат наименованием назначения начальства над другими объектами: *praeficere* ‘ставить во главе’ (Caes. b. G. V 9, 2), *attribuere* ‘поручать’ (Caes. b. G. VII 60, 1).

Обращает на себя внимание также и устойчивое выражение, обозначающее возвращение личного состава в лагерь в целости и без потерь: *incolumem exercitum reducere* (Caes. b. G. VII 59, 5; V 22, 2; VI 40, 4; VII 12, 6). Это весьма старая фразеология (Adams 2005). Мы можем проследить ее наличие в языке начиная с Плавта. Именно это выражение использует Цезарь для описания благополучного возвращения кораблей:

noctem naues soluit. quae omnes incolumes ad continentem peruenerunt (Caes. b. G. IV 36, 4); *prima luce terram attigit omnesque incolumes naues perduxit* (Caes. b. G. V 23, 6).

Для описания строительства и ремонта кораблей тоже используются общеупотребительные глаголы: *naues aedificare, naues facere, naues reficere* (Caes. b. G. III 9, 1; III 13, 1; IV 29, 4).

Итак, мы видим, что для обозначения одного и того же действия Цезарь предпочитает употреблять один глагол независимо от сферы, в которой это действие применяется.

Поэтому можно сделать вывод, что отсутствие специальной мореходной терминологии объясняется не тем, что Цезарь пло-

[32] *naues grauiter inter se incitatae conflixerunt* (Caes. b. c. II 6, 5); *naues longas ... remis incitari ... iussit* (Caes. b. G. IV 25, 1); *incitare lintres* (Caes. b. G. VII 60, 4); *nauigio remis incitato* (Caes. b. G. III 14, 7) (или *se incitare* b.c. II 6, 4; III 24, 3).

хо знаком с морским делом, а тем, что в отношении морских слов он последовательно соблюдает свой основной стилистический принцип понятности и ясности слога и строгого отбора лексики. Все морские эпизоды в *bellum Gallicum* вписаны в общий стилистический замысел произведения и подчинены единой системе теоретических взглядов автора на язык и стиль.

Отметим, что это же наблюдается и в отношении военной терминологии, из которой Цезарь выбирает старые обороты, по всей видимости, общеизвестные и вошедшие в обиходный язык (Adams 2005; Антонец 2014).

В свете вышеизложенного становится понятно, что следует с осторожностью относиться к тексту Цезаря как к своего рода тесту, по которому можно определить принадлежность слова к мореходной терминологии. Как мы видели, Цезарь употребляет многие выражения именно для того, чтобы избежать термина, который может быть непонятным читателю[33].

Литература

Antonets, E.V. 2014: Tsezar' i rimskaya voennaya terminologiya [Caesar and Roman military terminology]. In: S.Yu. Saprykin (ed.). *Lanterna nostra. K yubileyu professora I. L. Mayak: sbornik statey.* [*Lanterna nostra. On the occasion of the anniversary of Prof. I. L. Mayak: collected articles*]. St. Petersburg, 290–297.

Антонец, Е.В. 2014: Цезарь и римская военная терминология. В сб.: Сапрыкин, С.Ю (отв. ред.). *Lanterna nostra. К юбилею профессора Ии Леонидовны Маяк: сборник статей.* СПб., 290–297.

Durov, V.S. 2013: *Yuliy Tsezar'. Chelovek i pisatel'* [*Julius Caesar. A person and a writer*]. St. Petersburg

Дуров, В.С. 2013: *Юлий Цезарь. Человек и писатель.* СПб.,

LES 1990: Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Encyclopaedia of Linguistics]. Moscow.

ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М.

Adams, J.N. 2005: The Bellum Africum. *Proceedings of the British Academy* 129, 73–96.

Adcock, F.E. 1956: *Caesar as Man of Letters*. Cambridge.

Bömer, F. 1953: Der Commentarius. Zur Vorgeschichte und literarischen Form der Schriften Caesars. *Hermes* 81, 210–250.

Casson, L. 1959: *The Ancient Mariners: Seafarers and Sea Fighters of the Mediterranean in Ancient Times*. 1959 (1964, 1967, 1991, 2003).

[33] Например, требуется специальное исследование для выяснения того, является ли морским термином слово *statumen* – засвидетельствованное только у Цезаря слово, обозначающее шпангоут или флор, аналог греческого σταμίν: *carinae ac prima statumina ex leui materia fiebant; reliquum corpus nauium uiminibus contextum coriis integebatur* (Caes. b. c. I 54, 2).

Casson L. 1964: *Illustrated History of Ships and Boats.*
Casson L. 1974: *Travel in the Ancient World.* London Allen and Unwin.
Casson L. 1994: *Ships and seafaring in ancient times.* University of Texas Press.
Casson, L. 1995: *Ships and seamanship in the ancient world.* Baltimore; London.
Ernout-Meillet 1967: Ernout A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine, histoire des mots.* Par A. Ernout... et A. Meillet... 4e édition. Paris.
Hering, W. 1987: C. *Iulii Caesaris commentarii rerum gestarum.* Edidit Wolfgang Hering. Vol. I. *Bellum Gallicum.* Leipzig. (1992[2]).
Horsfall, N. 2006: *Virgil. Aeneid 3.* Leiden; Boston.
Jal, A. 1840: *Archéologie navale.* Vol. I. Paris.
Jal, A. 1848: *Glossaire nautique, répertoire polyglotte de termes de marine anciens et modernes.* Paris.
Lersch, L. 1843: *Antiquitates Vergilianae.* Bonn.
Odelman, E. 1972 : Études sur quelques reflets du style administratif chez César. *Akademisk avhandling för avläggande av filosofie doktorsexamen vid Stockholms universitets humanistiska fakultet att offentligen försvaras den 29 september.*
OLD 1968–1982: Glare, P.G.W. (ed.). *Oxford Latin Dictionary.* Oxford.
Peaks, M.B. 1922: Virgil's seamanship. *The Classical Weekly* 15, 201–209.
Saint-Dénis, E. de. 1935: *Le vocabulaire des manoeuvres nautiques en latin.* Paris, 1935.
Walde, A. 1938–1956: *Lateinisches etymologisches Wörterbuch.* 3., neubearbeitete. Aufl. / Von J. B. Hofmann. Bd. 1–3. Heidelberg.

E. V. Antonets, O. S. Pavlova. Latin nautical terms in Caesar's *Bellum Gallicum*

The present paper deals with the study of Latin nautical terms in Caesar's *Bellum Gallicum*. E. de Saint-Denis (1935) argued that little presence of nautical terms in Caesar's works can be regarded as a sign of Caesar's poor knowledge of seamanship and navigation. The authors of the present paper attempt to show that concerning nautical word and concepts Caesar uses the same strategy as in the rest of his work. Caesar is striving for unification of expression and vocabulary (*analogia*). He uses technical nautical terms only when such a use is absolutely indispensable. He chooses only such nautical terms which are familiar to general public. In describing objects and actions connected with seamanship and navigation Caesar uses the same phraseology which he uses concerning movements of infantry, cavalry, etc. Therefore Caesar's usage can not be taken as an unqualified criterium of belonging of a word to nautical terminology.

Keywords: Caesar, style, *bellum Gallicum*, Latin nautical terms.

Д. Е. Афиногенов

ЮСТИНИАНОВО ГОНЕНИЕ НА МУЖЕЛОЖЦЕВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ РАССКАЗА В ВИЗАНТИЙСКИХ ХРОНИКАХ

Известные репрессии императора Юстиниана против лиц, уличенных в мужеложстве, передаются византийскими хрониками в двух версиях. Одна сообщает о двух епископах, которые понесли наказание, но не были казнены, и обобщенно говорит о многих, кто подпал под действие Юстинианова законодательства о содомитах, претерпел усечение детородного органа и в результате умер. Другая рисует широкомасштабные преследования, коснувшиеся высших слоев византийского общества, включая епископов. По-видимому, вторая версия есть нравоучительная переработка первой. Сообщение Феофана, следующего Малале, показывает, что он здесь, как и в других случаях, имел доступ к более полной редакции хроники последнего. Георгий Кедрин соединяет обе версии, тогда как Зонара дополняет первую фольклорным анекдотом.

Ключевые слова. Византийские хроники, текстология, нарративные техники, Юстиниан, гомосексуализм.

Под 6021 г. от сотворения мира и вторым царствования Юстиниана (т. е. 528 от Р.Х. по современному летосчислению) византийский хронист Феофан Исповедник, закончивший свой труд в 813 г., помещает следующее сообщение:

> В этом году Исайя, епископ Родосский, и Александр, епископ Диосполя Фракийского, были низложены как оказавшиеся педерастами и понесли жестокое наказание от императора: им отсекли детородный член (καυλοτομηθέντες[1]) и провели по улицам, причем глашатай выкрикивал: «Будучи епископами, не оскорбляйте честно́е облачение». И император издал строгие законы против развратников, и многие были наказаны. И наступил великий страх и осторожность (ἀσφάλεια)[2].

Казалось бы, источником здесь послужил Иоанн Малала, писавший в 560-х годах[3]. Его рассказ более подробен, однако

---

[1] Здесь и далее я даю точный перевод этого термина вместо «оскоплять», «кастрировать» или даже «увечить» (ср. Lampe 1961, s.v. καυλοτομέω: mutilate).

[2] Theophanes 1883, 177, 11–17.

[3] Ioannes Malalas 2000, 364, 42–365, 53 (XVIII, 18).

содержит значительные отличия. Во-первых, в мужеложстве, согласно Малале, были обвинены «некоторые из епископов различных епархий, ...среди которых Исайя... и Александр». Во-вторых, Исайю после жестоких пыток сослали, а член отрезали только Александру, которого и носили по улицам на носилках (εἰς κραβαταρίαν). Но самое главное, Малала ничего не говорит о глашатае. Если первые две особенности можно объяснить упрощением истории у Феофана, то третья может быть либо добавлением самого хрониста, либо указанием на то, что его источник был подробнее, чем сохранившийся текст Малалы. Последнее представляется более вероятным, так как в заметке Феофана заметны следы именно сокращения (она примерно вдвое меньше, чем соответствующее сообщение Малалы).

Между тем, в византийской историографии имеется параллельная традиция, повествующая о тех же событиях. Вот что говорит о них Георгий Монах (846/847 г.):

> Когда некоторые были обвинены в мужеложстве, (император) провозгласил указ, чтобы из уличаемых в этом одним отрезать детородный член (καυλοτομεῖσθαι), а другим вставлять в отверстия их половых органов острые тростины и таким образом позорить на рыночной площади. Поэтому многие из знатных и вельмож, и архиереев, изобличенные, понесли такое наказание и, водимые кругом, умерли страшной смертью. И наставший великий страх вразумил остальных, и весьма справедливо, ибо сказано: *Рыдай, кипарис, ибо упал кедр* (Зах. 11:2), то есть когда сильные и великие падают, пусть это будет уроком для слабейших.

Можно было бы счесть это «авторской» интерпретацией все того же Малалы со стороны Георгия, если бы не соответствие в хронике Симеона Магистра (сер. X в.). Текст ясно указывает на то, что Симеон не копировал Георгия, а пользовался неким общим источником независимо от него (учеными давно установлено, что эти два писателя компилировали целый ряд одних и тех же источников независимо друг от друга)[4].

> Он (император – Д. А.), узнав о мужеложцах, расследовав и обнаружив их, у одних отсек детородный член (ἐκαυλοτόμησεν), а другим приказал вставлять в отверстия их половых органов острые тростины и голыми позорить на рыночной площади. Там были многие должностные лица и синклитики и немало архиереев, которые, подвергшись конфискации имущества, были

[4] См. Symeon Magister 2006, 118*–121*.

> таким образом водимы кругом голыми по рыночной площади и умерли жалкой смертью. И поскольку настал великий страх, остальные вразумились, ибо сказано: *Рыдай, кипарис, ибо упал кедр* (Зах. 11:2)[5].

«Знатные и вельможи» (ἔνδοξοι καὶ μεγιστάνες) Георгия соответствуют «должностные лица и синклитики» (πολιτικοὶ καὶ συγκλητικοί) Симеона, в то время как техника наказания описана в идентичных терминах, с той разницей, что Симеон два раза употребляет слово γυμνοί, которого нет у Георгия.

Совершенно очевидно, что все эти истории имеют общее происхождение. Дело в том, что во всех них присутствует слово καυλοτομέω, которое Thesaurus Linguae Graecae ни в каких иных контекстах не фиксирует. Даже Михаил Глика (XII в.), у которого сообщение о гонениях на гомосексуалистов при Юстиниане сведено к двум с половиной строкам, сохраняет это слово (Michael Glyca 1836, 501, 2–4). Однако одна ветвь традиции сохраняет один набор деталей, а другая – другой. Первая называет имена главных жертв гонений, Исайи Родосского и Александра Диоспольского (при этом Малала уточняет, что Исайя был в прошлом ночным эпархом Константинополя), и делает акцент на церковной стороне дела. Вторая рисует картину широкомасштабных репрессий, которым подверглись люди, занимавшие высокие должности, в том числе и архиереи.

Если говорить о фактической стороне дела, то вторая версия представляется более близкой к внушающему наибольшее доверие сообщению Прокопия в «Тайной истории»[6]. Там говорится о законодательстве Юстиниана против гомосексуалистов и о его избирательном применении по отношению к противникам режима, причем подчеркивается, что наказанию (отсечение половых органов и прилюдное поругание), подверглись люди, уже известные как мужеложцы, а не вновь выявленные. Однако из разбираемых здесь авторов Прокопием пользовался разве что Зонара[7], в то время как наша задача в данной работе – проследить эволюцию определенного нарратива, а не установить историческую истину[8]. В этом смысле можно утверждать, что «Тайная история» на рассматриваемый процесс не повлияла.

---

[5] Ibid., cap. 104, 9 (p. 142, 41–48).

[6] Procopius 1963, vol. III. Historia arcana. 11, 34–37.

[7] На сочинения Прокопия во многом опирался Феофан Исповедник, но только не в данном конкретном месте.

[8] Подборку римских законодательных текстов на эту тему (с библиографией) см. http://legacy.fordham.edu/halsall/pwh/just-novels.asp (про-

С практической точки зрения вызывает некоторое недоумение фраза об острых тростинах (κάλαμοι), которые надлежало вставлять в отверстия половых органов (ἐμβάλλεσθαι εἰς τοὺς πόρους τῶν αἰδοίων). Вместе с тем, если понимать в данном контексте αἰδοῖα не как «половые органы», а как собственно ту часть тела, которая использовалось при совершении содомского греха, то мысль автора этой истории становится более понятной: активные гомосексуалисты подверглись усечению члена, тогда как пассивные понесли кару, соответствующую их роли в инкриминируемом деянии.

В целом, первая версия, согласно которой крайне мучительному, но все же не смертельному наказанию были подвергнуты два конкретных архиерея, названных по имени, причем в качестве инициатора этой меры указан эпарх Города Виктор, представляется изначальной. Другое дело, что сохранившийся текст Малалы и хроника Феофана Исповедника дополняют друг друга, то есть ни в том, ни в другом рассказ не представлен в полном виде. По всей видимости, упоминание о глашатае содержалось в первой, более объемной редакции хроники Малалы, но было утрачено во второй, которая и дошла до нас[9].

Очень интересный синтез двух вариантов традиции можно видеть у Георгия Кедрина (XII в.):

> Во второй год (царствования Юстиниана – Д. А.) Исайя, епископ Родосский, и Александр Диосполя Фракийского, и многие другие были схвачены как мужеложцы, и у одних (император) отсек детородный член (ἐκαυλοκόπησε), а другим приказал вставлять в отверстия их половых органов острые тростины и голыми позорить на рыночной площади. Там были многие горожане (πολιτῶν) и синклитики и немало архиереев, которые, подвергшись усечению и выставленные напоказ голыми на рыночной площади, умерли жалкой смертью. И поскольку настал великий страх, остальные вразумились[10].

Нужно заметить, что «выставленные напоказ» переводит здесь то же самое слово δημευθέντες, которое выше у Симеона передается как «подвергшись конфискации имущества». Из контекста следует, что Кедрин понял свой источник именно

верено 12.05.2016). Заметим, что в Новелле 141, наиболее подходящей к нашим текстам, ни о каких членовредительских наказаниях не упоминается.

[9] О двух редакциях Малалы см. Ioannes Malalas 2000, 3*.

[10] Georgius Cedrenus 1838, vol. I, 645, 17–646, 1.

так, по-видимому, исходя из значения корня δημ-. Упоминание «второго года» указывает на то, что хронист соединил информацию, почерпнутую у Феофана, с рассказом Симеона Магистра. Примечательно, что вместо «должностных лиц» Симеона у Кедрина фигурируют простые горожане (πολῖται).

Определенный синтез можно усмотреть и в очень сжатом рассказе Иоанна Зонары (XII в.):

> Этот император очень гневался на мужебесноватых и весьма многих за эту вину наказал, отрезав им детородные органы (αἰδώ). И спросившему: «Почему ты так караешь мужеложцев?», ответил: «Вот если бы они совершили святотатство, разве я не отрубил бы им руку?».

Явно фольклорного происхождения анекдот упоминает о святотатстве, что соотносится с традицией, представленной у Малалы и Феофана, в частности, с возгласом глашатая у последнего. В то же время не исключено, что Зонара здесь черпает информацию из Прокопия, на что указывает слово αἰδώ (у того αἰδοῖα).

Если исходить из предположения, что Симеон и Георгий черпали свои сведения из одного общего источника, который отражается у первого вернее, чем у второго (у Георгия нет упоминания о том, что несчастных водили по агоре голыми, а также о конфискации имущества), то необходимо допустить, что это сочинение было достаточно древним. Дело в том, что в так называемые «темные века» (сер. VII – конец VIII в.) литературная продукция византийцев была крайне скудной. Подобного рода рассказ должен был содержаться в каком-то историческом произведении, вероятнее всего, всемирной хронике, а таковые нам от этого периода неизвестны, если не считать фантомную хронику «патрикия Траяна» (см. Афиногенов 2014). Это означает, что переиначенная история, положившая начало второй ветви традиции, возникла не позже первой половины VII в., то есть не на столь уж большом хронологическом отдалении от описываемых событий. Можно с уверенностью утверждать, что предполагаемый автор этого не сохранившегося произведения относился к императору Юстиниану благожелательно, как к истребителю порока и справедливому законодателю.

Мотивы, побудившие неизвестного византийского писателя превратить локальный эпизод из жизни византийского клира во впечатляющую картину тотальной расправы над высокопостав-

ленными развратниками, понять нетрудно. Автор явно хотел представить читателю пример того, как справедливый и нелицеприятный император беспощадно искореняет порок, начиная с самого верха социальной лестницы. Естественно поэтому, что Георгий Монах избрал именно этот вариант рассказа, хотя в его распоряжении были сочинения как Феофана, так и Малалы.

Георгий пользуется сообщением о репрессиях против мужеложцев как отправной точкой для нравоучительных рассуждений, которые занимают примерно десять страниц и включают цитаты из Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского, Исидора Пелусиота и Григория Богослова. Тема содомии/мужеложства здесь тесно переплетена с двумя другими – с описанием загробных кар, прообразом которых служит наказание, постигшее Содом и Гоморру, и типичным для византийской монашеской литературы обличением евнухов как главных носителей разврата. Показательно, что этот раздел подвергся неоднократному сокращению: сначала, как можно видеть по славянскому переводу (Лѣтовникъ, л. 288^{об}–292), были выброшены заключительные цитаты из Григория и Иоанна Златоуста, а затем, уже на стадии «вульгаты» — другие довольно большие фрагменты, в том числе составленные из библейских цитат (см. Афиногенов 2004; рукопись Coislinianus 305, f. 286^{v}–291).

Таким образом, из двух доступных вариантов рассказа о гонениях против мужеложцев при Юстиниане I византийская хронографическая традиция после Феофана Исповедника отдает явное предпочтение тому, где на первый план выступают следующие элементы:

1. Праведное стремление императора искоренить порок.
2. Неукоснительное применение изданных законов, невзирая на социальный статус виновных (ср. противоположную картину у Прокопия).
3. Диковинный и шокирующий характер налагаемых наказаний.

На мой взгляд, такая эволюция указывает на превалирование литературных и/или нравоучительных задач над историческими в сознании византийских писателей данной группы. Кроме того, при чтении всех вышеперечисленных авторов возникает стойкое впечатление, что при всем моральном осуждении гомосексуализма, идея преследования его законодательными методами, да еще с применением членовредительских наказаний, представлялась им достаточно экзотичной.

Литература

Afinogenov, D. 2004: Le manuscrit Coislin gr. 305: la version primitive de la Chronique de Georges le Moine. *Revue des Études Byzantines* 62, 239–246.

Afinogenov, D. 2014: Novye sledy patrikiia Traiana? [New traces of Trajan the Patrician?]. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* 18 [*Indo-European linguistics and classical philology* 18], 13–21.

Афиногенов, Д.Е. 2014: Новые следы патрикия Траяна? *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 18, 13–21.

Lětovnik sokrashchen ot razlichniikh lětopisec zhe i povědatelii, izbran i s'stavlen on Georgia grěshnaa inoka / izd. Odschestvom lubitelei drevnei pismennosti [*Abbreviated Chronograph from different chroniclers and narrators, selected and composed by George the sinful monk* / ed. by the Society of amateurs of the ancient letters]. Vols. 26, 56, 69. St. Petersburg, 1878, 1880, 1881.

Лѣтовникъ сокращень от различниих лѣтописець же и повѣдателии, избрань и съставлень отъ Георгиа грѣшнаа инока / изд. Обществом любителей древней письменности. Вып. 26, 56, 69. СПб, 1878, 1880, 1881.

Fordham University sourcebook: http://legacy.fordham.edu/halsall/-pwh/just-novels.asp

Georgii Cedreni Compendium historiarum / ed. I. Bekker. Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope. 2 vols. Bonn. Vol. 1. 1838; vol. 2. 1839 (= Corpus scriptorum historiae Byzantinae).

Georgii Monachi chronicon / ed. C. de Boor. Editio stereotypa correctior, cur. P. Wirth. Stuttgart, 1978.

Ioannis Malalae Chronographia / ed. J. Thurn. B., N.-Y., 2000 (= Corpus fontium historiae Byzantinae, vol. 35).

Ioannis Zonarae epitome historiarum / ed. L. Dindorf. 3 vols. Leipzig. Vol. 1, 1868; vol. 2, 1869; vol. 3, 1870.

Lampe, G.W.H. 1961: *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford,.

Michaelis Glycae annales / ed. I. Bekker. Bonn, 1836 (= Corpus scriptorum historiae Byzantinae).

Procopii Caesariensis Opera omnia / ed. J. Haury. Editio stereotypa correctior, cur. G. Wirth. Leipzig, 1963. 4 vol.

Symeonis Magistri et Logothetae chronicon / ed. S. Wahlgren (Corpus Fontium Historiae Byzantinae, vol. 44/1). B.-N.Y., 2006.

Theophanis Chronographia / ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883.

D. E. Afinogenov. Justinian's repression of homosexuals: transformations of a story in the Byzantine chronicles

The well-known repression of homosexual clerics and civil officials under Justinian I assigned by Theophanes to AM 6021/AD 528 is reported by Byzantine chronicles in surprisingly divergent ways. One tradition names two bishops who were punished, but not executed, and vaguely refers to "many" who suffered amputation of genitals and died as a result of Justinian's harsh legislation against sodomites. The other depicts sweeping repressions that hit a multitude of high-ranking officials as well as bishops, but does not give a single specific name. The latter version seems to be an edifying elaboration of the former, produced no later than the mid-7th century. Theophanes, representing the first tradition, must have had access to a fuller version of Malalas than we possess today, also for this passage. George Cedrenus combines both versions, while Zonaras supplements the second one with a folklore anecdote.

Ключевые слова. Byzantine chronicles, textual study, narrative technique, Justinian, homosexuality.

О. Л. Ахунова (Левинская)

«МИЛЕТСКАЯ РАЗНУЗДАННОСТЬ» В РОМАНЕ АПУЛЕЯ «МЕТАМОРФОЗЫ, ИЛИ ЗОЛОТОЙ ОСЕЛ»

Работа посвящена одному из интригующих вопросов в изучении истории античного романа – вопросу о связи «Метаморфоз» Апулея с так называемыми «милетскими рассказами».

Ключевые слова: Апулей, «Метаморфозы», роман, пролог, Аристид, милетские рассказы.

Вступительная главка «Метаморфоз» Апулея (I.1) всегда вызывала у исследователей особый интерес. Ведь это не просто авторский пролог, где Апулей сообщает об особенностях устройства своего романа, – это настоящая головоломка: Апулей не говорит о своих литературных замыслах и приемах прямо, а только намекает, где следует искать ключи к его роману (Winkler 1991: 180–203; Merkelbach 1995: 419–420; Kahane, Laird 2001; Graverini 2006: 1–18).

Первый намек содержится в первой же фразе пролога: At ego tibi sermone isto Milesio uarias fabulas conseram. Апулей намекает здесь на связь своего романа с так называемыми «милетскими рассказами»: это толкование принято давно и стало в науке общим местом. Но поскольку наши сведения о самих «милетских рассказах» очень скудны, проблема «милетских» намеков Апулея в какой-то момент превратилась просто в повод для научной игры: Лука Граверини, например, напоминает о шутливом запрете Кена Даудена на упоминания жанра «милетских рассказов» в связи с Апулеем – и тут же шутливо сообщает, что вынужден этот запрет нарушить. Правда, Граверини повторяет все ту общую мысль: *sermo Milesius* – это указание на связь «Метаморофоз» с «милетским жанром» (Graverini 2006: 2, n. 6–7)

В последние несколько лет обсуждение «милетских рассказов» – и в связи с апулеевским романом, и в связи с историей становления самого жанра романа – снова становится частью научного обихода (Harrison 2013: 57–67; Tilg 2014: 37–41; Bowie 2013: 243–260). Это обстоятельство, а также сравнительно недавняя публикация «ослиной» папирусной сцены (P.Oxy. LXX 4762) (Obbink 2006: 22–29), которая, согласно

одному из предположений, может быть фрагментом «милетского рассказа» (May 2010: 76–81), дает нам основание вернуться к «милетскому» намеку Апулея – тем более, что вопрос о значении самого выражения sermone Milesio остается не до конца решенным. Что же все-таки означает здесь слово *sermo*: ‘язык’, ‘диалект’, ‘говор’, ‘стиль’ (Tilg 2011: 132; Harrison 2013: 64; Tilg 2014: 39) или обладает каким-то иным значением?

К этому вопросу мы вернемся чуть позже, а пока обратимся к другим случаям появления прилагательного *Milesius* в романе. Ведь можно ожидать, что не только в прологе, но и в самом тексте оно обладает интересующими нас коннотациями. Таких случаев всего два, и оба – в истории про Купидона и Психею (IV. 32, 15 и 18)[1]. И зная авторское хитроумие Апулея, можно ожидать, что что сгущение это – намеренное.

IV. 32, 15: … miserrimus pater… *dei Milesii* uetustissimum percontatur oraculum ‘…разнесчастный отец…вопрошает древнейший оракул *милетского бога*’.

IV. 32, 18: Sed Apollo, quanquam Graecus et Ionicus, *propter Milesiae conditorem* sic Latina sorte respondit ‘Но Аполлон, хоть он грек и иониец, *из-за создателя/основателя милетской (истории – ?)* дает ответ *по-латыни*’.

«Милетский бог» по отношению к Аполлону – достаточно прозрачное определение – оно подразумевает святилище Аполлона в Дидиме. А вот второй случай сложнее: кто же этот Milesiae conditor, из-за которого Аполлон, будучи греком и ионийцем, дает пророчество по-латыни? И что такое Milesia?

Касательно Milesia исследователи и комментаторы достаточно давно и прочно согласились в том, что это жанровое обозначение, хотя и специфическое (Mason 1999: 107; Zimmerman 2004: 84–85). Ведь во всех известных нам случаях и по-гречески, и по-латыни для обозначения «милетского» жанра используется множественное, а не единственное число. Но ведь мы знаем, что Апулей любит играть своей латынью как языком для него чужим, иностранным: exotici ac forensis sermonis rudis locutor – говорит он о себе в том же прологе. И единственное число *Milesia* – это тоже, как я предполагаю, нарочитая неловкость: Апулей как будто бы подразумевает сочетание *fabula Milesia* (‘милетская история’ / ‘милетский рассказ’), которое, с

[1] На всякий случай хочу напомнить, что эта история вложена в уста пьяной старушонки.

одной стороны, совершенно корректно, но с другой стороны, насколько мы можем судить, никогда не употреблялось.

Что же касается слова *conditor*, то оно может означать либо ‘основоположник’, ‘основатель’, либо ‘автор’, ‘сочинитель’. Основоположником/основателем «милетского рассказа» с полным правом мог быть назван Аристид, с именем которого и связывалось появление этого жанра. Но ради Аристида Аполлон не стал бы давать пророчество по-латыни, потому что Аристид – грек. Следовательно, речь может идти о Сисенне, который перевел книгу рассказов Аристида на латынь и сделал «милетские рассказы» достоянием латиноязычного мира. Если же *conditor* означает ‘автор, сочинитель’, тогда Апулей подразумевает себя самого (Zimmerman 2004 : 84–85; Hijmans 2006: 18). Возможно, Апулей обыгрывает здесь оба смысла, но в любом случае он не только указывает на связь своего повествования с «милетским» жанром, но и намекает, что сам Аполлон проявляет расположение (или хотя бы снисхождение) к этому жанру, позволяя своему пророчеству звучать по-латыни. Вопрос в том, может ли этот «милетский» намек Апулея относится к истории о Купидоне и Психее или речь снова, как и в прологе, идет о «Метаморфозах» в целом?

Предположение о принадлежности истории Психеи или всего романа к «милетскому» жанру открывает соблазнительные возможности реконструкций и спекуляций. Но гораздо разумнее и интереснее, на мой взгляд, двигаться в обратном направлении: не от романа Апулея к реконструкции «милетского» жанра, а от того, что нам уже известно об этом жанре из самой античной традиции, – к роману, чтобы ответить на вопрос: по какому (или по каким) из известных нам признаков «милетского» жанра (пусть их набор далеко не полон) мог быть ассоциирован с ним и роман в целом, и его центральная история о Купидоне и Психее? Что же мы знаем о «милетских рассказах»?

Овидий в «Скорбных элегиях» представляет список авторов, откровенных в любовной тематике – в их числе Аристид и Сисенна (2. 413; 443–4). Овидиевское *iunxit Aristides Milesia crimina secum* толкуется по-разному (Sandy 1999: 84–85; Harrison 2013: 58–59; Bowie 2013: 243), но я предполагаю, что «милетскими преступлениями» (Milesia crimina) здесь названы «милетские рассказы» (и они же чуть дальше, в связи с Сисенной, – «мерзкими шутками»), а «связал с самим собой» их Аристид в том смысле, что вел повествование от 1-го лица.

Плутарх в «Жизнеописании Красса» (32.2) рассказывает, как в поклаже Рустия были обнаружены ἀκόλαστα βιβλία τῶν Ἀριστείδου Μιλησιακῶν, «разнузданные книги Милетских [рассказов] Аристида», что позволило парфянскому военачальнику потешаться над римлянами, которые даже в военных условиях неспособны воздерживаться от чтения литературы подобного рода (ἀπέχεσθαι πραγμάτων καὶ γραμμάτων… τοιούτων). Чуть ниже это чтение еще раз именуется «милетской разнузданностью» (τὸν Σουρήναν ὁρῶσι τὴν μὲν τῶν Μιλησιακῶν ἀκολαστημάτων πήραν ἐξηρτημένον πρόσθεν).

Ясно, что «милетские рассказы» были чтением такого свойства, что навлекали позор и поношение не только на автора, но и на читателя.

Псевдолукиановский диалог «Эроты» открывается довольно пространнным рассуждением одного из участников диалога по имени Ликин. Это рассуждение выполняет функцию пролога. Ликин, обращаясь к своему собеседнику по имени Феомнест, говорит:

> Ἐρωτικῆς παιδιᾶς, ἑταῖρέ μοι Θεόμνηστε, ἐξ ἑωθινοῦ πεπλήρωκας ἡμῶν τὰ κεκμηκότα πρὸς τὰς συνεχεῖς σπουδὰς ὦτα, καί μοι σφόδρα διψῶντι τοιαύτης ἀνέσεως εὔκαιρος ἡ τῶν ἱλαρῶν σου λόγων ἐρρύη χάρις·… πάνυ δή με ὑπὸ τὸν ὄρθρον ἡ τῶν ἀκολάστων σου διηγημάτων αἱμύλη καὶ γλυκεῖα πειθὼ κατεύφραγκεν, ὥστ' ὀλίγου δεῖν Ἀριστείδης ἐνόμιζον εἶναι τοῖς Μιλησιακοῖς λόγοις ὑπερκηλούμενος, ἄχθομαί τε νὴ τοὺς σοὺς ἔρωτας, οἷς πλατὺς εὑρέθης σκοπός, ὅτι πέπαυσαι διηγούμενος (1. 1–13)
>
> ‘Любовной забавой, друг мой Феомнест, ты успел с рассвета наполнить мой слух, уставший от беспрерывных речей о предметах серьезных, и так своевременно излилась на меня прелесть твоих веселых рассказов – ведь я просто жаждал такого рода отдохновения… Да, весьма большую радость доставила мне на рассвете ласковая и сладостная убедительность твоих разнузданных повествований, так что я почти решил, что я – Аристид, зачарованный милетскими рассказами, и я весьма огорчен – клянусь твоими страстями, для которых ты стал такой удобной мишенью! – что ты перестал рассказывать…’[2].

Этот текст выявляет целый ряд интересных особенностей «милетских рассказов».

[2] Перевод мой – О. А.

1. Их *содержание* составляют эротические приключения.
2. *Стилистика* этого жанра предполагает полную свободу и откровенность изложения.
3. *Нарратологическая* специфика состоит в том, что,
   a) рассказы ведутся от 1-го лица: эротические приключения подаются как личный опыт рассказчика.
   b) рассказчик и автор в «милетских рассказах» – не одно и то же лицо. Автор *не* отождествляет себя с рассказчиком – напротив, он только передает чужие любовные истории, им услышанные. Иначе как объяснить, что Аристидом почувствовал себя слушатель «разнузданных историй», а не сам рассказчик?
4. Особенности нарратологии формируют и читательское/слушательское *восприятие*.
   a) Эти рассказы убедительны
   b) Они увлекательны
5. Важным признаком «милетского» жанра является его «серийность».

«Метаморфозы» Апулея обнаруживают множество схождений с «милетским» жанром и в *нарратологии* – повествование ведется от 1-го лица (Луций-осел), причем автор и рассказчик не тождественны (Winkler 1985: 135–179; Harrison 2013: 35), и в *содержании* (откровенно-эротические эпизоды), и в *серийности*, то есть в самом принципе соединения целой цепочки (или букета – мы не знаем, как это было устроено в милетском рассказе) историй. Эта особенность романа и считается главным проявлением его «милетскости» (Harrison 2013: 64–66; Tilg 2014: 39–40).

И здесь уместно вернуться к выражению *sermone Milesio* из пролога. Этот ablativus modi характеризует действие, которое автор собирается произвести с «разными историями» (uarias fabulas), – а именно, *сплести* (conserere) их. Этимологическая игра с однокоренными sermo/conserere здесь очевидна. Как пишет Стефан Тилг, сближая в одной фразе однокоренные, но разные по значению слова, Апулей еще раз подчеркивает важную для него параллель: он будет сплетать в своем романе различные истории таким же образом, каким они сплетены в «милетских рассказах» (Tilg 2014: 39–40).

На мой взгляд, дело не только в этом. Ведь значение самого слова sermo так и остается неопределенным и «спорным» (Tilg 2011: 132) – если не предположить более тонкую игру. И я рискну предположить, что здесь, как и в случае с единственным

числом *Milesia* вместо множественного, Апулей демонстрирует свои сложные отношения с латинским языком. *Sermo* означает здесь не ‘язык’, не ‘говор’, не ‘диалект’ и не ‘стиль’, но употребляется в совершенно непривычном для латинского языка значении. Сблизив *sermo* с *conserere*, Апулей не просто обыгрывает их этимологическое родство – он, если можно так сказать, актуализирует внутреннюю форму слова, его исходную связь с идеей соединения, сцепления, сплетения. Такое отношение к словам характерно для лингвистов и для тех, кто не является носителем языка. Я предполагаю, что Апулей здесь выявляет внутреннюю форму слова и ориентируется на нее, как бы простодушно воспринимая слово *sermo* в его «прямом», но нигде не засвидетельствованном значении ‘сцепление’, ‘сплетение’. Тогда *sermo Milesius* – это ‘милетское плетение’, а *sermone Milesio* – сугубо структурная характеристика романа. Это мое предположение может только подкрепить то общее соображение, которое высказывалось многократно – о том, что Апулей в своем романе ориентируется на «милетский принцип» соединения разных историй.

Что же касается откровенно-эротического содержания, то сравнительно недавно появился новый повод вернуться к вопросу о связи апулеевского романа с «милетскими рассказами». Я имею в виду папирус P.Oxy. LXX 4762, изданный Дирком Оббинком (Obbink 2006: 22–29). Регина Мэй, которая вместе с Оббинком работала над изданием этого папируса, предположила, что перед нами фрагмент «милетского рассказа». Она исходила из двух обстоятельств: непристойно-эротическое содержание папируса (собственно, это сцена любви между некоей особой женского пола и ослом) и его формат. Текст написан в две колонки, первая практически не читается. Высота колонки около 7 см, строка содержит от 12 до 17 букв. Папирусы 2–3 вв. столь небольшого формата, указывает Р. Мэй, часто содержали фрагменты развлекательных текстов, в том числе Харитона (P. Michaelides 1) и Антония Диогена (P. Oxy. XLII 3012). О том, что в таком формате могли существовать и милетские рассказы, косвенно свидетельствует Плутарх в «Жизнеописании Красса» (32.2): ведь «разнузданные книги милетских [рассказов] Аристида», походное чтиво Рустия, должно было быть небольшого формата.

Сооотношение формата «ослиного» папируса (небольшой) и его содержания (откровенно-эротическое) и позволило Мэй предположить, что перед нами сочинение того же развле-

кательного типа, что и «милетский рассказ», а возможно, и сам «милетский рассказ» (May 2010: 74–81).

Сравнение папирусной сцены со знаменитой сценой любовного соития коринфской матроны и осла в романе Апулея (X. 21–22) приводит к еще более увлекательному предположению: возможно, две эти сцены связаны не просто общим нетривиальным содержанием – между ними существует более тесная связь.

В папирусном тексте общая композиция сцены такова:
1. Любовники лежат на ложе
2. Героиня описывая свою страсть.
3. Осел медлит, он страдает
4. Героиня целует его
5. Ведет любовные речи, побуждая к действию.

У Апулея (X.21–22):
1. Героиня раздевается, умащается и умащает осла
2. Целует, ведет любовные речи и влечет к ложу
3. На ложе готовность осла борется с его страхами и опасениями
4. Героиня поцелуями и любовными речами наводит осла на правильный путь.

Теперь попробуем проследить параллели по тексту. Папирусная сцена начинается прямой речью героини, обращенной к ослу:

1 Ужасно я горю,
и влагой истекаю из-за этого. Смотри,
какой [во мне] зуд (κνωμένη [εἰμί.)
4 Что же ты меня мучишь (νύσ<σ>εις)?

Героиня описывает собственнное состояние страстного возбуждения, пользуясь метафорой зуда. У Апулея состояние страстного возбуждения матроны описывает Луций-осел, пользуясь той же метафорой: «…женщина, в которой все до мозга костей зудит…» (ex unguiculis perpruriscens).

Вопрос: «Что же ты меня мучишь?» можно понять как сетование на нерешительность любовника-осла. У Апулея Луций-осел пространно разъясняет причины своей нерешительности: «Но на меня напал немалый страх…. Горе мне! придется, видно, за увечье, причиненное благородной гражданке, быть мне отданным на растерзание диким зверям и, таким образом, участвовать в празднике моего хозяина». Далее в папирусной сцене прямая речь героини сменяется ремаркой от 3-го лица:

5 Целуя осла стра-
дающего, с тех пор, как она
7 упала с ним вместе
и домогаясь (αἰ[το]υμένη), она говорит

Героиня папирусной сцены целует осла и пытается добиться желаемого; из этих же строк мы узнаем, что осел страдает. Именно эти действия матроны (поцелуи и домогательства) описывает и герой Апулея. А о своих страданиях и промедлениях он нам уже сообщил чуть раньше: «Меж тем она снова осыпает меня ласкательными именами, беспрерывно целует, нежно щебечет, пожирая меня взорами, и заключает все восклицанием: “Держу тебя, держу тебя, мой голубок, мой воробышек”»[3].

Далее в папирусе – снова прямая речь героини:

9 У-у, толстый и большой,
как балка.
11 Погоди, понемножку. Не
сразу весь внутрь погружай. Так что же?

Героиня восхищена и напугана размерами того, что она избегает именовать, но само ее опасение выражено прямо и откровенно. У Апулея Луций-осел, упоминая о своей грубой природе и размерах своего орудия, как раз именует его, используя вполне строгое и даже научное *genitale* (ср. Лукреций. О природе вещей. 2.1105; Корнелий Цельс. О медицине. 4. 1, 11; Плиний. Естественная история. 7.61; 8.168, passim; Авл Геллий. Аттические ночи. 3.10, 7).

Далее в папирусной сцене, начиная уже с вопроса в ст. 12 «Так что же?» – нечленораздельный лепет героини, без глаголов и имен, только одно прилагательное и одно наречие, а остальное – местоимения, отрицательные частицы и союзы. Смысл этого лепетания можно понять и как недоумение, и как стремление героини к большему:

13 Это не то. Но что?
И даже это не все?
15 Но в другой раз…

Эротический лепет папирусной героини, построенный на местоимениях и синтаксических неопределенностях, дает полную свободу воображению читателя и потому оказывается даже более скабрёзным, чем соответствующий пассаж у Апулея, где свобода читательского воображения ограничена описанием

[3] Этот и предыдущий пассаж из Апулея дается в переводе М. Кузмина.

предельно конкретным, со сгущением глаголов и глагольных форм: «И сколько раз я, подступая к ней, отводил ягодицы, потому что щадил ее (*ei parcens nates recellebam, accedens*), столько раз она стремительным движением и обхватывая мою спину прижималась ко мне теснейшим образом»[4]. Апулею даже удается придать этому описанию налет научности за счет глагола recello: это глагол, судя по контексам Лукреция и Тита Ливия, использовался как термин механики для обозначения движения физического тела под действием собственного веса или противовеса (Лукреций. О природе вещей. 6. 575; Тит Ливий. История Рима от основания города. 24. 34, 10).

Соблазнительно предположить, что Апулей ловко перелицевал уже имевшую хождение «милетскую историю» о девице/даме, воспылавшей любовью к ослу. Но у нас нет уверенности, что папирусная сцена действительно является фрагментом «милетского рассказа». Смущают нарратологические особенности: ведь если повествование от 1-го лица действительно является одним из принципов «милетского рассказа», то в папирусном фрагменте этот принцип явно нарушен. Конечно, мы слишком мало знаем о структуре «милетского» жанра, так что этой деталью можно было бы пренебречь (ср. May 2010: 71; 76–77), если бы дальнейшая работа с папирусом не показала, что возможны и иные гипотезы относительно его жанра, а именно, что папирус содержит не «милетский рассказ», а мим (West 2010: 33–40).

При этом нельзя не заметить, что сама апулеевская сцена точнее, чем папирусная, соответствует имеющимся у нас представлениям о «милетских рассказах» – и нарратологически (рассказ от 1-го лица), и содержательно (предельно откровенное повествование о личном эротическом опыте рассказчика, Луция-осла). Следовательно, наше предположение о тесной связи между папирусной сценой и текстом «Метаморфоз» не отменяется – ведь Апулей мог переработать произведение любого жанра, привлеченный его шокирующими эротическими подробностями. Каков бы ни был жанр произведения, сцену из которого зафиксировал наш папирус, Апулей преподносит ее как рассказ самого участника бесстыдной истории – Луция-осла и тем самым придает ей «милетский» характер.

Но тут есть серьезное затруднение. В греческой версии истории Луция, дошедшей до нас в корпусе Лукиана под

[4] Перевод мой – О. А.

названием «Луций, или Осел», присутствует та же любовная сцена (51). С апулеевской они совпадают местами дословно, но в этом нет ничего неожиданного, поскольку оба текста восходят, как принято считать, к общему греческому источнику – к утраченным «Метаморфозам» Луция Патрского, о которых рассказывает Фотий в «Библиотеке» (cod. 129). Гораздо интереснее, что греческая сцена с матроной и Луцием-ослом оказывается не менее тесно связанной с интересующей нас папирусной сценой (May 2010: 64–71). Разница состоит лишь в том, у Апулея лексика отчасти претендует на некоторую научность, а греческий автор проводит лексику стратегическую.

А это означает, что папирусной историей воспользовался не сам Апулей, а тот греческий автор, текст которого послужил источником и для Апулея, и для автора новеллы «Луций, или Осел», а именно, Луций Патрский, автор греческих «Метаморфоз». Следовательно, «милетскость» эротической сцены у Апулея уже была заложена в греческих «Метаморфозах», и остается только удивляться, насколько удачно это совпало с апулеевским общим замыслом. Впрочем, это не первый случай, когда важная для Апулея составляющая его романа оказывается чудесным образом подготовленной его греческим источником. Так, например, обстоит дело и с платонической составляющей[5].

В любом случае, намекая на связь «Метаморфоз» с «милетским жанром», Апулей мог иметь в виду не только структурный принцип своего романа (сплетение разных историй), но и специфически поданное эротическое содержание этих историй – и в частности, сцену совокупления Луция-осла с матроной.

Что же касается истории о Купидоне и Психее, то отнести ее к «милетскому» жанру, на первый взгляд, невозможно (Zimmerman 2004: 85; Harrison 2013: 66). Действительно, ни по одному из известных нам признаков этого жанра история Психеи не может быть с ним ассоциирована. Вместе с тем, именно в ее контексте появляется упоминание о «создателе/сочинителе милетской истории» – единственное в романе, помимо пролога, указание на этот жанр. Зная авантюрный склад Апулея как литератора, я рискну предположить, что и здесь он играет с читателем, притворяясь, что понимает сущность этого жанра

[5] Этому было специально посвящено мое сообщение «Философия как инструмент сюжетосложения (о платоническом ключе к роману Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел»). «Гаспаровские чтения-2011» (РГГУ, Москва).

шире и глубже, чем это принято (или, напротив, проще и формальней). Ведь если основное содержание «милетских рассказов» – *эротические* приключения, то история о Купидоне и Психее – тоже *эротическая* история в том смысле, что это история о *самом Эроте* под его римским именем.

Интересно, что репутацию автора «милетских рассказов» Апулей приобрел уже в античной традиции. В биографии Клодия Альбина (Scriptores Historiae Augustae. Vita Clodii Albini 12. 12) биограф приводит слова Септимия Севера из письма сенату после гибели Клодия Альбина: *maior fuit dolor, quod illum pro litterato laudandum plerique duxistis, cum ille neniis quibusdam anilibus occupatus inter Milesias Punicas Apulei sui et ludicra litteraria consenesceret.* 'И еще обиднее было, что этого человека многие из вас почитали достойным похвал за его образованность, в то время как он, занятый какими-то бабьими припевками, старился среди милетских пунийских рассказов своего Апулея и литературных забав'.

Конечно, нельзя утверждать со всей определенностью, что под «пунийскими милетскими рассказами» подразумеваются именно «Метаморфозы», но есть несколько доводов в пользу такого предположения.

Исследователи все с большей убежденностью относят «Метаморфозы» к позднему периоду жизни Апулея. При этом с середины 160-х гг. и, вероятнее всего, в течение следующего десятилетия, т.е. в возрасте примерно 40-50 лет Апулей жил в Карфагене, а вот о каких бы то ни было дальнейших его перемещениях ничего не известно (Todd Lee 2005: 6–9). Кроме того, само содержание «Метаморофоз» дает основания думать, что роман был ориентирован именно на провинциальный африканский читательский круг и, разумеется, на жителей Карфагена, этой «небесной Музы Африки» (Флориды. 20.10) (Todd Lee, Finkelpearl, Graverini 2014: 6–17). Следовательно, можно предполагать, что Апулей написал «Метаморфозы» в Карфагене и для карфагенян, а потому их вполне уместно было назвать «пунийскими». И еще одна деталь: в письме Септимия Севера, как его передает биограф, упоминаются «какие-то бабьи припевки», и можно с осторожностью предположить, что это намек на историю про Купидона и Психею, рассказанную, как все помнят, в «Метаморфозах», пьяной старушонкой (Harrison 2013: 14–15).

В любом случае, если даже чтение «милетских рассказов» было признаком дурновкусия, то остается только восхищаться бесстрашием Апулея, который сам связал с этим позорным жанром свой роман. Впрочем, не побоялся же он впервые в истории античной литературной традиции сделать главным героем осла! И не та ли это книга, которую он так пылко обещал карфагенянам, дабы отблагодарить их за статую, которую они намеревались водрузить в Карфагене в его честь (Флориды. 16.175)?

Литература

Bowie, E. 2013: Milesian Tales. In: T. Whitmarsh, S. Thomson (eds.), *The Romance between Greece and the East*. Cambridge University Press, 243–260.

Graverini, L. 2006: A Lepidus susurrus. In: R.Nauta (ed.). *Desultoria scientia: genre in Apuleius' Metamorphoses and related texts.* Leuven, 1–18.

Harrison, S. 2013: *Framing the Ass: Literary Texture in Apuleius' Metamorphoses*. OUP Oxford.

Hijmans, B. 2006: Apollo' Sn(e)aky Tongue(s). In: M. Zimmerman, R. Nauta, S. Panayotakis (eds.), *Lectiones Scrupulosae: Essays on the Text and Interpretation of Apuleius' Metamorphoses in Honour of Maaike Zimmerman*. Barkhuis, 18–26.

Kahane, A., Laird, A. 2001: A. Kahane, A. Laird (eds.), *A Companion to the Prologue of Apuleius' Metamorphoses.* OUP Oxford.

Mason, H. 1999: Apuleius' Metamorphoses: Greek Sources. In: H. Hofmann (ed.), *Latin Fiction. The Latin Novel in Context.* Routledge, 103–112.

May, R. 2010: An Ass from Oxyrhynchus: P.Oxy. LXX.4762, Loukios of Patrae and the Milesian Tales. *Ancient Narrative* 8, 59–83.

Merkelbach, R. 1995: *Isis regina – Zeus Sarapis. Die Griechisch-aegyptische Religion nach dem Quellen dargestellt.* Stuttgart.

Obbink, D. 2006: P. Oxy.LXX 4762: Narrative Romance. In: N. Gonis, J.D. Thomas, R. Hatzilambrou (eds.), *The Oxyrhynchus Papyri LXX*. London Egypt Exploration Fund, 22 – 29.

Sandy, G. 1999: Apuleius Golden Ass. From Miletus to Egypt. In: H. Hofmann (ed.), *Latin Fiction. The Latin Novel in Context.* Routledge, 81–102.

Tilg, S. 2011: Aspects of a Litarary Rationale of Metamorphoses 11. In: W.H. Keulen, U. Egelhaaf-Gaiser (eds.), *Aspects of Apuleius' Golden Ass: Volume III: the Isis Book*. BRILL, 132–155.

Tilg, S. 2014: *Apuleius' Metamorphoses: A Study in Roman Fiction*. OUP Oxford.

Todd Lee, B. 2005: *Apuleius' Florida: A Commentary*. Walter de Gruyter.

Todd Lee, B., Finkelpearl, E., Graverini, L. 2014: Introduction. In: B. Todd Lee, E. Finkelpearl, L. Graverini (eds.), *Apuleius and Africa*. Routledge, 1–19.

West, M. 2010: The Way of a Maid with a Moke: P. Oxy. 476. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 175, 33–40.
Winkler, J. 1991: *Auctor & Actor: A Narratological Reading of Apuleius' Golden Ass*. University of California Press.
Zimmerman, M. 2004: M. Zimmerman et al. (eds.). *Groningen Commentaries on Apuleius. Apuleius Madaurensis. Metamorphoses. Books IV 28–35, V, VI 1–24. The Tale of Cupid and Psyche*. Groningen.

O. L. Akhunova (Levinskaja). «Milesian licentiousness» in Apuleius' Metamorphoses (The Golden Ass)

The paper addresses one of the fascinating problems in the history of the Ancient Romance – the problem of connection of Apuleius' Metamorphoses to the Milesian Tales.

Keywords: Apuleius, «Metamorphoses», novel, prologue, Aristeides, Milesian tales.

А. С. Балаховская

ОБРАЗ ИОАННА ЗЛАТОУСТА В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗА ПРОРОКА ИЛИИ В ВИЗАНТИЙСКОЙ АГИОГРАФИИ

Пророк Илия – одна из наиболее значительных фигур Ветхого Завета. В то же время его образ играет значительную роль в византийской агиографии Иоанна Златоуста и тесно связан с образом самого святого. Через призму образа пророка можно понять, какие черты святого были наиболее значимы для византийских агиографов. Они видели в Иоанне Златоусте те же качества, что и в пророке Илии: божественную ревность, милосердие, могущественную силу слова, бесстрашие перед лицом царской власти; они сравнивали конец его жизни с восхождением пророка на небеса на огненной колеснице. В отличие от ранних агиографических произведений, где святой изображен как жертва тирании, в более поздних произведениях он представлен как обличитель царского деспотизма. Эта разница объясняется особенностями литературного развития агиографической традиции Иоанна Златоуста. В ранних агиографических сочинениях Иоанн Златоуст является исторической фигурой, в то время как в более поздних он становится литературным героем. Этот образ отразил особенности церковной и политической ситуации в Византийской империи. Несмотря на то, что в византийском законодательстве было обозначено различие между церковной и светской властями, византийские императоры часто вмешивались в церковные дела. Поэтому идея обличения императорской тирании обусловила преобладание в византийской агиографии Иоанна Златоуста образа пророка Илии как обличителя беззаконий Иезавели, а образ Иоанна Златоуста, прежде всего, является образом борца с беззаконием императорской власти.

Ключевые слова: пророк Илия, Иоанн Златоуст, византийская агиография, Византийская империя, агиографическая традиция, литературное развитие

Пророк Илия – одна из самых значительных фигур Ветхого Завета. Он жил во второй половине IX в. до н.э., и его пророческое служение пришлось на время так называемого второго наступления язычества, распространения культа Ваала под покровительством жены царя Ахава Иезавели. Пророк Илия возглавил борьбу с идолопоклонством и царским деспотизмом, за что претерпел гонения (Светлов 1971: 455–472).

Наиболее знаменательными эпизодами жизни пророка Илии, описанными в Ветхом Завете, были следующие: воскрешение сына вдовы из Сарепты Сидонской (3 Цар. 17: 17–24), победа над жрецами Ваала на горе Кармил и истребление их (3

Цар. 18: 18–40), бегство на гору Хорив, где он получил откровение, что в Израиле сохранилось семь тысяч верных Богу мужей (3 Цар. 19: 3–18), помазание Елисея на пророческое служение, обличение царя Ахава, захватившего с помощью своей жены Иезавели виноградник Навуфея (3 Цар. 21), вознесение на небо на огненной колеснице (4 Цар. 2: 11).

Образ пророка Илии красной нитью проходит через византийскую агиографию Иоанна Златоуста. Он фигурирует в большинстве агиографических сочинений, составленных в честь прославленного константинопольского епископа, наиболее значительными из которых являются «Надгробное слово» св. Иоанну Златоусту Псевдо-Мартирия Антиохийского (Ommeslaeghe 1974)[1], энкомий Иоанну Златоусту Иоанна Дамаскина (Migne: vol. 96, col. 761–781)[2], похвальное слово императора Льва VI Мудрого (Migne: vol. 107, col. 228–292)[3], жития, составленные Никитой Пафлагонским (Vita), агиографом-Анонимом (Savile 1612–1613: 293–371), Симеоном Метафрастом (Migne: vol. 114, col. 1045–1209)[4], слова на перенесение мощей святого (Douze récits 1977: 487–479)[5].

В житиях Иоанна Златоуста образ библейского пророка тесно сопряжен с образом самого епископа. Можно сказать, что фигура константинопольского предстоятеля помещена в контекст образа пророка Илии, и сквозь призму этого образа высвечиваются те стороны фигуры Иоанна, которые имели наибольшую значимость для его агиографов.

Если обратиться к самому раннему агиографическому произведению, созданному в честь Иоанна Златоуста, «Надгробному слову» Псевдо-Мартирия Антиохийского, то мы увидим, что здесь нашли отражение основные черты библейского образа

---

[1] Это произведение было создано, по всей видимости, в конце 407 г., сразу после того, как в Константинополе было получено известие о кончине Иоанна Златоуста. Оно принадлежит неизвестному автору, ученику Иоанна Златоуста, которого он крестил и рукоположил в священный сан (Ommeslaeghe 1975).

[2] Энкомий был создан Иоанном Дамаскиным в первой четверти VIII века ко дню празднования перенесения мощей Иоанна Златоуста из Коман в Константинополь (Figures de l'évêque idéale 2004: 65–66).

[3] Об императоре Льве VI (886–912) см.: Antonopoulou 1977.

[4] Эти произведения были созданы в X веке, наиболее ранним из них было «Житие» Никиты Пафлагонского (Πασχαλίδης 1999; Αντωνόπουλου 2002; Baur 1907: 47–48).

[5] Наиболее яркие слова на перенесение мощей святого принадлежат Никите Пафлагонскому (Πασχαλίδης 1999: 166–170).

пророка Илии, обращаясь к которым автор произведения характеризует и своего героя, Иоанна Златоуста.

Во-первых, в «Надгробном слове» пророк Илия выступает как борец с Иезавелью. В начале произведения образно описывая сонм святых, встречавших душу почившего Иоанна у дверей рая, Псевдо-Мартирий упоминает в их числе и пророка Илию, говоря, что он, борец с Иезавелью, с любовью встречает Иоанна Златоуста, претерпевшего долгую борьбу с Богоборицей: «Φιλεῖ καὶ Ἠλίας τὸν ζηλωτὴν τῆς Ἰεζάβελ ἐπὶ πολὺ πυκτεύσαντα τῇ Θεομαχίᾳ» (Ommeslaeghe 1974: 45_{16-17}).

Кто же эта «Богоборица», которую Псевдо-Мартирий уподобляет царице Иезавели? Из «Надгробного слова» явствует, что под «Богоборицей» автор имеет в виду императрицу Евдоксию, о которой говорит как о виновнице гонений на Иоанна Златоуста (Ommeslaeghe 1974: 74_{9-15}). Причиной же неприязни императрицы к Иоанну Златоусту, согласно Псевдо-Мартирию, явилось ее враждебное отношение к делу милосердия, предпринятому епископом, строительству больницы для прокаженных в пригороде Константинополя. Против этого благородного начинания выступили собственники земель, прилегавших к участку, на котором велось строительство: богатые землевладельцы опасались инфекции и полагали, что подобное соседство снизит их доходы (Ommeslaeghe 1974: 92_{17}–93_{8}).

Противодействие богатых земельных собственников строительству больницы, согласно «Надгробному слову», послужило одной из причин низложения Иоанна Златоуста на соборе «у Дуба» (Ommeslaeghe 1974: 93_{12-18}), а императрица Евдоксия рассматривалась автором произведения как главная виновница произошедшего (Ommeslaeghe 1974: 95_{2-3}).

Сравнивая Евдоксию с Иезавелью, Псевдо-Мартирий приписывает ей нечестие, злоупотребление властью и совершение несправедливости, а уподобляя Иоанна Златоуста пророку Илии в его борьбе с Иезавелью, он подчеркивает в епископе божественную ревность, милосердие и бесстрашие перед лицом власть имущих.

Во-вторых, пророк Илия «Надгробного слова» – это тот, кто обладает даром воскрешения умерших. Псевдо-Мартирий именует Иоанна Златоуста «вторым Илией», воскресившим, в отличие от первого Илии, не мертвеца, а человеческие души, умерщвленные грехом. Этого «второго Илию», радушно приветствует у райских дверей также находящийся в образном сонме святых пророк Елисей: «...ἀσπάζειται τὸν διπλοῦν Ἠλίαν

Ἐλισσαῖος, τὸν οὐ σώματα νεκρὰ ζωογονοῦντα, νεκρωθείσας δὲ τοῖς ἁμαρτήμασι τὰς τῶν ἀνθρώπων ψυχὰς εἰς τὴν ἐν Χριστῷ ζωὴν ἐπανάγοντα...» (Ommeslaeghe 1974: 45_{17-21}).

Воскрешение пророком Илией сына сарептской вдовы было одним из величайших ветхозаветных чудес. Сравнение Иоанна Златоуста, приведшего своей проповедью людей к духовному возрождению, с пророком Илией, воскресившим мертвеца, подчеркивает могущественную силу слова константинопольского епископа, способную возродить людей от духовной смерти к жизни.

Наконец, Псевдо-Мартирий представляет пророка, с одной стороны, как гонимого праведника, считавшего, что кроме него не осталось никого, кто еще верен Богу, но получившего божественное откровение о семи тысячах благочестивых израильтянах: «Ἠλίας ἔλεγε μέν ποτε καταλελεῖφθαι μόνος· ηὕρισκε δὲ προφήτας ἐν τοῖς σπηλαίοις ἑκατὸν τρεφομένους, καὶ τοῦ Δεσπότου δε λέγοντος ἤκουεν ὅτι *Κατέλιπον ἐμαυτῷ ἑπτακισχιλίους ἄνδρας οἵτινες οὐκ ἔκλιναν γόνυ τῇ Βάαλ*» (Ommeslaeghe 1974: 140_{14-17}). С другой же стороны, пророк Илия изображен как восходящий на небо триумфатор, оставивший после себя своего ученика Елисея, которому он даровал свою силу: «Ὕστερον δέ, ἐπιβὰς αὐτὸς τοῦ ζεύγους ἐκείνου καὶ πυρὸς πτεροῖς πρὸς τὸν οὐρανὸν δραμών, τὸν Ἐλισσαῖον εἶχε δεικνύντα ἐν αὐτῷ τὸν Ἠλίαν καί τι καὶ πλέον ... Πάντως που καὶ νῦν Ἐλισσαῖος κρύπτεται, τὴν τοῦ πατρὸς μηλωτὴν ἐκδεχόμενος» (Ommeslaeghe 1974: 140_{17-21}).

Подобно пророку Илии, Иоанн Златоуст тоже подвергся гонению, его сторонники были отправлены в тюрьмы и ссылки, а дело осуждено. Уподобляя Иоанна библейскому пророку, Псевдо-Мартирий стремится уверить оставшихся немногочисленных приверженцев изгнанного епископа, что его дело возродится. Как в древнем Израиле, погруженном в грех идолопоклонства, остались и верные последователи истинного Бога, а дело пророка Илии продолжал пророк Елисей, на котором почила благодать его учителя, так и в константинопольской Церкви существуют и приверженцы святого, и его возможный преемник, который, подобно пророку Елисею, продолжит его дело.

Пророк Илия был гоним, но итогом его жизни было вознесение на небо на огненной колеснице. Этот образ, свидетельствующий об уникальной судьбе пророка, которому уподобляется Иоанн Златоуст, должен уверить всех почитателей константинопольского епископа, что после своей кончины святой занял в особое место среди угодников Божиих. Впоследствии

агиографическая традиция Иоанна Златоуста более детально разработала эту тему. Об этом свидетельствует рассказ о видении епископа Адельфия, имеющий место во многих житиях. Епископ Аледьфий не нашел Иоанна Златоуста в раю в числе угодников Божиих и получил откровение, что увидеть его нельзя, поскольку он предстоит престолу Божию[6].

Традиция сопоставления Иоанна Златоуста с пророком Илией, начатая Псевдо-Мартирием Антиохийским, была продолжена агиографами более позднего времени. К образу Илии неоднократно обращается в энкомии Иоанну Златоусту Иоанн Дамаскин, однако в его сочинении, по сравнению с «Надгробным словом» Псевдо-Мартирия, пророк изображен, главным образом, как обличитель Иезавели, похитившей виноградник Навуфея.

В 3 Цар. 21 рассказывается, что у Навуфея Изреелитянина был виноградник рядом с дворцом царя Ахава. Навуфей отказал царю, обратившемуся к нему с просьбой отдать виноградник, ссылаясь на то, что не может расстаться с наследством своих отцов. Тогда царица Иезавель с помощью лжесвидетелей оклеветала Навуфея, и он был побит камнями. После смерти Навуфея Ахав вступил во владение виноградником, но пророк Илия изобличил преступление царской четы.

В своем сочинении Иоанн Дамаскин метафорически уподобляет противников Иоанна Златоуста, плетущих против него заговор, похитителям виноградника Навуфея, а Иоанна Златоуста сравнивает с пророком Илией, изобличившим беззаконное дело: «Καὶ διελέγχων ... τοὺς οἰκίαν πρὸς οἰκίαν συνάπτοντας, καὶ Ναβουθαὶ διαρπάζειν ἐπειγομένους τὸν ἀμπελῶνα, ὡς οὐκ ὄντος Ἠλιοῦ τοῦ διελέγξοντος. Ἀλλ᾽ ἤγειρεν αὖθις Ἠλίαν τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον, ἐμφιλοχωροῦν ἐν δικαίων ψυχαῖς» (Migne: vol. 96, col. 776 B).

Еще раз к образу виноградника Навуфея Иоанн Дамаскин обращается в связи с сюжетом о винограднике вдовы Феогноста, к которому он прибегает в своем энкомии и который известен агиографии Иоанна Златоуста, начиная с середины VII – начала VIII вв.[7] Этот сюжет легендарен, и в его основе лежала

[6] Например, этот эпизод имеет место в «Житии св. Иоанна Златоуста» Псевдо-Георгия Александрийского (Douze récits 1977: 272–273), послужившем образцом для более поздних агиографических произведений, в которых он также фигурирует.

[7] Впервые он появляется в житиях Иоанна Златоуста Псевдо-Георгия Александрийского (Douze récits 1977: 70–285) и Феодора Тримифунтского (Douze récits 1977: 7–44).

аналогия между пророком Илией и константинопольским епископом, которая существовала в умах его приверженцев и сторонников[8].

В Константинополе была бедная вдова, муж которой был несправедливо оклеветан и умер в ссылке. Из всего имущества у вдовы остался лишь один виноградник, который захватила сребролюбивая императрица Евдоксия. Вдова обратилась за помощью к Иоанну Златоусту, который потребовал от императрицы вернуть виноградник. Когда императрица отказалась это сделать, епископ обличил ее, сравнив с нечестивой царицей Иезавелью.

Обличение Иоанном Златоустом императрицы Евдоксии ставится Иоанном Дамаскиным в один ряд с обличением пророком Илией царицы Иезавели. Поступок пророка агиограф рассматривает как образец божественной ревности, послуживший примером Иоанну Златоусту: «...Ἠλίαν ἔχων τοῦ ζήλου ποδηγὸν τὸν πυρίπνοον», (Migne: vol. 96, col. 777 A). Таким образом, как пророк Илия изобличил беззаконие Иезавели, так Иоанн Златоуст – императрицы Евдоксии. Проводя аналогию между действиями того и другого, Иоанн Дамаскин представляет Иоанна Златоуста борцом с произволом царской власти.

Наряду с образом пророка Илии как обличителя царского произвола в энкомии Иоанна Дамаскина имеет место знакомый по «Надгробному слову» образ пророка-изгнанника, скрывшегося на гору Хорив от преследований Иезавели. Об Иоанне Златоусте Иоанн Дамаскин образно говорит, что он, будучи низложен и изгнан, убегает вместе с пророком в пещеру Хорив: «... τοῦ βασιλικοῦ ἐξορίζεται ἄστεος ... σὺν Ἠλίᾳ πρὸς τὸ ἄντρον Χωρὴβ ἀποτρέχων» (Migne: vol. 96, col. 777 C). Уподобление Иоанном Дамаскиным изгнанного епископа великому пророку служит тому, чтобы возвеличить своего героя в глазах его почитателей.

С образом пророка Илии мы встречаемся в «Похвальном слове св. Иоанну Златоусту» императора Льва VI Мудрого, где он изображен как победитель жрецов Ваала. Автор «Похвального слова» уподобляет Иоанна Златоуста, узнавшего о подготовке против него незаконного собора и произнесшего обличительную проповедь, в которой он проводит параллель между своими противникамив и языческими жрецами, находящимися

[8] Научная гипотеза формирования этой легенды принадлежит Ф. ван Оммеслеге (Ommeslaeghe 1979: 131–159).

под покровительством Иезавели, пророку Илии и называет его «Илией нашего времени, великой трубой Церкви» («...ὁ καθ᾽ ἡμᾶς Ἠλίας, καὶ μεγάλη σάλπιγξ τῆς Ἐκκλησίας...») (Migne: vol. 107, col. 272 D). Он сравнивает епископа с Моисеем, Иисусом Навином и архистратиом Михаилом: «...τῇ τοῦ λόγου χρησάμενος σάλπιγγι ... Μωϋσῆς οἱά τις ἄλλος, ἢ Φινεὲς, ἢ Ἰησοῦς , ἢ ὁ φοβερὸς ἐκεῖνος καὶ τῆς θείας δυνάμεως ἐνόπλιος ἀρχιστράτηγος, καὶ τὴν ῥομφαίαν σπασάμενος, καταπλήττει τὸ θράσος τῶν ἀντιπάλων, Συναγάγετε πρὸς με ... λέγων, τοὺς ἱερεῖς τῆς αἰσχύνης, ἐσθίοντας τράπεζαν Ἰεζάβελ...» (Migne: vol. 107, col. 272 D–273 A).

В этом отрывке мы вновь видим противостояние двух образов: Иезавели и пророка Илии. Под Иезавелью Лев Мудрый, согласно сложившейся традиции, разумеет императрицу Евдоксию, которая стояла во главе заговора против Иоанна Златоуста, а под «трапезой Иезавели» – помощь беззаконной императрицы епископам, выступающим против Златоуста.

Соотнося дерзновенные слова Иоанна Златоуста с духовной победой пророка Илии над языческими жрецами, автор подчеркивает, что обличение Иоанном тех недостойных церковных иерархов, которые с помощью императрицы Евдоксии собрали против него лжесобор, имеет тот же пафос, что и обличение пророком Илией жрецов Ваала, а сами недостойные священники изменили вере в Бога и подобны жрецам языческого культа.

Этот же эпизод фигурирует в более поздних житиях Иоанна Златоуста: Никиты Пафлагонского, Анонима и Симеона Метафраста. Описание в них проповеди Иоанна Златоуста очень близко к описанию, содержащемся в «Похвальном слове» Льва Мудрого, они отличаются лишь незначительными нюансами.

Например, согласно Никите Пафлагонскому, перед тем как Иоанн Златоуст сравнил церковных иерархов, составивших против него заговор, со жрецами Ваала, он сослался на соответствующий отрывок из книги Царств («Μετὰ ταῦτα τοῦ διδασκάλου λοιπὸν ἐπὶ τῆς ἐκκλησίας ἐν χρείας μέρει ἀπὸ τῆς βίβλου τῶν βασιλειῶν παρενεγκόντος καὶ εἰπόντος...»). (Vita 130^{r2}).

Описание Анонима, который во многом опирался на «Житие» Никиты Пафлагонского, более пространно, он как бы комментирует сказанное его предшественником, сразу заявляя, что Иоанн Златоуст подражал ревности пророка Илии («...τὸν Ἠλίου ζῆλον ἐκμιμησάμενος...»), а также подчеркивая, что слова пророка, приведенные в книге Царств, вполне соответствуют сложившимся обстоятельствам («τοὺς ἐκείνου λόγους λίαν τῷ καιρῷ προσήκοντας»). (Savile $348_{13\text{-}16}$). Что же касается «Жития» Симе-

она Метафраста, то раскрытие в нем этого эпизода мало отличается от написанного его предшественниками (Migne: vol. 114, col. 1164 C-B).

В агиографии Иоанна Златоуста мы встречаемся с еще одним аспектом образа пророка Илии: он изображается жертвой самовластия порочной женщины. После победы над жрецами Ваала пророк Илия бежал не от гнева царя Ахава, а от угроз Иезавели, которой Ахав рассказал обо всем произошедшем (3 Цар. 19: 1–2). На этот эпизод ссылается, например, Никита Пафлагонский, говоря об изгнании пророка Илии Иезавелью, незаконно присвоившей себе власть, принадлежащую ее мужу: «... γυνὴ γὰρ ἀνδρὸς καταγνοῦσα μαλακότητα καὶ εἰς ἑαυτὴν τὸ ἐκείνου κράτος ἐξ αὐθαδείας περιστήσασα, τί οὐκ ἂν πράξαιεν τῶν ἀτοποτάτων· Ἠλίαν μὲν οὖν ὅθεν τὸν πῦρ καταφέροντα, ἐπὶ τεσσαράκοντα ἡμέρας φεύγειν ἀναγκάζει...».

С гонимым пророком Илией, и, одновременно, с Иоанном Крестителем, о котором в Евангелии говорится, что в духе и силе Илии он должен возвестить приход Мессии (Мф. 11: 14), Никита Пафлагонский сравнивает Иоанна Златоуста, который также пострадал от женского беззакония: «...ἀλλ᾽ οὐδὲ τὸν ὁμώνυμον ἐκείνῳ, μᾶλλον δὲ συνώνυμον καὶ τοῦ κόσμου περιλαμπὴ φωστήρα θέατρον ποιεῖν τῷ κόσμῳ καὶ ἀγγέλοις καὶ ἀνθρώποις ἢ διετράπει, ἢ ἀπέσχετο» (Vita 127^{v1-2}). Этот же мотив с небольшими вариациями используется и в «Житии» Анонима, источником которого послужило «Житие» Никиты Пафлагонского.

В заключение обратимся к образу пророка Илии, возносящегося на небо в огненной колеснице; он содержится в двух словах на перенесение мощей Иоанна Златоуста Никиты Пафлагонского. Мощи Иоанна Златоуста, торжественно перевозимые на императорской колеснице в сопровождении множества светильников из храма св. апостола Фомы, где они были помещены первоначально, в храм свв. Апостолов, уподобляются здесь пророку, которого несла огненная упряжка: «Ἐντεῦθεν ἐπὶ τοὺς Ἀποστόλους τοῦ Λόγου ὁ ὑποφήτης ἀπῄει λαμπαδουχούμενος μὲν ὑπὸ πάσης τῆς πόλεως, ὀχήματι δὲ βασιλικῷ καθάπερ Ἠλίας τῷ πυρίνῳ ἅρματι διφρευόμενος...» (Douze récits 1977: 495).

Тот же образ имеет место в другом слове Никиты Пафлагонского. «Ἐντεῦθεν ἐπὶ τοὺς ἀποστόλους τοῦ θεανθρώπου λόγου ὁ τῆς οἰκουμένης λαμπτὴρ διαυγέστατος ἀπῄει λαμπροφορούμενος τῷ τοῦ βασιλέως ὀχήματι, ὡς ὁ Θεσβίτης Ἠλίας τῷ πυρίνῳ διφρηλατούμενος ἅρματι» (Douze récits 1977: 533).

Мы уже встречались в «Надгробном слове» Псевдо-Мартирия Антиохийского с уподоблением пророка Илии, возносящегося на небо, Иоанну Златоусту. Это уподобление подчеркивает уникальность посмертной судьбы святого, его особое место среди прочих угодников Божиих. Сравнение же его мощей, переносимых в окружении многочисленных светильников, с восхождением пророка Илии на небо на огненной колеснице, еще больше углубляет эту мысль.

Торжественное перенесение мощей умершего в изгнании епископа в Константинополь рассматривается Никитой Пафлагонским и другими агиографами как восстановление справедливости, как духовная победа Иоанна Златоуста, посрамившего своих врагов. Образ же его мощей, перевозимых на на императрской колеснице в сопровождении множества светильников, который уподобляется необычайному исходу земной жизни пророка Илии, окончательно утверждает этот триумф.

Итак, рассмотрение образа Иоанна Златоуста в контексте образа пророка Илии дает возможность увидеть, как личность константинопольского предстоятеля воспринималась византийскими агиографами. Они наделяли прославленного святого теми же качествами, которыми обладал и пророк Илия: божественной ревностью, милосердием, могущественной силой слова, бесстрашием перед лицом власть имущих, он был обличителем произвола, беззакония и нечестия государственной власти, а также подчиняющихся ей церковных иерархов. Эти черты Иоанна Златоуста настолько выского ценились его агиографами, что они уподобляли исход его жизни огненному восхождению на небо пророка Илии.

Обращает на себя внимание разница в восприятии Иоанна Златоуста Псевдо-Мартирием Антиохийским и более поздними агиографами. Автор «Надгробного слова» вспоминает и о противостоянии пророка Илии Иезавели, и о воскрешении им сына сарептской вдовы, и о его бегстве в пустыню, и об огненном вознесении. Соответственно, в созданном им образе Иоанна Златоуста нашли отражение все эти черты.

В отличие от Псевдо-Мартирия, агиографы более позднего времени сосредоточились, в основном, лишь на обличении пророком Илией, с одной стороны, Иезавели похитившей виноградник Навуфея, а с другой, жрецов Ваала. Соответственно, Иоанн Златоуст представлен ими как изобличитель, во-первых, императрицы Евдоксии, захватившей виноградник вдовы Феогноста, и, во-вторых, церковных иерархов, пошедших на сговор

с беззаконной властью. Таким образом, в отличие от «Надгробного слова», основным пафосом образа Иоанна Златоуста в более поздней агиографии, является обличение беззаконий царской власти.

Причина этой разницы коренится в специфике литературного развития агиографической традиции Иоанна Златоуста. «Надгробное слово» – не только агиографическое, но и историческое произведение. Свою задачу его автор видел в том, чтобы объективно и правдиво рассказать о святом, поэтому Иоанн Златоуст представлен здесь как исторический персонаж. В более поздних же агиографических памятниках, начиная со второй половины VII века, он теряет черты своего исторического образа и становится литературным героем[9], в котором отразились черты, обусловленные, в частности, церковно-политической ситуацией в Византийской империи.

Несмотря на то, что в византийском законодательстве существовало четкое разграничение сфер деятельности светской и церковной властей[10], абсолютистские проявления императорской власти постоянно давали о себе знать. Общеизвестно, что ее наступление на авторитет власти церковной, особенно усилившееся в период иконоборчества, продолжалось и в последующие века[11].

Исходя из сказанного, можно сделать предположение, что именно идея необходимости обличения царской тирании дала импульс к формированию в византийской агиографии образа Иоанна Златоуста, прежде всего, как борца против беззаконий императорской власти[12], а пример пророка Илии как обличителя беззакония Иезавели, захватившей виноградник Навуфея, послужил для этого основанием.

---

[9] Подробно об этой проблеме говорится в моих статьях: Balakhovskaya 2014: 28–33 и Balakhovskaya 2015: 25–29.

[10] Различия между светской и церковной властями, а также принципы их взаимодействия сформулированы в 6 новелле императора Юстиниана (Dobroklonskiy 1913: 64) .

[11] В исследовании Д. Е. Афиногенова «Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии» (Afinogenov 1997) подробно прослеживается линия борьбы патриархов Тарасия, Никифора и Мефодия за укрепление престижа и влияния церковной власти. Вмешательство императорской власти в церковную жизнь продолжалось во второй половине IX и X веках (Lebedev 1998: 60–69)

[12] Выражаю благодарность д.ф.н., в.н.с. ИВИ РАН, Д.Е. Афиногенову, привлекшему мое внимание к этой проблеме.

Список литературы

Afinogenov, D.E. 1997: Konstantinipil'skiy patriarkhat i ikinoborcheskiy krizis v Vizantii (784–847) [Constantinople patriarchy and iconoclastic crisis in Byzantium (784–847)]. Moscow.
Афиногенов, Д.Е. 1997: Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М.

Balakhovskaya, A. S. 2014: Ioann Zlatoust kak literaturnyy geroy [St. John Chrysostom as a literary character]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 3, pt.2 [*Philological studies. Problems of theory and practice* 3, pt.2], 28–33.
Балаховская, А.С. 2014: Иоанн Златоуст как литературный герой. *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 3, ч. 2, 28–33.

Balakhovskaya, A. S. 2015: Vizantiyskaya agiografiya Ioanna Zlatousta: mezhdu istoricheskim faktom i literaturnym syuzhetom [Ioann Zlatoust's Byzantine hagiography: between a historical fact and a literary plot]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 2, pt.2 [*Philological studies. Problems of theory and practice* 2, pt.2], 25–29.
Балаховская, А. С. 2015: Византийская агиография Иоанна Златоуста: между историческим фактом и литературным сюжетом. *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 2, ч. 2, 25–29.

Dobroklonskiy, A.P. 1913: *Prep. Feodor, ispovednik i igumen studiyskiy* [*Rev Theodor, confessor and abbot*]. Pt. 1. Odessa.
Доброклонский А.П. 1913: *Преп. Феодор, исповедник и игумен студийский*. Ч. 1. Одесса.

Lebedev, A.P. 1998: *Ocherki vnutrenney istorii Vizantiysko-vostochnoy tserkvi* [*Essays on the internal history of the Byzantine Eastern Church*]. St. Petersburg.
Лебедев, А.П. 1998: *Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви*. СПб.

Svetlov, E. 1971: *Magizm i edinobozhie. Religioznyy put' cheloveka do epokhi velikikh uchiteley* [*Magizm and monotheism. Religious paths of the mankind before the Epoch of Great Teachers*]. Brussels.
Светлов, Э. 1971: *Магизм и единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей*. Брюссель.

Αντωνόπουλου, Θ. 2002: Πασχαλίδης Σ. Ένα ανέκδοτο κείμενο της μεσοβυζαντινής αγιολογίας: ο Βίος του Χρυσοστόμου του Νικήτα Παφλαγόνος. In: *Λογία καὶ δημώδης γραμματεία του ελλαδικού Μεσαίωνα*. Θεσσαλονική.

Πασχαλίδης, Σ.Α. 1999: *Νικήτας Δαβίδ Παφλαγών: Το πρόσωπο καὶ το έργο του: Συμβολή στη μελέτη της προσωπογραφίας καὶ της αγιολογικής γραμματείας της προμεταφραστικής περιόδου*. Θεσσαλονίκη.

Antonopoulou, Th. 1977: *The homilies of the emperor Leo VI*. Leiden, New York, Köln: Brill.

Baur, Ch. S. 1907: *Jean Chrysostome et ses oeuvres dans l'histoire littéraire*. Recuiel de travaux publiés par les membres des conférences d'histoire et de philologie, 18 fascicule. Louvain-Paris.

Douze récits byzantins sur saint Jean Chrysostome / Publiés par François Halkin. Bruxelles: Société des Bollandistes, 1977.

Figures de l'évêque idéale. Jean Chrysostome. Panégyrique de Saint Mélèce. Jean Damascène. Panégyrique de Saint Jean Chrysostome. Discours traduits et commentés par Laurence Brottier. Paris, 2004. P. 65–66.

Migne, J.-P. 1857–1866: *Patrologiae Graecae Cursus Completus*. Paris.

Ommeslaeghe, F., van. 1974: *De lijkrede voor Johannes Chrysostomus toegeschreven aan Martyrius van Antiochie*. Tekstuitgave met Commentaar Hoofdstukken uit de Historische Kritiek: PhD Dissertation. Louvain.

Ommeslaeghe, F., van. 1975: La valeur historique de la Vie de S. Jean Chrysostome attribuée à Martyrius d'Antiochy (BHG 871). *Studia Patristica* 12, 478–483.

Ommeslaeghe, F., van. 1979: Jean Chrysostome en conflit avec l'impératrice Eudoxie: Le dossier et origines d'une légende. *Analecta Bollandiana* 97, 131–159.

Savile, H. 1612–1613: *Chrysostomi opera omnia: in 8 vols*. Vol. 8. Eton, 293–371.

Vita a. Niceta Philosopho. Cod. Thessalonic. Βλατ. 4, saec.XI, fol. 77–155.

A. S. Balakhovskaya. Images of St. John Chrysostom and the prophet Elijah in the Byzantine hagiography

Prophet Elijah is one of the most significant figures of the Old Testament. At the same time his image plays an important role in the entire Byzantine hagiography of St. John Chrysostom and is closely linked with the saint's image. Through the prism of the prophet's image we can understand what features of the saint were the most valuable for the Byzantines hagiographers. They saw in St. John Chrysostom the same qualities as in Elijah: divine jealousy, charity, the mighty power of the word, fearlessness in the face of kings; they compared the end of his life with the prophet's ascension to heaven on a fiery chariot. Unlike the earlier hagiographical works, where the saint is portrayed as a victim of tyranny, in the later ones he is represented as someone who accuses the king of despotism. This difference is caused by the features of the literary development of St. John Chrysostom's hagiographical tradition. In earlier hagiographical works St. John Chrysostom is a historical figure, but in the later ones he becomes a literary hero. This image reflected the features of the ecclesiastical and political situation in the Byzantine Empire. In spite of the fact that in the Byzantine law there was a distinction between the church and the secular authorities, Byzantine emperors frequently interfered in the affairs of the church. So the idea of denunciation of imperial tyranny has led to predominance of prophet Elijah's image as a denouncer of Jezebel's lawlessness in the Byzantine hagiography, and the image of St. John Chrysostom is, above all, the image of a fighter against the iniquity of imperial power.

Keywords: The prophet Elijah, St. John Chrysostom, the Byzantine hagiography, the Byzantine Empire, hagiographical tradition.

А. М. Беликов

«ТРУБКА ДЛЯ КУРЕНИЯ ОПИУМА» ИЗ КИТИОНА И НАДПИСЬ ##161. KITI *IINS 001*[1].

«Трубка для курения опиума», обнаруженная в ходе раскопок Китиона на Кипре не является курительной принадлежностью и не может быть использована для употребления наркотиков. Древность вообще не знала такого способа употребления опиума, как курение. Данный предмет также не может быть музыкальным инструментом или его частью. Вероятнее всего, он представляет собой ручку, имеющую отверстия под штифты, для присоединения к ней какого-то предмета (например, бронзового зеркала(?)). *Кипро-минойская* надпись была нанесена на предмет уже после того, как он был украшен орнаментом. Последовательность знаков *082-096-088* второй строки надписи, которая может являться личным именем или титулом, встречается также на глиняном цилиндре из Энкоми. Существует вероятность того, что обе эти надписи синхронны по времени, следовательно, возраст «трубки» на сто или двести лет старше археологического контекста, в котором она была обнаружена.

Ключевые слова: Кипр, Китион, кипро-минойское письмо, опиум, курение опиума.

В ходе археологических раскопок сезона 1975 г., проводившихся в Китионе (совр. Ларнака) на Кипре *В. Карагеоргисом*, в комнате *38C* так называемого «*храма № 4*» была обнаружена группа предметов из слоновой кости. Эти предметы находились на разных глубинах в слое разрушений 16–20 см толщиной, разделяющем настилы *IIIa* и *III* и состоящем из обломков красных сырцовых кирпичей, перемешанных с участками древесного угля. Настил *IIIa* соответствует древнейшей фазе существования «*храма № 4*» (ок. 1220/10–1190 гг. до н. э.). Вскоре после гибели в начале *Позднего кипрского IIIa* периода (ок. 1190 г. до н.э .) «*храм*» был восстановлен (этой новой фазе соответствует настил *III*), однако предметы из слоновой кости не были извлечены из слоя разрушений и оказались, таким образом,

[1] Автор выражает благодарность к.и.н. *А. А. Ильин-Томичу*, к.и.н. *А. В. Сафронову*, к.и.н. *В. Ю. Шелестину* и д-ру *М. Валерио*, снабдившим его необходимой для подготовки статьи литературой, а также сотрудникам Государственного Русского музея *Т. А. Куриловой*, *Д. В. Красильникову* и *К.А. Огаркову*, принявшим участие в изготовлении копии «трубки» из Китиона.

перекрыты новым полом комнаты. Группа предметов из слоновой кости включает в себя ручку яйцевидной формы, резную двустороннюю пластину, изображающую льва в позе летящего галопа, резную двустороннюю пластину с изображением египетского бога Беса, стержень с двумя рядами отверстий и, наконец, цилиндрический предмет, имеющий отверстия и украшенный орнаментом. Три последних предмета несут на себе надписи, выполненные знаками *кипро-минойского письма I*[2] (Karageorghis 1976: 125; idem 1985: 116–117).

Цилиндрический предмет (*илл. 1*) имеет длину 13,75 см. Диаметр его узкого конца – 2,1 см, широкого – 2,6 см. В торцевой части узкого конца проделан канал (*A*), имеющий диаметр 1,2 см и длину – 4,7 см. В боковой поверхности предмета под слегка наклонным углом было просверлено практически круглое отверстие диаметром 1 см (*B*) для соединения с внутренним каналом, почти в той самой точке, где он заканчивается. С противоположного широкого конца под косым углом было проделано маленькое круглое отверстие диаметром 0,4 см, от края торцевой стороны до боковой поверхности предмета (*C*)[3]. Оба отверстия на боковой поверхности лежат на одной прямой. В центре торцевой части широкого конца было начато просверливание еще одного канала, однако оно практически сразу было прекращено (после него осталось небольшое углубление (*D*)). Окружность предмета украшена в эффектной, однако, не совсем аккуратной манере. С каждой стороны орнамент состоит из двух групп вырезанных двойных линий, опоясывающих окружность объекта, разделенных маленькими (0,3–0,4 см в диаметре) вырезанными циркулем кругами. Оставшаяся часть боковой поверхности разграничена в длину на четыре декоративные зоны четырьмя идущими вдоль нее линиями. Они разделяют поверхность на широкие верхнюю (где просверлено отверстие) и нижнюю секции, а также на две узкие секции по бокам. Центральная часть верхней секции украшена рядом кругов (диметром 0,3–0,4 см), идущих вдоль объекта. Этот ряд кругов находится на той же самой линии, где отверстия *B* и *C*. Линии, ограничивающие верхнюю секцию, украшены вдоль внутренней стороны рядами двойных дуг. На

[2] О разновидностях *кипро-минойского письма* см.: Palaima 1989, Duhoux 2013, Ferrara 2013b, Olivier 2013.

[3] По всей видимости, данное отверстие использовалось для пропускания в него веревки и подвешивания предмета.

нижней поверхности этот орнамент повторен. Боковые поверхности украшены зигзагообразным орнаментом (Karageorghis 1976: 125–127; idem 1985: 334–335).

На нижней поверхности предмета нанесена надпись (*илл. 2*), выполненная знаками *кипро-минойского письма I*. Надпись была буквально втиснута между геометрическим орнаментом. Она состоит из двух строк. Высота знаков колеблется от 0,3 до 0,8 см (Olivier 2007: 231). В первой строке – 3 знака, расположенных над линией кружков, идущих вдоль поверхности. Вторая строка, расположенная под линией кружков, состоит из 3 групп знаков, разделенных словоразделительными линиями. В первой группе – 3 знака, во второй – 5, в третьей – 1:

.01 *107-104-023*

.02 *082-096-088* | *110-023-059(-021)-023* | *102*[4]

Знаки надписи сильно потерты и едва читаются, в особенности это касается первых четырех знаков второй строки надписи (*илл. 1* – поврежденная часть надписи взята в рамку). По предположению *В. Карагеоргиса* это связано с тем, что данная сторона предмета соприкасалась с поверхностью земли (Karageorghis 1976b: 126–127). Однако, как отмечает *С. Феррара*, повреждения надписи выглядят намеренными, четко ограничены в пространстве и не могут быть вызваны естественными причинами. К примеру, орнамент, располагающийся над надписью и под ней, цел. Таким образом,здесь мы сталкиваемся с попыткой сознательно стереть знаки с поверхности предмета (Ferrara 2013a: 169).

В серии публикаций (Karageorghis 1976a: 234–235; idem 1976b: 127–129), последовавших за находкой, анализируя форму предмета и расположение отверстий в нем, а также тот факт, что вокруг большого отверстия на боковой поверхности обнаружены «явные следы горения», *В. Карагеоргис* предположил, что данный предмет использовался для курения опиума, и эта гипотеза получила широкую поддержку[5]. Опийный мак (*Papaver somniferum L.*) и способ получения опиума был хорошо известен в позднем бронзовом веке на территории Эгеиды

[4] См.: Duhoux 2013: 43–44; Valério 2016: 146–149; 494 (см. также Olivier 2007: 231).

[5] См., например: Merlin 2003: 309; Behn C.P. 1986: 195; Merrillees 1979: 169; Ferrara 2012: 125–127; eadem 2013a: 81. Следует особо отметить, что в двух новейших изданиях *кипро-минойских* текстов данный предмет описывается именно как трубка: “ivory pipe (?)” (Ferrara 2013a: 81); “tuyau d’ivoire (pipe?)” (Olivier 2007: 231).

(Kritikos, Papadaki 1967a; Belikov, Shirokov 2016). По всей видимости, кувшинчики с круглым основанием (*base-ring juglets*), имеющие форму маковой коробочки, экспортировавшиеся в середине и второй половине II тыс. до н.э. с Кипра и обнаруженные в больших количествах на территории Сирии, Палестины и Египта, представляли собой тару для хранения и перевозки жидких растворов, содержащих опиум (Merrillees 1962)[6]. Жители Кипра позднего бронзового века, несомненно, знали секрет получения опиума и употребляли его в медицинских, культовых и, возможно, даже рекреационных целях.

В. Карагеоргис высказал также предположение, что с данной «трубкой» может быть связан глиняный цилиндрический сосуд (?), диаметром 19 см в верхней части и высотой 23 см, имеющий два сквозных отверстия в нижней части, на который нанесены два одинаковых крупных знака кипро-минойского письма, обнаруженный во внутреннем дворе «*храма № 5*», соседнего с «*храмом № 4*». Данный предмет, по мнению исследователя, также использовался для вдыхания паров опиума. Следует отметить, что аналогичный артефакт, относящийся к периоду ок. 1300–1250 гг. до н. э., был найден в 1937 г. *С. Маринатосом* в местечке Гази на Крите вместе со статуэткой так называемой «Богини мака», которая имеет на своей голове три съемные броши, выполненные в виде маковых коробочек. Вертикальные бороздки на коробочках, окрашенные в более насыщенный цвет, чем сами коробочки, передают наиболее распространенный способ извлечения опиума из мака путем нанесения надрезов (Kritikos, Papadaki 1967a: 23–24). *С. Феррара* отмечает, что знак № 102, нанесенный на сосуд из «*храма № 5*», встречается также изолированно в конце второй строки надписи на «трубке», и высказывает осторожное предположение о том, что он может являться меткой, обозначающей продукт (опиум?) (Ferrara 2012, 126–127).

В. Карагеоргис полагает, что «трубка» могла использоваться жрецом или жрицей, а цилиндрический сосуд – остальными присутствующими в храме (Karageorghis 1976a: 239–240; idem 1976b: 128). Греческий фармаколог *П. Г. Критикос*, один из авторов основополагающего исследования об употреблении опиума в античности (Kritikos, Papadaki 1967a; iidem 1967b),

[6] Сосуды имеют характерную форму, напоминающую коробочку опийного мака, а также изображения надрезов для сбора сока опийного мака на своей поверхности.

которому *В. Карагеоргисом* были продемонстрированы фотографии и гипсовая копия трубки, а также фотографии и прорисовки сосуда, прокомментировал эти находки следующим образом: «Цилиндрическая трубка из слоновой кости не использовалась для сжигания опиума непосредственно в ней… Вероятно, что в процессе курения вертикальное отверстие трубки, имеющее следы темных пятен вокруг него, располагалось над цилиндрическим сосудом, в котором сжигался опиум;… вдыхание дыма опиума происходило через отверстие на конце трубки…» (Karageorghis 1976b: 129).

Однако предположение *П. Г. Критикоса* и *В. Карагеоргиса* сталкивается с очевидными логическими нестыковками, на которые обратил внимание швейцарский исследователь Юго-Восточной Азии Нового и Новейшего времени *А.-Ж. Рапин*. Если «трубка» располагалась над сосудом для сжигания опиума, то почему отверстие в ее боковой поверхности находится всего в 3,5 см от ее торца и, таким образом более 2/3 длины «трубки» не несет никакой функциональной нагрузки? Наконец, какой смысл использовать «трубку», диаметр отверстия которой всего 1 см, для вдыхания паров опиума, исходящих из глиняного сосуда диаметром 19 см? Понятно, что количество паров, попадающих в организм курильщика, в таком случае было бы очень небольшим (Rapin 2000: 21–22). Следует отметить, что техника курения опиума принципиально отличается от техники курения табака, о которой большинство из нас вспоминает при упоминании термина «курение». Она была изобретена в Китае в XVIII в. и достигла максимального распространения в эпоху поздней династии Цин (см. подробную дискуссию об ее происхождении в ibid.: 17–31). Неотъемлемыми принадлежностями для курения опиума являлись трубка и лампа. Длина трубок варьировалась в среднем от 45 до 60 см. Наиболее распространены были трубки из бамбука, однако китайские ремесленники экспериментировали и с другими материалами. Опиум должен был не сжигаться, а испаряться при относительно небольшой температуре. Этот эффект достигался при помощи специальной чашки, которая изготовлялась обычно из глины. Она прикреплялась к трубке при помощи металлического крепления. Для получения тепла использовались специальные масляные лампы с узкой горловиной. Лампы позволяли собрать необходимое количество тепла и направить его на небольшую по площади поверхность. Они делались обычно из латуни или стекла (ibid.: 10–17; Yangwen 2005: 164–

175). Вполне очевидно, что никакая глиняная чашка не могла бы быть установлена в отверстие в боковой поверхности «трубки» из Китиона[7], да и сам этот предмет не имеет ничего общего с позднейшими дальневосточными трубками и не мог бы быть использован для курения опиума.

В античных письменных источниках I тыс. до н. э. вообще не сохранилось никакой информации о том, что люди той эпохи знали способы употребления опиума в виде вдыхания его паров (Kritikos, Papadaki 1967b: 7). В *Гиппократовом корпусе* (De mulierum affectibus, I–III, 206, 8) есть сообщение о том, что маковый сок (ὀπὸς μήκωνος) был одной из составных частей рецепта лепешек, которые помещались на раскаленные черепки амфор и использовались для окуривания половых органов женщины в случае сильных болей в матке. *Диоскорид* (De materia medica, IV, 64, 5) и *Плиний* (Hist. nat., XX, 203) описывают различные способы определения качества опиума, в числе которых – его поджигание от огня светильника. Однако ни в одном из этих случаев речь не идет об использовании паров опиума для вызывания наркотического опьянения.

Могла ли «трубка» из Китиона использоваться в качестве музыкального инструмента? Данное предположение является вполне очевидным и вытекает из формы предмета. Оно было отвергнуто *В. Карагеоргисом*, поскольку предмет не издает звук, если дуть в его отверстия (Ferrara 2013a: 81). Точная копия «трубки» из Китиона была изготовлена для автора данной статьи сотрудниками Государственного Русского музея. Действительно, предмет не производит никаких звуков, если дуть непосредственно в его отверстия. Однако если направить поток выдыхаемого воздуха над отверстием в боковой поверхности «трубки», она начнет издавать высокий, неприятный и тихий свист, напоминающий звук свистка кипящего чайника. Если предположить, что предмет – свистковая часть флейты, то основное тело инструмента с игровыми отверстиями должно надежно крепиться соосно свистку. Однако каких-то видимых проточек или фланцев (со стороны горизонтального канала) на предмете не наблюдается. Следовательно, предположение о том, что «трубка» являлась музыкальным инструментом или его частью, может быть с полным на то основанием отвергнуто.

[7] На невозможность установки опиумной чашки на «трубку» из Китиона указывает также *Дж. С. Смит* (Smith 2009: 61. См. также: Collard 2011: 147).

Таким образом, по всей видимости, наиболее правильным будет остановиться на предложенной *Дж. С. Смит* интерпретации данного предмета в качестве ручки, имевшей отверстия под штифты, для присоединения к ней какого-то другого предмета (например, бронзового зеркала) (Smith 2009: 61; см. также: Collard 2011: 147).

Орнамент был нанесен на «трубку» до того, как в ней были просверлены отверстия – на это указывает тот факт, что один из маленьких кружков, являющихся частью орнамента на боковой поверхности «трубки», был частично срезан просверленным отверстием *B* (Karageorghis 1976b: 126). Местоположение отверстия канала (*A*), идущего вдоль «трубки», было намечено циркулем, о чем свидетельствуют сохранившиеся полукруглые отметки на торцевой части узкого конца. Первоначально канал планировалось просверлить со стороны широкого конца «трубки» – однако он был начат и почти сразу оставлен (*D*). Пометки циркулем перед началом его высверливания не были нанесены. Это может быть связано с тем, что в центре торцевой части находился маленький круг, являвшийся частью орнамента, который и был принят за обозначение центральной части канала. Однако отметка циркулем была сделана и для маленького отверстия с широкой торцевой части (*C*). Можно предположить, что наметил отверстия один человек, а высверливал их – другой, для которого эти пометки и предназначались. Причем первоначально маленькое отверстие планировалось высверлить в направлении той части боковой поверхности, на которой располагается надпись – для чего была сделана первая пометка, затем от этой идеи отказались и решили сверлить его в направлении противоположной части боковой поверхности. Таким образом, между нанесением орнамента на «трубку» и высверливанием отверстий прошел какой-то промежуток времени, однако насколько он был большим и имел ли данный предмет какую-либо функциональную нагрузку до просверливания отверстий сказать невозможно.

По предположению *В. Карагеоргиса* комната *38C* являлась *адитумом* или «*святая святых*» «*храма № 4*» (Karageorghis 1976a: 232; idem 1976b: 125). Однако *С. Ферррара* отмечает, что в этом небольшом помещении не было обнаружено никаких священных изображений или культовых статуй, и считает более вероятным, что комната представляла собой хранилище, в котором были размещены ценные предметы, связанные с культом (Ferrara 2012: 125). *Дж. С. Смит* вообще предлагает

отказаться от интерпретации «*храма № 4*» в качестве культового сооружения. По ее мнению, он представлял собой мастерскую, в которой могли находиться изделия из металла и слоновой кости для повторного использования, а также осуществлялись ремонт мебели, столярные работы и производство керамики (Smith 2009: 57–62, 246). Комната *38C*, по ее мнению, являлась кладовой. Она имела узкий вход и была наиболее недоступной комнатой «*храма № 4*» (ibid.: 57–58). Параллелью к комнате *38C* может служить небольшая и малодоступная комната дворца в Мегиддо, содержащая огромное собрание изделий из слоновой кости, приблизительно синхронная ей хронологически (ibid. 2009: 58; о находках в Мегиддо см.: Loud 1939; Feldman 2009, со ссылками)[8].

Надписи, выполненные *кипро-минойским письмом*, не известны на предметах из слоновой кости, за исключением предметов, обнаруженных в комнате *38C*. *С. Феррара*, анализируя *кипро-минойский* эпиграфический материал, отмечает, что поскольку среднее число знаков в одной надписи крайне мало, интерпретация их функций сводится к небольшому числу вероятностей, из которых заслуживают наибольшего внимания следующие: обозначение собственности, посвящение и обозначение продукта или товара (Ferrara 2012: 35; см. также: Harris 1989: 26–27). Для интересующей нас надписи из слоновой кости, по всей видимости, остается возможным осуществление лишь двух первых функций.

В свое время *Т. Г. Палайма* отметил: «Все прошлые и текущие схемы дешифровки *кипро-минойского письма* – неправдоподобны» (Palaima 1989: 121). В своем недавнем исследовании *Ж.-П. Оливье* добавляет, «что ничего не изменилось с тех пор» (Olivier 2013: 15). Поэтому в отношении памятников *кипро-минойского письма* нам доступны лишь осторожные попытки понять эту не дешифрованную письменность без каких-либо попыток ее дешифровки (Ferrara 2012). Таким образом, все предложенные ниже интерпретации являются в крайней степени гипотетическими.

Последовательность *082-096-088*, первая во второй строке надписи на «трубке», четыре раза упомянута в надписях из Энкоми: трижды на цилиндре ##097. ENKO *Arou 001* (строки

[8] Нельзя исключать вероятности того, что первоначальное число изделий из слоновой кости было значительно большим – они могли быть выбраны из слоя разрушений при восстановлении настила комнаты.

02, 09, 26), относящемся к промежутку *Поздний кипрский IIa – Поздний кипрский IIb* период (ок. 1425–1300 гг. до н. э.) и один раз на глиняном шаре[9] ##034. ENKO *Abou 031*, археологический контекст находки которого не известен. Причем на цилиндре эта последовательность дважды повторяется в форме *082-096-088-023*[10] (строки 02, 09). Цилиндр, по всей видимости, может являться списком имен представителей элиты Энкоми, а на глиняных шарах также могли быть антропонимы [11] (Ferrara 2012: 120–122). Таким образом, данная последовательность впервые появляется на документе, который приблизительно на сто или двести лет старше археологического контекста, в котором была обнаружена «трубка».

Знаки второй строки – *110-023-059(-021)-023*, по предположению *М. Валерио*, могут быть связаны с последовательностью *110-023-059*, которая встречается на глиняном шаре ##065. ENKO *Abou 062* из Энкоми, относящемся к Позднему кипрскому *IIIb* периоду (ок. 1150–1050 гг. до н. э.), то есть на пятьдесят или сто лет позднее археологического контекста, в котором была обнаружена «трубка». Знак *-021* между *-059* и *-023* может быть ошибкой, например, неудачной попыткой написать финальный знак *-023*. В таком случае последовательность следует читать как *110-023-059-023*. Даже если чтение верно, перед нами может быть еще один пример морфологического окончания и изменения по падежам (Valério 2016: 420–421; Olivier 2007: 231). Таким образом, если данные последовательности связаны друг с другом, тогда их можно интерпретировать как теоним или же жреческий титул, учитывая то, что глиняный шар обнаружен в более позднем и явно религиозном контексте – в святилище «Бога слитка» (Valério 2016: 420).

С. Феррара доказывает, что последовательность знаков *082-096-088* была сознательно стерта с «трубки», оказавшись предметом некого *damnatio memoriae*, которые были обычны для древнего Восточного Средиземноморья, в частности для Египта эпохи Нового царства. Подобной практике подвергались

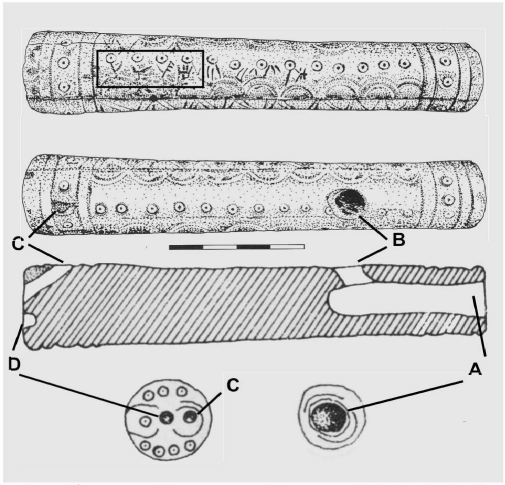
---

[9] Глиняные шары представляют собой наиболее необычные предметы, на которые наносились *кипро-минойские* надписи. Их известно более восьми десятков и об их функциях идут споры (Ferrara 2012: 111–124).

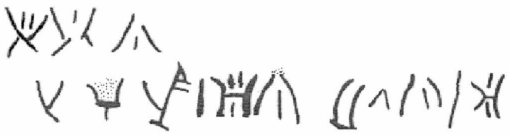
[10] *-023* может быть окончанием (Ferrara 2012: 115–116; Duhoux 2013).

[11] Следует отметить, что на двух глиняных шарах из Угарита, представляющих собой наиболее близкую параллель к кипрским шарам, имеются клинописные надписи, содержащие антропонимы (Ferrara 2012: 111–112).

божества, монархи и другие влиятельные персоны. Поэтому наиболее вероятной интерпретацией данной последовательности является антропоним или теоним, либо же некий титул высокого ранга[12] (Valério 2016: 321 (со ссылками)). Нельзя исключать того, что надпись хронологически синхронна надписи на цилиндре из Энкоми. Следует учитывать, что изделия из слоновой кости были очень дорогими и могли храниться не одну сотню лет[13].

Илл. 1. «Трубка» из Китиона (Ferrara 2012: 170, fig. 4.1; eadem 2013a: 212; Karageorghis 1976: 126, fig. 1). (обозначение отверстий литерами мое – *А. Б.*)

Илл. 2. Надпись ##161. KITI *Iins 001* (Olivier 2007: 231).

[12] Любопытным примером является надпись, выполненная кипрским силлабарием на серебряной чаше из Куриона (*ICS* 180a). Сосуд содержит две надписи. Более ранняя принадлежит пафосскому царю Акестору и выполнена пафосской разновидностью письма. Имя царя не тронуто, но его титул (*pa-si-le-wo-se*) сознательно стерт. Более поздняя надпись следующая: «*Я (принадлежу) Тимукрету*». Таким образом, данная чаша могла стать частью военной добычи, привезенной из Пафоса в Курион, где новый хозяин сосуда удалил часть надписи прежнего владельца и нанес свою собственную (Valério 2016: 421 (со ссылками)).

[13] Например, в Мегиддо представлены изделия стилистически более чем на сотню лет старше времени гибели дворца (Feldman 2009: 188).

Литература

Behn, C.P. 1986: The Use of Opium in the Bronze Age in the Eastern Mediterranean. *Listy filologické* 109 (4), 193–197.

Belikov, A.M., Shirokov, G.G. 2016: Torgovlya opiumom v Vostochnom Sredizemnomor'e pozdnego bronzovogo veka [Opium trade in the late Bronze Age in the Eastern Mediterranean]. *Antinarkotiches-kaya bezopasnost'* [*Antidrug Security*] 1 (6), 129–134.

Беликов, А.М., Широков, Г.Г. 2016: Торговля опиумом в Восточном Средиземноморье позднего бронзового века. *Антинаркотическая безопасность* 1 (6), 129–134.

Collard, D. 2011: *Altered States of Consciousness and Ritual in Late Bronze Age Cyprus*. Ph.D. Thesis, University of Nottingham. URL: http:// eprints.nottingham.ac.uk/12322/1/Complete_Text.pdf (20.04. 2016).

Duhoux, Y. 2013: Non-Greek Languages of Ancient Cyprus and Their Scripts: Cypro-Minoan 1–3. In: Steel, P.M. (ed.). *Syllabic Writing on Cyprus and Its Context.* Cambridge, 27–48.

Feldman, M. 2009: Hoarded Treasures: The Megiddo Ivories and the End of the Bronze Age. *Levant* 41, 175–194.

Ferrara, S. 2012: *Cypro-Minoan Inscriptions*. Vol. I: Analysis. Oxford; N.-Y.

Ferrara, S. 2013a: *Cypro-Minoan Inscriptions*. Vol. II: The Corpus. Oxford; N.-Y.

Ferrara, S. 2013b: Writing in Cypro-Minoan: One Script, Too Many? In: Steel, P.M. (ed.). *Syllabic Writing on Cyprus and Its Context.* Cambridge, 49–77.

Harris, W.V. 1989: *Ancient Literacy*. Cambridge (Mass.); London.

Karageorghis, V. 1976a: Le quartier sacré de Kition: campagnes de fouilles 1973–1975. *Comptesrendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 120 (2), 229–245.

Karageorghis, V. A. 1976b: Twelfth-Century Opium Pipe from Kition. *Antiquity* 50 (200), 125–129.

Karageorghis, V. 1985: *Excavations at Kition V: the Pre-Phoenician Levels*. Part II. Nicosia.

Kritikos, P.G., Papadaki, S.P. 1967a: The History of the Poppy and Opium and Their Expansion in Antiquity in the Eastern Mediterranean Area. *Bulletin on Narcotics* 19 (3), 17–38.

Kritikos, P.G., Papadaki, S.P. 1967b: The History of the Poppy and Opium and Their Expansion in Antiquity in the Eastern Mediterranean Area. *Bulletin on Narcotics* 19 (4), 5–10.

Loud, G. 1939: *The Megiddo Ivories*. Chicago.

Merlin, M.D. 2003: Archaeological Evidence for the Tradition of Psychoactive Plant Use in the Old World. *Economic Botany* 57 (3), 295–323.

Merrillees, R.S. 1962: Opium Trade in the Bronze Age Levant. *Antiquity* 36 (144), 287–292.

Merrillees, R.S. 1979: Opium Again in Antiquity. *Levant* 11, 167–171.

Olivier, J.-P., avec la collaboration de Vandenabeele, F. 2007: *Édition holistique des texts chypro-minoens*. Pisa; Rome.

Olivier, J.-P. 2013: The Development of Cypriot Syllabaries, from Enkomi to Kafizin. In: Steel, P.M. (ed.). *Syllabic Writing on Cyprus and Its Context.* Cambridge, 7–26.

Palaima, T.G. 1989: Cypro-Minoan Scripts: Problems of Historical Context. In: Bennet, J., Duhoux, Y., Palaima, T.G. (eds.). *Problems in Decipherment*. Louvain-la-Neuve, 121–187.

Rapin, A.-J. 2000: Notes sur la technique de la fumerie d'opium. *Cahiers du Centre d'etudes et de recherches interdisciplinaires sur l'Asie* (*CERIA*). URL: http:// www.sinoptic.ch/ceria/textes/notes. fumerie_rapin.pdf (20.04. 2016).

Smith, J.S. 2009: *Art and Society in Cyprus from the Bronze Age into the Iron Age*. Cambridge.

Yangwen, Zh. 2005: *The Social Life of Opium in China.* Cambridge.

Valério, M. 2016: *Investigating the Signs and Sounds of Cypro-Minoan*. Ph.D. Thesis, University of Barcelona. (Unpublished).

Arseny M. Belikov. "The Opium Pipe" from Kition and the Inscription ##161. KITI *Iins 001*.

The article considers an enigmatic ivory artifact which was found in 1975 at Kition on Cyprus in the layers of the beginning of the *LC IIIa* period. The object is cylindrical in shape. It is made of ivory and decorated with incised circles, semicircles and zigzags. A circular opening through the narrow end extends along the centre of the object. On the lateral surface a circular hole was drilled down to connect with the inside horizontal opening. The object was interpreted by its discoverer *V. Karageorghis* as a pipe for smoking opium and this hypothesis is widely accepted nowadays although it contains serious inconsistencies. In fact this object is unfit for the practice of opium smoking which wasn't known in antiquity and was invented in the 18th c. in China. Also the object couldn't function as a musical instrument or a part of it. An accurate copy of the "pipe" from Kition which was produced for the author of the article by employees of the State Russian Museum emits an unpleasant quiet sound only in one position – if air is blown above the opening on the flank of the pipe. The size and form of this object suggest instead that it may have been a handle (perhaps for a bronze mirror). It was found coupled with other ivory artifacts (two of them with inscriptions) in the room *38C* which may have served as a storeroom of the so called "*temple 4*". The object bears a Cypro-Minoan inscription which was incised after the object had received its decoration in full. The sequence of signs *082-096-088-* is mentioned four times in Enkomi, three of them in the Enkomi cylinder (##097. ENKO *Arou 001 – LC IIa – LC IIb*). The fourth attestation is on the clay ball ##034. *ENKO Abou 031*, but the archaeological context of the latter is unspecified. The sequence may possibly be interpreted as personal name or an occupational title of a high rank. If this is correct it may have belonged to the same person, thus the time of manufacturing of "the pipe" from Kition may be 100–200 years earlier than archaeological context of its finding.

Keywords: Cyprus, Cypro-Minoan writing, opium, the use of opium.

С. Г. Болотов

[ВТОРОЙ, «НАЗАЛЬНО-КЛАСТЕРНЫЙ»] ЗАКОН ТУРНЕЙЗЕНА, ЛАТИНСКИЕ ГЕРУНДИВЫ, ЛАТИНСКИЕ NOMINA ABSTRACTA НА *-ō, -inis* И… ЗАКОН КЛУГЕ

Ч. II. Сочетания с гуттуральными (начало)

Работа продолжает публикацию: Болотов 2015. В ней разбираются примеры действия и не-действия II[го] закона Турнейзена, т. е. перехода сочетаний *-Tn-* (*-tn-*, *-dn-*, *-dhn-*), *-Kn-* (*-kn-*, *-gn-*, *-ghn-*), *-Pn-* (*-pn-*, *-bn-*, *-bhn-*) в *-nd-*, *-ŋg-*, *-mb-* или, наоборот, в *-nn-*, *-ŋn-*, *-mn-*, и выдвигается тезис о зависимости такого выбора от (доисторического) разноместного латинского ударения [*-nd-*, *-ŋg-*, *-mb-* после безударного (корневого), *-nn-*, *-ŋn-*, *-mn-* после ударного (корневого) гласного; в суффиксах вместо *-nd-*, *-ŋg-*, *-mb-* выступают *-d-*, *-g-*, *-b-*, но *-NCn-* (*-nTn-*, *-ŋKn-*, *-mPn-*) всегда даёт *-ND-* (*-nd-*, *-ŋg-*, *-mb-*)].

Ключевые слова: латинский язык [латынь], (2-й) закон Турнейзена [закон сочетаний с носовым], правило [эффект] *pandō*, закон Клуге, закон Лахмана, сокращение (латинских) долгот по В. А. Дыбо, (шумные) смычные + *n*, (латинское, германское) разноместное [подвижное, свободное] ударение, закон(ы) Гримма, закон Вернера.

3. Как и в предыдущей части работы, приводится только материал, критичный для диагностики ударения или реконструкции консонантизма, с сохранением его группировки по (vDH).

-(k)n- > -ng- [-ŋg-]

[ē=]muŋg|ō, *-ere* [= *=muŋg-* ¿< **=muŋg'* < **=muŋ^{n}g'* < [Th$_2$] **=muŋg=n'* < [Th$_1$] **=muŋk=n'*?] (Pf. *=mūnxī*; Sup. *=mūnctum* — -: инфикс во всей глагольной парадигме!) ‘высморкать’; cf. *=μύσσω* (атт. *μύττω*) ‘*id.*’, *μύσσομαι* [Hesych. (1289), Herodian: *σμύσσεται* ‘ἀπομύσσεται’] ‘=ся’ [< **(σ)μύκι̯-*]; *μυκτ|ήρ*, ***-ῆρος*** [Herod.: *σμυκτήρ* ‘ὁ μυκτήρ’] m. ‘ноздря (и *μυξωτ|ήρ*, ***-ῆρος*** m.) [*pl. тж.* нос]; носик; *&c.*’; далее *mūcos* (< **mouk̯os*) [~ *mucc|os* (< **mūccos* ¿< **mouk̯-=k=os*?)] (*-us*) ‘слизь’, *mūcōs|os* (< **mouk̯-*) [~ *munguōs|os* (= *muŋg-* < **mŭŋg'* < **mūŋg'* < **mouŋg'* < [Th$_2$] **moug=n'* < [Th$_1$] **mouk=n'*)] (*-us*) 3 ‘слизистый; сопливый’; *μύξᾰ* < **μύκτι̯ᾰ* ‘слизь’; ‘ноздря; носик’ [трад. также к скр. √*muc* [Praes. VI (< *II) *muñcá-* (RV тж. *mucá-*); ‘терять; освобождать; отказываться’], лит. *mùk|ti*, *muñka*, *-o* (‘выпадать; слезать’; ‘удирать, бежать’; ‘вязнуть, увязать’) и *smùk|-ti*, *smuñka* [*smũksta* (¿= *smũksta*?) Š, *-sta*, *smuñksta* Lp], *-o* (‘сползать;

спадать; оседать'; 'вылезать'), лтш. *muk|t*, *mũ̂ku* (*mũ̂c*, *mũ̂k*), *-u* ('удирать'; 'вязнуть'; 'спадать; сползать') и *s̲muk|t*, *s̲mũ̂ku* (*s̲mũ̂c*, *s̲mũ̂k*), *-u* [ME III: 969ℓ–r; 'соскальзывать'], *š̲muk|t*, *š̲mũ̂ku* (*š̲mũ̂c*, *š̲mũ̂k*), *-u* [ME IV: 86r; 'вы-, у|скользнуть; вы-, со|рваться'], слав. **mъk=n̲=e=tь / mъk=nǫ̲=ti* (а.п. *b*/*a*) ↔ **mъč=i=tь / *mъč=a=ti* (< **mъč=ě=ti*) < **mъk=i=tь / *mъk=ě=ti* (а.п. ***c***/*a*); с *s* mobile также в авест. [см. в этой связи (Lubotsky 1999); настораживает Hesych. (1288): *s̲μῦς* 'ὁ μῦς' ('мышь'!) – «*σ* mobile»?]; о семантике см. (Joseph & Karnitis 1999) || vdH: 21, [§] 2.3.1.1 (2.16); dV: 392 sub v. «**mūcus**» (в лит. ошибочно «*mùnka*»); WH I: 402− 403 sub v. «**ēmungō**»; EM: 421ℓ–r sub v. «***mungō**»; Зализняк 2014: 329 sub v. «**замкнути**, во-, из-, ото-, про-», 282 sub v. «**по-мчати**, при-», 31 ⟨о *nǫ̲*-метатонии *c* → *b*⟩].

4. В отличие от адъективных суффиксов, способных нередко образовывать кортежи [ср.: *кремл=ёв̲=ск̲ій*, *дѣд=ов̲=ск̲ій*, *ерундо́в̲=ск̲ій*; *ке́рч=ен̲=ск̲ій*, *кладби́щ=ен̲=ск̲ій*; *се́стр=ш̲н̲=ск̲ій*, *о́хт=ш̲н̲=ск̲ій*; *прохо́д=ч̲=еск̲ій* < *прохо́д=щ̲=еск̲ій* < **про=хо́д=ск̲=еск̲ій* (cf. *прохо́д=ч̲=икъ* < *прохо́д=щ̲=икъ* < **прохо́д=ск̲=икъ*); *григорі=-ан̲=ск̲ій*, *юлі=ан̲=ск̲ій*; и др.], суффиксы абстрактных существительных стыкуются как раз через непременное посредство адъективизаторов, cf.: *лицо́* → *ли́ч=н̲ый* → *ли́ч=н̲=ост̲ь* → *ли́ч=н̲=ост̲=-н̲ый* → *ли́ч=н̲=ост̲=н̲=ост̲ь*; *цѣлый* → *цѣл=ост̲ь* → *цѣл=ост̲=н̲ый* → *цѣл=ост̲=н̲=ост̲ь* → *цѣл=ост̲=н̲=ост̲=н̲ый* → *цѣл=ост̲=н̲=ост̲=н̲=ост̲ь* : *цѣлый* → *цѣл=ьн̲ый* → *цѣл=ьн̲=ост̲ь* → *цѣл=ьн̲=ост̲=н̲ый* → *цѣл=ьн̲=ост̲=н̲=ост̲ь*; *дл=[и́ть(ся)]* → *дл=инá* → *дл=и́н=н̲ый* → *дл=ин̲=н̲=отá* → *дл=ин̲=н̲=о́т=н̲ый* → *дл=ин̲=н̲=о́т=н̲=ост̲ь*; *уко́ръ* → *укор=и́зн̲а* → *(без)укор=и́з-н̲=енн̲ый* → *[без]укор=и́зн̲=енн̲=ост̲ь*. Поэтому при переходе от *servi=t̲ū̲|s* (G. *-t̲is*) 'рабство' к *servi=t̲ū̲d̲|ō̲* (G. *-i̲n̲is*) '*id.*' необходима промежуточная адъективная фаза **serv=o̲t̲e̲u̲t̲=(i)n̲-os* > **serv=o̲t̲e̲u̲d̲=n̲-os* > **serv=o̲t̲o̲u̲d̲-os* > **serv=i̲t̲ū̲d̲-os*; *vor=āg̲|ō̲* (G. *-i̲n̲is*) 'про́пасть' образуется от *vor=ā̲|x̲* (G. *-c̲is*) 'всепоглощающий' при посредстве **vor=āg̲-os* < **vor=āg̲=n̲-os* < **vor=āk̲=(i)n̲-os*, а *cup=īd̲|ō̲* (G. *-i̲n̲is*) 'желание' < [Th$_2$] **cup=īd̲=nō̲* < [L] **cup=i̲d̲=n̲=ō̲* < **cup=i̲d̲=i̲n̲=ō̲* ← **cup=i̲d̲=i̲n̲-os* (*'алчущий') ← *cup=i̲d̲-os* '*id.*'; наконец, *l^u/¡b=īd̲|ō̲* 'желание' под влиянием этого са́мого *cupīd̲ō̲* заменило **lub=ēd̲|ō̲* (см. dV: [338−]339 sub v. «**libet**») < [Th$_2$] **lub=ēd̲=nō̲* < [Th$_1$] **lub=ē=t̲=n̲=ō̲* < **lub=ē=t̲=i̲n̲=ō̲* ← **lub=ē=t̲=i̲-n̲-os* (*'алчущий') ← **lub=ē=t̲=|u̲s* ([Д]> **lub=ĕ=t̲=u̲s* > *lib=i=t̲=u̲s* [G. *-ū̲s*] 'прихоть' или же **lub=ē=t̲-ā* ([Д]> **lub=ĕ=t̲-ā* > *lib=i=t̲-a* [n. Pl., субстантиват]) 'желания'.

Сокращения
(кроме сводящихся к отсечению суффикса *-(ий)ский*)

а.п. – акцентная парадигма; -а. – -английский; атт. – аттический (греч.); афр. – африкаанс; в.- – верхне-; вст.- – восточно-; герм. – германский; диал. – диалект, диалектный; др.- – древне-; з.- – западно-; зтл. – затерландский; и.-е. – индоевропейский; лат. – латынь, латинский; лит. – литовский; лтш. – латышский; н.- – нижне-; -н., нем. – немецкий; ндл. – нидерландский; -скс., сакс. – саксонский; сев.- – северно-; скнд. – скандинавский; скр. – санскрит; слав. – славяно-, славянский; ср.- – средне-; ст.- – старо-; стсл. – старославянский; трад. – традиционн|ый, -о; ю.- – южно-.

Dunika (нем. Dunniken) – село в Дуникской волости (центр – с. Сикшни) Руцавского края бывш. Лиепайского р-на Латвии (Курземе) [помета (ME)];

Friedrichshof bei Ronneb.⟨urg⟩ [лтш. Baĩžkaĩns (Rona = Raũna)] – мыза в Раунской волости Раунского края бывш. Цесисского р-на Латвии (Видземе) [помета (ME)];

LKŽe – On-line-версия (LKŽ): http://www.lkz.lt/startas.htm;

Lp – Léipalingis (Лейпуны), местечко [центр сянюнии (староства)] и деревня Друскинин[к(ай)]ского самоуправления [до 1999 Лазди(я)йского р-на (районного самоуправ́ления)] Алитусского уезда [до 19.VII.1994 Лейпалингской апи́линки (о́круга) Лаздийского р-на; до 20.III.1950 Лейпунской волости Лаздияйского (до 14.IV.1945 Сейненского) уезда] Литвы (Дзукии) [сокр. (LKŽ)];

R̥V – Ригведа;

Š – словари Юргиса Шлапялиса [сокр. (LKŽ)].

[Д] – сокращение безударных долгот по В. А. Дыбо (1961b);

[з] – заимствование;

[м] – морфолотическое производство или/и преобразование;

[L] – удлинение гласного по закону Лахмана;

[Th] – озвончение (Th_1) и метатеза с носовым (Th_2) по [$П^{МУ}$] закону Турнейзена (1883).

Литература

ALDH – Georges, K. E. *Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch*. Bd. 1: A–H (1913); Bd. 2: I–Z (1918). Hannover: Hahnsche Buchhandlung.

[B] – Bennett, Ch. E. *The Latin Language: A Historical Outline of Its Sounds, Inflections, and Syntax*. Boston: Allyn and Bacon, 1907.

Bolotov, S. G. 2015: [Vtoroy, «nazal′no-klasternyy»] zakon Thurneysen'a, latinskie gerundivy, latinskie *nomina abstracta* na *-ō*, *-inis* i… zakon Kluge **[**[The second] Thurneysen's law (the law of the nasal clusters), Latin gerundives, Latin *nomina abstracta* in *-ō*, *-inis*, and… Kluge's law**]**. Ch. I: Sochetaniya s dental′nymi **[**Pt. I. Clusters with the dentals**]**. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* 19 [*Indo-European Linguistics and Classical Philology* 19], 62–70.

Болотов, С. Г. 2015: [Второй, «назально-кластерный»] закон Турнейзена, латинские герундивы, латинские nomina abstracta

на *-ō, -inis* и… закон Клуге. Ч. I: Сочетания с дентальными. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 19, 62–70.

DÉLG – Chantraine, P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots*. T. I: A–Δ (1960); T. II: E–K (1970); T. III: Λ–Π (1974); T. IV–1: P–Y (1977); T. IV–2: Φ–Ω et Index (1980), term. par. O. Masson, J.-L. Perpillou, J. Taillardat, avec le concours de F. Bader, J. Irigoin, D. Lecco, P. Monteil, sous la dir. de M. Lejeune. Paris: Éd. Klincksieck.

DV – de Vaan, M. *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages* / Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Vol. 7 / Ed. by A. Lubotsky. Leiden; Boston: Brill, 2008.

Dvoretskiy, I. H. 1976 (1986): *Latinsko-russkiy slovar'* [*Latin-Russian Dictionary*]. Moscow: "Russkiy Yazyk" ["The Russian Language" Publishing].

Дворецкий, И. Х. *Латинско-русский словарь*. М.: «Русский язык».

Dybo, V. A. 1961b: Sokraschenie dolgot v kel'to-italiyskih yazykah i ego znachenie dlya balto-slavyanskoy i indoevropeyskoy aktsentologii [Vowel shortening in Celtic-Italic Languages and its significance for Baltic-Slavic and Indo-European accentology] // *Voprosy slavyanskogo yazykoznaniya* [*Topics in the Slavic languages*]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR [The USSR Academy of Sciences' Publishing House]. Vypusk [Issue] 5. C. 9–34.

Дыбо, В. А. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // *Вопросы славянского языкознания*. М.: Изд-во АН СССР. Вып. 5. С. 9–34.

EH – Endzelīns, J., Hauzenberga E. *Papildinājumi un labojumi K. Mīlenbacha Latviešu valodas vārdnīcai* (Endzelin J., Hausenberg E. *Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlenbachs Lettisch-deutschem Wörterbuch*). Sēj. (Bd.) I: A–M; Sēj. II: N–Ž. Rīga, 1934–1946.

EM – Ernout, A., Meillet, A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine: Histoire des mots*. Retir. de la 4e éd. augm. d'add. et de corr. par Jacques André. Paris: Éd. Klincksieck, 2001.

EWSS – Miklosich, F. *Etymologisches Wörterbuch der slawischen Sprachen*. Wien, 1886.

ESSYa [ЭССЯ] – *Etimologocheskiy slovar' slavyanskih yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [*Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock*] / Pod red. O. N. Trubachyova. [Ed. by O. N. Trubachev] Vyp. [Issue] 1–39. Moscow: "Nauka" Publishers, 1974–2014.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–39. М.: «Наука».

GEW – Frisk, Hj. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I: A– Ko (1960); Bd. II (1970): Kρ – Ω; Bd. III: Nachträge. Wortregister. Corrigenda. Nachwort (1972). Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.

[H] – Harkavy, A. *Yiddish-English Dictionary. With a Treatise on Yiddish Reading, Orthography, and Dialectal Variations*. 6th Ed., Impr. and Enl. N.Y.: Hebrew Publ. Comp., 1910.

Jasanoff, J. H. 2006: The origin of the Latin gerund and gerundive: a new proposal / *Harvard Ukrainian Studies*. 2006. P. 195–208.

Joseph, Brian D. & Karnitis, Catherine S. 1999: Evaluating Semantic Shifts: The Case of Indo-European **(s)meuk-* and Indo-Iranian **muč- // OSU Working Papers in Linguistics* 52, 151–158.

Kroonen, G. 2011: *The Proto-Germanic n-stems. A study in diachronic morphophonology*. Amsterdam: Rodopi, 2011 (= Leiden Studies in Indo-European, 18).

[L] – Lewis, Ch. T. *An Elementary Latin Dictionary*. New York: Harper & Brothers, 1891 [1894].

[ℓ] – Lewis, Ch. T. *A Latin Dictionary for Schools*. New York: Harper & Brothers, 1888; Oxford: at the Clarendon Press, 1889 [1900, 1914, 1926, 1937, 1951, 1962]; New York; Cincinnati; Chicago: American Book Company, 1916.

LEV – Karulis, K. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca*. S. I: A–O; S. II: P–Ž. Rīga: «Avots», 1992.

LEW – Fraenkel, E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I: A – privekiúoti (1962); Bd. II: Privykéti – -žvolgai. Nachträge. Wortregister. Berichtigungen. Nachwort (1965). Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

LKŽ – *Lietuvių kalbos žodynas*. T. I–XVII. Vilnius, 1941–2002.

LSJ – Liddell H. G., Scott R. *A Greek-English Lexicon* / Rev. and augm. by Sir Henry Stuart Jones with the ass. of Roderick McKenzie. Oxford: at the Clarendon Press, 1996.

LSh – *A Latin Dictionary. Founded on Andrews' Edition of Freund's Latin Dictionary*. Rev., Enl., and in Great Part Rewr. by Ch. T. Lewis, Ph.D. Oxford: at the Clarendon Press, 1789 [2002].

Lubotsky, A. 1999: Avestan compounds and the RUKI-rule // *Compositiones Indogermanicae in memoriam Jochem Schindler* / hrsg. von H. Eichner und H. C. Luschützky unter redaktioneller Mitwirkung von V. Sadovski. Praha: Enigma Corporation, 1999, 299–322.

LVPPV – Ceplītis, L., Miķelsone, A., Porīte, T., Raģe, S. *Latviešu Valodas Pareizrakstības un Pareizrunas Vārdnīca*. Rīga: «Avots», 1995 [на обл.: 1996]; (репр.: 2005).

LVV_{93} – *Latviešu Valodas Vārdnīca: Vārdu pareizrakstība. Vārdu izruna. Vārdu formas. Vārdu nozīme* / Valerija Bērziņa-Baltiņa, Jānis Bičolis / Latviešu valodas komisija. Amerikas Latviešu apvienība, 1993.

ME – Mūlenbachs, K. *Latviešu valodas vārdnīca* / Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns (K. Mühlenbach. *Lettisch-deutsches Wörterbuch* / Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin). Sēj. (Bd.) I: A–Ī; Sēj. II: Ie–O; Sēj. III: P–S; Sēj. IV: Š–Ž. Rīgā, 1923–1932.

OLD – Glare, P. (ed.). 1968 [1982]: *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: at the Clarendon Press.

REİS [РЕИС] – *Russko-evreĭskiĭ (idish) slovar'* [*Russian-Yiddish Dictionary*] / Pod red. M. A. Shapiro, İ. G. Spivaka i M. Ya. Shul'mana

[Ed. by M. A. Shapiro, E. G. Spivak, and M. Ya. Shul'man]. Moscow: "Russkiy Yazyk" ["The Russian Language" Publishing]., 1984 (1989).

Русско-еврейский (идиш) словарь / Под ред. М. А. Шапиро, И. Г. Спивака и М. Я. Шульмана. М.: «Русский язык».

Sihler, A. L. 1995: *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. N.Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1995.

Thurneysen, R. 1883: Urspr. dn, tn, cn im Lateinischen // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1883. Bd. 26. S. 301–314.

vDH – Van den Heuvel J. H. F. *PIE* *Dn*: a case study in Latin and Balto-Slavic*. Unpublished MA thesis, Leiden University, 2013.

WH – Walde, A. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch* / 3., neubearb. Aufl. von J. B. Hoffmann. [1.] Bd.: A–L (1938); [2.] Bd.: M–Z (1954); Registerband: zusammengest. von Elsbeth Berger (1956). Heidelberg: Carl Winter»s Universitätsverlag.

WOfS – *Wörterbuch der ostfriesischen Sprache*. Etymologisch bearbeitet von J. ten Doornkaat Koolman. I. Bd.: A – gü□tjen (1879). II. Bd.: H – püt-water (1882). III. Bd.: Q – Z. Nebst Nachtrag und Indices (1884). Norden: Verl. von Herm. Braams.

Zalizniak, A. A. 2014: *Drevnerusskoe udarenie: Obschie svedeniya i slovar'*. Moscow: "Languages of Russian culture".

Зализняк, А.А. 2014: *Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь*. М.: «Языки славянской культуры».

S. G. Bolotov. [The second] Thurneysen's law (the law of the nasal clusters), Latin gerundives, Latin *nomina abstracta* in *-ō, -inis*, and... Kluge's law . Pt. II. Clusters with the velars (beginning)

The article analyzes examples and counter-examples for Thurneysen's law (chronologically, the 2nd from the four possibly bearing his name), i.e. *-Tn-* (*-tn-*, *-dn-*, *-dhn-*), *-Kn-* (*-kn-*, *-gn-*, *-ghn-*), *-Pn-* (*-pn-*, *-bn-*, *-bhn-*) to *-nd-*, *-ŋg-*, *-mb-* transition, or conversely to *-nn-*, *-ŋn-*, *-mn-*, the thesis being about its dependence on the (pre-historical) movable Latin accent [namely *-nd-*, *-ŋg-*, *-mb-* follow the unaccented root vowel, while *-nn-*, *-ŋn-*, *-mn-* follow the accented one; the suffixes contain *-d-*, *-g-*, *-b-* in place of *-nd-*, *-ŋg-*, *-mb-*; but former *-nTn-* (*-ntn-*, *-ndn-*, *-ndhn-*), *-ŋKn-* (*-ŋkn-*, *-ŋgn-*, *-ŋghn-*), *-mPn-* (*-mpn-*, *-mbn-*, *-mbhn*) always result in *-nd-*, *-ŋg-*, *-mb-*]. In this connection the provenance of Latin *nomina abstracta* in *-dō*, *-gō* is discussed (as going back to nouns (or even adjectives) ending in *-t-*, *-d-* or *-k-*, *-g-* + adjectival *-in-* + abstractive *-ō(n)* [G. *-ŏnes*] via syncopation of *-t-in-*, *-d-in-*or *-k-in-*, *-g-in-*to *-dn-* or *-gn-* (with Lachmann's effect) and then to *-d-* or *-g-*, probably through *-^{n}d-* or *-^{ŋ}g-*).

Keywords: Latin (language), (the 2nd) Thurneysen's law [the law of the nasal clusters], *pandō*-rule [*pandō*-effect], Kluge's law, Lachmann's law, V. A. Dybo's shortening (of the Latin legths), (obstruent) stops [occlusives] + *n*, (Latin, Germanic) movable [free] stress [pitch, accent], Grimm's law(s), Werner's law.

Н. А. Бондарко, Д. Б. Крюкова

СРЕДНЕНИЖНЕНЕМЕЦКИЕ МОЛИТВЫ И ГЛОССЫ В СБОРНИКЕ ЛАТИНСКИХ БОГОСЛУЖЕБНЫХ ТЕКСТОВ XV ВЕКА (РНБ, Лат. О. I. 904)*

В статье дается краткое кодикологическое описание сборника латинских литургических молитв и псалмов 2-й трети XV в., происходящего из Любека и с 1984 г. хранящегося в Российской национальной библиотеке. Тексты на средненижненемецком языке – молитвы, записанные на свободных листах и комментарии на полях Псалтири – характеризуются с точки зрения их содержания и композиции. Текст молитвы к Деве Марии публикуется полностью.

Ключевые слова: средненижненемецкий язык, маргинальные глоссы, богослужебные тексты, молитвы.

Среди средневековых рукописей, поступивших в фонды Российской национальной библиотеки (ранее Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ГПБ) после Великой Отечественной войны из Германии – как в составе «перемещенных» культурных ценностей, так и из частных коллекций – представлен рукописный сборник латинских богослужебных текстов XV в. Лат. О. I. 904, в котором содержатся до сих пор неизвестные записи и тексты на средненижненемецком языке. Целью настоящей статьи является краткое представление этого материала, который имеет важное значение для сопоставительного изучения позднесредневековой рецепции латинского богослужения в частном обиходе благочестивых мирян и членов полу-монашеских общин северной Германии[1].

Рукопись была приобретена ГПБ в 1984 г. вместе с другим немецким сборником духовных текстов XV в. из собрания известного коллекционера М. И. Чуванова, о чем свидетельствует наклейка на обороте верхней крышки переплета[2]. На л. 1 при-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 13-04-00375.

[1] Подробнее об этой проблематике см., например: Логутова 2004.

[2] Новые поступления в Отдел рукописей и редких книг ГПБ (1984–1988). Каталог. Ленинград, 1991, с. 145–146. Михаил Иванович Чуванов (1890–1988) заведовал типографией, был старостой старообряд-

сутствует штамп городской библиотеки Любека (“Lübeckische Stadtbibliothek”), благодаря которому Ж. Вагоните удалось установить исходный шифр рукописи: Ms. theol. lat. 2° 4 (Vagonytė 2007: 189–190). Однако впервые кодекс был описан хранителем западноевропейского фонда Отдела рукописей РНБ М. Г. Логутовой для каталога латинских теологических рукописей (см. Логутова 2015: 279, № 604)[3]; приводимые ниже сведения основываются именно на этом описании. Рукопись содержит 271 лист формата in quarto (138 × 170 мм). Переплет средневековый: доски, обтянутые коричневой кожей со слепым тиснением; сохранилась одна металлическая застежка.

В 2011 г. сотрудник РНБ Е. В. Ляховицкий выполнил анализ филиграней на бумаге кодекса, результаты которого публикуются здесь впервые[4]. Как показал Ляховицкий, бумажный блок рукописи включает пять различных видов бумаги:

1) корона без круга (Krone ohne Bügel: лл.7/4; 6/5); знаки, композиционно совпадающие с обнаруженным в рукописи, имеют две линии в нижней части; они фиксируются в хронологическом интервале 1428 – 1477 гг.[5];

ческой общины московского Преображенского храма и крупным знатоком и собирателем рукописей, печатных книг и икон. По предположению М.Г. Логутовой, две рукописи РНБ были куплены М.И. Чувановым уже после Великой Отечественной войны. Ср.: Bondarko, Logutova, Lyakhovitskiy 2012: 124.

[3] Авторы приносят благодарность М. Г. Логутовой, которая впервые обратила наше внимание на средненижненемецкий материал рукописи и сопоставила ее содержание с материалом молитвенников из Хельмштедтского собрания, хранящегося в библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле.

[4] Методология анализа филиграней изложена Е.В. Ляховицким в работах: Ляховицкий 2011; Ляховицкий 2014.

[5] Здесь и далее используются следующие обозначения: PO для электронной базы данных “Piccard Online” (http://www.piccard-online.de/start.php). Наиболее ранние знаки: 1428 г. (PO 50256. Frankfurt am Main); 1429–1430 гг. (PO 50154, 50155. Wesel); наиболее поздние: 1467 г. (PO 50364); 1468 г. (PO 50234. Donaueschingen); 1477 г. (PO 50084. Nürnberg). Наряду с этими знаками, в альбомах и базах данных представлены также очень близкие по своей композиции знаки, имеющие три линии в нижней части. Они фиксируются во временном интервале 1420–1475 гг.: наиболее ранние: 1420 г. (PO 50569. Einbeck); 1423 г. (Briquet 1907: № 4636. Lautrec); 1424 г. (PO 50568); наиболее поздние: 1471 г. (PO 50475. Coburg); 1472 г. (PO 50476 – 50477. Köln); 1473 г. (PO 50478. Beromünster); 1475 г. (PO 50479 – 50480. Köln).

2) бычья голова (Ochsenkopf 1): лл. 11/20; 17/14; 18/13; 39/40; знаки этого типа встречаются в интервале между концом 1410 и началом 1510 гг.[6];

3) два ключа, без обрамления, с двухконтурными стержнями (Zwei Schlüssel, frei, zweikonturiger Schaft): лл. 24/29; 25/28; 26/27; 36/43; 42/37; 45/34; 50/55; 57/48. 58/47; 63/66; 61/68; 70/59; 74/83; 75/82; 81/76; 88/96; 92/91; 97/87; 98/86; 210/221; 211/220; 250/253; 254/249; 246; 250; 254; 261; знаки этого типа встречаются в широком диапазоне, с середины 1410-х до конца 1450-х гг.[7];

4) бычья голова (Ochsenkopf): лл. 38/41; данный знак можно гипотетически отнести к группе знаков со звездой на стержне, фиксируемых в интервале между 1420–1480-ми гг.[8];

5) виноград (Traube): лл. 103/112; 104/111; 108/107; 106/109; 119/120; 121/118; 123/116; 124/115; 126/137; 141/146; 143/144; 150/161; 152/159; 153/158; 164/171; 165/170; 168/167; 173/162; 177/182; 179/180; 183/176; 185/174; 188/195; 192/191; 197/186; 199/208; 204/203; 205/202; 224/231; 230/225; 232/223; 233/222; 242/237; 245/234; знаки этого типа встречаются в широком диапазоне с 1430-х до начала 1500-х гг.[9]

Итак, совмещение датировок пяти водяных знаков, представленных в рукописи, позволяет установить предельно допустимый интервал создания кодекса между 1430 г. и 1458 гг.

---

[6] Наиболее ранние: 1419 г. (Briquet 1907: № 14953. Lautrec); наиболее поздние: 1511–1513 гг. (Piccard G. Die Ochsenkopfwasserzeichen. Stuttgart 1966. Abt. I. № 292. Braunsberg, Ortelsburg, Osterode); 1512 (Piccard G. Die Ochsenkopfwasserzeichen. № 293. Osterode).

[7] Наиболее ранние: 1416 г. (Piccard G. Wasserzeichen Schlüssel. Stuttgart, 1979. Abt. 3. № 319, 326. Frankfurt am Main; PO 121080, 121088. Frankfurt am Main); 1417 г. (Piccard G. Wasserzeichen Schlüssel. № 311–313, 316, 320. Süddeutschland, Hanau, Aachen, Frankfurt am Main; Briquet 1907: № 3867. Halberstadt); наиболее поздние: 1446 г. (Briquet 1907: № 3867. Hamburg; PO 121045, 121055. Bensberg, Bensrath; Piccard G. Wasserzeichen Schlüssel. № 350–351, 368. Benrath, Köln); 1449 г. (PO 121113); 1458 г. (Briquet 1907: № 3868. Hagenwil; PO 121132).

[8] Наиболее ранние: 1424 г. (Piccard G. Die Ochsenkopfwasserzeichen. Stuttgart 1966. Abt.VII. №518 – 519. Basel, Gundelfingen, Konstanz, Lilienberg, Ohringen, Uri, Genf); наиболее поздние: 1489 г. (Piccard G. Die Ochsenkopfwasserzeichen. № 114–116. Basel, Strassburg).

[9] Наиболее ранние: 1430, 1435, 1438 (Briquet 1907: № 13040. Morges, Genf, Susa, Bale); наиболее поздние: 1499, 1500, 1503 (Briquet 1907: № 13040. Saint – Claude, Montreal).

Кодекс состоит из нескольких частей: первоначального блока и приплетенных тетрадей, содержащих тексты молитв. На латинском языке готическим книжным письмом записаны часы Св. Духа, Марии, литании, покаянных псалмов и Служба мертвых (л. 1r–95r). На л. 101r–257v записан текст 150 псалмов. На л. 95v и 97v–100v – между часовником и Псалтирью – содержатся тексты на средненижненемецком языке (в промежутке между ними расположено несколько латинских молитв, среди которых преобладают коллекты), написанные бастардой второй половины XV в. В тематическом отношении немецкие тексты никак не связаны ни друг с другом, ни с латинскими текстами: они записаны на свободных страницах двух разных тетрадей кодекса.

На л. 95v представлен комплекс из нескольких коротких молитв, обращенных к Деве Марии. Приведем этот текст с сохранением всех орфографических особенностей. В частности, целесообразно передать различие в написании <s> как ſ – во всех позициях, кроме конца слова, где последовательно пишется ß. Вместе с тем вводимое нами разбиение изначально сплошного текста на разделы позволяет проявить его композиционную структуру. Двойная вертикальная черта используется для выделения самостоятельных текстовых блоков; одинарная черта маркирует границы целых предложений или колонов; косая черта служит для выделения обращений и приложений, а также для разграничения однородных сказуемых и простых предложений с сочинительной связью.

gegrotet ſyſtu maria alder hilgeſte kint wēte dine bort heft gekindeget vroude aller werlt |

O leue maria / dor de vroude der ere diner hilgen bort ſo troſte my in alle mynen drofniſſen vnde an mynen leſten ende ||

aue maria ||

yk loue vnde benedide dy hemelſche yuncvrowe maria / vnde ik offere dy de gaue myner armode an deſſeme dage in deme du gheboren byſt aller werlde to troſte / vnde ik arme ſundere bidde dy dat du din herteleue kint biddeſt vor my dat he myn ſundeghe herte reineghe van aller vleſchliken wolluſt vnde vorvulle dat myt kuſcheit vnde myt guden dogeden ||

aue maria gr[ati]a plena ||

gegrotet ſyſtu maria de du in deſſe werlt byſt gekomen alſo ein ſchinende morgenroten / vorbode deß ewigen dageß |

gegrotet ſyſtu maria wente dine bort heft gekundeget vroude alder werlde |

gegrotet ſyſtu maria wente dine bort heft vordrefen de ewigen malediginge vnde heft vnß gebrocht de ewigen benediginge |

O maria de du hute biſt geboren van koningheß ſlechte alder werlde to troſte / ik bidde dy / troſte my vn̄ alle myne leuen vrunde vn̄ al de my gut gedan hebben vnde noch don in alle vnſen drofniſſen vnde in vnſer leſten ſtunde / vn̄ behute vnß vor ſchande vn̄ laſter vnde vor boſen ruchte vn[de] vor dotlike ſunde vnde vor alle dink de vnß ſcheiden mogen van gode / vn̄ vorlene vnß en hillich leuent vn̄ enen ſaligen ende deſſeß yamerliken leuendeß / vn̄ vntfa vnſe ſele wan ſe ſchedet vte deſſer werlt / vnde brink ſe in de ewigen vroude ||

Amen ||

aue maria gratia plena dominuß tecum || *(л. 95v).*

Перевод:

Радуйся, Мария, святейшее Дитя, ибо рождество Твое провозвестило радость всего мира!

О, милая Мария, ради радования о славе Твоего святого рождества утешь меня во всех моих печалях и в мой последний час!

Ave Maria.

Воздаю хвалу и благословляю Небесную Деву Марию; и приношу Тебе дар моей нищеты в этот день, в который Ты родилась всему миру в утешение; и я, бедный грешник, прошу тебя, чтобы Ты молила Твое милое Дитя за меня, чтобы Он очистил мое грешное сердце от всякого плотского наслаждения и наполнил его целомудрием и славными добродетелями.

Ave Maria, gratia plena.

Радуйся, Мария, пришедшая в сей мир, словно сверкающая утренняя заря, предвестница вечного полудня!

Радуйся, Мария, ибо рождество Твое возвестило радость всего мира!

Радуйся, Мария, ибо рождество Твое превозмогло вечное проклятие и привело нас к вечному благословению!

О Мария, родившаяся сегодня в царском роду всему миру в утешение! Молю тебя, утешь меня и всех моих любимых ближних, и сохрани нас от позора и греха, и от злой молвы, и от смертного греха, и ото всех вещей, что могут разлучить нас с Богом, и даруй нам святую жизнь и благочестивое окончание сего горестного жития, и прими нашу душу, когда она разлучится с этим миром, и приведи ее к вечной радости!

Аминь.

На л. 97v–100v записан текст, представляющий собой молитвенные парафразы, привязанные к латинским стихам литургии часов – коллектам и антифонам (восходящим к отдельным стихам Псалтири), охватывающим весь литургический цикл, начиная с заутрени и заканчивая вечерней (Inc.: *Here opene myne lyppen…*; Expl.: *de myt dy leuet vnde regneret*

ewichliken sunder vnde in der ewighen salicheit Amen). Семь раз повторяется возглас *Deus in adiutorium meum* (Ps 70,1), на основе которого обычно строилась вводная молитва каждого часа в монастырских бревиариях: *got dencke in myne helpe here snelle dv my to helpende Ere sy deme vader* (97v и далее). Он относится к числу вступительных возгласов, пропеваемых во вступительной части служб часов оффиция[10]. Также парафразируются другие литургические песнопения – например, возглас "Domine labia mea aperies" (Ps 50/51,17), "Converte nos Deus" (Ps 84,5), 1-й псалом ("Beatus vir qui non abiit in consilio impiorum"), секвенция "Veni Sancte Spiritus". Интересная особенность этого паралитургического текста заключается в том, что, за исключением случаев точного перевода латинских фраз, парафразы написаны по большей части попарно рифмованными стихами; иногда используются изоколические структуры. При этом какое-либо графическое членение текста отсутствует.

Обращает на себя внимание вольное переложение гимна "Veni Creator Spiritus", автором которого считается Рабан Мавр (776/784–856), на л. 97v–98ra, выполненное почти полностью, за исключением последнего (7-го) четверостишия[11]:

1. Veni, creator Spiritus,	*(97v)* kum in my schepper hilge gest
Mentes tuorum visita,	de du alle dink kanst vn[de] west
Imple superna gratia,	wente diner bedorf ik aller best
Quae tu creasti, pectora.	de du myt deme vader bist
	vn[de] myt deme sone en got vn[de] en lebendich
	born en leue aller best
2. Qui diceris Paraclitus,	
Donum Dei altissimi,	
Fons vivus, ignis, caritas,	du bist en troster ghenant
Et spiritalis unctio.	vn[de] genomet vn[de] en vingher in godes vorde
3. Tu septiformis munere,	hant
Dextrae Dei tu digitus,	
Tu rite promissum Patris	
Sermone ditans guttura.	

[10] Ночной оффиций (officium nocturnum или matutinae) включает службы третьего, шестого и девятого часа, а дневной состоит из лауд, первого, третьего, шестого и девятого часов, вечерни и комплетория.

[11] Латинский текст приводится по Солемскому изданию: Liber Hymnarius: Cum Invitatoriis and Aliquibus Responsoriis. Solesmes: Abbaye Saint-Piere de Solesmes, 1983. P. 90–91. Анализ смысловых расхождений в переложении и латинском оригинале должен стать предметом специального рассмотрения.

4. Accende lumen sensibus,	kum my to troste an hant
Infunde amorem cordibus,	kum vn[de] vorluchte dat herte myn
Infirma nostris corporis,	dar van syk mere my[n] wyn
Virtute firmans perpeti.	*(98ra)* gif de leue din dar in
	der ik lyeder noch ydel bin
5. Hostem repellas longius	voryage de viende vere van my
Pacemque dones protinus;	vn[de] nym my in dinen vrede my ie my
Ductore sic te praevio	bescherme vn[de] make vry
Vitemus omne noxium.	vor al dat my schedelyk sy
6. Per te sciamus da Patrem	lat my den vader an dy vor stan
Noscamus atque Filium,	vn[de] den sonen bekumen vn[de] dy ut em gan
Te utriusque Spiritum	van den twe[n] sunder wan
Credamus omni tempore.	de drein ener gade dan[n]e

Наконец, на л. 172v представлен молитвенный текст (Inc.: O hilge ansuere…), однако он сильно поврежден (правая половина листа обгорела) и полному восстановлению не подлежит.

Остальной нижненемецкий материал в рассматриваемой рукописи представлен не самостоятельными текстами, а многочисленными глоссами, написанными красными чернилами на верхних полях той части рукописи, которая содержит Псалтирь (л. 101r–257v); коричневыми чернилами сделаны маргинальные записи на латинском языке. Почерк отличен от письма псалтири – более мелкий, тщательный и регулярный.

Объем маргиналий варьируется: встречаются как краткие вспомогательные богослужебные формулы, так и пространные комментарии дидактического характера. Глоссы были записаны уже после создания самой рукописи – во второй половине XV в. Вероятно, уже переписанные псалтири снабжались такими пометами с указаниями, в каких случаях и как читать тот или иной псалом. Эти записи были сделаны для мирян (такое использование псалмов для личного благочестия отлично от подборок псалмов – например, семи покаянных – для литургического употребления). В отличие от латинских маргиналий, непосредственно дополняющих текст молитвы, немецкие пометы представляют собой собственные комментарии глоссатора. Они относятся к 136 псалмам из 150. Иногда запись переходит на соседнюю страницу (л. 129v–130, 134v–135, 154v–155). Содержание маргиналий весьма разнообразно и может быть распределено по четырем тематическим группам.

Самая обширная группа (86 глосс) объединяет глоссы, представляющие собой практические советы для различных жиз-

ненных и бытовых ситуаций – например: “dessen salmen dichte konink david to godes denste bude to eren” («Этот псалом поет царь Давид на богослужении» л. 102r). Данная глосса сопровождает псалом 1, авторство которого приписывается царю Давиду. В отношении данной группы помет особый интерес представляют причины, по которым для каждого псалма определяется тот или иной практический смысл. С одной стороны, часть помет обнаруживает корреляцию с содержанием псалмов. Так, псалом 28 “Afferte Domino filii Dei” предваряет комментарий *dessen salmen les wan it so vele regent* («Этот псалом читай, когда идет сильный дождь», л. 125v). Смысл этого указания сообразуется с одним из ключевых образов псалма – «Гласа Господня на водах многих». Псалом 127 “Beati omnes qui timent Dominum” сопровождается указанием dessen *les wan de vrowe geuesen is enes kindes* («Этот псалом читай, когда женщина рождает ребенка», л. 240v), которое очевидным образом перекликается с последними стихами псалма: «Да благословит тебя Господь с Сиона <…> да увидишь детей у детей своих». С другой стороны, часть помет может восходить к сочинению Псевдо-Алкуина “De psalmorum usu”, в котором содержатся указания относительно использования псалмов в ежедневной жизни монаха[12]. Так, например, псалом 67 предлагается читать утром по пробуждении: *dessen les des morgens wan da dy uprichest* («Этот псалом читай, когда встаешь утром», л. 161r).

К этой же группе примыкают двуязычные пометы. В состав таких маргиналий входит формульный компонент латинской молитвы и немецкий комментарий глоссатора – например: *in nomine patris et filii et spiritus sancti amen. Hir beginnet sik de hilige geistes tijde* («Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь *(лат.)* Здесь начинается время Святого Духа» *(нем.)*) (л. 11r). В приведенной глоссе представлена стандартная тринитарная формула на латинском языке, открывающая молитву, и пояснение для читающего.

Вторую группу (30 глосс) образуют хвалебные глоссы. В основе данных маргиналий лежит четкая структура вида *dessen salmen les [obj.] to loue unde to eren* («Этот псалом читай во славу и в честь [кого-л.]»). Согласно маргиналиям, псалмы

[12] Alcuinus, 1863: De psalmorum usu liber cum variis formulis ad res quotidianas accomodatis. In: Migne J-P. Patrologiae cursus completus: Series Latina. Vol. 101, 465–508.

возносятся во славу Господу, Деве Марии, Святому Духу, святым апостолам, ангелам и христианским мученикам.

Третью группу составляют глоссы богослужебно-дидактического характера, информирующие читателя о типе литургической службы, для которой предназначен тот или иной псалом (16 глосс). Так, например, псалом 143 входит в состав воскресной вечерни: *dessen salmen des sonnauendes to der vesper so les desse salmen* («В воскресенье на вечерне читай этот псалом», л. 251r). Псалом 71 пропевается на Великопостной службе: *dessen les in den xl dagen* («Этот псалом читай в Четыредесятницу», л. 171v–172r). Вознесением псалмов отмечаются также основные этапы жизни Иисуса Христа и соответствующие им христианские праздники: псалом 111 на рождение Христа (*dessen les der bort unses leuen heren ihesu cristi*, л. 222r), псалом 113 на Крещение (*dessen les unses leuen heren dope to eren*, л. 223r), ряд псалмов на деяния и псалом на крестные муки и во славу Святого Креста (псалом 92: *dessen les deme hilgen cruce to loue unde to eren*, л. 199r; псалом 21: *myt desseme salmen so loue got wente he ene sulnen sprak an deme cruce do he synen geyst bevol an sines vader hande*, л. 119r), псалом 138 на воскресение Христа (*dessen les der vpstandige unses leuen heren ihesu cristi*, л. 246v).

С формальной точки зрения текст подобных дидактических маргиналий содержит прямое обращение к читателю, выраженное формами императива глаголов и личными местоимениями (*scole tu spreken*, *les*). Наличие таких глосс является косвенным признаком, позволяющим уточнить социальный статус потенциального читателя рукописи. Представляется вероятным, что глоссатор снабдил необходимыми пометами на родном языке текст, предназначенный для новиция или брата-мирянина, живущего при монастыре.

Четвертая – самая малочисленная группа (10 глосс) – включает пометы с просьбами к Господу об утешении, успокоении или милосердии, выраженными формулой: dessen *salmen les to gnaden unde to troste / to troste* («Этот псалом читай в утешение [*кому-л.*]»).

Что касается латиноязычных глосс, то они, как правило, представляют собой начальные или конечные сегменты молитв. К их числу относятся литургические аккламации и стандартные литургические формулы, открывающие либо завершающие чтение того или иного культового текста – напр.: *rex glorie vivis et regnat deus per omnia secula seculorum amen*, л. 96r). Здесь

заключительная доксологическая формула следует после молитвы "Pater noster", а далее начинается текст 145-го псалма. Пропуск начальных и конечных фрагментов не является редкостью: стереотипные литургические формулы закреплены в структуре молитвы и имеют устойчивую форму, тогда как основное содержание определяется разновидностью молитвы и может варьироваться.

Таким образом, анализ содержания нижненемецких маргиналий в рукописи Лат. О. I. 904 позволяет сделать вывод о внелитургическом использовании данного молитвенника: псалмы предназначались для личного благочестия и личной молитвы мирянина, а сопровождавшие их пометы на родном языке позволяли читателю ориентироваться в выборе необходимого псалма в соответствии с ситуацией.

В сентябре 2015 г. М. Г. Логутова обнаружила ряд идентичных средненижненемецких маргиналий в латинской Псалтири, хранящейся в Вольфенбюттельской библиотеке герцога Августа (Ms. Helmst. 1257, пергамен, XIV в.) и происходящей из монастыря уставных канонисс-августинок в Штетербурге. На основании палеографических особенностей глоссы датируются XV в., как и в рук. Лат. О. I. 904. Это обстоятельство открывает перспективы для дальнейшего комплексного изучения Санкт-Петербургского кодекса.

Литература

Bondarko, N., Logutova, M., Lyakhovitskiy, E. 2012: Mittelniederdeutsche geistliche Prosa in Handschriften der Russischen Nationalbibliothek St. Petersburg. In: A. Breith u. a. (Hrsg.), *Manuscripta germanica. Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas*. Zeitschrift für deutsches Altertum, Beiheft 15. Stuttgart, 123–155.

Briquet, Ch. M. 1907: *Les Filigranes: Dictionnaire historique des marques du papier*. Genève, Vol. 1–4.

Logutova, M. G. 2004: Lectio – meditatio – oratio: pozdnesrednevekovaya monastyrskaya religioznost' na primere rukopisnogo molitvennika konca XV v. iz sobraniya Rossiyskoy Nacional'noy Biblioteki v Sankt-Peterburge. [Lectio – meditatio – oratio: Late medieval monastic religiosity examplified by a handwritten prayer book from the late 15th century] In: I. I. Varyash (ed.), *Historia animata*. Vol 3. St. Petersburg, 96–125.

Логутова, М. Г. 2004: Lectio – meditatio – oratio: позднесредневековая монастырская религиозность на примере рукописного молитвенника конца XV в. из собрания Российской Национальной Библиотеки в Санкт-Петербурге. В сб.: И. И. Варьяш (ред.), *Historia animata*. Ч. 3. СПб., 96–125.

Logutova, M. G. 2015: *Katalog sobraniya latinskikh rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki: Teologiya = Catalogus codicum manuscriptorum latinorum, qui in Bibliotheca Publica Petropolitana asservantur: Theologia* [*A catalogue of Latin Manuscripts of the National Library of Russia: Theology*]. St. Petersburg.
Логутова, М. Г. 2015: *Каталог собрания латинских рукописей Российской национальной библиотеки. I. Теология.* СПб.

Lyakhovitskiy, E. A. 2011: Klassifikaciya v filigranografii: udobstvo poiska ili vozmozhnost' interpretacii? [Classification in the study of water marks: conveniency of the search or an opportunity for the interpretation?]. *Fotografiya. Izobrazheniye. Dokument* [*Photography. Picture. Document.*] 2 (2), 38–48.
Ляховицкий, Е. А. 2011: Классификация в филиграномографии: удобство поиска или возможность интерпретации? *Фотография. Изображение. Документ* 2 (2), 38–48.

Lyakhovitskiy, E. A. 2014: Issledovaniye bumagi v izuchenii pis'mennykh pam'atnikov. Problemy klassifikacii i interpretacii vod'anykh znakov [Exploring paper within the study of written texts. The problems of classification and interpretation of water marks]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. Rossiyskaya Akademiya nauk. Institut russkoy literatury (Pushkinskiy Dom)* [*Transactions of the Department of Old Russian Literature. Russian Academy of Sciences. The Institute of Russian Literature (the Pushkin House)*]. T. 62 [Vol. 62]. St. Petersburg, 644–672.
Ляховицкий, Е. А. 2014: Исследование бумаги в изучении письменных памятников. Проблемы классификации и интерпретации водяных знаков. *Труды Отдела древнерусской литературы. Российская Академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом).* Т. 62. СПб., 644–672.

Piccard, G. 1966–1997: *Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Findbücher I–XVII.* Stuttgart.

Vagonytė, Ž. 2007: Mittelalterliche deutsche Handschriften in St. Petersburg. Bericht über eine Bibliotheksreise. In: H. Müns, M. Weber (Hrsg.), *„Durst nach Erkenntnis...". Forschungen zur Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa. Zwei Jahrzehnte Immanuel-Kant-Stipendium*, (Schriften des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa 29). München, 181–195.

N. A. Bondarko, D. B. Kryukova. The Middle Low German prayers and glosses in a collection of Latin liturgical texts of the 15th century (the National Library of Russia, Lat. O. I. 904)

The article contains a brief codicological description of a manuscript collection of Latin liturgical prayers and psalms from the 2nd third of the 15th century. The codex originates from Lübeck and is stored in the National Library of Russia since 1984. The Middle Low German texts (prayers, recorded at free folios as well as marginal glosses to the Latin Book of Psalms) are characterized with regard to their content and composition. The text of the prayer to the Virgin Mary is published in full. The vernacular text on ff. 97v–100v is defined as a vernacular paraphrase

of the Liturgy of the Hours, partly in rhymed verse without regular rhythmus. The marginalia contain instructions about the manner and circumstances in which one should read particular psalms. They are also interesting because of their textual identity with the vernacular glosses written by the hand of the 15th century in a Latin Psalter of the 14th century from the convent of Augustinian canonesses of Steterburg (Wolfenbüttel, the Herzog August Bibliothek, Cod. 1257 Helmst.).

Keywords: Middle Low German, marginal glosses, liturgical texts, prayers.

В. А. Бондарь

«HE HATH SPOKEN YESTERDAY»: перфект в позднесреднеанглийский и ранненовоанглийский периоды

Статья посвящена анализу функционально-семантических характеристик презентного перфекта в позднесреднеанглийском и ранненовоанглийском периодах. Возможность употребления перфекта в прошедших контекстах, а также с наречиями прошедшего времени в текстах данных периодов рассматривается как проявление особых свойств семантики перфекта на данном этапе его развития. Как следствие, перфективный компонент семантики реализуется не как случайное смешение или переплетение функциональных характеристик перфекта и претерита в ряде примеров, но как устойчивое значение, проявляемое и в дальнейшем закрепляемое за определенными прагматическими контекстами.

Ключевые слова: история английского языка, вариативность глагольных форм, перфект, претерит, семантические характеристики глаголов, нарративная функции перфекта.

0. Вводные замечания

В исследованиях по развитию перфекта в истории английского языка отмечается, что в процессе грамматикализации конструкции HABBAN + причастие II возникающий в конце древнеанглийского – начале среднеанглийского периода презентный перфект начинает использоваться в прошедших нарративных контекстах, а также в контекстах с наречиями точного прошедшего времени (Смирницкая 1977: 66, 71; McCoard 1976: 242–262). Такие случаи встречаются и в ранненовонаглийских произведениях – как, например, в знаменитом монологе из «Гамлета»:

(1) Alas, poor Yorick! I **knew** him, Horatio;…he **hath borne** me on his back a thousand times;…Here **hung** those lips that I **have kissed** I know not how oft.
'Увы, бедный Йорик! Я **знал** его, Горацио;...он тысячу раз **носил** меня на спине; ...Здесь **были** эти губы, которые я **целовал** сам не знаю сколько раз'.

В примере (1) нарушается принцип текущей релевантности: *hath borne* и *have kissed* в современном английском являются аграмматичными. Несомненно, одним из контраргументов про-

тив приведенного примера будет указание на то, что данный отрывок взят из пьесы, где свою роль могут играть факторы ритма, метра, рифмы и прочие особенности поэтического языка. Действительно, Т. Виссер приводит большое количество примеров на претеритальное употребление презентного перфекта в поэтических произведениях среднеанглийского периода, убедительно демонстрируя, каким образом метрические и ритмические механизмы влияют на выбор глагольной формы (Visser 1973: 717–718). Однако действенность данного контраргумента не следует преувеличивать. Во-первых, как показано в работе Richardson 1991, перфект в прошедших контекстах может использоваться не только ради ритма и рифмы, но и служить своеобразным инструментом, выполняющим текстообразующую функцию выделения важного события, перехода от одного эпизода (темы) к другому и т.д. (Richardson 1991: 2 и далее). Во-вторых, подобного рода примеры характерны и для прозаических произведений, что ослабляет тезис об особом поэтическом синтаксисе, якобы идущем вразрез с теми правилам, которые наблюдаются в прозе. При этом, все же, как отмечает МакКоард, в среднеанглийский период перфект был *семантически* противопоставлен претериту (McCoard 1976: 252). Хотя перфект в силу своей двойственной семантики, связывающей прошедшее событие с настоящим, не может находиться в равновесии и по этой причине эволюционирует в сторону прошедшего времени (ср. Есперсен 1958: 324–325; Маслов 1983: 41–54), в английском языке перфект, тем не менее, является довольно стабильной категорией (ср., например, данные в Elsness 1997). Как отмечает Т. Виссер «…в послешекспировский период претерит и конструкция have + причастие употребляются таким же образом, как и в наши дни» (Visser 1970: 751). И действительно, определение функционально-семантических свойств перфекта, данное в прескриптивных грамматиках XVIII вв. (см., напр., грамматику Линдли Мюррея 1795 г.) остается релевантным и для современного перфекта. Таким образом, открытым остается вопрос относительно причин употребления презентного перфекта в прошедших контекстах: можно ли такое употребление перфекта объяснить лишь его функциональными характеристиками – или речь должна идти об особых семантических свойствах перфекта на данном этапе его развития?

Для выявления особенностей семантики и функциональных характеристик перфекта, мы ограничились двумя периодами:

позднесреднеанглийским и ранненовоанглийским. Выборка примеров сделана на основе писем семьи Пастонов (XV в.) и переписки графа Томаса Говарда Арундела (XVII в.), взятых из корпуса *The Parsed Corpus of Early English Correspondence* («Синтаксически размеченный корпус раннеанглийской корреспонденции»), а также двух самостоятельных произведений из каждого периода: религиозного трактата Марджери Кемпе «Книга Марджери Кемпе» 1438 года и первого в истории английской литературы плутовского романа «Злосчастный скиталец, или Жизнь Джека Уилтона», написанного Томасом Нэшем в 1594 году. Кроме того, были проанализированы примеры из переписки XVI–XVII вв. «*Original Letters of Eminent Literary Men of the Sixteenth, Seventeenth, and Eighteenth Centuries*».

При семантическом анализе перфекта используется терминология, введенная Г. Рейхенбахом (Reichenbach 1947: 287–98), а также терминология, разработанная в рамках теории «Расширенного настоящего» (*Extended-Now Theory*), в соответствии с которой перфект является маркером прошедших событий, «соотносимых с ‘настоящим’ временем, ‘расширенным настоящим’, включающим момент коммуникации или ‘кодирования’» (McCoard 1976: 8). Работа построена следующим образом: в первом разделе анализируется перфект в позднесреднеанглийском периоде (корпус писем рассматривается отдельно от текста религиозного трактата); во втором разделе анализируются функционально-семантические характеристики перфекта в ранненовоанглийский период (письма также рассматриваются отдельно от художественного произведения); наконец, в последнем разделе обсуждаются полученные результаты анализа, дается объяснение функционально-семантическим характеристикам перфекта и подводятся итоги исследования.

1. Перфект в позднесреднеанглийский период

1.1. Употребление перфекта в письмах семьи Пастонов

Анализируемая выборка писем семьи Пастонов охватывает период первой половины XV в., приблизительно с 20-х по 60-ые годы, хотя в целом, переписка длится вплоть до 1509 года. Контексты с презентным перфектом насчитывают 234 примера. Из них 127 употреблены с прямым дополнением, 2 случая перфекта в континуативном значении и 2 примера на указание завершенности действия в будущем времени: And whan he **hathe enformed** you therof, than lete hym wete… ‘Когда он тебя

проинформирует об этом, тогда дай ему знать…'. Большинство глаголов, употребляемых в перфекте, являются предельными и используются в результативном значении. Предельность в определенной степени создается не только благодаря глагольной семантике, но и за счет особенностей контекста, в частности, наличия прямого дополнения (ср. Comrie 1976: 44–48). Если исходить из того факта, что темпоральное (антериорное) значение развивается из результативно-статального значения лишь к началу среднеанглийского периода (Carey 1994: 47–76), и еще некоторое время в языке сохраняется грамматическая омонимия между статальным и темпоральным значениями (Detges 2000: 361–363), то вполне закономерным является преобладание у перфекта в этот период именно результативного значения (о разграничении перфекта и собственно результатива см. Недялков 1983).

Немаловажным индикатором использования перфекта предстают наречия, которые указывают на семантику перфектного значения или текущей релевантности. Так, анализируя особенности использования перфекта в произведениях Чосера и Гауэра, Г. Бауэр отмечает, что, несмотря на употребление с перфектом некоторых наречий прошедшего времени, большинство примеров соответствует современным правилам его использования (Bauer 1970: 115). В целом, наречия можно разделить на несколько видов:

1) наречия, последовательно используемые с перфектом, как и в современном английском языке: *longe tyme* (*for a long time*), *sith* (*since*), *yet*, *divers tymes* (*at different times*);

2) наречия, употребляемые как с перфектом, так и претеритом: *þis weke* (*this week*), *þis tyme* (*this time*), *be-fore* (*before*), *never*;

3) наречия, которые в современном английском используются исключительно с претеритом, но в корпусе встречаются с перфектом: *Thursday last past*, *be-fore Halwemesse* (*before All Saints' Day*), *the same day* (при указании на прошедший контекст).

Таким образом, мы видим, что употребление наречий первого и второго типа полностью соответствует функциональным характеристикам современного перфекта: вариативность перфекта и претерита с такими наречиями, как *this day*, *this week*, сохраняет свою силу и по настоящее время. Правило, касающееся выбора перфекта или претерита, было сформулировано, в частности, в грамматике Л. Мюррея, где говорится, что с наре-

чиями второго вида претерит используется для обозначения действия, когда «от времени ничего не остается с того момента, когда действие было совершено» (Murrey 1809: 82). Особый случай составляют наречия третьего типа. Хотя в большинстве примеров с наречиями прошедшего времени в письмах используется претерит, те контексты, в которых употребляется презентный перфект, с нашей точки зрения, не являются исключениями. Мы выделили пять моделей употребления перфекта в прошедших контекстах:

I. Сочетание перфектных форм с наречиями точного прошедшего времени: *Thursday* (*Friday*) *last past*, *yesterday*, *the same day* (*Saturday last*), *before Halwemesse*:

(2) As for tydyngys in this contre`, Herry Ingloses men **have slayn** ij men of Tonsted on **Thursday last past**, as it is seyd.
'Что касается новостей в этой стране: люди Гарри Инглеса **убили** 2 людей из Танстеда в **прошлый четверг**, как об этом говорят'.

II. Использование перфекта в придаточном предложении и претерита в главном предложении при передаче косвенной речи. В целом в нашей выборке 7 подобных примеров, в то время как число примеров на соблюдение согласования времен, т.е. использование прошедшего или предпрошедшего времени в придаточном предложении, достигает 26:

(3) and þe seyd Henry **told** hym þat he **herd** seyn þat Partriche **hath sent** a lettyr
'и упомянутый Генри **сказал** ему, что он **слышал**, как говорили, что Партрич **отправил** письмо'.

III. Употребление перфекта в ряду однородных сказуемых, соединенных союзом *and*, притом что одно из сказуемых выражено глаголом пунктуальной семантики:

(4) and the seyde parsone **come** to Cambryg sothyn, and **hathe pekyd** a qwarell
'и этот человек **приехал** в Кембридж с юга и **устроил** ссору'.

IV. Использование перфектных форм в сложносочиненных предложениях с союзом *and*. В таких примерах наличие претерита в последующих предложениях указывает на сферу прошедшего времени:

(5) the Duk of Excestre in his owne persone **hathe ben** at Tuxforthe beside Dancastre, in the north contree, and there the Lord Egremond **mette** hym

'Герцог Эксетер своей собственной персоной **посетил** (**побывал** в) Таксуорт близь Донкастера на севере страны, и там лорд Эгермонт **встретился** с ним'.

V. При пересказе следующих друг за другом прошедших событий перфект, как правило, употребляется наряду с претеритом для обозначения завершающего события:

(6) the seid Robert Wyght, **come** upon your bonde grounde, and **brak** doun the gardeyn dike of the seid Lyghtfotes and **toke** a wey a bullok of ij. yere age and **hath caryed** it a wey out of your lordschip
'этот Роберт Уйат **пришел** на землю вашего арендатора, и **разрушил** оградительную канаву у упомянутого Лайтфота, и **взял** двухгодовалого бычка, и **увел** его из вашего владения'.

Следует отметить, что в последнем примере перфект употреблен в контексте передачи важной информации. Аналогичен примеру (6) и нижеследующий пассаж, в котором перфект употребляется в прошедшем контексте, передающем важные исторические события:

(7) Also Freynchmen and Pykardes, a gret nowmbre, **kome** to Arfleet, for to arescuyd it; and our Lordes wyth here smal pusaunce manly **bytte** them, and **pytte** hem to flyte, and, blyssyd be our Lord, **have take** the seide cite of Arflet

'Также французы и пикардийцы, в большом количестве, **вторглись** в Арфлит, чтобы спаси его; и малочисленное войско нашего Короля храбро их **разбило** и **обратило** в бегство и, да будет благославен наш Король, **заняло** упомянутый город Арфлит'.

Глаголы, которые используются в перфекте в прошедших контекстах или с наречиями прошедшего времени, являются предельными: *receive*, *take*, *give*, *send*, *set*, *grant*, *pay*, *make*. Исключение составляет глагол состояния *be*. Глаголы говорения – такие, такие как *say*, *speak*, а также дуративный глагол *abide* – используются в контекстах с результирующим состоянием, т. е. в предельных ситуациях.

1.2. Перфект в «Книге Марджери Кемпе»

В данном произведении презентный перфект используется как в диалогах, так и в нарративных комментариях. В тексте не обнаружены примеры, в которых перфект сочетался бы с наречиями точного прошедшего времени. Однозначных примеров, в которых перфект употребляется в нарративной цепочке, выраженной претеритами, как в (6) и (7), также не обнаружено. В ряде случаев презентный перфект используется в прошедшем

контексте, указывающем на качества, которыми Господь наделил то или иное лицо.

(8) Notwythstondyng þe rumowr & grutchyng of þe pepyl a-ġen hir, þis holy man, Vykary of Seynt Stefenys Chyrch of Norwych, whom God **hath exaltyd** & þorw meruelyows werkys **schewyd** & **preuyd** for holy, euyr **held** wyth hir & **supportyd** hir aġen hir enmys…
'Несмотря на слухи и жалобы людей на нее, этот святой человек, викарий церкви святого Стефана в Нориче, которого Бог **превознес** и через чудесные дела **показал** и **доказал** его святость, всегда **держался** ее и **поддерживал** ее против ее врагов…'.

В примере (8) однозначная интерпретация функции и семантики перфекта невозможна, так как его употребление можно рассматривать как комментарий, который повествователь относит к некоему абстрактному моменту говорения, находящемуся вне прошедшего контекста, указывая на постоянные вневременные характеристики викария. Но в целом, этот пример является нехарактерным для современного использования перфекта.

В рассматриваемом тексте перфект используется в диалогах в 45 случаях из 64. В 34 контекстах перфектная форма употребляется с прямым дополнением. В отличие от писем Пастонов, здесь перфект зафиксирован в 13 итеративно-дуративных контекстах с наречиями *oftyn-tymes* (*often*), *many tymes* (*many times*), а также в ряде случаев в континуативном значении с наречиями *many days*, *a little while*, *all the days*, в которых в современном английском использовался бы инклюзивный длительный перфект *Present Perfect Continuous*: for I **haue many days put** syluer owt of my purse 'так как я **много дней откладывал** серебро из своего кошелька'. Связь с моментом говорения прослеживается в семантике перфекта, который используется в контекстах с союзом *since*, также как и в современном английском языке. Из всех примеров в семи случаях перфект используется со стативными глаголами: пять с глаголом *be* и два с *have*. В двух примерах перфект используется для обозначения будущего времени. Также заслуживает внимания противопоставление перфекта от стативного глагола *be* и глагола *will* в значении 'хотеть', 'желать'.

(9) I take non hede what a man **hath ben**, but take hede what he **wyl** ben.
'Мне все равно, кем **был** человек, но я обращаю внимание на то, кем он **хочет** быть'.

В примере (9) перфект скорее указывает не на завершенное и важное или связанное с моментом речи событие, но подчер-

кивает само действие, а именно, выполнение человеком определенной роли, т. е., проявляет семантику завершенности.

Наконец, в отличие от писем Пастонов в «Книге Марджери Кемпе» увеличивается количество непредельных ситуаций, в которых используется перфект. Хотя большинство глаголов являются предельными или употребляются в контекстах с конечным результатом, растет число итеративно-дуративных контекстов с перфектом. Так в нижеприведенном примере используется глагол *rennen* ‘бегать’:

(10) I **haue ronnyn** a-wey fro þe, & þou **hast ronnyn** aftyr me
‘Я **убегала** от тебя, но ты **следовал** за мной’.

В примере (10) перфект указывает на повторяемое действие, выполняемое в прошедшем, хотя в данном контексте в предыдущем предложении в перфекте используется глагол *love* и наречие *alle þe days of my lyue* ‘все дни моей жизни’, что в целом подразумевает связь данных событий с моментом говорения. Пример (10) важен тем, что, как мы увидим в дальнейшем, данного типа контексты с дуративными глаголами или итеративно-дуративным смыслом будут характерны для ранненовоанглийского периода, но уже в контекстах, однозначно относящихся к прошлому.

2. Перфект в ранненовоанглийский период

2.1. Употребление перфекта в письмах графа Арундела

В письмах графа Арундела перфект используется с разными наречиями, среди которых можно выделить две основные категории:

1) наречия, используемые исключительно с перфектом, как и в современном английском языке: *yet*, *since*, *hitherto*, *long*, *this great while*;

2) наречия, с которыми наблюдается варьирование в употреблении перфекта и претерита: *lately*, *this morning*, *this day*, *ever*, *formerly*.

3) количество примеров с наречиями третьего типа, которые частотны в письмах Пастонов, в переписке графа Арундела, малочисленны – например: *on Monday last*.

В целом, прошедшие контексты, в которых фиксируется перфект можно разбить на следующие виды:

I. Перфект с наречием, указывающим на точное время в прошлом:

(11) Wee **have satt** on the commission for buildinges **on Monday last**.
'**В прошлое воскресенье** мы **заседали** в комиссии по строительным вопросам'.

II. Перфект в сложноподчиненном предложении, претерит в главном предложении:

(12) he **brought** from my Lo. a greate packet wh^{ch} he **hath sente** to Mr Hamon;
'он **принес** от моего господина большой пакет, который он **отослал** господину Гамону'.

III. Перфект в рамках описания прошедшего события. При этом перфект может рассматриваться как некая часть комментария к прошедшим событиям:

(13) My wife **had** ere this **parted** from Venice; but by reason of this accidente, as likewise that o^{r} seconde boy wth her **hath bin** somewhat distempered wth a fever, of whose recovery I doe not yet **heare** and then she verily **hoped** to have kissed ye noble Queen of Bohemia's hands;
'Моя жена до того **покинула** Венецию; но по причине этого события, а также из-за того, что у нашего второго мальчика, находившегося с ней, **была** горячка, и о его выздоровлении я пока ничего не **слышал**, но все же, она очень **надеялась** поцеловать руки Вашей благородной Королевы Богемии'.

В целом же, количество примеров перфекта в контекстах прошедшего времени крайне мало. Остальные примеры вполне соответствуют современным правилам употребления. В тех случаях, когда в письмах Пастонов мы обнаруживаем использование претерита от глагола *come* наряду с презентным перфектом (примеры 4 и 6), в письмах графа Арундела данный глагол используется в перфекте: **have escaped** ye danger and **are** safly **come** '**избежали** опасности и благополучно **прибыли**'. Соблюдается и правило согласования времен, что было несвойственно для писем Пастонов. Из 101 перфектной формы лишь в трех случаях перфект используется в континуативном и в трех – в итеративно-дуративном контекстах. С прямым дополнением употреблены 72 глагола.

Более того, в письмах литераторов XV–XVI вв. наблюдается тенденция к использованию перфекта в континуативном значении с наречиями, указывающими на временной промежуток *above two years*, *many years*, а также после союза (предлога) *since*.

2.2. Употребление перфекта в «Злосчастном скитальце»

В данном произведении зафиксировано 133 примера. Распределение перфекта между диалогической и нарративной частью приблизительно равнозначно: 66 и 67 примеров соответственно. В 89 случаях используется прямое дополнение. Обнаружено 4 примера на обозначение будущего времени. Фиксируется большое количество употреблений перфекта в континуативном значении – 11 случаев. В 3 примерах перфект используется в итеративных контекстах.

В нарративных пассажах перфект может использоваться в качестве комментариев, относящихся к некоему абстрактному времени, выведенному за переделы повествования:

(14) On the wel clothed boughs of this conspiracie of pine trees against the resembled Sun beames, **were pearcht** as many sortes of shrill breasted birdes as the Summer **hath allowed** for singing men in hir siluane chappels.
'На весьма густых ветвях того, что можно назвать заговором сосен против лучей Солнца, **сидели** разного рода звонкоголосые птицы, которым лето **разрешило** петь для людей в своих лесных капеллах'.

В (14) автор повествует о своем посещении одной из вилл, детально описывая все, что он там увидел. В это описание, передаваемое с помощью претеритальных форм, вклинивается перфект *hath allowed*, который отсылает к событию, имеющему вневременные последствия, не связанные с моментом речи. Данное употребление перфекта перекликается с примером (8), являясь показательным в плане соотношения точки отсчета с моментом речи и событием.

Что же касается употребления перфекта в прошедших контекстах, в произведении частотным является его использование в итеративных контекстах для передачи прошедшего, регулярно повторяющегося действия.

(15) You haue read stories, (Ile be sworne he neuer lookt in booke in his life) howe many of the Romaine worthies **were** there that **haue gone** as Spialls into their Enemies Campe?
'Вы читали истории (я готов поклясться, что он ни разу в жизни не заглядывал в книгу) о том, как много **было** римских героев, которые **прокрадывались** в качестве шпионов в лагерь врага'.

Такие примеры, как (15), соотносятся с примером (1), где перфект употребляется в аналогичной функции. Это является

одним из аргументов в пользу того, что при выборе формы перфекта в прошедших контекстах метрические и ритмические факторы не всегда играли решающую роль, и что за данным употреблением перфекта стоят его функционально-семантические характеристики.

Семантика глаголов в контекстах, аналогичных примеру (15), может быть разнообразной: используются как предельные (*cast*, *recite*, *try*, *put*), так и непредельные (*go*) глаголы. Редкими являются примеры употребления перфекта в придаточном предложении с претеритом в главном:

(16) In reuenge of thee, God hardens this mans heart against mee: yet I **did** not **slaughter** thee, though hundreds else my hand **hath brought** to the shambles.
'Господь ожесточил сердце этого человека против меня, отмщая за тебя: и все же я не убил тебя, хотя сотни других людей собственноручно привел на бойню'.

Наконец, в тексте встречаются примеры, в которых автор говорит о результатах деятельности людей, которых к моменту написания книги не было на свете. Согласно правилу, сформулированному в грамматике Л. Мюррея, перфект используется при упоминании произведений, которые до сих пор существуют, в то время как претерит употребляется в отношении произведений, которые к моменту говорения не сохранились (Murray 1809: 82).

(17) The French king Frances the first he **kept** in such awe, that to chaine his tongue he **sent** him a huge chaine of golde, in the forme of tongues fashioned. Singularly **hath** he **commented** of the humanitie of Christ. Besides, as Moses **set forth** his Genesis, so **hath** hee **set** forth his Genesis also.... A notable Treatise **hath** he **compiled** ...
'Он **держал** французского короля Франциска в таком страхе, что для того чтобы обуздать его язык, он **послал** ему огромную цепь из золота со звеньями в форме языков. Исключительным образом он **высказался** о человечности Христа. Кроме того, как Моисей **создал** Книгу Бытия, так и он **сотворил** свою Книгу Бытия... Он **составил** примечательный Трактат...'.

В примере (17), в котором речь идет об Аретино, претерит используется при описании совершенных им действий, в то время как перфект относится к произведениям, которые продолжали существовать и после смерти великого итальянца. При этом претерит используется по отношению к созданию Моисеевой Книги Бытия, а перфект по отношению к действиям

Аретино. Таким образом, в одном пассаже мы видим примеры, как следующие данному правилу, так и его же нарушающие. По всей видимости, к XVII в. данное правило полностью еще не выработалось.

3. Обсуждение и выводы

Из проанализированных примеров видно, что перфект в данные периоды развития действительно функционально конкурировал с претеритом. В целом, использование перфекта уже в среднеанглийский период в большинстве случаев соответствует современным правилам, о чем свидетельствует его употребление в контекстах с неопределенным временным промежутком, высокая частотность в диалогах и наличие ряда наречий и союзов, которые и в современном английском используются как показатели перфекта (*yet*, *since*, *long* etc.). Тем не менее, случаи использования перфекта в прошедших контекстах, в том числе и с наречиями точного прошедшего времени, не являются исключениями, ошибками или проявлением неграмотности или просторечного (аграмматичного для литературного языка образованных слоев общества) узуса. Наоборот, последовательность в употреблении перфекта в прошедших контекстах в различных произведениях разных периодов английского языка явно указывает на устойчивые семантические характеристики перфекта.

Из всех проанализированных памятников позднесреднеанглийского периода перфект в прошедших контекстах наиболее частотен в письмах. В «Книге Марджери Кемпе», напротив, такие контексты не зафиксированы: ряд примеров, такие как (8) и (10), поддаются двоякой интерпретации, при этом перфектная семантика в них не является ослабленной. Этот факт может свидетельствовать в пользу того, что уже в данный период жанровое своеобразие текста могло влиять на функциональные характеристики перфекта: в силу определенных жанрово-стилистических причин автор избегает употребления перфекта в прошедших контекстах, хотя, в целом, язык допускает такое использование, что подтверждается примерами из писем Пастонов.

Перфект в претеритальной функции употребляется в большинстве случаев с предельными глаголами с результативной семантикой. Более того, неслучайно, с нашей точки зрения, перфект появляется в прошедшем контексте в примере (2), где используется предельный глагол *slen* ‘убивать’. Мы полагаем,

что данный пример является показательным, поскольку в нем перфект употреблен в «новостном» значении («*hot news*» *perfect*). С. Швентер убедительно показывает, что «аористический дрейф» перфекта вполне мог идти через данное значение, поскольку именно в новостном контексте ослабляется признак текущей релевантности и усиливается акцентирование самого действия, что по семантике сближает перфект с претеритом и позволяет в современном английском языке употреблять перфект в прошедших контекстах и с наречиями прошедшего времени (Schwenter 1994: 1019–1021). Несмотря на трудности, связанные с выделением данного значения (ср.: Carey 1994: 89–90 и далее), мы склонны разделять позицию К. Кэри, которая полагает, что «новостное» значение перфекта редуцирует его результативную семантику. Иными словами, в таком значении перфекта «результат является максимально диффузным, а прошедшее событие явно акцентированным» (Carey 1994: 103). Наши данные показывают, что изначально предельные глаголы с результативной семантикой в перфектной форме могли использоваться наряду с глаголами в прошедшей форме: в таких контекстах ощущается результативность, но ослабляется связь с моментом говорения, как в примерах (4) и (5). Здесь на первый план выдвигается перфективная семантика. Далее, перфект с подобной семантикой начинает использоваться в контекстах с «новостным» значением, в которых акцентируется само действие, а не связь события с моментом говорения. Впоследствии перфективная семантика распространяется и на итеративно-дуративные контексты, что можно наблюдать в письмах графа Арундела в примере (11).

Итак, как видно из приведенных примеров, перфективная семантика не ограничивалась «новостными» контекстами, а также теми контекстами, в которых перфект проявляет ослабленную результативную семантику. Свидетельством перфективного компонента в семантике перфекта также могут служить контексты, в которых претериты со значением точечного действия используются в главных предложениях, а перфект – в придаточных: пример (16). Такого рода случаи показывают, что перфект, обозначая завершенность действия, сближался с семантикой претеритов, указывающих на достижение конечной фазы определенного действия, т. е. глаголов совершения (*accomplishment*) и достижения (*achievement*) по классификации З. Вендлера (Vendler 1957). Следовательно, речь идет не столько о связи с моментом говорения – результаты или последствия

того или иного действия могут быть очевидны в любом прошедшем контексте, выраженном даже претеритом, (ср.: Bauer 1970b: 189–190; Werner 2014: 64, 70) – сколько о передаче аспектуальных характеристик действий. В вышеупомянутых контекстах перфект мог обозначать завершенность действия, выраженного глаголом, семантика которого могла отражать и иные процессуальные характеристики, например, в событиях, выраженных *глаголами действия* (*activity*).

При этом зачастую перфект использовался в контекстах с неопределенным временем, что важно для дальнейшего закрепления связи обозначаемого им действия с моментом говорения. Наряду с этим немаловажным было также развитие континуативного значения перфекта, которое особенно четко прослеживается в письмах. Продолжавшаяся грамматикализация перфекта и включение в его сферу все большего числа глагольных лексем сопровождались развитием и усилением экспериенциального и особенно континуативного значений.

Мы полагаем, что закрепление континуативного значения перфекта сыграло важную роль в соотнесении времени действия с моментом говорения. В целом, в теории «Расширенного настоящего» важнейшей чертой семантики современного английского перфекта считается закрепление правой границы (*right boundary*) временного периода за точкой отсчета, соотнесенной или совпадающей с моментом речи. Левая граница (*left boundary*) не имеет позиционной спецификации и обозначается неопределенными наречиями или таким союзом как «since». При этом возникает так называемая «головоломка» презентного перфекта (*present perfect puzzle*), а именно, невозможность употребления наречий прошедшего времени с перфектом. Это явление В. Клейн объясняет как ограничение на позиционную определенность (*p-definiteness constraint*): в высказывании невозможна синхронная независимая позиционная определенность точки отсчета и события. Как полагает В. Клейн, такое ограничение является прагматическим, так как нет никаких логических обоснований недопустимости такой комбинации (Klein 1992). Б. Ротстейн, основываясь на теории «Расширенного настоящего», трактует данную проблему как противоречие, вытекающее из столкновения требований перфектного временного диапазона (*perfect time span*) – событие может потенциально происходить в любой временной точке в рамках перфектного временного диапазона – и семантики наречия прошедшего времени типа *yesterday*, которое закрепляет действие

за временной точкой, локализующейся в рамках дня, предшествующего тому дню, который совпадает с моментом говорения. Отсюда противоречие: «в то время как перфектный временной диапазон требует, чтобы событие происходило в любые другие временные точки, чем те, которые обозначены наречием *yesterday*, само наречие исключает данное требование» (Rothstein 2008: 77). В результате анализа делается важный вывод о неподвижности временного диапазона перфекта и соотнесенности правой границы с точкой отсчета и моментом речи, в отличие от немецкого перфекта, в котором наблюдается противоположная картина – гибкость временного диапазона и незакрепленность точки отсчета.

Применяя выводы Б. Ротстейна к нашему материалу, мы можем предположить, что семантика перфекта в анализируемые периоды, в отличие от перфекта в современном английском языке, характеризовалась относительной подвижностью перфектного временного диапазона. Благодаря этому точка отсчета могла отодвигаться от правой границы и приближаться к событию, т. е. к левой границе (примеры (4), (5), (16)). Это позволяло использовать перфект не только в прошедших контекстах, но и с определенными наречиями прошедшего времени, что прослеживается в письмах Пастонов и графа Арундела (см.: (2), (11)). Однако частотное употребление перфекта в диалогах, преобладание контекстов с неопределенным временем, а также развитие континуативного значения способствовало продвижению точки отсчета в сторону момента речи, результатом чего и стала выработка прагматического правила связи действия с настоящим временем. Перфективная семантика при этом закрепляется за определенными прагматическими контекстами – в частности, «новостными».

В заключение обратимся к нарративной функции перфекта, которую мы наблюдаем, например, в (6) и (7). Дж. Уокер утверждает, что нарративную функцию перфекта, сближающую семантику перфекта с претеритальной семантикой, следует рассматривать как отдельное семантическое прочтение (*semantic reading*) перфекта, существовавшее на протяжении всей истории его развития (Walker 2011; Walker 2012). В современном английском языке такая функция перфекта ограничивается определенными жанрами (полицейские отчеты, футбольные комментарии) и зачастую создает «миративный эффект» для передачи удивления относительно необычных или непредсказуемых событий (Rizt, Engel 2008; Ritz 2010). Подобного

рода примеры и, соответственно, функцию перфекта Дж. Уокер отделяет от примеров употребления перфекта с наречиями прошедшего времени вроде «*yesterday*», частотность которых автор считает «практически анекдотичной» (Waker 2011: 72). Однако мы полагаем, что в диахронической перспективе в проанализированных текстах нарративная функция перфекта может рассматриваться как особое функциональное использование перфекта, производное от его общей семантики, которая характеризуется подвижностью временного диапазона и точки отчета. Такая ситуация дает возможность поначалу использовать перфект от предельных глаголов в различных контекстах для выделения аспектуальных характеристик действия (возможно, с сохранением результативной семантики, но и с утерей связи с моментом говорения), что впоследствии прагматически закрепляется за «новостными» контекстами. В последних данная семантика находит благодатную почву: прагматика контекста – акцентирование действия – усиливает перфективный компонент семантики перфекта, а затем распространяется на дуративные глаголы и итеративные контексты. Таким образом вырабатывается нарративная функция перфекта, которая в определенных контекстах приобретает ту или иную прагматическую окраску, связанную, в частности, с необходимостью передачи новой информации.

Немаловажную роль в описанном процессе сыграли и социолингвистические факторы: в ранненовоанглийских письмах функциональные характеристики перфекта ближе к перфекту в современном английском языке, в то время как в текстах позднесреднеанглийского периода сохраняются функции, которые были характерны для раннего периода в целом. Особые функциональные характеристики перфекта в «Книге Марджери Кемпе», как уже указывалось, могут быть связаны с жанровым своеобразием текста, в котором нет повествовательных пассажей, аналогичных тем, которые обнаруживаются в романе Томаса Нэша.

Литература

Источники

Brett-Smith, H. F. B. (ed.) 1920: *The Unfortunate Traveller or the Life of Jacke Wilton* by Thomas Nashe. Oxford: Basil Blackwell.

Ellis, H. (ed.) 1843: *Original Letters of Eminent Literary Men of the Sixteenth, Seventeenth, and Eighteenth Centuries*. London: J.B. Nichols and Son.

Staley, L. (ed.) 1996: *The Book of Margery Kempe* by Margery Kempe. TEAM, Middle English Texts Series. Michigan: Medieval Institute Publications.

Taylor, A., Nurmi, A., Warner, A., Pintzuk, S. and Nevalainen, T. (eds.) 2006: *The York-Helsinki Parsed Corpus of Early English Correspondence (PCEEC)*. Department of Linguistics, University of York. Oxford Text Archive, first edition (http://www-users.york.ac.uk/~lang22/PCEEC-manual/index.htm).

Исследования

Bauer, G. 1970a: *Studien zum System und Gebrauch der Tempora in der Sprache Chaucers and Gowers*. Wien-Stuttgart: Braumüller.

Bauer, G. 1970b: The English perfect reconsidered. *Journal of Linguistics* 6, 2. P.189–98.

Carey, K. 1994: *Pragmatics, Subjectivity and the Grammaticalization of the English Perfect*. PhD Dissertation. University of California at San Diego.

Comrie, B. 1976: *Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge: Cambridge University Press.

Detges, U. 2000: Time and Truth: The grammaticalization of Resultatives and Perfects within a Theory of Subjectification. *Studies in Language* 24, 2. P. 345-377.

Elsness, J. 1997: *The perfect and the preterite in contemporary and earlier English*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Jespersen, O. 1958: Filosofiya grammatiki. [Philosophy of grammar]. Moscow. Есперсен, О. 1958: Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит.

Klein, W. 1992: The present perfect puzzle. *Language* 68, 3. P. 525–552.

Maslov, Yu. S. 1983: Resultativ, perfekt i glagol'ny vid. [Resultative, perfect and verbal aspect]. In: V.P. Nedjalkov (ed.), Tipologiia resul'tativnykh konstruktsii (resultativ, stativ, passiv, perfekt). [Typology of resultative constructions (resultative, stative, passive, perfect)]. Leningrad.

Маслов, Ю.С. 1983: Результатив, перфект и глагольный вид // В.П.Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука. С. 41-54.

McCoard, R.W. 1976: *Tense Choice and Pragmatic Inferences: A Study of Preterit/Perfect Oppositions in English*. PhD Dissertation. University of California, Los Angeles.

Murray, L. 1809: *English Grammar Adapted to the Different Classes of Learners*. New York: Collins and Perkins.

Nedjalkov, V.P. (red.) 1983: Tipologiia resul'tativnykh konstruktsii (resultativ, stativ, passiv, perfekt). [Typology of resultative constructions (resultative, stative, passive, perfect)]. Leningrad.

Недялков, В.П. (ред.). 1983: Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука.

Reichenbach, H. 1947: *Elements of Symbolic Logic*. New York: The Macmillan Company.

Richardson, P. 1991: *Narrative strategies in early English poetry*. PhD Dissertation. University of California, Berkeley.

Ritz, M.-E. A., Engel, D.M. 2008: 'Vivid narrative use' and the meaning of the present perfect in spoken Australian English. *Linguistics* 46, 1. P. 131–160.

Ritz, M.-E. A. 2010: The perfect crime? Illicit uses of the present perfect in Australian police media releases. *Journal of Pragmatics* 42, 12. P. 3400–3417.

Rothstein, B. 2008: *The perfect time span: On the present perfect in German, Swedish and English*. Amsterdam: Benjamins.

Schwenter, S.A. 1994: 'Hot news' and the grammaticalization of perfects. *Linguistics* 32, 6. P. 995–1028.

Smirnitskaya, O.A. 1977: Evolutsiya vido-vremennoy sistemy v germanskih yazykah. [Evolution of aspectual-temporal system in the Germanic languages]. In: V.N. Yartseva (ed.), Istoriko-tipologicheskaya morfologiya germanskih yazykov. Kategoriya glagola. [Historical-typlological morphology of the Germanic languages. The category of Verb]. Moscow.

Смирницкая, О.А. 1977: Эволюция видо-временной системы в германских языках. В: В.Н.Ярцева (ред.). Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М.: Наука. С. 5–127.

Vendler, Z. 1957: Verbs and Times. *The Philosophical Review* 66, 2. P. 143–160.

Visser, F.Th. 1963–73: *An Historical Syntax of the English Language*. 4 vols. Leiden, The Netherlands: E.J. Brill.

Werner, V. 2014: *The present perfect in World Englishes: Charting unity and diversity*. Bamberger Beiträge zur Linguistik 5. Bamberg: University of Bamberg Press.

Walker, J. 2011: The emergence of the narrative present perfect in British English: Reality or illusion. *Groninger Arbeiten zur germanistischen Linguistik* 53, 2. P. 71–87.

Walker, J. 2012: Lowth and 'Perfect Time': The periphrastic have-perfect in 18th-century English grammars. *Historiographia Linguistica*, 39, 1. P. 77–92.

V. A. Bondar'. «He hath spoken yesterday»: the perfect in the late Middle English and early New English periods

The article deals with the analysis of functional and semantic properties of the present perfect in the late Middle English and early New English periods. The possibility of using the perfect in past-time contexts as well as with exact past-time adverbials in texts of the given periods is viewed as a display of specific features of its semantics at this stage of development. As a consequence, a perfective component of the perfect is treated not as a case of functional confusion between the perfect and preterite, but rather as a stable meaning, which reveals itself and further on anchors in particular pragmatic contexts.

Keywords: history of English, variation of verb forms, perfect, preterite, semantic properties of verbs, narrative function of the perfect.

Г. И. Борисов

КАК ТОЧНО БЫЛ ИЗДАН LEX FRISIONUM? К КРИТИКЕ ТЕКСТА БАЗЕЛЬСКОГО ИЗДАНИЯ ПРАВОВЫХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ 1557 г.

В статье рассматривается вопрос сохранения форм раннесредневековой латыни и особенности текста Lex Frisionum, записанного по распоряжению Карла Великого около 802 г. и сохранившегося только в печатном издании 1557 г. Как показывает исследование, издатель, швабский гуманист Иоганн Герольд сохранил ошибки восприятия устной речи, попавшие в текст при его записи. В то же время, как показало исследование, многие из этих ошибок привлекли его внимание и были отмечены знаками, указывающими на подготовку несохранившегося комментария.

Ключевые слова: Иоганн Герольд, издание исторических текстов в XVI в., критика текста, Lex Frisionum.

В начале сентября 1557 г. в Базеле, в типографии одного из наиболее могущественных жителей города Хенрика Петри были напечатаны последние листы книги, содержавшей тексты законов, записанных на латыни в раннее средневековье – т.н. *leges barbarorum* (Originum 1557). Составителем и корректором издания был швабский гуманист Иоганн Герольд: к тому времени он был клиентом знаменитого юриста Бонифация Амербаха и уже чуть больше десяти лет работал в базельских типографиях как корректор и переводчик (о его биографии см.: Burckhardt 1966). Несколько раз на его долю выпадали и издательские удачи – к таковым, безусловно, следует отнести публикацию собрания всех сочинений Франческо Петрарки в 1554 г. остающееся единственным в своем роде и сегодня. В издании *leges* И. Герольд опубликовал также несколько уникальных текстов, важнейшим из которых был *Lex Frisionum* (закон фризов), записанный при Карле Великом ок. 800 г. Никаких других текстуальных свидетельств у этого закона больше нет и публикация 1557 г. остается единственным источником о его содержании. В истории издания остается несколько нерешенных проблем. В частности не выяснено, откуда И. Герольд получил текст *Lex Frisionum*. Известно происхождение лишь текста закона салических франков, найденного Герольдом в Фульдском монастыре (Originum 1557: †3), в то время как

остальные он мог найти сам или получить от своих знакомых, имена которых указаны в благодарности на обороте титульного листа книги (Originum 1557: †1v).

Историография, посвященная *leges*, обходила издание 1557 г. стороной в силу слабой изученности методов публикации, применявшихся швабским гуманистом; особенностью подхода исследователей было то, что изучалась не сама книга в целом, а отдельные тексты из нее. Б. Круш отметил конъектуры издателя в законе баваров (Krusch 1924: 13–8), Р. Бухнер обратил внимание на невнимательность гуманиста или его информантов при переписывании закона рипуарских франков – *Lex Ribuaria* (Buchner 1940: 102–104). К. А. Экхардт, исследовавший Салический закон, пришел к выводу, что Герольд произвольно изменял и «улучшал» раннесредневековый текст *Lex Salica*. Немецкий исследователь высказал также предположение, что текст *Lex Frisionum* был переписан гуманистом из Фульдского кодекса, впоследствии утраченного (Eckhardt 1954: 236–238). В то же время Х. Зимс, доказавший подлинность памятника, не изучал язык *Lex Frisionum* и лишь отметил в тексте многочисленные раннесредневековые формы (Siems 1980: 98–113). В новейшем издании собрания капитуляриев аббата Ансегиза текст издания 1557 г. также исследовался, новые выводы касались частных вопросов происхождения протографа и почти не касались важных для настоящей работы методов публикации гуманистом текстов (Schmitz 1996: 386, 399–400). Таким образом, нам не известно ни как *Lex Frisionum* попал к Герольду, ни методы копирования гуманистом текста. При таком состоянии вопроса передача норм средневековой латыни приобретает решающее значение.

Изменения в методологии критики текста и большее внимание к происхождению ошибок в нем как источнику для реконструкции его истории связаны с работами Дж. Паскуали (Pasquali 1962). Наиболее ясно принципы изучения ошибок в текстах по их происхождению сформулированы в книге Б. Мецгера, посвященной рукописной традиции и ранним изданиям Нового Завета (Metzger, Ehrman 2005: 250–271). Проблемы издания классических текстов в раннее Новое время были обобщены в работе Э. Кенни (Kenney 1974): среди наиболее важных исследователь выделил проблему разнообразия способов исправления древних текстов гуманистами. Большую роль для изучения изменений в текстах в типографиях XV–XVI вв. играло и состояние техники книгопечатания, а равно и особенности

печатного процесса. Изучению обоих проблем посвящено новейшее исследование Э. Графтона (Grafton 2011). В отечественной историографии больше значение для методологии критики текста сыграл труд Д. С. Лихачева, основанный на изучении древнерусских памятников (Лихачев 2001). Впоследствии изучение типологии ошибок продолжила Е. В. Казбекова, внимание которой было сосредоточено на исследовании комментариев к ошибкам в средневековых кодексах канонического права (Казбекова 2011: 136–162).

Текст *Lex Frisionum* относительно невелик, он занимает лишь 18 страниц формата 2° (Originum 1557: 131–148) и его изучение представляет собой важную исследовательскую задачу для понимания методов издательской работы швабского гуманиста. Отправной точкой моей работы стал вопрос, сохранялись ли в издании *Lex Frisionum* формы раннесредневековой латыни. Изучение примечаний и комментариев издателя к тексту составили вторую задачу исследования. В заключительной части были проанализированы ошибки, допущенные при записи (или переписывании) и наборе текста и при этом сохранившиеся в издании. Типология ошибок при письме или опечаток позволяет во многих случаях уточнить их происхождение и, соответственно, объяснить, как происходила передача текста – путем записи под диктовку, рождающей ошибки слухового восприятия, или же при непосредственном переписывании протографа, когда чаще допускаются ошибки внутреннего диктанта или прочтения. На первые при изучении печатного текста следует обращать особенное внимание, так как они, в силу особенности работы наборщиков и корректоров в типографии, не могли появиться при печати и, следовательно, их происхождение связано с рукописной традицией бытования текста. Необходимо также отметить, что вопросы отношения текста *Lex Frisionum* с другими текстами в издании, а равно его оформления, представляет собой отдельную задачу и в настоящей работе не рассматривались.

Текст *Lex Frisionum* содержит относительно немного характерных для раннего средневековья фонетических и лексических форм. Но это могло быть вызвано не только его нормализацией в раннее Новое время: закон был записан в период каролингского ренессанса, характерными чертами которого была именно ориентация на классические нормы. Тем более интересны отклонения от них в тексте закона. В первую очередь обращает на себя внимание форма *mulcta* (от *multa*, штраф). Появление

согласного **c** перед **t**, стоящим между сонорным и гласным было зафиксировано во всех 6 случаях употребления этого слова в исследуемом тексте; П. Штотц указывает на широкое распространение этой формы в раннее средневековье (Schtotz 1996: 232–233). При внимательном рассмотрении текста издания 1557 г. мы обнаруживаем, что и наборщик, и корректор сохранили эту форму осознанно. Об этом свидетельствует соответствующая лигатура **ct**, регулярно использовавшаяся в книге для этого сочетания и, таким образом, представлявшая собой отдельную, отличную от других букв литеру набора. То, что наборщик набрал слово именно с этой лигатурой, а не выбрал обычную литеру **c**, таким образом, нормализовав бы раннесредневековую словоформу, свидетельствует о ее преднамеренном сохранении. Дополнительное подтверждение этому следует видеть в том, что соответствующая раннесредневековая форма, набранная в типографии через лигатуру **ct**, повсеместно встречается не только в *Lex Frisionum*, но и в соседствующих с ним в книге *Lex Thuringorum, Lex Burgundionum* и *Lex Saxonum*, причем корректор не удалил ее, хотя для остальных законов, напечатанных в книге, сохраняется обычное написание.

Помимо формы *mulcta* следует отметить характерное для раннесредневековой латыни использование в *Lex Frisionum* дифтонга **ae** (на письме часто обозначаемого графическим знаком **ę**, т. н. *e* каудата), в тех случаях когда необходим *e* (Schtotz 1996: 26–29, 82–83). К таким примерам относится *hęrede* (Originum 1557: 131, 139), *depręhensus* (Originum 1557: 134), *pręsbyter* (Originum 1557: 137), *scęlere* (Originum 1557: 136), *caeteros* (Originum 1557: 136, 142) и *fęminam* (Originum 1557: 143). Последнее слово встречается также в написании *foeminae* (Originum 1557: 128), что подтверждает тезис об отсутствии стремления издателя нормализировать текст. В тексте сохранились и несколько раннесредневековых лексических особенностей. Д. Норберг отметил такую необычную раннесредневековую форму как *sibi duodecimus iuret*, которую можно было бы попробовать перевести на русский как «вдвенадцатером» (Originum 1557: 131; Norberg 1944: 61–69). Помимо этого она встречается в текстах франкских и лангобардских законов (Löfstedt 1961: 271, Anm. 2). К раннесредневековым формам относится и глагол *cratauerit* (Originum 1557: 146), со значением ‘царапать’ (Ducange 1954: 607, col. a.). В книге он отмечен маленькой буквой **c** которая была поставлена И. Герольдом и

обозначала необходимость примечания, впрочем, до нас не дошедшего.

Подобные буковки, расставленные в алфавитном порядке в тексте *Lex Frisionum* (как внутри и других законов) при наборе, оставались на настоящего времени почти без внимания исследователей (единственное упоминание о них см.: Hessels 1880: XXII). Издатель ставил их на протяжении всей книги перед словами, требующими комментария. В тоже время его комментарии к книге до сих по не обнаружены; это заставляет предположить, что издатель просто не успел их напечатать или даже составить. К *Lex Frisionum* таких примечаний должно было быть около 30. Многие слова, отмеченные этими буквами, требуют пояснения и сегодня. Так буковками были отмечены многие древненемецкие формы (Originum 1557: 132, 133 etc). Однако наиболее характерна не существующая в латыни форма *inoscatur*, отмеченная буквой **c** в 14 главе закона (Originum 1557: 137). По смыслу (речь в этом месте идет об описании жребия для одного из ритуалов) на этом месте в схожей форме должен был стоять глагол со значением «обозначать» и вероятнее всего предполагалась форма *dignoscatur*. Однако как в таком случае появилась эта ошибка, сохраненная при наборе и корректуре? Единственным вариантом объяснить ее появление является ошибка слухового восприятия – т. е. перед нами форма, сохранившаяся из рукописной средневековой традиции *Lex Frisionum*, когда текст записывался на слух, и особенности этой традиции были переданы печатниками раннего Нового времени не просто с буквальной точностью, но отмечены, как место средневекового текста, заслуживающее комментария. Таким образом, ошибка слухового восприятия была сохранена, что также подразумевает аккуратность издателя при подготовке текста.

Ошибки подобного рода встречаются в тексте *Lex Frisionum* очень часто, хотя далеко не все из них издатель отметил, как нуждающиеся в комментарии. Если в отдельном случае можно допустить ошибку наборщика, не замеченную корректором, как, например, в статье II,1, где речь идет о заказном убийстве, вместо правильного *ad occidendum* (для убийства), появилось «географическое» *ad occidentem* (на запад) (Originum 1557: 132), то при многократном написании *Fresia*, *fresionicus* и *fresiones* через e, в том числе один раз в заглавии закона, следует видеть ошибки средневекового переписчика. Норма с написанием через i: frisia была зафиксированна еще в раннее средневековье.

Другой характерный пример сохранения в печатном тексте ошибок слухового восприятия из средневекового протографа сохранился в статье III, 72 (Originum 1557: 147). Во фразе, где речь должна идти о вполовину большей сумме штрафа за ранение знатного человека, в начале предложения, стоит слово *Ignobili*, что совершенно не подходит к смыслу правовой статьи, а форма аблатива плохо согласуется с указанной выше основой предложения *compositiones sunt*. Недоразумение разрешается строчкой ниже, где речь идет о сумме за ранение лита (наполовину меньшей, чем у свободного по социальному статусу человека):

Ignobili homini dimidio maioris.
In lito medietate minoris.

Таким образом, вместо неправильного *Ignobili*, в начале предложения должно было стоять *In nobili homine*, что полностью согласуется и со смыслом предложения, и со структурой двух соседних статей. Таким образом, мы имеем дело еще с одной ошибкой слуха и, предполагая из описанного выше про аккуратное (хотя и не всегда внимательное) отношение Иоганна Герольда к тексту, можем быть уверены, что она была сделана уже писцом.

Некоторые ошибки сложно однозначно отнести к ошибкам слухового восприятия, однако их происхождение также обусловлено особенностями раннесредневековой рукописи. Для раннего средневековья обычно смешение падежей, как в случае с *in duplo*, вместо *in duplum*, а также неустойчивая орфография слов германского происхождения: выражение *pro freda* в тексте закона чередуется с написанием *pro fredo*, а название ручья, разделявшего центральную и восточную Фризию, встречается как в написании *Laubaci*, так и *Laubachi*. Помимо этого Герольд, выделявший названия заглавными буквами (что нехарактерно для средневекового письма в целом и каролингского минускула в частности), понял написанное слитно в средневековом тексте сочетание *Cisfli* как название, в то время как в действительности оно обозначало географическую локализацию *cis Fli*, по ту сторону Фли.

Подобные ошибки, вызванные уже невнимательностью издателя при переписывании раннесредневекового текста, обнаруживаются в двух характерных примерах. Так в эпилоге к закону, в котором речь идет о ранениях, издатель неверно прочитал слово *uulneribus* и, не задумываясь, переписал его как *mulieribus* (Originum 1557: 143) – число вертикальных штрихов

в первой части слова совпадает, а в минускульном письме до XII в. буква l часто была низкой, а над i отсутствовала точка, что объясняет происхождение ошибки прочтения. В статье VI, 2 (Originum 1557: 135), в результате ошибки внутреннего диктанта, получилось, что женщина, в случае брака с зависимым должна была перейти *in compositionem* (в возмещение) своего мужа, вместо более верного *in conditionem* (в положение, т.е. сменить свой социальный статус).

Изучение логических ошибок и повторов, часто обнаруживающихся в тексте *Lex Frisionum* не входит в задачи настоящей работы. С большой степенью вероятности они были бы удалены, если бы текст закона подвергался позднейшему редактированию. За рамками исследования осталось также выборочное внимание издателя к нормализации раннесредневековой орфографии: буквы **k** и **v** в текстах издания 1557 г. употребляются очень ограниченно, однако их наличие весьма характерно, например, первую букву в древнегерманском слове *uueregildum* (Originum 1557: 136) из закона фризов издатель передает либо заглавной **V** либо строчной **u**. В то же время следует отметить, что несмотря на мнения в историографии о невнимательности и произвольном улучшении раннесредневековых текстов книги издателем, он уделял большое внимание сохранению раннесредневековых форм, или, скорее, почти не стремился к их исправлению или «улучшению». Это же наблюдение относится ко всем лицам, участвовавшим в создании печатной книги, т.е. изменении ее текста – издателю, оставившему в тексте знаки для своих несохранившихся комментариев, наборщикам, использовавшим лигатуры для сохранения типичных раннесредневековых словоформ и корректору. В тексте сохранилось большое число ошибок, которые могли появиться во многих случаях только при записи текста под диктовку. Они также были сохранены в издании 1557 г., что подтверждает разную степень сохранности текстов в издании и актуализирует проблему его дальнейшего изучения.

Литература

Buchner, R. 1962: *Textkritische Untersuchungen zur Lex Ribuaria.* Stuttgart (= MGH Schriften, 5).

Burckhardt, A. 1966: Johannes Basilius Herold. *Kaiser und Reich im protestantischen Schrifttum des Basler Buchdrucks um die Mitte des 16. Jahrhunderts* (= Basler Beitrage zur Geschichtswissenschaft, 104) Stuttgart.

Schmitz, G. (Hg.). 1996: *Die Kapitulariensammlung des Ansegis*. Hannover (= MGH Capit. N.S., 1).
Ducange 1954: *Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Unveränderter Nachdruck der Ausgabe von 1883–1887. T. 2. Graz.
Grafton, A. 2011: *The Culture of Correction in Renaissance Europe*. London.
Hessels, J.H. 1880: *Lex Salica: the ten Texts with the Glosses and the Lex Emendata*. London,.
Kenney, E.J. 1974: *The Classical Text. Aspects of Editing in the Age of the Printed Book*. Los Angeles.
Krusch, B. 1924: *Die Lex bajuvariorum. Textgeschichte, Handschriftenkritik und Entstehung*. Berlin.
Löfstedt, B. 1961: *Studien über die Sprache der langobardischen Gesetze. Beiträge zur frühmittelalterlichen Latinität*. Stockholm u.a. (= Studia latina Upsaliensia, 1).
Metzger, B., Ehrman, B. 2005: *The Text of the New Testament. Its Transmission, Corruption and Restoration*. Oxford.
Norberg, D. 1944: *Beiträge zur spätlateinischen Syntax*. Uppsala.
Originum ac germanicarum Antiquitatum Libri, Leges videlicet, Salicae, Allemannorum, Saxonum, Angliorum, Thuringorum, Burgundionum, Francorum, Ripuariae, Boioariorum, Vuestphalorum … Opera … Basilii Ioanis Herold. Basileae, 1557.
Eckhardt, K.A. (Hg.). 1954: *Pactus Legis Salicae, I: Einführung und 80-Titel Text*. Göttingen.
Pasquali G. Storia della tradizione e critica del testo. Firenze, 1962.
Siems, H. 1980: Studien zur Lex Frisionum. Ebelsbach (= Abhandlungen zur Rechtswissenschaftlichen Grundlagenforschung, 42).
Stotz P. Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters. Lautlehre. Bd. 3. München, 1996.
Kazbekova, E.V. 2011: Chitateli XIII–XV vekov i ikh otnoshenie k oshibkam v svodakh dekretal'nogo prava [Readers in 13th–15th c. and their attitude toward mistakes in the Decretal Law code]. In: *Chelovek chitayushchiy* [*A reading man: between reality and texts*] Moskow, 136–162.
Казбекова, Е.В. 2011: Читатели XIII–XV вв. и их отношение к ошибкам в сводах декретального права. В: *Человек читающий: между реальностью и текстом источника*. М., 136–162.
Lihachev, D.S. 2001 (1983): *Tekstologiya na materiale drevnerusskoy literatury X–XVII vekov* [Texology on Old Russian literature of 10th–17th c.]. St. Petersburg.
Лихачев Д.С. 2001 (1983): Текстология на материале древнерусской литературы X–XVII вв. СПб., 2001 (1983).

G. I. Borisov. How exactly the Lex Frisionum was edited? Some notes to the textual criticism of the Basel edition of the *leges barbarorum* in 1557

This paper deals with the problem of preservation of early medieval Latin forms and errors arising from faulty hearings in the text of the *Lex Frisionum*, which was written down on Charlemagne's orders, approximately in 802 AD and survived only in the printed edition of 1557.

The editor was a Swabian humanist Johann Herold; in the middle of 16th c. many famous medieval texts, namely the complete works of Beda Venerabilis and Francesco Petrarca were also published by him. At the same time his methods of editing are unclear. In the historiography his editorial work was described as inattentive, there were a lot of conjectures and corrections in medieval texts ascribed to J. Herold. Methods of textual criticism developed in the second half of 20th c. allow to define the origins of the errors and subsequently to identify its type of transmission. The paper analyses the forms of early medieval Latin preserved in the text of the *Lex Frisionum*, the errors arising from faulty hearings and small letters unexamined till now, with which the humanist signed words and expressions, which in his opinion demanded annotations. These annotations are lost but among the humanist's marks there are not only Old High German forms and early medieval law-terms with an unclear sense but also some words that appeared in the early medieval Latin and some errors arising from faulty hearings. So this research shows that not only didn't Johann Herold amend the early medieval Latin forms, as it used to happen sometimes in the editorial practice of early modern period, but also preserved the errors arising from faulty hearings, which were made during its recording. Some of these errors were marked by him with small letters, which indicate a preparatory work to the unpreserved annotations.

Keywords: Johann Herold, edition of historical texts in the XVIth century, textual criticism, Lex Frisionum.

Н. В. Брагинская

ГРЕЧЕСКИЙ КАК ИНОСТРАННЫЙ: ОСМЫСЛЕНИЕ ЭЛЛИНСКИХ ФИЛОСОФСКИХ ТЕРМИНОВ ИУДЕЙСКИМ БЛАГОЧЕСТИЕМ

Рассматриваются особенности языка Четвертой Маккавейской книги, иудео-эллинистического произведения, которое сыграло большую роль в становлении христианского богословия искупительной жертвы, мученичества, верности Богу; грекоязычный иудей смотрит на греческую лексику отстраненно. Он создает множество композитов неологизмов, которых нет в греческом языке, часто для понятий, для которых в греческом слов не существует, как miarofagia или hieropsychos, а также переосмысляет по-новому существующие греческие слова, переосмысляя из внутреннюю форму вопреки греческому узусу. Эвномия становится у него следованием Торе, потому что Тора передается в LXX как Nomos; photagogos вместо окна/двери для освещения, получает значение мистагога и т. п. Он притязает на то, что знает греческий лучше греков, а благочестивый разум воспитывает лучше рациональной этики.

Ключевые слова: Септуагинта, Четвертая Маккавейская книга, иудейские неологизмы в греческом языке, переосмысление внутренней формы греческих философских терминов.

Речь пойдет о так называемой Четвертой Маккавейской книге (далее 4 Макк), которая дошла до нас в важнейших и древнейших кодексах Греческой Библии. Для Григория Назианзина и Евсевия Кесарийского она была частью Библии, но не признается таковой ни одной из нынешних христианских церквей. Нам неизвестно, однако, чтобы кто-либо осуждал в 4 Макк мысли гетеродоксальные или еретические и, по-видимому, книга оказала сильнейшее воздействие на раннюю патристику. Она получила в христианской традиции статус апокрифа, в русской культуре знакомство с ней минимально.

Благодаря Евсевию и Иерониму мы знаем ее древнее название – «О Разуме» или «О Разуме-самодержце», оба приписывали ее Иосифу Флавию, под именем Иосифа она существовала в средние века, как сочинение Иосифа ее перевел, опустив философскую часть, Максим Грек. Время ее создания – первый век н. э. или самое начало второго, при ранней

датировке ее неизвестный автор – современник апостола Павла[1].

Моей темой будет обращение автора 4 Макк с греческим языком. Можно подумать, что речь пойдет о семитизмах автора-иудея, который «думает» на арамейском или иврите, а пишет на греческом. Но нет, греческий в 4 Макк лучше, чем в переводных книгах Септуагинты, и в нем, пожалуй, больше эллинского, чем в языке других книг, написанных тоже сразу по-гречески. Автор 4 Макк едва ли не единственный в Септуагинте, кто часто и уместно пользуется оптативом, его синтаксис сложен и правилен, словарь богат и разнообразен. Конечно, вкусовые оценки могут быть субъективны, а сами по себе оптативы не делают греческий язык столь же прекрасным в поэтическом отношении, как, скажем, в Книге Премудрости Соломона. Однако мое читательское впечатление, что в обращении с языком у автора 4 Макк очень много своеобразия, получает лингвистическое подкрепление.

Тщательному статистическому анализу лексику 4 Макк подверг Брайтенштайн (Breitenstein 1976: 13–29), который показал, что словарь 4 Макк отстоит от словаря Септуагинты дальше, чем и Новый Завет, и Писания мужей Апостольских. Из словаря 4 Макк 36% слов не встречается ни в канонических, ни в апокрифических книгах Септуагинты.

При сравнении с лексикой классической и эллинистической греческой литературы Брайтенштайн обнаружил, что:

4.67 % словаря не засвидетельствованы до рубежа эр,

2.9 % не засвидетельствованы до II в. н. э.,

1.64 % вообще нигде больше не засвидетельствованы.

Поскольку речь идет не о крохотном тексте, не о стихотворении, и поскольку большую часть текста естественно составляют слова служебные и слова основного словарного фонда, придется признать, что лексика этой книги весьма оригинальна. Подсчеты Брайтенштайна отвечают моему первоначальному читательскому впечатлению: автор прекрасно выучился правильной литературной речи, но почему-то любит всякие выкрутасы.

Конечно, во многих случаях перед нами словообразовательные аналоги слов, которые в языке известны. Так ὀλεθροφόρος в

[1] Подробнее об авторстве, времени создания, среде, рукописной традиции и влиянии на христианское богословие мученичества: Брагинская, Коваль, Шмаина-Великанова 2014: 397–426.

4 Макк 8. 19 – это hapax, но построенный по модели эпитета θανατηφόρος, который встречается еще в «Агамемноне» Эсхила (ст. 1176). Греческий язык позволяет в экспрессивных целях нагромождать приставки. Автор 4 Макк нанизывает их без видимой нужды. Три приставки, в совокупности непереводимые, служат усилению экспрессии в 4 Макк 9:19: προσ-επικατέτεινον ‘дополнительно еще поднатянули’. А hapax ἐννοσσοποιησάμενα ‘гнездясь’ (4 Макк 14:16), образован от предлога «в», существительного «гнездо» и глагола «изготовлять» (см. также о языке 4 Макк Dupont-Sommer, 1939: 58).

Пристрастие к неологизмам такого рода у иудео-эллинистического автора, вероятно, коренится в том, что возможности складывать одно слово из двух основ или корней нет в родном наречии этого автора. Предположение, что она его очаровывала, доказать мы не можем, но мы видим, что он любит пользоваться составными словами и не оглядывается на узус – на «так говорят» или «так не говорят», сочиняет и такие, каких в «греческом греческом» может вовсе и не быть. Наш автор изобретал такие «странные» слова, как например, ἀλλοφυλέω, ‘перенимать языческий образ жизни’ (18:5), или μισάρετος, ‘враг добродетели’, (11:4) и др. Он охотно составляет переусложненные слова, которые греческий язык в принципе допускает, но не имеет, потому что они придуманы часто специально для иудейских реалий или понятий. Например, ἐθνοπάτωρ, «народородитель» (16:20), и ἑπταμήτωρ ‘семиждымать’ (16:24), μιαροφαγία, ‘сквернοядение’ и производные, passim, παγγέωργος λογισμός, ‘всенасадительный разум’ (1:29), ἐξεδιήτησεν… καὶ ἐξεπολίτευσεν…, ‘раз-обычился… и раз-обществился…’ (4:19). В 2:9 слова ἐπικαρπολογούμενος и ἐπιρρωγολογούμενος требуют целых предложений для своего перевода: ‘собирающий остатки после жатвы’ и ‘срывающий гроздья с виноградной лозы’. Мы не знаем, казалось ли такое словотворчество удачным природным носителям «эллинисмос». Эдуард Норден, автор знаменитого труда о греческой художественной прозе, причислил автора 4 Макк. к риторам азианического красноречия (см. Norden, 1923: I, 416–420). Это кажется очень привлекательным решением для особости стиля автора. Азианический стиль – вычурный, патетический и до полного пересола перегруженный неожиданными образами, неологизмами и риторическими фигурами, параллелизмами, гомотелевтами и созвучиями ритмически сходных синтагм – это стиль 4 Макк. Впрочем, поскольку образцов азианического красно-

речия, которое само заявило бы о себе как азианическом, мы не знаем, то судим о комплексе его свойств со слов его критиков – от Дионисия Галикарнасского до Цицерона, применявшего термины «аттицизм» и «азианизм» и вовсе к латинской риторике. Возможно, как это ни странно, именно 4 Макк и есть единственный полностью сохранившийся памятник азианического стиля. Ведь родина этого стиля – города Малой Азии, а 4 Макк скорее всего связана с Антиохией.

Наш автор не просто был знаком с греческой литературой, речь идет о человеке, получившем философское и риторическое образование, по мнению Джузеппе Скарпата, он особенно начитан в Платоне (Scarpat, 2006: 259), так что обширный комментарий итальянского ученого пестрит отсылками к выражениям из диалогов великого философа. Впрочем, Платоном дело не ограничивается. В сочинении иудейского автора отразилась школьная этическая терминология академиков, перипатетиков, стоиков, эпикурейцев.

Использование этой терминологии и вообще претензия на диатрибу связана с весьма важной задачей: показать, что безупречная добродетель эллинов – благородная калокагатия – и философские добродетели невозмутимости (эпикурейская атараксия) и равнодушия к телесному страданию не просто наилучшим образом достигаются при воспитании Законом Моисея и верности ему, но и оказываются далеко превзойдены. То есть средствами философии он стремился доказать, что евреи гораздо больше философы, и больше преданы софии-мудрости, чем сами греки. Вернее так: что Тора лучше учит тому, чему греки учатся у философов, а, следовательно, в Торе и содержится лучшая философия – философия божественная (7: 9).

«Терапевтическая» задача такого произведения понятна: чтобы поддержать соплеменников, живущих в рассеянии, в следовании их образу жизни, верности Завету с Богом, автор 4 Макк представлял этот образ жизни как ведущий к достижению добродетелей и почёта в той самой культуре, которой надо было противостоять. Однако тройная задача – соединить умозаключения теоретического разума эллинов с приёмами убеждения их риторики и убежденностью библейской веры – была внутренне антиномична. Ей отвечает и гибридная небывалая жанровая физиономия.

В жанровом отношении автор сочетает в своем сочинении с большой свободой и диатрибу, и гомилию, и эпидейктическую речь, и надгробную эвлогию и, наконец, диалог, потому что

Антиох ведет прения с иудеями, выступая в свою очередь от имени огрубленного и вульгаризированного микса из выражений стоиков, перипатетиков и академиков. Победа в этом споре парадоксальна: Ultima ratio мучеников готовых умереть – в их смерти, а поражение насильника и тирана – в их готовности умереть. Таким образом этот спор решается доводами того же порядка, что элейская апория о невозможности движения, когда оппонент Зенона поднялся и стал ходить.

Неудивительно поэтому, что доказательства, к которым прибегал автор 4 Макк, имели не столько логический, сколько нарративный характер. Не то, чтобы он говорил притчами, но в подтверждение своих тезисов он рассказывал истории из Библии о Давиде и Иосифе, а затем о подвигах мучеников эпохи гонений Антиоха на библейскую веру. Примеры поведения Элеазара, семерых братьев и их матери как раз и служили нарративной демонстрации того, что стойкости, верности и такой способности переносить мучения и противостоять насилию, что ее последователи оставляют далеко позади и стоиков и киников, научает именно Тора.

Как и греческие философы автор систематически переворачивает традиционные и обыденные представления: раб – это свободный, му́ка – это блаженство, беспомощность – победа, истязание – состязание, причём благородное, смерть – отрада и так далее.

Но он идет и дальше, стремясь продемонстрировать свободное владение не только философским, но и просто греческим языком, поворачивать его так и этак, вглядываться в его мудрость или спорить с его слепотой, что в той или иной мере делали, как мы знаем, самые разные философы: Демокрит утверждал, что напрасно считают счастьем *эв-демонию*, не в том оно состоит, чтобы выпала тебе благая доля, от доброго демона (εὐδαιμονία), не в стадах счастье и не в злате, а в душе, и называть надо его *эв-тюмией* (εὐθυμία) *и эв-есто* (εὐεστώ) – благим настроем и благим состоянием души (Democr. B 4 Diels-Kranz). Это низкие люди, рассуждает другой философ, осуждают *филаутию – себя- или самолюбие*, судят-то они по большинству и не знают, что *ты сам* – это божественное начало в тебе, любить «самого себя» – значит любить в себе это божественное начало (Arist. Eth. Nic. 1168°28 sqq.). Философы ведут себя немного как иностранцы, переиначивая слова и сочиняя новые, но и как хозяева языка, предлагая соплеменникам прислушаться к языковой интуиции философов.

Между тем и иностранец, даже не философ, может услышать случайное созвучие, например, слов *брат* и *брать* и задаться вопросом об их сущностной связи. Подобно философу, иностранец, который всматривается в изученный им язык может верно увидеть родство слов, которое для носителя языка остается скрытым, например, для русского уха – *печень* и *печенье*.

Посмотрим теперь на то, как поступает с греческими словами автор 4 Макк.

***

У греков было слово *эвномия* (εὐνομία), калька – *благозаконие.* Это состояние государства, в котором законы хорошие и соблюдаются они точно (LSJ 1996: 723). Как писал Аристотель: «хорошо составленные законы не дают эвномию, если этим законам не подчиняются» (οὐκ ἔστι εὐνομία τὸ εὖ κεῖσθαι τοὺς νόμους, μὴ πείθεσθαι δέ, Arist. Pol. 1294a3, ср. 1280b6). Ни в других книгах Септуагинты, ни в Новом Завете эвномии нет, а в 4 Макк встречается четырежды.

Между тем в Септуагинте Тора передается как Νόμος, Закон. Верен ли и насколько этот традиционный перевод, я сейчас не обсуждаю. Но у автора 4 Макк из-за омонимии греческого именования Торы как Закона и второй части слова: εὐνομία *эвномия* получает смысл благо-Закония, то есть жизни в согласии с Торой. Это один из ярких примеров наполнения греческих политических терминов иудейским религиозным содержанием.

При первом упоминании благозакония-эвномии еще может показаться, что это греческое понятие, хотя и странно, что оно выступает как условие хорошей жизни, а не она сама:

> 3:20 Итак, когда отцы наши, благодаря своему благозаконию, жили в прочном мире и дела их шли хорошо…[2]

В трех же других случаях религиозный контекст показывает, что *благозаконие* означает не что иное, как следование Торе:

> 4:24 Но когда он (гонитель Антиох – *НБ*) нимало не преуспел в том, чтобы своими указами упразднить благозаконие народа, и увидел, что все его угрозы и наказания тщетны 25 – даже женщины, которых сбрасывали в пропасть вместе с младен-

[2] Здесь и далее перевод 4 Макк Н. В. Брагинской и А. Н. Коваля.

> цами за то, что они подвергли обрезанию своих сыновей, заранее знали, что с ними так поступят, 26 – поскольку народ презирал его указы, он стал пытками принуждать каждого из них по отдельности, отведав скверной пищи, отречься от иудейства.
>
> 7:9 Ты, отче, стойкостью своей укрепивший благозаконие наше для его прославления и не отрекшийся от обрядов, тобою превознесённых, ты рассуждения божественной твоей философии удостоверил на деле.
>
> 18:4 Им (мученикам – *НБ*) благодаря народ обрёл мир, во всём отечестве восстановил благозаконие и разгромил врагов.

Восстановление *благозакония,* вообще говоря, могло бы иметь политическое значение, но в контексте Маккавейского восстания речь идет об очищении осквернённого Храма и возобновлении богослужения. Пожалуй, сакральные коннотации *эвномими* можно усмотреть в *величайшей эвномия* у Софокла (Aj. 712) ст. 712, так как речь идет об исполнении положенного для почитания богов.

***

Слово συμπάθεια – *симпатия*, *привязанность*, *сочувствие*, *сострадание*, в языке эпикурейцев и стоиков также *родство, сходство* и *тяготение* как термин физический и космический (LSJ 1996: 1680).

В классическом греческом имеет позитивный смысл, в Септуагинте встречается только в 4 Макк, и в нескольких случаях имеет обычную положительную семантику:

> 5.:25 Вот почему мы не едим скверного; потому что, веря в существование Божественного Закона, мы знаем, что, устанавливая Закон в согласии с природой, Зиждитель мира был нам *сочувствен* (συμπαθεῖ).

Положительный смысл сохраняет оно и в том случае, когда речь идет о предателях, ставших пособниками Антиоха, но жалеющих мученика Элеазара:

> 6:12 И тогда, сострадая ли старости его, 13 движимые ли в силу давнего знакомства сочувствием (ἐν συμπαθείᾳ τῆς συνηθείας), или поражённые его выдержкой, несколько царедворцев подошли к нему…

Автор рассуждает о συμπάθεια, *симпатии,* как о естественной привязанности к родным, к братьям[3], как о чревной материнской любви к детям[4], как о страхе и беспокойстве за жизнь детенышей, присущую всем животным и даже пчелам[5]. В приведенных здесь цитатах, мы переводим это слово по-разному, не усматривая в нем термина, для чего есть все основания, если говорить о «греческом греческом».

Но для рассуждения автора 4 Макк в целом центральным является термин πάθος, *страсть*, противопоставленный другому термину – λογισμός, *разум*. При этом πάθος входит в συμπάθεια, так же как *номос* – в *эвномию.* Πάθος – это пассивность, принятие какого-то воздействия, чаще гибельного, т. е. страдание; однако не только страдание, но и страдательное состояние души или вещества. Если речь идёт о воде, то её πάθος – состояние льда или пара: лёд – это πάθος воды под воздействием холода, пар – под воздействием тепла. Если же речь идёт о душе, то и на душу может оказываться воздействие, и образуется πάθος – страсть/состояние души: эмоции, страсти, чувства, ощущения.

И вот, поскольку автор доказывает не просто опасность и даже гибельность πάθος'а, но и что разум – самодержавный владыка страстей, то его отношение к πάθος'у переходит и на συμ-πάθεια. Поэтому даже любовь к детям, даже сочувствие к ним, даже все естественные привязанности к родным и ближним оказываются рангом ниже, они подчинены благочестивому разуму, а не *симпатии*, в которой автор различает присутствие πάθος'а. Не естественному чувству следует уступить, доблесть

---

[3] 13:23 Так создалась *привязанность*, основанная на братской любви, и ещё крепче *привязались* друг к другу эти семеро братьев, [24] ибо, наставленные в одном и том же Законе, подвизаясь в одних и тех же добродетелях, воспитанные совместно для праведной жизни, они полюбили друг друга ещё сильнее.

[4] 14.:13 Подумайте, как глубоко укоренена материнская любовь к детям, влекущая всё живое к чревной *привязанности*! [14] Ибо даже неразумные животные испытывают почти такое же *сочувствие*, почти такую же любовь к рождённым ими, что и люди. …. [15. 4] О, как мне живописать чадолюбивые страсти родителей? На крошечном оттиске дитяти мы запечатлеваем дивное подобие и души, и облика, причём матери из-за страданий при родах *сильней привязываются* к своим порождениям, чем отцы.

[5] 14.:18 Впрочем, нужно ли доказывать *сочувствие* к детям на примере неразумных животных? [19] Ведь даже пчёлы во время сотостроя защищаются от непрошеных гостей и, словно клинком, поражают жалом тех, кто приближается к их улью, и защищают его ценой жизни!

в том, чтобы συμπάθεια отступила перед благочестивым разумом:

> «14.:20 Но *сочувствие* к детям не поколебало мать юношей, у неё была душа Авраама! …
>
> 15:6 Самой чадолюбивой из матерей оказалась мать семерых сыновей: семь беременностей привили ей любовь к детям, 7 а тяжкие муки при родах каждого не могли не *привязать* её к ним, 8 но из страха Божьего презрела она временное спасение своих детей…
>
> 15:11 И хотя столько всего в чадолюбии такого, что влечёт мать к *состраданию*, ничто из этого не позволило всевозможным пыткам переменить её разум: 12 напротив, каждого из детей и всех их вместе мать призывала к смерти ради благочестия.

Итак, для автора 4 Макк «сам язык», ставит сочувствие, привязанность и сострадание в разряд страстей, а не добродетелей и подчиняет его разуму. В классическом греческом, что бы ни говорилось о *патосах*, о *страстях*, их порицание не переносится на *симпатию*.

***

Как мы уже сказали, в центре диатрибы стоит *разум*-λογισμός. В 4 Макк четырежды встречается εὐλογιστία, которой также нет в других книгах Септуагинты и в Новом Завете. В классическом греческом слово значит *осторожность*, *осмотрительность* и *расчётливость* (LSJ, 1996: 720). Но в 4 Макк его смысл заново складывается из частей, при этом в расчет берутся не контексты греческой литературы, а контекст собственной книги о разуме. Поэтому автор как бы заново складывает части слова и *благо-разумие* полностью освобождается от семантики осторожности, осмотрительности, хорошего расчета.

Первое вхождение слова – это еще цитата из языка оппонента, греческого философа, которого представляет здесь гонитель веры Антиох, и *эвлогистия* в его устах означает покорность силе и осторожность.

> 5:22 Но ты высмеиваешь нашу философию: мы, дескать, живём по ней без *благоразумия*. 23 А ведь она учит нас целомудрию, чтобы мы сдерживали все влечения к удовольствиям, и упражняет в мужестве, чтобы мы по своей воле стойко переносили всякое страдание.

Но затем автор подставляет в *эв-логистию* семантику не *расчета,* а благого, благочестивого разума.

> 8:15 Но они, искушаемые речами услышанными и устрашаемые орудиями увиденными, не только не убоялись, но и выставили против тирана свою философию и свергли его тиранию благодаря *благо-разумию*.

Эвлогистия становится «разумением блага», благим разумом и приближается по значению к Премудрости. Эта близость обнаруживается чрезвычайно ярко в персонифицированном образе «*Эвлогистии* о семи башнях». Семь башен символизируют и семерых сыновей матери и семь столпов на которых, как известно, Премудрость «выстроила себе дом» (Притч 9:1).

> 13:5 В самом деле, как не признать «страстеодержания», порождаемого *благоразумием*, у тех, кого даже причиняемые огнем мучения не заставили перемениться? 6 Ибо, как башни волнорезов в заливах отражают грозные волны и дают спокойно входить кораблям в гавань, – 7 так и у юношей *Благоразумие* о семи башнях, укрепив гавань благочестия, победило буйство страстей.

Таким образом, эвлогистия у мучников очень своеобразная, не расчетливая. Это такая добродетель, которая позволяет им свершать подвиги самоотречения. И потому их эвлогистия, их разумение блага кажется безумием Антиоху, выступающему от имени эллинской мудрости.

***

Одно из самых интересных и имеющих отношение к основному содержанию книги переосмысление греческой лексики – это использование слова ἱερός в применении к человеку. В данном случае автор верно понимает основное значение греческого слова и сосредоточивается на нем, не обращая внимания на переносные. Слово ἱερός обычно переводят как «священный». Уже у Гомера оно прилагается к очень разным вещам – городу, ячменю, стражам ворот, войску... Каждое такое использование заслуживает своего объяснения, но суть состоит в принадлежности и / или предназначенности богу / богам, отнесенности к божественному или причастности к нему, однако не к самим богам (исключение: род бессмертных как ἱερόν, Hes. Th. 21)

По поводу этимологии ἱερός существуют разногласия, в которые мы входить не будем (см. Chantraine, 1970: II, 457; Frisck, 1960: I, 712–714; Beekes, 2010: 580–581). Исключительное по подробности, тщательности и охвату исследование семантики всего гнезда слов с этим корнем, принадлежит

Готтлобу Шренку, к которому мы и отсылаем и на котором основываемся, поскольку этот ученый исследовал весь спектр значений и оттенков применительно к предметам и лицам в классическом греческом языке, в языке Септуагинты, Иосифа Флавия и Филона, апокрифов, Нового Завета и ранней Церкви (TDNT 1964–1976: III: 221–283).

Он обратил внимание и на то, что в 4 Макк ἱερός часто применяется к людям, собственно говоря, ко всем героям-мученикам: к *священному мужу* Элеазару (ὁ ἱερὸς ἀνήρ, 4 Макк 6:30), к семерым *священным отрокам* (οἱ ἱεροὶ μείρακες, 4 Макк 14:6), к *священной и благочестивой матери* семерых братьев (ἡ ἱερὰ καὶ θεοσεβὴς μήτηρ, 4 Макк 16:12).

Что касается людей, характеризуемых так в классической греческой литературе, то у Пиндара или Гомера ἱεροὶ именуются цари и воины (см. Pind. Pyth. 5, 97, Hom. Od. 7, 167; 2, 409 etc.), у Платона таков поэт (Plato, Ion 534b), ибо все они обладают особой силой, которую дает им покровительство богов. Не думаю, что разумно называть их могущество «сверхъестественным», как это часто делается, потому что желательно не переходить в описании к понятиям, чуждым описываемой культуре. Если бы слово «божественный» не использовалось слишком часто для обозначения высокой степени великолепных качеств, оно было бы подходящим во многих случаях для перевода ἱερός. Но, конечно, у ἱερός есть переносные значения. Тот именуется ἱερός, кто находится под особым божественным покровительством: *божественный*, *священный*, *могущественный* и др., человек, посвященный богу, служащий в храме или посвященный в мистерии (Eur. Alc. 75, Plat. Phad. 85 b, и др., см. LSJ 1996: 822). Именно в этом последнем случае это не поэт, не царь, не Моисей, а просто *человек*, который характеризуется только тем, что он ἱερός: ἄνθρωπος ἱερός –это посвященный в мистерии у Аристофана (Ran 652), а ἱεροί без дополнений – сообщество посвященных (Dittenberger 1898: 736 – Andania). Плутарх называет индийских гимнософистов, которые проводят свою жизнь за изучением божества, ἄνδρες ἱεροὶ καὶ αὐτόνομοι (Plut. Alex. Fort. Virt., I, 10 (II, 332b). В дальнейшем в христианской письменности слово очень широко используется и определяет, например, у Оригена ангелов, авторов Священного Писания, патриархов и апостолов, а также философов и поэтов (Orig. Cels. VIII, 64, VI, 18, IV, 33, Comm. in Joh., 10, 29, Cels. VII, 41, ср. TDNT 1964–1976: III, 225–226). Но в классическое время о божественном муже сказали бы

скорее, что он θεῖος или ἅγιος, потому что эти слова не так прямо связаны с культом. В Септуагинте слов гнезда ἱερός скорее избегают и для обозначения *святого*, *священного*, *сакрального* используются ἁγνός, ἅγιος, ὅσιος и им родственные. Считается, что в ἱερός особенно сильны языческие, культовые коннотации, слова этого гнезда самые употребительные из тех, какими описывают языческое почитание богов, непременно включающее в себя жертвоприношение[6].

По-видимому, не будет преувеличением сказать, что ἱερός в первую очередь описывает ситуацию, когда божественное переживается человеком в акте посвящения, а именно – в акте жертвы[7]. Субстантивация выдает семантическое ядро слова. Что такое τὸ ἱερόν? Что такое *священное* как таковое, само по себе, без уточнений? – Это жертвенное животное (напр., Hom. Il., 2, 420) и место, где приносится жертва, не обязательно храм как здание (здание – это скорее ναός), но и урочище и любой священный участок (τέμενος), святилище, где происходит почитание бога. А τὰ ἱερά – это жертвоприношение у Гомера (Il., I, 147), Геродота (VIII, 54) и многих других авторов (Софокл, Фукидид, Платон и т. д.), а также предметы и действия, относящиеся к жертвоприношению и богопочитанию, включая празднества (TDNT, 1964–1976: III, 230). Соответственно и ἱερεύς – это жрец, тот, кто приносит жертвы. Такие значения прилагательного, как *чистый, невинный, незапятнанный* также, видимо, восходят к семантике ритуальной чистоты жертвенного животного и жреца.

Я предполагаю, что в 4 Макк человек, которого именуют ὁ ἱερὸς ἀνήρ, – это жертвенный человек, человек-жертва, человек, предназначенный в жертву. Такого смысла мы не встретим в греческой литературе, человеческие жертвоприношения не входят в культовую практику эллинов.

Но когда автор 4 Макк применяет ἱερός к мужу, к семерым братья и матери, которых пытают и убивают, возникает очевидная связь пытки и главной части богослужения – жертвы. Кровавую жертву приносят в Иерусалимском Храме на алтаре, режут животное, сдирают с него кожу, отрубают члены, варят и жарят мясо. Какими бы жестокими пытки ни были, их орудия

[6] Там же: TDNT 1964–1976. О разнице в семантике этих синонимов, означающих «священное», «святое», см. ibid. III, 222.

[7] В сущности так полагает и Г. Шренк: «Yet the chief use of ἱερός begins only when this divine aspect may be felt and experienced by men in the form of consecration» (TDNT 1964–1976 III, 223).

не включали сковород и вертелов. А мучения, которым подвергают Элеазара, семерых братьев и их мать – это заклание жертвенных животных[8].

Тогда становятся понятны подробные, трудно переносимые и на первый взгляд какие-то патологические описания пыток: свежевание заживо, разделка и жарка человеческого тела. Но не следует видеть здесь болезненную фиксацию внимания на «ужасах». Автор так возрождает первобытный в своих истоках образ невинной человеческой жертвы, которая искупает грехи народа, племени, семьи.

> 6.:30 И, молвив так, сей *жертвенный муж* благородно умер под пытками, но, даже запытанный до смерти, он смог благодаря разуму постоять за Закон.
>
> 14:6 Ибо, как руки и ноги согласно движутся под водительством души, так и эти *жертвенные отроки*, словно ведóмые бессмертной душою благочестия, согласно приняли за него гибель.
>
> 16:12 Но такими причитаниями *жертвенная и богобоязненная ма*ть никого не оплакивала, не уговаривала никого из детей избежать смерти и не поддавалась горю, когда они умирали.

Христос как искупительная жертва окажется в центре христианского богословия. Его жертва описывается как заклание Агнца Божия, но это тождество мистическое, не буквальное. Казнь на кресте не есть форма храмового жертвоприношения, хотя, по Посланию к Евреям, Христос, терпящий эту казнь, – и жрец-первосвященник, и одновременно жертва (Евр 7:27): жертва приносится Духом Святым (Евр 9:14). То, что в христианстве составляет образный и мистический смысл Креста, в 4 Макк представлено как буквальное физическое жертвоприношение.

В этой перспективе становятся понятней некоторые странные выражения 4 Макк. Например, в 4 Макк 7:6 говорится, что Элеазар не осквернил τοὺς ἱεροὺς ὀδόντας, своих *священных зубов* запретной пищей. «Священными» или даже «жертвенны-

[8] Г. Шренк считает, что употребление ἱερός в 4 Макк повлияло на развитие в дальнейшем в Церкви идей, связанных с понятием *sanctus*. Объяснение, казалось бы, идет в нужном направлении – к жертве мучеников, но остается абстрактным и туманным: «The whole emphasis may be laid on the martyrdom through which those who are faithful to the Law are holy. Yet in 4 Macc. itself ἱερός is not one-sidedly linked with martyrdom. It is also linked with the triumph of νοῦς» (TDNT, 1964–1976: III, 229).

ми» зубы являются потому, что они, с позволения сказать, участвуют в жертвоприношении, в жертвенной трапезе.

Еще более странным и таинственным является обращение к матери: ἱερόψυχε.

> 17: 4. Мужайся же, мать, ἱερόψυχε! Крепка надежда твоя на Бога: ты выстоишь!

Ἱερόψυχος – это hapax (через столетия встретится у Федора Студита: Epist. 7, 57), и переводчики в замешательстве не находят ничего лучше слова «священнодушная», или выражения «со священной душой», holy-minded. Но что это значит?

Ἱερόψυχος имеет смысл рассматривать (и соответственно переводить) на фоне значения ἱερός как ‘жертвенный’, а ψυχή как ‘жизнь’. Как известно, в библейском иврите слово *нефеш* (душа) постоянно используется как синоним слова *хаим* (жизнь), о чем существует большая литература (см. TDNT, 1964–1976: IX, 617–618).

Поэтому ἱερόψυχος – это ‘жертвующая жизнью’, та, кто приносит жизнь в жертву.

Такое наше понимание стиха 4 Макк 17: 4 поддерживает 4 Макк 7:4. Здесь странный сложный эпитет ἱερόψυχος еще, так сказать, «не сложился»:

> 7:4. Ни один город, множеством всевозможных машин осаждаемый, никогда не сопротивлялся так, как этот пресвятой старец; и хотя его жизнь, принесённую в жертву (τὴν ἱερὰν ψυχὴν), истребляли огнём, терзая и истязая, он победил осаждавших, выставив подобно щиту свой разум благочестия.

Можно ли понять это место так, что сжигают огнем «священную душу» старца? Мне кажется, нет, сжигают тело, истребляют жизнь, посвященную Богу, приносимую в жертву.

Теперь для нас по-новому предстанет и слово ἱεροπρεπής, которое встречается в 4 Макк дважды, а в классическом языке оно весьма редкое и зафиксировано во всем корпусе всего трижды.

Хотя Thesaurus Linguae Graecae E указывает, помимо Платона, (Theag. 122e 1), Менандра и Ксенофонта (см. ниже), еще и Аристотеля, но на поверку Fr. 102 Rose содержит изложение мыслей Аристотеля Филоном, который в отличие от Аристотеля к этому слову имеет особое пристрастие[9]. И только

[9] По данным Thesaurus Linguae Graecae E, это прилагательное и соответствующее наречие встречаются у Филона 38 раз, тогда как всего во

однажды в классической литературе ἱεροπρεπής применяется к человеку, а именно, к жрецу, достойному своего положения или сана (Xen., Symp. 8. 40).

В позднем языке слово представлено широко и определяет также главным образом не человека, но то, что подобает, приличествует почитанию бога, священному месту, храму, алтарю или святилищу, а также определяет соответствующие предметы. Исходная связь с жертвоприношением как центром почитания бога ощутима. Так, ἱεροπρεπής τέχνη – это ‘искусство приготовления пищи’ (Menand., Dyscol. 646 Sandbach), а у Лукиана словом ἱεροπρεπής характеризуется запах сжигаемых жертв (Luc. De sacr., 13). Так же как ἱερός, и это, слово приобретает со временем не техническое, но моральное звучание: ‘почтенный’, ‘ценимый’, ‘уважаемый’, ‘торжественный’ и ‘благочестивый’, ‘благопристойный’ (TDNT, 1964–1976: III, 253–255, ср. Тит 2:3: благочестивые пожилые женщины в одежде, подобающей нахождению в церкви).

У Шренке отмечено особое значение слова ἱεροπρεπής в 4 Макк, но в чём состоит эта особость, не сказано (Particular note should be taken of 4 Macc. 9:25, where he who is faithful unto death according to the statutes is ἱεροπρεπής, and 11:20 א R, where the same militant attitude is described as a ἱεροπρεπὴς ἀγών». TDNT, 1964–1976: III, 253). Учитывая тему 4 Макк в целом и особенно значение в 4 Макк слова ἱερός применительно к человеку ‘жертвенный’, ‘жертвуемый Богу’, мы полагаем, что общее значение ‘достойный священного места’, ‘приличествующий священным целям’ автор воспринимает как *достойный быть принесённым в жертву, жертвенный* и потому пишет:

> 9.:25 Вымолвив это, *достойный принести жертву* юноша исторг душу.
>
> 11:20 О жертвенное ратоборство, в котором не смогли победить всех этих братьев, вызванных на состязанье за благочестие!

***

И, наконец, важнейшее понятие 4 Макк – благочестивый разум – не раз привлекало к себе внимание исследователей как непонятное и внутренне противоречивое, кентаврическое, понятие. Действительно, λογισμός и εὐσέβεια относятся к разным аспектам и парадигмам духовной и интеллектуальной

всем корпусе – 239 случаев, а у самого Аристотеля оно не встречается.

жизни, и их сочетание в одном понятии, тем более, тяготеющем к персонификации, представляется антиномичным. Однако, если мы предположим, что за этим странным словосочетанием скрывается библейская Хохма, София, Премудрость из Книги Притч и Книги Премудрости Соломона, художница Творца и невеста царя, то взамен противоречивого и невнятного философского рассуждения, получим ясную и цельную картину. Никакой, даже самый благочестивый разум не может убедить человека пожертвовать жизнью ради верности вере отцов, но Премудрость сообщает, что такое поведение и есть следование ее учению (Премудрость Соломона 3:5–9). А. И. Шмаина-Великанова предположила, что *благочестивый разум* из 4 Макк представляет собою попытку передать по-гречески древнееврейское *хохма*.

Благочестивый разум как центр философии 4 Макк имеет свое образное воплощение в матери семерых сыновей, которая наставляет их и высказывает премудрые мысли. Так и в Книге Притч рядом с космическим образом Премудрости до небес возвышается образ доблестной жены, хозяйки, наделенной и всеми мыслимыми женскими и немыслимыми, потому что неженскими, добродетелями (Притч 31:11–31). Текст 4 Макк отличает своеобразное сочетание образного и дискурсивного начала. Нарратив в 4 Макк служит основой, на которой крепятся образы, чья последовательность выстроена как толкование от, так сказать, исторического смысла к анагогическому.

Мать семерых появляется первый раз с сыновьями, словно с «хором» (4 Макк 8:4). Это просто сравнение, которое придает бытовой сцене трагическую приподнятость. Однако автор не забывает ни образа хора, ни образа его центра, и по мере разворачивания действия образы переживают знаменательные перемены. При первом упоминании хор молчит, чуть ниже в 4 Макк 8:29 братья говорят одновременно, в один голос. о том, что не отступят от Божьих заповедей.

Затем,

> [13:8] образовав жертвенный хор благочестия, они ободряли друг
> друга такими словами: [9] «Умрём же по-братски, братья, за
> Закон!».

Хор приобрел две характеристики, он оказался хором благочестия и, может быть, Благочестия персонифицированного в матери, причем хором жертвенным/священным (ἱερὰν γὰρ εὐσεβείας στήσαντες χόρον). Следующий фрагмент 4 Макк 14:3–

8 построен довольно сложно, в чем-то даже загадочно, на пояснении одного образа другим.

> 14.:3 О жертвенное и стройное семерых братьев согласие (συμφωνία) в благочестии! [4] Из семи юношей ни один не оробел и не дрогнул перед лицом смерти: [5] напротив, они все поспешили к смерти под пытками, словно бегуны на дороге к бессмертию. [6] Ибо, как руки и ноги согласно (συμφώνως) движутся под водительством души, так и эти жертвенные юноши, словно ведóмые бессмертной душою Благочестия, согласно приняли (συνεφώνησαν) за него гибель. [7] О пресвятая седмица согласных (συμφώνων) братьев! Ибо подобно тому, как семь дней творения мира – окрест Благочестия, [8] так, ведя хоровод вокруг седмицы, юноши окружили страх перед пытками, гоня его прочь.

Согласие братьев имеет абстрактный смысл, они согласились умереть за Закон, но и конкретный – симфония, согласное пение и движение, они ведь ведут хоровод, и говорится о согласном движении. Ведет их бессмертная душа благочестия. Мы написали выше «Благочестия», ибо имеющее душу, не может не быть живым существом. Напомним, что Эвсебия/ Благочестие по-гречески женского рода. Ниже, ст. 17. 5 мать ведет братьев и утверждается на небе окруженная ими, как луна звездами:

> Не так торжественно луна со звёздами стоит на небе, как ты, осветившая путь к благочестию для семи звёздоравных детей, почётно водружена у Бога и с ними вместе утвердилась на небесах.

Выражение «осветившая путь к благочестию» передает греческое слово φωταγωγήσασα – *световодная, приведшая свет*. Возможно, здесь первый случай, когда сложение этих корней предпринято для получения мистического смысла (ср. впоследствии: Epistula Barnabae, 18. 1c., 2 Kraft; Prigent: SC 172; Testimonim Abrahae, 7, 7), тогда как параллельно существовало и обыденное значение: *световод* – окно в потолке (ср. например, Luc. Symp. 20, 12; De dom. 6, 15). В дальнейшем различные композиты из этих корней широко используются в мистике, в том числе христианской, в астрологии, мистериальном языке и магическом, означая, в частности низведение божественного света (см. Брагинская, Коваль, Шмаина-Великанова 2014: 490).

Итак, мать ведет к Эвсебии при помощи света или светом. Братья именуются седмицей согласных, стройно, буквально

«благогармонично» звучащих. Это уже образ пифагорейского звучащего космоса о семи струнах или семи сферах. Но в следующем стихе седмица, гебдомада сопоставляется с семью днями творения, которые окружают, стоят вокруг Эвсебии/Благочестия. Какая женская фигура присутствует при сотворении мира все дни? – Премудрость из Книги Притч: [8:30] «тогда я была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицем Его во все время». Таким образом, явное указание на библейский текст, на Премудрость возникает еще раз.

Последняя фраза разбираемого отрывка особенно трудна: братья ведут хоровод вокруг гебдомады, седмицы, и тем самым, гонят прочь страх перед пытками. Не могу сказать, что до конца понимаю, вокруг чего они водят хоровод и что это за гебдомада, если выше гебдомада – это сами братья. Может быть, переписчик повторил гебдомаду напрасно, и следует читать вместо ἑβδομάδα εὐσέβειαν, вместо *седмица – благочестие*[10]. Тогда Эусебия-Премудрость стоит посреди семи дней творения, а Эвсебия-мать окружена своими семью сыновьями. Такая картина представила бы параллелизм небесного и земного образа матери и сыновей, образную интерпретацию исторического через космическое, человеческого через божественное. Но возможно, гебдомада должна нам напомнить уже выстроенную прежде параллель крепости о семи башнях, как матери с сыновьями и Премудрости, которая выстроила дом на семи столпах: братья окружают тогда именно гебдомаду этих космических столпов.

Тема хора получает свое завершение в последних стихах книги:

> [18:23] Авраамовы же чада с победоносной матерью вливаются в хор отцов, чистые и бессмертные души получивши назад от Бога.

Последовательное символическое толкование образа матери как Софии-Премудрости содержится не в каких-то последующих комментариях, а в том же сочинении, где о ней повествуется.

---

[10] Видимо, оправдана конъектура, давно здесь предложенная: «вокруг благочестия...седмица отроков» (περὶ τὴν εὐσέβειαν... ἡ ἑβδομάς), см. к этому стиху: Freudenthal 1869; Deissmann 1900 и Emmet 1918. Ср. «по кругу танцует божественный логос, который многие люди зовут судьбою» (Philo, Quod deus sit immutabilis, 176).

Возможно, и философия, о которой автор говорит в самых первых строках своего трактата, понимается им не совсем по-гречески.

> 1:1 Собираясь доказать в высшей степени философское положение, что благочестивый разум – подлинный владыка над страстями, я дал бы вам добрый совет усердно внимать этой философии.

Известные рассуждения Иосифа Флавия о «философских школах» евреев, подразумевают под «школами» разные типы отношения к устному «закону» или «устной Торе».

Слово תּוֹרָה (*тора*) собственно значит *учение.* Но может ли Тора передаваться словом σοφία? Исследователи полагают, что хотя Бен Сира сохранился преимущественно по-гречески, отождествление Премудрости с Торой (что стало затем общим местом в средневековом иудаизме), а тем самым Торы и Софии можно предполагать уже у этого автора (см. Schaper 2013: 305; Goering 2009: 3–9. Эти языковые обстоятельства могли в той или иной мере подсказать автору 4 Макк мысль видеть в философии любовь к Торе, которая равна любви к премудрости.

Литература

Beekes, R. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden; Boston: Brill.

Braginskaya, N.V., Koval', A.N., Shmaina-Velikanova, A.I. 2014: *Knigi Makkaveev* (*Chetyre Knigi Makkaveev*) [*The Books of Maccabees* (*Four Books of Maccabees*)], tr. from Greek, introd. and comm.; chief editor Braginskaya, N.V., scientific editor M. Tuval'. Moscow: Mosty kul'tury; Geshaim.

Брагинская, Н.В., Коваль, А.Н., Шмаина-Великанова, А.И. 2014: *Книги Маккавеев* (*Четыре Книги Маккавеев*). Пер. с др.-греч., введение и комментарии, под общ. ред. Н.В. Брагинской; научный редактор М. Туваль. М.: Мосты культуры/Гешарим.

Breitenstein, U. 1978: *Beobachtungen zu Sprache, Stil und Gedankengut des vierten Makkabäerbuchs*. 2. Aufl. Basel: Schwabe.

Chantraine, P. 1970: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Paris: Éditions Klincksieck. 1970

Deissmann, A. 1900: Das vierte Makkabäerbuch. In: *Die Apokryphen und Pseudepigraphen des Alten Testaments*. Bd. 2: *Die Pseudepigraphen des Alten Testaments*. Tübingen: Mohr, 149–177.

Dittenberger, W. 1898: *Sylloge Inscriptionum Graecarum*. 2nd ed., Leipzig.

Emmet, C.W. 1918: *The Third Books of Maccabees; The Fourth Books of Maccabees*. London; New York, NY: Society for Promoting Christian knowledge; The Macmillan co. (Translations of Early Documents. Ser. 2. Hellenistic-Jewish Texts; 6).

Freudenthal, J. 1869: *Die Flavius Josephus beigelegte Schrift über die Herrschaft der Vernunft: IV Makkabäerbuch, eine Predigt aus dem ersten nachchristlichen Jahrhundert*. Breslau: [s. n.].

Frisck, H. 1960: Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg.

Goering, G.S. 2009: Wisdom's root revealed : Ben Sira and the election of Israel. Leiden; Boston: Brill. (Supplements to the Journal for the study of Judaism, v. 139).

LSJ 1996: Liddell, H. G., Scott, R., Jones, H. S., & McKenzie, R. *A Greek-English lexicon*. With a revised supplement. Oxford; New York: Clarendon Press; Oxford University Press.

Norden, E. 1923: *Die Antike Kunstprosa vom VI. Jahrhundert v. Chr. bis in die Zeit der Renaissance*. 4. Abdr. Leipzig [u. a.]: Teubner. Bd. 1.

Scarpat, G. 2006: *Quarto libro dei Maccabei*. Testo, trad., introd. e commento a cura di Giuseppe Scarpat; con una nota storica di Giulio Firpo. Brescia : Paideia.

Schaper, J. 2013: Νόμος and νόμοι in the Wisdom of Solomon. In: B.U. Schipper, D.A. Teeter (eds.). *Wisdom and Torah : the reception of "Torah" in the wisdom literature of the Second Temple period*. Leiden; Boston: Brill, (Supplements to the Journal for the study of Judaism ; Volume 163).

TDNT, 1964–1976: Kittel, G. (ed.). *Theological Dictionary of the New Testament* / transl. and ed. Geoffrey W. Bromiley, Friedrich Gerhard. Grand Rapids, MI: Eerdmans.

N. V. Braginskaya. Greek as foreign language: rethinking the Greek philosophic terms by Jewish godliness

The paper discusses several unusual features that characterize the language of the Fourth book of Maccabees. This Judeo-Hellenistic work played a major role in the formation of Christian theology: the doctrine of Redemption, of martyrdom, of supernatural forces given to the devotee etc. Introduction of new concepts required innovative vocabulary. The author creates a series of new stem-compounds that did not exist in Greek to designate specific Jewish religious concepts that have no parallels in the Greek mental repertoire such as *miarofagia* or *hieropsychos*. He also re-interprets the inner form of existing Greek words contrary to the established Greek usage: *Eunomia* designates not the state with good laws and lawful citizens, but instead an adherence to the Torah, as the Torah is transmitted in the LXX as *Nomos*; similarly, *photagogos* does not mean a window for light, but is applied to mystagogy. The author claims his own superiority over the Greeks in the mastery of Greek language, postulating that Jewish pious ratio (*eusebes logos*) surpasses the ratio of pagan thinkers.

Keywords: Septuaginta, Fourth Book of Maccabees, Greek terms and expressions imbued by Jewish religious concepts.

Д. А. Браткин

Σεβόμενοι προσήλυτοι (Деян 13:43)

Сочетание πολλοὶ … τῶν σεβομένων προσηλύτων в Деян 13:43 представляет собой трудность для понимания, поскольку в нем соединены два слова, которые в Деяниях используются как терминологические: σεβόμενος, обозначающие квазипрозелита, и προσήλυτος, которым автор Деян обозначает язычника, принявшего иудаизм. Собрав и проанализировав основные предложенные в литературе интерпретации, автор приходит к выводу, что σεβόμενος προσήλυτος может быть либо обозначением квазипрозелита, либо его следует переводить как «бывшие симпатизировавшие иудаизму язычники, которые ныне приняли иудаизм».

Ключевые слова: Новый Завет, Деяния апостолов, иудаизм, прозелитизм.

> λυθείσης δὲ τῆς συναγωγῆς ἠκολούθησαν πολλοὶ τῶν Ἰουδαίων καὶ τῶν σεβομένων προσηλύτων τῷ Παύλῳ καὶ τῷ Βαρναβᾷ, οἵτινες προσλαλοῦντες αὐτοῖς ἔπειθον αὐτοὺς προσμένειν τῇ χάριτι τοῦ θεοῦ **Деян 13:43** ([28]NA)

1. Если предположить, что и προσήλυτοι, и σεβόμενοι здесь употреблены как termini technici в присущих им по меньшей мере внутри текста самих Деяний значениях, то τῶν σεβομένων προσηλύτων приобретает внутреннее противоречие: одни и те же люди не могут быть одновременно и прозелитами, и квазипрозелитами, т. е. *уже* перейти и *еще не* перейти черту, отделяющую язычника от иудея.

С литературной точки зрения в этом рассказе обращает на себя внимание наличие целого ряда оппозиций и параллелизмов. Во-первых, когда Павла со всем уважением приглашают выступить на богослужении, делают это архисинагоги, выборные должностные лица общины, через служителей (ἀπέστειλαν οἱ ἀρχισυναγωγοὶ ... λέγοντες 13:15), но с того момента, как иудейская часть аудитории отвергает проповедь, антагонисты Павла превращаются в безлично-собирательных οἱ Ἰουδαῖοι (13:45; 50), которым отныне противопоставлены τὰ ἔθνη.

Во-вторых, в этом повествовании постоянно акцентируется внимание на составе слушателей (ἄνδρες Ἰσραηλῖται / ἄνδρες ἀδελφοί υἱοὶ γένους Ἀβραάμ и καὶ οἱ φοβούμενοι τον θεόν / και οἱ ἐν ὑμῖν φοβούμενοι τον θεόν, 13:16 и 13:26 соотв.). В-третьих,

дважды упомянутые в речи Павла φοβούμενοι противопоставлены σεβόμενοι, которые также дважды разделяются по двум разным критериям. Один раз перед нами выступают σεβόμενοι προσήλυτοι (13:43), в другой мы встречаем τὰς σεβομένας γυναῖκας (13:50), гендер которых ретроспективно подчеркивает маскулинность τῶν σεβομένων προσηλύτων.

2. **Дискуссия о терминологическом характере** слов φοβούμενος / σεβόμενος (τὸν θεόν) с производными (к числу которых относится в первую очередь θεοσεβής) и аналогами на других языках (лат. metuens, др.-евр. ירא שמים и др.) обсуждается много десятилетий. В контексте нашей задачи следует обратить внимание на следующие обстоятельства:

a) в I в. н. э., не говоря уже о более раннем периоде φοβούμενος / σεβόμενος (τὸν θεόν) с производными не являются техническим обозначением для квазипрозелита, но могут в зависимости от желания говорящего/пишущего приобретать буквальные или переносные значения: «благочестивый», «набожный» (Lake 1933: 84–88; Feldman 1950: 208; Cohen 1987: 419; Ustinova 1999: 203–214).

b) слово προσήλυτος в I в. обладало спектром как терминологических («язычник, принявший иудаизм»), так и более широких значений, которые могут воспроизводить различные оттенки глагола προσέρχεσθαι. Техническое употребление становится заметно лишь начиная со II в. н. э. (Goodman 1994: 72–74).

c) несмотря на отсутствие универсального терминологического значения в I в., ничто не мешает φοβούμενος / σεβόμενος и προσήλυτος обладать единым значением в пределах Деян или Лк-Деян.

3. **Φοβούμενος / σεβόμενος в Деяниях**. Помимо упомянутых выше примеров из Деян 13 (стихи 16, 26, 43, 50) это сочетание встречается еще семь раз.

(1)

Деян 10:1–2. Ἀνὴρ δέ τις ἐν Καισαρείᾳ ὀνόματι Κορνήλιος … *εὐσεβὴς καὶ φοβούμενος τὸν θεὸν* σὺν παντὶ τῷ οἴκῳ αὐτοῦ, ποιῶν ἐλεημοσύνας πολλὰς τῷ λαῷ καὶ δεόμενος τοῦ θεοῦ διὰ παντός …

Деян 10:22. Κορνήλιος … *ἀνὴρ δίκαιος καὶ φοβούμενος τὸν θεόν*, μαρτυρούμενός τε ὑπὸ ὅλου τοῦ ἔθνους τῶν Ἰουδαίων…

Деян 10:34–35 [Прямая речь Петра]. ἐπ’ ἀληθείας καταλαμβάνομαι ὅτι … ἐν παντὶ ἔθνει *ὁ φοβούμενος αὐτὸν καὶ ἐργαζόμενος δικαιοσύνην* δεκτὸς αὐτῷ [sc. θεῷ] ἐστιν.

В рассказе об «архетипическом квазипрозелите» центурионе Корнелии (Деян 10:2, 22, 35) где φοβούμενος τὸν θεόν всегда стоит в связке с другим указанием на праведность Корнелия: εὐσεβής, ἀνὴρ δίκαιος и ἐργαζόμενος δικαιοσύνην соответственно. Прямая речь Петра в Деян 10:35, в свою очередь, смоделирована по Пс 14 LXX, так что Корнелий в итоге оказывается не столько жизненно достоверным образцом идеального квазипрозелита, сколько литературной конструкцией: (ἀνὴρ) εὐσεβὴς καὶ φοβούμενος τὸν θεὸν в 10:2 и ἀνὴρ δίκαιος καὶ φοβούμενος τὸν θεόν в 10:22 являются всего лишь гендиадисами для обозначения «праведного богобоязненного человека» (Siegert 1973: 131).

В речи Павла в Деян 13 φοβούμενοι τὸν θεὸν бесспорно указывают на квазипрозелитов, но в рассказе о Корнелии φοβούμενος τὸν θεὸν не субстантивировано, его нетерминологический характер подчеркнут и соседством с родовым понятием «праведный человек», и общей матрицей Пс 14 LXX.

Вторая серия из четырех примеров (Деян 16:14; 17:4, 17; 18:7) демонстрирует несомненный технический характер понятия σεβόμενος (τὸν θεόν):

> **Деян 16:14**. καί τις γυνὴ ὀνόματι Λυδία, πορφυρόπωλις πόλεως Θυατείρων *σεβομένη τὸν θεόν*, ἤκουεν…
> **Деян 17:4**. καί τινες ἐξ αὐτῶν ἐπείσθησαν καὶ προσεκληρώθησαν τῷ Παύλῳ καὶ τῷ Σιλᾷ, τῶν τε *σεβομένων Ἑλλήνων* πλῆθος πολύ, γυναικῶν τε τῶν πρώτων οὐκ ὀλίγαι.
> **Деян 17:17**. διελέγετο μὲν οὖν ἐν τῇ συναγωγῇ τοῖς Ἰουδαίοις καὶ *τοῖς σεβομένοις* καὶ ἐν τῇ ἀγορᾷ κατὰ πᾶσαν ἡμέραν πρὸς τοὺς παρατυγχάνοντας.
> **Деян 18:7**. καὶ μεταβὰς ἐκεῖθεν εἰσῆλθεν εἰς οἰκίαν τινὸς ὀνόματι Τιτίου Ἰούστου *σεβομένου τὸν θεόν*, οὗ ἡ οἰκία ἦν συνομοροῦσα τῇ συναγωγῇ.

которое подчеркивается и использованием этого сочетания для характеристики индивидов и «эллинов» (= язычников), но нагляднее всего – субстантивированным употреблением в 17:17.

Таким образом, можно считать, что в отличие от φοβούμενος τὸν θεόν, которое в Деян не имеет терминологического значения (или, что тоже самое – приобретает его только в речи Павла и ретроспективно становится техническим в описании Корнелия), σεβόμενος (τὸν θεόν) употребляется в Деян как terminus technicus для квазипрозелита.

4. Προσήλυτος в НЗ встречается четырежды.

> **Мф 23:15**. Οὐαὶ ὑμῖν, γραμματεῖς καὶ Φαρισαῖοι ὑποκριταί, ὅτι περιάγετε τὴν θάλασσαν καὶ τὴν ξηρὰν ποιῆσαι ἕνα προσήλυτον, καὶ ὅταν γένηται ποιεῖτε αὐτὸν υἱὸν γεέννης διπλότερον ὑμῶν.

Долгое время под «прозелитом» понимали язычника, обращенного в иудаизм, пока М. Гудмен не обосновал теорию, согласно которой слово προσήλυτος в I в. наряду с узким пониманием («язычник, обращенный в иудаизм») имело и более общее значение («перешедший к новому и богоугодному устроению»), и в этом качестве могло обозначать, в том числе, иудея, ставшего фарисеем (Goodman 1994:70–74).

В καὶ οἱ ἐπιδημοῦντες Ῥωμαῖοι *Ἰουδαῖοί τε καὶ προσήλυτοι* … (**Деян 2:11**) слово появляется в перечислении разных групп иудеев, ставших свидетелями пятидесятницы. Само противопоставление Ἰουδαῖοί τε καὶ προσήλυτοι указывает на технический характер последнего слова, то есть *на язычников, принявших иудаизм*. Разногласие существует только в том, относится ли Ἰουδαῖοί τε καὶ προσήλυτοι только к οἱ ἐπιδημοῦντες Ῥωμαῖοι или же ко всему каталогу народов (Haenchen 1971: 413; Pervo 2009: 66).

Следующее появление прозелитов в Деяниях – это упоминание Νικόλαον προσήλυτον Ἀντιοχέα (**Деян 6:5**), избранного в числе семи диаконов. Ни малейших причин сомневаться в том, что здесь также имеется в виду обращенный в иудаизм язычник, нет.

И наконец, третье появление прозелитов в Деяниях – это рассматриваемый нами текст 13:43. До тех пор, пока не будет убедительно доказано обратное, разумно принять за рабочую гипотезу, что здесь, как и в двух предыдущих случаях, под «прозелитами» понимаются язычники, принявшие иудаизм (Wilcox 1981: 108–109; Pervo 2009: 342). Нет никаких убедительных причин предполагать, что автор внезапно и неоговоренно изменяет собственному узусу в 13:43. Но раз так, сочетание σεβόμενοι προσήλυτοι оказывается внутренне противоречивым.

5. В комментариях выделяются пять основных схем интерпретации Деян 13:43:

α. В τῶν σεβομένων προσηλύτων не отмечается противоречия или трудности, требующей комментирования[1].

β. Комментатор отмечает необычность сочетания, не предлагая своих вариантов к устранению противоречия[2].

γ. Сочетание τῶν σεβομένων προσηλύτων появилось вследствие глоссы или неточного словоупотребления[3].

δ. В сочетании τῶν σεβομένων προσηλύτων первое слово употреблено не в техническом смысле а как указание на особую набожность или как плеоназм[4].

ε. В сочетании τῶν σεβομένων προσηλύτων второе слово употреблено не в техническом смысле. Зигерт предполагает, что в данном случае воспроизведена парная структура 13:16 и 26 и слово προσήλυτος не имеет терминологического значения (Siegert 1973:139, ср. Lüdemann 1989:156).

Каждая из этих точек зрения ущербна. Позиции (α) и (β) устраняются от решения проблемы. Вариант (γ) следует отвергнуть, во-первых, потому, что симпатизирующие иудаизму язычники очень важны для нарратива Деян, а рассказ о событиях в Деян 13 является кульминацией павловой миссии. Именно здесь языковая небрежность или невнимание к деталям выглядят особенно неправдоподобно. Предположение о глоссе в Деян 13:43 не подтверждается ни одной из имеющихся рукописей; это обстоятельство тем не менее не помешало Ф. А. Дж. Хорту постулировать в ст. 42–43 порчу текста, предшествующую всей доступной нам рукописной традиции, и прибегнуть к конъектуре (Westcott-Hort 1882 Appendix I:95-96), однако очевидно, что к конъектурам и исправлению текста следует

---

[1] Lightfoot 2014: 182, Page 1886: 168, Felten 1892: 268, Rackham 1901: 219, Wikenhauser 1938: 96, Williams 1957: 166, Tannehill 1990: 147, Le Cornu/Shulam 2003: 746.

[2] Wendt 1899: 245, Preuschen 1912: 86, Strack-Billerbeck 1924: 726, Schille 1983: 297, Taylor 1994: 159.

[3] Holtzmann 1901: 92, Kuhn 1968: 743, Romaniuk 1964: 74, Haenchen 1971: 413; Haehchen 1977:397, Roloff 1988 [1981]: 209, Conzelmann 1987: 106.

[4] Spitta 1891: 167, Hilgenfeld 1899: 282, Zahn 1919/1921: 450, Lake 1933: 88, Bauernfeind 1980 [1939]: 178, Schlatter 1918: 942–943; Schlatter 1952: 144, Bruce 1952: 272–273; Bruce 1990: 313, Bruce 1954: 280, Haenchen 1971: 413; Haehchen 1977: 397, Marshall 1980: 229, Barrett 1994: 654, Jervell 1998: 362, Witherington 1998: 414, Fitzmyer 1998: 520, Lüdemann 2005: 173, Keener 2014: 2093

прибегать только если без них интерпретация становится невозможна.

Варианты (δ) и (ε) зеркальны. Они исходят из того, что автор, соединяя два термина из важной для себя области, без какого-либо пояснения или очевидной причины придал одному из них более широкое, этимологическое значение. Подобное объяснение имело бы шансы, если бы автор выказывал склонность к варьирующему употреблению важных для него понятий или если бы контекст допускал широкое толкование, однако мы видим обратное. Как и в случае с предыдущей гипотезой, такие допущения можно принять лишь как акт отчаяния.

6. Особой оригинальностью отмечена интерпретация **И. А. Левинской**. В ранней своей работе (Левинская 1992: 136) она склонялась к варианту (ε). В английском варианте своей монографии, отталкиваясь от гудмановской интерпретации Мф 23:15 (προσήλυτος как иудея, ставшего фарисеем), она обратила внимание на то, что в позднем христианском лексиконе распространяется этимологическое понимание этого слова, и в частности, оно может выступать как синоним для любого человека, недавно вступившего в новую для себя область (Levinskaya 1996: 40–46). И. А. Левинская видит в Деян 13:43 аналог такого словоупотребления (Levinskaya 1996: 35). Ее позиция вызвала критику рецензентов (Schwemer 1999: 286–287), но в русском переиздании и тезис, и его доказательства сохранились без изменений (Левинская 2000: 79–83), а его уверенное резюме, уже без оговорок о какой-либо гипотетичности построений, дано в опубликованном позднее комментарии (Левинская 2008: 217, отсылая доказательством к Левинская 2000: 74–93).

Безусловно, расширительно-переносное значение у термина προσήλυτος в позднейшей христианской литературе присутствует (Lampe 1961: 1171). Но чтобы безоговорочно переносить его из послеконстантиновского узуса в I в., нужны достаточно серьезные основания. Ими можно назвать лишь убедительные примеры такого употребления προσήλυτος в литературе I–II вв. В их качестве предложена такая серия свидетельств: обзор начинается с двух цитат из Юстина (Dial., 28,2 и 122,5), затем приведены свидетельства патристических авторов, пользующихся словом προσήλυτος в христианизирующем смысле: два loci из статьи словаря Лампе (Феодорит Кирский, 386/393–457 гг.; Прокопий Газский, ок. 475 – ок. 528), в том и другом случае видна христианская топика интерпретации Ис 54:14

LXX. К ним добавлены иллюстративные примеры – комментарий Дидима Слепого (313–398 гг.) на Пс 21 (22) LXX о том, что после воплощения Иисуса иудей становится «прозелитом евангелия язычников». Далее цитируется надписание подложного письма Марии из Кассобел (Μαρία ἐκ Κασσοβήλων) Игнатию Антиохийскому, где она называет себя Μαρια προσήλυτος Ἰησοῦ Χριστοῦ, затем следует подборка шести цитат из одной и той же VIII гомилии Астерия Амасийского (ок. 350 – ок. 410/431 гг.). Завершается серия цитатой из Климента Александрийского (Строматы, 7, 14 [= 85,6]), также указанной в статье Лампе. Из сказанного делается вывод о широте употребления слова προσήλυτος и о том, что наряду со значением «нееврей, принявший иудаизм» у него развивается значение «человек, принявший христианство», что поддерживалось прозрачной этимологической связью προσήλυτος с προσέρχομαι и располагавшего к созданию figura etymologica. Далее исследовательница приводит в качестве возможного примера два оссуария I-II вв., на крышках которых содержится упоминание о прозелитах; опубликовавший их Б. Багатти считал их иудеохристианскими и строил гипотезы о возможном положении прозелитов в иудео-христианской церкви. Завершается набор доказательств латинской эпитафией III-IV вв. *CIJ* I^2 68 = Noy *JIWE* 2, 491 (Левинская 2000: 79–87).

Подобный обзор, при всей его пользе к истории патристического лексикона, едва ли способен что-либо доказать для раннего периода. В двух случаях значение προσήλυτος диктуется экзегетическими потребностями, причем у Дидима с οἱ προστιθέμενοι τῷ νόμῳ τοῦ θεοῦ προσήλυτοι соседствует характерное патристическое выражение πρὸ τῆς ἐπιδημίας – где ἐπιδημία стоит в позднейшем, типично христианском значении «пришествие в мир Христа». Пространная редакция писем Игнатия, в которую входит письмо «Марии из Кассобел», датируется временем от 360 гг. до начала V в. (Bihlmeyer 1924: xxxii-xxxiii; Camelot 1958:15) и всего лишь подтверждает словоупотребление современных ему отцов церкви. Для проекции христианизирующего значения на I век необходимо, чтобы оно было засвидетельствовано в источниках II–III вв. Внешне наиболее убедительной кажется цитата из «Стромат»:

> “καὶ τοῦτο ἀδελφούς”, οὐ τοὺς κατὰ πίστιν μόνον, ἀλλὰ καὶ τοὺς προσηλύτους λέγων. εἰ γὰρ καὶ ὁ νῦν διεχθρεύων ὕστερον πιστεύσει, οὐκ ἴσμεν οὐδέπω ἡμεῖς. ἐξ ὧν συνάγεται σαφῶς εἰ καὶ μὴ

> πάντας εἶναι, ἡμῖν γε αὐτοὺς δοκεῖν <δεῖν> εἶναι ἀδελφούς. ἤδη δὲ καὶ πάντας ἀνθρώπους ἑνὸς ὄντας ἔργον θεοῦ κτλ (7.14.85.6-86.2).

Климент комментирует 1 Кор 6:8 (ἀλλ' ὑμεῖς ἀδικεῖτε καὶ ἀποστερεῖτε, καὶ τοῦτο ἀδελφούς). Мотив лишения и притеснения предполагает отсылку к хрестоматийному запрету обижать пришельца (Исх 22:20 и Исх 23:9 и др.), значение искомого слова склоняется здесь к самому раннему и лучше всего засвидетельствованному значению «пришелец; чужак», но отнюдь не «обращенный в христианство». Кроме того, в VII книге «Стромат» Климент ближе всего подходит к созданию индивидуальной терминологии, он насыщает христианским смыслом многие понятия (γνωστικός, θεωρία), в том числе и те, что обладают терминологическим значением в широком контексте иудаизма II Храма (εὐχή с производными: προσευχή) (van der Hoek 2012: 6–8), потому ссылки именно на эту книгу требуют крайней осторожности.

Юстин в «Диалоге с Трифоном» 28,2 обращаясь к своему собеседнику-иудею, употребляет hapax legomenon προσήλυσις, которое здесь действительно стоит на месте стандартного προσέλευσις, и, вполне вероятно, намекает на προσήλυτος, но если мы, вслед за самой исследовательницей, принимаем всерьез аргументацию Гудмана, то само слово προσήλυτος здесь может употребляться в широком этимологическом смысле[5], к использованию которого автор вполне склонен: например, Христа он называет ἀπόστολος, обыгрывая глагольную этимологию слова (I Apol., 12,9; 65,1).

Наконец, Левинская обращает внимание на то, что в главе 122,5 «Диалога» Юстин говорит:

> ἐπεὶ δὲ καινὴν διαθήκην καὶ νόμον αἰώνιον καὶ πρόσταγμα ὁ θεὸς προεκήρυσσε πέμψειν, οὐχὶ τὸν παλαιὸν νόμον ἀκουσόμεθα καὶ τοὺς προσηλύτους αὐτοῦ, ἀλλὰ (5) τὸν Χριστὸν καὶ τοὺς προσηλύτους αὐτοῦ, ἡμᾶς τὰ ἔθνη, οὓς ἐφώτισεν,

имея в виду христиан (φωτίζω и φωτισμός для Юстина обозначают крещение, ср. I Apol., 61,12; 65,1), однако это восклицание – кульминация яркого эпизода, который начинается

[5] Ср.: Евр 7:25 (σῴζειν εἰς τὸ παντελὲς δύναται [sc. Ἰησοῦς] τοὺς προσερχομένους δι' αὐτοῦ τῷ θεῷ, πάντοτε ζῶν εἰς τὸ ἐντυγχάνειν ὑπὲρ αὐτῶν) или Евр 11:6 (πιστεῦσαι γὰρ δεῖ τὸν προσερχόμενον τῷ θεῷ ὅτι ἔστιν καὶ τοῖς ἐκζητοῦσιν αὐτὸν μισθαποδότης γίνεται).

он с того, Трифон и герой Юстина обсуждают Ис 49:6, о котором рассказчик отзывается так:

> Ταῦτα ὑμεῖς [sc. Ἰουδαῖοι] μὲν εἰς τὸν γηόραν καὶ τοὺς προσηλύτους εἰρῆσθαι νομίζετε, τῷ ὄντι δὲ εἰς ἡμᾶς εἴρηται τοὺς διὰ Ἰησοῦ πεφωτισμένους. (121,1)

За этим следует длинная тирада, начинающаясяся явной аллюзией к Мф 23:15 νῦν δὲ διπλότερον υἱοὶ γεέννης, ὡς αὐτὸς εἶπε, γίνεσθε, где рассказчик обрушивается на «прозелитов», подразумевая под ними именно язычников, принявших иудаизм, с весьма характерным смешением адресата второго лица (οἱ δὲ προσήλυτοι οὐ μόνον οὐ πιστεύουσιν, ἀλλὰ διπλότερον ὑμῶν βλασφημοῦσιν εἰς τὸ ὄνομα αὐτοῦ, καὶ ἡμᾶς τοὺς εἰς ἐκεῖνον πιστεύοντας καὶ φονεύειν καὶ αἰκίζειν βούλονται, 122,2, ср. 122,3). Эта тирада вызывает яростное возмущение спутников Трифона, возможно, прозелитов или квази-прозелитов (так Stanton 1998: 273–275):

> Καὶ ὥσπερ ἐν θεάτρῳ ἀνέκραγόν τινες τῶν τῇ δευτέρᾳ ἀφιγμένων· ἀλλὰ τί; οὐ πρὸς τὸν νόμον λέγει καὶ τοὺς φωτιζομένους ὑπ᾽ αὐτοῦ; οὗτοι δέ εἰσιν οἱ προσήλυτοι. (122,4)

и лишь тогда Юстин разражается той самой ремаркой, которую Левинская цитирует в подтверждение своего тезиса (122,5). После этого разговор о Законе и прозелитах продолжается, причем под προσήλυτοι рассказчик вновь имеет в виду язычников, принимающих иудаизм. Перед нами, таким образом, отнюдь не пример нормативного христианского употребления, будто бы существовавшего во времена Юстина, а всего лишь *ситуативная, риторическая* его модификация.

Наконец, основной эпиграфической опорой является эпитафия Noy *JIWE* 2, 491 (III–IV вв.):

> Cresces Sinicerius Iudeus proselitus vixit ann(os) XXXV dormitione accepit. mat(er) dul(cissimo) f(i)l<io> suo fec(it) qu(o)d ips(e) mihi deb(uit) facere. VIII K(a)l(endas) Ian(uarias).

«Самое необходимость в уточнении [слова proselytus через Iudaeus – *Д.Б.*] можно истолковать как свидетельство того, что без уточнения слово «прозелит» уже воспринималось как христианский термин» (Левинская 2000: 87). На мой взгляд, это поспешное решение. Во-первых, в эпитафиях бывают странные сочетания, для которых трудно определить, в чем состояла

причина уточнения, и чего именно[6]. Во-вторых, с логической точки зрения уточнение proselytus через Iudaeus столь же возможно, как и обратное – Iudaeus через proselytus. Иными словами, эпитафия называет Кресцента[7] Синицерия не «еврейским прозелитом» (подразумевая существование каких-то других, нееврейских), а «евреем-прозелитом» (указывая на то, что из двух возможных групп – евреев по рождению и по выбору покойный принадлежал ко второй). Так эту надпись и понимает, в частности, Слингерланд: «a Jew, a proselyte» (Slingerland 2005:123).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что интерпретация Деян 13:43, построенная на позднейшем христианском узусе, является искусственной конструкцией.

7. Итак, следует предложить наиболее экономную интерпретацию τῶν σεβομένων προσηλύτων в Деян 13:43, исходя из того, что и первое, и второе слово имеют в рамках Деян вполне ясно очерченный круг значений, которые не следует отбрасывать. Мне представляется, что источник допускает два толкования:

A. Вплоть до конца I в. терминология для обозначения язычников, частично или полностью вовлеченных в орбиту иудаизма, еще не устоялась. Обозначения для квазипрозелитов в Деяниях достаточно многочисленны, и ничто не мешает увидеть в сочетании σεβόμενοι προσήλυτοι еще одно, построенное по той же модели, что и современный термин «квазипрозелит», где технически очерченное «прозелит» образует новое терминологическое понятие при присоединении уточняющего определения. Подобный взгляд ранее уже предлагался как догадка ad hoc (Steinmann 1934:140), но ныне мы можем дать ему обоснование.

B. Если же обе составные части σεβόμενοι προσήλυτοι употреблены в более узком значении, то перед нами оказывается группа, которую автор Деяний называет «боящимися Бога – прозелитами», т. е., *«боящимися Бога», которые стали прозе-*

---

[6] Noy *JIWE* 2, 489 (III–IV вв.): Εἰρηνη τρεζπτὴ [= θρεπτή ed.] προσήλυτος πατρὸς καὶ μητρὸς Εἰουδέα [sic!] Ἰσδραηλίτης [sic] ἔζησεν ἤτ(η) [sic] γ΄ μ(ῆνας) ζ΄ ἡμ(έ)ρ(αν) α΄.

[7] Dean 1916: 21–22.

литами, приняв иудаизм через обрезание и полное соблюдение Закона. Это истолкование кажется мне предпочтительным, потому что оно лучше других укладывается в повествование Деян 13:42–50. Проповедь Павла вызвала наибольший (полемический?) интерес у представителей двух групп слушателей. Первую автор Деян называет неопределенно-собирательным «иудеи», вторую – σεβόμενοι προσήλυτοι, к ним обеим миссионеры обращаются с призывом пребывать «в милости Бога», т.е. не отвергнуть возвещенное прощение грехов через Иисуса (13:43). Продолжение проповеди и в особенности ее успех вызывают гнев иудеев, которые резко возражают Павлу (13:45), а тот вместе с Варнавой отвечают, что ныне обратятся к язычникам (στρεφόμεθα εἰς τὰ ἔθνη). В подтверждение предначертанности такого шага они воспроизводят цитату из Ис 49:6. Услышав это, язычники (τὰ ἔθνη) радуются и принимают проповедь (13:48). Это ведет к небывалому миссионерскому успеху, которому иудеи препятствуют, настроив против Павла и Варнавы τὰς σεβομένας γυναῖκας εὐσχήμονας (13:50). Иными словами, группа, состоящая из иудеев и «σεβόμενοι / σεβόμεναι Χ» симметрично возникает сперва как собеседники, а затем, после разрыва – как гонители Павла. И. А. Левинская (2000: 92–93) справедливо указывает, что именно прозелиты должны были оказаться наиболее сложной аудиторией для проповеди Павла: чтобы принять иудаизм, они должны были обладать большой решимостью, готовностью порвать с прежним окружением и образом жизни и last but not least подвергнуться крайне болезненной, опасной для жизни и, на взгляд античного общества, уродующей операции. Именно у этой группы проповедь отпущения грехов не через Закон, но через Иисуса (13:38–39) должна была вызвать наибольший интерес, несогласие и возмущение. Ближайшую параллель мы находим у Юстина, где спутниками Трифона и активными участниками дискуссии о прозелитах оказываются, по убедительному анализу Стэнтона, (квази)прозелиты (Stanton 1998: 273–275) и у Тертуллиана, который открывает свой антииудейский трактат словами «Proxime accidit: disputatio habita est Christiano et proselyto Iudaeo» (Adv. Iud., 1,1). По-видимому, свидетелями рождения этого топоса литературы adversus Iudaeos мы и становимся в Деян 13:43.

Литература

Barrett, C.K. 1994: *A Critical and Exegetical Commentary on the Acts of the Apostles*. Vol. 1. London; N.Y.: T.&T. Clark.

Bauernfeind, O. 1980 [1939]: *Kommentar und Studien zur Apostelgeschichte*. Tübingen: Mohr/Siebeck.

Bihlmeyer, K. 1924: *Die apostolischen Väter. Neubearbeitung der Funk'schen Ausgabe*… 1. Teil. Tübingen: Mohr/Siebeck.

Bruce, F. F. 1952: *The Acts of the Apostles. The Greek Text with Introduction and Commentary*. London: Tyndale.

Bruce, F.F. 1954: *Commentary on the Book of the Acts. The English Text with Introduction, Exposition and Notes*. London: Marshall, Morgan & Scott.

Bruce, F.F. 1990: *The Acts of the Apostles. The Greek Text with Introduction and Commentary*. Third Revised and Enlarged Ed., Grand Rapids: Eerdmans.

Camelot, P.Th. (texte grec, intr., trad. et notes). 1958: *Ignace d'Antioche, Polycarpe de Smyrne. Lettres, Martyre de Polycarpe*. Paris: CERF, (SC 10).

Conzelmann, H. 1987: *Acts of the Apostles. A Commentary on the Acts of the Apostles*. Philadelphia: Fortress.

Dean, L.R. 1916: *A Study of the Cognomina of the Soldiers of the Roman Legions*. Princeton.

Feldman, L. 1950: Jewish 'Sympathizers' in Classical Literature and Inscriptions. *Transactions of the American Philological Association* 81, 200–208.

Felten, J. 1892: *Die Apostelgeschichte*. Freiburg i.Br.: Herder.

Fitzmyer, J.A. 1998: *The Acts of the Apostles*. New Haven; London: Yale U.P.

Goodman, M. 1994: *Mission and Conversion. Proselytizing in the Religious History of the Roman Empire*. Oxford: Clarendon.

Haenchen, E. 1971: *The Acts of the Apostles. A Commentary*. Philadelphia: Westminster (= Oxford: Blackwell, 1971)

Haenchen, E. 1977: *Die Apostelgeschichte, neu übersetzt und erklärt*… 7. Auflage. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Hilgenfeld, Ad (ed.). 1899: *Acta apostolorum graece et latine secundum antiquissimos testes*... Berolini Reimeri.

Holtzmann, H. J. 1901: *Die Apostelgeschichte*. Tübingen; Lpz: Mohr/Siebeck.

Jervell, J. 1998: *Die Apostelgeschichte, übersetzt und erklärt*… Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Keener, C. S. 2014: *Acts. An Exegetical Commentary*. Vol. 2. 3:1–14:28. Grand Rapids: Baker Academic.

Kuhn, K. G. 1968: προσήλυτος. *Theological Dictionary of the New Testament*. Vol. VI. Grand Rapids: Eerdmans. P. 727–744.

Lake, K. 1933: Proselytes and God-fearers. *The Beginnings of Christianity. Part I. The Acts of the Apostles*. Vol. V. London: Macmillan. P. 74–96.

Lampe, G. W. H. (ed.). 1961: *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford: Clarendon, 1961.

Le Cornu, H., Shulam, J. 2003: *A Commentary on the Jewish Roots of Acts. Acts 1–15*. Jerusalem: Academon.

Levinskaya, I. A. 1992: Chtushchie Boga Vysochayshego v nadpisyakh iz Tanaisa [Worshipers of the Most High God in the Inscriptions of Tanais]. *Etyudy po antichnoy istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya* [*Essays in Ancient History and Culture of the Northern Black Sea Region]*. SPb.: Glagol, 129–135.
Левинская, И. А. 1992: Чтущие Бога Высочайшего в надписях из Танаиса. *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. СПб.: Глаголъ, 129–135.

Levinskaya, I. 1996: *The Book of Acts in Its Diaspora Setting*. Grand Rapids: Eerdmans / Carlisle: Paternoster.

Levinskaya, I.A. 2000: *Deyaniya Apostolov na fone evreyskoy diaspory* [*The Acts of the Apostles against a background of the Jewish diaspora*]. SPb.: Logos.
Левинская, И. А. *Деяния Апостолов на фоне еврейской диаспоры*. СПб.: Логос.

Levinskaya, I.A. 2008: *Deyaniya Apostolov. Glavy 9–28. Istoriko-filologicheskiy kommentariy* [*The Acts of the Apostles. Chapters 9–28. Historical and Philological commentary*]. SPb.: Faculty of Philology, St. Petersburg State University.
Левинская, И.А. 2008: Деяния *Апостолов. Главы 9–28. Историко-филологический комментарий.* СПб.: Факультет филологии и искусств СпбГУ.

Lightfoot, J.B. 2014: The Acts of the Apostles. A Newly Discovered Commentary. In: Witherington, B., Still, T. D. (eds.). *The Lightfoot Legacy Set*. Vol. 1. Downers Grove: IVP Academic.

Lüdemann, G. 1989: *Early Christianity according to the Traditions in Acts. A Commentary*. London: SCM.

Lüdemann, G. 2005: *The Acts of the Apostles. What Really Happened in the Earliest Days of the Church*. Assisted by Tom Hall. Amherst: Prometheus.

Marshall, I.H. 1980: *The Acts of the Apostles. An Introduction and Commentary*. Grand Rapids: Eerdmans.

Noy, D. 1995: *Jewish Inscriptions of Western Europe*. Volume 2. The City of Rome. Cambridge: Cambridge U. P.

Page, T. E. 1886: *The Acts of the Apostles, being the Greek Text as revised by Drs Westcott and Hort with Explanatory Notes by T. E. Page*. London: Macmillan, 1886.

Pervo, R.I. 2009: *Acts. A Commentary*. Minneapolis: Fortress.

Preuschen, E. 1912: Die Apostelgeschichte. Tübingen: Mohr/Siebeck.

Rackham, R.B. 1901: *The Acts of the Apostles*. London: Methuen.

Roloff, J. 1988 [1981]: *Die Apostelgeschichte*. Berlin: Evangelische Verlagsanstalt.

Romaniuk, K. 1964: Die "Gottesfürchtigen" im Neuen Testament. Beitrag zue neutestamentlichen Theologie der Gottesfurcht. *Aegyptus* 44, 66–91.

Schille, G. 1983: *Die Apostelgeschichte des Lucas*. Berlin: Evangelische Verlagsanstalt.

Schlatter, Ad. 1918: *Erläuterungen zum Neuen Testament.* Bd. 1. Die Evangelien und die Apostelgeschichte. Calw; Stuttgart: Vereinsbuchhandlung.

Schlatter, Ad. 1952: *Die Apostelgeschichte. Ausgelegt für Bibelleser.* Berlin: Evangelische Verlagsanstalt.

Schwemer, A. M. 1999: Rev.: Levinskaya, I. The Book of Acts in Its Diaspora Setting. Grand Rapids: Eerdmans / Carlisle: Paternoster, 1996. *Biblica* 80, 284–288.

Siegert, F. 1973: Gottesfürchtige und Sympathisanten. *Journal for the Study of Judaism* 4, 109–164.

Slingerland, D. 2005: Pagan Philosophers on Judaism, 70–220 C.E. In: Neusner, J. et al. (eds.). *Judaism from Moses to Muhammad: An Interpretation. Turning Points and Focal Points.* Leiden; Boston: Brill, 101–144.

Spitta, Fr. 1891: *Die Apostelgeschichte, ihre Quellen und deren geschichtliche Wert.* Halle: Verl. der Buchhandlung des Waisenhauses.

Stanton, G. N. 1998: Justin Martyr's 'Dialogue with Trypho': group boundaries, 'proselytes' and 'God-fearers'. In: Stanton, G. N., Stroumsa, G. (eds.). *Tolerance and Intolerance in Early Judaism and Christiasnity.* Cambridge: Cambridge U. P., 263–278.

Steinmann, A. 1934: *Die Apostelgeschichte.* Bonn: Hanstein.

Strack, H. L., Billerbeck, P. 1924: *Kommentar zum Neuen Testament aus Talmud und Midrasch.* Bd. 2. Das Evangelium nach Markus, Lukas und Johannes und die Apostelgeschichte. München: Beck.

Tannehill, R. C. 1990: *The Narrative Unity of Luke-Acts. A Literary Interpretation.* Vol. 2. The Acts of the Apostles. Minneapolis: Fortress.

Taylor, J. 1994: *Les actes des deux apôtres. Vol. V. Commentaire historique (Actes 9,1–18,2).* Paris: Gabalda.

Ustinova, Y. 1999: *The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God.* Leiden; Boston; Köln.

van der Hoek, A. 2012: Stromateis Book VII in the Light of Recent Scholarship: Approaches and Perspectives. In: Havrda, M., Hušek, V., Plátová, J. (eds.). *The seventh book of the Stromateis : proceedings of the Colloquium on Clement of Alexandria (Olomouc, October 21–23, 2010).* Leiden; Boston: Brill, 3–36.

Wendt, H. H. 1899: *Die Apostelgeschichte.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Westcott, B. F., Hort, F. J. A. (rev.) 1882: *The New Testament in the Original Greek.* Introduction and Appendix by the editors. N.Y.: Harper. (= Cambridge, London, 1881).

Wikenhauser, A. 1938: *Die Apostelgeschichte.* Regensburg: Pustet.

Wilcox, M. 1981: The 'God-Fearers' in Acts – A Reconsideration. *Journal for the Study of the New testament* 13, 102–122.

Williams, C. S. C. 1957: *A Commentary on the Acts of the Apostles.* London: Black.

Witherington, B. 1998: *The Acts of the Apostles. A Socio-Rhetorical Commentary.* Grand Rapids: Eerdmans / Carlisle: Paternoster.

Zahn, Th. 1919–1921: *Die Apostelgeschichte des Lucas.* Lpz.: Deichert.

D. A. Bratkin. Σεβόμενοι προσήλυτοι (Acts 13:43)

Πολλοὶ … τῶν σεβομένων προσηλύτων (Acts 13:43) offers an exegetical difficulty as it binds together two words that in Acts are used semi-technically. Σεβόμενος is used for a quasi-proselyte, or a Gentile sympathizer of Judaism. Προσήλυτος at least in Acts is most likely to be reserved for a full convert. I collected and analyzed existing scholarly opinions on the meaning of σεβόμενοι προσήλυτοι. In particular, I examined the evidence that was suggested in 1996 by Irina Levinskaya in support of her hypothesis that προσήλυτοι here are for the first time used in the sense that would lately become widespread in the Patristic literature, namely, "a Christian convert". This evidence is not convincing. I suggest that σεβόμενοι προσήλυτοι should be understood as yet another term for a 'God-fearer'/quasi-proselyte, or as the expression for the former 'God-fearers'/quasi-proselytes who by the time of narration had already embraced full participation of Judaism. The latter option fits the text best.

Keywords: New Testament, Acts of the Apostles, Judaism, proselytizing

А. Ю. Братухин

ПРЕНЕБРЕГАЛ ЛИ КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫМ СТИЛЕМ?

Климент Александрийский заявлял о нежелании использовать риторические украшения для придания трактатам внешнего блеска. На основании этих слов учёными (Butterworth, Mortley) делается вывод о пренебрежении Климента стилем. Такое предположение опровергается ссылкой александрийского богослова в пассаже против красноречия на Платона и сходством его слов о простоте речи с высказываниями античных ораторов. Способ включения им в текст поэтических цитат говорит о его намерении показать преемственность между своими и классическими текстами.

Ключевые слова: раннее христианство, античная литература, Климент Александрийский, стиль, классические цитаты.

Климент Александрийский – первый христианский автор, который может быть назван учёным в античном значении этого слова, чьё обращение к читателям Лэттей называет «обращением философа к философам» (Lattey 1916: 257). Каково было отношение этого богослова к литературной обработке текста? Если верить его словам, он к ней не стремился: «Я же руководствуюсь справедливым, как кажется, принципом: жить согласно с разумом и понимать то, что делается явным, довольствоваться же только тем, чтобы намекать на подразумеваемое, не обнаруживая никакой ревности к красноречию (εὐγλωττίαν). Каким словом (ὀνόματι) обозначается то, что я хочу показать, для меня не важно. Ибо я хорошо знаю, что самое лучшее – быть спасённым и помочь желающим спастись, а не составлять легковесные речи, словно побрякушки (τὰ λεξείδια καθάπερ τὰ κόσμια)» (*Clem. Alex.* Strom. I, 10, 48, 1). Дж. В. Баттерворт, ссылаясь на эти слова утверждает: «Даже литературный стиль оказывается презираемым (is despised), как если бы красота языка неизбежно должна была влечь за собой потерю силы и истины, – странная идея (a strange idea) для поклонника Платона» (Butterworth 1915: 75). В примечании к этому месту исследователь пишет: «Аргумент, направленный, главным образом, против софистической искусности и тщательной обработки; но практика Климента показывает, что он пренебрегал красотой стиля. Он более ясно высказывается в Strom. II, 1, 3, 1:

“Мы уже много раз говорили, что не заботимся о том, чтобы говорить на правильном греческом языке (ἑλληνίζειν), и не упражняемся в этом. Сие подходит для того, чтобы многих увести от истины”» (Ibid: 75, note 6). Баттерворту вторит Мортлей, говоря, что Климент не претендует на красоту стиля (à la beauté de style), и приводя замечание английского учёного о странности этой позиции для почитателя Платона, «чьи сочинения очень тщательно отделаны с точки зрения композиции и стиля» (Mortley 1973: 205). Чтобы объективнее оценить позицию Климента, о которой идёт речь у двух названных учёных, следует взглянуть на контекст, из которого Баттерворт извлекает анализируемый отрывок. В пассаже, который следует за ним (*Clem. Alex.* Strom. I, 10, 48, 2–3), приводятся изречение «пифагорейца» (у Платона о философских убеждениях этого чужеземца не сообщается) из платоновского «Политика» (*Plat.* Politic. 261e), говорившего, что для разума полезно не заботиться о словах (τοῖς ὀνόμασιν), и отрывок из «Теэтета». В этом диалоге Платон устами Сократа учит: «Непринуждённое обращение (τὸ δὲ εὐχερές) со словами и выражениями без тщательного их отбора, по большей части, не считается неблагородным, напротив, скорее обратное говорит о недостатке свободного образования <…>» (*Plat.* Theaet. 184 c, пер. Т. В. Васильевой). Таким образом, Климент, оправдывающий своё пренебрежение к «красноречию» ссылками на Платона, не может считаться презирающим литературный стиль как таковой. Наоборот, солидаризируясь с Платоном, александрийский богослов как бы заявляет о своей приверженности «благородному» направлению в античной традиции. Заметим, что о необходимости пренебрегать словами у Климента свидетельствуют платоновский «пифагореец» и сам Платон. Свидетельства именно этих философов для него были особенно важными: по мнению Р. Мортлея, из всех язычников Климента более всего интересовали ученики Пифагора, Платона и египтяне (Mortley 1973: 160–161; 171). Итак, увиденное Баттервортом (и Мортлеем) противоречие у Климента между почитанием Платона и «презрением» к стилю – кажущееся. Ведь и для Платона, называемого С. В. Меликовой-Толстой, «величайшим стилистом древности», была характерна нелюбовь к риторическим ухищрениям, проявлявшаяся в отрицании им позволительности «пользования стилистическими приёмами» (Меликова-Толстая 1996: 161).

В шестой книге «Стромат» Климент критикует риторику с библейских позиций, но и эта критика не может считаться странной в устах почитателя Платона: «Диалектам <языческих народов> пророчество незнакомо. Ведь в греческих <сочинениях> так называемые изменения тропов целенаправленно производят утаивания, будучи сделанными по образу наших пророчеств, но с намеренным отклонением от прямого смысла, имеющим место в ритмизированной или непосредственной речи. Троп (ὁ τρόπος), стало быть, представляет собой способ выражения (λέξις), уводящий от прямого значения слова к переносному ради композиционных целей и для выразительности, приносящей пользу речи. Пророчество же совершенно не заботится о словесном облике для придания ему красоты, но, так как истина не принадлежит всем, многими способами (πολυτρόπως) прикрывает её, даруя свет только посвящённым в гносис, ищущим истину посредством любви» (Strom. VI, 15, 129, 2–4). Климент, по словам Ульриха Шнайдера, отвергает здесь хлопоты о благозвучии речи, и в этом отношении к риторике не стоит в античности особняком, имея перед собой в качестве образца Платона (Schneider 1999: 256–257).

Мы не будем здесь ни подробно останавливаться на влиянии на Климента учения о стиле Аристотеля, Феофраста и других античных теоретиков литературы, ни спешить зачислять автора «Стромат» в число последовательных аттикистов[1]. Доказать наличие у александрийского богослова черт стиля, заимствованных им конкретно у того или иного классического автора достаточно сложно. Однако для создания более полного представления об отношении предшественников Климента к простоте речи приведём цитату из цицероновского «Оратора»: «Прежде всего должны мы изобразить того оратора, за кем одним признают иные имя аттического. Он скромен, невысокого полёта, подражает повседневной речи и отличается от человека нечистого больше по существу, чем по виду (re plus quam opinione differens)» (*Cic.* Orat. 23, 75–76, пер. М. Л. Гаспарова). Описание Цицерона весьма напоминает то, что говорит о себе Климент. Действительно, в Strom. II, 1, 3, 1–2, после второй приведённой Баттервортом цитаты сказано: «Подлинное же философское исследование (τὸ δὲ τῷ ὄντι φιλοσόφημα) поможет слушателям не в том, что касается языка, но в том, что

[1] Якоб Шам подробно исследовал аттикизм у Климента Александрийского (Scham 1913: passim).

касается мысли. Должно, я полагаю, чтобы беспокоящийся об истине не составлял речь из украшения (ἐξ ἐπιβολῆς) и попечения <о форме>, а старался называть (ὀνομάζειν), насколько может, лишь то, что желает. Ибо предмет <изложения> (τὰ πράγματα) убегает от тех, которые держатся за слова и заняты только ими». Здесь также нет намёка на презрение к античной литературной традиции[2] как таковой, а критикуется лишь та её разновидность, представители которой писали свои труды, обращая внимание на форму, а не на содержание. Похожие мысли обнаруживаем и в «Ораторском искусстве», приписываемом ритору Элию Аристиду, умершему за несколько лет до начала работы Климента над «Строматами»: «ибо прекрасен этос (т. е. изображение характера), что бывает в простой речи: устранять украшения (τὰς ἐπιβολας) и пользоваться самими названиями, следовать природе предметов (τῶν πραγμάτων), не бояться их незначительности и униженности простой и благородной души <…> » (*Aristid.* Ars rhet. II, 3, 1, 1).

Теперь остановимся на отношении Климента к самой теории стиля. В восьмой книге «Стромат» Климент не просто применяет свои знания стилистики на практике, а выступает в роли систематизатора: «Одноименные <лица и предметы> пользуются одним и тем же названием, логос же у них разный, как например, человек – это и живое существо и нарисованное[3]. Из одноименных <лиц и предметов> одни омонимичны случайно

---

[2] О том, что Климент, говоря о «притче», о «собственном значении слова», и об «использовании Писания метафорически» (*Clem. Alex.* Strom. VI, 15, 126, 1–4), относил эти понятия к литературной традиции и желал, чтобы они были поняты в «техноrрафическом смысле», говорят, по мнению Ганса Юргена Хорна, слова «как говорят некоторые». Этой же цели служит определение притчи в конце пассажа, которое восходит к сочинению грамматика Трифона «О тропах» (Horn 1969: 492). Мы видим, что Климент не пренебрегал риторическими знаниями и использовал их. Не следует, однако, преувеличивать знания Климента в области риторики. Он, например, не знает известного в античности различия между словами ἀλληγορία, τύπος, σύμβολον, αἴνιγμα, μεταφορά, παραβολή, προφητεία,μυστήριον, εἰκῶν (Schneider 1999: 256). Из наиболее распространённых приёмов Климент упоминает эллиптическую или иносказательную (allusive) речь, использование аллегорий и символов, явные противоречия и умышленные пропуски (Fortin 1966: 46).

[3] Ср. первые слова в «Категориях» Аристотеля: «Одноименными называются <те вещи>, лишь название которых общее, сообразный же имени логос сущности иной, как например, живое существо – это и человек, и нарисованное <…>» (*Arist.* Categ. 1a Bekker).

(τὰ μὲν ἀπὸ τύχης), как Аякс локриец и Аякс саламинец, другие же умышленно (τὰ δὲ ἀπὸ διανοίας); а из этих одни – по сходству, как человек – это и живое существо, и нарисованный портрет; другие – по аналогии[4], как "стопы <горы> Иды"[5] и наши стопы из-за того, что они находятся ниже <остального>; иные – по действию, как стопа корабля[6] – то, с помощью чего корабль плывёт, и стопа наша, с помощью чего мы движемся. Одноименными <лица и предметы> называются<, если они> от одного и того же и для одного и того же, как книга врача и скальпель – <называются> "врачебное" от использующего <их> врача и для одного и того же – врачебного дела» (*Clem. Alex.* Strom. VIII, 8, 24, 8–9).[7] Такой пассаж был бы невозможен, например, у Афинагора, заявившего: «Кто из разлагающих силлогизмы, разрешающих двусмысленности, объясняющих этимологии или из <проясняющих> одноименное, соименное, предикаты и аксиомы <…> является столь очищенным душою, чтобы, вместо того, чтобы ненавидеть врагов, их любить, и вместо того, <…> чтобы проклинать злословивших, благословлять и молиться за покушающихся на их жизнь? Эти люди, напротив, всегда поступают дурно, выкапывая эти гнусности и всегда желая делать некое зло, считая важным искусство слов, а не доказательство делами <..>» (*Athenag.* Suppl. 11, 3–4). У

---

[4] Климент использовал слово ἀναλογία в разных значениях: в математическом, нравственном и космическом (Mortley 1971: 81, 83). В Strom. VIII, 8, 24, 8 ἀναλογία появляется у него в литературном контексте, среди различных фигур языка (Ibid: 82).

[5] Выражение πόδες Ἴδης 'стопы Иды' (или πούς Ἴδης 'стопа Иды') встречается и у Гомера (*Il.* XX, 59 II, 824), и у других авторов, в том числе, поздних (*Quint. Epic.* Posthom. I, 688).

[6] «Стопы (ноги) корабля», т. е. канаты (*Od.* V, 260) или руль (*Od.* X, 32) также неоднократно появляются в творениях поэтов.

[7] Высказывания александрийца Аммония (ок. 440–520 гг.) об «омонимах» очень напоминают высказывания Климента: «Имеется же следующее различие между омонимами: одни из омонимов случайны (τὰ μὲν ἀπὸ τύχης) <…>, как например, если кто-нибудь, называемый Сократом, случайно окажется здесь, а <другой Сократ> – в Византии <…>. Есть же омонимы умышленные (τὰ δέ εἰσιν ἀπὸ διανοίας) <…>. И из них одни получают название от действующей причины, как врачебный скальпель или книга (они ведь являются тем, что от одного и для одного: от одного – от действующего, для одного же – для относящегося к цели). <…> <Омонимы> по аналогии, как например, <…> ножки кровати и стопы горы. <…> По метафоре, как стопы Иды и глава». Ниже Аммоний пишет про омонимию имён двух Аяксов (*Ammonius.* In Arist. Categ. comm. 21–22 P.)

Климента мы видим нехарактерное для более ранних христианских авторов обращение к основам стилистики.

В заключение рассмотрим, связаны ли между собой стилистические взгляды Климента и частое использование им изменённых и точных цитат из классических авторов, и попытаемся выяснить, что является главной причиной этого феномена. По мнению Андре Меа, Климент пытался приучить уши эллинов к языку Библии (d'accoutumer l'oreille des "Grecs" à ce langage barbare): «"Увещевание" с этой точки зрения представляет собой ученическую работу. В "Педагоге" приведённое в систему соположение (la juxtaposition) <библейских и классических> цитат имеет отношение к тому же начинанию. В "Стромматах" библейские тексты, служа, как правило, "доказательством", в меньшей степени связаны с контекстом, но сопоставления, данные под рубрикой "кражи <эллинами еврейской мудрости>", несомненно, приводят, и, разумеется, не без умысла <автора>, к объединению в памяти и в чувствах слушателей греческой "хрестоматии" и варварского "корпуса Писаний"» (Méhat 1966: 338–339). Итак, Меа объясняет «центонирование» ("centoniser") Климентом библейских и классических текстов, в том числе, его культуртрегерским желанием связать то и другое в сознании современников.

Дэвид Досон считает, что понять способ «ревизионного чтения» Климентом творений можно, рассмотрев «следующий типичный пример чтения им классических текстов» (Dawson, 1992: 199): «Не странно ли, друзья, что Бог всегда направляет нас к добродетели, мы же уклоняемся от помощи и откладываем спасение? Разве Иоанн не призывает к спасению и не является ли он сам лишь увещевающим словом? Спросим его самого: *Кто ты? Откуда?* (см., напр., *Od.* XIX 105). Скажет, что не Илия, будет отрицать, что Христос, признает, что он глас вопиющего в пустыне (см. *Ин.* 1:19–23). Кем все же является Иоанн? Говоря кратко, увещевающим голосом Слова, вопиющим в пустыне. К чему призываешь, о голос? *Скажи и нам* (см. *Od.* I 10). – *Делайте прямыми пути Господа!* (см. *Ис.* 40:3; *Мф.* 3:3; *Мк.* 1:3; *Лк.* 3:4; *Ин.* 1:23)» (*Clem. Alex.* Protr. I, 9, 1). Отметив, что Климент изменяет пассаж из Евангелия (*Ин.* 1:19–23) двумя способами (заменяет вопрос еврейских священников и левитов обращёнными к Афине словами гомеровского Телемаха и превращает диалог между иудеями и Иоанном Крестителем в диалог между Климентом и читателями, с одной стороны, и Иоанном, с другой), Досон утверждает: «Климент ссылается

на Гомера не просто из-за своего апологетического желания сделать христианство обращённым к своей образованной, изысканной александрийской читательской аудитории. Он вставляет эти гомеровские отголоски в свою переработку пассажа из Писания ради более значительной и далеко идущей цели – внушить, что слова Гомера относятся к словам Писания, по крайнем мере, как равный партнёр (as an equal partner)» (Dawson 1992: 200).

Действительно, Климент очень часто цитировал философов как людей, игравших у эллинов роль пророков. В своё оправдание он ссылался даже на апостола Павла, приводящего слова Эпименида (*Clem. Alex.* Strom. I, 14, 59, 2–3)[8]. Нам представляется, однако, что Климент, несмотря на свое убеждение, что в античной литературе содержатся проблески истины, не мог уравнивать слова Библии и стихи Гомера. В процитированном Досоном «Увещевании» Климент требует: «Прекрати, Гомер, пение! Оно плохое, учит прелюбодейству» (Clem. Alex. Protr. 4, 59, 2), вторя Платону, велевшему выслать подобного творца из государства (*Plat.* Respubl. III, 398a, ср.: X, 606e–607b).

В сочинениях Климента часто появляются гомеровские, платоновские и иные классические цитаты, которые сложно рассматривать как попытку показать их некий особый статус. В 48-й главке 2-й книги «Педагога» Климент «балует» читателей двумя цитатами из «Одиссеи», и выражением из Платона, встречающимся также у Плутарха: «Всем неразумным, как говорит слово, вино *и засмеяться изнежено, и станцевать повелело* (см. *Od.* XIV, 463, 465) <…>. И следует принимать во внимание, как в дальнейшем невоздержанность на язык превращает непристойность в сквернословие: «*Некое слово изрёк, что несказанным было бы лучше*» (см. *Od.* XIV, 466). Следовательно, особенно в вине нравы порочных людей оказываются лишёнными покрова лицемерия из-за недостойной свободного человека невоздержанности на язык при пьяном бесчинстве (см. *Plut.* Quaest. conv. 645a–b) <…>» (*Clem. Alex.* Paed. II, 5, 48, 1–3). В данном отрывке гомеровские стихи просто помогают оформить создаваемый текст и служат некими примерами, подтверждающими мысль автора, как это часто бывало, например, у Платона, у которого А. Ф. Лосев находит «близ-

[8] По мнению Рюве, эта ссылка «походит на ответ недовольным, которые упрекали Климента за цитирование греческих писателей, особенно философов» (Ruwet 1948: 240).

кое к стилистическому и чисто стилистическое использование Гомера» (Лосев 2000: 89). В последнем случае учёный выделяет *иронический* и *орнаментальный* типы. В качестве одного из примеров *орнаментального* типа Лосев приводит слова Одиссея «не от дуба и не от скалы» (Od. XIX, 163)[9], сказанные Сократом (*Plat.* Apol. 34d) (Там же: 90–91). Используемые Климентом цитаты и реминисценции становятся тканью его сочинений и не являются элементами, внешними для концепции и литературного плана произведений (Brambillasca 1972: 10).

В 70-й главке 2-й книги «Педагога» приводятся две поэтические цитаты, вплетённые в авторский текст, как цветы в волосы: «Таково и употребление венков, неотъемлемое от гулянок и попоек: *Уйди! Не возлагай мне на главу венок!* (см. *Tragica adespota*. Fragm. 108 = *C.A.F.* Fragm. 1258) Ведь весною на росистых и нежных лугах, когда распускаются разнообразные цветы, прекрасно проводить время, питаясь, как пчелы, неким естественным и чистым благоуханием; но не подобает разумным, сделав *венок сплетённый, с луга, что не скошен* (см.: *Eur.* Hipp. 73–74), носить его дома» (*Clem. Alex.* Paed. II, 8, 70, 1–2). В стихотворных строчках из неизвестного драматурга и еврипидовского «Ипполита» не содержится аргументов в пользу слов Климента, они призваны воздействовать не на разум любознательного читателя, а на его чувства. Есть и другие примеры подобного использования классических отрывков (ср.: *Clem. Alex.* Paed. I, 6, 39, 5–40, 1; I, 8, 64, 1–4 и др.). Климент, заимствуя для своих сочинений стихи Гомера и других поэтов, далеко не всегда, как видно из приведённых фрагментов, делал это по идеологическим соображениям. Часто он руководствовался желанием создать именно литературный текст. Действительно, еврипидовская характеристика венка в бытовом контексте никак не свидетельствует о намерении Климента разглядеть в цитируемой трагедии элементы похищенной эллинами библейской истины. Отметим тот факт, что ещё Аристотель в «Риторике» «нередко для подтверждения своих дальнейших частных положений приводит примеры как раз из поэзии» (Меликова-Толстая 1996: 162). Поэтические вкрапления появляются и в других сочинениях Стагирита. Например, в De mundo 6. 397b25 он характеризует Бога гомеровским

[9] Показательно, что эту же гомеровскую цитату использует Климент, доказывая человеческое происхождение богов (*Clem. Alex.* Protr. 2, 38, 1).

словом ὕπατος (ср.: Il. 8, 22). А. П. Бос замечает: «Здесь, в тексте трактата, дошедшего под именем Аристотеля, выражение ὕπατος представлено как идущее от традиции (Bos 1993: 178). Климент, говоря о «заблуждениях» Аристотеля, пишет, что тот «не познавший Отца всего, полагает, что называемый Всевышним (τὸν καλούμενον ὕπατον), является душою вселенной» (*Clem. Alex.* Protr. 5, 66, 4). Использовав гомеровскую цитату в аристотелевской парафразе, он создаёт при помощи знакового слова нечто среднее между пародией и стилизацией.

Мы видим, что литературный стиль был презираем Климентом не более, чем Платоном и современными александрийскому автору ораторами. Говоря о своём нежелании прибегать к словесным ухищрениям, он лишь заявляет о своей приверженности «благородному» простому стилю, при котором форма не затмевает содержание. Широкое использование александрийским богословом классического наследия объясняется, в том числе, его желанием наглядно продемонстрировать свою верность античной традиции для более сильного воздействия на своих образованных читателей.

Литература

Losev, A.F. 2000: Istoriya antichnoy estetiki. Vysokaya klassika [The History of Ancient Esthetics. Lofty Classics). Khar'kov; Moskow.
Лосев, А. Ф. 2000: История античной эстетики. Высокая классика. Харьков: Фолио; М.: Изд-во АСТ.

Melikova-Tolstaya, S.V. 1996: Antichnye teorii khudozhestvennoy rechi [Ancient theories of figurative language]. In: *Antichnye teorii yazyka i stil'a* [*Ancient Theories of Language and Style*]. St. Petersburg: Aleteya, 155–177
Меликова-Толстая, С. В. 1996 Античные теории художественной речи. В сб.: *Античные теории языка и стиля* (антология текстов). СПб.: Алетейя, 155–177

Bos, A. P. 1993: Clement of Alexandria on Aristotle's (cosmo-)theology (Clem. *Protrept.* 5.66.4). *The classical quarterly* 43 (1), 177–188.

Brambillasca, G. 1972: Citations de l'Écriture Sainte et des auteurs classiques dans le Προτρεπτικὸς πρὸς Ἕλληνας de Clément d'Alexandrie. *Studia patristica* 11, pt. 2, 8–12.

Butterworth, G. W. 1915: Clement of Alexandria and art. *The Journal of theological studies* 17, № 65, 68–76.

Dawson, D. 1992: *Allegorical readers and cultural revision in ancient Alexandria.* Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

Fortin, E. L. 1966: Clement of Alexandria and the Esoteric Tradition. *Studia patristica* 9 (3), 41–56.

Horn, J. H. 1969: Zur Motivation der allegorischen Schriftexegese bei Clemens Alexandrinus. *Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie* 97 (4), 489–496.

Lattey, C. 1916: The deification of man in Clement of Alexandria: some further notes. *The Journal of Theological Studies* XVII (67), 257–262.
Méhat, A. 1966: *Étude sur les 'Stromates' de Clément d'Alexandrie*. Paris: Editions du Seuil.
Mortley, R. 1971: Ἀναλογία chez Clément d'Alexandrie. *Revue des Études Grecques* 84, 80–93.
Mortley, R. 1973: *Connaissance religieuse et herméneutique chez Clément d'Alexandrie*. Leiden: E. J. Brill.
Ruwet, J. 1948: Clément d'Alexandrie. Canon des Écritures et apocryphes. *Biblica* 29, fasc. 3, 240–268.
Scham, J. 1913: *Der Optativgebrauch bei Klemens von Alexandrien in seiner sprach- und stilgeschichtlichen Bedeutung. Ein Beitrag zur Geschichte des Attizismus in der altchristlichen Literatur.* Paderborn: Druck und Verlag von Ferdinand Schöningh.
Schneider, U. 1999: T*heologie als christliche Philosophie. Zur Bedeutung der biblischen Botschaft im Denken des Clemens von Alexandria*. Berlin, New York: Walter de Gruyter.

A. Ju. Bratukhin. Did Clement of Alexandria neglect literary style?

Clement of Alexandria repeatedly stated his reluctance to use rhetorical decorations to give his treaties exterior gloss (e. g. *Clem. Alex*. Strom. I, 10, 48, 1; II, 1, 3, 1–2). On the basis of these words the scholars make conclusions about Clement's neglect of his style. G. W. Butterworth writes: "Even literary style is despised, as if beauty of language must necessarily entail loss of power and truth – a strange idea to come from an admirer of Plato". R. Mortley agrees with Butterworth: "Clément ne prétend pas à la beauté de style". Such supposition may be refuted by a reference by the Alexandrian theologian to Plato (*Plat*. Politic. 261e; *Plat*. Theaet. 184 c) in the passage cited by Butterworth, where eloquence is censured (*Clem. Alex*. Strom. I, 10, 48, 1–3). Indeed, Plato in *Theaetet* speaks: «The free use of words and phrases, rather than minute precision, is generally characteristic of a liberal education" (transl. by B. Jowett). The similarity of Clement's words about the simplicity of speech ("those who are particular about words, and devote their time to them, miss the things", trans. by W. Wilson) along with analogous statements of the earlier (e. g. Cicero) and contemporary (e. g. Aelius Aristides) pagan orators is indicative of a lack of contempt for style in Clement's mind. The Alexandrian theologian unlike apologists (e. g. Athenagoras) is not afraid to act as a teacher of stylistics (in the eighth book of the *Stromates*). If Clement had thought, that style is unnecessary for Christians, he would not have done so. He very often weaves poetical and philosophical quotations into his text. His method of using ancient heritage speaks of his desire to show the continuity between his texts and the classical ones. For example, the verses from an unknown tragedian and from *Hippolytus* by Euripides in the passage about wreaths (*Clem. Alex*. Paed. II, 8, 70, 1–2) are designed to influence the reader's perception of the Christian text as if it is written by some Greek philosopher.

Keywords: Early Christianity, ancient literature, Clement of Alexandria, style, classical quotations.

Л. В. Братухина

ВОСТОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ В «ЗАПАДНОМ» СЮЖЕТЕ: С. РУШДИ «ЙОРИК»

But there is neither East nor West…
R. Kipling

В статье анализируется рассказ С. Рушди «Йорик» в аспекте репрезентации проблемы неоднозначности культурной идентичности, свойственной в целом творчеству писателя. В рассказе мотив отцеубийства актуализирует интерпретацию «Гамлета», предложенную З. Фрейдом, и соотносит произведение как с западной так и с восточной литературными традициями. Анализ интертекстуальных связей «Йорика» позволяет сделать вывод о том, что неоднозначность прочтения шекспировской трагедии коррелирует у Рушди с идеей диалогичности культуры как таковой.

Ключевые слова: Рушди, «Восток, Запад», «Йорик», «Гамлет», отцеубийство, мотив, интертекст, культурная традиция, идентичность, литературная традиция, «Шах-наме» Фирдоуси, «Хосров и Ширин» Низами.

Сочетание культурных традиций западной и восточной цивилизаций является одной из определяющих черт творческой манеры С. Рушди[1]. В текстах его произведений можно отметить не только обилие цитат, реминисценций и иных интертекстуальных отсылок к литературным и, шире, культурным традициям Европы и Азии, но и наличие особой авторской концепции их взаимодействия. Х. Бхабха, анализируя самое неоднозначное произведение писателя – «Сатанинские стихи» (*The Satanic Verses* 1988), заключает, что «богохульство», «ересь» соотносимы у него с понятием «гибридности» (Bhabha 1994: 324), становящейся одной из значимых реалий мигрантского опыта обретения кросс-культурной идентичности. Дж. Браун, обращаясь помимо «Сатанинских стихов» к таким романам, как «Дети полуночи» (*Midnight's Children* 1981) и «Стыд» (*Shame* 1983), отмечает, что Рушди, изображая в своих произведениях героев-

[1]Х. Семинк для характеристики творчества писателя в целом использует термины «смешение Востока и Запада» (mixing of East and West) и «столкновение Востока и Запада» (clash between East and West) (Seminck 1993: 7).

мигрантов, воплощает неопределенность собственной культурной принадлежности заключающейся в «смещении» (dislocation) и «промежуточности» (betweenness) культурной идентичности. Таким образом, по мнению исследовательницы, писателем утверждается «гибридность культуры» в условиях современного постколониального, постмодернистского мира (Brown 2011: 43).

Сборник рассказов С. Рушди «Восток, Запад» (*East, West* 1994) уже на уровне внутренней структуры представляет проблему гибридности как диалога двух цивилизационных образований. Три рассказа, посвященные Пакистану и Индии, составляют часть «Восток», три рассказа части «Запад» представляют европейскую культуру и три рассказа заключительной части «Восток, Запад» изображают различные варианты аккультурации представителей Востока в западном обществе. П. Титус объясняет такую композицию стремлением Рушди «риторически соединить» образы Востока и Запада, одновременно показав их различия. Исследователь определяет основную проблему всего цикла рассказов как формирование идентичности в «кросс-культурных условиях» («identity formation in cross-cultural circumstances») (Titus 2011: 1). А. Ю. Колесников, анализируя первый и заключительный рассказы сборника, приходит к выводу, что писатель, начиная с изображения героини, демонстрирующей не только «неприятие Запада, но и отказ от Восточного» (Колесников 2015: 107), завершает цикл историей о человеке, выносящем «приговор Западу и Востоку», поскольку не может их соединить, «вместо этого они разрывают его, растягивая в разные стороны» (Колесников 2015: 108).

С. Рушди раскрывает проблематику культурной идентичности как внутренне диалогичного феномена, изображая в рассказах каждой части сборника противостояние двух цивилизационных систем – Востока и Запада – и их устремленность друг к другу. В «Йорике», открывающем «западную» часть сборника, это проявляется на уровне интертекста, сочетающего западные и восточные источники. С одной стороны здесь явная отсылка к произведению английской литературы, ставшему знаковым явлением в европейской культуре в целом, драме У. Шекспира «Гамлет, принц Датский» (*The Tragical History of Hamlet, Prince of Denmark* 1600–1601). С другой стороны, в тексте содержится такое замечание повествователя: «Из всей компании в живых остаётся один только сын Йорика, который … ушел бродить по белу свету, исходив его вдоль и поперёк, на

восток с запада и обратно, оставив повсюду на память о себе свои семена, <…> и все веселые его потомки и по сей день рассказывают на все лады историю, пересказанную скромным ПИСЦОМ <т. е. повествователем>» (Рушди 2006: 88). Это можно интерпретировать не только буквально, как завершение фабулы, но – в контексте идей «промежуточности» культурной идентичности и гибридности современной культуры – как своеобразное указание на возможные переклички данного произведения и с восточными источниками тоже.

Совершенно определенно имея в виду шекспировское произведение как источник (правда, опровергаемый), повествователь «Йорика» значительно изменяет фабулу хрестоматийной истории о принце датском: убийцей Горвендилюса, отца Гамлета (согласно Саксону Грамматику, что нарочито подчеркивается в рассказе), является не Клавдий, а ревнивый шут Йорик, которому семилетний принц внушает мысль об измене жены с королем; со стороны же Гамлета это было местью за суровое наказание от отца. В этом причудливом изложении помимо заимствования сюжета собственно «Гамлета» можно отметить переклички с такими известными трагедиями Шекспира, как «Отелло»[2] и «Король Лир»[3].

Изложение обстоятельств ссоры Горвендилюса и Гамлета (подсмотренное принцем соитие родителей, неверно воспринятое как попытка удушения матери) достаточно определенно указывает на фрейдистскую идею «эдипова комплекса», восходящую к известному античному сюжету[4]. Можно сказать, что С. Рушди в своем рассказе доводит до абсурда интерпретацию шекспировской трагедии, предложенную З. Фрейдом, который нерешительность принца в осуществлении мести объяснял следующим образом: «Гамлет может все, только не исполнить месть по отношению к человеку, <…> на деле реализовавшему его вытесненные детские желания. Ненависть, которая должна

[2] Преступление совершается на почве ревности, возбужденной поддельной любовной запиской и, как в случае с Отелло, носовым платком – «handkerchief» (Rushdie 1994: 79).

[3] Изощренная интрига и преступление против отца приводят на память не только неблагодарных дочерей Регану и Гонерилью, но и Эдмонда.

[4] З. Фрейд в работе «Достоевский и отцеубийство» отмечал художественное воплощение темы отцеубийства в трех «шедеврах мировой литературы» – «Царе Эдипе» Софокла, «Гамлете» Шекспира, «Братьях Карамазовых» Достоевского.

была подвигать его на месть, заменяется у него самопопреками, угрызениями совести, напоминающими ему, что он сам, в буквальном смысле, ничуть не лучше грешника, которого он обязан покарать» (Фрейд 2006: 246). Отметим, что в рассказе Рушди Гамлет и Горвендилюса, и Йорика воспринимает как отца: первого – как настоящего, а второго – как его шутовского двойника («a second, clownish father», «surrogate parent» (Rushdie 1994: 79–80)). Таким образом, устраивая убийство родного отца руками воображаемого и обрекая последнего на гибель под топором палача, принц совершает двойное отцеубийство. К. С.-П. Карацо высказывает мнение, согласно которому, «Йорик» представляет собой один из примеров независимого взгляда Рушди на «значимый западный миф» (Carazo 2004), и находит в рассказе остроумные переклички с «продолжением» шекспировского сюжета в «Сентиментальном путешествии по Франции и Италии» (*Sentimental journey through France and Italy*, 1768) Л. Стерна, а также в драмой Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» (*Rosencrantz and Guildenstern are Dead*, 1966).

Помимо источников, представляющих, в соответствии с заглавием данной части сборника, европейскую, западную литературу, отметим переклички рассказа С. Рушди с произведениями восточной литературы. Повествователь, как уже было сказано, упоминает о рассеянии потомков Йорика с Запада на Восток. Это сообщение можно расценивать как своеобразное продолжение того, о чем говорил Гамлет в трагедии Шекспира, оценивая современное ему состояние страны: «Тупой разгул на запад и восток // Позорит нас среди других народов» (пер. М. Л. Лозинского). Так же и потомки Йорика с подачи его сына «позорят» участников всех изложенных событий, раскрывая неприглядную правду. Таким образом, основным сюжетом «Йорика» становится месть одного из потомков королевского шута Гамлету, погубившему его предка. Д. Бахри в связи с упоминанием о распространившихся по Востоку и Западу потомках Йорика отмечает, что в рассказе звучит противопоставленное имперскому влиянию «многоголосье» (a multicoloured voice) (Bahri 2007: 144). Представляется, это «многоголосье» можно интерпретировать как множественность воплощений сходного сюжета в разнообразных произведениях. Таким образом, уже не повествователь, но автор воплощает идею соединения образов Востока и Запада с учетом их культурных различий: общие образы и мотивы, встречающиеся как в

восточной, так и в западной литературах. Мотив отцеубийства соотносит «Йорика» не только с западной литературной традицией (включающей в себя примеры неосознанного преступления – истории Эдипа и Лая, Телегона и Одиссея, Алфемена и Катрея, и осознанного – «Король Лир» Шекспира, «Ченчи» Шелли, «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского), но и с произведениями восточных авторов. В «Шах-наме» (994, 1011) Фирдоуси[5] и в поэме «Хосров и Ширин» (1181) Низами также изображены отцеубийства, совершенные неким исполнителем, но инициированные сыном правителя.

Например, в «Шах-наме» излагается история убийства царя Мердаса при попустительстве его сына Зохака. Как и в «Йорике», преступлению предшествует ядовитая речь-наущение: «Див злобный однажды к Зохаку проник, // И душу юнца от добра отвратив, // Словами опутал, коварен и лжив. // <…> Поняв, что обмана подействовал яд, // Нечистый был радостью злобной объят» (Фирдоуси 1957: 41). После некоторых колебаний Зохак соглашается на преступление против Мердаса. Гамлет у Рушди убивает отца словом, вовремя сказанным ревнивому Йорику, Зохак – вовремя не сказанным словом, следуя приказу злого духа: «Один все, что нужно, исполню я в срок, Ты – в ножнах удерживай слова клинок» (Фирдоуси 1957: 42). Несмотря на то что мотив убийства Мердаса очевиден – захват власти[6], – у Фирдоуси приводится очень интересное психологическое объяснение подобного деяния, в чем-то напоминающее сюжет рассказа Рушди: «От мудрого мужа я как-то слыхал, // Что сыну, хоть барсом он яростным будь, // Невмочь на отцовскую кровь посягнуть. // Здесь тайную должно причину искать: // Разгадку поведать могла бы лишь мать» (Фирдоуси 1957: 43).

Сближает «Шах-наме» и «Гамлета» Шекспира ассоциация убийцы царя/короля с образом змея. Так Зохак, у которого вырастают на плечах змеи из поцелуев Иблиса, имеет своим

[5] Имена восточных авторов в произведениях С. Рушди появляются иногда в виде имен его персонажей. Например, в романе «Дети полуночи» появляется репортёр Калидас Гупта, в романе «Клоун Шалимар» (*Shalimar the Clown* 2005) мать одного из героев зовут Фирдоус, а в «Гнезде жар-птицы» (The Firebird's nest 1997) упоминается некий Низам.

[6] Схожий мотив – убийство с целью наследования трона убиваемого властителя – встречается во вставной пьесе «Мышеловка», которая разыгрывается в трагедии Шекспира.

«мифологическим прототипом» (Османов 1959: 103) трёхголового дракона Ажи-Дахака. Призрак в Эльсиноре, повествуя о своей смерти, говорит о Клавдии: «Змей, поразивший твоего отца, // Надел его венец» (Пер. М. Л. Лозинского). В рассказе Рушди нет прямых указаний на змеиную природу кого бы то ни было из персонажей, но присутствует своеобразная контаминация признаков змееподобия маленького отцеубийцы: «Осталось лишь вывести Гамлета с Йориком на площадку перед Эльсинором (одного на плечах у другого – как это было у них заведено), где принц вольёт в ухо шуту волшебную отраву, и Дураку вместо ви́дения действительности достанется одна только её видимость» (Рушди 2006: 82).

Горвендилюс погибает ночью в саду, ставшем для него, по ироничному замечанию повествователя, «Гефсиманским»; Мердас – также ночью в своем великолепному саду, где он обычно готовился к утренней молитве. Таким образом, в обоих случаях убийство происходит при сходных обстоятельствах, и преступный характер совершаемого подчеркивается его противопоставлением религиозным нормам. В рассказе Рудши аллюзия на евангельский сюжет моления Христа в Гефсиманском саду представлена в пародийном ключе: к смертельному финалу приближается не сын, а отец; к тому же последний не бодрствует и молится, а спит, как апостолы в евангельском повествовании. «Шах-наме»[7] содержит еще сюжет, сопоставимый с историей, излагаемой в «Йорике»: это приход к власти Шируйе в результате убийства своего отца Хосрова Парвиза. Однако в передаче Фирдоуси эти события – один из эпизодов борьбы за власть, сходный с фабулой «Йорика» лишь в самом общем смысле: убийство отца-правителя, инициированное сыном, последующая гибель вероломного сына от яда. Гораздо больше сходств как в истории в целом, так и в деталях ее изображения содержится в поэме «Хосров и Ширин» Низами, также включающей рассказ о воцарении Шируйе после гибели Хосрова. Вот что сообщает автор о детских годах наследника: «Был у Хосрова сын от Мариам. С пеленок // Дыша, он дурно пах. Казалось – это львенок. // Он звался Шируйе. Знал я и ведал свет, // Что он, когда ему лишь девять было лет, // Промолвил

[7] Собственно с трагедией У. Шекспира «Гамлет» в «Шах-наме» может быть сопоставлена история Кей-Хосрова, отомстившего за гибель своего отца Сиявуша деду Афрасиабу, а до того изображавшего перед ним сумасшествие, чтобы избежать смерти.

про Ширин во дни отцовской свадьбы: // “Ширин под пару мне! Вот мне кого поймать бы!”// О вере ли его поведать, о любви, // Про знанье иль про злость, горящую в крови? // Весь наполнял дворец он мрачным дымным смрадом, // И на него Хосров взирал суровым взглядом» (Низами 1968: 252). Особые чувства Шируйе к красавице-мачехе становятся причиной его вражды с отцом[8]. Хосров, словно предвидя грядущее, говорит о сыне: «Змееныш мной рожден, так, стало быть и я // (Наверно, думает мой “славный” сын) – змея. // <…> В былом отцеубийц немало я найду» (Низами 1968: 253). Вновь в восточном источнике отцеубийца ассоциируется со змеиным образом.

Семилетний Гамлет в «Йорике» испытывает влечение к Офелии (супруге его ненастоящего отца Йорика): «Конечно, понятно, что он ненавидит Офелию, но за что? Неужто за то зловоние, которое исторгает ее нутро? <…> Или за набухшие, спрятанные под рубашкой два крепких бутончика, за тело, принадлежащее не ему? <…> детская влюбленность оборачивается ненавистью» (Рушди 2006: 72). И возможно, истинным, до конца неосознаваемым мотивом преступления становится ненависть принца к отцу и «псевдомачехе» Офелии: «Офелия и король слились в его распаленном гневом мозгу в единое целое (можно сказать, связались брачным союзом). И Гамлет наконец придумывает, каким образом <…> одним ударом сбить с ветки обеих птичек» (Рушди 2006: 81).

Из приведенных цитат очевидна одна примечательная деталь, сближающая образы Шируйе из «Хосрова и Ширин» и Офелии из «Йорика» – зловонный запах. У Низами – это одно из свидетельств злобного нрава царевича, черта отрицательного персонажа. У Рушди – это буквальное истолкование знаменитой сентенции шекспировской трагедии. Ср.: «Подгнило что-то в Датском королевстве» (Пер. М. Л. Лозинского); и «Листы пергамента шевелит сквозняк. Это дыхание Офелии. Запах гнили распространяется по всему Датскому королевству» (Рушди 2006: 67).

Сцена убийства Хосрова у Низами также напоминает обстоятельства убийства короля у Рушди. Так, царя убивают ночью, во время сна, тайно: «Хотела крикнуть ночь: “Злодейство у

[8] А. И. Колесников в работе «Иран в начале VII века» указывает, что Хосров намеревался передать престол сыну Ширин в обход старшего сына Кавада Шируйе. Это стало причиной выступления сына против отца (Колесников 1970: 85).

воторот!", // Но мгла гвоздями звёзд ее забила рот // <…> И царь, в блаженном сне погубленный навеки, // Все ж приоткрыл уста и чуть приподнял веки» (Низами 1968: 258).

Таким образом, мотив отцеубийства в «Йорике» оказывается связан как с западными, так и восточными источниками. По сути дела С. Рушди поступает так же, как и Шекспир в свое время[9]: берет известный сюжет и перерабатывает его в соответствии с собственными творческими задачами. Одной из таких задач в произведении представителя постколониальной литературы с её проблематизацией культурной идентичности становится раскрытие гетерогенности, гибридности, пограничности даже столь знакового произведения, каким является шекспировский «Гамлет». При этом изменения, вносимые Рушди в историю принца датского, это не постмодернистское обыгрывание возможных вариантов интерпретации. Автор раскрывает амбивалентность культурных смыслов, заложенную в трагедии английского драматурга и актуализированную в западной традиции в прочтении З. Фрейда. Параллели с восточными источниками в рассказе С. Рушди укореняют сюжет в русле не менее богатой (по сравнению с Западом) культурной традиции. Неоднозначность прочтения шекспировской трагедии коррелирует у Рушди с идеей диалогичности культуры как таковой.

Литература

Ankist, A. 1960: Posleslovie k «Gamletu» [Afterward to the «Hamlet»]. In: W. Shakespeare. *Complete Works in 8 vols*. Vol. 6. Moskow: Iskusstvo, 571–627.

Аникст А. 1960: Послесловие к «Гамлету». В кн.: Шекспир У. *Полное собрание сочинений в восьми томах*. Т. 6. М.: «Искусство», 571–627.

Bahri, D. 2007: The Shorter fiction. In: *The Cambridge companion to Salman Rushdie*. Cambridge.: Cambridge University Press, 139–151.

Bhabha, Homi K. 1994: *The Location of Culture*. London and New York: Psychology Press, 1994.

Brown, J. 2011: *East / West: Salman Rushdie and Hybridity*. Olivet Nazarene University, 2011.

Firdousi 1957: Sah-name. Vol. 1. Trans. from Farsi by A. Lakhuti. Moskow.

[9] А. Аникст пишет об особой «популярности сюжета о Гамлете в театре эпохи Возрождения» (Аникст 1960: 577), а также отмечает, что Шекспир перерабатывает пьесу своего непосредственного предшественника Томаса Кида, сохраняя «старую сюжетную канву», но наполняя её «совершенноновым содержанием» (Аникст 1960: 582).

Фирдоуси 1957: *Шах-наме*. Т. I. Пер. с фарси А. Лахути. М.: Издательство Академии наук СССР.

Freud, S. 2006: *Tolkovanie snovideniy* [*The Interpretation of Dreams*]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
Фрейд, З. 2006: Толкование сновидений. СПб.: Азбука-классика.

Kolesnikov, A.I. 1970: *Iran v nachale 7 veka* [*Iran at the beginning of the 7th century*]. Leningrad, Nauka.
Колесников, А. И. 1970: *Иран в начале VII века*. Л.: «Наука».

Kolesnikov, A.Yu. 2015: Vostok i Zapad v proizvedeniyakh Salmana Rushdi i Grahama Joysa [East and West in works by Salman Rushdie and Graham Joyce]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* 2 (2), 105–111 [*Journal of N. Novgorod University* 2 (2), 105–111].
Колесников А. Ю. 2015: Восток и Запад в произведениях Салмана Рушди и Грэма Джойса. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2015. № 2 (2), 105–111.

Nezami 1968: Neẓāmī. Khosrow-va-Shīrīn. Trans. from Farsi by K. Lipskerov. In: *Neẓāmī. Five poems*. Moskow, 117–268.
Низами, 1968: Хосров и Ширин. Пер. с фарси К. Липскерова. В: Низами. Пять поэм. М.: «Худож. литература», 117–268.

Osmanov, M.-N. 1959: O Firdousi: zhizn' i tvorchestvo [About Firdousi: life and works]. Moscow.
Османов, М.-Н. 1959: О Фирдоуси: жизнь и творчество. М.: Издательство восточной литературы.

Rushdie, S. 1994: *East, West*. London. 1994.

Rushdie, S. 2006: Vostok, Zapad [East, West]. Trans. from English by T.N. Chernyshova. St. Petersburg: Amfora.
Рушди, С. 2006: Восток, Запад. Пер. с англ. Т. Н. Чернышевой. СПб.: Амфора, 2006.

Sánchez-Palencia Carazo, C. 2004: When Rajiv Ghandi Met Captain Kirk: Patterns of Hybridity in Salman Rushdie's East, West. In: *Conference on Interdisciplinary Approaches to Short Fiction Theory and Criticism*. Universidad de Salamanca. 2004. URL: https://idus.us.es/xmlui/handle/11441/28331?locale-attribute=en (дата обращения 01.07. 2014).

Seminck, H. 1993: *A Novel Visible but Unseen. A Thematic Analysis of Salman Rushdie's The Satanic Verses*. Gent: Studia Germanica Gandensia,1993.

Shakespeare, W. 1960: Hamlet, Prince of Denmark In: W. Shakespeare. *Complete Works in 8 vols*. Vol. 6. Moskow: Iskusstvo, 5–158.
Шекспир, У. 1960: Гамлет, принц Датский / Пер. с англ. М. Лозинского // Шекспир У. *Полное собрание сочинений в восьми томах*. Т. 6. М.: «Искусство», 5–158.

Titus, P. 2011: *Eastern and Western Cultural Commingling in Rushdie´s Stories*. URL: http://www.academia.edu/4770904/ Eastern and Western Cultural_Commingling_in_Rushdie's_Storie (дата обращения 01.07. 2014).

L. V. Bratukhina. Eastern sources in the Western plot: S. Rushdie Yorick

The article deals with the problem of expression of cultural hybridity in the short story *Yorick* (from the collected stories «East, West») by S. Rushdie. The theme of the whole collection can be defined as mixing Western cultural tradition with the Eastern one and creating a clash between them. In *Yorick*, the author takes the tragedy *Hamlet* by Shakespeare as one of the significant texts of European literature and changes it, so that the tragedy of revenge becomes a history of patricide: Hamlet kills his father with Yorick's hands. The motif of patricide associates Rushdie's story with both Western and Eastern literary traditions. The former is represented mainly by such works as *King Lear* by Shakespeare and the ancient tragedy *Oedipus the King* by Sophocles. Also, the Freudian interpretation of *Hamlet* has a special meaning in the intertext of this story. The Eastern tradition is expressed in the works by Ferdowsi (*Shahnameh*) and Nizami (*Khosrau and Shirin*). Merdas's murder plot from the *Shahnameh* can be compared to *Yorick,* and the association of patricide with the image of a serpent stands out in various similar details. This image is the mythological archetype in Ferdowsi's poem and the literary allusion in Rushdie's story. Nizami's poem contains the history of Khosrau's murder initiated by his son Shiruye with an intent to marry the stepmother. In Rushdie's story the implicit reason of the crime is also the Hamlet's unconscious passion for Yorick's wife Ophelia, whom he perceives as the mistress of his real father and the wife of «a second, clownish father». Another significant detail that allows to consider the poem *Khosrau and Shirin* as one of the pretexts for *Yorick,* is such feature of characters (Shiruye and Ophelia, accordingly) as a terrible stench. In consequence of this comparison it can be concluded that Rushdie connects his own ambiguous interpretation of *Hamlet* by Shakespeare with the idea of dialogical essence of culture.

Keywords: Rushdie, *East, West, Yorick, Hamlet,* patricide, motif, intertext, cultural tradition, identity, literary tradition, *Shahnameh* Ferdowsi, *Khosrau and Shirin* Nizami.

О. А. Волошина

РЕЧЬ БОЖЕСТВЕННАЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ В СЛОВАРЕ-ТЕЗАУРУСЕ АМАРАКОША

Статья посвящена анализу знаменитого древнеиндийского словаря синонимов «Амаракоша». Автор предпринимает попытку выявления фрагментов языковой картины мира древних индусов, представленную списками синонимов для каждого понятия в словаре-тезаурусе. В работе рассматривается структура словаря-тезауруса, отражающая систему представлений индусов об окружающем мире. На материале словаря «Амаракоша» предлагается анализ именований речи, священных текстов и речевых жанров.

Ключевые слова: древнеиндийский словарь синонимов «Амаракоша», словарь-тезаурус, наименования речи в словаре «Амаракоша».

Словарь синонимов санскрита Амаракоша (санскр. *Amarakośa*; *Amara* – имя собственное, *kośa – словарь, сокровищница*), т. е. «Словарь Амары» (V–VI в.) – первый и самый знаменитый тезаурус санскрита, где слова сгруппированы по тематическому принципу, поэтому не только лексические единицы, но и сама структура словаря предлагает своеобразную «картину мира». Текст словаря разделен на три книги (kāṇḍa), каждая из которых, в свою очередь, делится главы (varga), объединяющие слова определенной тематики, то есть представляющие лексико-семантические группы слов. Тезаурус предлагает классификацию и иерархию понятий, которые следуют друг за другом в строгой последовательности – от главного к второстепенному. Например, в самом начале словаря Амаракоша перечисляются синонимы, называющие небо и богов индийского пантеона, причем сначала идут имена и атрибуты главных богов, потом второстепенных, затем полубогов и т.п. Далее выстраиваются друг за другом в определенном порядке следующие лексико-семантические группы: названия небесных светил, планет и созвездий, затем погодных явлений (дождь, гром, облака, снег и т. п.), обозначение сторон света, терминов, организующих пространство и время в индийской картине мира (название направлений перемещения в пространстве и ориентиров, названия месяцев и времен года и т. п.). Вторая книга словаря Амаракоша посвящена человеку – в определенном порядке следуют называния жилища человека, домашних и диких

животных, названия каст и сословий, различных ремесел, предметов быта и т. п.

Шестая глава I-й книги «Śabda-varga» (śabda *слово, язык, речь*) – это раздел о речи как способности человека вступать в коммуникацию с богами и людьми, о разновидностях человеческой речи – от языка ведийских гимнов до брани и проклятий. Речь возглавляет перечень наук и искусств, имеющих божественное происхождение, освоенных и активно используемых человеком.

Список синонимов к слову *речь* представлен цепочкой из 13-ти названий:

brāhmī tu bhāratī bhāṣā gīr vāg vāṇī sarasvatī
vyāhāra uktir lapitaṃ bhāṣitaṃ vacanaṃ vacaḥ

1. brāhmī '*речь, рассказ, обычай, повествование, название древнего типа письма, эпитет Дурги (супруги Брахмы)*'.

2. bhāratī '*речь, голос, слово, красноречие, река Бхарати, эпитет Сарасвати (супруги Брахмы)*'.

3. bhāṣā '*язык, способность к речи, диалект, «Связанное с речью» – эпитет Сарасвати, описание, обвинение, жалоба*'.

4. gīr (gir) '*речь, голос, песня, хвала, заклинание, обращение с мольбой*'.

5. vāg (vāc) '*речь* (человеческая, которая противопоставляется божественной речи), *голос, звук* (и от предметов – например, барабана), *слово, беседа, высказывание, язык* (в том числе животных), *Вач* (букв. *Речь*) – эпитет Сарасвати'.

6. vāṇī '*речь, звук, тон, голос, язык, эпитет Сарасвати, восхваление, красноречие, хвала, дикция, произношение, вани* – один из метров, содержащий только долгие гласные'.

7. sarasvatī 'Сарасвати – *богиня красноречия, знаний и мудрости; речь, образованность, божественный глас, прекрасная женщина, корова*'.

8. vyāhāra '*речь, произнесение, язык, высказывание, обсуждение, разговор, пение (птиц), юмор, шутка, шутливая речь*'.

9. ukti '*речь, слово, выражение, пение*'.

10. lapita '*сказанное, выболтанное, выплаканное*'.

11. bhāṣita '*речь, сказанное, диалог, разговор*'.

12. vacana '*слово, произнесение, предложение, речь, звук, акцент, голос, обозначение,* (грам. *правило, категория числа), совет, приказ*'.

13. vacas '*говорящий, беседующий, речь, песня, поговорка*'.

Большинство этих слов одновременно являются и эпитетами богини Речи – супруги Брахмы, что указывает на божественное происхождение речи. В индийской мифологии речь ассоциируется рекой (например, Сарасвати [1]), вероятно отождествление полноводной реки и речи происходило потому, что речь тоже текла широким потоком, принося живительную силу, бессмертие, различные дары (урожай, богатство и др.), воплощая просьбы людей в текстах молитв и передавая, таким образом, эти просьбы богам. Именно Сарасвати упоминается в Ригведе как богиня священной речи и красноречия, а позднее в Брахманах как покровительница наук и поэзии, которая изобрела санскрит и письмо деванагари. Сарасвати наделяет мудростью и знаниями: это она подарила Ганеше перо для записи текстов, сделав его покровителем учащихся. Уже в Ригведе богиня речи называется «покровительницей молитв» (VI. 61.4) и превозносится над богами как причастная священному знанию создательница текстов молитв ко всем богам (Ригведа 1999: 161).

Приведенный перечень синонимов-номинаций речи позволяет высказать некоторые наблюдения над структурой словаря Амаракоша. Нанизывание синонимов создает обширное семантическое поле, каждый синоним указывает на определенные характерные черты именуемого понятия, освещая его с разных сторон. В перечне синонимов содержится, таким образом, своеобразный рассказ на заданную тему. Каждый синоним отмечает определенные особенности именуемого явления – это имена собственные богини речи, ее эпитеты и характеристики. Все слова приведенного выше списка называют речь, однако каждое слово в этом перечне многозначно, поэтому тянет за собой множество различных значений, более или менее тесно связанных с речью. Например, vyāhāra – не только *речь*, но и *пение (птиц), шутка*; sarasvatī – *прекрасная женщина, священная корова*; ukti – *пение*; bhāṣita – *диалог*; vacana – *совет, приказ, голос, акцент*; bhāṣā – *обвинение* и *жалоба*, а vāg – *барабанный бой* и *язык животных*. Таким образом, каждое слово не только является синонимом слова *речь*, но и способствует расширению данного лексико-семантического

[1] «Отождествление Сарасвати в поздневедийской литературе с богиней священной речи Вач обусловлено, возможно, тем, что именно на берегах Сарасвати протекал важный этап формирования ведийско-брахманской культуры» (Vassilkov 1996: 394).

поля в самых разных направлениях: от эпитетов богини речи до речевых жанров (совет, приказ, диалог, жалоба и др.), выкриков животных, пения птиц и барабанного боя – все это становится воплощением богини речи, свидетельством ее безграничного господства в окружающем человека мире.

Далее в словаре определяются основные единицы речи – слово и предложение. Для *слова* приводятся такие синонимичные наименования:

śabda '*слово, звук, шум, тон, нота, речь, язык, выражение, священный слог «Ом», имя, название, склоняемое слово, обращение, устная традиция*'.

vācaka '*слово, говорящий, оратор, вестник*' (Amarakosha 1889: 103).

И здесь синонимы не только создают определенное смысловое поле, но и расширяют границы этого поля, определяя семантические связи, в которые вступают близкие, но не тождественные по значению слова. Например, слово *śabda* оказывается своеобразным узлом, связывающим, с одной стороны, шелест платья, звон драгоценностей, шуршание листвы или рев ветра и грохот грома, а с другой стороны – священный слог «Ом», а с ним и мантры, сакральные формулы молитвенных гимнов.

Далее в словаре дается определение предложения – более крупной единицы языка, состоящей из слов:

tiṅ-sub-anta-cayo vākyaṃ kriyā vā kārakānvitā

(Amarakosha 1889: 103).

'Предложение (vākya) есть последовательность слов, оформленных личными глагольными окончаниями (tiṅ) или падежными флексиями (sup) – а именно глагол (kriyā), сопровождаемый управляемыми существительными (kāraka)'.

Очевидно, что приведенное здесь определение предложения опирается на древнюю традицию описания грамматики санскрита. Грамматическая терминология индусов позволяла строго противопоставить термины, указывающие на формы склонения или спряжения слов в предложении, и термины, связанные с синтаксической семантикой – глагол и управляемые им актанты-существительные.

Таким образом, описание речи начинается с перечисления синонимов, обозначающих речь, затем автор определяет основные единицы речи – слово и предложение, а далее из всего массива произведений автору необходимо выделить священные

тексты, противопоставив их текстам бытового или даже сниженного стиля.

Для индусов всегда было очень важно противопоставить совершенный язык сакральных текстов вариантам разговорной речи, выработать специальные приемы, которые позволили бы сохранить, законсервировать древний язык Вед. Как известно, именно эту цель преследовали фонетические трактаты prati-śākhā. Бурное развитие разговорных вариантов индийских языков – пракритов – способствовало тому, что язык Вед становился малопонятен (или совсем непонятен) индусам. Для противопоставления классического ведийского языка (а позднее санскрита) пракритам в словаре Амаракоша используется два слова:

apabhraṃśa '*язык, не следующий норме, искажение слов, порча языка*'. Апабхрамша – название позднейшей формы среднеиндийских языков.

apaśabda '*речь, неправильная и /или не соответствующая грамматическим нормам санскрита, грубая или вульгарная речь, злословие, сплетня*' (Amarakosha 1889: 102).

Такой испорченный язык представлял собой искажение языка священных текстов Вед. Веды в словаре представлены цепочкой синонимов (Amarakosha 1889: 105):

veda '*знание, высшее, священное знание о мире*';

śruti '«*Услышанное вначале*» (одно из названий Вед); *то, что можно услышать, ответ, молва, слухи, новости*';

āmnāya 'Веда – *учение, переданное по традиции, предание, священный текст, то, что должно быть выучено наизусть, фамильные или национальные традиции, совет*';

trayī '*триада (три Веды)*';

dharma '*религия, вера, закон, религиозное предписание, твердое установление, справедливость, долг, обязанность*'.

Синонимичные названия священной Веды свидетельствуют о том, что гимны передавались в устной форме (*то, что можно услышать, что должно быть выучено наизусть*) из поколения в поколение (*переданное по традиции*).

Далее приводится слово vedāṅga '*конечность, предохраняющая тело вед, вспомогательные Веды*'(Amarakosha 1889: 105). Веданга включает шесть смежных наук, которые необходимо было изучать брахманам для правильного понимания и толкования текстов Вед: śikṣā *фонетика*; chandas *метрика*; vyākaraṇa *грамматика;* nirukta *этимология*; kalpa *наука правильного проведения ритуалов*; jyotiṣa *астрология*.

Веданга входит в число произведений Smṛti (*передаваемое по памяти священное знание*). Любопытно отметить, что первые четыре дисциплины так или иначе направлены на понимание, сохранение и трансляцию самих сакральных текстов. Именно философско-лингвистический анализ текстов Вед породил богатую лингвистическую традицию древней Индии. Последние две дисциплины – о ритуале и об условиях проведения ритуала – свидетельствуют о функции ведийских текстов. Поскольку Веды – это собрания молитв, гимнов богам, то их произнесение являлось частью специальных ритуалов, условия проведения которых, последовательность действий жрецов и т. п. должны быть строго регламентированы и подробным образом описаны.

Итак, перечень синонимов, называющих речь в словаре Амаракоша, начинается с имен богини Речи – Сарасвати, потом автор рассказывает о священных текстах, которые были порождены этой могущественной богиней, сообщает сведения о том, как следует произносить и понимать тексты священных гимнов.

Далее в словаре Амаракоша приводятся названия священного слога Oṃ и его синонимов: oṅkāra (omkāra), praṇava (Amarakosha 1889: 105). Священный слог Ом многократно повторяют при чтении молитв, в мантрах, его помещают в начале и в конце священных текстов.

Далее перечисляются слова, обозначающие разновидности жанров: исторические повести и сказки, басни и песни, священные гимны и загадки. Особенно интересны ряды синонимов, обозначающих «малые», бытовые устные жанры – диалог, спор, возражение, клятва, обвинение, оскорбление, просьба, угроза, жалоба и т.п. Очевидно, что этот раздел представляет широкий спектр речевых произведений от сакральных гимнов до проклятий и ругательств (Amarakosha 1889: 106–112):

Загадка – prahelikā ‘*загадка, шарада, головоломка, сбивающий с толку вопрос*.

Слухи – kiṃvadantī ‘*«что они сказали», молва, слух, сказание, легенда*’.

Новость – pravṛtti ‘*новость, известие, сведение о чем-либо, начало, познание, характер, судьба’*.

Имя, название – nāmadheya ‘*название, обращение, имя, обряд наречения имени ребенку*’.

Спор – vivāda ‘*диспут, спор, словесное противостояние, аргумент, довод, судебное заседание*’.

Указание, намек – upanyāsa ‘*указание, утверждение, намек, изречение, ссылка, отговорка, предлог*’.

Пример – upodghāta ‘*введение, предисловие, начало, план, замысел, пример, иллюстрация чего-либо (в споре), анализ*’.

Клятва – śapana ‘*клятва или торжественное обещание; проклятие, оскорбление, брань*’.

Вопрос – praśna ‘*вопрос, судебное расследование, проблема, тема исследования, раздел, параграф (в книгах), задание или урок*’.

Оскорбление – abhiśāpa ‘*проклятие, оскорбление, обвинение*’.

Повторение – āmreḍita ‘*повторение слова или звука,* грам. *повторяющееся слово, вид сложного слова амредита*’.

Громко произнесенная речь – ghoṣaṇā ‘*публичное объявление, громкое оповещение*’.

Крик – kāku ‘*крик горя, стенания, жалоба*; *изменение голоса, вызванные горем, болью, страхом, гневом или скорбью, выделение (голосом), подчеркивание чего-либо (голосом), бормотание, мурлыкание*’.

Обращение – ālāpa ‘*обращение, беседа, разговор, речь; вопрос, урок, занятие; пение, щебетание (птиц)*’.

Жалобы – vilāpa ‘*жалобы, причитания, стенания*’.

Разговор – saṃlāpa ‘*беседа, дружеский разговор*, театр. *самлапа* – вид бесстрастного диалога, но полного скрытого мужества’.

Красноречие – suvacana ‘*красивая, хорошая речь, красноречие*’ (Amarakosha 1889: 111).

Отказ – nihnava ‘*отказ, отрицание, оспаривание, утаивание, внесение поправок или изменений, извинения*’.

Поучение – sandeśa ‘*наставление, поучение, распоряжение, приказ, записка, информация для ума*’.

Каждое именование открывает ряд синонимов, которые раскрывают новые грани именуемого объекта. Некоторые жанры представлены всего двумя-тремя синонимами, но иногда автор приводит длинные цепочки синонимичных именований:

Хвала:

kīrti ‘*слава, хвала, известность*’;

stava ‘*гимн, прославляющий божество, восхваление, прославление, пенегрик, молитва*’;

stotra ‘*восхваление, прославление, хвалебная песнь, гимн*’;

stuti ‘*хвала, восхваление, гимн*; *Присутствующая во всех восхвалениях* (эпитет Дурги), *Присутствующий во всех восхвалениях* (эпитет Вишну)’;

praṇāda ‘*громкий звук, крик (особенно выражающий восторг или радость), шум, звон ли гул в ушах*’;

nuti ‘*похвала, восхваление, поклонение, почитание, почтительность*’.

С одной стороны, хвала (stava) есть прославление божества, гимн и панегрик, а с другой стороны, (praṇāda) – шум в ушах.

Порицание, упрек (Amarakosha 1889: 106):

nirvāda ‘*порицание, злословие, молва, слухи*’;

upakrośa ‘*упрек, укор, позор, осуждение, порицание*’;

jugupsā ‘*нелюбовь* или *неприязнь, ненависть, отвращение, омерзение, джугупса (ненависть)* – один из 49-ти характеров индийского театра’;

kutsā ‘*упрек, порицание, неуважение, оскорбление, брань*’;

nindā ‘*осуждение, поношение, клевета, оскорбление, брань*’.

Порицание и *упрек* оказываются связаны со злословием и слухами, с ненавистью и отвращением.

Оскорбление (Amarakosha 1889: 110):

ativāda ‘*оскорбительные и оскорбительные речи, грубость, порицание, брань, упрек, укор*’;

bhartsana ‘*брань, проклятие, угроза*’;

upālambha ‘*упрек, оскорбление, брань, запрет*’;

paribhāṣaṇa ‘*упрек, выговор, порицание, предписание, предупреждение, беседа, разговор*’.

Оскорбление проявляется не только в бранных словах, упреке но и в проклятии, угрозе и запрете.

Раздел о речи завершается перечнем имен прилагательных, характеризующих речь (Amarakosha 1889: 113–114): priya ‘*приятная, любезная*’; kalya ‘*искусная, совершенная, тонкая*’; anarthaka ‘*бессмысленная, бесполезная*’; avācya ‘*недостойная, неприличная*’; avispaṣṭa – *нечленораздельная, нечеткая*’; niṣṭhura ‘*грубая, резкая, злобная, безжалостная, жестокая*’; mṛṣārthaka ‘*неверная, абсурдная*’; vitatha ‘*ложная, напрасная, бесполезная*’; anṛta ‘*ложная, обманная, жульническая*’ и т. п.

Таким образом, словарь совмещает несколько принципов подачи материала: это словарь тезаурус и словарь синонимов. С одной стороны, тезаурус, выстраивая слова-понятия в иерархически организованную структуру семантических полей, отражает картину мира, особенности мировоззрения индусов. С другой стороны, каждое понятие передается не отдельным словом,

а цепочкой синонимов, в результате чего понятие обрастало оттенками, дополнительными смыслами, становилось объемным и многогранным. Кроме того, каждый синоним, являясь многозначным словом, тянет за собой множество различных значений, вызывает в сознании другие слова, которые, вступая в семантические и структурные связи, расширяют сферу значения исходного слова. Таким образом, структура словаря становится трехмерной, создается своеобразный гипертекст, в котором каждое слово является проводником в миры новых смыслов, идей и ассоциаций (подробнее см.: Voloshina: 2016).

Литература

Amarakosha 1889: *The Nāmaliṅgānuçāsana (Amarakosha) of Amarasinha* with the Commentary of Bhānuji Dīkshit. Bombay.

Elizarenkova, T.Ya. 1999: *Rigveda. Mandalas V–VIII.* Moscow: Nauka.
Елизаренкова, Т.Я. 1999: *Ригведа. Мандалы V–VIII.* М.: «Наука».

Efimovskiy, S.V. 2012: Novyy sanskritsko-russkiy slovar' [A new Sanskrit-Russian Dictionary]. Moscow: Torun Press.
Ефимовский С.В. 2012: Новый санскритско-русский словарь. М.: ТОРУС ПРЕСС. 2012.

Kochergina, V.A. 1987: Sanskritsko-russkiy slovar' [Sanskrit-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
Кочергина, В.А. 1987: Санскритско-русский словарь. М.: «Русский язык».

Paribok, A.V. 1981: O metodologicheskikh osnovaniyakh indiyskoy lingvistiki [On the methodological grounds of Indian linguistics]. In: *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Srednevekovyy Vostok* [*History of Linguistic Doctrines. The Medieval East*]. Leningrad: Hauka.
Парибок, А.В. 1981: О методологических основаниях индийской лингвистики. В кн.: *История лингвистических учений. Средневековый Восток*. Л.: Наука.

Vassilkov, Ya.V. 1996: Sarasvati. In: Albedil, M.F., Dubyanskiy, A.N. (eds.). *Hinduism, jainism, sikhism. A Dictionary*. Moscow, 934–935.
Васильков, Я.В. 1996: Сарасвати. В кн.: Альбедиль, М.Ф., Дубянский А.Н. (ред.) *Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь*. М., 934–935.

Voloshina, O.A. 2016: Slovar' Amarakosha kak otrazhenie indiyskogo mirovozzreniya [Thesaurus Amarakosha as a reflection of Indian world view]. In: *Ritorika. Semiotika. Yazykoznanie. Sbornik statey k 70-letiyu professora A.A. Volkova* [*Rhetoric, Semiotics, Linguistics. Papers collected on the occasion of the seventieth anniversary of Prof. A.A. Volkov]*. Moscow.
Волошина, О.А. 2016: Словарь Амаракоша как отражение индийского мировоззрения. *В сб.: Риторика. Семиотика. Языкознание. К 70-летию проф. А.А.Волкова.* М.: Добросвет.

O. A. Voloshina. Divine and mortal speech in the ancient Indian thesaurus *Amarakosha*

The article offers an analysis of the famous ancient Indian thesaurus *Amarakosha*. The author seeks out the fragments of the linguistic world image of ancient Indians presenting lists of synonyms for every notion from the thesaurus. This study looks into the structure of the dictionary, which reflects the concept system of the outside world. Based on the material of the thesaurus, the article examines the names of speech, texts and speech genres.

Keywords: The ancient Indian thesaurus *Amarakosha,* speech in the Amarakosha.

Г. М. Воробьев

КОДИКОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ДВУХ АРИСТОТЕЛЕВСКИХ РУКОПИСЯХ ДИМИТРИЯ ХАЛКОКОНДИЛА

В статье рассматриваются две рукописи с трактатами Аристотеля, переписанные в Италии византийским гуманистом Димитрием Халкокондилом. На основании кодикологического анализа выдвигается предположение об общем происхождении рукописей и реконструируется история их отдельных частей. Из сопоставления этой реконструкции с данными по истории текста соответствующих сочинений делается вывод о последовательности работы Халкокондила с тремя антиграфами. Также выдвигается гипотеза о содержании одного из них, возможно имеющего отношение к библиотеке Феодора Газы.

Ключевые слова: Аристотель, рукописная традиция, кодикология, водяные знаки, Димитрий Халкокондил, Иоанн Сервопул, Феодор Газа, Томас Линакр.

Известно больше тридцати греческих рукописей, переписанных в Италии византийским гуманистом Димитрием Халкокондилом (1423–1511)[1]. Если классифицировать их по содержанию, наиболее заметную группу составляют десять кодексов с трактатами аристотелевского корпуса и комментариями к ним[2]. Работая с этими малоизученными рукописями, нам удалось установить, что две из них, Ambr. L 117 sup. и Par. suppl. gr. 333[3], обнаруживают сходство кодикологических характеристик, требующее специального рассмотрения.

1.

На защитном листе Par. suppl. gr. 333 имеется владельческая запись английского гуманиста Томаса Линакра (ок. 1460–1524),

---

[1] См. о нем: Cammelli 1954, Petrucci 1973. По результатам нашего диссертационного исследования, если отмести ряд ложных атрибуций, на данный момент можно считать принадлежащими перу Халкокондила от 32 до 36 рукописей.

[2] Ambr. E 40 sup., L 117 sup., O 52 sup. (ff. 21r–98v); Neap. III.E.19; Oxon. NC 226; Par. gr. 2023, 2040, 2060; Par. suppl. gr. 333 (ff. 79r–222v); Vind. phil. gr. 206.

[3] Почерк Димитрия в Ambr. L 117 sup. идентифицировал Harlfinger 1971: 410; в Par. suppl. gr. 333 – Gamillscheg, Harlfinger 1989: 70.

ученика Халкокондила (Cammelli 1954: 82). Можно было бы предположить, что Линакр получил рукопись непосредственно от учителя и после окончания учебы в Италии увез ее в Англию. Однако история кодекса сложнее.

Рукопись представляет собой конволют, в котором две кодикологические единицы (лл. 79–162 и 163–222) переписаны Халкокондилом, а две другие (лл. 1–78 и 223–244) принадлежат перу ученого и переписчика из Константинополя Иоанна Сервопула (табл. 1)[4]. По меньшей мере с 1484 г. Сервопул находился в Англии, и, вероятно, там он и создал нынешний кодекс Par. suppl. gr. 333, добавив к ядру, переписанному Димитрием, несколько текстов, которые скопировал сам. Дело в том, что все тетради, как переписанные Халкокондилом, так и переписанные Сервопулом, снабжены сигнатурами руки этого последнего. Кроме того, филиграни тетрадей, переписанных Сервопулом, относятся к середине 1490-х гг.[5], тогда как филиграни тетрадей Халкокондила датируются 1460-ми – началом 1470-х гг. (см. раздел 3).

Поскольку в своих частях рукописи Сервопул точно повторяет мизанпаж (включая площадь текста и ширину внутреннего бокового поля) и устройство тетрадей (все квинионы) тех кодикологических единиц, которые переписаны Халкокондилом, можно утверждать, что части, переписанные Сервопулом, были созданы специально в дополнение к частям, переписанным Халкокондилом.

---

[4] Атрибуция в: Gamillscheg, Harlfinger 1989: 104. См. о нем: Harris 1995: 147–149 et passim.

[5] Водяной знак лл. 1–78, «Рука 1», очень похож на образец Piccard Hand 1420 (Гранада, 1492 г.). Знак лл. 223–244, «Рука 2», близок образцам Harlfinger Main 22 (Мессина, 1490 г.) и Main 11, 12, 17, 18 (1490–1495 гг.).

Таблица 1. Структура кодекса Par. suppl. gr. 333[6]

лл.	1–78	79–162	163–222	223–244
переписчик	Сервопул	Халкокондил	Халкокондил	Сервопул
содержание	PA	GA	Mech., IA, Sens., Mem., Somn. Vig., Ins., Div. Somn., MA	Long., Spir.
сигнатуры Сервопула	α–η	ιδ–κβ	η–ιγ	α–β
филигрань	Рука 1	Три горы 1–2	Три горы 1–2	Рука 2

Нынешнее расположение двух частей, переписанных Халкокондилом, очевидно, не соответствует исконному. Дело в том, что текст MA заканчивается на л. 222 об. – оборотной стороне последнего листа обычного квиниона, из каких состоит весь кодекс, а последняя часть текста GA переписана на единственном в кодексе бинионе, причем занимает только первые два его листа (лл. 159–160 об.), тогда как лл. 161–162 об. оставлены пустыми. Подобная ситуация, как правило, наблюдается в конце кодекса. Если бы Димитрий планировал переписывать что-либо после текста GA, он бы использовал обычный квинион вместо ненадежного биниона. Больше того, колофон Халкокондила имеется только после текста GA.

При этом к моменту попадания кодекса в руки Сервопула исконная последовательность еще не была нарушена. Об этом свидетельствуют однотипные сигнатуры, которыми он снабдил все тетради кодекса. Последовательность сигнатур в двух кодикологических единицах, переписанных Халкокондилом, не оставляет сомнений, что в руках Сервопула часть, содержащая GA (сигнатуры ιδ–κβ, т. е. 14–22), находилась *после* части с текстами от Mech. до MA (сигнатуры η–ιγ, т. е. 8–13). Таким образом, по-видимому, Халкокондил изначально создал цельную кодикологическую единицу, содержащую Mech., IA, Sens., Mem., Somn. Vig., Ins., Div. Somn., MA и GA, но впоследствии

[6] В табл. 1 и далее использованы следующие сокращенные названия трактатов аристотелевского корпуса: Col. – De coloribus, Div. Somn. – De divinatione per somnum, GA – De generatione animalium, HA – Historia animalium, IA – De incessu animalium, Ins. – De insomniis, Iuv. – De iuventute et senectute, Long. – De longitudine et brevitate vitae, MA – De motu animalium, Mech. – Mechanica, Mem. – De memoria et reminiscentia, Met. – Metaphysica, PA – De partibus animalium, Respir. – De respiratione, Sens. – De sensu et sensibilibus, Somn. Vig. – De somno et vigilia, Spir. – De spiritu.

она была разделена на две части, так что текст GA оказался расположен перед остальными трактатами.

В каждом из двух блоков, переписанных Сервопулом, нумерация сигнатур независимая, от α до η (1–8) и от α до β (1–2). Поскольку первая из тетрадей с текстом Mech. обозначена сигнатурой η, т. е. 8, можно заключить, что перед этой частью должна была находиться какая-то другая, состоявшая из семи тетрадей. При этом ни одна из частей, переписанных Сервопулом, не состоит из семи тетрадей. Значит, после того как Сервопул снабдил сигнатурами рукопись, переписанную Халкокондилом, от нее был отделен первый блок, состоявший из семи тетрадей: он предшествовал тексту Mech. и, возможно, был также переписан Халкокондилом.

2.

Рукопись Ambr. L 117 sup. обнаруживает близкое сходство с Par. suppl. gr. 333 по целому ряду кодикологических параметров, причем эти рукописи выделяются из всех остальных, переписанных Халкокондилом. Важная общая характеристика – одинаковая площадь текста, необычно большая для кодексов Димитрия – 190x115 мм[7]. В обеих рукописях также необычно расположение инициалов: как правило, Димитрий добавлял их на поле, однако в этих кодексах для инициалов оставлено место в теле текста. Особенно важно, что бумага миланского кодекса содержит филигрань, встречающуюся также в парижском, но не засвидетельствованную в других известных кодексах Халкокондила[8].

Итак, очевидно, парижский и миланский кодексы должны иметь общее происхождение. Поскольку в Ambr. L 117 sup. текст PA представляет собой отдельную кодикологическую единицу и занимает ровно семь тетрадей (табл. 2), можно предположить, что эти тетради побывали в руках Сервопула и от

[7] В большинстве его рукописей площадь текста составляет 150–170 x 70–90 мм.

[8] Филигрань «Три горы 2», см. раздел 3. Одинакова также разлиновка: она выполнена с помощью tabula ad rigandum по схеме Леруа 20D1 (Мюзерель 2–2/0/0/J), на каждом листе отдельно, с оборотной стороны. Впрочем, все эти параметры разлиновки свойственны большинству кодексов Халкокондила. Разлиновка двух кодексов различается только количеством строк: в Par. suppl. gr. 333 размечено 26 строк, а в Ambr. L 117 sup. 26 строк в первых трех тетрадях и 27 – в остальных (см. раздел 3).

них-то он и вел отсчет, когда обозначил первую тетрадь Mech. в Par. suppl. gr. 333 сигнатурой 8 (η)[9].

Таблица 2. Структура кодекса Ambr. L 117 sup.

лл.	1–30	31–114	115–171
переписчик	Халкокондил	Халкокондил	Халкокондил
содержание	Met. (тетради 1–3)	Met. (тетради 4–14)	PA
филигрань	Три горы 2	Две стрелы	Две стрелы

3.

Если принять эту гипотезу, попробуем выяснить, в какой последовательности Халкокондил переписывал трактаты, ныне составляющие миланский и парижский кодексы. Для этого изучим подробнее водяные знаки той части Par. suppl. gr. 333, которая переписана Халкокондилом. В ней использованы два вида бумаги с филигранями «Три горы» (табл. 1). Филигрань «Три горы 1» очень похожа на образец Briquet 11883 (Падуя, 1460 г.)[10]. Знак «Три горы 2» очень похож на Piccard online 150347 и 150349 (Флоренция, [1465 г.]), а также 150317 (Венеция, 1471). Как уже было отмечено выше, бумага «Три горы 2» появляется и в Ambr. L 117 sup., при этом не засвидетельствована в других кодексах Димитрия.

Первая кодикологическая единица миланской рукописи (лл. 1–114) содержит Met. и состоит из четырнадцати тетрадей, первые три из которых переписаны как раз на бумаге «Три горы 2», а остальные одиннадцать – на бумаге с филигранью «Две стрелы», очень похожей на Piccard online 123344, 123355 (Констанц, 1461; s. l., 1462) и 123362, 123351 (Венеция, 1471; s.l., <1464>)[11]. Вторая кодикологическая единица, с текстом PA, пе-

[9] Можно было бы ожидать, что в этих семи тетрадях миланского кодекса обнаружатся сигнатуры α–ζ руки Сервопула, однако их следов нет. Это может быть связано с тем, что листы кодекса были обрезаны при очередной смене переплета: при одинаковой ширине миланский кодекс на 9 мм ниже парижского.

[10] А также на Piccard online 153663 (Падуя, 1429 г.), однако в силу хронологической удаленности это сравнение нерелевантно.

[11] В рукописи Par. gr. 2770 бумага с этой филигранью «Две стрелы» используется вместе с бумагой «Орел», похожей на Briquet 82 (Удине, 1479 г.).

реписана целиком на бумаге со знаком «Две стрелы» (табл. 2). Любопытно, что все тетради из бумаги «Две стрелы» представляют собой кватернионы и разлинованы по 27 строк, тогда как тетради из бумаги «Три горы» – и в Ambr. L 117 sup., и в Par. suppl. gr. 333 – квинионы и имеют по 26 строк на листе.

Разумеется, разные партии бумаги могли использоваться вперемешку, но все же как показывает осмотр большинства его рукописей, Халкокондил чаще употреблял тот или иной тип бумаги непрерывно. Поэтому следует предположить, что он переписал миланский кодекс после парижского (возможно, непосредственно следом за ним), когда у него еще оставалось небольшое количество бумаги «Три горы 2». Видимо, Димитрий хранил ее заранее разлинованной и сложенной в квинионы. Ее оказалось достаточно для создания первых трех тетрадей Ambr. L 117 sup., а для дальнейших тетрадей Халкокондил воспользовался бумагой уже из другой партии, с филигранью «Две стрелы».

Итак, он переписал три кодикологические единицы в такой последовательности (табл. 1–2): A) Mech., IA, Sens., Mem., Somn. Vig., Ins., Div. Somn., MA, GA [15 тетрадей]; B) Met. [14 тетрадей]; C) PA [7 тетрадей].

4.

Теперь сопоставим результаты кодикологического исследования Par. suppl. gr. 333 и Ambr. L 117 sup. с известными данными об их положении в стеммах рукописей соответствующих трактатов.

Mech. в Par. suppl. gr. 333 является прямым и чрезвычайно точным списком кодекса Matr. 4563 (Bottecchia 1982: 70–74, 88, 90). Если учесть, что в Matr. 4563 текст Mech. расположен в той части (лл. 135–339), которая переписана Константином Ласкарисом в Мессине в 1470 г.[12], получаем terminus post quem копирования Mech. Халкокондилом. Мадридская рукопись хранилась в Мессине до конца XVII в. (De Andrés 1987: 37), так что, видимо, Ласкарис только на время посылал ее в Падую или Флоренцию, где Димитрий жил в 1470-е гг.

Что касается текста IA в Par. suppl. gr. 333, Фр. Бергер считает его апографом утраченной рукописи ς, которая, вероятно, была создана на рубеже XIV и XV вв. и являлась частичным списком кодекса Par. gr. 1921 (XIV в.). По ее мнению, к ς

[12] На л. 339v имеется подпись Ласкариса с указанием года и города.

восходит также текст IA в Par. suppl. gr. 332 и в Vat. Pal. gr. 97 (Berger 1993: 32–33, 42). Подобную ситуацию Анхель Эскобар реконструирует в отношении Ins.: по его мнению, этот трактат в Par. suppl. gr. 333 происходит от того же антиграфа, к которому восходят Par. suppl. gr. 332 и Vat. Pal. gr. 97; этот антиграф, в свою очередь, является «племянником» кодекса Laur. Plut. 81.1 (Escobar 1990: 163–166). Что касается текста GA в Par. suppl. gr. 333, Карл Эдуард Биттерауф сообщает, что пятая книга близка кодексу Par. gr. 1921 и еще более – Par. gr. 1853, однако не списана напрямую ни с того, ни с другого. Остальные четыре книги восходят к кодексу, который в стемме приходится «братом» Laur. Plut. 81.1 (Bitterauf 1913: 26, 1914: 8).

Можно предположить, что промежуточное звено, существование которого независимо постулируется в этих работах по рукописной традиции разных трактатов, – это одна и та же рукопись (назовем ее ς вслед за Бергер и Эскобаром). Содержавшиеся в ς тексты GA, IA, Somn. Vig., Ins. и Div. Somn. были скопированы из разных источников, к которым относятся, по-видимому, Par. gr. 1921 (возможно также Par. gr. 1853) и неизвестный «брат» кодекса Laur. Plut. 81.1.

Павел Сивек, исследовавший рукописное предание Sens. и Mem., не рассматривает Par. suppl. gr. 333, но считает, что в Par. suppl. gr. 332 и Vat. Pal. gr. 97 текст этих трактатов восходит через некое промежуточное звено к Vat. Urb. gr. 37 (Siwek 1961: 59, 98–99, 146). Вероятно, это промежуточное звено также можно отождествить с кодексом ς.

Текст Met. в Ambr. L 117 sup. скопирован, вероятно напрямую, с кодекса Vind. phil. gr. 64, который был создан в 1457 г. в окружении кардинала Виссариона (Bernardinello 1970: 66; Harlfinger 1979: 26–27).

Что касается MA и PA, исследователи этих трактатов не рассматривали Ambr. L 117 sup. и переписанную Димитрием часть Par. suppl. gr. 333. Принимая во внимание нашу гипотезу об общей природе двух кодексов, можно предположить, что MA в парижской рукописи восходит к Vind. phil. gr. 64 или одному из антиграфов ς: «брату» Laur. Plut. 81.1, Par. gr. 1853 или Par. gr. 1921[13]. Пробная колляция пассажа 703b29–704b3

[13] Текст MA присутствует и в Matr. 4563, но не в той кодикологической единице, которую переписал Ласкарис, поэтому возвести текст MA в Par. Suppl. gr. 333 к этому кодексу труднее; в Urb. gr. 37 MA отсутствует.

(конец MA) показала, что текст в Par. suppl. gr. 333 не может восходить ни к Vind. phil. gr. 64, ни к Par. gr. 1921, ни к Par. gr. 1853 и относится, вероятно, к семейству b. Поскольку в это семейство входит Laur. Plut. 81.1 (Nussbaum 1976: 124–125), можно предварительно предположить, что непосредственным антиграфом MA в Par. suppl. gr. 333 является все тот же кодекс ς, а в нем MA скопирован из неизвестного «брата» Laur. Plut. 81.1.

5.

Итак, после 1470 г. и, судя по филиграням, вряд ли позже конца десятилетия Халкокондил переписал из разных источников три кодикологические единицы A–C (см. в конце разд. 3).

Сначала в его руки попал кодекс Matr. 4563, который в тот момент, вероятно, включал лишь нынешние лл. 135–339. Из него Димитрий скопировал Mech. на двух тетрадях бумаги «Три горы 1» и «Три горы 2». Затем, еще в Падуе или, вероятнее, после переезда во Флоренцию в 1475 г., он получил утраченную ныне рукопись ς. Поскольку один из антиграфов ς, Par. gr. 1921, принадлежал учителю Димитрия Феодору Газе, ς могла также иметь отношение к библиотеке этого последнего. Собрание рукописей Газы после его смерти в 1476 г. попало во Флоренцию – если и не прямо к Димитрию, как завещал Газа, то в библиотеку Медичи (Воробьев 2015: 59). Возможно, по той же ς Халкокондил правил затем HA в Vat. Urb. gr. 39[14].

Димитрий начал переписывать трактаты из ς (IA, Sens., Mem., Somn. Vig., Ins., Div. Somn., MA и GA) на остававшихся свободными листах второй, последней тетради Mech. и продолжил, добавив еще тринадцать тетрадей той же бумаги «Три горы 1» и «Три горы 2».

Затем на остатках бумаги «Три горы 2» он начал копировать из Vind. phil. gr. 64 текст Met., перейдя после первых трех тетрадей на бумагу «Две стрелы». Венский кодекс принадлежал Феодору Газе (Harlfinger 1979: 25) и мог попасть в руки Халкокондила одновременно с кодексом ς. В Vind. phil. gr. 64 текст PA скопирован непосредственно перед Met., а в Ambr. L 117 sup. Met. и PA написаны на одинаковой бумаге «Две стрелы», поэтому можно было бы предположить, что текст PA, как и

[14] Утраченная рукопись X, использованная Димитрием при правке HA в Urb. gr. 39, видимо, также скопирована с Par. gr. 1921 (Воробьев 2015: 63). Установленная Бергер на материале IA связь Par. suppl. gr. 333 с Par. gr. 1921 через посредство ς подтверждает это предположение и позволяет гипотетически отождествить X и ς.

Met., переписан Димитрием из венского кодекса. Однако наличие пустых листов в конце последней тетради Met. в Ambr. L 117 sup. и, напротив, добавление одного листа для окончания текста в последней тетради PA указывает, что эти трактаты были переписаны независимо друг от друга: во всяком случае Димитрий не собирался сплетать их вместе. Поэтому нельзя утверждать с уверенностью, что и PA был переписан из венской рукописи. Не исключено, что текст PA присутствовал также в ς, откуда и был переписан Халкокондилом, ведь Par. gr. 1853 и Par. gr. 1921 – предположительные антиграфы других имевшихся в ς трактатов – включают и текст PA; PA содержится также в Laur. Plut. 81.1, а значит, возможно, присутствовал и в его утраченном «брате» – еще одном антиграфе ς.

Получившиеся три блока Халкокондил не переплетал в единый кодекс. Блоки A и C попали в руки Иоанна Сервопула, который снабдил их сплошной серией сигнатур, причем установил семь тетрадей C перед A. Затем по какой-то причине он вернул блок C Димитрию, а с блоком A до 1484 г. уехал в Англию. Там, вероятно в 1490-е гг., он добавил к блоку A Халкокондила свои два, имитируя его мизанпаж и устройство тетрадей. Во-первых, Сервопул восстановил блок C, содержавший PA: скопированный почерком, менее компактным, чем почерк Халкокондила, текст занял уже не семь кватернионов, а семь квинионов и один кватернион[15]. Во-вторых, Сервопул добавил к трактатам «Parva naturalia» еще два: Long. и Spir. Можно предположить, что именно это добавление стало причиной изменения исконного порядка частей, ведь Long. должен был примыкать к другим трактатам из «Parva naturalia», а не предшествовать тексту Mech. Видимо, сам Сервопул и переставил части вопреки собственноручно добавленным ранее сигнатурам.

Наверное, именно в таком виде конволют попал в руки Томаса Линакра; возможно, он был создан Сервопулом как раз по его заказу. К концу XVI в. рукопись оказалась в библиотеке Собора Парижской богоматери, откуда впоследствии перешла в фонд Французской национальной библиотеки.

[15] По мнению Пьера Луи, текст PA в Par. suppl. gr. 333 частично скопирован с кодекса IX в. Oxon. CCC 108 (Louis 1956: xxxvi–xxxvii). Это подтверждает гипотезу о создании Сервопулом кодекса уже на Британских островах, ведь Oxon. CCC 108 попал в Англию, судя по всему, не позже XIII в. (Wilson 2011: 21).

Что до блоков B (Met.) и C (PA), оставшихся в руках Халкокондила и сформировавших нынешний кодекс Ambr. L 117 sup., то их попадание в Амброзианскую библиотеку свидетельствует о том, что Халкокондил держал их при себе по меньшей мере до переезда в Милан в 1491 г., а возможно, и до самой смерти в Милане. Трудно сказать, когда два блока были переплетены в единый кодекс (очевидн, не позже XVI в.), но в любом случае B и C через промежуточного владельца попали к миланскому гуманисту Марко Антонио Майораджо (1514–1555), чье книжное собрание позже вошло в состав Амброзианской библиотеки.

Можно надеяться, что гипотеза о составе утраченной рукописи ς и о ее связи с Феодором Газой, а также предложенная реконструкция истории кодексов Ambr. L 117 sup. и Par. suppl. gr. 333 поспособствуют уточнению нижней части стемм содержащихся в них трактатов и помогут лучше изучить роль Газы и Халкокондила в циркуляции греческих рукописей. В дальнейшем мы надеемся произвести пробную колляцию MA в Par. suppl. gr. 333 с Laur. Plut. 81.1 и PA в Ambr. L 117 sup. с Laur. Plut. 81.1, Par. gr. 1853, Par. gr. 1921 и Vind. phil. gr. 64, а также исследовать переписанный Димитрием кодекс Oxon. NC 226: вероятно, анализ этой рукописи, содержащей похожий набор трактатов[16], поможет уточнить историю кодексов Par. suppl. gr. 333 и Ambr. L 117 sup.

Литература

Berger, F. 1993 Bemerkungen zur Überlieferungsgeschichte der aristotelischen Schrift *De incessu animalium*. In: F. Berger u. a. (Hrsg.). *Symbolae Berolinenses: für Dieter Harlfinger*. Amsterdam: Hakkert, 23–42.

Bernardinello, S. 1970: *Eliminatio codicum della* Metafisica *di Aristotele*. Padova: Antenore.

Bitterauf, K.E. 1913: *Der Schlußteil der aristotelischen Biologie*. Beiträge zur Textgeschichte und Textkritik der Schrift *De generatione animalium*. Kempten: [Himmer].

Bitterauf, K.E. 1914: *Neue Textstudien zum Schlußteil der aristotelischen Biologie*. Kempten: Kösel.

Bottecchia, E. 1982: *Aristotele, Μηχανικά: tradizione manoscritta, testo critico, scolii*. Padova: Antenore.

Cammelli, G. 1954: *Demetrio Calcondila*. Firenze: Le Monnier.

[16] Sens., Mem., Somn. Vig., Ins., Div. Somn., MA, GA, IA, Long., Iuv., Respir. и Col., причем текст Ins. восходит к Vind. phil. gr. 64 (Escobar 1990: 154–155), а IA – к ς (Berger 1993: 32–33).

De Andrés, G. 1987: *Catálogo de los códices griegos de la Biblioteca Nacional*. Madrid: Ministerio de cultura, Dirección general del libro y bibliotecas.

Escobar, A. 1990: *Die Textgeschichte der aristotelischen Schrift Περὶ ἐνυπνίων*. Ein Beitrag zur Überlieferungsgeschichte der *Parva naturalia*. Inauguraldissertation zur Erlangung des Doktorgrades. Berlin: Freie Universität Berlin.

Gamillscheg, E., Harlfinger, D. 1989: *Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600*. Teil 2A. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Harlfinger, D. 1971: *Die Textgeschichte der pseudo-aristotelischen Schrift Περὶ ἀτόμων γραμμῶν*. Amsterdam: Hakkert.

Harlfinger, D. 1979: Zur Überlieferungsgeschichte der *Metaphysik*. In: P. Aubenque (ed.). *Études sur la* Métaphysique *d'Aristote* (Actes du VIe Symposium Aristotelicum). Paris: J. Vrin, 7–36.

Harris, J. 1995: *Greek émigrés in the West 1400–1500*. Camberley: Porphyrogenitus.

Louis, P. 1956: Introduction. In: *Aristote. Les parties des animaux*. Texte établi et traduit par P. Louis. Paris: Les belles lettres, v–xl.

Nussbaum, M. 1976: The text of Aristotle's *De motu animalium*. *Harvard studies in classical philology* 80, 111–159.

Petrucci, A. 1973: Calcondila, Demetrio. In: *Dizionario biografico degli italiani*. Vol. 16. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 542–547.

Siwek, P. 1961: *Les manuscrits grecs des* Parva naturalia *d'Aristote*. Roma, Paris, Tournai, New York: Desclée etc.

Vorobyev, G.M. 2015: Iz rukopisnogo naslediya Dimitriya Khalkokondila [From the handwritten heritage of Demetrius Chalkondyles]. In: Gerd L.A. (ed). *Spicilegium Byzantino-Rossicum*. Moscow: Indrik, 59–65.

Воробьев, Г.М. 2015: Из рукописного наследия Димитрия Халкокондила. Глоссы к тексту «Истории животных» Аристотеля в рукописи Vat. Urb. gr. 39. В сб.: Л.А. Герд (ред.) *Spicilegium Byzantino-Rossicum. Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента РАН И.П. Медведева*. М.: Индрик, 59–65.

Wilson, N. 2011: *A descriptive catalogue of the Greek manuscripts of Corpus Christi College, Oxford*. Cambridge: Brewer.

G. M. Vorobyev. Codicological remarks on two manuscripts of Aristotle copied by Demetrius Chalkondyles

Identical physical features, unnoticed by scholars, of two manuscripts copied by Demetrius Chalkondyles, Par. suppl. gr. 333 and Ambr. L 117 sup., suggest the possibility of their common origin. The results of a codicological analysis of the manuscripts, compared with the available information about the textual tradition of their contents, make it possible to reconstruct the history of the both books. In the 1470s, Chalkondyles copied *Mech.* (Par. suppl. gr. 333, ff. 163–176) from Matr. 4563. Then he transcribed *IA*, *Somn. Vig.*, *Ins.*, *Div. Somn.*, *MA*, *GA* and most probably *Sens.* and *Mem.* (Par. suppl. gr. 333, ff. 79–162, 177–222; together with

Mech. this part makes up the codicological block A) from the *deperditus* ς, which had been once copied from Par. gr. 1921, Par. gr. 1853, Vat. Urb. gr. 37 and a brother-manuscript of Laur. Plut. 81.1. Since Par. gr. 1921 is known to have belonged to Theodore Gaza, whose library arrived to Florence soon after 1476, ς may have been connected to this humanist. Afterwards Demetrius copied *Met.* (Ambr. L 117 sup., ff. 1–114: block B) from Vind. phil. gr. 64. *PA* (Ambr. L 117 sup., ff. 115–171: block C) could have been copied from ς or rather from the Viennese codex. The blocks A and C got into the hands of John Servopulos who provided them with signatures; later on, he returned C to Demetrius and before 1484 took A to England. There, most probably in the 1490s, he supplemented A with two further blocks, containing *PA*, *Long.* and *Spir.* (Par. suppl. gr. 333, ff. 1–78, 223–244), which he copied himself following the page design and quire type of A; he also moved Chalkondyles' quires containing GA from the end of A to its beginning. The owner and maybe commissioner of this compound codex was Thomas Linacre. In the meantime, the blocks B and C had remained in Demetrius' hands at least until his move from Florence to Milan in 1491. At some moment in the 15th or 16th c. they were bound to make up the codex Ambr. L 117 sup.

Keywords: Aristotle, manuscript tradition, codicology, watermarks, Demetrius Chalkondyles, John Servopulos, Theodore Gaza, Thomas Linacre.

Natalija Ganina

BARDEWIKSCHER CODEX: PROBLEMSTELLUNGEN UND PERSPEKTIVEN DER FORSCHUNG[1]

Кодекс Бардевика – уникальная рукопись любекского права, созданная в 1294 г. по поручению Альбрехта фон Бардевика, главы любекской канцелярии, с 1308 г. – бургомистра Любека. Кодекс, отличающийся красотой художественного оформления, имеет большое значение для средневековой немецкой правовой традиции и культуры. Кодекс Бардевика, со второй половины XX в. считавшийся утраченным, был обнаружен и атрибутирован Н. А. Ганиной и И. П. Мокрецовой в собрании «Музеев города Юрьевца». Открытие позволяет обратиться к всестороннему изучению рукописи на новых основаниях с учетом теоретических достижений современной германистики. В статье обсуждаются основные проблемы исследования кодекса в контексте рукописной традиции любекского права конца XIII–XIV вв. и перспективы издания и реставрации рукописи.

Ключевые слова: кодекс Бардевика, Любек, любекское городское право, средневековые немецкие рукописи.

Die Wiederentdeckung einer auf das Jahr 1294 datierten Prachthandschrift des Lübecker Stadtrechts, des Bardewikschen Codex (B; Jurjewetz, ‘Museen der Stadt Jurjewetz’, früher Lübeck, Stadtarchiv, Hs. 734)[2] gibt einen Anstoß zur Erforschung der Lübecker Rechtscodizes und bietet neue Problemstellungen und Perspektiven. Der im Auftrag des Lübecker Kanzlers (seit 1308 des Bürgermeisters) Albrechts von Bardewik angefertigte Codex galt seit 1945 als verschollen und war nur nach der Edition Johann Friedrich Hachs (Hach 1839) und nach einigen Abbildungen bekannt. In der Forschung der 2. Hälfte des 20. Jahrhunderts, vor allem in der maßgeblichen Edition des ‘Lübischen Rechts’ von Gustav Korlén (Korlén 1951) konnte die Handschrift nicht direkt berücksichtigt werden. Jedoch stellten theoretische Fortschritte der modernen Germanistik und Rechtsgeschichte die Forschungsansätze für künftige Erfassung des Codex bereit (Korlén 1945; Korlén 1951; Ebel 1971; Schneider 1987; Peters 1988; Wolf 2008; Greule 2012; Theiß, Wolf 2013; Wallmeier 2013).

---

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-06-00123.

[2] Siehe Ganina, Mokretsova 2016; 2016a. Der Stadtname wird in deutscher Literatur als ‘Jurjewetz’/‘Jurjewez’ transliteriert.

Zu den vordringlichsten Forschungsaufgaben nach der Entdeckung des Codex gehörten der materielle Befund im Vergleich zu den früheren Angaben (Hach 1839: 56–66; Archivbeschreibungen 1906 und 1936) und eine neue revidierte Beschreibung, in der auch die Identifizierung der dem Codex beigehefteten Urkundenabschriften und Fragmente geboten wurde (Ganina, Mokretsova 2016; 2016a). Von Bedeutung für weitere Behandlung des Codex sind einerseits die Feststellung, dass er sich in gutem Erhaltungszustand befindet und keine inhaltlichen Lücken aufweist, andererseits der Verlust seines ursprünglichen mit Leder bezogenen Holzeinbandes. Die Buchmalerei des Codex ist eine Entdeckung an sich, denn eine knappe Auswertung aus dem 19. Jahrhundert mit einigen schwarzweißen Abbildungen (Hasse 1897, Tafel A-C) konnte keinen richtigen Eindruck von der überaus schönen künstlerischen Ausstattung vermitteln. Das gilt besonders für die romanischen Initialen, die den größten Teil des Codex (bis zum Bl. 53r) verzieren.[3]

Ein reiches Forschungsfeld bildet das Problem der Schreiberhände, das den Codex in den Kontext der Lübecker Rechtsüberlieferung des ausgehenden 13.-14. Jahrhunderts neu einführen lässt. Durch den Schriftvergleich wird vor allem die Annahme Korléns (Korlén 1951:16f.) bestätigt, dass der Hauptschreiber des Bardewikschen Codex (Hand 1, Ende des 13. Jahrhunderts) mit dem Hauptschreiber des Kopenhagener Codex des 'Lübischen Rechts' (Kp; Kopenhagen, Danske Kongelige Bibliotek, Cod. Thott. 1003, 4°, i. J. 1294/1295) identisch ist.[4] Weiterhin stellt es sich heraus, dass dieselbe Hand in der Lübecker Ratshandschrift (Ki;'Lübecker Kanzleicodex'; Kiel, Stadtarchiv, 79413, früher ohne Signatur, um 1282) bezeugt ist, und zwar in den Art. 170–237. Diese Hand in Ki wurde bei Korlén als 'Hand 2' bezeichnet (Korlén 1951:19), während die Schreiberidentität mit Hand 1 in B und Kp damals noch unbekannt blieb.

Auf späteren Stufen der Herstellung und Redigierung von Ki und B ist ein Schreiber mehrmals bezeugt, der als Lübecker Domvikar Helmich Timmo (1340er/1350er-Jahre) identifizieren werden kann. Dieser Schreiber nennt sich in dem von ihm angefertigten ersten 'Tidemann-Güstrowschen Codex' (T^1; Kopenhagen, Danske Kongelige Bibliotek, Cod. Ledreborg 13, 2°, i. J. 1348 im

[3] Die Blattzahlen werden im Folgenden nach der heutigen Nummerierung (Ganina, Mokretsova 2016) zitiert.

[4] Für freundliche Hilfe habe ich Karl-Henrik Lund (Roskilde) zu danken.

Auftrag des Lübecker Bürgermeisters Tidemann Güstrow) *helmicus thymmonis en vicarius in der kerken to deme Dome* (T^1, Kolophon in Rot, Bl. 12r). Von ihm stammt auch das Zwillingsexemplar derselben Handschrift, der zweite 'Tidemann-Güstrowsche Codex' (T^2; Lübeck, Stadtarchiv, Hs. 735, verschollen; Korlén 1951: 23). Helmich Timmo wurde bei Korlén als 'Hand 8' in Ki bezeichnet (Art. 250–257 und Register, vgl. Hach 1839: 64), wobei die von dieser Hand durchgeführte inhaltliche Redigierung im Art. 64 von Ki und weitere Korrekturen hervorgehoben wurden (Korlén 1951: 19). Die Untersuchung zeigt, dass auch die Art. 238f. in Ki von dieser Hand stammen.

Helmich Timmo ('Hand 2' mit den spitzwinkligen *v* und *w*) war an B ab den Art. 230f. (Bl. 55ra)[5] beteiligt, seine Hand lässt sich auch in den parallel zu Ki 64 eingetragenen Korrekturen in B 9 erkennen (zum Inhalt s.u.). Von Timmo wurde auch das erste (neue) Register mit römischen Zahlen in B (Bl. 74va-80vb) geschrieben,[6] vgl. die Schrift der Register in Ki und T^1. Dass die Artikelnummern mit römischen Zahlen in schwarzer Tinte am Rande in B von derselben Hand stammen, wurde bereits bei Hach beobachtet (Hach 1839:60). Jetzt wird offensichtlich, dass die Artikelnummern in Ki ihnen identisch sind. Der weitere Vergleich zeigt, dass die Ratswahlordnung in B (Bl. 94vb-95rb) und Ki von der gleichen Hand abgeschrieben wurde, und zwar von Helmich Timmo. Korlén meinte, dass bei der Abschrift der Ratswahlordnung in Ki eine andere Hand aus dem späten 13. Jahrhundert als 'Hand 8' um 1350 (Helmich Timmo) beteiligt wäre. Am ehesten handelt es sich nur um die zeitliche Distanz, weil die Abschriften der Ratswahlordnung in B und Ki der Schrift der von Timmo zusammengestellten Register in B, Ki und T1 durchaus vergleichbar sind. Dies alles weist auf aktive Beteiligung des Lübecker Domvikars Helmich Timmos an der Gestaltung von Ki und B hin, der beide Codizes fortsetzte und parallel redigierte.

Die Schriftuntersuchung von B lässt einen weiteren nicht unbedeutenden Schreiber aufspüren, der weiterhin als 'Hand 3' zu bezeichnen ist. Typisch für diese Hand sind schmale Buchstaben, die weich abgerundeten *v* und *w*, der zierliche untere Haarstrich des *h* und die ligaturenartigen *tt* und *pp*. Von dieser Hand wurden die

[5] Vgl. eine vorläufige Einschätzung bei Ganina, Mokretsova 2016: 55: „ab Art. 232".

[6] Dieses Register stimmt inhaltlich mit dem Register von Ki überein und passt nicht zu den Überschriften der Artikel von B, sondern zu denen von T^1 und T^2 (Hach 1839: 60).

Überschriften zu den Art. 228, 229, 232, 233 und 235 ausgeführt (der Text der Artikel jedoch von Helmich Timmo), Art. 234, 236 und 237 mit den Überschriften, das zweite (alte) Register mit gotischen Buchstaben in B (Bl. 84va-87vb, außer drei Rubriken auf Bl. 87vb) und die Paginierung mit kleinen gotischen Initialen in roter Tinte am oberen Rande in B. Von 'Hand 3' kann auch in der nur in B erhaltenen Abschrift des Ratseids (Bl. 95rb)[7] mit Sicherheit identifiziert werden. Dies lässt die Annahme der früheren Forschung revidieren, dass beide Abschriften von derselben Hand sind (Højberg Christensen 1918: 48; Korlén 1945: 159f). Die Abschrift der Ratswahlordnung stammt von Helmich Timmo, während 'Hand 3' bei der Abschrift des Ratseids sowie in den späteren Artikeln des B als ein 'Gefolgsmann' des Domvikars vorkommt. Die Erwägungen zur sprachlichen Problematik der Ratswahlordnung und des Ratseids (Korlén 1945: 159f.) können in diesem Zusammenhang präzisiert werden.

Diese Beobachtungen verleihen den Beziehungen der Lübecker Rechtshandschriften neue Dimensionen.[8] Korlén hatte völlig recht, als er die Idee zeitlicher Weiterführung der Codizes im seinem Stemma des 'Lübischen Rechts' ausdrücklich betonte (Korlén 1951: 42). Ausführliche Untersuchungen der Schreiberhände in den Lübecker Codizes aus dem 13.-14. Jahrhundert können weitere Nachweise dafür erbringen.

Der auf die 1280er-Jahre datierte Ki wird in der Forschung als Vorlage von B angesehen (Korlén 1951: 42, 136, Ebel 1971: 204). In der kritischen Ausgabe des 'Lübischen Stadtrechts' wurde Ki zur Leithandschrift gewählt (Korlén 1951: 82–188). Da B damals unzugänglich war, wurde er in den Apparat nicht aufgenommen, obwohl Korlén die Edition Hachs (Hach 1839: 246–376) in seiner Konkordanztafel und in den Angaben der Parallelstellen berücksichtigt hat (Korlén 1951: 26–32, 82–188). Die Überlieferungszusammenhänge des B können nach der Zusammenstellung Korléns geklärt werden, in der die Lesarten des Elbinger (Danzig/Gdańsk, Wojewódzkie Archiwum Panstwowe, 369, 1/1, früher Elbing / Elbląg, Stadtarchiv, ohne Sign. [1], ca. 1275), Revaler (Tallinn, Tallinna Linnaarhiiv, f. 230 Cm 6, i. J. 1282), Kieler (Ki) und Kopenhagener Codex (Kp) berücksichtigt werden (Korlén 1951: 36–

[7] Den neuen Abdruck des Ratseids siehe bei Ganina, Mokretsova 2016b: 64.
[8] Zu den Schreiberhänden siehe ausführlicher Ganina 2017, in Vorbereitung.

41). Der Vergleich der Lesarten nach der Handschrift des B zeigt, dass B in überwiegender Anzahl der Fälle Ki folgt und meistens nur durch die Orthographie von B bedingten Varianten aufweist (Ganina 2017, in Vorbereitung).

Die Heranziehung von B zum Verzeichnis der Lesarten lässt markante Fälle der Redigierung beider Codizes auffinden. So wird bei Korlén hervorgehoben, dass Ki im Art. 64 nach Ausweis von Kl (Kolberg, Ratsarchiv, verschollen; i. J. 1297) ursprünglich mit E und R übereinstimmt hatte, aber danach von 'Hand 8' korrigiert wurde, während Kp eine individuelle Variante bietet (Korlén 1951:38). Der Art. 64 in Ki lautet wie folgt (unterstrichen wird die Korrektur von 'Hand 8', d.h. von Helmich Timmo):

De twe echte wif nimt

*Nimt ienech man hir en echte wif. de anders war en echte wif heuet. vn*de *de gelaten heuet. wert he des vor wunnen. he schal* dat wedden vnde beteren mit sineme hôghesten. vnde se scal nomen to#e vôrdele al dat gût dat se to eme ghebracht. Vôrtmer scal se nemen de helfte des mannes gûdes. Des ghelyk scal dat recht gan mit ener vrowen. de vôrwunnen wert mit twen echten mannen.[9]

Der Parallelartikel 9 in B sieht folgendermaßen aus (unterstrichen wird die spätere Korrektur auf Rasur):

De twe echte wif nimpt

Nimt ienech man hir en echte wif. de anders war en echte wif heuet. vnde de ghelaten heuet. wert he des vor wunnen. he schal dat wedden vnde beteren mit sime hoghesten. vnde se schal nemen to vordele al dat ghut. dat se to eme brachte. vort mer schal se nemen de helfte des mannes ghudes. Des ghelyk scal dat recht gan mit ener vruwen. de vorwunnen wert. mit twen echten mannen (Bl. 2v)

Diese Redigierung in B lässt die Hand Helmich Timmos erkennen, wofür besonders das typische spitzwinklige *v* in *vnde beteren* spricht. Der Beleg lässt schließen, dass Helmich Timmo diesen Artikel in der Lübecker Ratshandschrift Ki korrigiert hat und in B aus Ki übernommen. In seinem Nachtrag in B folgt Timmo der Orthographie der Handschrift: Er verwendet die für B übliche Schreibung *gh* gegenüber *g* in Ki und im Unterschied zu seinem Nachtrag in Ki benutzt hier keine Diakritika und ahmt gewissermaßen die Schrift von Hand 1 nach. Mit Rücksicht darauf, dass Helmich Timmo in Ki und in den Nachträgen in B die Diakritika häufig verwendet (zu Ki vgl. Korlén 1951: 45f.), kann

[9] Zitiert nach Korlén 1951: 101. Die spätere Korrektur wird dort in kleinerer Schrift markiert.

man vermuten, dass er bei der Redigierung des Art. 9 am Anfang von B das ganze 'Layout' des Codex behalten wollte. Nur die Form *scal* gegenüber *schal* in B verrät den Eingriff des späteren Schreibers. Insgesamt ist die Korrektur so schonend, dass sie vom ursprünglichen Text nur durch die Rasur absticht.

Die entsprechende Stelle in Kp 62 lautet: *[he schal] der lesten vortien. vn*de *de schal sines vortien. vn*de *se schal nemen to vordele al dat gut. dat se to eme brachte. vortmer schal se nemen de helfte des mannes gudes. De man scal oc beteren d*er *stat. vn*de *deme richte sine bosheit. mit tein marken suluers. ne heuet he der nicht. men schal ene setten up den schuppestol. vn*de *schal ene wisen vt der stat.*[10] Mit Korlén: „Kp steht also hier allein mit dem Zusatz *unde schal ene wisen ut der stat* und hat wie in Art. 2 *setten up den schuppestol* für *werpen in den schuppestol*" (Korlén: 1951:38), „E, R, Kl wie Kp, doch fehlt *ene wisen vt der stat*, und für *setten up* steht *werpen in*." (Ibid.: 101).

Daraus ergibt sich, dass die Wendung *werpen in* (E, R und Kl) im Vergleich zu *setten in* (Kp, 1294/1295) zur älteren Überlieferungsstufe gehört. Der ausradierte Text in B 9, dessen Spuren auf Bl. 2v noch zu beobachten sind, kann so rekonstruiert werden: <*der lesten vortien. vnde de schal sines vortien*> (Bl. 2va) [...] <*De man schal oc beteren der stat. vnde deme richte sine bosheit. mit tein marken suluers.*> *ne heuet he der nicht. men schal ene werpen in den schuppe stol.* (Bl. 2vb)[11] Die ursprüngliche Redaktion des Art. 9 in B (E, R, Kl, Ki Hand 1, B Hand 1) dürfte wie folgt aussehen: *Nimt ienech man hir en echte wif. de anders war en echte wif heuet. vnde de gelaten heuet. wert he des vor wunnen. he schal der lesten vortien. vnde de schal sines vortien. vnde se schal nemen to vordele al dat gut. dat se to eme brachte. vortmer schal se nemen de helfte des mannes gudes. De man schal oc beteren der stat. vnde deme richte sine bosheit. mit tein marken suluers. ne heuet he der nicht. men schal ene werpen in den schuppe stol.*

Man kann annehmen, dass auch einige Artikel in Ki und B infolge der Redigierung beider Codizes von Helmich Timmo in den 1340er/1350er-Jahren durchstrichen wurden. Aus diesen Beispielen wird ersichtlich, dass die Textgeschichte von B sowie von anderen

[10] Zitiert nach Korlén 1951: 101.

[11] In eckigen Klammern werden die Konjekturen für die Textstellen angegeben, wo der ursprüngliche Text völlig ausradiert und neu beschrieben ist. Die ursprüngliche Textstelle *ne heuet* [...] *schuppe stol* kann in Vergrößerung gelesen werden.

Lübecker Codizes mit der Problematik der unmittelbaren Handschriftenbeziehungen aufs engste verbunden ist.

Bemerkenswert für die Textgeschichte sind die gemeinsamen Lesarten von R, B und Kp, auch von B und Kp gegenüber Ki. Wie Korlén hinweist, „wichtig ist [...] 114b, wo R und Kp gemeinsam die Korruptel *Steruet eneme manne der kindere oder sin wif* gegenüber E, Ki, Kl *Steruet eneme manne de kindere heuet sin wif*" (Korlén 1951: 38). In Ki lautet die Passage: *Steruet eneme manne de kindere heuet. sin wif*, während der Schluss *de kindere heuet* durchstrichen ist. Kl hat hier *Steruet eneme manne sin wif.* In B 191 finden wir wie in R und Kp *Steruet eneme manne de kindere oder sin wif.* Weiterhin haben E, R, Ki im Art. 42 *De be grepen wert bi enes echten mannes wiue* die Lesart 42a *per priapum* gegenüber *bi deme pintte* in B 8 und Kp 42. Es handelt sich um die Strafe, bei der der Schänder eines fremden Ehebettes auf solche Weise durch die Stadt geführt werden muss. In Ki steht noch der 'verhüllende' lateinische Ausdruck, während B und Kp eine volkssprachige Neuerung bieten.

Die für B und Kp gemeinsamen Varianten scheinen auf der Mikroebene in den Jahren 1294/1295 zu entstehen, vgl. *nabur* in B 162 und Kp 8 gegenüber *nahgebur* in Ki 8 (neben *nabur* in Ki 68, 69, 81, 141, 150). Die Korruptel *Steruet eneme manne der kindere oder sin wif* in R, B und Kp ist hingegen schwieriger zu erklären, weil R auf das Jahr 1282 datiert wird. Von Bedeutung ist die Hypothese Korléns, dass der Fehler auf eine nicht erhaltene Lübecker Ratshandschrift $*L^2$ zurückgeht, die als Vorlage für R, Ki und Kp diente, wobei der Fehler in Ki bei der Abschrift korrigiert wurde (Korlén 1951: 40). Dementsprechend muss auch B seine Vorlage in $*L^2$ und nicht in Ki haben – die Idee, die Korlén in Abwesenheit der Handschrift nicht äußern durfte (Korlén 1951:40). Auch die Redigierung Helmich Timmos wird von Korlén dadurch erklärt, dass „der Redaktor von B neben Ki auch L^2 zur Hand gehabt haben muss" (Ebd.) Es sei jedoch bemerkt, dass $*L^2$ und Ki nach Korlén fast identisch waren, weil Ki an sich eine sorgfältige Abschrift von $*L^2$ war (Korlén 1951: 39). Die Wiederentdeckung des Bardewikschen Codex lässt die vielfältigen Zusammenhänge der Lübecker Rechtshandschriften erneut beobachten und erforschen.

Die Grundlagen für künftige sprachliche Untersuchung des B wurden bei (Højberg Christensen 1918; Korlén 1951: 44-80) gelegt. Der Fund ermöglicht die Behandlung kennzeichnender Erscheinungen der Orthographie, der Laut- und der Formenlehre nach der Handschrift. Das Problem der Orthographie ist dabei von besonderer

Bedeutung, weil in der Ausgabe Hachs die Diakritika im Schlussteil des Codex nicht wiedergegeben wurden. Die Auswertung zeigt, dass die Diakritika in den Art. 232 und Art. 240 sporadisch auftauchen, während die Art. 242–250 und das neue Register Helmich Timmos aus den 1340er/1350er-Jahren sich durch ein entwickeltes System der diakritischen Zeichen unterscheiden und mit den Art. 250–257 und dem Register in Ki orthographisch übereinstimmen. Veröffentlichungen zur Sprache des B sind vorgesehen.

Die Buchmalerei des Codex ist eine einzigartige Erscheinung in der Lübecker Rechtsüberlieferung. Die Parallelen zum Stil der romanischen Initialen in der westfälischen Buchmalerei wurden bei (Ganina, Mokretsova 2016: 61–64) mit Stütze auf die Einschätzung von Jeffrey Hamburger geboten, aber das Problem bedarf weiterer Erforschung. Albrecht von Bardewik hat für die Ausstattung des Codex Blattgold und qualitative Farbstoffe besorgt. Es wäre aufschlussreich, die Handschrift durch mikroskopische Analyse zu untersuchen, um eine tiefere Einsicht in die Farbstoffe und Werkmethoden der Miniatoren zu gewinnen.

Die wichtigsten und zugleich umfangreichsten Forschungsdesiderate stellen eine Faksimile-Edition der Handschrift und eine vollständige kritische Textedition dar. Die Restaurierung des Codex ist vor allem wegen des fehlenden Einbands notwendig, wodurch auch die Möglichkeit entsteht, die Digitalisierung des Codex in hoher Qualität auf der Anfangsstufe durchzuführen. Die Restaurierung des Codex ist von Inna Mokretsova geplant (Moskauer Staatlichen Forschungsinstitut für Restaurierung), während die Faksimile-Edition und die mit Untersuchungen begleitete Textedition von uns in Zusammenarbeit mit einem Forschungskreis der Philologen, Historiker und Kunsthistoriker aus Deutschland, England und den USA vorbereitet wird..

Literatur

Ebel W. 1971: *Lübisches Recht.* Bd. I. Lübeck.

Ganina, N., Mokretsova I. 2016: Verschollener 'Bardewikscher Codex' aufgefunden. *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur* 145, 49–69.

Ganina, N. A, Mokretsova, I. P. 2016a: Kodeks Bardewika: otkrytie i opisanie [The 'Bardewikscher Codex': discovery and exploration]. *Stephanos* 1 (15), 10–23.
Ганина, Н. А., Мокрецова, И. П. 2016а: Кодекс Бардевика: открытие и описание. *Stephanos* 1 (15), 10–23.

Ganina N., Mokretsova, I. 2016b: Kodeks Bardewika v istoriko-kul'turnom kontekste Lyubeka kontsa XIII v. [The 'Bardewikscher Codex' in the historic-cultural context of Lübeck at the end of the 13th century]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekovye. Pis'mennost' kak element gosudarstvennoy infrastruktury. XXVIII Chteniya pamyati V. T. Pashuto. Moskva, Institut vseobshchey istorii Rossiyskoy Akademii nauk, 20–22 aprelya 2016 g. Materialy konferencii* [*Eastern Europe in Antiquity and Middle Ages. Written language as element of state infrastructure. Proceedings of the XXVIII Conference dedicated to the memory of V.T. Pashuto. The Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Moskva, 20th–22th April 2016*]. Moscow.

Ганина, Н. А., Мокрецова, И. П. 2016b: Кодекс Бардевика в историко-культурном контексте Любека конца XIII в. *XXVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто «Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры». Москва, ИВИ РАН, 20–22 апреля 2016 г.* М.

Ganina, N. 2017: Die Wiederentdeckung des Bardewikschen Codex: Erforschung der Handschrift 2014/2016. In: Ganina, N. u. a. (Hg.) *Abendländische Bestände in Russland.* Ergebnisse der Tagung „5. Deutsch-Russisches Gespräch zur Buchgeschichte". Erfurt (in Vorbereitung).

Hach, J.F. 1839: *Das alte lübische Recht.* Lübeck (Neudruck Aalen 1969).

Greule A. u.a. (Hg.) 2012: *Kanzleisprachenforschung. Ein internationales Handbuch.* Berlin/New York.

Hasse, P. (Hg.) 1897: *Miniaturen aus Handschriften des Staatsarchivs in Lübeck*. Lübeck.

Korlén, G. 1945: *Die mittelniederdeutschen Texte des 13. Jahrhunderts. Beiträge zur Quellenkunde und Grammatik des Frühmittelniederdeutschen.* Lund; Kopenhagen (Lunder Germanistische Forschungen 19).

Korlén, G. 1951: *Norddeutsche Stadtrechte. Bd. II: Das mittelniederdeutsche Stadtrecht von Lübeck nach seinen ältesten Formen.* Lund; Kopenhagen (Lunder Germanistische Forschungen 23).

Schneider, K. 1987: *Gotische Schriften in deutscher Sprache. I. Vom späten 12. Jahrhundert bis um 1300. Text- und Tafelband.* Wiesbaden.

Peters, R. 1988: Zur Entstehung der Lübischen Schreibsprache. In: Bauer, G. (Hg.) *Stadtsprachenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Stadt Straßburg in Mittelalter und frühen Neuzeit. Vorträge des Symposiums vom 30. März bis 3. April 1987 an der Universität Mannheim.* Göppingen (Göppinger Arbeiten zur Germanistik 488), 149–167.

Theiß, A., Wolf, J. 2013: Lübeck. In: Schubert, M. (Hg.) *Schreiborte des deutschen Mittelalters. Skriptorien – Werke – Mäzene.* Berlin; Boston, 283–305.

Wallmeyer, N. 2013: *Sprachliche Muster in der mittelniederdeutschen Rechtssprache: zum Sachsenspiegel und zu Stadtrechtsauf-*

zeichnungen des 13. bis 16. Jahrhunderts. Köln; Weimar; Wien (Niederdeutsche Studien 55).

Wolf, J. 2008: Buch und Text. *Literatur- und kulturhistorische Untersuchungen zur volkssprachigen Schriftlichkeit im 12. und 13. Jahrhundert.* Berlin.

Natalija Ganina. Bardewikscher Codex: Problemstellungen und Perspektiven der Forschung

The 'Bardewikscher Codex' is a unique manuscript of the Lübeck law written in 1294 on behalf of Albrecht von Bardewik, head of the Lübeck chancellery, mayor of the city since 1308. This codex stands out because of its lavish design and is of great importance for medieval German law and culture. The codex**,** which was thought to have been lost since the second half of the 20th century**,** was discovered by Natalija Ganina and Inna Mokretsova in "Museums of Yuryevets city" collections. The discovery gives us an opportunity to develop research of the manuscript on a new basis with due account for theoretical advances of modern German studies. This article discusses the main issues of the codex studies in the context of Lübeck law manuscript tradition from the late 13th to the 14th century and prospects of edition and restoration of the manuscript.

Key words: 'Bardewikscher Codex', Lübeck, Lübeck city law, medieval German manuscripts.

Elena V. Grigoryeva

DAVID DER UNBESIEGBARE, AUSLEGUNG DER ANALYTIK: SPRACHLICHE ASPEKTE PROBLEMS DER AUTORSCHAFT

Сохранившееся только в армянском переводе неоплатоновское «Толкование Аналитики Аристотеля» во всех рукописях приписывается философу Давиду Анахту. Однако в 1928 году Якоб Манандян поставил его авторство под сомнение. Изданные в 1961 году фрагменты комментария к «Аналитике» Элия позволили некоторым исследователям истории философии предположить, что древнеармянский текст представляет собой перевод трактата Элия. В статье рассматриваются аргументы в пользу авторства Давида.

Ключевые слова: Давид Непобедимый, неоплатонизм, античная философия, древнеармянский, переводы

Die Frage nach der Autorschaft zweier Werke des Neuplatonikers David, des Kommentars zu den Kategorien und des Kommentars zu den Analytiken wird seit dem Anfang des 20. diskutiert[1]. Die Argumentation gegen Davids Autorschaft kann in zwei Bereiche unterteilt werden: allgemeine Argumente, die entweder auf dem Inhalt des Textes oder auf allgemeinen Vorstellungen über das Werk Davids basieren, und sprachliche Argumente, die nach der Veröffentlichung der Fragmente des Analytik-Kommentars von Elias diskutiert werden.

1. Vorgeschichte: Adolf Busse und Jakob Manandyan

Die Diskussion über die Autorschaft zweier Schriften, die unter dem Namen Davids in der griechischen Tradition und unter dem Namen David des Unbesiegbaren in der armenischen Tradition überliefert worden sind (Kommentare zu den Kategorien und zu den Analytiken des Aristoteles), begann nach dem Erscheinen der

[1] Manandyan 1904, Manandyan 1928, Arevshatyan 1967, Papazian 1999, Calzolari 2009b, Papazian 2009, Sweeting 2009, Topchyan 2009, Topchyan 2010.

Ausgabe des Kategorien-Kommentars von Adolf Busse[2], der diese Schrift Elias zugeschrieben hat. Jakob Manandyan, der in seiner Monographie „Das Problem Davids im neuen Licht" (Manandyan 1904) noch überzeugend gezeigt hat, dass David drei Bücher zur Philosophie verfasst hat: die Prolegomena philosophiae, der Kommentar zur Isagoge und der Kommentar zu den Analytiken, hat später seine Meinung geändert und in seiner Monographie über die Hellenophile Schule (Manandyan 1928) behauptet, dass der Kommentar zu den Analytiken, der in der armenischen Tradition David dem Unbesiegbaren zugeschrieben wird, auch von Elias verfasst wurde. Er hat damit argumentiert, dass David in seinem Kommentar zur Isagoge verspricht, die Frage danach, ob Logik ein Teil oder ein Hilfsmittel der Philosophie ist, im Kommentar zu den Kategorien zu behandeln. Elias dagegen verspricht, die gleiche Frage in seinem Kommentar zur Analytik zu behandeln. Da diese Frage in zwei Kapiteln des Analytik-Kommentars behandelt wird, der unter dem Namen Davids überliefert wurde (Kapitel 3 und 4), schließt Manandyan, dass der Analytik-Kommentar von Elias und nicht von David verfasst wurde.

Dieses einzige Argument von Manandyan erscheint wenig überzeugend. Erstens folgt Manandyan Busse, ohne seine Argumente gegen Autorschaft Davids zu überprüfen. Außerdem schließt das Versprechen Davids, die Frage nach der Funktion der Logik im Kommentar zu den Kategorien zu behandeln, überhaupt nicht aus, dass er diese Frage auch in einem anderen Werk behandeln konnte, und zwar im Kommentar zu den Analytiken, denn in beiden Werken ähnliche Themen behandelt werden.

S. Arevshatyan schreibt der Kommentar zu den Analytiken David zu, nicht nur aufgrund der armenischen Handschriften, die David als Autor direkt nennen, da armenische Tradition David viele Werke Hellenophiler Übersetzungsschule zuschreibt, sondern auch indem er den Argumenten von Manandyan zustimmt, der stilistische, sprachliche und Ideengemeinsamkeiten im Kommentar zu den Analytiken einerseits und in den zweifellos von David verfassten Prolegomena philosophiae und Kommentar zur Isagoge andererseits zeigte; diese Gemeinsamkeit lässt keinen Zweifel bezüglich der Autorschaft Davids bei dem Kommentar zu den Analytiken zu.

---

[2] Eliae in Porphyrii Isagogen et Aristotelis Categorias commentarium, edidit Adolfus Busse (Berlin: Reimer 1900) [Commentaria in Aristotelem Graeca, 18.1]. [Nachdruck Berlin: de Gruyter 1961].

2. Aktueller Forschungsstand

Das Problem der Autorschaft wurde in den letzten Jahren von den Forschern auf verschiedene Weise gelöst. Papazian bestreitet in seinen beiden Beiträgen zum Thema die Meinung Arevshatyans über die Autorschaft (Papazian 1998, 1999 [2000]; 2009), indem er den armenischen Text mit den Fragmenten des 1961 veröffentlichten Kommentars zu der Ersten Analytik von Elias vergleicht und auch den armenischen Kommentar Elias zuschreibt. Er untersucht ähnliche Stellen im griechischen Text des Elias und in der armenischen Version des Kommentars zu den Analytiken, die Unterschiede in beiden Texten werden durch die Fehler in der armenischen Überlieferung erklärt (Papazian 2009: 154). Dagegen lässt sich sagen, dass sich diese Übereinstimmungen dadurch erklären lassen, dass beide Kommentatoren gleiche Quellen verwenden haben, Schüler desselben Lehrers (Olympiodoros) waren und somit zu derselben philosophischen Richtung gehörten, was von niemandem bestritten wird. Als ein weiteres Argument fügt er hinzu, dass nur in zwei von sechs Handschriften, die Arevshatyan für seine Ausgabe verwendet hat, der Name Davids steht (Papazian 2009: 140–141). Topchyan zeigt aber im Vorwort seiner Ausgabe, dass es mindestens 14 Handschriften gibt, die den Namen Davids enthalten, d.h. ungefähr die Hälfte aller Handschriften, in denen der Kommentar zu den Analytiken überliefert wurde (Topchyan 2010: 20). Sweeting hat den griechischen Text des Elias-Kommentars zur Analytik mit der armenischen Übersetzung verglichen und ist zu dem Schluss gekommen, dass die Ähnlichkeit der Kapitel 3 und 4 Davids mit dem überlieferten Text von Elias zu groß ist, um eine gemeinsame Quelle oder einen anderen Grund für die Übereinstimmungen zweier Texte zu behaupten, weswegen es sich möglicherweise um ein Plagiat handelt (Sweeting 2009: 198). Bei einer genauen Untersuchung der Übersetzungstechnik konnte man feststellen, dass die armenische Übersetzung des Kommentars zu den Analytiken im Unterschied zu anderen Übersetzungen der Schriften Davids relativ genau war, was u.a. genaue Wiedergabe der Aristoteles-Zitate sowie zahlreiche Parallelstellen in anderen Werken Davids sowie in weiteren neuplatonischen Kommentaren zu den Analytiken zeigen[3]. Daher erscheint eine Kompilation eher unwahrscheinlich.

[3] Über die Übersetzungstechnik s. Grigoryeva 2015.

Eine andere Meinung vertritt Topchyan, der die Autorschaft Davids genauso wie Manandyan in seiner ersten Monographie und Arevshatyan in seiner Ausgabe durch zahlreiche Parallelstellen, stilistische Besonderheiten und Ähnlichkeit der Ideen begründet (Topchyan 2009: 168–178; 2010: 9–17). Nach einem Vergleich beider Texte kommt er zu dem Schluss, dass die Unterschiede zwischen beiden Schriften zu groß sind, um den armenischen Text für eine Übersetzung aus Elias zu halten, und dass beide Texte eine gleiche (verlorene) Quelle haben, die eine Schrift ihres gemeinsamen Lehrers Olympiodoros sein kann (Topchyan 2009: 178).

3. David und Elias: textueller Vergleich

Im Weiteren wird der Kommentar von Elias mit dem Kommentar Davids verglichen[4].

Das erste Kapitel des Kommentars von Elias entspricht inhaltlich dem 3. Kapitel des Kommentars Davids.

Elias 134, 4–13 – David 3.1: Die Reihenfolge der Argumente und der Wortlaut unterscheiden sich in beiden Texten. Bei David ist dieser Abschnitt kürzer als bei Elias, wobei dieser Teil des Kommentars im Großen und Ganzen in beiden Texten ansonsten relativ nah ist. Elias nennt unter den Kommentatoren außer Alexander und Eutokios auch Themistios, den David erst später in seinem Textkommentar erwähnt[5].

Elias 134, 13–22 – David 3.2: Inhaltlich sind die Abschnitte ähnlich, es gibt aber Unterschiede in der Sprache. So wird der Abschnitt bei David mit Բայց այժմ զձեռնարկութիւն ստոյիկեանցն ասացուք, որոց առաջին ձեռնարկութիւն է այս[6], d.h. „wir sprechen jetzt aber über die Argumente der Stoiker, deren erstes Argument folgendes ist“ eingeführt, ein Ausdruck, der auch in griechischen Texten Davids vorkommt, bei Elias dagegen

[4] Die Abschnitte im Kommentar von Elias werden nach Westerink 1961, die Abschnitte im Kommentar Davids nach den Absätzen in der Ausgabe Topchyan 2010 angegeben.

[5] S. 11, 1–2, wo David über vollendete und unvollendete Syllogismen spricht.

[6] Vgl. Dav., in Porph. 100, 5–6: καὶ λέγομεν πρὸς τοῦτο τρεῖς αἰτίας; in Porph. 103, 28: λέγομεν πρὸς τοῦτο. Insgesamt kommt die Form λέγομεν bei David relativ häufig vor (in Porph. 53 Stellen, Proll. 45 Stellen), und zwar häufiger ohne vorangestellten Konjunktion καὶ, bei Elias dagegen wird das Verb λέγομεν fast ausschließlich mit καὶ gebraucht.

fehlt (Topchyan 2010: 48, 4). Außerdem fehlt bei David das Zitat (Elias 134, 20).

Elias 134, 22–135,4 – David 3.3: Die Reihenfolge der Sätze unterscheidet sich. Elias spricht zuerst über die praktische, dann über die theoretische Philosophie, David dagegen zuerst über die theoretische, dann über die praktische. Außerdem gibt es Unterschiede im Wortgebrauch: während Elias über die Logik spricht (Elias 134, 24), wird in der armenischen Übersetzung das Wort հաւաքական verwendet (Topchyan 2010: 48, 25), das dem griechischen συλλογιστική entspricht. Der letzte Satz Davids[7] fehlt bei Elias.

Elias 135, 4–10 – David 3.4: Der Abschnitt bei Elias ist kürzer als bei David, außerdem fehlt der Ausdruck առ որս ասեմք (Topchyan 2010: 50, 1) „dazu sagen wir", der bei David häufig vorkommt. Eine direkte Anrede an Stoiker fehlt bei David, wobei er an einer anderen Stelle seine Gegner direkt anspricht, was in der Übersetzung erhalten wird[8]. Hier kann man um keine Übersetzung des vorhandenen griechischen Textes sprechen.

Elias 135, 10–19 – David 3.5: Bei David fehlt Anrede an die Stoiker. Der Wortlaut beider Abschnitte ist auch unterschiedlich.

Elias 135, 19–30 – David 4.1: der Übergangssatz fehlt bei Elias. Unterschiedliche Wörter, die David und Elias verwenden, um über das logische Schließen zu sprechen: während Elias das Wort λογική verwendet (Elias 135, 20), steht an der entsprechenden Stelle bei David հաւաքական (Topchyan 2010: 50, 26), was genau dem griechischen συλλογιστική entspricht, wobei im Armenischen auch das Wort բանական existiert, das genau die Form des griechischen Wortes λογική wiedergibt und im Analytik-Kommentar an anderen Stellen gebraucht wird (Topchyan 2010: 46, 28; 50, 12; 52, 19). Während Elias das Wort Περιπατητικοί (Elias 135, 20) verwendet, nennt David die Nachfolger des Aristoteles արիստոտէլականքն (Topchyan 2010: 50, 25), d.h. Aristoteliker, wobei es im Armenischen auch das Wort ճեմականք, d.h. Peripatetiker, gibt.

David 4.2: Das Gegenargument fehlt bei Elias.

Elias 135, 30–33 – David 4.3: Elias kürzer; außerdem werden bei David die Nachfolger von Aristoteles als

[7] Topchyan 2010: 48, 26–27 (Արդ, ոչ կարող գոյ մասնիկ գոլ իմաստասիրութեան, քանզի ոչ ուրուք զմասանց նորա զնոյն կատարումն նորին ունի – Sie kann also kein Teilchen der Philosophie sein, weil keines ihrer Teile ein solches Ziel hat).

[8] David 9.4: ով ճեմականք – O, Peripatetiker! (Topchyan 2010: 88, 11).

արիստոտէլականքն, d.h. Aristoteliker, bezeichnet (Topchyan 2010: 52, 23), bei Elias dagegen Περίπατος (Elias 135, 33).

Elias 135, 33–136, 23 – David 4.4: Meinung der Platoniker wird bei Elias sehr detailliert dargestellt. Er erwähnt, in welchen Texten Platon über die Funktion der Logik spricht (Phaidon, Phaidros, Parmenides). Elias erwähnt auch Themistios, David dagegen nicht. Elias bezeichnet die Philosophen Ἀκαδήμεια (Elias 135, 33), David dagegen պղատոնականքն (Topchyan 2010: 52, 24), d.h. Platoniker.

Elias 136, 23–137, 3 – David 4.5: Es gibt keine wörtlichen Übereinstimmungen.

David 4.6 fehlt bei Elias.

Die Epitome, die dem ersten Kapitel bei Elias folgt (137, 4–138, 13), findet keine Parallelen im Text Davids.

Das zweite Kapitel des Kommentars von Elias entspricht inhaltlich dem 1. Kapitel des Kommentars Davids.

Elias 138, 15–18 – David 1.1: David zitiert Aristoteles. Insgesamt ist der Abschnitt ausführlicher. David spricht eher über das Thema einzelner Bücher der Analytiken, Elias dagegen über die Teile (μέρη) des Syllogismus.

Elias 139, 5–14 – David 1.3: Der Abschnitt 1.3 Davids entspricht fast wörtlich dem Text des Kategorien-Kommentars Davids[9], währenddessen der Text von Elias wesentlich kürzer ist.

Elias 139, 14–28 – David 1.4: Der Abschnitt stimmt zwar inhaltlich mit dem Abschnitt Davids überein, unterscheidet sich die Sprache beider Abschnitte. Es gibt ferner bei David Gedanken, die bei Elias fehlen, bei anderen Kommentatoren ihre Parallelen finden[10].

139, 28–31 – David 1.5: Der Abschnitt 1.5 hat keine genauen inhaltlichen Übereinstimmungen mit dem Text von Elias, wobei der von Elias wesentlich kürzer ist.

---

[9] Dav./Elias. in Cat. 116,35–117,8: πέντε γάρ εἰσιν εἴδη τῶν συλλογισμῶν, ἀποδεικτικὸς διαλεκτικὸς ῥητορικὸς σοφιστικὸς ποιητικός. καὶ εἰκότως, ἐπειδὴ καὶ αἱ προτάσεις ὅθεν λαμβάνονται πέντε εἰσίν· ἢ γὰρ πάντῃ ἀληθεῖς εἰσιν αἱ προτάσεις καὶ ποιοῦσι τὸν ἀποδεικτικόν, ἢ πάντῃ ψευδεῖς καὶ ποιοῦσι τὸν ποιητικὸν τὸν μυθώδη, ἢ πῇ μὲν ἀληθεῖς πῇ δὲ ψευδεῖς, καὶ τοῦτο τριχῶς· ἢ γὰρ μᾶλλον ἀληθεύει ἧττον δὲ ψεύδεται καὶ ποιεῖ τὸν διαλεκτικὸν συλλογισμόν, ἢ πλέον ἔχει τὸ ψεῦδος τοῦ ἀληθοῦς καὶ ποιεῖ τὸν σοφιστικόν, ἢ ἐπίσης ἔχει τὸ ἀληθὲς τῷ ψεύδει καὶ ποιεῖ τὸν ῥητορικόν.

[10] Z.B. die Etymologie des Wortes φαντασία – vgl. Philop. in APr. 2,9-13, die David genau wiedergibt.

139, 32–33: Der erhaltene Teil entspricht dem Anfang des Abschnittes 1.6 bei David, ist aber wesentlich kürzer und wird dazu noch abgebrochen, so dass ein Vergleich unmöglich ist

Fazit

Eine genaue Betrachtung der Texte zweier Kommentare zu den Analytiken hat gezeigt, dass die armenische Übersetzung Davids sich im Wesentlichen vom griechischen Text von Elias unterscheidet. Nur bei wenigen Abschnitten findet man Übereinstimmungen. Im Allgemeinen aber sind die Unterschiede zwischen den beiden Texten zu groß, so dass es auszuschließen ist, dass der armenische Text des Kommentars zu den Analytiken eine Übersetzung des griechischen Kommentars von Elias ist. Gegen die Autorschaft von Elias spricht auch die Reihenfolge der Kapitel, die sich bei David und Elias unterscheidet. David und Elias vertreten außerdem unterschiedliche Meinungen über die Funktion der Logik[11].

Literatur

Arevshatyan, S.S. (Hg.). 1967: Դաւիթ Անյաղթ, Մեկնութիւն ի Վերլուծականն Արիստոտէլի, Ереван, 1967.

Busse, A. 1900: *Eliae in Porphyrii Isagogen et Aristotelis Categorias commentarium*, edidit Adolfus Busse (Berlin, 1900) [Commentaria in Aristotelem Graeca, 18.1]. [Nachdruck Berlin, 1961].

Calzolari, V. 2007: Aux origines de la formation du corpus philosophique en Arménie: quelques remarques sur les versions arméniennes des commentaires grecs de David. In : D'Ancona, C. (Hg.). *The Libraries of the Neoplatonists* (Proceedings of the Meeting of the European Science Foundation Network 'Late Antiquity and Arabic Thought. Patterns in the Constitution of European Culture', Strasbourg, March 12–14, 2004), Philosophia Antiqua 107, Leyden; Boston, 259–278.

Calzolari, V., Barnes, J. (Hg.). 2009a: *L'oeuvre de David l'Invincible et la transmission de la pensée grecque dans la tradition arménienne et syriaque.* Boston; Köln.

Calzolari, V. 2009b: David et la tradition arménienne. In: Calzolari 2009a, 20–48.

Grigoryeva, E. 2015: Der armenische Text des Aristoteles in der «Auslegung der ‚Analytiken'» Davids. In: *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. T. 19 [*Indo-European linguistics and*

[11] Über die Frage nach der Funktion der Logik (ob sie ein Teil, ein Teilchen oder ein Hilfsmittel der Philosophie ist) ausführlich und überzeugend Topchyan 2010: 10–12.

classical philology. Vol. 19], *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Т. 19, 179–192.

Manandean, Ya. 1904: Դաւիթ Անյաղթի խնդիրը նոր լուսաբանութեամբ (La question de David l'Invincible sous un éclairage nouveau), Vałaršapat. (Nachdruck: ibid., Werke, Bd. 7, Eriwan, 2010, 49–111).

Manandean, Ya. 1928: Յունաբան դպրոցը և նրա զարգացմնա չրջանները (Die hellenophile Schule und ihre Entwicklungsphasen). In: *Azgayin matenadaran* 119, Wien: Mxit'arean Tparan. (Nachdruck: ibid., Werke, Bd. 7, Eriwan, 2010. P. 113–268).

Papazian, M.B. 1998, 1999 [2000]: The Authorship of an Armenian Commentary on Aristotle's Prior Analytics. *Journal of the Society for Armenian Studies* 10, 55–62.

Papazian, M.B. 2009: The Authorship of an Armenian *Commentary on Aristotle's Prior Analytics*. In: Calzolari 2009a, 139–157.

Sweeting, C. 2009: The Relationship between the Armenian Translation of the *Commentary on Aristotle's Analytics* of David and the Greek Text of the *Commentary on Aristotle's Analytics* of Elias. In: Calzolari 2009a, 179–198.

Topchyan, A. 2009: Remarks on David the Invincible's *Commentary on Aristotle's Prior Analytics*. Its Structure, Contents, Language, and the Problems of Translator and Authorship. In: Calzolari 2009a, 158–178.

Topchyan, A. 2010: *David the Invincible, Commentary on Aristotle's Prior Analytics, Old Armenian Text with an English Translation, Introduction and Notes.* Philosophia antiqua 122, Commentaria in Aristotelem Armeniaca Davidis Opera 2, Leiden.

Westerink, L.G. 1961: Elias on the Prior Analytics. *Mnemosyne* 14, 126–139. [Nachgedruckt in: ibid. Texts and Studies in Neoplatonism and Byzantine Literature, Collected Papers. Amsterdam: Hakkert 1980, 59–72].

Elena V. Grigoryeva. David the Invincible's Authorship of the Commentary on Aristotle's Prior Analytics: the linguistic aspect of the problem

The Commentary to Aristotle's Prior Analyitcs by Neoplatonic philosopher David (7th cent.) survived only in Armenian translation under the name of David the Invincible. However, some scholars claim that the Armenian text of the Commentary is a translation of the Commentary to Prior Analytics by Elias, and not by David. The aim of the paper is to examine the arguments for and against David's authorship, by analyzing the language of the Greek text by Elias and the Armenian translation.

Key words: Armenia, translations, Hellinizing school, David the Invincible, Neoplatonism.

А. В. Грошева

О ГЛАГОЛАХ, ПРОИЗВОДНЫХ ОТ ГРЕЧ. ἡδύς ‘СЛАДКИЙ’*

В статье дан словообразовательный, семантический и этимологический анализ трёх древнегреческих глаголов, связанных происхождением с прилагательным ἡδύς, – ἥδομαι, ἀνδάνω, ἡδύνω. Наличие в ряде других индоевропейских языков, особенно в древнеиндийском, несомненных соответствий указанным греческим лексемам свидетельствует о древности их возникновения в общеиндоевропейский период.

Ключевые слова: греческое прилагательное ἡδύς, глаголы ἥδομαι, ἀνδάνω, ἡδύνω.

Комплекс лексем, связанных в древнегреческом языке своим происхождением с прилагательным ἡδύς ‘сладкий, приятный’, необычайно широк: это имена (существительные и прилагательные, в том числе прилагательные-композиты, где ἡδύς может быть как первым, так и вторым членом), глаголы – простые и префигированные.

В Оксфордском греко-английском лексиконе в статье ἡδύς (LSJ 1996: 765) на первое место выдвинуто значение *приятный на вкус* (pleasant to the taste), иллюстрируемое цитатами из гомеровского эпоса: о трапезе, обеде, устроенном в доме Одиссея веселящимися женихами Пенелопы, – Od. 20.390 δεῖπνον μὲν γάρ τοίγε γελοίωντες τετύκοντο (ао. 2 эп. от τεύχω ‘строить, сооружать’, здесь в значении ‘приготовлять’) / 391 ἡδύ τε καὶ μενοεικές ‘веселясь, приготовили они ужин, *приятный* и обильный’[1]; неоднократно о вкусе вина – Od. 3.51 δέπας ἡδέος[2]

---

* Исследование выполнено в рамках гранта РНФ, № 14-18-03585 «Праиндоевропейский корень и основообразующие форманты».

[1] В переводе этого пассажа из «Одиссеи» В. Жуковским прилагательные, относящиеся к δεῖπνον ‘трапеза, обед’, опущены: «Весел беспечно, и жив разговором, и хохотом шумен / Был их обед»; латинский перевод – prandium etenim illi ridentes fecerant, *suave*que et *gratum* соответствует греческому оригиналу (OMHROY ΠΟΙΗΜΑΤΑ 1843: 487).

[2] В Od. 3.46 δέπας μελιηδέος οἴνου ‘кубок *сладкого, как мёд*, вина’ отмечено аналогичное по смыслу словосочетание, где прилагательное μελιηδέος (род.п.) является композитом (< μέλι ‘мёд’ + ἡδύ ‘сладкий’). В Od. 9.196 αἴγεον ἀσκὸν <...> μέλανος οἴνοιο / ἡδέος ‘бурдюк тёмно-красного *сладкого* вина’ вино характеризуется также и по цвету. У

οἴνου ‘кубок *сладкого* вина’. Греч. ἡδύς у Гомера может быть характеристикой *запаха* (Od. 9.210 ὀδμὴ δ᾽ ἡδεῖα ἀπὸ κρητῆρος ὀδώδει ‘*сладкий* запах исходил из чаши’) или обозначать приятные *слуховые* ощущения: так, например, характеризуется на пиру у феаков пение слепого аэда Демодока, которому муза даровала *сладостную* песнь (Od. 8.64 ἡδεῖαν ἀοιδήν)[3]. Что касается метафорического употребления греч. ἡδύς, наиболее ярким примером является словосочетание ὕπνος ἡδύς /ἥδιστος ‘сладкий сон’ (8 случаев у Гомера; см. Грошева 2013: 239), сопоставимое с лат. *sopor suāvis*; в гомеровском эпосе указанное словосочетание можно рассматривать как устойчивое, формульное.

Помимо семантического анализа ἡδύς, необходимо также сказать несколько слов о его формо- и словообразовании. Прилагательные с *-u-* основой, к которым относится греч. ἡδύς, сохранились далеко не во всех индоевропейских языках[4]. Наиболее полно этот тип прилагательных представлен в литовском (порядка 400 примеров), древнеиндийском и древнегреческом[5]

Гомера жертвоприношение всем умершим заключалось в возлиянии трёх напитков: вначале мёда с молоком, затем *сладкого вина* (ἡδεῖ οἴνῳ), и в конце – возлияние водой; поверх жидкостей насыпали белую ячменную муку (Od. 11. 26–28).

[3] В настоящей статье ограничимся приведенными основными значениями греч. ἡδύς. Более полный семантический анализ дан в статье «Прилагательные со значением *сладкий* в поэмах Гомера» (Грошева 2013), где ἡδύς рассматривается наряду с синонимами γλυκύς и γλυκερός. Сопоставительный анализ ἡδύς и γλυκύς в более широком объёме – в прозе и комедии, в эпосе и поэзии дан в §§ 170–172 исследования Ш. Ламбертри (de Lamberterie 1990). Автор приходит к выводу, что вообще ἡδύς выходит за пределы словаря ощущений и квалифицирует всё то, что доставляет удовольствие, откуда большая частота предикативного употребления (ἡδύ + inf. ‘приятно’); не только прилагательное, но также вся семья родственных слов вводила в классический язык множество разнообразных выражений со значением «мне нравится, я люблю», в числе которых и глагол ἥδομαι (там же, §170 с. 466). О структуре этого труда см. также прим. 5 настоящей статьи.

[4] «Древние основы прилагательных на *-u-* в латинском языке утрачены. Соответствующие слова отошли либо к основам на *-i-* (лат. svāvis < *sŭādŭ-is, ср. греч. ἡδύς, др.-инд. svādúḥ), либо к основам на *-o-* (лат. *dēnsus*, ср. греч. δασύς)» (Тронский 2001: 177).

[5] Семантическому и сравнительному анализу греческих прилагательных на -ύς посвящено фундаментальное исследование Ш. Ламбертри (de Lamberterie 1990, t. 1: 1–524; t. 2: 525–1036). Помимо Введения («Прилагательные на *-u-* в индоевропейском», с. 1–40) и вводной

языках. Способы устранения *-u-* основ из склонения прилагательных были различны и не во всех языках проведены в одинаковой степени последовательно. Истоки же этого процесса восходят ещё к праиндоевропейской эпохе (Откупщиков 1997: 45). Вытеснение прилагательных с древней *-u-*основой более стандартными прилагательными на **-os* отмечен и в греческом языке, напр., ἐλαχύς ‘маленький’ > ἐλαχός (там же: 46).

Конкретной темой настоящей статьи является рассмотрение возводимых к прил. ἡδύς глаголов (ἥδομαι, ἀνδάνω, ἡδύνω): их образование, семантика/семасиология, история происхождения в сравнении с родственными глаголами в других индоевропейских языках.

1. Глагол ἥδομαι

По вопросу образования глагола ἥδομαι обратимся к «Исторической морфологии греческого языка» П. Шантрена (1953: §244). Тип корневого настоящего времени без удвоения широко представлен в греческом языке. Флексия его была проста и поэтому могла не только сохраниться, но и получить дальнейшее распространение. <...> Есть основания считать этот тип древним для тех основ, которые имеют в корне огласовку *e* (приведены многочисленные примеры греческих глаголов в сопоставлении с латинскими соответствиями, например, ἕπομαι ‘следовать’, лат. sequor)[6]. <...> Иногда тематическое настоящее

главы («Функционирование суффиксальной системы и модель ὀξύς», с. 41–72), книга включает несколько глав, материал которых подобран по семантическому принципу (гл.II «Пространство, формы, размеры», с. 73–318, гл. III «Физические качества и чувственные ощущения», с. 319–596 (здесь в разделе III C) «Le doux et l’agreable» рассматриваются прил. ἡδύς и γλυκύς, с. 464–502), гл. IV «Изобилие», с. 597–742, гл. V «Другие качества», с. 743–906, гл. VI «Особые случаи», с. 907–950, «Заключение», 951–962). «Бесспорно, – говорит автор, – что прилагательные на **-u-* составляли одну из наиболее архаических суффиксальных категорий индоевропейского, взятого в его совокупности. Этот суффикс несомненно имел большую продуктивность в предыстории индоевропейских языков; но он почти утратил её в историческую эпоху и выглядел обычно как исчезающий, за исключением литовского» (de Lamberterie 1990: 5).

[6] Здесь П. Шантрен делает важное дополнение, непосредственно касающееся темы исследования, осуществляемого в нашем Отделе, – «Праиндоевропейский корень и основообразующие форманты»: «Такое настоящее время может быть иногда построено *на расширенных корнях* (курсив мой – А.Г.): от корня, давшего в латинском языке *volo*, греческий язык имеет одновременно (*F*)έλ-δ-ομαι и (*F*)έλ-π-ομαι ‘надеяться’» (Шантрен 1953: 179–180).

время бывает образовано от корней с долгим гласным: ἥδομαι, λήθω и др. (Шантрен 1953: 179–180).

Обратимся к статье ἥδομαι в Оксфордском греко-английском лексиконе (LSJ 1996: 764). Как принято, вначале даются некоторые диалектные формы глагола (беот. *Fᾱδ-* [ᾱ], дор. ᾱδ- [ᾱ], эол. ἀδ-) и временные (футурум ἡσθήσομαι, несколько форм аориста), отмеченные у разных авторов, в том числе медиальный аорист у Гомера[7]; реконструируемая форма корня – *swād-* (ср. ἀνδάνω, ἡδύς) ‘получать удовольствие, наслаждаться’ со ссылкой на *единственный* случай употребления ἥδομαι у Гомера (Od. 9.353 ао. ἥσατο) и на частое употребление этого глагола и в аттическом диалекте, и у Геродота. Далее, в I разделе рассматриваются многочисленные и весьма разнообразные синтаксические конструкции, отмеченные при ἥδομαι: 1) с причастием (иллюстрация – всё тот же пример из «Одиссеи» Гомера – Od. 9.353 ἥσατο πίνων ‘(Циклоп) наслаждался, попивая (сладкий напиток)’, но также у Геродота Hdt. 3.34 ἥσθη ἀκούσας ‘он был доволен, услышав’ и др.; 2) с дательным падежом – ἥδεσθαί τινι ‘наслаждаться или восхищаться какой-либо вещью или лицом’ (в частности, Hdt. 1.69); 3) отмечено сочетание глагола с винительным падежом и причастием; 4) – с прилагательным в форме среднего рода; сюда же включен пример с родственным существительным в вин.п.: Pl. Phlb. 63a ἡδονάς ἥδεσθαι ‘наслаждаться удовольствиями’; 5) с предлогом (X.Cyr. 8. 4.11 ἥδεσθαι ἐπί τινι). *В шестом* пункте только дан пример: Ar. Nit.773 ἥδομαι ὅτι (глагол с союзом). В последнем (*седьмом*) пункте приводятся примеры абсолютного употребления глагола ἥδομαι – Ar. Pax 291 ὡς ἥδομαι καὶ χαίρομαι κεὐφραίνομαι ‘так я наслаждаюсь, веселюсь и радуюсь’; особенно в форме причастия в значении прилагательного ‘довольный, радостный’. В раздел II включены случаи употребления этого глагола в некоторых формах *активного* залога с винительным падежом лица: ἥδω ‘быть довольным/доставлять удовольствие, нравиться’, ао. ἥσε и т. д.

На родственные связи глаголов ἥδομαι, ἁνδάνω с прилагательным ἡδύς имеются указания в этимологических словарях греческого языка. В наиболее раннем Этимологическом словаре

[7] Сигматический медиальный аорист по типу глагольных форм, обозначающих действие, образуют у Гомера некоторые депонентные глаголы, выражающие эмоциональное состояние: и среди них ἥδομαι ‘радоваться’ (ἥσατο Od. 9.353) (Перельмутер 1995: 105).

греческого языка Э. Буазака (2-е изд. 1923 г.) глагол ἥδομαι (заглавное слово) и прил. ἡδύς рассматриваются в одной статье, однако основное внимание автора сосредоточено на рассмотрении прилагательного, а о глаголе почти ничего не сказано, кроме отсылки для сравнения к ἁνδάνω (Boisacq 1923: 314). В других Этимологических словарях греческого языка (Х. Фриска, Р. Беекеса) прилагательное ἡδύς и глагол ἥδομαι рассматриваются в отдельных статьях, что представляется более рациональным, хотя полностью разъединить анализ этих лексем не представляется возможным. В словаре Фриска (Frisk 1960) для ἥδομαι ‘радоваться, наслаждаться’ (sich freuen, sich ergötzen) также приведены диалектные основы – дор. ἄδ-, беот. *F*ᾱ̆δ- (γάδεται• ἥδεται Hsch.) и некоторые глагольные формы: ао. ἡσθῆναι (ион. атт.), будущее ἡσθήσομαι, мед. ао. ἥσατο, отмеченный у Гомера (Od. 9.353–354 <...> ἥσατο δ᾽ αἰνῶς / ἡδὺ[8] ποτὸν πίνων ‘он (Циклоп) безумно *наслаждался*, распивая *сладкий* напиток’; отмечено префиксальное образование συνήδομαι ‘радоваться вместе с кем-либо’; иногда встречаются формы активного залога – ἥδω, ἥσαι, ἥσω ‘радовать, доставлять удовольствие’. Затем приводятся именные образования: 1. ἦδος n. ‘наслаждение’, ‘удовольствие’: Il. 1.575–576 οὐδέ τι δαιτὸς / ἐσθλῆς ἔσσεται ἦδος, ἐπεὶ τὰ χερείονα νικᾷ. ‘Исчезнет *радость* от пиршества светлого, ежели зло торжествует’ (пер. Н. И. Гнедича)[9]; об отсутствии придыхания и сомнительных следах *F* см. Chantraine 1942 Gramm. hom. 1, 184 и 151; в значении ‘уксус’ – обратное образование из ἡδύς (см.)[10]; употребляется и как

[8] В данном случае цитата намеренно приведена полностью с целью показать, что в этом примере родственные слова – глагол ἥδομαι и прилагательное ἡδύ (сред.р.) – оказываются в ближайшем контексте. По нашему мнению, ни одно значение наречия αἰνῶς ‘страшно, ужасно’ здесь к глаголу ἥδομαι ‘наслаждаться’ не подходит. На семантическую (и фонетическую) трудность исходного прил. αἰνός ‘terrible, affreux, effrayant’ есть указание в словаре Э. Буазака (Boisacq 1923: 26). Х. Фриск (Frisk 1960: 41) считает прил. αἰνός необъяснённым.

[9] Дословный повтор этого выражения – Od. 18. 404, в переводе В. А. Жуковского: «Кто при великом раздоре таком веселиться захочет?». К этому переводу В. Н. Ярхо делает примечание, уточняющее значение сущ. ἦδος: «В оригинале: «нет никакого *удовольствия* от благородного пиршества, когда одолевает худшее (т. е. нищие, которые отвлекают внимание от пира)» (Гомер «Одиссея» 2000: 432).

[10] В LSJ для сущ. ἦδος, εος τό (эол.) указаны оба значения: 1. ‘наслаждение’, ‘удовольствие’ (со ссылкой на Il. 1.576 и др.). 2. = ὄξος ‘уксус’, используемый в качестве приправы (со ссылкой на разных авторов). Дор. форма ἆδος имеет оба значения (Hsch. s.v. γᾶδος) (LSJ 1996: 764).

второй член композитов в форме -ηδής, вообще относящейся к ἡδύς или к ἥδομαι, или же являющейся новообразованием от них: ἀ-ηδής ‘неприятный’ (ион.-атт.), μελι-ηδής ‘сладкий, как мёд, сладостный,’ θυμ-ηδής ‘радующий душу, приятный сердцу’ (эп. поэт.). 2. ἡδονή, дор. ἁδονά ‘удовольствие’, ‘наслаждение’ (ион. атт. дор.) с ἡδονίς = ἀφύδιον (Kyran. 18), ἡδονικός (Arst. usw.) ‘стремящийся к удовольствиям’ или ‘полный наслаждений’. 3. ἁδοσύνα• ἡδονή H. 4. ἥσθημα ‘то же’ (Eup.) 5. ἡστικός ‘приятный’.

Точное формальное соответствие удлинённой ступени тематического корневого презенса ἥδομαι даёт др.-инд. hapax leg. *svādate* ‘становится вкусным’(?) (Ригведа 9,68,2; о соме[11]); однако более обычны формы с полной ступенью (hochstufigen) *svadate*, *-ti* ‘наслаждаться’, ‘мириться с чем-либо, допускать, позволять’ (перевод немецкого sich gefallen lassen), ‘быть по вкусу’, а именно ‘делать вкусным, приправлять’. Второй член композитов -ηδής соответствует др.-инд. *prá-svādas* ‘приятный’ (Ригведа 10, 33, 6); назальный инфикс в ἡδ-ονή присутствует и в др.-инд *svā́d-ana-* ‘делающий вкусным’ (Ригведа 5,7,6), *-anam* n. ‘проба’ (класс.). В заключение следует отсылка к статьям ἡδύς, ἁνδάνω; ср. также ἀδημονέω ‘волноваться, беспокоиться’ (Frisk 1960: 622–623).

В словаре П. Шантрена (DELG 1970, t. 2) ἡδύς и ἥδομαι объединены в одной статье, но в разных разделах (A – глагол, B – прилагательное). Прежде всего Шантрен уточняет семантику глагола: ἥδομαι имеет значение ‘иметь удовольствие, получать удовольствие’ в отличие от εὐφραίνομαι ‘радоваться, веселиться’ и от равнозначного ему χαίρω. Помимо уже упомянутого у Фриска префикса συν-, глагол встречается в сочетании с ἐν- (в словарях Вейсмана и Дворецкого этого композита нет), ἐφ- ‘радоваться (особенно чужому несчастью), злорадствовать’, ὑπερ- ‘чрезвычайно радоваться, наслаждаться’. Шантрен считает, что активные и переходные формы, такие как ἥδω, ao. ἥσα, f. ἥσω ‘вызывать, доставлять удововольствие’, созданы вторично. Отглагольное прилагательное ἥστος – очень позднее, как и ἡστικός ‘приятный’. Среди именных форм одна функционирует как обозначение действия: ἡδονή ‘удовольствие’, часто физическое; другие производные – уже отмеченные у Фриска ἡδονίς = ἀφύδιον ‘маленькая рыбка’, прилагательное ἡδονικός

[11] Сома – в древнеиндийской религии и мифологии священный дурманящий напиток, игравший важную роль в обрядах.

(Arst.) ‘стремящийся к удовольствиям’ или ‘полный наслаждений’, употребляемое по отношению к философам Киренской школы; к ἡδονή по аналогии с именами качества на -σύνη, типа εὐφροσύνη ‘радость, веселье’, было создано ἀδοσύνα• ἡδονή (Hsch.); ἥσθημα (Eup. 131) замечательно тем, что оно образовано от основы пассивного аориста (созданное поэтом слово?). Так заканчивается раздел A о ἥδομαι в словаре Шантрена. В раздел B (о прилагательном ἡδύς) включён деноминативный глагол ἡδύνω, который в настоящей статье будет рассмотрен отдельно (см. раздел 3).

Приведённая П. Шантреном в самом конце статьи **общая** для ἡδύς и ἥδομαι этимология прибавляет мало нового к уже сказанному в словаре Х. Фриска. Ἥδομαι базируется на основе *swād-/*swăd-, для которой в индоевропейском находятся точные соответствия: скр. *svādate* ‘приобретать хороший вкус’ (о соме, RV 9,68,2); обычный дублет с кратким вокализмом *svadate*, *-ti* соответственно означает ‘иметь хороший вкус’ и ‘придавать хороший вкус’. Название действия ἡδονή находит поддержку в скр. *svā́d-ana-* ‘который даёт хороший вкус’ (RV 5,7,6) и *-ana-* n. ‘вкус’. Основа на *-s* в ἥδος и сложных с -ηδής словах может быть древней, однако это сомнительно, ср. гапакс *prá-svādas-* ‘приятный’ (R.S. X, 33, 6). Прил. ἡδύς имеет точное соответствие в скр. *svādú-*, ср. галл. *Suadu-rīx*; нормально модифицированная форма в лат. *suāvis*, герм. др.-в.-нем. *suozi*, etc. Ἡδίων и ἥδιστος соответствуют скр. *svā́dīyas-*, *svā́diṣṭha-*.

В литовском естть презенс с нулевым вокализмом – *sū́dyti* ‘приправлять’[12], скр. *sūdáyati*, etc. Презенс с носовым инфиксом отмечен в самом греческом, см. ἀνδάνω (DELG 1970: 406–407).

Статья о ἥδομαι ‘наслаждаться’ в Этимологическом словаре греческого языка Р. Беекеса (ἥδομαι < и.-е. *su̯eh$_2$d- ‘сладкий’ – Beekes 2010: 509) во многом повторяет рассмотренную аналогичную статью в словаре Фриска (Frisk 1960: 622–623), по существу являясь её переводом с немецкого языка на английский.

[12] В Словаре Я. Фриска этот литовский глагол упоминается не в статье о глаголе ἥδομαι, а в статье ἡδύς в таком контексте: «Необычная полная ступень исходной формы прилагательного происходит, возможно, из сравнительной формы ἡδίων, др.-инд. *svādīyas-* (ср. также греч. ἥδιστος = *svādiṣṭha-*). Нулевая ступень представлена в литов. *súdyti* (у Фриска *u* не имеет знака долготы) ‘приправлять, солить’, др.-инд. *sūdáyati*, perf.pl. su-ṣud-imá ‘делать вкусным’, ‘устраивать надлежащим образом’. См. ἥδομαι, ἀνδάνω» (Frisk 1960: 623).

2. Глагол ἀνδάνω

Греческий язык унаследовал от индоевропейского тип тематического настоящего времени на -νω: δάκνω ‘кусать’, аорист ἔδακον, будущее δήξομαι (Шантрен 1953: 186). С другой стороны, греческий язык обладал суффиксом -ανω, восходящим к *-^{o}n^{e}/$_{o}$- и получившим довольно широкое распространение. Этот суффикс входил прежде всего в древние основы настоящего времени *с назальным инфиксом*[13] (скр. *rinakti* ‘он оставляет’ = лат. *linquo* = греч. λιμπάνω (дублет λείπω)[14]. Примером формы настоящего времени, образованной с помощью назального инфикса и суффикса -ανω, является глагол τυγχάνω, ао. ἔτυχον, а также ἀνδάνω, ср. ао. ἔαδον. У Гомера встречается только 6 основ настоящего времени этого типа, в числе которых, например, λανθάνω ‘быть скрытым’ (Шантрен 1953: 187).

Ознакомление в Оксфордском греко-английском лексиконе с небольшой по объёму (в сравнении с ἥδομαι) статьёй ἀνδάνω ‘нравиться, наслаждаться, доставлять удовольствие’ (LSJ 1996: 127) показывает, что большую её часть занимает перечень временных и диалектных форм этого глагола, характеризуемого

[13] В индоевропейских языках *инфиксы* занимают место внутри корня; практически инфиксы сводятся к одному, так наз. носовому инфиксу, который появляется между гласным и последующим согласным корня, например в лат. *pingo* ‘рисую’ соотносительно с *pictus* ‘нарисованный’ (Пизани 1958: 99). «История инфиксов (более редких в языках сравнительно с другими аффиксами ...) остаётся пока мало разъясненною, но можно думать, что инфиксы вообще являлись лишь в словах, уже имевших формы, образовавшиеся другими аффиксами, и возникали из других аффиксов» (Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды, т. 1. М.: 1956. Цитируется по книге «Введение в языкознание. Хрестоматия». Минск, Вышэйшая школа. 1977. С. 234).

[14] Триада указанных глаголов представляет интерес и в другом отношении. В книге Л. Г. Герценберга «Краткое введение в индоевропеистику» эти три глагола приведены для иллюстрации наличия в них лабиовелярных согласных, по-разному отразившихся в языках *centum* (греческий, италийские, германские) и *satəm* (индоиранские, балтославянские): И.-е. *leḱ-n-kᵘ- ‘оставлять’ (с реконструкцией назального инфикса): др.-инд. *ri-ṇá-k-ti* ‘оставлять’ (инфикс в полной ступени, корень – в слабой ступени), др.-гр. λείπω ‘оставлять’, λιμπάνω ‘id’ (пример с назальным суффиксом (т. е. -ανω), предвосхищённым в корне), лат. *li-n-qu-o* ‘оставлять’ (корень в слабой ступени, инфикс – в нулевой ступени), гот. *leihvan* ‘одалживать, занимать’, арх. лит. *liekmi* ‘оставаться’ < и.-е. *linkᵘ-mi, ср. вост.-лит. *iš-link-ù*, ст.-сл. *отъ-лѣкъ* ‘ἐγκατάλειμμα’ (Герценберг 2010: 37). У Дворецкого ἐγκατάλειμμα дано со значением ‘остаток, след’ (Дворецкий 1958 : 440).

преимущественно как ионийский и поэтический, употреблявшийся в том же значении, что ἥδομαι. На первое место выдвинута конструкция ἀνδάνω с дат. п. лица: наглядной иллюстрацией является строка из «Одиссеи», где Антиной требует, чтобы Пенелопа выбрала себе мужа, который был бы её отцу и «самой ей угоден», т. е. *нравился* (Od. 2.114 τῷ ὅτεῴ τε πατὴρ κέλεται καὶ ἀνδάνει αὐτῇ). Также ἀνδάνω встречается с двойным дат. п. (Il.1.24 Ἀγαμέμνονι ἥνδανε θυμῷ)[15]; в абсолютном употреблении – Il. 9.173 τοῖσι δὲ πᾶσιν ἑαδότα μῦθον ἔειπεν ‘(<так говорил (Нестор)>, и для всех произнёс он *приятное* (ἑαδώς – part. от ἀνδάνω) слово’ (повтор этого комплекса – Od. 18. 422). Особо (часть II) выделено употребление рассматриваемого глагола у Геродота: ἀνδάνει выражает *мнение* толпы народа: Hdt. 7.172 οὔ σφι ἥνδανε ταῦτα «им это не нравилось». В части III упомянута редко встречающаяся медиальная форма глагола. Для сравнения с греч. ἀνδάνω дана ссылка на скр. *svádati*, лат. *suādeo*, *suāvis*, др.-англ. *swēte*, etc.

Э. Буазак в краткой статье ἀνδάνω ‘нравиться’ ограничивается приведением гомеровской формы аориста εὕαδε и собственной реконструкцией бывшего когда-то глагола *Fadein, к которому, по его мнению, следует возводить локрийскую форму *FεFα*δηκότα. Для сравнения привлекаются уже упоминавшиеся при рассмотрении ἥδομαι формы из индоевропейских языков: санскр. *svádati* ‘делать вкусным’, *svādate* ‘быть вкусным’, авест. xvasto ‘варит’, лат. *suādeo, suāvis* и др. (Boisacq 1923: 60).

Некоторые дополнения можно почерпнуть из словаря Я. Фриска. Автор утверждает, что точных соответствий гречес-

[15] Речь идёт об эпизоде в самом начале поэмы, когда жрец Хриз просит вернуть ему за выкуп пленную дочь. Все ахейцы согласны с этим предложением, «только царя Агамемнона было то не любо сердцу» – то есть Агамемнону это *не нравилось* (Il. 1.24 ἀλλ’ οὐκ Ἀτρεΐδῃ Ἀγαμέμνονι ἥνδανε θυμῷ). Добавим, что эту цитату из «Илиады» приводит Плутарх в сочинении «Как юноше слушать поэтические произведения», отмечая используемый Гомером приём объяснять слова действующих лиц, предпосылая осуждение порочным речам, а одобрение – хорошим. В данном конкретном примере (Il. 1.24–25) перед тем, как описать безжалостное обхождение Агамемнона со жрецом, Гомер произносит цитируемую здесь строку; оценка поведения царя Плутархом: «это грубо, жестоко и противно обычаю» (Плутарх 1964: 18). Ср. аналогичную конструкцию с двойным дат.п. в Od. 16.28 ὣς γάρ νύ τοι εὕαδε θυμῷ ‘твоей душе нравилось’ (слова пастуха Эвмея, обращённые к Телемаху), где от ἀνδάνω встречается эпическая форма аориста εὕαδον (т. е. ἔFαδον) (LSJ 1996: 127).

ким формам глагола ἀνδάνω ‘нравиться’ нигде нет (очевидно, имея в виду наличие в нём инфикса -ν- и суффикса -ανω). Санскрит имеет близко родственный тематический корневой презенс *sváda-ti*, *-te* ‘мириться с чем-либо, допускать, позволять’, ‘нравиться’; однако, лат. *suādeo* ‘советовать’, по мнению Фриска, напротив, сильно отклоняется и по форме, и по значению. Наличие *F*- помимо эол. εὔαδε (<*ἔ-σ*F*αδ-ε) подтверждается также критским ἔ*F*αδε ‘решил’ и локрийским *F*ε*F*αδηκότα. Родственными являются ἥδομαι, ἡδύς (Frisk 1960: 104).

В словаре П. Шантрена для ἀνδάνω даны значения ‘нравиться, быть приятным’ (у Гомера, Геродота, в диалектах); подчёркивается, что значение этого слова часто бывает общим (général) и равнозначным в какой-то мере глаголу ‘благосклонно принимать, одобрять’ (ср.: Il. 1.24 ἀλλ᾽ οὐκ Ἀτρεΐδῃ Ἀγαμέμνονι ἤνδανε θυμῷ); отсюда употребление ἀνδάνω для выражения мнения жителей города или политической партии (см. выше Hdt. 7.172 οὔ σφι ἤνδανε ταῦτα ‘это им *не нравилось*’ etc.); подобное употребление засвидетельствовано в локрийском и в критском. Отражены префиксальные образования: ἀφ- ‘не нравиться, быть неприятным’, ἐφ- ‘нравиться, быть по сердцу’, συν-[16], а также некоторые производные субстантивы, в том числе на -σις. Высказано предположение, что основа на -άδης первоначально могла находиться в некоторых антропонимах, примкнувших затем к флексии типа - ίδης, -ου: Δημάδης, род.п. -άδους, но чаще -άδου, ср. также вокатив Στρεψίαδες. Шантрен делает следующее заключение: «Все слова, собранные в этой статье, – архаические и диалектные, мало употребительные в аттическом». Об этимологии глагола ἀνδάνω сказано предельно кратко с целью отметить самые существенные моменты: 1. отсутствие формы презенса подобного типа вне греческого языка; 2. сопоставление с санскритскими формами *svádati*, *svádate* ‘нравиться, находить удовольствие в чём-либо’ и латинским фактитивом *suādeo*; 3. в целом очевидна принадлежность к этимологическому гнезду ἥδομαι, ἡδύς, etc. (DELG 1968 t.1: 85).

[16] В сочетании с префиксами ἀφ- (ἀπο-) и ἐφ- (ἐπι-) глагол ἀνδάνω встречается уже у Гомера: Od. 16.387 εἰ δ᾽ ὑμῖν ὅδε μῦθος ἀφανδάνει ‘если же вам *не угоден* совет мой’; Il. 7.45 βουλήν, ἥ ῥα θεοῖσιν ἐφήνδανε μητιόωσι ‘совет, который *понравился* мудрым богам’; Od. 13.16 ὣς ἔφατ᾽ Ἀλκίνοος, τοῖσιν δ᾽ ἐπιὴνδανε μῦθος ‘так говорил Алкиной, и им *понравилась* его речь’.

Сопоставляя глаголы ἥδομαι ‘находить/испытывать удовольствие, наслаждаться’ и ἀνδάνω ‘нравиться’, Ш. де Ламбертри отмечает общность вокализма у ἡδύς и ἥδομαι, базирующихся на корне *swād-; однако корень глагола ‘нравиться’ имеет форму *Fηᾰδ-: корневой тематический аорист ἔαδε (Гом. +) с эолийским дублетом εὔαδε (Гом.) < *ἐ-FFαδε, производный презенс ἀνδάνω (Гом.+) (de Lamberterie 1990: 485). И далее: Несмотря на оппозицию в глагольных формах – между *Fηαδ- ‘находить/испытывать удовольствие, наслаждаться’ и *Fηαδ- ‘нравиться’, единство всей этой семьи очевидно (там же: 492).

Из краткой статьи ἀνδάνω в словаре Р. Беекеса приведём лишь одно (заключительное) суждение: Фактитив в лат. *suādeo* ‘советовать, рекомендовать’ – реминисценция греческого значения ‘решать’ (Beekes 2010: 100).

3. Глагол ἡδύνω

В Оксфордском греко-английском словаре деноминативный глагол ἡδύνω (LSJ 1996: 765) входит в группу производных от прил. ἡδύς, в основе семантики которых заложено значение *приправлять, придавать пище вкус, остроту*. Среди них отмечено, например, прилагательное ἡδυντικός (Arist. Pr. 913 29) ‘пригодный для приправы’, ср. имеющееся у Платона словосочетание ἡδυντικὴ τέχνη (Pl. Sph. 223a) ‘искусство улучшать/услаждать вкус’. Для ἡδύνω приведены некоторые временные формы, засвидетельствованные у разных греческих авторов: aor.I ἥδυνα, в пассиве aor.I ἡδύνθην, pf. ἥδυσμαι, inf. ἡδύνθαι (с отсылкой к исходному ἡδύς). Иллюстрируется употребление ἡδύνω ‘приправлять (блюдо)’ в сочетании с вин.п. существительного, например κόκκυγας (κόκκυξ ὁ – название рыбы *тригла*); но чаще называется сама приправа, улучшающая вкус пищи, в частности, лук: κρόμμυόν γε οὐ μόνον σῖτον ἀλλὰ καὶ ποτὸν ἡδύνει «лук не только хлеб, но и питьё *сдабривает*» (X.Smp.4.8)[17]. Словом самого широкого значения для *приправы* является сущ. ὄψον, ου το, которое могло обозначать любую добавку к хлебу – мясо, овощи, особенно рыбу, а также закуску

[17] В диалоге «Пир», откуда взята цитата, «Ксенофонт развёртывает большой сценарий, дающий любопытную картину афинского быта» (Тронский 1983: 180). *Лук* как приправа (ὄψον) упоминается уже у Гомера: Il. 11.630 <...> ἐπὶ δὲ κρόμυον ποτῷ ὄψον, / ἠδὲ μέλι χλωρόν «(и на ней (– тарелке) *лук*, закуска (ὄψον), подходящая для напитка, и свежий мёд»; однако глагол ἡδύνω у Гомера отсутствует. .

(пример – aor.I ἥδυνα в сочетании с ὄψον у Платона (Pl. Tht. 175e). Помимо основного значения *приправлять*, ἡδύνω приобретает иногда дополнительный оттенок – *делать приятным,* если речь идёт о винах, о снятии пробы с какого-либо продукта или ощущении его вкуса, и даже о соли. У тех же авторов – Платона, Аристотеля, Ксенофонта отмечено употребление ἡδύνω и в переносном значении *подслащать, скрашивать*, как с оттенком порицания, например, о поэте (Arist. Po.1460b τοῖς ἄλλοις ἀγαθοῖς ὁ ποιητὴς ἀφανίζει ἡδύνων τὸ ἄτοπον), который стремится «всяческими прикрасами *скрасить* бессмыслицу» (перевод этой цитаты взят из статьи ἡδύνω – Дворецкий 1958: 745), так и, возможно, в положительном смысле – *доставлять наслаждение, удовольствие, льстить*: Diph. 24 κόλαξ ἥδυνέ τινα λόγῳ «льстец *задабривал* кого-то речью» [18]. Не отмечен в Оксфордском словаре приставочный глагол ἐν-ηδομαι ‘услаждать’, встречающийся у Лукиана в сочетании с τὰς ἀκούας – ‘услаждать слух’.

Как уже сказано выше, в Этимологическом словаре греческого языка П.Шантрена (DELG 1970 t.2) глагол ἥδομαι и прилагательное ἡδύς рассматриваются в пределах одной статьи (соответственно разделы A и B). Естественным образом в раздел B включён деноминативный глагол ἡδύνω, вообще имеющий значение ‘делать приятным’; однако он употребляется всегда в значении ‘придавать хороший вкус, приправлять’ как в прямом смысле, так иногда и в фигуральном. Список производных образований от ἡδύνω, по сравнению с перечнем в (LSJ 1996: 765 ἡδύνω), у Шантрена расширен: помимо ἡδυντήρ, ῆρος ὁ ‘приправа’, ἡδυντήριος ‘подслащающий’ (позднее), приведены ἥδυσμα ‘приправа, соус’ (ион.-атт.) и -ματιον, ἡδυσμός ‘хороший вкус’ (LXX). Представляется важной заключительная фраза, подводящая итог обоим разделам статьи (о ἥδομαι и ἡδύς, до перехода к их общей этимологии) и подчёркивающая роль ἡδύνω: «Отличительной чертой истории этой семьи слов является особое значение, техническое и кулинарное, деноминатива ἡδύνω и его производных, которое образует параллель (qui va de pair) с употреблением ἦδος в аттическом в значении *уксус*» (DELG 1970 : 406).

[18] Ср. другой деноминативный глагол – ἡδυλίζω ‘льстить’, образованный от прил. ἡδύλος (диминутивная форма к ἡδύς; ἡδύλος отмечено только как имя собственное) (LSJ 1996: 765).

Этот вывод поддерживает и Ш. де Ламбертри в своём исследовании «Les adjectifs grecs en -ύς», в значительной части ориентированном на сравнительную грамматику индоевропейских языков. Приведём его высказывание в одном из заключительных параграфов в разделе III C) «Le doux et l'agreable»: «В греческом ἡδύς в общем имеет значение 'приятный', а глагол ἁνδάνω – 'нравиться'. Но это *инновация*, свойственная греческому, так как другие языки подводят к восстановлению для и.-е. прилагательного *swādú- более узкого значения – 'вкусный': лат. *suāvis* отличается от *iūcundus* 'приятный', скр. *svādú-* говорится главным образом о пище или о соме. Это правильно для корня *sweH$_2$d- во всей совокупности, так как лит. sū́dyti означает 'приправлять', вед. sūd- 'делать вкусным'. Из этого можно заключить, что специализированное значение ἡδύνω 'приправлять, придавать хороший вкус' и употребление в аттическом ἧδος в значении ὄξος 'уксус' – факты, к которым П. Шантрен с полным основанием привлёк внимание, – обнаруживают архаизм словаря. Тексты Плавта и Исидора <...> служат этому бесспорным подтверждением» (de Lamberterie 1990: 500).

Ознакомление с необходимой литературой по теме статьи и использование материалов словарей различного типа позволили получить довольно ясную картину бытования в древнегреческом языке трёх глаголов – ἥδομαι, ἁνδάνω и ἡδύνω, связанных общностью происхождения с прил. ἡδύς. Нельзя не согласиться с тем, что это прилагательное имело самое общее значение 'приятный', которое конкретизировалось в зависимости от определяемого им объекта (в прямом и переносном употреблениях). С достаточным основанием можно предположить, что прил.ἡδύς, являясь в первую очередь традиционной характеристикой вкуса всякого рода пищи или напитков (как об этом свидетельствуют памятники письменности, в том числе гомеровский эпос), в древнегреческом языке относилось к наиболее архаическому слою базовой лексики. Подобное заключение, по-видимому, вполне приемлемо и для производного от ἡδύς глагола ἡδύνω, основным значением которого является 'приправлять пищу, придавать ей определённый вкус, остроту'. Отсутствие у Гомера этого глагола может быть случайным, если иметь в виду его фиксацию в тексте Эпихарма, сицилийского автора конца VI – первой половины V века до н. э., писавшего на местном дорийском диалекте. Вполне закономерным

выглядит развитие у ἡδύνω таких переносных значений, как *подслащать, доставлять удовольствие, наслаждение*.

Если ἡδύνω ‘приправлять’, то есть *улучшать вкус пищи*, имеет непосредственное отношение к кулинарному искусству, то ἥδομαι можно рассматривать как результат действия первого – ‘наслаждаться’ (пищей или напитками): случай такого употребления ἥδομαι, пусть единственный, но весьма выразительный, отмечен у Гомера (Od. 9.353). Частотноть этого глагола в других греческих текстах как в прямом, так и в переносном значениях, сочетающаяся с разнообразием синтаксических конструкций, довольно высока. Наиболее важным моментом является наличие у этого глагола точных соответствий в санскрите: *svādate* ‘приобретать хороший вкус’, *svadate, -ti* ‘иметь хороший вкус’ и ‘придавать хороший вкус’; отглагольному существительному ἡδονή ‘наслаждение’ соответствует скр. *svādana-* ‘дающий хороший вкус’.

Третий глагол из этимологического гнезда ἡδύς – ἀνδάνω. Отличаясь особой структурой, по своей семантике ἀνδάνω ‘нравиться’, ‘быть приятным’, близок к ἥδομαι и, таким образом, входит в группу глаголов эмоционального состояния. Представленность этого глагола в поэмах Гомера (в том числе в сочетании с префиксами), у Геродота и в греческих диалектах позволяет характеризовать его как ионийский и поэтический.

Что касается лат. *suadeo* ‘советовать, убеждать’, здесь мнения лингвистов расходятся. Эрну и Мейе считают, что корень этого глагола тот же, что в греч. (беот.) гомеровском ἀνδάνω ‘мне нравится’ (EM 1959: 659); однако Фриск усматривает значительные различия в форме и значении сопоставляемых греческих и латинского глаголов (Frisk 1960: 104).

Литература

Beekes, R.S.P. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*, Vol. I. Leiden, Boston.

Boisacq, E. 1923: *Dictionnaire etymologique de la langue grecque*. Seconde ed. Heidelberg, Paris.

Chantraine, P. 1968–1980: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire de mots*, 4 t. Paris.

Chantraine, P. 1953: *Istoricheskaya morfologiya grecheskogo yazyka* [*Morphologie historique du grec*], transl. from French by Ya. M. Borovsky. Moscow.

Шантрен, П. 1953: Историческая морфология греческого языка, перевод с франц. Я. М. Боровского. М.

Dvoretskiy, I.Kh. 1958: *Drevnegrechesko-russkiy slovar'* [*Ancient Greek – Russian Dictionary*]. Moscow.
Дворецкий, И.Х. 1958: *Древнегреческо-русский словарь*. М.
Gertsenberg, L.G. 2010: *Kratkoe vvedenie v indoevropeistiku* [*A Short Introduction to Indo-European Studies*]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya.
Герценберг, Л.Г. 2010: *Краткое введение в индоевропеистику*. СПб.: «Нестор-История».
Grosheva, A.V. 2013: Прилагательные со значением ‘сладкий’ в поэмах Гомера [Adjectives denoting sweetness in Homer’s poems]. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya–XVII* [Indo-European linguistics and classical philology–XVII]. St. Petersburg, 228–243.
Грошева, А.В. 2013: Прилагательные со значением *сладкий* в поэмах Гомера. *Индоевропейское языкознание и классическая филология XVII*. СПб., 228–243.
Ernout, A., Meillet, A. 1959: *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots*. 4 ed. Paris.
Fortunatov, F. F. 1956: *Izbrannye trudy* [*Selected works*], vol.1. Moscow.
Фортунатов, Ф. Ф. 1956: Избранные труды. Т.1. М.
Frisk, H. 1960: *Griechisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1 (A-Ko). Heidelberg.
Lamberterie, Ch. de 1990: *Les adjectifs grecs en -us. Semantique et comparaison*, 2 t. Louvain-la-Neuve: Institut de linguistique de Louvain.
Liddell, H. G., Scott, R. 1996: *A Greek-English Lexicon. Ninth Edition with Revised Supplement*. Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones, with the assistance of Roderick McKenzie, and with the co-operation of many scholars. Supplement edited by P. G. W. Glare. Oxford: Clarendon Press.
Monro, D. B., Allen, Th. W. (eds.) 1920: *Homeri Opera in five volumes*. Oxford: Oxford University Press.
Mühll, P. von der 1993: *Homeri Odyssea*. Munich; Leipzig.
OMHROY ΠΟΙΗΜΑΤΑ 1843: *OMHROY ΠΟΙΗΜΑΤΑ. Homeri carmina. Graece et Latine*. Parisiis, Editore Ambrosio Firmin Didot.
Otkupshchikov, Yu.V. 1997: Relikty prilagatel'nykh s -u- osnovoy v latinskom yazyke [Relics of adjectives with -u- stem in Latin]. *Klassicheskie yazyki i indoevropeyskoe yazykoznanie. Materialy chteniy, posvyashchyennykh 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora I.M.Tronskogo* [*Classical languages and Indo-European linguistics. Proceedings of the Conference on the occasion of the 100th anniversary of prof. I.M. Tronsky*]. St. Petersburg, 45–46.
Откупщиков, Ю.В. 1997: Реликты прилагательных с *-u-* основой в латинском языке. *Классические языки и индоевропейское языкознание. Материалы чтений, посвящённых 100-летию со дня рождения профессора И.М.Тронского*. СПб., 45–46.
Perel'muter, I.A. 1995: *Zalog drevnegrecheskogo glagola. Teoriya. Genezis. Istoriya* [*Voice in Ancient Greek Verbal System. Theory. Genesis. History*]. Saint Petersburg.

Перельмутер, И.А. 1995: *Залог древнегреческого глагола. Теория. Генезис. История*. СПб.

Pizani, V. 1958: *Etimologiya. Istoriya – Problemy – Metod* [*Etimology. History– Problems – Method*]. Transl. from Italian. Moscow.
Пизани, В. 1958: *Этимология. История – Проблемы – Метод*. Перевод с итал. М.

Plutarch 1964: Kak yunoshe slushat' poeticheskie proizvedeniya [De poetis audiendis]. Transl. by L.A.Freyberg. *Pamyatniki pozdney antichnoy nauchno-khudozhestvennoy literatury* [*Artifacts of the Late Classical Science-Based Fiction*]. Moscow, Nauka.
Плутарх 1964: Как юноше слушать поэтические произведения. Перевод Л.А.Фрейберг. *Памятники поздней античной научно-художественной литературы*. М., «Наука».

Szemerenyi, O. 1980: *Vvedenie v sravnitel'noe yazykoznanie* [*Introduction to Indo-European Linguistics*]. Moscow, Progress.
Семереньи, О. 1980: Введение в сравнительное языкознание. М.: «Прогресс».

Tronsky, I. M. 2001: *Istoricheskaya grammatika latinskogo yazyka* [*Historical grammar of Latin*]. Moscow, Indrik.
Тронский, И. М. 2001: Историческая грамматика латинского языка. М.: «Индрик».

Tronsky, I. M. 1983: *Istoriya antichnoy literatury* [*Istoriya antichnoy literatury*]. 4th ed. Moscow.
Тронский, И. М. 1983: История античной литературы. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. М.

West, M. L. (rec.) 2000: *Homeri Ilias. Volumen alterum rhapsodias XIII-XXIV continens* (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana), K. G. Saur: Leipzig & Munich, vii, 396.

A. V. Grosheva. Greek verbs derived from ἡδύς ‘sweet’

The paper analyzes morphological structure, semantics and etymology of Greek verbs ἥδομαι, ἀνδάνω, ἡδύνω and determines their etymological relations with the ajective ἡδύς. The presence of similar derivatives in other Indo-European languages, especially in Sanskrit, may be regarded as the evidence of their forming as early as in the Proto-Indo-European period.

Keywords: Greek ajective ἡδύς, verbs ἥδομαι, ἀνδάνω, ἡδύνω.

С. И. Дмитриева

К СЕМАНТИКЕ И ЭТИМОЛОГИИ греч. δειδίσκομαι[1]

В статье исследуются формы, образованные от древнегреческой презентной основы δειδίσκ- / δεδίσκ-, выступающие в словарях как омонимичные производные от глаголов δειδίσκομαι ‘приветствовать; показывать’ и δειδίσσομαι ‘пугать(ся)’. С учетом актуальных этимологических гипотез рассматривается возможность постулировать общее происхождение для этих форм. В результате контекстуального анализа предлагается уточнение лексической семантики δειδίσκομαι, что позволяет сопоставить глагол со слав. *dvigati.

Ключевые слова: δειδίσκομαι, δειδίσσομαι, и.-е. корень *dwey-, слав. *dvigati, и.-е. числительное ‘два’.

0. Введение

Формы, образованные от презентной основы δειδίσκ- / δεδίσκ-, традиционно помещаются в словарях под двумя разными леммами: δειδίσκομαι ‘приветствовать; показывать’ и δειδίσσομαι ‘пугать(ся)’ (Ebeling 1871; LSJ; Дворецкий: s. v. δειδίσκομαι и δειδίσσομαι). Примечательно, что краткий вариант огласовки редупликации δε-, а также суффикс -σκ- встречаются в формах от обоих глаголов[2].

Глагол δειδίσκομαι в значении ‘приветствовать’ засвидетельствован у Гомера 4 раза в «Одиссее» (part. praes. med. δειδισκόμενος Od. 3, 41; δεδισκόμενος Od. 15, 150; ipf. med. δειδίσκετο Od. 18, 121; Od. 20, 197); в значении ‘показывать(ся)’ – в «Аргонавтике» Аполлония Родосского (ipf. med. δειδίσκετο 1, 558) и у Плутарха (praes. ind. med. δεδίσκεται De facie 926, E, 6). Образования от основы δεδίσκ- ‘пугать(ся)’ засвидетельствованы во фрагментах Стесихора (imperat. praes. med. δεδίσκε’ Stesich. Fr. S11, 6) и у Аристофана (ipf. med. ἐδεδίσκετο Aristoph. Lysistr. 564, 1).

---

[1] Исследование выполнено в рамках проекта «Праиндоевропейский корень и основообразующие форманты» при поддержке гранта РНФ № 14-18-03585.

[2] Основы на -σσ- и -ττ- засвидетельствованы только в значении ‘пугать(ся)’ и чаще встречаются в более поздних текстах, хотя формы с -σσ- есть и у Гомера (Il. 2, 190; 4, 184; 12, 52; 13, 810; 15, 196).

Толкования этих форм даются в схолиях к Гомеру и Аристофану[3], в словаре Гезихия[4], в лексиконе Суда[5] и в трудах Элия Геродиана[6], где находим все три лексических значения: διαφιλοφρονούμενος ‘приветствующий’ (Schol. vet. ad Od. 15, 150, 1); ἐδεξιοῦτο ‘поприветствовал рукой’ (Hesych. D, 440, 1), δεικνύω ‘показывать’ (Suda, D, 303, 1); ἐφόβει ‘испугал’ (Schol. in Aristoph. Lysistr. 564, 1); ἐξεφοβήθη ‘испугался’ (Hesych. E, 417, 1).

Задача данной статьи – выяснить, действительно ли мы имеем дело с омонимами, то есть, с двумя разными глаголами, имеющими одинаковые варианты в огласовке редупликации и содержащими один и тот же суффикс (δειδίσσομαι / δεδίσκετο ‘пугать(ся)’, δειδίσκετο / δεδίσκετο ‘приветствовать’), или же эти презенсы имеют общее происхождение?

1. δειδίσκομαι в значении ‘пугать(ся)’

Формы от основы δειδίσκ- со значением ‘пугать(ся)’ восходят к и.-е. глагольному корню *dwey- с той же семантикой и имеют хорошие индоевропейские соответствия[7]. Основа перфекта с редупликацией на -e- *de-dwóy/dwi- представлена в гомеровском перфекте δείδοικα[8] (Il. 1, 555 и т. д.), с корнем в нулевой ступени – в форме 1 pl. perf. δείδιμεν (Il. 7, 196), а также в презенсе δειδίσσομαι (Il. 2, 190), от которого, как считают, образован имперфект ἐδεδίσκετο (Aristoph. Lysistr. 564, 1).

Корень *dwey-, в свою очередь, может быть производным от праиндоевропейского числительного *duwo ‘два’. Это предположение высказывал Э. Бенвенист, сопоставив греческий перфект δείδιμεν и сущ. δοίη, арм. *erku* и *erknč’im*, лат. *duo* и *dubius*, нем. *zwei* и *zweifeln*, объясняя действие, выражаемое с помощью корня *dwey- как ‘колебаться между двумя, сомневаться’, букв. ‘быть в двух’ (Бенвенист 1974: 336–337).

В дополнение к этой идее «сомнений и колебаний» Вяч. Вс. Иванов показывает семантическую связь числительного ‘два’

[3] Eust. ad Od. vol. 2, p. 95, 23-24; vol. 2, p. 834, 9; Schol. in Aristoph. Lysistr. 564, 1.
[4] Hesych. D, 390, 1; D, 440, 1; E, 417, 1.
[5] Suda E, 201, 1; D, 303, 1.
[6] Ael. Herod. De prosod. 3, 1, 436, 13; Part. 247, 9.
[7] Арм. *erknč’im* < *dwinsḱé-, лув. презенс *kuwaya-*, тох. A прич. *wiyo* (LIV², Kümmel: s. v. *dwey-).
[8] Форма δέδοικα у Гомера не засвидетельствована, у Геродота есть причастие δεδοικώς (Hist. 1, 107, 9).

со значениями ‘страшный, опасный’, ‘сомневаться’ и ‘бояться’ в русском, древнепрусском и южно-анатолийских языках, а также приводит типологические параллели такого развития значения (Иванов 2004: 107–108).

2. δειδίσκομαι в значении ‘приветствовать’ и ‘показывать’

2.1 Этимологическая проблема

Глагол δειδίσκομαι в значении ‘приветствовать; показывать’ часто предлагают возводить к форме δειδέχαται[9] (DELG; GEW: s. v. δηδέχαται; Forssman 1978: 3–24), употребляющейся в сходных контекстах.

Однако связь δειδίσκομαι с δειδέχαται сопряжена с определенными фонетическими трудностями. Если δειδίσκομαι восходит к δειδέχαται, то появление перед -σκ- гласного -i- вместо -e- незакономерно; эту особенность вокализма пытались объяснить влиянием глаголов на -ισκω (DELG: s. v. δηδέχαται; IEW: s. v. 1. dek̂-; Giannakis 1997: 237).

2.2 Анализ контекстов

Семантические трудности сближения δειδίσκομαι и δειδέχαται обнаруживаются при более пристальном анализе контекстов.

‘Приветствовать’

В значении ‘приветствовать’ δειδίσκομαι встречается только у Гомера. Комментаторы часто понимают это действие как жест руки с наполненным кубком. Дж. Руссо подчеркивает, что значение глагола нельзя фрагментировать до одной составляющей, поскольку современное положение дел невозможно полностью отождествить с правилами этикета того времени (Heubeck 2002: 54).

Употребления форм с похожей семантикой δειδέχαται и δεικανόωντο с дополнениями μύθοισιν (Od. 7, 72) и ἐπέεσσι (Od.

[9] В словарях δειδέχαται называют перфектом с презентным значением (Bailly 1981: 184) или просто презенсом (GEW: s. v. δηδέχαται), образованным по модели древнего редуплицированного интенсива, имевшего схему $C_1éC_2$-R(o)/R(z)- (LIV²: 24). Форма δειδέχαται не имеет точной этимологии. Предлагавшиеся варианты происхождения от корней *dek̂- ‘принимать’ (Tichy 1976: 71–84; Giannakis 1997: 237) или *deyk̂- ‘показывать’ (Forssman 1978: 3–24; Beekes: s. v. δειδίσκομαι) наталкиваются на возражения как с фонетической, так и с семантической точек зрения (Harðarson 1993: 63).

18, 111), безусловно, говорят о том, что значение этих глаголов подразумевает не только жест, но и словесное приветствие.

Кроме того, форма δειδέχαται всегда имеет в качестве прямого дополнения адресат приветствия: τοὺς μὲν ἄρα χρυσέοισι κυπέλλοις (Il. 9, 671); ἀλλήλους χρυσέοις δεπάεσσι (Il. 4, 4); σε θεὸν ὣς (Il. 22, 435) μίν θεὸν ὣς (Od. 7, 72). Например: Il. 4, 4 Οἳ δὲ θεοὶ πὰρ Ζηνὶ καθήμενοι ἠγορόωντο // χρυσέῳ ἐν δαπέδῳ, μετὰ δέ σφισι πότνια Ἥβη // νέκταρ ἐοινοχόει· τοὶ δὲ χρυσέοις δεπάεσσι // **δειδέχατ'** ἀλλήλους, Τρώων πόλιν εἰσορόωντες· – 'Боги, у Зевса сидящие на золотом помосте, совещались; среди них могущественная Геба разливала нектар; а те золотыми кубками **приветствовали** друг друга, взирая с высоты на город Троянцев'.

Il. 22, 435 ὅ μοι νύκτάς τε καὶ ἦμαρ // εὐχωλὴ κατὰ ἄστυ πελέσκεο, πᾶσί τ' ὄνειαρ // Τρωσί τε καὶ Τρῳῆσι κατὰ πτόλιν, οἵ σε θεὸν ὣς // **δειδέχατ'**· ἦ γὰρ καί σφι μάλα μέγα κῦδος ἔησθα // ζωὸς ἐών· νῦν αὖ θάνατος καὶ μοῖρα κιχάνει. – 'Ты, который для меня дни и ночи был гордостью в городе, и защитой для всех троянцев и троянок в городе, которые тебя как бога **приветствовали**; ибо ты был для них великой славой, будучи живым; теперь же настигает смерть и судьба'.

Если обратить внимание на то, с какими дополнениями употребляется δειδίσκομαι, можно заметить некоторые отличия. Глагол δειδίσκομαι, в отличие от других глаголов со значением 'приветствовать', ни разу не сопровождается адресатом приветствия в виде прямого дополнения и не употребляется с существительными, обозначающими слова или речь. Так, в Od. 18, 121 и Od. 20, 197 от δειδίσκετο зависит инструментальный датив, а адресат приветствия оказывается не зависящим от глагола:

Od. 18, 121 Ἀντίνοος δ' ἄρα οἱ μεγάλην παρὰ γαστέρα θῆκεν, // ἐμπλείην κνίσης τε καὶ αἵματος· Ἀμφίνομος δὲ // ἄρτους ἐκ κανέοιο δύω παρέθηκεν ἀείρας // καὶ δέπαϊ χρυσέῳ δειδίσκετο φώνησέν τε· – 'Антиной перед ним положил большой желудок, наполненный жиром и кровью; Амфином же, взяв из корзины два хлеба, положил перед ним, **поприветствовал** золотым кубком и произнес…'

Od. 20, 197 ἦ, καὶ δεξιτερῇ **δειδίσκετο** χειρὶ παραστὰς // καί μιν φωνήσας ἔπεα πτερόεντα προσηύδα· – 'Сказал, и, подойдя [к Одиссею], **поприветствовал** правой рукой, и, обратившись к нему, произнес крылатое слово.'

Дважды встречается презентное причастие δειδισκόμενος. В первом пассаже описывается сцена приветствия. Писистрат,

усадив за стол гостей, с кубком обращается к Афине: Od. 3, 41 …ἐν δ’ οἶνον ἔχευε // χρυσείῳ δέπαϊ· **δειδισκόμενος** δὲ προσηύδα // Παλλάδ’ Ἀθηναίην, κούρην Διὸς αἰγιόχοιο· – ‘…налил вина в золотой кубок и, **приветственно поднимая**, обратился к Палладе Афине’.

Во втором случае Менелай во дворе поднимает кубок и произносит напутствие, провожая Телемаха и Писистрата из Спарты: Od. 15, 150 τοὺς δὲ μετ’ Ἀτρεΐδης ἔκιε ξανθὸς Μενέλαος, // οἶνον ἔχων ἐν χειρὶ μελίφρονα δεξιτερῇφι, // ἐν δέπαϊ χρυσέῳ, ὄφρα λείψαντε κιοίτην. // στῆ δ’ ἵππων προπάροιθε, **δεδισκόμενος** δὲ προσηύδα· – ‘Вместе с ними вышел светловолосый Атрид Менелай, держа услаждающее душу вино в правой руке, в золотом кубке, чтобы они отправились, совершив возлияние. Он встал перед конями и, **приветственно поднимая**, произнес’.

Таким образом, семантическая и синтаксическая сочетаемость δειδίσκομαι позволяет предположить, что исторически этот глагол не подразумевал не только словесного приветствия, но и приветствия вообще.

‘Показывать’

Значение ‘показывать’ у δειδίσκομαι, по-видимому, является вторичным. В качестве иллюстрации значения ‘show’ в словаре LSJ (s. v. δειδίσκομαι) приводится пассаж из «Аргонавтики», в котором все боги, нимфы и кентавр Хирон наблюдают за отплытием Арго. Однако здесь значение глагола можно истолковать и как ‘поднимать’. Супруга Хирона поднимает Ахилла, чтобы его мог увидеть находящийся на борту Пелей (Apoll. Rhod. 1, 558): σὺν καί οἱ παράκοιτις, ἐπωλένιον φορέουσα // Πηλεΐδην Ἀχιλῆα, φίλῳ **δειδίσκετο** πατρί. – ‘с ним [Хироном] и супруга, на руках неся Пелида Ахилла, **[приветственно] поднимала** милому отцу’. В этом примере адресат приветственного жеста стоит в дативе (φίλῳ πατρί), а прямым объектом действия выступает тот, кого поднимают: Πηλεΐδην Ἀχιλῆα может зависеть и от причастия φορέουσα, и от имперфекта δειδίσκετο.

Другой случай употребления глагола в значении ‘показывать(ся)’ засвидетельствован у Плутарха (Plut. De facie 926, E, 6): ἔνθ’ οὔτ’ ἠελίοιο **δεδίσκεται** ἀγλαὸν εἶδος, // οὐδὲ μὲν οὐδ’ αἴης λάσιον γένος, οὐδὲ θάλασσα – ‘там **не показывается** ни светлый лик солнца, ни косматая стихия земли, ни море’. В пассаже цитируются стихи Эмпедокла, однако в тексте соответствующего фрагмента вместо δεδίσκεται употребляется форма διείδεται от διαείδομαι ‘показываться, обнаруживаться’: ἔνθ’ οὔτ’

ἠελίοιο **διείδεται** ὠκέα γυῖα // οὐδὲ μὲν οὐδ' αἴης λάσιον μένος οὐδὲ θάλασσα (Fr. 27, 14). Возможно, неточная цитата появляется у Плутарха под влиянием более позднего развития значения.

2.3 Семантическая параллель: *dvigati

Если семантика δειδίσκομαι в значении 'приветствовать' связана, в первую очередь, с перемещением предмета посредством колебательных движений вверх-вниз, рассматриваемый глагол вполне можно сопоставить со славянским *dvigati, который, по замечанию О. Н. Трубачева, имел первичное значение 'поднимать' (как польск. *dźwigać*, болг. *дúгам*, сербохорв. *дӱзати*, словен. *dvígati*, чеш. диал. *dvihat'*, слвц. *dvíhat'*, н.-луж. *zwigaś*), а не 'перемещать в горизонтальной плоскости' (как русск. *двигать*, укр. *двигати*).

Глагол *dvigati предлагается возводить к праслав. существительному *dvigъ < и.-е. *dwīghos / *duwīghos со значением 'развилка, разветвленная ветка'; такой предмет мог использоваться как рычаг для поднятия. Это существительное с высокой степенью вероятности может восходить к числительному *duwo 'два', мотивирующему название предмета с раздвоенным концом (Трубачев 1965: 4–6; Трубачев 1978: 168; Георгиев 1962: 325; Мельничук 1985: 17)[10].

3. Выводы

Рассмотренные этимологические гипотезы о происхождении и.-е. *dwey- и слав. *dvigati от и.-е. *duwo, а также анализ контекстов, уточняющий семантику δειδίσκομαι, позволяют привести к общему семантическому знаменателю древнегреческие формы от основы δειδισκ- / δειδισσ-, демонстрирующие оба пути развития значения индоевропейского корня.

С морфологической точки зрения сближение δειδίσκομαι с корнем *dwey- / *dwi- объяснило бы появление -ι- перед -σκ- / -σσ- как нулевую ступень корня и огласовку редупликации как результат компенсаторного удлинения после выпадения неслогового сонанта *-w-.

---

[10] Глагол *dvigati, представленный во многих славянских языках, часто упоминается как не имеющий точной этимологии (Преображенский 1910–1914: 175). Обзор других предлагавшихся версий см.: Фасмер 1964: 487.

Литература

Bailly, A. 1981: *Abrégé du dictionnaire grec-français*. Paris: Hachette.

Beekes, R. S. P. 1969: *The Development of the Proto-Indo-European Laryngeals in Greek*. Translated from the Dutch by T. S. Preston. The Hague; Paris: Mouton.

Benvenist, E. 1974: *Obshchaya lingvistika* [*General Linguistics*]. Yu. S. Stepanov (ed.). Moscow: Progress.

Бенвенист, Э. 1974: *Общая лингвистика*, под ред. Ю.С. Степанова. Москва: Прогресс.

Chantraine, P. 1968 : *Dictionnaire etymologique de la langue grecque: histoire des mots*. In 4 vols. Paris: C. Klincksieck.

Diels, H., Kranz, W. 1951: *Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch*. Aufl. 2, Bd. 1. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.

Dindorf, W. (cur.) 1855: *Scholia Graeca in Homeri Odysseam: ex codicibus aucta et emendata*. In 2 vols. Oxonii: E Typographeo Academico.

Dvoretskiy, I. Kh. 1958: *Drevnegrechesko russkiy slovar'* [*Ancient Greek – Russian Dictionary*], ed. S. I. Sobolevskiy, in 2 vols. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey.

Дворецкий, И. Х. 1958: *Древнегреческо-русский словарь*, под ред. С. И. Соболевского. В 2-х т. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.

Ebeling, H. 1885: *Lexicon homericum*. Vol. 1. Lipsiae: B. G. Teubner.

Vasmer, M. 1964: *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [*Etymological Dictionary of the Russian Language*]. Transl. from German by O. N. Trubachev, ed. by B. A. Larin. Moscow: Progress.

Фасмер, М. 1964: *Этимологический словарь русского языка*. Перевод с немецкого О. Н. Трубачева, под ред. Б. А. Ларина. Москва: Прогресс.

Forssman, B. 1978: Homerisch δειδέχαται und Verwandtes. *Die Sprache*, 3–24.

Frisk, Hj. 1960: *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. 3 Bde. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.

Gasparov, M. L. (ed.) 1985: Stesichori Fragmenta. Transl. and comm. by N. N. Kazanskiy. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of ancient history*], 217–237.

Гаспаров, М. Л. (ред.) 1985: Стесихор. Фрагменты. Перевод и комментарии Н. Н. Казанского. *Вестник древней истории*, 217–237.

Georgiev, V. I. 1971: *B"lgarski etimologichen rechnik* [*Bulgarian etymological dictionary*]. Sofia: BAN.

Георгиев, В. И. 1971: *Български етимологичен речник*. София: БАН.

Giannakis, G. 1997: Studies in the Syntax and Semantics of the Reduplicated Presents of Homeric Greek and Indo-European. *Innsbrucker Beiträge Zur Sprachwissenschaft, 90*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.

Hall, F. W, William, G. (eds.) 1907: *Aristophanes Comoediae*. Oxford: Clarendon Press.

Harðarson, J. A. 1993: *Studien zum urindogermanischen Wurzelaorist: und dessen Vertetung im Indoiranischen und Griechischen* (=Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, 74). Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.

Heubeck, A., Russo, J., Fernandez-Galiano, M. 2002: *A Commentary on Homer's Odyssey*. Vol. 3. Oxford; New York: Clarendon Press; Oxford University Press.

Ivanov, Vyach. Vs. 2004: K semanticheskoy tipologii proizvodnykh ot chislitel'nogo "dva" [Towards a semantic typology of the derivatives from the numeral 'two']. *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura. Sbornik statey v chest' N. D. Arutyunovoy* [*Concealed senses: Word. Text. Culture: Collected articles in honor of N. D. Arutyunova*]. Moscow, 101–11.

Иванов, Вяч. Вс. 2004: К семантической типологии производных от числительного "два". *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой.* М., 101–11.

Lentz, A. (cur.) 1965: *Herodiani Technici reliquiae. Grammatici graeci ecogniti et apparatu critico instructi*. P. 3, vol. 2, fasc. 1: Reliqua scripta prosodiaca pathologiam orthographica continens. Hildesheim: Olms.

Liddell, H. G., Scott, R., Jones, H. S. 1996: *A Greek-English Lexicon. With a Revised Supplement.* 9th edn. Oxford: Clarendon Press.

Mel'nichuk, O. S. (ed.) 1985: *Etimologichniy slovnik ukraïns'koï movi* [*Etymological dictionary of the Ukranian language*]. Vol. 2. Kiev.

Мельничук, О. С. (ред.) 1985: *Етимологічний словник української мови*. Т. 2. Київ.

Mooney, G. W. (ed.) 1912: *The Argonautica of Apollonius Rhodius*. London: Longmans, Green.

Peyron, A. (ed.) 1810: *Empedoclis et Parmenidis fragmenta ex codice Taurinensis bibliothecae restituta et illustrata.* Lipsiae.

Pokorny, J. 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. 2 Bde. Bern; München: Francke.

Preobrazhenskiy, A. G. 1910: *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [*Etymological Dictionary of the Russian Language*]. Moscow: Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarey.

Преображенский, А. Г. 1910: *Этимологический словарь русского языка.* Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей.

Rix, H., Kümmel, M., Zehnder, Th., Lipp, R., Schirmer, B. 2001: *Lexikon der indogermanischen Verben: die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. 2. Aufl. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.

Schmidt, M. (ed.) 1867: *Hesychii Alexandrini Lexicon*. Jenae.

Stallbaum, G (cur.) 1825–1826: *Eustathius Thessalonicensis. Commentarii ad Homeri Odysseam*. In 2 vols. Lipsiae.

The Packard Humanities Institute. *Thesaurus Linguae Graecae*. Los Altos, CA, 1992.

Tichy, E. 1976: Gr. δειδέχατο und idg. *dēḱti, dḗktoi. *Glotta* 54, S. 71–84.

Trubachev, O. N. 1965: Slavyanskie etimologii 41–47 [Slavic etymologies

41–47]. *Etimologiya: printsipy rekonstruktsii i metodika issledovaniya* [*Etymology: principles of reconstruction and methodology of research*], 4–6.

Трубачев, О. Н. 1965: Славянские этимологии 41–47. *Этимология: принципы реконструкции и методика исследования*, 4–6.

Trubachev, O. N. (ed.) 1978: *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [*Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexicon*]. Iss. 5 (*dělo–*drъžьlь). Moscow: Nauka.

Трубачев, О. Н. (ред.) 1978: *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд*. Вып. 5 (*dělo–*drъžьlь). Москва: Наука.

S. I. Dmitrieva. Towards the Etymology and Semantics of Gk. δειδίσκομαι

The paper analyses Greek forms derived from the present stem δειδίσκ-/δεδίσκ-, which are listed in dictionaries as homonymic derivatives from the verbs δειδίσκομαι ‘greet; show’ and δειδίσσομαι ‘fear, frighten’. A thorough study of contexts allows to specify more precisely the semantics of δειδίσκομαι and compare it with the slavic verb *dvigati ‘lift, raise; move’. Based on the current suggestions on the etymology of PIE *dwey- ‘fear’ and slav. *dvigati from the PIE numeral *duwo ‘two’ it is proposed that the two Greek verbs might share a common origin.

From the morphological point of view tracing δειδίσκομαι back to PIE *dwey- / *dwi- could explain the appearance of -ι- before -σκ- / -σσ- as a zero-grade of the root and the reduplication in -ει- as a result of compensatory lengthening after the loss of *-w-.

Keywords: δειδίσκομαι, δειδίσσομαι, δειδέχαται, PIE root *dwey-, slav. *dvigati, PIE numeral ‘two’.

В. Г. Долгополов

ИЕРАРХИЯ ИУДЕЙСКИХ АВТОРИТЕТОВ В «КИНЖАЛЕ ВЕРЫ» РАМОНА МАРТИ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ВОЗМОЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ

В своем антииудейском трактате «Кинжал веры» Рамон Марти внедряет в систему аргументации огромный пласт иудейских авторитетных сочинений. Конструируя возможный спор с иноверцами, он придает их аргументам, ранее не фигурировавшим в литературе Adversus Judaeos, различный статус. При этом он мог ориентироваться на традицию обозначения аргументов, принятую у его современников. В этой работе предпринята попытка обрисовать в общих чертах характер иерархии авторитетов, принятой у Рамона, установить ее возможные источники и понять цели применения этой иерархии.

Ключевые слова: Рамон Марти, «Кинжал веры», Винцент из Бове, Фома Аквинский, антииудейская полемика, auctoritas, sententia, Талмуд

Начиная со второй четверти XIII века давление на иудеев в западноевропейских странах возрастает. Одним из проявлений такого давления стала антииудейская полемика, серьезно расширившая свой инструментарий на протяжении этого столетия. В этих условиях на рубеже 70-80 гг. XIII века доминиканец Рамон Марти (ок. 1220 – ок. 1284) создал антииудейский трактат «Кинжал веры» (*Pugio fidei*), ставший примером первой масштабной рецепции талмудической и постталмудической традиции на латинском Западе. Целью этого сочинения стала апология христианства, основанная на аргументах, почерпнутых из Талмуда и мидрашей, а также сочинений других иудейских авторитетов: Раши (1040–1105), Маймонид (1135/1138–1204), Давид Кимхи (1160–1235). Исследователи (Cohen 1982: 144–170; Wiersma 2015: 81–112) традиционно обращают внимание прежде всего на эту новую тактику полемики с иудеями, в то же время не признавая за использованием новых источников систематического характера (Bobichon 2014: 336). В этой работе мы попытаемся доказать, что Рамон создает настоящую иерархию авторитетов, которая позволяет одновременно воспринять новые пласты знания и согласовать их с существующей традицией схоластической аргументации, реконструировать эту систему, а также постараемся установить источники, на кото-

рые опирался доминиканец[1] при ее создании. Эта иерархия, как мы предполагаем, была закреплена в терминологии для обозначения иудейских учителей, которой пользуется Рамон – терминах *auctoritas* (и связанных с ним понятий *sententia, testimonium, opinio*) и носителей такого авторитетного мнения (*doctores и magistri*).

Жизненный путь Рамона, родившегося на Пиренеях, как считают некоторые исследователи[2], был тесно связан с еще одним представителем доминиканского ордена – знаменитым Фомой Аквинским (1225–1274). Предположительно, они оба учились в Париже в 1245–1248 гг. у Альберта Великого (1200–1280). Вторая встреча Фомы и Рамона гипотетически могла произойти в 1260 гг., когда Рамон, недавно вернувшийся из миссионерской поездки в Тунис, мог консультировать Людовика IX, готовившего крестовый поход в это африканское государство. Как предполагают некоторые исследователи, именно через Рамона его патрон Рамон Пеньяфорт передал просьбу Фоме написать сочинение для проповедников[3], которое затем стало известно как «Сумма против язычников».

Даже если все эти предположения неверны, связь между сочинениями Фомы и Рамона кажется очевидной. Специалисты установили, что в «Кинжале веры» процитированы как минимум четыре сочинения Ангелического Доктора: «Сумма против язычников», «Золотая цепь» или «Непрерывная глосса на Евангелия», «Сумма теологии» и «О единстве интеллекта против аверроистов» (Bobichon 2014: 339, Wiersma 2015: 82–94). Чаще всего Рамон цитирует именно «Сумму против язычников»; поэтому в этой статье мы бы хотели сконцентрировать

---

[1] Данная работа является продолжением более крупного исследования, которое мы ведем на протяжении последнего года (см. Долгополов 2016). Здесь мы хотели бы акцентировать внимание на генезисе системы авторитетов, которую использует Рамон.

[2] Подчеркнем, что личное знакомство Фомы и Рамона является лишь предположением современных исследователей. Гипотеза об их контактах основана на письме издателю «Кинжала» Жак де Вуазен (сер. XVII в.), не отраженной в предшествующей традиции. Именно поэтому мы говорим лишь о *возможности* их прямых контактов.

[3] В 60-х гг. прошлого века наиболее написания «Суммы» датировалось 1258–1265 гг., в то время как сам крестовый поход состоялся в 1270 году. Пересмотр этой датировки был предложен издателем «Суммы» П. Марком как раз в связи с возможным визитом Рамона в Париж. См. Wiersma 2015: 43–45.

внимание на влиянии этого сочинения на систему аргументации доминиканца.

Долгое время в средневековой латинской литературе господствовало представление о Библии как единственном источнике *auctoritas*; иногда статус авторитетных получали высказывания отцов Церкви. К XII веку, в связи с рецепцией античной философии и литературы изречения философов также периодически получают характер авторитетных (Долгополов 2016: 1–3, Minnis 2014: 1–10; Ziolkowski 2009: 426). В XIII веке ранее единичные[4] ссылки уже исчисляются десятками. Чтобы закрепить за новыми авторитетными текстами определенный, приниженный, статус, схоласты создают иерархию авторитетов, кристаллизованную (см. табл. 1) в «Большом зерцале» Винцента из Бове (ок. 1190–1264), автора, вероятно, известного Рамону (Bobichon 2014: 362).

Таблица 1. Система авторитетов Винцента из Бове[5]

Статус авторов	**Авторы**	**Характер высказываний**
Doctores canonizati	Иларий, Афанасий, Иероним, Августин, Кирилл, Кассиодор, Исидор, Бернард и т.д.	Auctoritas
Doctores ceteri, prudentes quidem et catholici, sed non canonizati	Беда, Алкуин, Ансельм, Иво Шартрский, Ричард и Гуго Сен-Викторские и т. д.	
Philosophi et doctores gentium	Присциан, Аристотель, Цицерон, Гиппократ.	Testimonium
Apochripha		«Nullam auctoritatis dignitatem habent»

[4] Авторы XII века (например, Петр Абеляр (1079–1142) или Иоанн Солсберийский 1115/1120–1180) говорили об некоем «авторитете философов». Во времена Фомы использование *auctoritas Philosophi* стало массовым – у самого Аквината насчитывается 13 ссылок на авторитет Аристотеля (и 11 – на авторитет анонимных философов). У Бонавентуры (1218–1274) это понятие встречается восемь раз, Роджера Бэкона (1214–1292) – 10, у Иоанна Дунса Скота (1266–1308) – 31 раз, у Жана Буридана (1300–1358) – 42 раза, у Уильяма Оккама (1285–1347) – 67 раз. Эти данные получены благодаря поиску в базе данных Corpus Christianorum, continuatio medievalis. http://apps.brepolis.net.proxy.rubens.ens.fr/BrepolisPortal/default.aspx

[5] Таблица составлена на основании данных, представленных в статье Моник Полмье-Фукар (Paulmier-Foucart 2001: 147, 150).

Эта несложная схема имела определенные недостатки: в частности, она слабо отражала как внутреннюю градацию среди философов, так и развитие самой схоластики. В текстах середины XIII века для обозначения современников вместо выражения *dicunt quidam* куда чаще используются *dicunt magistri* или (несколько реже) *doctores moderni.* Это коснулось, в частности, двух авторов XII века – составителя «Сентенций» Петра Ломбардского (Magister sententiarum, ок. 1096–1160) и Петра Едока (Magister historiarum, ум. ок. 1178), а также целой группы их современников. За ними закрепляется наименование *magister*, ссылки в схоластических сочинениях нередко приобретают вид sicut dicit magister Hugo (Guillemus, Ricardus etc.)[6]. Различие между этими двумя категориями средневековых и позднеантичных авторов в целом соответствует закрепившемуся тогда же разделению на *antiqui* и *moderni*. Высказывания магистров также нередко обозначаются как *opinio* или *positio,* высказывание, менее значимое по сравнению с auctoritas[7].

Эти наименования вскоре стали общим местом в схоластической литературе при сохранении взаимозаменяемости *doctores* и *magistri*[8]. Эта тенденция коснулась и сочинений Фомы. Заслуга Ангелического Доктора состоит в другом. В XII веке в сочинениях западноевропейских авторов появились ссылки на многочисленных древних философов, утверждения которых также требовали систематизации. Наряду с обычным осуждением (выражавшемся в обозначении того или иного высказывания как *error* или *falsitas*) приходит другое деление. В частности, мнение Аристотеля начинает оформляться как *sententia*[9]

[6] О меняющемся значении слова magister в том числе в XII веке см. Долгополов 2016: 16–17; Ziolkowski 2007.

[7] Как *magistri* у авторов середины XIII века, например, обозначаются Гуго Сен-Викторский (1096/97–1141), Гильом Оксерский (ум. 1231), Препозитин Кремонский (ум. ок. 1210) и ряд других. Все они, как правило, излагают некое мнение; эта тенденция заметна уже у Альберта Великого (Commentarii: 122).

[8] В том смысле, что схоласты могли ссылаться на мнения неких *magistri*, а в следующем предложении обозначать тех же лиц словом *doctores*. В то же время христианские учителя, за которыми закрепилось обозначение magister (например, Гуго Сен-Викторский) уже не будут обозначаться как *doctor*. Таким образом, в XIII веке происходит разделение значений обоих терминов (См. Gryson 1982: 65).

[9] Угуччо Пизанский (1140–1210) в частности, дает такое определение *auctoritas*: «*Auctoritas: id est sententia digna imitatione* Цит. по Gillespie 2005: 182.

(т. е. высказывание, потенциально способное стать авторитетным), в то время как высказывания натурфилософов или стоиков нередко обозначаются как *opinio или positio*[10]. Такие мнения могут служить аргументом в системе доказательств самого Аристотеля (которую воспроизводит Фома)[11], однако чаще всего они подлежат опровержению[12]. Система авторитетов у Фомы на материале «Суммы против язычников» показана в таблице ниже.

Таблица 2. Система авторитетов в «Сумме против язычников»

Обозначения текстов/авторов	**Авторы**	**Характер высказываний**
Sacra Scriptura		auctoritas/testimonium
Patres et doctores Ecclesiae/doctores antiqui[13]	Иероним, Афанасий, Августин, Ориген, Иоанн Дамаскин, Иоанн Златоуст и т. д.	auctoritas[14]
Philosophi	Аристотель, Платон	sententia
	Naturales/antiqui (Демокрит, Левкипп, Анаксагор и т. д.)	opinio/ positio
	Арабские философы (Аверроэс)	positio/opinio
Rabbi Moyses	Маймонид	opinio[15]

[10] "Quia huic positioni Averroes praestare robur auctoritatis nititur propter hoc quod dicit Aristotelem ita sensisse, ostendemus manifeste quod praedicta opinio est contra sententiam Aristotelis" (ScG: 2, 61, 1). Подчеркнем, что речь идет о наиболее распространенных случаях в «Сумме». В целом эта система цитирования весьма неустойчива. Аристотель, как и другие философы, может выражать обычное «мнение», и одновременно с этим быть авторитетом (термин *auctoritas* в «Сумме» используется в применительно к Стагириту всего один раз – ScG: 2, 79, 12), однако в других сочинениях выражения типа *auctoritas Aristotelis* или *auctoritas philosophi* исчисляются десятками).

[11] *Thomas de Aquino.* In Aristotelis libros Physicorum: 607.

[12] "Excluditur opinio Democriti et Leucippi…" (ScG: 2, 39, 9); "Excluditur opinio Anaxagorae…" (ScG: 22, 40, 7) etc.

[13] ScG: 4, 24, 7; ScG: 4, 41, 11.

[14] Фома в большинстве случае действительно обозначает оба вида аргументов как *auctoritas.* Различие между ними он полагает в другом сочинении, «Сумме теологии». Там он говорит, что «авторитет же канонических Писаний – истинен и неоспорим; авторитет учителей Церкви, хотя на них и ссылаются, не неоспорим» (ST I: q.1, a.8 ad 2). Подробнее см. Ryan 2007: 443–456.

[15] Слова Маймонида оформлены как некое высказывание (*opinio*) лишь в одном случае – в сочинении «Дискуссионные вопросы о могу-

Рамон, как мы уже сказали, знакомый с сочинениями Фомы, предложил новую тактику полемики против иудеев, основанную на Талмуде. Сам по себе термин известен с XII века, однако в случае предшественников Рамона речь шла лишь о критике Устной Торы. Рамон предложил использовать ее положения и предания в качестве доказательства истинности христианской веры (PF: 2). Для этого он внедряет в христианскую систему аргументации значительное число в целом новых для схоластики авторов, при этом используя терминологию своих предшественников[16] для обозначения статуса их самих и их высказываний. Такая система ссылок должна была выглядеть максимально аутентично, чтобы быть воспринятой иудейской аудиторией[17].

«Кинжал веры» состоит из трех частей: первая из них посвящена критике философских учений, которые противоречат христианской вере; целью двух других является апология христианства перед лицом иудеев. В первой части сочинения Рамона содержится наибольшее число цитат из Фомы; заимствуя ссылки на неизвестных ему авторов (Bobichon 2015: 339) из «Суммы против язычников», доминиканец перенимает и систему философских авторитетов, принятую у Ангелического Доктора. Так, словом *sententia* обозначаются лишь высказывания Сенеки (PF: 2) и «суждение всех философов» (PF: 178)[18], в то время как изречения Платона, Анаксагора и Эмпедокла подаются как *opinio* (PF: 185).

В своем сочинении доминиканец проводит относительно новую (Cohen 1983: 24–26) для антииудейской полемики идею о том, что иудейские учителя сознательно решили убить

ществе» (QDP: 204). Достоверных доказательств того, что Рамон пользовался этим сочинением, пока не выявлено. В большинстве случаев Аквинат оформляет высказывание Рамбама как «dicit rabbi Moyses. Всего в сочинениях Фомы насчитывается порядка 79 ссылок на Маймонида (в том числе в «Сумме» ScG: 3, 97, 15).

[16] В отличие от Винцента, Фома и Рамон не составляли иерархий авторитетов в собственном смысле этого слова. Указания на статус того или иного высказывания рассеяны по всему тексту их пространных сочинений.

[17] Другим способом придания аргументу релевантности стало цитирование Танаха, Талмуда, мидрашей и сочинений иудейских философов и экзегетов, а также отдельных фрагментов Евангелий, на древнееврейском языке. См. Szpiech 2012; Szpiech, 2014: 338–344.

[18] Это выражение представляет собой цитату из «Суммы против язычников». См. ScG: 2, 34, 2.

Христа, осознавая, что он был Богом и Мессией. В связи с этим он выделяет три основных группы иудеев: составившие Библию святые отцы (пророки); фарисеи и книжники (называемые им *magistri* и *antiqui patres Judaeorum (*PF: 330, 360), авторы Талмуда и мидрашей; и поздние иудейские экзегеты XI–XII вв., которым принадлежат различные комментарии на Талмуд. Если первые в своих трудах предвосхитили приход Спасителя, то вторые, обнаружив его соответствие признакам Мессии, не только отринули его, но и исказили сам библейский текст, чтобы скрыть истину о приходе Мессии от простого народа (PF: 222, 669). Тем не менее, в их сочинениях содержатся указания на то, что Христос действительно был Мессией, чем и воспользовался Рамон, доказывающий с помощью их преданий (т. е. Талмуда и мидрашей) истинность христианства. Представители третьей группы (*moderni Judaei,* PF: 396, 431), под которыми подразумеваются преимущественно иудейские авторы XII века, отвергая истинность христианства, в своем безумстве, пишет Рамон, также отвергают христологическое толкование Талмуда, которое подтверждается и их собственными сочинениями)[19]. Высказывания иудейских мудрецов из этих трех групп обозначаются разными терминами, которые предельно четко различаются Рамоном. *Auctoritas* безраздельно принадлежит Библии, ее Божественному и человеческому авторам[20]. От Текста в собственном смысле слова отделены Талмуд и мидраши, признаваемые аутентичными среди иудеев, однако не имеющие статуса *auctoritas*; чаще всего они обозначаются словом *sententia*[21]. Вместе они формируют иудейское предание (*traditiones, см., например,* PF: 2, 487)[22], а сами эти выска-

[19] См. например, PF: 234: "Opinio eius qui dixit quod Cirus est Messias Domini non est congrua. Ex his igitur patet quod Cyrus in Iesaia non est vocatus Messias apud Patres antiquos; unde quicumque de Iudaeis contrarium dicit, velut insanus in ipsorum auctoritatem proteruit quos veridicos esse fatetur".

[20] В этом плане Рамон выглядит куда консервативнее своих современников, которые нередко обозначают этим термином высказывания Аристотеля или некоторых «философов». О трактовке античной традиции в «Кинжале веры» см. выше.

[21] Сопоставляемое Рамоном с положениями Галахи – PF: 360.

[22] Используя этот термин, Рамон ориентируется на существовавшую задолго до него традицию цитирования иудейских преданий. Ряд довольно фрагментарных ссылок на талмуд встречается еще у Иеронима; в качестве *traditiones Hebraeorum* они перекочевали в труды более поздних авторов. См. Долгополов 2016: 13.

зывания приобретают характер свидетельства (*testimonium*)[23], играющего роль «ослабленного» авторитета, аналогичного третьей категории у Винцента из Бове (см. табл. 1)[24]. От этих традиций Рамон строго отделяет цитаты из сочинений более близких к нему по времени иудейских авторов, таких как Раши, Давид Кимхи или Авраам ибн Эзра[25], которые обозначаются как *dictum* или *opinio* (PF: 234, 330)

Все авторы постбиблейских иудейских сочинений обозначаются словом *magistri*. Параллельно с ними в тексте «Кинжала веры» фигурируют и христианские учителя, за которыми скрываются авторы XII–XIII вв. (Альберт Великий и Петр Альфонси, PF: 445 и 540), чьи высказывания не несут характер авторитетных. Доминиканец также приводит цитаты из некоторых ранних христианских авторов, которых он называет *doctores* (PF: 421)[26]. Их высказывания квалифицируются как *sententia* – термин, который также обозначает изречения Аристотеля или цитаты из Талмуда и мидрашей. В общем виде система авторитетов выглядит так.

[23] "Si quis diligenter aduertat has duas traditiones (здесь подразумеваются талмудический трактат Шаббат и мидраш Кохелет), In nomine Domini nostri Iesu Christi fuisse facta miracula ludaicarum scripturarum testimonio comprobabit". PF: 290.

[24] Рамон действительно строго отделяет авторитетные высказывания от неавторитетных. Всякий раз цитируя сначала некий пассаж из Священного Писания соответствующий ему отрывок из Талмуда, но указывает, что в первом случае речь идет об *auctoritas*, а во втором – о *traditio*. "Hucusque Talmud. Animaduertat hic tua prudentia, Lector, quod ad veritatem huius traditionis, atque authoritatis". (PF: 666) Здесь под авторитетом подразумевается цитата из Захарии (Зах 12, 12), тогда как под преданием – фраза из Талмуда.

[25] Высказывания этих авторов, иногда квалифицируемых как *testes*, не обозначаются словом testimonium. Эта особенность системы цитирования Рамона, как нам кажется, подтверждает наличие у него иерархии авторитетов.

[26] Это Августин, Афанасий Великий и Исидор Севильский – все трое фигурируют в перечне канонизированных докторов Винцента из Бове.

Таблица 3. Система авторитетов в «Кинжале веры»

Автор	Характер текста	Наименование текста	Статус цитат
Deus	Textus	Библия	auctoritas
Sancti patres [Judaeorum]			
Doctores		Августин, Афанасий, Исидор	sententia
Magistri		Альберт Великий, Петр Альфонси	[dictum]
Patres Judaeorum/ sapientes/ soferim/scribae/ antiqui magistri	Doctrina/ Traditio	Талмуд	testimonium
	Traditio/ Glossa	мидраши	
Septuaginta interpretes		Септуагинта	
Magistri		Таргум	
Testes / Judaei moderni	Glossa (Postilla) rabbi Salomonis	Раши	dictum, opinio
		Давид Кимхи, Авраам ибн Эзра	
Philosophi		Маймонид	sententia
		Сенека	
		Анаксагор, Эмпедокл, Платон	opinio

Как мы видим, способы цитирования иудейских авторитетов в «Кинжале веры» выстраиваются во вполне последовательную схему. С одной стороны, Рамон придает высказываниям иудейских мудрецов и учителей определенный статус, что позволяет использовать их в качестве аргумента против самих иудеев. Внутренние градации иудейских авторитетов отражают их релевантность в споре с иудеями. В то же время, их высказывания не несут характера подлинного авторитета, которым наделен библейский текст. Тот же статус придается и высказываниям античных философов, и сочинениям Отцов

Церкви, которые не являются авторитетными для иудеев. Внедрение такой иерархии, как, видимо, считал Рамон, одновременно позволяет ввести эти авторитетные цитаты в систему аргументации и закрепить за ними приниженный статус, вполне соответствующий духу того времени. Детальное изучение иудейской постбиблейской традиции и обнаружение в ней дополнительных свидетельств в пользу того, что иудеи знали о божественной природе Христа, также усугубляло их вину в его убийстве, а обвинения в фальсификации лишали иудеев их традиционной роли «носителей» свидетельства Ветхого Завета. В этом свете классификация иудейской литературы приобретает новый смысл. Все эти новые обвинения в адрес иудеев неизбежно ослабляли и без того зыбкие позиции иудеев в христианском обществе.

Литература

Bobichon, Ph. 2014: La 'bibliothèque' de Raymond Martin au couvent Sainte-Catherine de Barcelone: sources antiques et chrétiennes du Pugio fidei (ca 1278). In : *D. Nebbiai-Dalla Guarda, N. Bériou, M. Morard (eds.). Entre stabilité et itinérance. Livres et culture des ordres mendiants, 13e-15e siècle*. Brepols, 329–366.

Cohen, J. 1983: The Jews as the killers of Christ in the latin tradition, from Augustine to the Friars. *Traditio* 39, 1–27.

Cohen, J. 1984: *The Friars and the Jews: The Evolution of Medieval Anti-Judaism*. Ithaca, 1984.

Dolgopolov, V.G. 2016: "Tvoi doktora ... soglasny s podlinnymi katolicheskimi doktorami" [Your doctors ... agree with true Catholic doctors]. In: *Odysseus. A Person in History* 25 (in print).

Долгополов 2016 – Долгополов В.Г. «Твои доктора … согласны с подлинными католическими докторами» Иудейские учителя в литературе Adversus Judaeos (XII – нач. XV вв.): статус и способы обозначения. *Одиссей: Человек в истории* 25. 2016 (В печати. Электронная версия доступна на портале academia.edu: https://www.academia.edu/s/1951eb306f?source=link)[27]

Gillespie, V. 2005: The study of classical authors from the 12th century to *c*. 1450. In: A. Minnis, I. Johnson (eds.). *The Cambridge History of Literary Criticism*. Vol. 2. The Middle Ages. Cambridge,

Gryson, R. 1982: L'autorité des docteurs dans l'Église ancienne et médiévale. *Revue théologique de Louvain* 13 (1), 63–73.

Minnis, A. 2012: *Medieval Theory of Authorship. Scholastic Literary Attitudes in the Later Middle Ages*. Philadelphia.

[27] Данная статья принята к печати в указанном сборнике. Номера страниц соответствуют страницам pdf-файла.

Paulmier-Foucart, M. 2001: Vincent de Beauvais et l'écriture de Speculum Maius. In: *Auctor et auctoritas. Invention et conformisme dans l'écriture médiévale*. Paris, 145–160.

Ryan, F. 2007: Auctoritas in the Theology of St Thomas Aquinas. *New Blackfriars* 88, 443–456.

Szpiech, R. 2012: Translation, Transcription, and Transliteration in the Polemics of Raymond Martini, O.P. (d. after 1284). In: Ch. D. Wright and K. Fresco (eds.). *Translating the Middle Ages*. Aldershot, 171–187.

Szpiech, R. 2014: The Aura of an Alphabet: Interpreting the Hebrew Gospels in Ramon Martí's Dagger of Faith (1278). *Numen* 61, 334–363.

Wiersma, S. 2015: *Pearls in a dunghill. The anti-jewish writings of Raymond Martin* O.P. (ca. 1220 – ca. 1285). PhD dissertation. Tilburg, 2015. https://pure.uvt.nl/portal/files/6752351/ Wiersma Pearls_20_05_2015.pdf

Ziolkowski, J.M. 2009: Cultures of Authority in the Long Twelfth Century. *Journal of English and Germanic Philology* 108 (4), 421–448.

Ziolkowski, J.M. 2007: Mastering Authors and Authorizing Masters in the Long Twelfth Century. In: W. Verbaal, Y. Maes, J. Papy (eds.). *Latinitas perennis*. Vol. I, 93–118.

Источники

PF – *Raimundus Martini. Pugio fidei adversus Mauros et Judaeos*. Parisiis, 1651.

QDP – *Thomas Aquinas. Quaestiones disputatae de potentia. Westminster*, 1952.

ScG – *Thomas Aquinas. Summa contra Gentiles*. http://www.corpusthomisticum.org/scg1001.html

ST – *Thomas Aquinas. Summa theologiae* http://www.corpusthomisticum.org/sth0000.html

Commentarii – Borgnet A. (ed.). Albertus Magnus. *Commentarii in quartum librum Sententiarum*. Parisiis, 1893

V. G. Dolgopolov. The hierarchy of Jewish auctoritates in Ramon Martí's *Pugio fidei* ("Dagger of faith") (13th century): terminological features and possible sources

Christian scholars' attacks on Jews and their literature (i.e. the Talmud, midrashim, works by Rashi, Maimonides and other Jewish exegetes and philosophers) greatly strengthened in the 13th century. Many of those repeating attacks were focused on the detailed investigation of the Jewish sources. Their obscure nature required an accurate classification. This problem was solved by a Dominican friar Ramon Martí. His *Pugio fidei* ("Dagger of faith") became the first Latin compendium of Jewish postbiblical literature. Using the traditional Christian terms for the major quotes (such as *auctoritas, sententia, testimonium*) and terms, applied to teachers of truth, Ramon created an hierarchy of sources (including Jewish, Christian and philosophical) that could be applied in polemics against the Jews. Ramon's system was partly derived from works of his predecessors, mainly from those of Thomas Aquinas, whose writings he constantly cited.

The hierarchy of the *auctoritates* in *Pugio fidei* was an effective instrument to convert the Jews and show the depravity of their faith.

This system also helped Ramon to prove two facts: the Jews had known that the Christ was Messiah and God, because this followed from their own authentic tradition (Talmud), so they killed him not because of their blindness, but committed this crime deliberately. This circumstance aggravated the guilt of Jews in this case. Another anti-Jewish invective, ensuing from Ramon's text and partly from his system of auctoritates, was the falsification of the Scripture. Ramon tries to show that the Jews, who falsified the text of the Bible, hardly could be the keepers of truth of the Old Testament, so they should not be tolerated within the Christian society.

Keywords: Ramon Martí, Pugio fidei, Thomas Aquinas, Vincent of Beauvais, Summa contra Gentiles, anti-Jewish polemics, Talmud, Rashi, Maimonides, auctoritas, sententia.

М. В. Домосилецкая

ПЧЕЛОВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В АРУМЫНСКОМ ГОВОРЕ СЕЛА КРАНЕЯ / ТУРЬЯ (по материалам МДАБЯ)[1]

В статье, основанной на опубликованных полевых материалах МДАБЯ, дается комплексное описание пчеловодческой лексики арумынского села Кранеа/Турья (Греция, Пинд). Подробно разбираются все лексические лакуны в данной области, случаи неразличения и нейтрализации понятий, проводится анализ богатой синонимии, а также результаты сплошной этимологизации всех 122 лексем данной тематической группы.

Ключевые слова: Малый диалектологический атлас балканских языков (МДАБЯ), пчеловодческая лексика, арумынский язык, южноарумынские говоры, Кранеа/Турья, лексические неразличения и нейтрализации, этимология, заимствования, синонимия.

Настоящее исследование опирается на полевые материалы «Малого диалектологического атласа балканских языков» (МДАБЯ), опубликованные в монографическом томе, посвященном говору южноарумынского села Турья / Кранея (греч. Κρανέα, Κρανιά, Τούργια, арум. Turĭa) (Bara, Kahl, Sobolev 2005).

Село расположено в северной Греции (горы Пинд) на западе Эгейской Македонии, неподалеку (34 км) от города Гревена. Поселение «окружено поросшими сосновым и дубовым лесом горами с большим количеством водных источников и высококачественными горными пастбищами» (Bara, Kahl, Sobolev 2005: 16). По наблюдениям исследователей, говор села Кранея / Турья относится к группе южноарумынских говоров (Bara, Kahl, Sobolev 2005: 18–19; Wild et al. 1981: 11).

Всего раздел «Пчеловодство» тематического лексического вопросника МДАБЯ (Domosiletskaya, Zhugra, Klepikova 1997) состоит из 128 вопросов. Участникам полевой диалектологической работе в Крании удалось получить ответы почти на все из них, и что весьма важно – зачастую однословные. Таких лексикализованных ответов обнаружено **89**, например: *alg''inā*

[1] Данная работа написана при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 15-04-00008 (а) «Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Пчеловодство».

‘пчела медоносная домашняя’ (вопрос 8.001)[2], *k’iʃ'in* ‘трутень’ (8.004), *prusup'iðā* ‘сетка, надеваемая на голову пасечника, маска’ (8.101), *brik* ‘брюшко пчелы’ (8.124) *'imiri* ‘незлобивые – о пчелах’ (8.127). Описательных ответов разной степени развернутости было найдено **55**[3], например: *ți ad'arā fume'aľi m'ultā* ‘ройливые – о пчелах’, букв. ‘которые делают семьи многочисленные’ (8.125), *g'uva di 'arbur* букв. ‘яма, отверстие дерева’ и *b'učum ku alāg’'inā* букв. ‘обрубок, колода с пчелами’ – оба ответа на вопрос ‘искусственная борть (искусственное, выдолбленное человеком дупло с сотами)’ (8.025).

Важно подчеркнуть, что на 16 вопросов респонденты **не дали ответа** или утверждали, что соответствующего слова для обозначения реалии в говоре **не существует**. Анализ таких случаев позволяет сделать выводы о природных реалиях, окружающих носителей диалекта, а также высказать предположения об их своеобразном взгляде на окружающий мир. Итак,

1) Отсутствие слова на вопрос о диком пчеловодстве 8.022 свидетельствует о том, что в данной местности не практикуется охота за медом и воском диких пчел, соты которых разыскиваются в дуплах.

2) Нет в говоре и отдельного слова для бортевого пчеловодства – вопрос 8.023. На данный вопрос: «Как называется древний способ содержания полуодомашненных пчел, при котором они живут в естественных дуплах деревьев или в искусственных бортях, т. е. выдолбленных человеком полостях-дуплах или колодах, подвешиваемых на стволы деревьев» – получен ответ *tu l'oklu* (букв. ‘на месте’). По всей видимости,

---

[2] Здесь и далее – порядковый номер по лексическому вопроснику МДАБЯ (Domosiletskaya, Zhugra, Klepikova 1997), где первой цифрой «8» обозначен сам раздел «Пчеловодство», а далее – порядковый номер вопроса: 001–128.

[3] Суммарное число полученных ответов, естественно, не соответствует числу заданных в вопроснике вопросов – 128. Это объясняется несколькими причинами и прежде всего тем, что в ряде случаев имеем дело с внутридиалектной лексической синонимией, что автоматически увеличивает количество анализируемых лексем и лексических словосочетаний. См., примеру, вопрос 8.121 ‘хоботок пчелы’, на что респонденты дали ответы: *sk’in*^{u} букв. ‘колючка, жало’ и *m'itkā min'utā* букв. ‘хобот, нос, клюв маленький’; вопрос 8.052 ‘рой, семья пчел’: *fume'aľi* и *zmin*^{u}. С другой стороны, число полученных лексем и лексических словосочетаний может быть меньше за счет понятийных лакун (подробнее см. ниже), а также за счет обнаруживаемой полисемии (см. *alg’'inā* ‘пчела медоносная домашняя; личинка пчелы’).

собиратели вынуждены были по-разному толковать этот вопрос для не совсем понявших его респондентов, которые смогли ответить только на формулировку *где*. Однако при отсутствии общего названия для данной разновидности промысла носители говора владеют целым «кустом» именований способов размещения полудиких пчел! Так, на вопрос 8.024 «Естественная борть» получены ответы: *'arbur k'ufĩu* ‘пустое, полое дерево’, *b'učum ku alg''inā* ‘бревно, ствол с пчелами’, *g'uva di la kuf'alā* ‘яма, дыра в дупле’. На вопрос 8.025 «Искусственная борть» получены ответы: *g'uva di 'arbur* ‘яма, отверстие дерева’ и *b'učum ku alāg''inā* ‘обрубок, бревно с пчелами’. Судя по двузначности *b'učum ku alāg''inā*, которое может указывать как на естественную, так и на искусственную борть, можно говорить о некотором наложении и неразличении этих понятий. Это неразличение все же не абсолютно и компенсируется наличием ряда синонимичных именных словосочетаний.

Полностью отсутствует в говоре и обозначение должеи – продольной выемки в стволе, по которой мед стекает из дупла в соответствующую емкость (вопрос 8.027). Возможно, это связано с особыми местными специфическими конструкциями бортей и неуниверсальностью данного конструктивного элемента.

3) Удивительно отсутствие лексического обозначения для пасеки как пчеловодческого хозяйства, т. е. места, где расположены ульи, обычно принадлежащие одному хозяину. Вероятно, это объясняется тем, каким образом собирателями был сформулирован вопрос (скорее всего, как и в случае с бортевым пчеловодством, с вопросительным словом *где? – «где расположено такое место»?*), ибо на него все же были получены ответы: *tu sur'in* букв. ‘на солнечном склоне’, *tu 'agru* ‘в поле’. Отсутствие ответа на вопрос 8.100 «Человек, занимающийся пчеловодством», конечно, странно, однако может быть оправдано тем, что пчеловодство, по всей видимости, воспринимается носителями говора не как основной, а подсобный вид хозяйствования[4], несмотря на его популярность и широкое распространение в Западной Македонии и Фессалии.

Не меньшее удивление вызывает отсутствие слова для такого понятия, как ‘прополис’ (вопрос 8.092) – темное смолис-

[4] Основными традиционными занятиями жителей села являются разведение мелкого рогатого скота, полеводство, деревообработка и содержание придорожных кофеен (Bara, Kahl, Sobolev 2005: 18).

тое пластилино-подобное вещество, вырабатываемое пчелами из почек деревьев и служащее им своего рода клеем для подсобных строительных целей (как замазка). Без прополиса пчелиная постройка (естественная или созданная человеком) существовать не может. Зададимся вопросом: неужели это излюбленное у многих народов лечебное средство неизвестно арумынам села Кранея, а поскольку оно не находит применения в повседневной практике, то и не выделяется сознанием и не получило особого обозначения? Представляется, что данный факт требует повторной проверки в полевых условиях.

4) Нет слов для различения вертикального и горизонтального ульев (вопросы 8.043 и 8.044 соответственно). Из данного ремесленного лексикона Крании неясно, каким образом происходит (и осуществляется ли вообще?) расширение при необходимости объема улья в данном селе: надставками дополнительных корпусов вширь или вверх.

5) По всей видимости, в Крании отсутствуют и специальные ульи для разведения маток (вопрос 8.046), т. е. скорее всего искусственным выведением пчелиных маток там не занимаются, полагаясь на естественную их замену через два–три года самими пчелиными семьями.

6) Не требует объяснения отсутствие особого слова на вопрос 8.088 «Инструмент, при помощи которого вставляется искусственная вощина в рамку», на который получен ответ *ku m'āna* букв. ‘рукой’.

7) Некоторые лакуны могут быть объяснены особенностями местного климата и связанной с ними спецификой зимовки пчел, для которой не требуется особых помещений и сильного утепления ульев – см. отсутствие слова для такого понятия как ‘зимовник (помещение для содержания пчел зимой)’ (№ 8.108), ср. опис. ответ на этот вопрос: *ad'ar 'unā po'alā di č'ingu prā ț'uprā* ‘ покрывают [улей] сверху цинковым листом’.

8) Провоцирует определенные размышления и ответ на вопрос 8.021 «время сбора пчелиного меда». Как известно, село находится на высоте 960 м над уровнем моря в северной части Пинда (Bara, Kahl, Sobolev 2005, 16). Хотя это ярко выраженная гористая местность, тем не менее полученный ответ – *k'ir'olu ți dişkl''id po'amili* букв. ‘время, которое раскрывает фруктовые деревья’, т. е. время, когда распускаются фруктовые деревья (с пояснением: «15 мая – 25 июня») – вызывает закономерный вопрос о довольно позднем цветении здесь плодовых деревьев. Однако этот же ответ еще раз подтверждает факт того, что

основными медоносами в Крании в весеннее время выступают преимущественно цветущие фруктовые насаждения. При этом неясно, почему носители говора оставляют в стороне от точных языковых обозначений летний период сбора пчелами меда: с горных луговых трав, с хвойников и т. д., т. е. летний медосбор. По всей видимости, для носителей арумынского говора очень важно выделить именно *первый* – после зимнего относительного затишья – сбор пчелами меда.

9) Показательны обнаруженные лакуны на вопросы 8.063 и 8.070 – ‘мед падевый’ и ‘падь (сладкий налет на листьях растений, выделяемый тлями)’ соответственно. Выходит, что получением такого рода меда пчеловоды Крании не занимаются. Однако известно, что именно в горных районах Греции добывают обычно падевый мед высокого качества, основу для которого предоставляют пчелам дубовые рощи, еловые и сосновые леса[5]. А ведь именно сосновыми и дубовыми лесами на склонах гор и окружено это село (см. выше).

Проведенный системный семантический анализ пчеловодческой лексики арумын села Кранея / Турья позволил также сделать важные выводы относительно ментального и языкового членения ими окружающей действительности. Речь пойдет прежде всего о ряде случаев **лексических неразличений** пчеловодческих понятий.

1) *arγ'at*, *erγ'at* ‘рабочая пчела’ (8.003) и *arγ'at*, *erγ'at* ‘пчела-кормилица’ (8.005). Неразличение вполне возможно и достаточно объяснимо, поскольку пчелы-кормилицы представляют собой подавляющее большинство пчелиной семьи, а именно, рабочих пчел – женских особей с недоразвитыми половыми органами. Прочие виды рабочих пчел, специализация которых закладывается еще на стадии личинки («пчелы-печки», «фуражиры», «охранники» и проч.), составляют гораздо меньшую часть и, по всей видимости, не столь важны с точки зрения традиционного пчеловодства.

2) Не столь релевантно для сознания носителей арумынского говора Крании и такое понятие, как ‘личинка пчелы’. См. лексическое неразличение *alg''inā* ‘пчела медоносная домашняя’ (8.001) и *alg''inā* ‘личинка пчелы’ (8.008).

[5] Сосна позволяет получить в Греции даже зимний (декабрь–февраль) падевый взяток. В основном это сосна алеппская (Pinus hallepensis), которая в Фессалии и Западной Македонии, как на более северных землях, все же массово не произрастает.

3) Лексическое неразличение ‘улей (общее название)’ (8.030), ‘круглый плетенный из соломы улей, часто обмазанный глиной’ (8.033), ‘плетенный из веток кустарника конусообразный улей, обмазанный глиной’ (8.034), а также ‘коробка, корзина, в которую собирают рой’ (8.058). Все они звучат как *kuf'inā* (< греч. *κοφίνι* ‘корзина, корзинка’[6]) и свидетельствуют о постепенной генерализации понятия от ‘плетеная корзина’ вплоть до ‘улей как самое общее понятие’ (через ступень обозначения разных *плетеных* ульев).

4) Греческое заимствование *tāl'ar*$^{\mu}$ (< gr. *τελάρο* ‘пяльцы; рама’) равнозначно служит в говоре для обозначения таких понятий, как 8.026 ‘сноз (крест для укрепления сотов внутри дупла)’ и 8.048 ‘рамка с медом в улье’, т. е. обе реалии в сознании носителей объединены представлением о деревянных распорках-каркасе.

5) Нет лексического различения между: 8.017 ‘кусать, жалить’ (человека) и 8.018 и ‘кусать друг друга’ (оба понятия обозначаются лексемой *m'uşkā*).

6) Также не различаются 8.012 ‘расплодное гнездо в улье’ и 8.072 ‘ячейка сотов’ (лексема *ful'auā, ful'eĭ*). Как известно, понятие ‘ячейка сотов’ гораздо у́же понятия ‘расплодное гнездо’, поскольку последнее образуется из *многих* ячеек с расплодом и представляет собой единое целое примерно посредине сотов. Справедливости ради отметим, что понятие ‘ячейка сотов’ имеет в Крании также синонимичное лексическое обозначение *g'uvā di p'itā* букв. ‘углубление, дырочка в лепешке, пластине’, что помогает как-то различать эти два понятия.

7) Нет лексического различения между 8.071 ‘соты’, 8.076 ‘пчелиные ячейки сотов, ячейки рабочих пчел’ и 8.077 ‘трутневые ячейки сотов’ (все – *p'itā*). Трутневые ячейки сотов крупнее пчелиных ячеек и закрываются *выпуклыми* крышечками, однако носителями диалекта лексически не выделяются. Во избежание полного нивелирования различий между сотами вообще и различными их подвидами трутневые и пчелиные ячейки также называются в говоре *g'uvā di p'itā* (см. выше), а соты как собирательное название восковых построек пчел – *će'arā* букв. ‘воск’, т. е. на первый план в первом случае выдвигается *форма* постройки, а во втором – *материал*.

8) Не наблюдается лексически оформленной дифференциации между 8.078 ‘переходные ячейки сотов’ и 8.086 ‘вощина

[6] Все этимологии здесь и далее даны по: Papahagi 1963.

(пустые пчелиные соты, неочищенный воск)' – все звучит как *p'itā go'alā* букв. 'пустые соты'. На самом деле, понятие пустоты не совсем соотносится с обликом переходных ячеек сотов. Их пчелы строят в местах перехода от пчелиных к трутневым ячейкам. Они отличаются тем, что не имеют типичных признаков и специального назначения и по размеру занимают промежуточное положение между трутневыми и пчелиными (больше пчелиных, но меньше трутневых). Ими заполняется пространство между функциональными ячейками, пчелы также часто полностью заливают эти ячейки медом.

9) Лексическое неразличение, основанное кроме того на нейтрализации некоего общего для всех именований понятия, встретилось не единожды. См. прежде всего два совпадающих ответа на вопросы 8.032 «Подставка под колоду» и 8.047 «Подставка под улей» – *k''atrā* букв. 'камень', которые свидетельствуют скорее не о лексическом неразличении разных, но функционально и внешне сходных реалий, а собственно об использовании одного и того же предмета в несколько отличающихся ситуациях. См. также объединенные одним и тем же для жителей Крании материалом понятия: 8.090 'воскотопка'[7], 8.099 'бочка для хранения меда'[8], 8.102 'дымарь, прибор для окуривания пчел'. Все они выражены турцизмом *tānāk''e* < тур. *teneke* 'жесть'. Т. е. можем говорить либо о полисемии арум. *tānāk''e*, либо (скорее всего) о переносе 'жесть' = 'жестянка – предмет из жести, сосуд из жести'[9].

Ярко выраженными примерами лексической нейтрализации, результатом которой является образование на базе семантического способа словообразования[10] новых слов, в данной понятийной сфере могут служить также следующие глаголы: *ĭ'asi* 3 sg. (8.010 'выводиться – о пчелах, появляться на свет' и 8.039 'вылетать из улья') = *ĭ'asi* 'выходить' < лат. *exire*; *si aminise'aşti*[11] 3 sg. (8.017 'жалить, ранить жалом, кусать') = 'защищаться, обороняться' < греч. *ἀμύνομαι* 'защищаться, оборо-

[7] Имеет также синоним *kāz'ani*.
[8] Имеет также синонимы: *gāle'atā* и *t'alar*.
[9] Дымарь выглядит как *металлический* (чаще *жестяной*) цилиндр с крышкой, к которому прикреплены меха. Внутрь цилиндра укладывают хорошо тлеющие, производящие много дыма субстанции (высохший навоз, гнилую древесину и проч.).
[10] Здесь чаще всего – семантических переходов от общего понятия к более частному.
[11] Имеется синоним *m'uşkā* 'кусать'.

няться’; *ast'up*^{u} (8.081 ‘запечатывать мед в сотах’) = *astup* ‘затыкать, закупоривать’ < лат. **ad-stuppare*; *sfrāγ'is'esku* 1 sg. = ‘закупорить, запечатать’ < греч. *σφραγίζω* ‘накладывать печать; закупоривать’; *strik'or* 1 sg. (8.095 ‘цедить мед, пропускать через сетку для очистки’ и 8.096 ‘выжимать мед из сотов вручную, завернув их в редкий материал’) ‘цедить, процеживать, выжимать’ = *strik'or* ‘цежу’ < лат. *extra-colare*; *v'atām* 1 pl., *(li) v'atāmā* 3 pl. (8.106 ‘изгонять осенью трутней из улья – о пчелах’ и 8.117 ‘убивать пчел, чтобы взять у них мед’[12]) = ‘убивать, умерщвлять’ < лат. **vatinare*, **vatimare* < *victimare*.

См. также глагол *skot*^{u} 1 sg. (< лат. **excotere* < *ex-cutere* ‘отряхивать, сбрасывать, швырять, свергать, извергать’), встретившийся единожды в сфере народной пчеловодческой терминологии Крании, но явно отражающий факт лексической нейтрализации ‘доставать, вынимать, извлекать’ = здесь ‘доставать рамки с медом из улья’. Интересен метафорический перенос *p'asku* (3 pl.) – с более регулярного ‘пасти (скот)’, см. раздел «Животноводство» МДАБЯ (6.365–6.367) (Sobolev 2009: 546).

Глагольная лексика представлена в данном тематическим разделе незначительно, и получается, что она почти полностью состоит из «общих», терминологически неспециализированных, глаголов типа: ‘собирать’, ‘защищать(ся)’, ‘выходить’, ‘убивать’, ‘цедить’, ‘закрывать, закупоривать’ и проч.

Именная (предметная) лексика в данном разделе вопросника МДАБЯ превалирует, однако в арумынском говоре случаев ее нейтрализации, по сравнению с глагольной, не намного больше: 8.083 *kāṭ'ut* ‘инструмент пчеловода для распечатывания ячеек сотов’ = *kāṭ'ut* ‘нож’[13]; 8.123 *per*^{u}, *per*^{j} ‘щеточки на задних ножках для переноса пыльцы’ = *per*^{u}, *per*^{j} ‘волосы (на голове человека)’; 8.101 *prusup'iδā* ‘сетка, надеваемая на голову пасечника, маска’ = *prusup'iδā* ‘маска’; 8.109 *p'al'i* (pl). ‘соломенная прокладка на зиму в улье’ = *p'al'i* ‘солома’. Особой проверки еще требует слово *vas'ilis/ā* ‘пчела-матка (самка-производительница у пчел)’ (8.006). Следует удостовериться, встречается ли в самом диалекте *vas'ilis/ā* в значении ‘королева, царица’. При положительном ответе можно сделать заключение о еще одном

[12] Полученные данные не способствуют тому, чтобы сделать вывод, каким образом избавляются от нежелательного роя при выемке меда: погружением улья в бочку с водой (это практикуется чаще всего при трудностях забора меда из долбленых ульев-колод), окуриванием разными средствами либо какими-либо другими способами.

[13] См. также *kāṭ'ut* ‘кол для разбивания брынзы в бочке’ (11.077).

случае лексической нейтрализации. Или же имеем дело с непосредственным заимствованием из греч. *βασίλισσα* ‘королева, царица; матка, царица (у пчел); ферзь, королева’ со всем спектром его значений.

Особо можно выделить метафорическое наименование «пчелиного волка» – одиночной осы Philanthus triangulum, или европейского филанта (8.128) – *ayrok'umabar* букв. ‘дикий, злой кум’ < gr. *άγριος* ‘дикий; злой, свирепый’ + *κουμπάρος* ‘кум’ (< ital. *compare* ‘крестный отец’)[14]. Пчелиный волк наносит огромный ущерб пасечному хозяйству, поскольку самки этого насекомого охотятся на медоносных пчел, парализуя их ядом в полете. Они обхватывают пчелу, надавливают на ее брюшко и съедают вытекшую каплю нектара[15], затем относят пчелу в гнездо, где выкармливают ею своих личинок.

В арумынской пчеловодческой лексике села Турья / Кранея также явно обнаруживется и синонимическая парадигма, яркой особенностью которой является сосуществование двух (чаще всего) или трех (изредка) наименований одного и того же объекта, генетически восходящих к двум, а порой и трем разным источникам.

Речь идет прежде всего о параллельных пчеловодческих терминах латинского и новогреческого происхождения. 1. ‘откладывать яички – о пчеле-матке’ (8.007): ***f'aţi u'auă*** 3 sg. < lat. *facio* ‘делать’, *ovum* ‘яйцо’ и ***si minurγ'ise'aşti*** 3 sg. – заимствование какого-то местного диалектного глагола в значении ‘менструировать’ (ср. совр. греч. *μηνορραγία* ‘менструация’ [16]; 2. ‘личинка пчелы (первая стадия развития пчелы)’ (8.008): ***alg''ină*** < lat. **albina*[17] и ***γon"*** < gr. *γόνος* ‘потомок, отпрыск; потомство; икра, мальки, личинки (пчел)’; 3. ‘жало (орган

[14] возможна контаминация с *cumban* ‘трутень’.

[15] Для личинок филанта, которым она и приносит впоследствии пчел, этот нектар ядовит. В пищу личинкам идет освобожденное от нектара тельце пчелы.

[16] Может быть исключение, подтверждающее общее правило, подмеченное А. Н. Соболевым: «Имеющийся в нашем распоряжении материал по новейшему греческому грамматическому влиянию на южноарумынский говор села Турья указывает на общегреческий, стандартный язык как источник этого влияния, а не на соседние греческие диалекты» (Sobolev 2007: 202–203).

[17] Вероятна связь с латин. корнем *alv-*: *alvus* ‘живот; желудок; полость; улей; etc.’, *alvārium, alveāre, alveārium* ‘пчелиный улей’, *alveus* ‘корыто, жёлоб, кадка’ > *alveolus* ‘корытце, жёлоб, кадка’. Т. е. подразумевается насекомое, обитающее в *полости*, в *дупле* и под.

защиты и нападения у пчел)' (8.015): ***ak*** < lat. *acus* 'игла; булавка, шпилька' и ***k'indr'i*** < gr. *κεντρί* 'жало'; 4. 'жалить – о пчеле, ранить жалом, кусать' (8.017): ***m'uşkā*** < lat. **muccicare* + возможно смешение с паронимом *morsico* 'покусывать, грызть' и грецизм ***si aminise'aşti*** (см. выше); 5. 'Melissa officinalis (душистая трава, которой натирают плетеный улей, чтобы привлечь улетевший рой)' (8.035): ***ĭ'arbā di alg''inā*** < lat. *herba* 'трава'+**albina* и ***milis'ohurtu*** < gr. *μέλισσα* 'пчела; мелисса' + *χόρτο(ν)* 'трава, сено'; 6. 'улей из досок, современный разборный улей с подвижными рамками' (8.036): ***k'asā di alg''inā*** < lat. *casa* 'домик, хижина'+**albina* и ***k'ips'eli*** < gr. *κυψέλη* 'улей'; 7. 'корпус улья с рамками' (8.042): ***k'asā go'alā*** < lat. *casa* 'домик, хижина' + слав. **golъ*, ***k'ufumā go'alā*** < gr. *κούφωμα* 'дупло; полость; проем (оконный)' + слав. **golъ* и ***kas'onā go'alā*** < gr. *κασόνι* 'опалубка' (< итал. *cassone*) + слав. **golъ*; 8. 'рой, семья пчел' (8.052): ***fume'al'i*** < lat. *familia* 'семья, семейство' и ***zmin"*** < gr. *σμῆνος* 'рой; множество, стая'; 9. 'запечатывать мед в сотах – о пчелах, закрывать соты восковыми крышечками' (8.081): ***(u) ngl''idi (ku će'arā)*** 3 sg. < lat. *ingluttio* 'поглощать проглатывать', ***ast'up"*** < 1 sg. *astup* 'затыкать, закупоривать' < lat. **ad-stuppare* (см. выше) и ***sfrāγ'is'esku*** 1 sg. < gr. *σφράγιζω* (см. выше); 10. 'бочка для хранения меда' (8.099): ***gāle'atā*** < неясно, м.б. из поздн. лат. **galetta* 'мера емкости', ***t'alar*** < gr. *τάλαρος* 'корзина' и ***tānāk''e*** < тур. *teneke* 'жесть; посуда из жести, бидон'; 11. 'хоботок пчелы' (8.121): ***sk'in"*** < lat. *spina* 'шип, игла; колючка'и ***m'itkā min'utā*** < gr. *μύτη* 'нос; клюв; хобот насекомого' + < lat. *minutus* 'маленький, мелкий'; 12. 'пчелиный волк (одиночная оса)' (8.128): ***γ'aspi*** 'оса' < lat. *vespa* 'оса' и ***aγrok'umabar*** < gr. *άγριος* 'дикий; злой, свирепый' + *κουμπάρος* 'кум'. (См. также восходящие к разновременным пластам компоненты словосочетаний: 'смешанный мед' (8.064): ***n''ari di m'ulti lāl'udz*** < lat. *mel* 'мед' + lat. *multus* + gr. *λουλούδι* 'цветок' и ***n''ari mistik'atā*** < lat. *mel* 'мед' + part. от *mastico* 'жевать').

Итак, обнаруженные 12 дублетов покрывают 1/10 всех терминологических понятий сферы пчеловодства. Это может объясняться сложившейся к началу века в Крании языковой ситуацией. «… на момент обследования говора в 2002 г. арумынское население Турьи было полностью двуязычным, в то время как еще в середине XX века значительное количество арумын (преимущественно женщин) были монолингвами. Таким образом, греческий язык, игравший в области Пинда на протяжении длительного исторического периода скорее роль

адстрата, в настоящее время занимает очевидную суперстратную позицию…, оставляя для арумынского лишь такие функциональные сферы, как повседневная коммуникация в семье и в селе…» (Sobolev 2007: 202). Результатом интенсивного переключения языкового кода в говоре явилось следующее: « … в речи современных двухязычных арумын … возможно окказиональное использование любой греческой лексемы, любой греческой грамматической формы, любой части текста по-гречески» (Id., 203). Насколько окказиональны подобные греческие включения в сферу пчеловодческой лексики еще предстоит проверить.

Часть синонимичных пар (всего 10) имеют помимо греческого или латинского также славянский, албанский, турецкий и прочий составляющий элемент. 1. ‘леток (отверстие для пролета пчел в улье)’ (8.037): ***g'urā n''ikā*** < lat. *gula* ‘глотка, горло’+ < lat. **miccus* (ср. *mīca* ‘крошка, крошечка’) < *gr. μικκός* = *μικρός* ‘маленький’ и ***g'uvā*** < алб. *guve* ‘пустота; дупло’ или gr. *γούβα* ‘яма, ров, канава’; 2. ‘долбленый из колоды улей, неразборный, поставленный стоймя на подставку или на землю’ (8.031): ***kuf'alā*** < gr. *κουφάλα* ‘дупло’ и ***b'učum*** неясного происхождения; 3. ‘ячейка сотов (одно углубление, дырочка в сотах)’(8.072): ***g'uvā di p'itā*** < алб. *guve* ‘пустота; дупло’ или gr. *γούβα* ‘яма, ров, канава’ + *p'itā* < lat. *pittacium* ‘кусок пергамента или ткани; пластырь; заплата’ (< др.-греч.) и ***fuľ'auā*** < gr. *φωλεά* ‘гнездо’; 4. ‘пчелиные ячейки сот (ячейки рабочих пчел)’ (8.076) и 5. ‘трутневые ячейки сот’ (8.077): ***p'itā*** (см. выше) и ***g'uvā di p'itā*** (см. выше); 6. ‘металлическая сетка для процеживанитя меда’ (8.097): ***pihn'aδā*** < gr. (?) *πυκνός* ‘густой, частый, плотный’ и *s'itā* < слав. **sito*; 7. ‘браула, пчелиная вошь’ (8.116): ***bid'ukľ"*** < lat. *pediculus* ‘вошь’ и ***kāṭām'or*** неясного происхождения; 8. ‘подкармливать пчел’ (8.120): *d'au ta si m'āngā* 1 sg. < lat. *dare* ‘давать’ + lat. **manucare* и ***(li) hrān'esku*** 1 sg. < slav. **hraniti*; 9. ‘естественная борть (естественное дупло с сотами)’ (8.024): ***'arbur k'ufĭu*** < lat. *arbor* ‘дерево’ + < gr. *κούφιος* ‘гнилой; пустой, полый’ и ***b'učum ku alg''inā*** букв. ‘бревно, ствол с пчелами’ < *b'učum* неясного происхождения + < lat. **albina*; а также ***g'uva di la kuf'alā*** < alb. *guve* или gr. *γούβα* (см. выше) + < gr. *κουφάλα* ‘дупло’; 10. ‘искусственная борть (искусственное, выдолбленное человеком дупло с сотами)’ (8.025): ***g'uva di 'arbur*** (см. выше *g'uva* и *'arbur*) и ***b'učum ku alāg''inā*** (см. выше *b'učum* и *alg''inā*).

Кроме вышеперечисленных 10 пар синонимов являются однородными по происхождению. Это: 1. ‘полочка перед летком, на которую садятся пчелы’ (8.038): ***l'emnu n'ik"*** < lat. *lignum* ‘срубленное дерево, бревно’ + < lat. **miccus* (ср. *mīca* ‘крошка, крошечка’) < *gr. μικκός* = *μικρός* ‘маленький’ и ***sk'āndrā*** < лат. *scandula* ‘дощечка, дранка’; 2. ‘летать за взятком – о пчелах’ (8.066): ***duk-ɣ'in*** 3 pl. букв. ‘приносят–приходят’ < lat. *ducere* ‘вести, тянуть, притягивать, тащить’ + lat. *venīre* ‘приходить’, ***'urdinā*** (=‘упорядоченно циркулируют’) < lat. *ordināre* ‘приводить в порядок, упорядочивать, устраивать’ и ***p'asku*** 3 pl. (= ‘пасутся’) < lat. *pascere* ‘пасти скот’; 3. ‘соты’ (8.071): ***p'itā*** < lat. *pittacium* ‘кусок пергамента или ткани; пластырь; заплата’ (< др.-греч.) и ***će'arā*** < lat. *cēra* ‘воск’; 4. ‘зимовать – о пчелах’ (8.107): ***arne'adzā*** 3 pl. < lat. *hībernāre* ‘зимовать’, ***trek ĭ'arna*** 3 pl. букв. ‘проводят зиму’ < lat. *trājicere* ‘перебрасывать, перекидывать’ + *(tempora) hiberna*; 5. ‘распадаться – о корке 'клуба' весной’ (8.112): ***si disf'aṭi*** 3 sg. < lat. *disfacere* противоп. от ‘делать’[18] и ***dişkl'idi*** 3 sg. < lat. *disclūdere* ‘разъединять’; 6. ‘разводить пчел – давать пчелам расплодиться, ухаживать за пчелами’ (8.029): ***'ari alg''ini*** 3 sg. букв. ‘имеет пчел’ < lat. и ***ad'arā alg''ini*** 3 sg. букв. ‘делает, изготовляет пчел’< lat. неясно [*ad-arare* или *dolare*] (Papahagi 1963: 56); 7. ‘пчелиное 'молочко', маточное 'молочко'’ (8.014): ***milis'oɣala*** < gr. *μελισσογάλα* ‘id.’ и ***vasilik'o pālt'o*** < gr. *βασιλικός* ‘царский’ + *πολτός* ‘кашица, полужидкая масса’[19]; 8. ‘пчелиный яд’ (8.016): ***fārm'ak"*** < gr. *φαρμάκι* ‘яд, отрава’ и ***dilit'ir"*** < gr. *δηλητήριο(ν)* ‘яд, отрава’; 9. ‘маточник роевой (маточник на ребрах сота)’ (8.074): ***ful'auā tu ang'onā*** < gr. *φωλεά* ‘гнездо’ + *ᾰγγόνα* ‘внучка’ и ***ful'auā < tu k'oh'i*** < gr. *φωλεά* ‘гнездо’ + *κόχη* ‘угол’; и наконец 10. ‘воскотопка’ (8.090): ***tānāk''e*** < тур. *teneke* (см. выше) и ***kāz'ani*** < тур. *kazan* ‘котел’.

Итак, ровно четверть понятий (33 из 128) представлены в виде двух или трех лексических синонимов. Нелатинские компоненты этих пар можно безусловно считать контактнообусловленными инновациями. Такая дублетность может свидетельствовать прежде всего о некоторой «нетерминологичности» и «размытости» народной пчеловодческой сферы лексики села

[18] См. также *disf'ak kap'ak'a* букв. ‘разделать крышки’, т. е. ‘снять крышки’ = вопрос 8. 084 «Подрезать соты».

[19] Маточное молочко – специальный корм, используемый медоносными пчёлами для кормления личинок. По консистенции оно напоминает белую киселеобразную массу.

Кранея. Вероятно, компоненты этих дублетов и содержат какую-то нюансированность, однако выявленный собирателями материал не предоставил нам возможности как-то стилистически их «развести».

Сплошной **этимологический** анализ пчеловодческий лексики (примерно **122** лексемы) арумынского селения Кранея / Турья привел к следующим выводам.

Исконная для арумынского латинская лексика занимает лишь половину всех зафиксированных в данной лексико-семантической группе единиц – более 60[20]: *ak* 'жало (у пчел)' (8.015) < lat. *acus* 'игла; булавка, шпилька'; *alg''in/ā* 'пчела'< **albina*; *amurț'āsku* 3 pl. как ответ на вопрос 8.114 'паралич пчел' < lat. **ammortire*, ср. *mors, mortis* 'смерть', *mortificāre* 'умерщвлять' и под.; *brik* 'брюшко пчелы' (8.124) < lat. **umbilicus*; *čo'ari* pl. 'ножки пчелы' (8.122) < lat. *petiolus* 'ножка'; *γ''aspi* 'пчелиный волк (одиночная оса)' (8.128) < *vespa* 'оса'; *n''ari* 'мед' < lat. *mel* 'id.'; *će'arā* 'воск' < lat. *cēra* 'воск' и мн. др.

Среди латинизмов львиную долю составляют глаголы и глагольные формы – 27, естественно, по большей части, как говорилось выше, изначально нетерминологичные, сузившие свою семантику до специфической именно в арумынской пчеловодческой терминологии. Помимо вышеописанных[21] сюда же можно отнести: *ad'unā* 'собирать мед – о пчелах' (8.019), *ad'un^{u} alg''ina* 'ловить рой' (8.059) < lat. *adjungere* 'присоединять, соединять', глагол широкого семантического спектра *ad'arā* (*ad'arā p'iti* 'строить соты' (8.079), *ad'arā g'uvi tā vas'ilisa* 'закладывать маточник – о пчелах' (8.080), *ad'arā alg''ini* 'разводить пчел'(8.029), *ți ad'arā fume'aľi m'ultā* 'ройливый – о пчелах', букв. 'которые создают много семей') < lat. неясно [*adarare* или *dolare*].

Около 50 лексем пчеловодческой лексики говора (42%) – новогреческого происхождения, что, естественно, свидетельст-

[20] Подсчеты основаны, естественно, не на количестве словоупотреблений, а на количестве лексем. К примеру, *alg''inā* 'пчела' в различных словосочетаниях встретилось 15 раз.

[21] См. *ľasi* 'выводиться' и 'вылетать из улья', *ast'up^{u}* 'запечатывать мед в сотах', *strik'or* 'цедить мед, пропускать через сетку для очистки' и 'выжимать мед из сотов вручную…', *v'atām* 'изгонять осенью трутней из улья – о пчелах' и 'убивать пчел, чтобы взять у них мед', *skot^{u}* 'доставать рамки с медом из улья', *m'uşkā* 'жалить; кусать друг друга', *duk* и *γ'in* букв. 'приносят' и 'приходят' (т. е. летают за взятком – о пчелах), *'urdinā* (для отражения того же понятия), *d'au ta si m'āngā* 'подкармливать пчёл' и др.

вует об интенсивности и длительности межъязыковых контактов. Данное процентное соотношение значительно превышает ранее постулированные усредненные показатели для греческих заимствований в арумынских говорах – 27% (Mihăescu 1966: 171; Chernyak 1990, 215–216). Помимо описанных выше грецизмов см. также: *'ahristi di će'arā* ‘отходы от воска’ (8.091) < gr. *ἄχριστο, ἀχριστία* ‘негодность, бесполезность’; *arγ'at, erγ'at* ‘рабочая пчела’ (8.003), ‘пчела-кормилица’ (8.005) < gr. *ἀργάτης* ‘работник’; *k'if'in* ‘трутень’ (8.004) < gr. *κηφήνας* ‘id.’; *kuk'uli* ‘куколка рабочей пчелы и трутня’ (8.009) < gr. *κουκούλι* ‘кокон’; *paraγoγ''i* ‘сбор меда пчелами за сезон’ (8.020) < gr. *παραγωγή* ‘производство; урожай’; *kāp'ak'i* ‘верхняя часть рамочного улья, крыша’ (8. 040) < gr. *καπάκι* ‘крышка, покрытие’ (< тур. *kapak* ‘крышка’); *fto'ahā alg''inā* ‘слабый рой’, букв. ‘слабая пчела’ (8.057) < новогреч. *φτωχός* ‘бедный, нищий’; *γ'ir$^{\mu}$* ‘цветочная пыльца’ (8.068) < gr. *γῦρις* ‘пыльца’; *ful''auā tu ang'onā* и *ful''auā tu k'oh'i* ‘маточник роевой (маточник на ребрах сота)’ (8.074) < gr. *φωλεά* ‘гнездо’ + *ἀγγόνα* ‘внучка’, *κόχη* ‘угол’; *ful''auā tru m'esi* ‘маточник свищевой (маточник на плоскости сота)’ (8.075) < gr. *φωλεά* ‘гнездо’ + *μέση* ‘середина’; *prusup'idā* см. выше 8.101 < gr. *προσωπίδα* ‘маска’; *m'uhlā* ‘гнилец пчелиного расплода (инфекция личинок)’ < gr. *μούχλα* ‘плесень’; *sir'opi ku z'ahari* ‘сахарный сироп для пчел’, букв. ‘сироп с сахаром’ (8.119) < gr. *σιρόπι* ‘сироп’ (< тур. *şurup* ‘сироп; сок’) + *ζάχαρη* ‘сахар’; *'imiri* ‘незлобивые – о пчелах’ (8.127) < gr. *ἥμερος* ‘ручной, укрощенный; спокойный, мягкий’; *mihan'i di n''ari* ‘медогонка’, букв. ‘машина, механизм меда’ (8.094) < gr. *μηχανή* ‘машина, механизм’. Из всех грецизмов только три могут быть отнесены к глагольной лексике: *si aminise'aşti* < *ἀμύνομαι*, *sfrāγ'is'esku* < *σφραγίζω* и *si minurγ'ise'aşti* (<?)[22]. Очевидно, что пчеловодческая лексика греческого происхождения в говоре Крании более специализирована, чем исконная латинская. Можно предположить, что она формировалась под влиянием соответствующей сложившейся профессиональной лексики соседящих с Кранией северногреческих говоров. Хотя нельзя исключить, что при заимствовании грецизмов в данный арумынский говор, вероятно, имели место и собственные семантические сдвиги в сторону специализации и сужения значения (типа: *προσωπίδα* ‘маска’ > *prusup'idā* ‘сетка, надеваемая на голову пасечника’).

[22] Значения всех трех глаголов приведены выше.

Остальной иноязычный элемент представлен в пчеловодческой лексике говора очень незначительно. Прежде всего, это 5 славизмов: ***go'alā*** (f.) < слав. **golъ* (*k'asā go'alā, kas'onā go'alā, k'ufumā go'alā* 'корпус улья с рамками'; *p'itā go'alā* 'вощина, пустые пчелиные соты'[23]); ***(li) hrān'esku*** 'подкармливать пчел' < слав. **hraniti* или собственное глагольное образование < слав. **hrana*; ***lup'atā*** 'инструмент пчеловода-стамеска' < слав. **lopata*[24]; ***s'itā*** 'металлическая сетка для процеживания меда' < слав. **sito*; ***tuk'esku*** *će'ara* 'добывать воск из вощины' < слав. **topiti*. С одной стороны, можно предположить, что все эти славизмы относятся к древнейшему (VI–XI/XII вв.) славянскому пласту в восточнороманском, поскольку присутствуют как в арумынском (и порой мегленорумынском), так и в дакорумынском[25] – см. соответствующие списки (Mihăilă 1983: 45, 47; Scărlătoiu 1980: 52–53, 56–57, 143). С другой стороны, тесная связь арумын Пинда с южными славянами в исторически обозримом недавнем прошлом (и настоящем) позволяет допустить возможность независимого позднего проникновения *этих же* слов из одного южнославянского источника. Дополнительным подтверждением тому может служить следующий факт: две из представленных лексем обнаружены нами в словаре славизмов северногреческих говоров – *γγόλιους, γκόλιος* 'голый', *σήτα* 'сито' (Budziszewska 1991: 15, 50).

Далее лишь кратко укажем на встретившиеся здесь только 2 албанизма, возможно, проникшие не без греческого участия (семь раз употребленное в ответах ***g'uva*** < alb. *guve* 'пустота; дупло' (или gr. *γούβα* 'яма, ров, канава') и ***pe'atikā*** 'кусок редкого материала для процеживания меда' < алб. *petke* 'тряпка, тряпье, одежда'); 2 турцизма (***kāz'ani*** < тур. *kazan* 'котел', ***tānāk''e*** < тур. *teneke* 'жесть') и несколько слов неясного происхождения: ***b'učum*** (в словосочетаниях – ответах на вопросы 8.024, 8.025, 8.031), ***guzgum'oľ"*** ''клуб' (ком, который пчелы образуют во время зимовки внутри улья)' (вероятно, экспрессивное слово), ***kāṭām'or*** 'браула, пчелиная вошь'.

* * *

[23] В обоих случаях подчеркивается наличие в объекте незаполненности, полости, пустоты.

[24] Ср. арум. *hrană* 'пища' и *lupată* 'лопата', отнесенные Б. П. Нарумовым к древнейшему слою славизмов, общему для арумынского и дакорумынского (Narumov 2001: 654).

[25] О двух хронологических пластах славизмов в арумынском см.: Narumov 2001: 654; Sobolev 2006: 37.

Пчеловодческая лексика арумынского села Кранея / Турья с некоторой натяжкой может быть названа упорядоченной народной пчеловодческой терминологией. Это скорее естественно сложившаяся совокупность ряда понятий, относящихся к сфере пчеловодства и оформленных с разной степенью лексикализованности. О неполной сформированности этой терминологии свидетельствует ряд фактов:

1) труднообъяснимые понятийные и лексические лакуны (*пасека, пчеловод, прополис*);

2) большое количество синонимов (причем, не только пар, сформированных по принципу «исконное / греческое»), которые встретились при обозначении 25% понятий данной тематической группы;

3) довольно большое число словосочетаний и описательных конструкций (около 60);

4) лексические нейтрализации при обозначении достаточно несхожих или далеких реалий (*tănăk''e воскотопка = бочка для хранения меда = дымарь*; *per^{i} щеточки на задних ножках пчелы для переноса пыльцы = волосы (человека)*), а также обильные глагольные нейтрализации (общ. *ĭ'asi выходить* = спец. *выводиться* = спец. *вылетать из улья*; *ast'up^{u}* общ. *затыкать, закупоривать* = спец. *запечатывать мед в сотах (о пчелах), закрывать соты восковыми крышечками*; общ. *v'atăm убивать* = спец. *изгонять осенью трутней из улья (о пчелах)* = спец. *убивать пчел, чтобы взять у них мед*)

В арумынской пчеловодческой терминологии Крании наблюдается мизерное количество славянских и албанских влияний. Общее же число лексем греческого происхождения очень значительно – 42%. Это вновь иллюстрирует и подтверждает давно замеченный факт: «В условиях двуязычия любое греческое слово может быть употреблено в арумынском контексте» (Narumov 2001: 654) – и ставит вопрос, который еще предстоит решить: «В какой мере лексика пчеловодства села Кранея / Турья является зеркалом греческой пчеловодческой терминологии»?

Литература

Bara, M., Kahl, T., Sobolev, A.N. 2005: *Die südaromunische Mundart von Turia (Pindos). Syntax. Lexik. Ethnolinguistik. Texte.* München: Biblion Verlag.

Бара, М., Каль, Т., Соболев, А.Н. 2005: *Южнорумынский говор села Турья. (Пинд). Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты.* Мюнхен: Biblion Verlag.

Budziszewska, W. 1991: *Zapożyczenia słowiańskie w dialektach nowogreckich*. Warszawa.

Chernyak, A.B. 1990: Arumynskiy yazyk. [Arumanian language]. In: A.V. Desnitskaya (ed.), *Osnovy balkanskogo yazykoznaniya. Yazyki balkanskogo regiona.* Cast' I. [*Basics of the Balkan linguistics. Languages of the Balkan region.* Part I.]. Leningrad. 192–220.
Черняк, А.Б. 1990: Арумынский язык. В сб.: А.В. Десницкая (ред.), *Основы балканского языкознания. Языки балканского региона.* Часть I. Л.: Наука, 1990. 192–220.

Domosiletskaya, M.V., Zhugra, A.V., Klepikova, G.P. 1997: *Malyy dialektologicheskiy atlas balkanskikh yazykov. Leksicheskaya programma.* [Small Dialectological Atlas of the Balkan Languages. Lexical Programm]. St.-Petersburg.
Домосилецкая, М.В., Жугра, А.В., Клепикова, Г.П. 1997: *Малый диалектологический атлас балканских языков. Лексическая программа.* СПб.

Mihăescu, H. 1966: *Influenţa grecească asupra limbii române pînă în secolul al XV-lea*. Bucureşti.

Mihăilă, G. 1983: Împrumuturi vechi slave în româna comună. *Studii şi cercetări lingvistice* 34/1, 43–53.

Narumov, B.P. 2001: Arumynskiy yazyk/dialekt [Arumanian language/ dialect]. In: *Jazyki mira: Romanskiye yazyki.* [*Languages of the world: Romanian languages*]. Moscow, 636–656.
Нарумов, Б.П. 2001: Арумынский язык/диалект. В сб.: *Языки мира: Романские языки*. М., 636–656.

Papahagi, T. 1963: *Dicţionarul dialectului aromîn general şi etimologic*. Bucureşti.

Scărlătoiu, E. 1980: *Relaţii lingvistice ale aromânilor cu slavii de sud: Cuvinte de origine slavă*. Bucureşti.

Sobolev, A.N. 2006: Slavyanskiye zaimstvovaniya v balkanskikh dialektakh. II. Yuzhnoarumynskiy govor Pinda. [Slavic borrowings in the Balkan dialects. II. The southern Aromanian dialect of the Pindus]. In: G.P. Klepikova, A.A. Plotnikova (eds), *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii.* 12. *Arealnyye aspekty izucheniya slavyanskoy leksiki.* [*Papers on Slavic dialectology.* 12. *Study of slavic vocabulary from the areal aspects*]. Moscow, 37–44.
Соболев, А.Н. 2006: Славянские заимствования в балканских диалектах. II. Южнославянский говор Пинда. В сб.: Г.П. Клепикова, А.А. Плотникова (ред.), *Исследования по славянской диалектологии.* 12. *Ареальные аспекты изучения славянской лексики.* М., 37–44.

Sobolev, A.N. 2007: Grecheskoye grammaticheskoye vliyaniye na sovremennyy yuzhnoarumynskiy govor Pinda [The influence of Modern Greek Grammar on the modern southern Aromanian dialect of the Pindus]. In: T.N. Sveshnikova, I.A. Sedakova, T.V. Tsiv'yan (eds), *Vostok i Zapad v balkanskoy kartine mira. Pamyati Vl.N. Toporova.* [*East and West in the Balkan picture of the world. In memoriam Vl.N. Toporov*]. Moscow. 201–209.
Соболев, А.Н. 2007: Греческое грамматическое влияние на современный южноарумынский говор Пинда. В сб.:

Т.Н. Свешникова, И.А. Седакова, Т.В. Цивьян (ред.), *Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова.* М., 201–209.

Sobolev, A.N. 2009: *Malyy dialektologicheskiy atlas balkanskikh yazykov. Seriya leksicheskaya.* Tom III. *Zhivotnovodstvo.* [*Small Dialectological Atlas of the Balkan Languages. Lexical Series.* Vol. III. *Cattle breeding*]. St.-Petersburg; München Verlag Otto Sagner.
Соболев, А.Н. 2009: *Малый диалектологический атлас балканских языков. Сер. лексическая.* Том III. *Животноводство.* СПб: Наука; München: Verlag Otto Sagner.

Wild, B., Fiacre, K.J., Schlösser, R., Wessling, M., Kramer, J. 1981: Dialektologische Forschungen bei den Aromunen im Frühjahr 1980. *Balkan–Archiv* 6, 7–80.

M.V. Domosiletskaya. Beekeeping terminology in the Aromanian dialect of Kranea / Turia (based on SDABL –"Small Dialectological Atlas of the Balkan Languages")

The paper is based on the published field materials of SDABL and describes the beekeeping terminology of the southern Aromanian dialect of Kranea / Turia (Greece, the Pindus). The author carries out a thorough examination of all lexical lacunae (*wild honey harvesting, apiary, propolis, horizontal hive, vertical hive, small hive for raising queen bees, honeydew, honeydew honey* etc.) and offers some good explanations for these lexical gaps. The cases of lexical indistinctions (e.g. *bee = larva, beehive = mud and clay hive = skep made of coils of straw or branches = basket for a caught bee swarm, to sting a human being (about bees) = to bite one another (about bees)* etc.) and lexical neutralisation (*to go out > to fly out of the hive, to defend themselves > to sting a human being, to plug > to plug honey-cells* etc.) demonstrate the peculiarities of the conceptualization of the information in Turia's dialect. All the 122 lexemes of beekeeping terminology which form words, compound words and multi word expressions are analysed from the etymological point of view. There are only 2 Slavic and 2 Albanian loanwords but a lot of Greek borrowings (50 = 42%) – a reflection of the close contact of the Aromanian dialect of Turia with Greek through much of its history. A characteristic feature of this kind of Kranea's terminology is strongly developed synonymy– ¼ of the concepts (33 out of 128) are expressed by synonyms ('a cell in a honeycomb': 1. *g'uvā di p'itā* < alb. *guve* or gr. *γούβα* + lat. *pittacium*; 2. *ful"auā* < gr. *φωλεά*). The synonym pairs are formed mostly by a native Latin word and a Greek loanword – a result of the situation of bilingualism in Kranea / Turia today.

Keywords: Small Dialectological Atlas of the Balkan Languages (SDABL), beekeeping terminology, Aromanian, southern Aromanian dialects, Kranea / Turia, lexical indistinctions, lexical neutralization, etymology, loanwords, synonymy.

А. А. Евдокимова

ФОРМУЛЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ НАДПИСЕЙ КОНСТАНТИНОПОЛЯ[1]

Классификация формул погребальных надписей, найденных на территории Константинополя. Формулы представлены как задающие структуру самой надписи или формулы ядра, так и формулы, встречающиеся в других частях надписи, например, так или иначе характеризующие умершего.

Ключевые слова: византийские надписи, Константинополь, эпиграфика, формулы.

Для данного исследования было проанализировано 118 погребальных надписей из сводного корпуса эпиграфических памятников Константинополя, доступных в базе христианских корпуса PHI 7. Сознательно из анализа были исключены надписи стихотворные и императорские, так как их формулы требуют отдельного рассмотрения, поскольку этого рода памятники построены по другим принципам и в них в большей степени сохраняются античные традиции.

Как мы описывали ранее (Евдокимова 2015), классическая структура погребальной надписи византийского времени содержит ядро, которое в зависимости от его типа может дополняться следующими элементами, часто носящими формульный характер, или одним, или некоторыми из них: 1) характеристикой умершего, 2) датой, 3) молитвой, 4) проклятием возможным осквернителям могил.

I. Самая распространенная формула ядра в этом регионе: «[ἔν]θα κῖνται / ἐνταῦθα κεῖται / ἐνθάδε κατάκιται / κατ<ά>κιτε / κεῖτ(αι) / κατάκιτη / κατάκειται / κατάκειτε» (здесь лежит – известные датировки: 559 г., 575–600 гг.?, V–VI вв., VI в., XIV в.).

Иногда используется повторно: «[ἐνθά]δε κα[τάκι]τε Φ[····] – – – – – – – b.1 [ἐ]νθάδε [κα][τ]άκι[τ]ε» (здесь лежит. Здесь лежит... – VI в., SEG 28.1579, DOP 32:11,14.a.1).

Недописанная: «cr ἐνθάδε – – » (здесь – дата?, Landmauer 77a.1).

Без дополнительных вставок, голое ядро + имя:

[1] Исследование проведено в рамках гранта РФФИ «Данные эпиграфики как объект лингвистического и историко-культурного анализа», проект № 13-06-0086 А.

«ἐνθάδε κατάκιτε Ἐπιφάνις» (Здесь лежит Эпифаний – VI в, SEG 28.569, DOP 32:3,1.1)

«cr cr cr ἐνθάδε κατάκιτε Εὐφροσύνη» (Здесь лежит Евфросиния – VI в, SEG 28.570, DOP 32:7,8.p1).

Как основа сентенции: cr ὁ ἅ(γιο)ς θ(εὸ)ς ἐνθάδε κατοικῖ· μηδὲν [εἰσίτω κακόν]. (Святой Боже здесь лежит. ничто (пусть не войдет никакое зло[2]) – VI в, AJA 55.57,I.2, Mercati II, 277.1).

Частотные для этой формулы ядра характеристики умершего также носят формульный характер. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

1) Распространенные сочетания, содержащие существительное μνήμη ‘память’. Традиционная погребальная христианская характеристика умершего:

«ὁ τῆς μακαρίας [μνήμης]» (он, блаженной памяти – дата?, Landmauer 73.1, дата?, Landmauer 76.1)

«ἡ τῆς μακαρίας μνήμης» (она, блаженной памяти – дата?, Landmauer 22.1)

«ὁ τῖ[ς] [μ]ακαρίας μνίμης διαφέρον {διαφέρων}» (он, который отличается блаженной памяти – 575–600 гг., BGdSL 1917, 334, AJA 55, 63,1b.1)

«τοῦ τῆς μακα[ρίας] μ̣ν̣ήμη[ς» (его, блаженной памяти – VI в, SEG 28.567, DOP 32:8,9.1).

В соединении с уточнениями родственных связей:

«ὁ τῆς μακαρίας μνήμης υἱὸς Οὐνιγια» (блаженной памяти сын Унигия – SEG 28.1581, DOP 32:20,25.1).

«ἡ τῆς μακαρίας μνήμης Οὐλιφρίδα γυνὴ εἰχολαρίου Θιοῦδα» (Улифрида, блаженной памяти жена схолария[3] Фьюда – дата? Landmauer 41a.1).

В сочетании с упоминаниями местности происхождения:

«ἡ τῖς {τῆς} μακαρίας μνήμης Θεοδώρα{ς} πιστή, χορίου Ὑνιασις» (Феодора, блаженной памяти, верная, деревни Юниасис (?) – SEG 28.1584, DOP 32:24,33.1).

«[ὁ] τῆς μα[κ]αρίας μ[ν]ήμης [χ]ωρίο[υ]» (блаженной памяти деревни – дата? AJA 55.64,11[a] ArchAnz 1966 1916:24,27.1).

Оригинальное употребление:

«Ἀρεοβίνδου ὑπὸ δεσποτίαν Βαδουαρ[ίου] [κ]αὶ Θεοδώρα<ς> {Θεοδωραο} τ[ῶν ἐν]δόξου μνίμις γεν[ομέν][ων –]» (Ареобинда при

---

[2] Защитная формула, встречающаяся на территории Сирии, ср. Надпись 524 года (IGLSyr Syr Arab Pal 4,1579).

[3] Возможно имеется в виду более привычное «σχολαρίου».

деспотии Вадуария и Феодоры, славной памяти прославившихся – BGdSL 1917.334, AJA 55, 63,1b.1).

2) С прилагательным πιστὸς, как ядром для двух формул характеристик: «πιστὸς δοῦλος τοῦ θεοῦ» (верный раб Божий) и «πιστὸς ἐν Χ(ριστ)ῷ» (верный во Христе):

«ἡ πι[στὴ δούλη] [τοῦ θεοῦ]» (верная раба Божия – дата?, Landmauer 58a.1) /«ἡ πιστὴ ἡ δούλη τοῦ θεοῦ.» (верная раба Божия – дата? Landmauer 55b.1).

«πιστὸς δοῦλος Χριστοῦ» (верный раб Христа –дата? AJA 55.64,13, Ebersolt 50,5.p1).

«ἰάτρινα Ἀμαζόνη. Ἀμαζόνη πιστὴ δούλη τοῦ θεοῦ ἀρεσουσα θ(ε)ῷ καὶ ἀνθρώποις» (врач Амазони. Амазони – верная раба Божия, нравящаяся Богу и людям – Landmauer 71.1).

Использование с уточнением родственных связей:

«π̣[ι]στὴ δούλι [το]ῦ θεοῦ, θυγά[τ]ερ γεναμέν[η] Σανβατίου» (верная раба Божия, дочь Санватия – VI в, SEG 28.1579, DOP 32:11,14.a.1).

«πιστή, θυγάτηρ Γεωργίου Πατελ[λ]ᾶ χωρίου Μουλάκων [ἐ]παρχίας Πισιδίας» (верная, дочь Георгия Пателла, деревня Мулаков[4] эпархии Писидии – IRAIK 9.246,12, AJA 55, 63,9e.1)

Примеры на вторую формулу:

«πιστὸς ἐν Χ(ριστ)ῷ» (верный во Христе – дата?, AJA 55.64,13, Ebersolt 50,4.1).

«πιστὸς ἐν Χ(ριστ)ῷ, κ̣τήματος Καμείας» (верный во Христе, владения Камеи[5]– IRAIK 9.245,11, AJA 55 63,9d.1).

Одна из формул подразумевается:

«πιστή» (верная – SEG 28.1580, DOP 32:23,31.p1) / «[π]ιστί» верная – VI в, SEG 28.568, DOP 32:8,10.1) / «πιστός» (верный – VI в, SEG 28.571, DOP 32:5,5.1)/ «πιστὸς τη·· ·π» (верный – дата?, Landmauer 76.1).

3) С сочетанием «δούλη τοῦ θεοῦ» (раба Божия), заметим, в данном регионе мужской вариант отдельно от других формул и характеристик не встречается:

«ἑ δούλη τοῦ θεοῦ» (раба Божия – V–VI вв. SEG 28.1575, DOP 32:15,19.1).

«ἡ δούλη τοῦ θεοῦ» (раба Божия – V–VI вв. SEG 28.564, DOP 32: 4, 3.1).

---

[4] Лепер, издатель надписи, предлагает считать это селение Μουλάκων преемником δῆμος Μουλασσέων, который аттрибутируют с Киесме, деревней, некогда существовавшей на берегу Евримедонта. См. IRAIK 9.246,12

[5] Ср. «κτήματος Βούζις τῶν Αὐχενίου» Europe Selymbria дата? BCH 36: 633, 87.1.

«δούλη θεοῦ» (Раба Божия – дата?, Landmauer 70.1).

4) Уточнение положения по отношению к христианству:

«νεοφώτιστος» (новоокрещенный – IRAIK 9.244,8, AJA 55, 63,9a.1).

«νεοφώτιστος ἐτῶν εἴκοσι ἄφθορος» (новоокрещенный двадцати лет, невинный – дата?, AJA 55.64,13, Ebersolt 51,6.p1).

5) Отдельные примеры характеристик, встречающиеся в единственном экземпляре:

«καλῶς τὸν βίον πολιτευσαμέ[νη]» (хорошо жизнь прожившая – IRAIK 9.244,9, AJA 55, 63,9b.p1)

«ὁ μακάριος» (блаженный – BCH 46:377, AJA 55, 66,H3.1a) – это довольно популярная характеристика в надписях, особенно монашеских, но с данной формулой встречается единожды.

«θυγάτηρ τῆς Φροντίνας» (Дочь Фронтины – AJA 55.64,13, Ebersolt 49,2.1).

«βαία γενημένη τῆς θυγατρὸς Ἰουστίνου τοῦ ἐνδόξου κουροπαλάτου» (будучи маленькой дочкой дочери Юстина, славного куропалата – 559 г, BGdSL 1917.332, AJA 55, 63,1a.1).

«προσηνοῦς ἀ[νδρὸς [σῶμα]] τοῦ ποιμνιάρχου χρηματίσαντός π[οτε] [μονῆς σεβασ]τῆς Μανουὴλ τῆς ἐνθάδε· εὔ[ξασθε τούτῳ πά]ντες εὐσεβοφρόν(ως).» (тело приветливого мужа работающего пастухом монастыря Мануила, в котором здесь помолитесь ему все благочинно – XIV в., DOP 25.236, DOP 18:325,4.1).

Дополнения:

«α cr ω» (V–VI вв., SEG 28.1577, DOP 32:21,28.1) / «α cr ω» (дата?, Landmauer 54.1) / «α #468 ω» (дата?, AJA 55.64,13 Ebersolt 51,6.p1).

«palma crux palma» (дата? AJA 55.64,13 Ebersolt 50,5.p1.

«τῆς ἐνθάδε· εὔ[ξασθε τούτῳ πά]ντες εὐσεβοφρόν(ως).» (о которой здесь помолитесь ему все благочинно – XIV в., DOP 25.236, DOP 18:325,4.1).

II. Разобранная выше формула часто встречается в рамках одной надписи с другими традиционными погребальными формулами, рассмотрим некоторые из таких сочетаний:

«ἐνθάδε κατάκιτε / κατακῖμε / [ἔ]νθα κατάκητε» + «ἐτε[λ(ιώθη) / ἐτελεύτησεν/ τελευ[τ]ᾷ / τελιωθεῖσα / ἐτελειώθη/ ἐτελιόθην» + дата («здесь лежит» + «скончался» + дата – V–VI вв., VI в.).

1) Частотная характеристика для подобного сочетания с существительным «μνήμη»:

«τῆς μακαρί[ας μνήμης] [Ο]ὐάλδαριχ φοι[δερᾶτος]» (блаженной памяти [дочь] Валдариха федерата – дата?, Landmauer 72.1).

«ὡ τῆς [μακ]αρίας μνήμης Βοραΐδης υείὸς Παύλου τριβούνου» (блаженной памяти Вораид, сын Павла, трибуна – дата?, Ebersolt 52,9.1).

«ἡ τῆς μακαρίας μνήμης θυγάτηρ Ἀλυπίου πρε(σβυτέρου)» (блаженной памяти дочь Алипия пресвитера – VI в., SEG 28.572, DOP 32:13, 17.1).

Вариант этой формулы: «ὁ τῆς εὐλαβῶς μνήμης Ἀμάντις διάκονος τοῦ Θεολόγου» (памяти Амантий, дьякон церкви Теолога – SEG 28.565, DOP, 32:22,29.1).

2) Соединение предыдущей характеристики с традиционным эпитетом πιστὸς

«ὁ τῆς μακαρίας μνήμης Σεφνᾶς δεσποτικὸς πιστὸς φοιδ[ερ]ᾶτος» (блаженной памяти Сефн, господский верный федерат – дата?, Landmauer 74.1).

«ὁ τῆς μακαρίας μνήμης Βελισάρις, πιστός, υείὸς Θεοδόρου» (блаженной памяти Велисарий, верный, сын Феодора – IRAIK 9.245,10, AJA 55, 63,9c.1).

3) Использование прилагательного πιστός:

«πιστὴ δούλ[η] τοῦ θ[εοῦ], γυνὴ γεναμένη Μακεδονίου ταξεώτου» (верная раба Божия, бывшая женой Македония, таксеота – дата? ChOrl 1, 336,3.p1).

«ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺ[ς ὁ πορφυρογέν» (во Христе Боже верный царь порфиророжденный – дата?, ChOrl 1 336,3.p1).

«πιστὴ δεσποτικὴ θυγάτηρ Κάνδικ φοιδεράτου δεσποτικοῦ» (верная господская дочь Кандика, господского федерата – дата?, Landmauer 75.1).

4) частотное для христианских надписей словосочетание δοῦλος τοῦ θεοῦ:

«ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ Εὐστάθιος, ὑὸς Λονγίνου κὲ Σεβ<η>ρίνας» (раб Божий Евстафий, сын Лонгина и Северины – дата?, CIG 9447.1)

5) Единичные характеристики:

«πριμι[κ]ίριω» (V–VI вв., SEG 28.1573, DOP 32:6,6.1)

«τοῦτο ἐποίησεν ἡ μήτηρ αὐτῆς Ἐβνογών(δα)» (это сделала мать ее Евгонда – дата? Landmauer 75.1).

«ἐτῶν ε?» (5 лет – VI в., SEG 28.572, DOP 32:13,17.1)

дополнения:

«[εἶδε]ς παροδῖ[τα τὸ]ν ἥλιον [····]ον ἀναλ[άμψα]ντα κ(αὶ) δύ[σαν]τα εὔξου [ὑπὲ]ρ ἐμοῦ» (увидел, прохожий, солнце…, взошедшее и севшее, и помолись за меня – VI в. SEG 28.572, DOP 32:13,17.1).

«βα[σιλ(είας) Ἡρακ]λί[ου].» (в царствование Ираклия – VI в. SEG 28.572, DOP 32:13,17.1)

«χέρετε, οἱ καλῶς θαν<ό>ντες καὶ καλῶς ὑμᾶς εὗρον ΚΛΕ– – – – πρὸς οἱμᾶς· –_– ἄξιοι εἰς τούτην [τὴν] [ἐκκ]λησίαν – – – τῆς ἀναπαύσεως» (привет вам, хорошо умершие, и хорошо вас найдя… достойные, в этой вот церкви – дата? CIG 9447.1)

III. Еще одно сочетание формул: «ἐνθάδε κατάκειται» + «ἐκοιμήθη» + дата (здесь лежит + почил + дата).

Характеристика для этого примера: «πιστός» (верный – AM 42.190,2, AJA 55, 64,12.1).

IV. более поздний вариант для рассмотренной выше формулы: «[ἐνθ]άδε ἀνα̣[πα][ύε]τε» (здесь упокоился – IX в.).

Краткая христианская характеристика: «δοῦλ[ος {δούλ[η_}]» (раб (раба) IX в., SEG 28.573, DOP 32:4,4.1).

V. еще одна распространенная формула, задаваемая одним глаголом: «τελε[ιωθεὶς(_) / τελιω[θεὶς] / ἐτελιώθη» + дата (скончался – примеры из VI в.).

Характеристики умерших, соседствующие с этой формулой в регионе:

«τῆς μακ[α]ρίας μνήμης» (блаженной памяти – Landmauer 78.1).

«ὑπατίᾳ» (ипатия ? – VI в., EO 35.223,2, AJA 55, 64,19b.1).

VI вариант предыдущей формулы: τελευ]τᾷ + дата (почил – V–VI вв.).

«– φοιδερ]άτου δεσποτ[ικοῦ» (господский федерат – V–VI вв., SEG 28.1574, DOP 32:7,7.p1).

«ἐτῶ(ν) γ?» (три года – V–VI вв., SEG 28.1574, DOP 32:7,7.p1).

VII ἀπεγένητο + дата (умер – V–VI вв.)

Обычная христианская характеристика: «πισ[τὴ] ἐν Χ[(ριστ)ῷ]» (верная во Христе – V–VI вв., SEG 28.1578, DOP 32:23,30.p1).

VIII. Более поздняя глагольная формула ядра для этого региона: «ἐκοιμήθη» (почил – XII в?, 1408–1483 гг.).

1) Классическая характеристика δούλη τοῦ [θ(εο)ῦ:

«δούλη τοῦ [θ(εο)ῦ» (раба Божия – 1408–1483 гг., EO 35.220,1, AJA 55, 64,19a.1).

«ἡ δούλη τοῦ θ(εο)ῦ Ἀθανασί̣α μοναχ[ή, ἡ μήτηρ τοῦ] [γαμβ]ρ[ο]ῦ τοῦ [– – –] κτήτω[ρος – – – –].» (раба Божия Афанасия, монахиня, мать жениха… ктитора – ок. 1325–1330 гг., DOP 13.216, KarDjami 280,E.a.1).

2) Уникальные характеристики:

«ὁ πανιερώτ(α)τ(ος) μη[τροπολίτης {μ(ητ)ρ[οπο(λί)τ(ης)} Χ]αλκηδόν(ος).» (всесвященнейший митрополит Халкидон – Euphemia 87 AJA 55, 62,XIV.p1, Schneider, BZ 42.1942.181, Naumann and Belting, Euphemia–Kirche [1966], 87–88).

«[ἡ σύζυγος τοῦ πορφυρογεννήτου, κυροῦ Κωνσταντίνου τοῦ Παλαιολόγου, καὶ υἱοῦ τοῦ ὑψηλοτάτου βασιλέως τῶν Ῥωμαίων <Μιχαὴλ – – –>» Супруга порфиророжденного кира Константина Палеолога и сына высочайшего василевса Ромеев Михаила – ок. 1325 - 1330 гг. DOP 13.216, KarDjami 280,E.a.1).

Дополнения:

«ἀδελφοί μ(ου) πν(ευματ)ικοὶ, μή μου ἐπιλάθη<σ>θ(ε) [ὅτα]ν πρ<ο>σεύχησθε βλέποντές μου τὸν τάφον μέμνησθε [τῆς] ἀγάπης κ(αὶ) ἱκετεύετε Χ(ριστὸ)ν ὅπως κατατάξῃ τὸ πν(εῦμ)ά μ[ου] μετὰ τ[ῶ]ν [δ]ικαίων.» (духовные мои братья, не забудьте меня, когда будете молиться. Смотрящие на мою могилу, помяните с любовью и помолитесь Христу, чтобы он направил дух мой к праведным (сопричислил дух мой с праведными) – Euphemia 87 AJA 55 62,XIV.p1, BZ 42.1942.181).

«μή(τη)ρ [θ(εο)ῦ]. h.1 ὁ ἅγ(ιος) Κοσ[μ]ᾶς. {on scroll:} ὡς ἄνθος | μαραίνε|ται, κ(αὶ) ὡ|ς ὄναρ | π[α]ρέρχε|ται κ(αὶ) δι|[αλ]ύεται | [πᾶς] ἄνθρ|ωπο(ς). {Mikron Euchologion, ed. Skarpas, p. 364} i.1 ὁ ἅγ(ιος) Ἰω(άννης) ὁ Δαμασκη[ν]ός. {on scroll:} ὥντως | φοβε|ρώτατον | τὸ τοῦ θα|νάτου | μυστί|ριον. {Mikron Euchologion, ed. Skarpas, p. 365}» (Матерь Божия, святой Косьма. Как цветок увядает, сон проходит и разрушается всякий человек. Святой Иоанн Дамаскин Действительно, страшнейшая тайна смерти – ок. 1325–1330 гг., DOP 13.216, KarDjami 280,E.a.1).

IX. Уникальная формула через глагол «θάπτω», передающий действия хоронящего:

«ἀβαᾶ Ἀντώνιε θάψο τὰ [ὀστᾶ σου].» (авва Антоний, я похоронил кости твои – поздн. Виз., AJA 55.64,11[a], ArchAnz 1966, 1916: 25,28.1).

Теперь рассмотрим формулы погребальных надписей, образующим центром ядра которых являются существительные:

I. Существительные для обозначения могил:

1) τάφος ‘гробница’ используется часто в стихотворных и официальных погребальных надписях, которые, как мы оговорились раньше, были исключены из анализа.

2) τύμβος первоначально ‘курган’, позже ‘могила’ в целом и ‘могильная надпись’ встречается в одной поздней надписи.

XIV в.). Сопутствует ему поэтическое описание умершей и просьба в античном стиле к незнакомцу, помолиться за умершую, когда он увидит памятник: «ὁ τύμβους καθορῶν τούτους, ξένε, εὔχου» (XIV в., DOP 32:14,18.1). Сама надпись на могиле монахини.

3) μνημήιον ‘памятник’ сочетается с глаголом θήκατο и описанием горестей, которые претерпел родственник его поставивший (IV–VI вв., Anth 7,613.p1).

4) Сочетание сразу двух видов:

[θήκη δι]αφέρουσα + μεμ[όριον(_)] «могила, принадлежащая» + «памятник» – дата?, Landmauer 55.1).

II. Использование формулы характеристики для ядра: μνήμη + Р.п. (V–VI вв.)

характеристика:

ἀσκήτρηας ‘аскет-женщина’ – V–VI вв. SEG 28.1576, DOP 32:21,27.1).

Для сравнения приведем сентенцию со словом μνήμη из другой надписи:

«μνήμη θανάτου χρισημεύει {χρησιμεύει} τὸν βίον». (памятник смерти полезна жизни — дата? AJA 55.57,3 Mercati II 260.1).

III. Поздняя формула: «δ(έησι)ς τοῦ δούλου [τοῦ] θ(εο)ῦ» (моление раба Божия – 1300 г.?)

характеристика: «τοῦ ταλαιπόρου» (многострадальному – ок. 1300 г.?, Euphemia 171, ArchAnz 1966, 1943:280.a.p1, Schneider, AA 1943.280).

дополнения:

«βο[ήθει] ἐ[ν] τῇ ἡμέρᾳ τῆς κρ[ίσεως].» (помоги в день Суда – ок. 1300 г.?, Euphemia 171, ArchAnz 1966, 1943:280.a.p1, Schneider, AA 1943.280).

«οἱ ἅγιοι τεσσαράκοντα» (святые сорок [мучеников] – ок 1300 г.?, Euphemia 171, ArchAnz 1966, 1943:280.a.p1, Schneider, AA 1943.280).

IV. сентенция описательного свойства:

«τὸ θεῖον ἔργον ἐνθάδε φθαρὲν χρόνῳ | καινοῖ Μανουήλ εὐσεβὴς αὐτοκράτωρ.» (божественное творение здесь погребенное временем подновил – Мануил, благочестивый автократор – 1143–1180 гг., AJA 55.62,II, CIG 8790.1).

В данном регионе встречается целый ряд примеров, в которых формулы ядра опущены или подразумеваются:

1) Р.п.: «[cr] Ⱪωνσταντίνου.» (Константина – VI в. SEG 28.1593, DOP 32:24,32.1).

2) Р.п. + профессия:

«Λουκ(ᾶ) Νοταρας διερμηνευτοῦ.» (Луки Нотара, переводчика – ок. 1425 - 1448 гг. AJA 55.55,14, ByzCple 192.1).

3) Р.п. + фрагмент формулы характеристики:

«cr Ἰω(άνν)<ου> ἐν Χ(ριστ)ῷ αὐτοΠαλαιολόγου.» (Иоанна во Христе автоПалеолога – ок 1445 г. cf Landmauer 3, CIG 8779.1.

«[– – – Θεοφιλο]υ πιστ[οῦ – – –]» (Феофила, верного – 829–842 гг.?, AJA 55.56,33[b], ArchAnz 1966, 1916:23,23c.1).

4) Д.п.: «ω··ρε Ἰωάννῃ ἰατρ(ῷ)» (Иоанну, врачу – дата?, Landmauer 67.1).

dei [Ἰ]ωάννης dεκενβρ(ίῳ) ε dαν· (Иоанна декабря 5 – дата?, Landmauer 21.1).

Таким образом, большая часть формул ядра в этом регионе задается глаголами и представлена с вариациями, а формулы с существительными в качестве формообразующих моделей представлены скудно, особенно в сравнении с таким регионом, как Малая Азия[6], где они составляют основной массив погребальных надписей. Из глагольных форм наиболее частотна «ἐνθάδε κατάκειται», которой сопутствуют все три традиционные характеритики умерших: «ὁ / ἡ τῆς μακαρίας μνήμης», «πιστὸς ἐν Χ(ριστ)ῷ» и «δοῦλος τοῦ θεοῦ» в соответствующих падежах, и которая часто соединяется с другими глагольными формулами. В то же время гораздо больше, чем в Малой Азии, встречается формул описательного свойства, формул-эвфемизмов, а формулы для проклятий осквернителей могил, напротив, не так распространены. При характеристике умерших используется много перифраз или цитат из античных памятников, чаще всего в стихотворных надписях. Можно сказать, что сами надписи и выбор формул в них обусловлен официальной риторикой чаще, чем в других регионах. Возможно, это связано с тем, что более простые по содержанию надписи оказались по разным причинам менее сохранны, чем в тех же Афинах, которые, как и Малая Азия, богаты памятниками, тексты которых построены вокруг формул существительными, особенно «κοιμητήριον».

[6] Ср. Евдокимова А. А. Формулы в погребальных византийских надписях Малой Азии. Севастополь: 2015.

Литература

AJA – Mango, C. 1951: The Byzantine Inscriptions of Constantinople: A Bibliographical Survey. *American Journal of Archaeology* 55, 52–66.

AM – *Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts*. Athenische Abteilung. T. 42. Athen, 1917.

Anth – Beckby, H. (ed.). 1965–1968: *Anthologia graeca*. 4 vols. 2nd edn. Munich .

ArchAnz – Archäologischer Anzieger. In: *Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts* (Berlin). (Includes: Mango, C. A Byzantine Inscription Relating to Dyrrhachium. In: *JdI* 81 (1967), Arch. Anz. 1966, 410–414. The quotations from the Passion of the saint, which accompany the painted scenes from the life of H. Euphemia of Chalkedon, in the Martyrion of H. Euphemia, reported by A.M. Schneider, in AA 1941, col. 311–312, are given here according to the edition of H. Belting in Naumann, R., Belting, H. 1966: Die Euphemia-Kirche am Hippodrom zu Istanbul und ihre Fresken. *Istanbuler Forschungen* 25, 113–171).

BCH – *Bulletin de correspondance Hellenique*.

BGdSL – *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Litteratur*. Tübingen.

ByzCple – Millingen, A. van, Traquair, R., George, W.S., Henderson, A.E. 1912: *Byzantine churches in Constantinople. Their history and architecture. With maps, plans, and illustrations*. London: (Inscriptions from the Church of the Pammakaristos (pp. 138–159) only. For other inscriptions from the church, see Megaw, A. 1963: Notes on Recent Work of the Byzantine Institute in Istanbul. *DOP* 17, 367–371, esp. 370).

BZ – Schneider, A.M. 1942: Das Martyrion der Hl. Euphemia beim Hippodrom zu Konstantinopel. *Byzantinische Zeitschrift* 42.

CIG – Kirchhoff, A. 1859: *Corpus Inscriptionum Graecarum*, IV, 2. Berlin. For the later, cf. Frolow, A. La Relique de la Vraie Croix. Recherches sur le développement d'un culte. (Archives de l'Orient chrétien, 7; Paris 1961).

ChOrl – Robert, L. 1965: Noms de métiers dans des documents byzantines. In : *Charisterion eis A.K. Orlandon*, vol. 1. Athens, 324–347.

DOP – Dumbarton Oaks Papers. (Washington, D.C.). Includes (in addition to the articles mentioned above): Mango, C. 1963: The Conciliar Edict of 1166. *DOP* 17, 315–330; and Mango, C., Şevçenko, I. 1978: Some Recently Acquired Byzantine Inscriptions at the Istanbul Archaeological Museum. *DOP* 32, 1–27; Mango, C., Hawkins, E. 1964: Report on Field Work in Istanbul and Cyprus, 1962–1962. *DOP* 18, 319–333, esp. 325; Schreiner, P. 1971: Eine Unbekannte Beschreibung der Pammakaristoskirche (Fetiye Camii) und weitere Texte zur Topographie Konstantinopels. *DOP* 25, 219–248, esp. 221–226 and 236.

Ebersolt, J. 1921: *Mission archéologique de Constantinople*. Paris .

EO – Laurent, V. 1936 : Inscriptions grecques d'époque romaine et byzantine. *Échos d'Orient* 35, n°182, 220–233.

Euphemia – Naumann, R., Belting, H. 1966: Die Euphemia-Kirche am Hippodrom zu Istanbul und ihre Fresken. *Istanbuler Forschungen* 25, 113–171.

IRAIK – *Proceedings of the Russian Archeological Society in Constantinople* 9. Sofia, 1904.

KarDjami – Underwood P. A. *The Kariye Djami*. Vol. 1: *Historical introduction and description of the mosaics and frescoes*, 321 pp.; vol. 2: *The mosaics. Plates 1–334*; vol. 3: *The frescoes. Plates 335–553*. «Bollingen Series LXX. Pantheon Books». New York, 1966.

Landmauer – Schneider, A., in Meyer-Plath, B., Schneider, A. 1943: *Die Landmauer von Konstantinopel*. Berlin. Inscriptions, 123–144.

Mercati – Mercati, S.G. 1970: *Collectanea Byzantina*, II. Bari. (Selections from the articles reprinted in this collection on «Epigrafia», pp. 209–343, and «Archeologia-Arte», pp. 425–534, in particular, pp. 276–295, «Sulle iscrizioni di Santa Sofia» (1922)).

SEG – Pleket, H.W., Stroud, R.S. (eds.). 1979–1994: Supplementum Epigraphicum Graecum. Vols. 26–41, Amsterdam.

Schneider, A.A 1943 – Meyer-Plath, B., Schneider, A. 1943: Die Landmauer von Konstantinopel. Berlin. (Inscriptions, pp. 123–144).

A. A. Evdokimova. Formulas in funerary Byzantine inscriptions from Constantinople

This article presents the analysis of the formulas and traditional phrases from the funerary Byzantine inscriptions in Constantinople. We can distinguish three most often type of the formulas, which make up the «nucleus» of the inscription of Constantinople: 1) tomb/ burial place, whose it is, 2) here lies somebody, 3) became dead in different variations. The type of the «nucleus» determinates if there is a date and whatever detailed description of the dead person, besides the traditional for the Christian context phrases as «τοῦ δούλου τοῦ θ(εο)ῦ» slave of God and «πιστός/ πιστὴ» (from the formula: «πιστός/ πιστὴ ἐν Χριστῷ»). The formulas which we can see in the other parts of the inscription structure have the following functions: the praying, the malediction for the probable tomb violator etc. In this region more often "nucleus" formula is «ἐνθάδε κατάκειται».

Keywords: Byzantine inscriptions, Constantinople, epigraphy, formulas.

С. К. Егорова

ВИТРУВИЙ ОБ ОБРАЗОВАНИИ АРХИТЕКТОРА (*De Arch.* I, 1, 12–13)

Для Vitr. *De Arch.* I, 1, 12 предлагается следующий перевод: «Поэтому **относительно древних архитекторов** (de veteribus architectis) Пифей, который великолепно выстроил храм Минервы в Приене, утверждает в своих *Записках*, что архитектор должен быть способен во всех искусствах и науках <даже> превзойти тех, кто довел изучением и трудолюбием одно дело до величайшего блеска». Такой перевод предлога de соответствует как особенностям словоупотребления Витрувия, так и данным истории античной архитектуры.

Ключевые слова: Витрувий, латинские предлоги, «Об Архитектуре», Пифей, античная архитектура.

В первой книге сочинения *De architectura* Марк Витрувий Поллион пишет о многих – и самых различных – науках, которым следует обучаться будущему архитектору. При этом он упоминает «радикальное» мнение греческого архитектора Пифея, жившего в IV в. до н. э.[1]:

> Ideoque de veteribus architectis Pythius, qui Prieni aedem Minervae nobiliter est architectatus, ait in suis commentariis architectum omnibus artibus et doctrinis plus oportere posse facere, quam qui singulas res suis industriis et exercitationibus ad summam claritatem perduxerunt (I, 1, 12)[2].

---

[1] О нем см. Riemann 1963: Sp. 371–513. Кроме храма Минервы Пифею приписывают знаменитый Мавзолей в Галикарнасе (по-видимому, в соавторстве с Сатиром, которого Витрувий называет автором этого сооружения).

[2] В разбираемом отрывке изначально внимание автора привлекло выражение «aedem Minervae nobiliter est architectatus. Не ясно, о чем идет речь – об известности архитектора (ср. переводы Ф. А. Петровского: «Пифей, *прославившийся* постройкой храма Минервы» и Г. П. Полякова: «Питей, который был *знаменитым* создателем храма Минервы») или же об эстетической оценке храма, от которой Витрувий просто не мог удержаться в параграфе, посвященном совсем другой теме (ср. Ф. Грейнджер: «Pythius, who was the designer of the *noble* temple of Minerva»). Ближе всего к оригиналу переводит Курт Фенстербуш: «Pytheos, der in Priene den Bau des Minervatempel vortrefflich als Architekt geleitet hat». К сожалению интересная работа, Дж. Поллитта, затрагивающая словоупотребление в эстетическом контексте, не рассматривает наречия, хотя по статьям о прилагательных

Так мы узнаем, что в недошедших записках Пифей наделяет архитектора своего рода «сверх-способностями»: изучив многие науки и искусства, он должен (oportere) превзойти тех, кто изучал лишь одно – например, живопись или скульптуру.[3] Однако Витрувий лаконично опровергает возможность этого: Id autem re non expeditur (I, 1, 13) и приводит серию примеров: так, хотя архитектор не должен быть таким живописцем, как Апеллес, требуется, чтобы он умел рисовать (nec pictor ut Apelles, sed graphidos non inperitus, *ibid.*).

Любопытство вызывает понимание предлога de в сочетании de veteribus architectis – все доступные нам переводы[4] дают здесь «*один из* древних архитекторов»[5].

Предположение, что в этом случае предлог был переведен именно таким образом в соответствии с особенностями употребления его у Витрувия, не подтвердилось: во всем сочинении нашлось всего два случая, где de означает выделение лица из определенной группы людей, однако ситуация в обоих случаях сильно отличается от рассматриваемого места:

1) во второй книге (8, 12: Postea *de colonis unus* ad eum fontem propter bonitatem aquae quaestus causa tabernam omnibus copiis instruxit) речь идет об одном *из поселенцев* – в противовес местному населению, считавшему воду источника вредной, т. е. речь идет о *категории* лица, а не о *ограниченной группе* лиц.

2) В очень схожем на первый взгляд отрывке в Предисловии к VIII книге (*De septem sapientibus* Thales Milesius omnium rerum principium aquam est professus, Heraclitus ignem, Magorum

---

felix, *mirabilis* и др. видно, что особенности значения в искусствоведческом контексте заметны. О прилагательном *nobilis* мы узнаем, что оно часто встречается также у Плиния Старшего, означает скорее ‘известный’, чем ‘благородный’, и может описывать «как произведение искусства, так и автора» (Pollitt 1974: 409).

[3] Витрувий называет также математику, философию, медицину, грамматику, музыку и т. д.

[4] Петровский: «Недаром **один из** древних архитекторов…», Поляков: «На этом-то основании **один из** старых архитекторов…», Granger: «And, therefore, **one of** the old architects», Fensterbusch: «Deshalb sagt **einer von** den alten Architekten…».

[5] Отметим, что предлог e, ex встречается у Витрувия в значительных количествах (*Index Vitruvianus* 1965: 41–42), однако в рассматриваемом месте его появление было бы необычным: в целом у римских авторов выражение unus ex + Abl. Pl. употребляется только в случае, если подчеркивается единичность или исключительность: ср., например, Cic. *ad Att.* 3, 15, 7 maxime laetere unus ex omnibus amicis; Caes. *BG* 1, 41, 4 per Diviciacum, quod ex Gallis ei maximam fidem habebat.

sacerdotes aquam et ignem…), мы видим, напротив, строго ограниченную группу лиц, однако перечисление всех ее членов не оставляет сомнений в значении предлога – из семи мудрецов один… второй … и т. д.

Между тем Витрувий очень часто использует этот предлог в значении *о чем*, *про что*, *относительно чего* (*OLD* 12).[6] Причем можно заметить, что автор трактата не гонится за стилистическим совершенством (в чем сам часто признается) и ставит предложные конструкции в зависимости от самых разных глаголов и выражений, например:

> Non enim de architectura sic **scribitur** uti historia aut poemata (V, Praef. 1).
> Itaque **primum** de lateribus (II, 3, 1).
> Id autem licet **animadvertere** etiam de nonnullis monumentis … (II, 8, 3).
> Non minus **est admirandum** de cupresso et pinu… (I, 9, 12).
> Explicatis aedium sacrarum compositionibus in hoc libro insequenti de communium operum **reddemus** distributionibus **explicationes** (IV, 9, 1).

Хотя параллелей с глаголом aio не существует[7], кажется вполне возможным предположить в данном случае у него двойное управление – наряду с инфинитивным оборотом указание *о ком идет речь*, т. е. к кому это высказывание относится. Тогда перевод будет выглядеть так: Поэтому[8] **о древних архитекторах** (относительно древних архитекторов) Пифей говорит, что архитектор должен быть способен достигать во всех науках и искусствах <даже> большего, чем те, кто изучал только одно.

Косвенным аргументом в пользу этого понимания может служить порядок слов в рассматриваемом предложении: слова de veteribus architectis стоят в начале предложения – сразу после

---

[6] Как и в пространственном значении *с чего*, *из чего* (*OLD* 1, 2) и для обозначения материала (*OLD* 8, ср. русск. *сделано из*). Некоторые случаи могут использоваться для выявления значения предлогов de и ex: 2, 3, 2 Sin autem non erunt harenaria, unde fodiatur, tum **de fluminibus** aut **e glarea** erit excernenda, non minus etiam **de litore** marino; 5, 10, 1 Aenea supra hypocausim tria sunt componenda, unum caldarium, alterum tepidarium, tertium frigidarium, et ita conlocanda, uti, **ex tepidario** in caldarium quantum aquae caldae **exierit**, **influat de frigidario** in tepidarium ad eundem modum….

[7] Витрувий использует этот глагол всего лишь 6 раз (Index Vitruvianus 1965: 6).

[8] Выше говорится о том, что кажущиеся разрозненными науки образуют единую структуру, которая и помогает их осваивать.

связующего с предыдущей фразой ideoque – и могут быть поняты как обозначение темы или раздела, что можно видеть у Витрувия довольно часто (VI, 6, 1 Primum **de** salubritatibus, uti in primo volumine de moenibus conlocandis scriptum est, regiones aspiciantur et ita villae conlocentur; VIII, 5, 1 Nunc **de** perdustionibus ad habitationes moeniaque, ut fieri oporteat, explicabo, и т. д)[9].

Однако основное подтверждение предложенного понимания следует искать в области смысла: можно ли предположить, что, ссылаясь на произведение Пифия, Витрувий имеет в виду неких «древних мастеров»[10], которым было свойственно то, что сейчас признается невозможным (re non expeditur)?

Г. С. Лебедева в своей монографии, посвященной Витрувию[11], неоднократно упоминает о его отношении к профессии архитектора: стремясь к ее популяризации, он подчеркивает важность прилежного учения, не считая обязательным требованием исключительную одаренность. Тем важнее его заочный спор с Пифеем, который «олицетворяет эллинский идеал классической поры»: архитектор в понимании Пифея «обладает высшим, самым высшим, недоступным никому больше знанием» (Лебедева 2015: 81).

Полагаясь на подобный взгляд историков античной архитектуры, предположим, что слова de veteribus architectis указывают на греческих архитекторов классического периода – т. е. древних как для Пифея (сер. IV в.), так и для Витрувия – и содержат известную долю идеализации, свойственной и нам, когда мы рассуждаем о титанах прошлого[12].

---

[9] Ср. стандартный случай построения фразы, получивший название “Theme versus prepositional phrases with *de*” (Spevak 2010, 109–110, хотя самые показательные примеры взяты из писем Цицерона и, следовательно, начало предложения с de служит ответом на вопрос, содержащийся в письме Аттика). За указание на работы о порядке слов я благодарю А. А. Кормилину, СПбГУ.

[10] Vetus у Витрувия встречается в основном в противопоставлении старый/новый; один раз (V, 3, 8) слова veteres architecti обозначают строителей первобытной эпохи; один раз речь идет о Еврипиде (IX, 1, 13–14 testimonium poetae veteris).

[11] См. Лебедева 2015. Книга не совсем удачно озаглавлена «Новейший комментарий к трактату Витрувия “Десять книг об архитектуре”», однако представляет собой монографию и содержит соображения автора по поводу тем, связанных с историей античной архитектуры.

[12] Никто из наших современников не удивляется разносторонней одаренности Микеланджело или Леонардо. Для античного сознания в

Литература

Fensterbusch, C. 1964: Vitruv. *Zehn Bücher Über Architektur*. Übersetzt und mit Anmerkungen versehen von Dr. Curt Fensterbusch. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Granger, F. 1995: Vitruvius *On Architecture*. Books I–V, ed. and tr. by F. Granger. Cambridge, Mass., London: Harvard University Press (1st ed. 1931).

Index Vitruvianus. Conf. H. Nohl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1965.

Lebedeva, G.S. 2015: *Noveyshiy kommentariy k traktatu Vitruviya «Decyat' knig ob arkhitekture»* [*The newest commentary on Vitruvius' De architectura*]. Moscow: KomKniga.
Лебедева Г. С. *Новейший комментарий к трактату Витрувия «Десять книг об архитектуре»*. М.: КомКнига, 2015.

Petrovskiy, F.A. 2003: *Ten books On Architecture* Tr. from Latin by F.A. Petrovskiy. Moscow: Editorial URSS (1st ed. 1936).
Петровский, Ф.А. 2003: Витрувий. Десять книг об архитектуре. Пер. с лат. М.: Едиториал УРСС (1 изд. 1936).

Pollitt, J.J. 1974: *The Ancient View of Greek Art: Criticism, History and Terminology*. New Haven, London: Yale University Press.

Polyakov, G.P. 1936: Marcus Vitruvius Pollio. *De architectura*. 10 books. Tr. from Latin. Ed. by A.V. Mishulin. Leningrad: Sotsekgiz.
Поляков, Г.П. 1936: Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре. 10 книг. Пер. с латинского. Под ред. А. В. Мишулина. Л.: Соцэкгиз.

Riemann, H. 1963: Pytheos. *RE* Hb. 47. Stuttgart: Alfred Druckenmüller Verlag, Sp. 371–513.

Spevak, O. 2010: *Constituent Order in Classical Latin Prose*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

S. K. Egorova. Vitruvius on architects' competence (*De Arch.* I,1, 12–13)

The modern translations of the Vetruvian *On Architecture* translate "**de** veteribus architectis Pythius … ait" (Book 1, 1, 12) as "**one of** the old architects Pythius/Pytheos… says", meanwhile some consideration of the history of Ancient art and the usage of the preposition *de* offer an opportunity to understand it as *concerning* or *about*, the whole phrase being as follows: "That is why **concerning** the old (i. e. Classic) architects Pythius – who designed brilliantly the temple of Athena in Priene – states in his work, that an architect should be able to be <even> better in all kinds of art and science than those, who reached with all diligence and practice an excellence in a single form of art".

Keywords: Ancient architecture, Latin prepositions, *On Architecture*, Pytheos, Pythius, Vitruvius

---

качестве такого недостижимого образца могу служить Фидий – живописец, скульптор и архитектор.

Е. В. Желтова, А. Ю. Желтов

К ВОПРОСУ ОБ ОДУШЕВЛЕННОСТИ В ЛАТИНСКОМ, ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ
в контексте семантической типологии именной классификации

В статье рассматривается проблема выражения категории одушевленности/ неодушевленности в некоторых индоевропейских языках (латинский, древнегреческий и русский) на фоне наличия в них мужского и женского родов. Анализируется взаимодействие данных категорий с падежным маркированием и типом склонения, а также делается попытка определить место данных явлений в контексте семантической типологии именной классификации.

Ключевые слова: именная классификация, одушевленность, иерархия одушевленности, мужской и женский род, склонение, семантическая типология именной классификации.

> «[Род –] одна из наименее логичных и наиболее неожиданных грамматических категорий».
> (Meillet 1926: 202)
> «Мы все еще далеки от понимания того, как возникают системы грамматического рода…»
> (Corbett 1991: 310)

1. Род и именная классификация

Именная классификация на самом деле вызывает много вопросов: в чем принципиальное различие между грамматикализованными системами (классы/ роды) и неграмматикализованными (нумеративными, глагольными, посессивными) классификаторами? Из каких материальных источников могут возникать те и другие, и каков механизм их зарождения и развития? Почему системы классификации (часто развернутые) появляются в одних языках, в то время как другие обходятся без них? От каких языковых и внеязыковых факторов зависит наличие/ отсутствие и тип именной классификации? Как соотносится категория рода/ класса с такими категориями, как падеж, референциальность, число, личность, одушевленность и т. д. Очевидно, что ответ на каждый из этих вопросов представляется сложной и многомерной задачей.

В этой статье мы остановимся на способах выражения противопоставления одушевленности/ неодушевленности в латинском, древнегреческом и русском языках, представив также типологический контекст для данного анализа в виде семантической типологии систем именной классификации.

2. Иерархия одушевленности и именная классификация

Иерархия одушевленности (Silverstein 1976), как некая семантическая классификационная шкала, может рассматриваться в качестве глубинной семантической структуры по отношению к поверхностной структуре – грамматической классификации. Данное соотношение подобно соотношению семантических и синтаксических ролей. Язык как система, реализующаяся исключительно посредством коммуникативного акта, подразумевающего наличие говорящего и слушающего, не может функционировать без грамматического (поверхностного) выражения верхних уровней данной иерархии – местоимений 1 и 2 лица. Нет ни одного языка, где бы не было этих местоимений. Являясь системой динамической, язык постоянно изменяется. В контексте потенциала языковой системы к развитию можно предположить, что если один из элементов семантической иерархии получил поверхностное выражение в форме сегментных грамматических единиц, то и другие уровни этой иерархии имеют тенденцию к поверхностному выражению. При этом, чем выше элемент в иерархии, тем более вероятна его грамматическая реализация. Местоимения третьего лица встречаются в языках реже, чем местоимения первого и второго, но чаще, чем грамматикализованное выражение категории «люди». «Люди», в свою очередь, чаще функционируют в качестве элемента классификации, чем «животные»; последние – чаще, чем «вещи». Таким образом, первичным для языка в целом является выделение имен и местоимений, а для именной классификации первичной оппозицией должна быть оппозиция «личность / неличность». При этом данное противопоставление не обязано сохраняться во всех системах именной классификации в эксплицитном виде. В ходе развития этих систем первичное противопоставление может перейти в разряд скрытых категорий. Конечно, для подтверждения выводов о том, что во всех классификационных системах есть хотя бы следы данной оппозиции, требуется более глубокое знакомство с материалами всех существующих языковых семей. Знание материалов

по именным классификациям, которым на данный момент обладают авторы статьи, скорее подтверждает подобные выводы. Действительно, если в языке есть какие-нибудь элементы именной классификации, то противопоставление «личность/ неличность» неизбежно обнаруживается в том или ином виде (часто – в виде противопоставления одушевленность/ неодушевленность). В этой связи представляют интерес данные об упрощении языковых систем при явлении «языковой смерти» (Dixon 1986, Lakoff 1986): при упрощении системы именно противопоставление «личность/ не-личность» сохраняется последним.

Л. Ельмслев отмечал, что местоимения «кто» и «что» для человека и остальных объектов различаются даже в тех языках, где в анафорических местоимениях не обнаруживается различие между «он» и «она» и нет никакой другой классификации (El'mslev 1972: 135). Возникает вопрос, можно ли считать, что в языке есть грамматическое противопоставление по роду/ классу (именная классификация), если в нем существуют вопросительные местоимения «кто» и «что». Представляется, что принципиальной границы между традиционными системами классификации и этим явлением нет, и наблюдается определенный континуум. В самом деле, если в языке различаются по роду указательные местоимения, это всегда служит основанием для признания данной категории грамматической, при этом принципиальной границы между указательными и анафорическими местоимениями не существует, следовательно, наличие хотя бы двух форм анафорических местоимений для референции к «человеку» и «всему остальному» можно признать наличием классификации. В таком случае следует предположить, что наличие двух форм вопросительных местоимений также является своего рода прагматической анафорой: отсылка идет не к предыдущему контексту, а к некоторому априорному знанию о лице / объекте вопроса, следовательно, принципиальная разница между анафорическими и вопросительными местоимениями заключается только в контексте соответствующей референции – утвердительном или вопросительном. Таким образом, вопросительные местоимения могут находиться – наряду с другими системами классификации, представляющими минимальную степень ее выраженности, – на одном конце континуума классификационных систем, в то время как на другом конце находятся именные классификации типа индоевропейского рода или именных классов языков банту.

3. Семантическая типология именной классификации

Итак, если признать первичность противопоставления «личность/ не-личность» при формировании именных классификаций, а это подтверждается приведенным выше анализом, то возникает вопрос о следующих стадиях ее развития. Поскольку новые элементы должны наслаиваться на уже существующие средства противопоставления «личность/ не-личность», то усложнение может идти в рамках либо категории личности (1), либо, соответственно, не-личности (2).

Сначала попытаемся представить возможное развитие в первом случае. Очевидно, что главное противопоставление внутри класса личности – это разделение на «мужской» и «женский» подклассы. Если опросить носителей любого языка, на какие подклассы делятся люди, то такой ответ, очевидно, будет самым частотным. В рамках противопоставления «мужской – женский» можно выделить три типа.

(1а). Первый тип может быть назван «семантизированным», поскольку в нем сохраняется семантическая прозрачность получаемых классов: «мужской», «женский», «остальное». Это наблюдается, например, в некоторых северо-кавказских языках (аварский, даргинский), дравидийских, енисейских, некоторых койсанских и нило-сахарских языках. К подобным системам относится и английский язык.

(1б). Во втором типе возможно изменение прототипического варианта под воздействием метафоры, метонимии, культурных стереотипов. В этой связи весьма интересен австралийский язык дирбал (Lakoff 1987). Для охотников пол животного значительно менее важен, чем для скотоводов, поэтому здесь не происходит распределения названий животных по родам в соответствии с полом, как это, видимо, происходило в праиндоевропейском, где генезис мужского и женского рода мог совпасть с зарождением скотоводства. Поскольку охотой занимаются мужчины, то животные и попали в класс мужчин. А в класс женщин попали солнце (женское божество в мифологии), птицы (согласно мифологии, в них превращались души умерших женщин), солнечный луч (перенос «часть от целого»), огонь (функциональное уподобление солнцу), колющие предметы (уподобление результата их действия (рана) результату действия огня (ожог)) и т. д. Подобное развитие можно назвать «метафорическим». При нем не возникает категория одушевленности.

Судя по всему, подобный путь развития не блокирует возникновения новых оппозиций и для «не-людей».

(1в). Третий тип – с распределением животных по полу – приводит в конечном итоге к десемантизации системы. Так как класс «не-личность» разрушается[1], то вслед за животными и другие имена начинают перераспределяться (по фонетическим причинам, а возможно – на первом этапе – и по метафорическому или мифологическому каналу). В конечном итоге это ведет к максимальной грамматикализации системы, что выражается в виде синтаксического согласования. Категория одушевленности/ неодушевленности является следствием перераспределения названий животных по классам мужчин и женщин. Любопытно, что подобный тип, который можно назвать «одушевленным» или десемантизированным, возникал в языках, носители которых, очевидно, давно занимались скотоводством – индоевропейских и афразийских.

(2). Когда развитие идет внутри класса «не-личность», существует достаточно много оснований для усложнения системы. Во-первых, поскольку класс «людей» сохраняется, может получить дальнейшее развитие грамматическое выражение иерархии одушевленности (люди – животные – растения – природные объекты – нейтральный класс – артефакты). Во-вторых, для данного подкласса значимыми могут оказаться «пространственные» характеристики: величина (аугментативы/ диминутивы), форма, членимость / нечленимость, исчисляемость/ неисчисляемость (подробнее см. Zheltov 2008). Ввиду ограниченности ареала распространения данного варианта развития его можно назвать «нигеро-конголезским»: все языки с системами классификации более 3 элементов, не имеющие при этом противопоставления мужской/ женский и представленные в базе данных WALS (Dryer, Haspelmath 2013), относятся к макро-семье нигер-конго[2].

Редукция системы классификации, видимо, возможна при развитии в сторону усложнения как «личного», так и «неличного» классов. А вот переход из одного направления в другой маловероятен. Так что идея о возможности развития индоевропейского рода из классов бантуского типа вряд ли верна –

[1] В русском языке, например, этот процесс еще не закончен, а во французском «неличный» класс (средний род) исчез совсем.

[2] Единственным исключением является представитель другой африканской семьи – койсанской.

это два разнонаправленных с точки зрения грамматической семантики варианта развития, доходящих до одинаково высокой степени грамматикализации.

Таким образом, мы намечаем контуры семантической типологии систем именной классификации:

1. Языки с первичной классификацией личность / не-личность.

2. Языки с противопоставлением мужской / женский в системе именной классификации.

   а. Семантизированный тип.

   б. Метафорический тип.

   в. Десемантизированный (одушевленный) тип.

3. Языки без противопоставления мужской/ женский в системе именной классификации (нигеро-конголезский тип классификации).

Далее наш анализ посвящен десемантизированному типу (2 в) и описывает взаимодействие категории одушевленности с другими грамматическими подсистемами (род, падеж, склонение).

4. Одушевленность как грамматическая категория

Одушевленность справедливо считается одной из самых загадочных лингвистических категорий и порождает множество толкований: она трактуется и как классифицирующая, и как формально-грамматическая, и как семантически наполненная, и как функционально-семантическая, но иногда ей вовсе отказывают в статусе категории, а одушевленные / неодушевленные существительные помещают в различные лексико-грамматические разряды (Vinogradov 1990: 342–343; Rusakova 2013: 175–177). Обходя стороной эту полемику, мы должны все же признать одушевленность в русском языке грамматической категорией хотя бы потому, что она обладает обязательностью выражения в языке, а именно, оказывает влияние на выбор стратегии маркировки аккузатива: у неодушевленных имен аккузатив совпадает с номинативом (в ед. или множ. числе в зависимости от типа склонения), у одушевленных – не совпадает. Нам представляется, что в латыни и древнегреческом одушевленность тоже является грамматической категорией, поскольку в обоих языках одушевленные существительные приобретают особое, отличное от неодушевленных, падежное оформление в пассивных конструкциях (Ablativus auctoris vs. Ablativus instrumenti в

латыни, конструкция ὑπό с генетивом vs. Dativus instrumenti в греческом).

Основная проблема трактовки категории одушевленности заключается в отсутствии строгой корреляцией между одушевленностью и родом, или между биологическим и грамматическим родом, так что зачастую в языках с развитыми родовыми системами одушевленные референты обозначаются существительными среднего рода, а неодушевленные попадают в мужской или женский. Эта проблема и привела к разделению исследователей на тех, кто считает одушевленность семантически наполненной категорией, и их оппонентов, приписывающих данной категории исключительно согласовательные функции[3]. В своем типологическом исследовании категории рода Г. Корбет (Corbett 1991) показал, что языков со строго семантическим распределением имен по родам относительно мало. Так, в тамильском, зная значение слова, можно предсказать его род: мужчины и боги относятся к мужскому, женщины и богини – к женскому, остальные образуют средний род. Подобное распределение можно наблюдать и в другом дравидийском языке «каннада»: все мужчины относятся к мужскому роду, женщины – к женскому, остальные имена – к среднему (Corbett 1991: 8–10). Однако в индоевропейских языках, имеющих, по замечанию Л.Ельмслева, плохую репутацию в отношении рода (El'mslev 1972: 122), такого последовательного распределения нет, вследствие чего их принято относить к формальным родовым системам. Схематично распределение имен по родам в русском языке Г. Корбет изобразил следующим образом (Corbett 1991: 35):

masculine: male + residue
feminine: female + residue
neuter: residue

В латинском и древнегреческом мы наблюдаем такую же картину. И хотя зачастую невозможно определить, по какому принципу распределяются эти residue, все же род в данных языках высоко предсказуем, так как детерминирован определенными формальными критериями. Выделению этих критериев и установлению корреляций между ними и одушевленностью / родом посвящены следующие разделы статьи.

[3] Обзор мнений см. в (Fodor 1959; Mathieu 2007; Luraghi 2011).

5. Одушевленность и падежная флексия в латинском и древнегреческом языках

В латыни и древнегреческом существует определенная корреляция между одушевленностью и флексией номинатива – нулевой либо сигматической. Следует отметить, что сигматическая флексия восходит к праиндоевропейскому маркеру имен активного класса (-s / -os), из которых происходят имена муж. и жен. рода в индоевропейских языках, противопоставленные именам среднего рода, восходящим к инактивному классу и маркированным флексией -om (Gamkrelidze, Ivanov 1984: 271–275)[4]. С последним обстоятельством связано, в частности, то, что и в латинском, и в древнегреческом склонении сигматическая флексия не маркирует имена среднего рода.

По-видимому, отголоском противопоставления двух больших групп имен друг другу по принципу активности/ инактивности, а впоследствии – одушевленности/ неодушевленности является наличие всего двух, а не трех форм у определенной группы прилагательных тематического склонения в древнегреческом языке: это так называемые прилагательные 2-ух окончаний, относящиеся, как правило, к наиболее древнему пласту сложных прилагательных типа ἄβατος / ἄβατον, у которых сигматическое окончание маркирует недифференцированные формы мужского и женского рода, оставляя немаркированным средний род. Подобную картину мы наблюдаем и у прилагательных в латинском языке (например, *brevis* / *breve*), т. к. дифференциация мужского и женского рода прилагательных захватила в латыни только основы на -o- 2-го склонения, а в позднейшее время проникла в небольшую группу прилагательных 3 склонения (типа *acer* – *acris*) (Tronskiy 2001: 142). К явлениям подобного рода, безусловно, относится и двучленная родовая классификация вопросительных местоимений *quis*?

[4] Форманту *-s*, помимо принадлежности к активному классу, приписывается семантика определенности (Fillmor 1999: 146), одушевленности (Man'kov 2005: 86), единичности (Krasukhin 2004: 116) и топикальности (Luraghi 2011: 453). Как носитель признака одушевленности он мог присоединяться к именам как в единственном, так и во множественном числе, а для их отличия использовался формант **-e* как показатель множественности. Ср. лат **ped-s* и *ped-e-s* (Man'kov 2005: 85). Этот формант возводят к указательному местоимению **so*, который, в свою очередь, возможно, происходит из прото-индо-хеттского элемента (Fillmor 1999: 146, сн. 17).

quid? в латыни и вопросительно-неопределенных τις/ τι в древнегреческом (как, впрочем, и *кто*? *что*? в русском), о чем уже говорилось выше. Приведенные здесь факты легли в основу знаменитой гипотезы А. Мейе о том, что трехродовой классификации в праиндоевропейском языке предшествовало деление имен на средний и несредний род, впоследствии расщепившийся на мужской и женский (Meillet 1931).

Безусловно, о корреляции между одушевленностью и флексией номинатива приходится говорить лишь в терминах исторического языкознания, имея в виду, что сигматическая флексия лишь в весьма отдаленные времена маркировала имена одушевленные, а в письменную эпоху сигматическое окончание дает основание утверждать только то, что обладающее им имя – *несреднего* рода. Этот переход связан с тем, что «психология людей постоянно изменяется, так что становится затемненным и непонятным старое различие *одушевленность – неодушевленность;* старые концептуальные различия… выливаются в полный хаос; произвольность одерживает верх над возможной мотивацией» (El'mslev 1972, 140). В результате этих процессов и формируется *десемантизированный* тип именной классификации, о котором мы говорили в разделе 3 и который представлен в анализируемых нами языках.

6. Одушевленность и тип склонения в латинском, древнегреческом и русском языках

Еще одну корреляцию можно проследить между одушевленностью и типом склонения. Кажется возможным, что одушевленность «убывает» от первого склонения к пятому в латыни и от первого к третьему в греческом и русском, что вряд ли может быть случайным. Вероятно, это связано с определенной семантической нагруженностью основ, которые образуют данные склонения.

Как пишет со ссылкой на Вундта (Wundt, W. Völkerpsychologie. I, II. Leipzig, 1900, 17–18) А. В. Десницкая, различие основообразующих суффиксов является отражением древней именной классификации, характеризующей индоевропейские языки в период, предшествующий оформлению системы склонений. Эта классификация до известной степени напоминает классификации в ряде неиндоевропейских языков (африканских, северокавказских). В ее основе лежит «дифференциация всех предметов окружающего мира на группы по опре-

деленным признакам в зависимости от места, занимаемого ими в процессе деятельности человеческого коллектива и познания им окружающей действительности» (Desnitskaya 1984: 58). Так, основы на *-u* могли включать парные предметы, корневые основы – названия животных, части тела, природные явления, основы на *-r* – термины родства и т. д. (Desnitskaya 1984: 60–64). К сожалению, в исторические периоды существования индоевропейских языков именная классификация по типам основ уже давно не ощущалась как живая, поэтому принципы деления имен по основам далеко не всегда понятны (Kovalenko 2010: 5), однако следы этой именной классификации заметны в разных языках, не утративших категорию склонения. Так, в немецком языке слабое склонение служит морфологическим средством выражения одушевленности, поскольку в нем сосредоточены имена мужского рода, обозначающие живые существа, а древнегерманские консонантные форманты основ оказываются не только показателями склонения, но и маркерами одушевленности (Kazantseva 2005: 24–25).

В латинском языке реликты древней именной классификации также проявились в разных деклинационных моделях, как уже было отмечено, в порядке «убывания одушевленности» от первого склонения к пятому. В самом деле, в латинское 5 склонение совсем не попадают одушевленные имена, в 4 склонении их ничтожно мало (socrus (свекровь), nurus (сноха), anus (старуха)). При этом для всех имен муж. и жен. рода, входящих в 4 и 5 склонения, требуется сигматическая (маркированная) форма номинатива, в то время как имена среднего рода 4 склонения имеют в номинативе нулевую флексию. В 3 и 2 склонениях присутствуют как одушевленные, так и неодушевленные имена жен. и муж. рода и возможны обе формы номинатива – нулевая и сигматическая, причем последняя оформляет только имена муж. и жен рода. Во 2 склонение, кроме того, включаются имена среднего рода с флексией -m, являющейся рефлексом праиндоевропейского маркера имен инактивного класса (Gamkrelidze, Ivanov 1984: 272). В 1 склонение входят одушевленные и неодушевленные имена женского и *исключительно* одушевленные имена муж. рода (причем, в это «женское» склонение удивительным образом попадают названия очень «мужских» профессий: земледелец, моряк, пират, писарь (*agricola*, *nauta*, *pirata*, *scriba*) и подобные), а номинатив выбирает немаркированную форму с нулевой флексией.

Таким образом, «наиболее одушевленное» 1 склонение стремится не маркировать номинатив, поскольку, во-первых, для одушевленных имен функция субъекта является прототипической и не требует специальной маркировки, а во-вторых, ввиду отсутствия имен среднего рода в 1 склонении, отпадает необходимость в специальном маркере. Что касается остальных деклинационных групп, то нейтральные к одушевленности 2 и 3 склонения свободно варьируют обе формы номинатива, а «неодушевленные» 4 и 5 склонения в наибольшей степени нуждаются в маркированном (сигматическом) номинативе, поскольку для неодушевленных имен роль субъекта прототипической не является (Zheltov, Zheltova 2008: 131).

Похожую, но не идентичную картину мы наблюдаем и в древнегреческом.

Наиболее «одушевленным» в нем также представляется 1 склонение, включающее по преимуществу имена жен. рода (одушевленные и неодушевленные) и группу имен мужского рода – только одушевленных и отличающихся от имен женского рода особой «мужской» (как во 2 скл.) маркировкой номинатива -ς [5]. Появление сигматического окончания, выражающего категорию лица мужского пола, может быть объяснено как результат развития смыслового согласования в словосочетаниях типа ἀγαθὸς νεανίας (Kopeliovich 1995: 59): форма прилагательного на -ος противоречила бы морфологическому показателю основ женского рода (-α), если бы не закрывалась «мужской» флексией -ς. Формы типа νεανίας можно считать контаминированными (Kopeliovich 1995: 59).

Греческое второе склонение имеет те же особенности, что и латинское: в него попадают имена мужского (и женского) рода, маркированные сигматической флексией, и имена среднего рода с флексией -ν, восходящей к маркеру имен инактивного класса в праиндоевропейском языке (Gamkrelidze, Ivanov 1984: 272).

Что касается третьего склонения, вобравшего в себя имена со всеми остальными основами, в том числе на *-u* и *-ē*, которые в латыни относятся к 4 и 5 склонениям [6], распределение нулево-

[5] Окончание генетива -ου, характерное для 2 – «мужского» – склонения, скорее всего, возникло как средство устранения омонимии, которая неизбежно возникла бы при сохранении в генетиве окончания -ας.

[6] Строго говоря, в латинское 5 склонения входят и несколько корневых основ, и основы на *-i*, и на *-s*, однако на поверхностном уровне они унифицировались как слова с основой на *-ē* (Ernu 2004: 91).

го/ сигматического номинатива, на первый взгляд, в нем более нетривиально: у имен среднего рода, как и в латыни, номинатив совпадает с основой, а у имен мужского и женского рода либо оканчивается на -ς, либо имеет удлиненный конечный гласный в основе. Последнее явление у некоторых типов основ, по сути, представляет скрытый сигматический номинатив: долгая огласовка в исходе основы стала результатом заместительного удлинения после отпадения сигмы (Sihler 1995: 303; Krasukhin 2004: 116), например, χθών < *dhĝhōms (Sihler 1995: 303). С учетом этого обстоятельства, можно констатировать, что греческое третье склонение не только по типам основ, но и по распределению форм номинатива идентично 3, 4 и 5 латинским склонениям.

Что касается одушевленности русских склонений, наблюдается то же ее «убывание» от первого к третьему. В «наиболее одушевленное» 1 склонение наряду с женскими именами также попадают имена денотатов с отчетливо выраженной «маскулинностью» (мужчина, папа, дядя, староста, воевода, слуга, причем, последнее не является словом общего рода, а имеет коррелят ж.р. «служанка», относящийся к тому же склонению!) и многочисленные уменьшительно-ласкательные образования от мужских имен собственных (Саша, Коля, Вася). При этом 1 склонение – единственное, в котором как одушевленные, так и неодушевленные имена получают маркировку по типу одушевленных в Acc. Sg., так что наличие одушевленности в принципе диагностируется только по Acc. Pl.:

	Неодуш.	Одуш.		Неодуш.	Одуш.
Nom.Sg	книг-**а**	девочк-**а**	Nom. Pl	книг-**и**	девочк-**и**
Acc.Sg.	книг-**у**	девочк-**у**	Acc. Pl	книг-**и**	девоч-**ек**

В нейтральном к одушевленности 2 склонении у одушевленных и неодушевленных имен маркеры аккузатива различны в обоих числах:

	Неодуш.	Одуш.		Неодуш.	Одуш.
Nom.Sg	стол	мальчик	Nom. Pl	стол-**ы**	мальчик-**и**
Acc.Sg.	стол	мальчика-**а**	Acc. Pl	стол-**ы**	мальчик-**ов**

А в «наименее одушевленном» 3 склонении как одушевленные, так и неодушевленные имена маркируются по типу неодушевленных в Acc. Sg., поэтому и в данном склонении одушевленность диагностируется только по Acc. Pl.:

	Неодуш.	Одуш.		Неодуш.	Одуш.
Nom.Sg	тень	мышь	Nom. Pl	тен-**и**	мыш-**и**
Acc.Sg.	тень	мышь	Acc. Pl	тен-**и**	мыш-**ей**

В предложенной нами схеме специальный комментарий требуется к 1 склонению, которое во всех анализируемых языках считается «женским». Происхождение индоевропейского женского рода до сих пор остается дискуссионной проблемой. Наиболее распространенная в современной лингвистике точка зрения сводится к тому, что женский род возник в результате выделения из активного класса группы имен, с которыми согласовывались формы местоимений и прилагательных, образованные от основы на *-*a*-, т. е. основы с ларингальным исходом, к которым, по семантическому признаку, присоединились существительные с основой на *-*i*-, т. е. тоже с ларингальным исходом (Tronskiy 2001: 457). Согласно известной гипотезе А. Мартине, женский род появился из согласования указательных местоимений типа * *sā* с группой имен, а прилагательные женского рода на *-*a* были образованы по аналогии местоимений. Местоименная оппозиция **so* / **sā* изначально могла служить для выражения половых различий, но **sā* могло иметь также значение собирательности и в анафорическом порядке согласовываться (по формальному признаку) с существительными, имевшими ларингальный исход, независимо от их значения. К таким существительным, в том числе, относились имена, с отвлеченным значением, образованные от глаголов и прилагательных (типа гр. δίκη ‘справедливость’ или лат. *fuga* ‘бегство’). До возникновения женского рода эти отвлеченные имена относились к инактивному классу и не имели различий между номинативом и аккузативом, в то время как существительные со значением женского пола входили в состав активного класса с дифференцированными номинативом и аккузативом. С образованием женского рода как единой грамматической категории эта дифференциация распространилась и на отвлеченные имена. Так возник женский род, объединивший имена как по семантическому признаку женского пола из активного класса, так и по формальному – с исходом на *-*a* – из инактивного (Martinet 1956)[7].

[7] С образованием трехродовой системы отвлеченные имена на *-*a* были переосмыслены как формы множественного числа среднего рода с собирательным значением, чем и объясняется закрепившееся в др.-греческом языке согласование последних с глаголом в ед. числе.

Существует иная теория, диаметрально противоположная концепции Мартине. В ней на основе засвидетельствованных в латыни в диахроническом разрезе дублетных форм типа *corius/ corium*, *caelus/ caelum*, с одной стороны, и *armenta/ armentum*, *caementa/ caementum*, с другой, постулируется вторичный характер тематических имен среднего рода, которые возникли из имен мужского и женского рода в результате их переосмысления под влиянием различных факторов (Rovai 2012). Согласно этой концепции Ф. Роваи, тематическое первое склонение на **-a* не является результатом объединения имен женского пола и абстрактных существительных среднего рода, а, наоборот, средний род возник из «реанализа» имен женского рода.

Не приводя сложной аргументации Ф. Роваи и воздерживаясь от однозначной оценки его концепции, мы бы хотели только показать, что вопрос о происхождении женского рода все еще далек от окончательного решения.

Возвращаясь к нашей гипотезе о первом («женском») склонении как самом одушевленном, позволим себе в качестве дополнительной аргументации привлечь свидетельство Л. Ельмслева о родовой классификации в лужицких языках. Основываясь на системе А. Мейе, выдвинутой для общеиндоевропейского языка, он построил следующую схему для лужицких языков (El'mslev 1972: 139):

Благодаря этой схеме хорошо видно, что в лужицких языках женский род, выделившийся из индоевропейского несреднего, является самым одушевленным, поскольку он не подвергся дальнейшему делению на одушевленный / неодушевленный, подобно мужскому. Этот факт можно использовать как дополнительный аргумент в пользу первого – женского – склонения как самого одушевленного во всех трех анализируемых нами языках.

7. Заключение

Предложенный анализ корреляций между одушевленностью и маркировкой номинатива и особенно между одушевленностью и типом склонения позволяет говорить о том, что даже в языках с десемантизированной именной классификацией эта категория обнаруживает себя на различных уровнях поверхностной структуры и позволяет выявить известную семантическую наполненность категории склонения, традиционно понимаемой как формальная.

Литература

Corbett, G. G. 1991: *Gender.* Cambridge, Cambridge University Press.

Desnitskaya, A.V. 1984: Imennye klassifikatsii i problema indoevropeyskogo skloneniya. [Noun classifications and problem of Indoeuropean declension] In: *Sravnitel'noe yazykoznanie i istoriya yazykov.* [*Copmarative linguistics and history of languages*] Leningrad, «Nauka», 57–70. Десницкая, А.В. 1984: Именные классификации и проблема индоевропейского склонения. В: *Сравнительное языкознание и история языков.* Л., «Наука», 57–70.

Dixon, R.M.W. 1986: Noun classes and noun classification in a typological perspective. In: *Noun Classes and Categorization.*Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 105–112.

Dryer, M.S., Haspelmath, M. (eds.) 2013: *The World Atlas of Language Structures Online.* Leipzig, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, (Available online at http://wals.info, Accessed on 2016–05–23.)

El'mslev, L. 1972: O kategoriyakh lichnosti – nelichnosti i odushevlennosti – neodushevlennosti. [On the categories of human – nonhuman and animacy – inanimacy]. In: *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya.* [*Principles of typologial analysis of different language types*]. Moscow, 114–152. Ельмслев, Л. 1972: О категориях личности – неличности и одушевленности – неодушевленности. В сб.: *Принципы типологического анализа языков различного строя.* М., 114–152.

Ernu, A. 2004: *Istoricheskaya morfologiya latinskogo yazyka* [*Historical morphology of the Latin language*]. M., Editorial URSS.
Эрну, А. 2004: *Историческая морфология латинского языка* М., Едиториал УРСС.

Fillmor, Ch. 1999: Delo o padezhe [A case for case]. In.: V.Yu. Rozentsveig *et al.(eds.) Zarubezhnaya lingvistika* III. M., Progress, 127–259. Филлмор, Ч. 1999: Дело о падеже. В сб.: В.Ю. Розенцвейг и др. (ред.) *Зарубежная лингвистика*. III. М., Прогресс, 127–259.

Fodor, I. 1959: The Origin of Grammanical Gender. *Lingua* 8, 1–41.

Gamkrelidze, T.V., Ivanov, Vyach. Vs. 1984: *Indoevropeyskiy yazyk i indoevropeytsy*. [*Indoeuropean language and people*], Vol. 1. Tbilisi, Tbilisi University Press.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. 1984: *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Т.1. Тбилиси, Изд-во Тбилисского ун-та.

Kazantseva, T.Yu. 2005: Predystoriya vozniknoveniya rodovykh otnosheniy v indoevropeyskikh yazykakh. [Prehistory of gender distinctions in Indo-European languages]. *Vestnik TPGU.* [*Journal of Tomsk Pedagogical State University*], 4 (48), 21–27.

Казанцева, Т.Ю. 2005: Предыстория возникновения родовых отношений в индоевропейских языках. *Вестник ТПГУ*, 4 (48).

Kopeliovich, A.B 1995: *Proiskhozhdenie i razvitie indoevropeyskogo roda v sintagmaticheskom aspekte* [*The origin and development of the Indo-European gender in syntagmatic aspect*]. Vladimir.

Копелиович, А.Б. 1995: *Происхождение и развитие индоевропейского рода в синтагматическом аспекте*. Владимир.

Kovalenko, N.S. 2010: Otrazhenie kategorii odushevlennosti – neodushevlennosti v indoevropeyskom imennom sklonenii [Reflection of category 'animacy – inanimacy' in the Indo-European nominal declension]. *Vestnik TPGU* [*Journal of Tomsk Pedagogical State University*] 7 (97), 5–12.

Krasukhin, K.G. 2004: *Vvedenie v indoevropeyskoe yazykoznanie* [*Introduction to Indo-European Linguistics*]. Moscow, Akademiya.

Красухин, К.Г. 2004: *Введение в индоевропейское языкознание*. М., Академия

Lakoff, G. 1986: Classifiers as a reflection of mind. In: *Noun Classes and Categorization.* Amsterdam,Philadelphia, 13–52.

Lakoff, G. 1987: *Women, Fire, and Dangerous Things.* The University of Chicago Press.

Luraghi, S. 2011: The origin of the Proto-Indo-European gender system: Typological considerations. *Folia Linguistica* 45/2, 35–464.

Man'kov, A.E. 2004: Proiskhozhdenie kategorii roda v indoevropeyskikh yazykakh [The origin of the category of gender in the Indo-European languages]. *Voprosy yazykoznaniya* [*Issues of Linguistics*] 5, 79–92.

Маньков, А.Е. 2004: Происхождение категории рода в индоевропейских языках. *Вопросы языкознания* 5, 79–92.

Martinet, A. 1956: Le genre féminin en indo-européen: Examen fonctionnel du problème. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris* 52, 83–95.

Mathieu, C. 2007: Sexe et genre feminine: origine d'une confusion théorique. *La linguistique* 43, 57–72.

Meillet, A. 1926 : *Linguistique Historique et Linguistique Generale*. Honore Champion, Paris.

Meillet, A. 1931 : Essai de chronologie des langues indo-européennes. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris* 33:1, 1–28.

Rovai, F. 2012: Between Feminine Singular and Neuter Plural: Re-analysis Patterns. *Transactions of the Philological Society* 110:1, 94–121.

Rusakova, M.V. 2013: *Elementy antropotsentricheskoy grammatiki russkogo yazyka* [*Anthropocentric elements of Russian grammar*]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury [Languages of Slavic culture]. Русакова, М.В. 2013: *Элементы антропоцентрической грамматики русского языка.* М., Языки славянской культуры.

Sihler, A.L. 1995: *New Comparative Grammar of Greek and Latin.* New York, Oxford. Oxford University Press, 1995.

Silverstein, M. Hierarchy of features and ergativity. In: *Grammatical Categories in Australian languages.* Canberra, 112–171.

Tronskiy, I.M. 2001: *Istoricheskaya grammatika latinskogo yazyka* [*Historical grammar of the Latin language*]. Moscow, Indrik.
Тронский, И.М. 2001: *Историческая грамматика латинского языка* . М., Индрик.

Vinogradov, V.A.1990: Odushevlennosti – neodushevlennosti kategoriya. [Category of animacy – inanimacy]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'.* [*Linguistic Encyclopedic Dictionary*]. Moscow.
Виноградов В.А. Одушевленности – неодушевленности категория. В сб.: *Лингвистический энциклопедический словарь.* М.

Zheltov, A.Yu. 2008: *Yazyki niger-kongo: strukturno-dinamicheskaya tipologiya.* [*Niger-Congo languages: structural-dynamic typology*]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press.
Желтов, А.Ю. 2008: *Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология.* Санкт-Петербург, Издательство СПбГУ.

Zheltov, A.Yu., Zheltova, E.V. 2008: Klassicheskie yazyki i tipologiya rolevogo markirovaniya. [Classical languages and typology of role marking]. *Hyperboreus* 14 (1). Petropoli.
Желтов А.Ю., Желтова Е.В. 2008: Классические языки и типология ролевого маркирования. *Hyperboreus* 14 (1), СПб.

E. V. Zheltova, A. Yu. Zheltov. On the problem of animacy in Latin, Ancient Greek and Russian in the context of semantic typology of noun classification

The paper deals with the problem of expressing such category as animacy / inanimacy in some Indo-European languages (Latin, Ancient Greek and Russian) which have masculine / feminine gender distinction. The interaction of this category with case marking and the types of declension is under consideration. The paper also presents an attempt to place these categories in the framework of semantic typology of noun classification. The model of such a classification is presented, and the further analysis shows how one of the subtypes of this classification (to which all of the afore-mentioned languages belong) is still keeping animacy / inanimacy distinction after acquiring masculine / feminine subdivision. This distinction is found in the correlation between animacy and the case marking in Latin and Ancient Greek (zero- or sigma-inflection in the nominative case) and between animacy and the type of declension in Latin, Ancient Greek and Russian. This analysis allows us to highlight the semantic weight of declension, which is considered to be a formal category.

Keywords: noun classification, animacy, animacy hierarchy, masculine and feminine gender, declension, semantic typology of noun classification

А. В. Жугра

АЛБ. *LUM* 'СЧАСТЛИВЫЙ' < **LEU̯BH-* 'ЖЕЛАТЬ, ЛЮБИТЬ' (К ИСТОРИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ)

В статье рассматривается неизменяемое албанское слово *lum*, восходящее к и.-е. корню **leu̯bh-*. В современном языке *lum* многофункционально, оно выступает: а) в предикативной функции в значении 'блаженный, счастливый', б) как восклицание для выражения чувства большой радости, счастья, похвалы, восхваления, в) при обращении в сочетании с терминами родства и именами собственными выражает особенно теплое отношение к адресату.

Ключевые слова: албанский, *lum*, неизменяемое слово, блаженный, похвала, восклицание, обращение.

В албанском языке к и.-е. корню **leu̯bh-* с разной степенью вероятности возводят три лексемы: глагол *lyp lip* 'просить, просить милостыню; искать', глагол *laps* 'сильно уставать, утомляться; утомлять; очень любить кого-л., что-л.' и прилагательное *lum* (*i*) 'счастливый'.

Глагол *lyp* отражает **lūb-*, которое, в свою очередь, восходит к **leu̯bh-* (Çabej V 258). Фонетическое обоснование развития и.-е. **leu̯bh-* в алб. *lyp* дал Б. Демирай. Фонема */y/* в албанском языке не гомогенна с точки зрения ее происхождения. Во многих случаях фонема */y/* связана с */u/*, подвергшемся метафонии – **/u/* > алб. */y/* – */i/*(*/i̯/*). Этим процессом были охвачены глаголы спряжения на **/-(n)io-/*, содержащие в составе корня гласный */u/*, который нередко указывает на нулевую апофоническую ступень соответствующих и.-е. основ, в том числе в глаголе *lyp: lip* < **/lubh-io/* (корень **/leu̯bh-/*) (Demiraj 1994: 112). У этого глагола довольно большое словообразовательное гнездо: *lipsem* 'быть нужным', *lipës* 'нищий' и др.

Сложнее обстоит дело с глаголом *laps*, который у одних авторов рассматривается как одна лексема, у других – как две лексемы, возводимые к разным источникам. *laps* в значении 'хотеть, желать' рассматривается Н. Йоклем как албанский рефлекс и.-е. корня ** leu̯bh-*, имеющего продолжения в лат. *libido libet*, гот. *galaufs* 'желаемый, ценный', слав. *ljubiti* (Jokl Studien 48). Эта этимология поддержана Бернекером (Berneker I 757), Покорным (Pokorny I 683), Фасмером (Фасмер II 544). В. Орел

возводит этот глагол к палео-алб. **laubitja*, связанному с санскр. *lubhyati* ‘желать, хотеть’, **l’ubiti* ‘любить’ (Orel 213). Напротив, Э. Чабей отрицает связь глагола *laps* с корнем **leu̯bh-*. Он рассматривает *laps* ‘изнурять, изнуряться’ и *laps* ‘желать’ как одну лексему и считает ее заимствованием из среднегреческого βλάβω βλάπτω βλάφτω ‘портить, нарушать’, аорист ἔβλαψα. Для объяснения семантики албанского глагола приводится пример из Димитракоса: βλάφτ’κι απ’τη σπουδή ‘устал, изнемог от учебы’. Чабей указывает, что глагол *laps* – это диалектное слово, а его конечное *-ps* свидетельствует о происхождении из греческого (Çabej V 200). К доводам Чабея можно было бы добавить еще один, а именно, то, что у данного глагола в албанском языке совершенно нет производных. Однозначного решения вопрос пока не имеет.

Относительно слова *lum*, а оно является объектом рассмотрения в настоящей статье, также нет общепринятой индоевропейской интерпретации. Нас это слово интересует с точки зрения особенностей его употребления в современном албанском языке, однако возможные его семантические соответствия с продолжениями корня *leu̯bh-*. в других языках могут быть, на наш взгляд, здесь полезны.

Корень *lum-* послужил основой образования довольно большого словообразовательного гнезда: (*i*) *lum* ‘счастливый; успешный; благословенный’, в христианской литературе также ‘блаженный, священный, святой’, (*i*) *lumtur* ‘счастливый’, *lumëri lumturi* ‘счастье’, *lumturisht* ‘к счастью, счастливым образом’, *lumturoj* ‘делать кого-л. счастливым; очень радовать к.-л.; поздравлять кого-л., желать (кому-л. чего-л.); иметь счастливую жизнь, жить в счастье’, *lumturohem* ‘становиться счастливым; очень сильно радоваться чему-л. и быть довольным чем-л.’, *lumni* ‘счастье; слава’, *lumnoj* ‘делать кого-л. счастливым; желать кому-л. чего-л., поздравлять кого-л.; восхвалять кого-л., превозносить кого-л. до небес; жить счастливым (иметь счастливую, благополучную жизнь)’. Субстантивированные прилагательные употребляются эвфемистически: *e lume* для обозначения болезни (pustula maligna), *lumet* «(горные) феи», (*i*) *Lumi* «(любимый, дорогой) Бог».

Существует также лексема *lum*, вариант *lumthi*, которая интерпретируется как частица, употребляемая для выражения большой радости, восторга по поводу чего-либо или для выражения одобрения или поздравления кого-либо с успехом (FGjSSh 1980). От восклицания *lum,* как замечает Э. Чабей,

возникли формы глагола, существующего только в оптативе 3 лица ед. и мн. числа для выражения одобрения, согласия, поздравления, а также восхищения и похвалы в отношении чего-л. сделанного. Эти две глагольные формы *lumtë* и *lumshin* несут общее значение «браво, великолепно, чудесно, прекрасно», которое уточняется в конкретном употреблении, напр, *të lumtë dora* ‘как хорошо ты это сделал’, букв. «да будет счастлива, да восславится твоя рука», *i lumtë goja* ‘как хорошо и правильно он сказал’, букв. «да будет счастлив, да восславится его рот».

Имеются также сложные слова, образованные с участием *lum-*, это прилагательные *lumëzi* (*lumë* + *zi* ‘черный’), *lumëmadh* (*lumë* + *madh* ‘большой’) или с гаплологией *lumadh*, – все с антонимичным исходному значением ‘несчастливый, злосчастный, злополучный’.

Наконец, отметим наличие имен собственных: *Lum* (определенная форма *Lumi*) – это мужское имя, *Lume* (определенная форма *Lumja*) – женское.

Н. Йокль выводит *lum* из **lub-no*, где *-bn-* > *-m-*, и считает это причастным образованием со значением ‘хвалимый, одобряемый’ (gelobt, gepriesen). Внутри албанского он сближает *lum* с глаголом *laps*, а далее в качестве родственных слов приводит д.-в.-н. *lob* ‘хвала, слава’, д.-сев. *lof* ‘слава’, лит. *liaupsẽ* восхваление’, *liáupsinti* ‘восхвалять, превозносить’, с которыми связаны лат. *libet libido*, слав. *ljubiti* и др. (Jokl Studien 52). Эта этимология принята у Барича (Barić 51), Вальде-Покорного (Walde-Pokorny II 419), у Покорного названа как возможная (Pokorny I 683). Предложенная Н. Йоклем этимология представлена и у В. Э. Орла, согласно которому *lum* восходит к палеоалб. **lubna*, прилагательному на **-no-*, происходящему из и.-е. **leu̯bh-* ‘to love, to wish’. Орел особо выделил соответствие с гот. *liufs* ‘дорогой, любимый’ (Orel 234).

Иная точка зрения у Э. Чабея. Он отмечает, что это слово, наряду со значением «счастье», будучи употребленным как атрибут имен святых, содержит также идею небесной радости после смерти и в этом смысле сближается со словом *shenjt* ‘святой’. Это одно из немногих албанских слов церковной сферы, где в целом преобладают латинские заимствования. Чабей объясняет *lum* как расширение с помощью *-m* глагола *lut lus* ‘просить, молить, чествовать’, как отглагольное прилагательное **lut-m* ‘[тот,] кого просим, кого чествуем’. Для самого глагола *lut lus* Чабей не называет никакого и.-е. источника, возражая, однако, против возведения его к **leu̯bh-*. Исходным значением

глагола *lut lus* Чабей считает значение ‘наклоняться’, исключая по фонетическим причинам сближение с и.-е. корнем * *leu̯d-* (Çabej V 251, 255).

Наличие в албанском языке глагола *lyp,* продолжающего и.-е. **leu̯bh-*, не снимает автоматически возможной связи с этим и.-е. корнем и другого слова – частицы *lum*, а также производных, содержащих в своем составе корень *lum-*, (и с меньшей долей вероятности – глагола *laps* ‘желать, хотеть’). Приведем в пользу этого некоторые аргументы косвенного характера.

Корень **leu̯bh-* представлен во многих и.-е. языках, но особенно широко – в германских. Разные огласовки отражают здесь развитие разных ступеней корня: гот. *liufs* ‘дорогой, любимый’, *ga-laufs* ‘ценный, драгоценный’, *lubains* ‘надежда’ (Feist), др.-англ. *lēaf* ‘разрешение’, д.в.н. *urloub* и *urlub*‘отпуск’, др.-англ. *liefan* ‘разрешать, позволять’, др.-исл. *lof* ‘похвала, разрешение’, др.-англ. *lufu* ‘любовь’ (Pokorny I) и др. Аналогичную ситуацию можно допустить и для развития данного и.-е. корня в албанском языке.

В плане семантического развития для нас интересно наличие др.-исл. *lofa* ‘восхвалять, превозносить’, др.-исл. *lof* ‘похвала, разрешение’, др.-англ. *lof* ‘похвала, цена’, д.в.н. *lob* ‘то же’, д.н.н. *loben*, *geloben*, *verloben* ‘’. В современном немецком *Lob* ‘хвала, восхваление’, *lobesam* ‘достойный, почтенный’, *Gott sei Lob und Dank*! ‘Слава Богу’ (букв. «хвала и благодарность Богу»). Поскольку и для алб. *lum* характерна семантика одобрения, похвалы, постольку и здесь можно усматривать некоторое сходство.

Албанский и германские языки обнаруживают древние связи ареального характера, о которых неоднократно писала А. В. Десницкая (Десницкая 1965; 1984; 1991). Речь идет о сходствах в эволюции глагольной системы, о параллелизме явлений умлаута, о специфике преобразования и.-е. флексии и др. А. В. Десницкая установила также целый ряд албано-германских лексических соответствий, обратив внимание на в высшей степени примечательный параллелизм некоторых случаев экспрессивного словообразования (Desnizkaja 1991: 434).

Мы видим, что и в отношении и.-е. **leu̯bh-* в албанском и германских языках обнаруживается сходство в развитии значений «похвала, восхваление, одобрение», если считать алб. *lum* восходящим к этому корню.

Из всех производных с корнем *lum-* в данной статье мы обратимся к неизменяемой лексеме *lum*, которая определяется в

словарях как частица, употребляемая для выражения счастья, радости и одобрения, похвалы.

В первом албанском тексте «Meshari» («Служебнике») Г. Бузука (XVI в.), содержащем переводы отрывков из Библии, а также молитвы, требы, употребляется субстантивированное прилагательное *i lumi* как эпитет при обращении к Богу: *i lumi Zot* ‘славный/милостивый/любимый Господь’, а неизменяемое *lum* – всего два раза в сочетании с глаголом-связкой: *Ti je lum, Simon Bar Jona* ‘Блажен ты, Симон, сын Йона’ (Buzuk: 331), *lum të jenë ata sherbëtorë* ‘блаженны рабы те’ (Buzuk: 375).

Иную картину видим мы в албанских переводах Библии XIX и XX вв., где *lum* неоднократно выступает в значении «блаженный». Языковой материал показывает употребление *lum* в тех позициях, где в греческом и латинском текстах стоят соответственно прилагательные μακάριος и *beātus*. Названные прилагательные меняют свои флективные показатели в зависимости от рода и числа субъекта, тогда как албанское *lum* остается почти везде неизменным.

Мы взяли для сравнения пять вариантов перевода одного и того же отрывка из Евангелия от Матфея – гл. 5, 3–11: переводы К. Кристофориди на гегский диалект (1872), на тоскский диалект (1879), переводы на современный литературный албанский язык С. Филипая (католическая версия) (1994), Вл. Дервиши (2000), перевод под названием Diodati i Ri, без указания автора. Все тексты доступны на сайте албанской православной библиотеки: www.albanianorthodox.com/bibla/chc.htm.

В рассматриваемых примерах излагаются девять заповедей блаженств, из них первые восемь в албанском переводе отличаются от девятой способом выражения понятия «блаженный».

Рассмотрим сначала эти первые восемь. Здесь *lum* относится к субъекту, выраженному местоимением или именем существительным во множ. числе. Первая заповедь гласит: «***блаженны*** *нищие духом, ибо…*».

Lum *ata qi janë të vobegitë ndë shpirt, sepse …* (Kr. geg.)[1]
Lum *të vobeqtë ndë shpirt, sepse …* (Kr. tosk.)
Lum *skamnorët në shpirt, sepse …* (Fil.)
Lum *ata që janë të varfër në shpirt, sepse …* (Der.)
Lum *skamësit në frymë, sepse …* (D.R.)

[1] Примеры из переводов К. Кристофориди приводятся в современной графике.

Все последующие заповеди у всех авторов построены по этому образцу с неизменяемым ***lum***.

Девятая заповедь гласит в русском переводе: «***блаженны вы, когда будут поносить вас и…***», она переведена иначе у всех авторов, кроме Diodati i Ri[2].

Të lumunë *jeni ju, kur…* (Kr. geg.),
Të lumurë *jeni ju, kur …* (Kr. tosk.),
Të lumët *ju, kur …* (Fil.),
Të lumët *ju, kur …* (Derv.),
Lum *ju kur …* (D.R.).

Место лексемы *lum* занимает здесь соответствующее прилагательное (или отпричастное прилагательное), оформленное словоизменительным элементом, в данном случае – препозитивным артиклем *të*. Кроме того, в переводе Кристофориди появляется глагол-связка *jeni*.

В богословской литературе отмечено, что девятая заповедь, заповедь о гонимых за Христа, отличается от всех остальных. В первых восьми заповедях Христос говорит о всех блаженствах неопределенно, слова Христа адресованы не только апостолам, но и всем, которые будут после них. И всем, кто следует этим заповедям, блаженство, то есть счастье, уготовано на небесах.

Напротив, в девятой заповеди Христос обращает свои слова в первую очередь к своим ученикам, он говорит о действительно предстоящих им мучениях, и блаженны они будут не в жизни будущей, но уже в тот момент, когда будут претерпевать гонения за Христа.

В албанских переводах указанное смысловое различие нашло отражение в выборе неизменяемого *lum* для первых восьми заповедей и прилагательных (*i*) *lumunë* / (*i*) *lumurë*, (*i*) *lumët* – для девятой. Осмелимся предположить, что в первых восьми заповедях албанского текста слово *lum* содержит также и значение благословения, напутствия, тогда как в девятой соответствующие прилагательные указывают скорее на констатацию признака.

Неизменяемое *lum* появляется не только в переводах заповедей блаженств и не только как атрибут субъекта-человека.

[2] В тексте Бузука все девять заповедей переведены одинаково с помощью *bekuom*, представляющего собой причастие от глагола *bekoj* ‘благословлять’ из лат. *benedico* ‘то же’ (Buzuk: 369).

Вот пример из Евангелия от Луки: гл. 11 27 – … ***блаженно*** *чрево, носившее Тебя.*

Lum *ai bark qi të ka bartunë* (Kr. geg.),
Lum *barku që të ka mbajtur* (Kr. tosk.),
Lum *kraharori që të mbarti* (Fil.),
Lum *barku që të mbajti* (Derv.),
Lum *barku që të barti* (D.R.).

Наличие в предложении глагола-связки регулярно влечет за собой появление прилагательного, снабженного словоизменительным формантом, что уже было отмечено в переводе Кристофориди. Вот пример из Евангелия от Луки: гл. 14 13–14: *…зови нищих, …, и* ***блажен*** *будешь.*

… thir të vobeq, …, edhe ke me qenun ***i lumunë***, (Kr. geg.),
… thirrë të vobeq, …, edhe dote jesh ***i lumurë***, (Kr. tosk.),
… grish skamnorë, …, atëherë do të jesh ***i lum***, (Fil.),
… thirr lypësit, …, dhe do të jesh ***i lum*** (Diod.),
… thirr të vobektit, …, dhe do të jesh ***i bekuar***, (Derv.).

Невозможность, или скорее – нетипичность, употребления *lum* одновременно с глаголом-связкой указывает, полагаем, на его «внеименной» статус. На особый характер этого слова указывал Н. Газулы, толкуя его как *thirrje*, т. е. как «призыв, зов; возглас» и сравнивая с др.-евр. *Hallel*, *Halleluja*! (Gazulli 1941: 242).

Функционально *lum* в ряде контекстов действительно напоминает восклицание, радостный возглас. В таком качестве оно встречается в фольклорных текстах разных жанров – в эпосе, в народных песнях.

Так, например, эпические песни начинаются обычно типичным запевом, в котором выражается хвала богу: *Lum për ty, o i lumi zot*! ‘Слава тебе, милостивый господь!’; *Lum e lum për të lumin zot*! ‘Слава милостивому богу, слава!’, *Lum e lum e i lumi zot*! «слава и слава, и славный господь». Русский перевод, как можно видеть из сопоставления с вышесказанным, не совсем точно соответствует оригиналу и передает только общий смысл формул.

Широко представлено употребление *lum* (как и его производных) в свадебных песнях, что хорошо согласуется с общей атмосферой счастья и радости, царящей на таком событии. ***Lum e lum****-o sa t’â nata, / gzim i madh tek asht kunata* (K.d. 105) ‘Радость и счастье, какая ночь, / большое веселье у невестки’,

Bjen daulli dum e dum, / krushkat n’kerr thojnë: “***lum e lum***, / ***lum e lum****-o për këtë ditë, / shyqyr zoti s’na ka koritë*! (K.d. 372) ‘Бьет барабан бам и бам, / дружки в повозке говорят: «радость и счастье, / радость и счастье в этот день, / хорошо, что господь нас не опозорил’.

Волна счастья распространяется и на все окружающие новобрачных предметы, на помещение, отведенное молодым: ***Lum*** *qileri kâ shtjen mrena,/* ***lum*** *qileri, qileri i bardhë, / kur përpiqen çika me djalë*! (K. d. 295) ‘Счастлива комната, куда [их] вводят, / счастлива комната, счастливая (букв. «белая») комната, / когда встречаются девушка с парнем!’.

Употребляется *lum* и в других песнях – колыбельных, трудовых, исторических. ***Oj lum e lum***, / *nana djem shum*, / ***oj lum e lum***, / *djali si pllum* (L.Dr. 25) ‘Ой радость и счастье, / у мамы много сыновей, / ой радость и счастье, / мальчик как голубок’.

В повседневной речи *lum* часто сопровождает обращения, имея значения ‘дорогой, милый, любимый’: к матери – ***lum*** *nana*, к брату – ***lum*** *vlla*, к сестре – ***lum*** *motër* и т. д. Оно может характеризовать также какого-то человека как счастливца, которому везет, ***lum*** *djali* ‘везучий парень / счастливчик’, ***lum*** *ju, shpetuat*! ‘счастливые вы, спаслись’ или ‘хорошо вам, вы спаслись’.

Значение «блаженный», с которого мы начали рассмотрение *lum*, также сохраняется у этого слова в современном языке. Примером может служить цикл стихов косовского поэта Али Подримьи (1942–2012) «Lum Lumi», написанных после безвременной смерти его сына Люми. Эпитет *lum* здесь надо понимать, видимо, как «блаженный, достигший счастья в другом мире». Использование слова *lum* ‘блаженный’ или формулы *lum kush* ‘блажен, кто…’ в албанской поэзии еще не привлекало внимание исследователей. На русском материале эта тема рассматривалась и с точки зрения античных источников формулы (Казанская 2002), и в плане бытования ее в русской литературе (Левинтон 2010) и русской культуре (Свиясов 2010).

В статье было кратко рассмотрено употребление только одного слова *lum* из большого словообразовательного гнезда с корнем *lum-*. За пределами анализа остались прилагательные и глаголы, семантика которых обнаружит, можно полагать, более яркие параллели с данными германских языков. Так, например, использование прилагательного *i lumë* в превосходной степени

в значении ‘святейший’ при обращении к папе римскому (текст 1703 г.) может быть сопоставлено с употреблением нем. (*уст.*) *löblich* ‘(досто)почтенный, высокочтимый (*в титуле при обращении*)’. В целом для этого гнезда в албанском языке характерны значения «счастье, радость, восхваление».

Что же касается слова *lum*, его употребление предполагается дополнительно рассмотреть на материале других памятников албанского языка. Некоторые выводы, которые можно сделать на данном этапе, сводятся к следующему.

В значении «блаженный, счастливый» *lum* способно выступать в предикативной функции, относясь к существительному любого рода и числа.

Оно употребляется в качестве восклицания для выражения чувства большой радости, счастья и веселья.

В сочетании с существительным *Zot* ‘Господь’ оно имеет значение восхваления и благодарности, сопоставимое с немецким *Lob* в выражении *Gott sei Lob und Dank*.

В повседневной речи в сочетании с терминами родства и именами собственными выражает особенно теплое отношение к адресату.

Литература

Biblia: Knigi Svyshchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zavetov [Bible: Sacred Scripture, Books of the Old and New Testaments]. Moscow.
Библия: книги священного писания Ветхого и Нового Заветов. Изд. Московской патриархии. М., 1976.

Buzuk 1968: *“Meshari” i Gjon Buzukut (1555). Botim kritik*. Punuar nga Eqrem Çabej. Pjesa e dytë. Tiranë.

Çabej, E. 2012: Studime etimologjike në fushë të shqipes. Bleu V. Tiranë.

Demiraj, B. 1994: Fonema /y/ në gjuhën shqipe (vështrim diakronik). *Studime filologjike* 1–4, 105–120.

Desnitskaya, A.V. 1965: Drevnie germano-albanskie yazykovye svyazi v svete problem indoevropeyskoy areal’noy lingvistiki [Ancient German-Albanian linguistic relations from the point of view of Indo-European areal linguistics]. *Voprosy yazykoznaniya* [*Issues of Linguistics*] 6, 24–43.
Десницкая, А.В. 1965: Древние германо-албанские языковые связи в свете проблем индоевропейской ареальной лингвистики. *Вопросы языкознания* 6, 24–43.

Desnizkaja, A. 1991: Noch einmal die Frage der nördlichen Herkunft des Albanischen: Die alten albanisch-baltischen und albanisch-germanischen Sprachbeziechungen. In: *Neue Fragen der Linguistik; Akten des 25. Linguistischen Kolloquiums, Paderborn 1990*. Band 1: *Bestand und Entwicklung*. Tüningen: Max Niemeyer Verlag, 429–435.

Feist, S. 1923: *Etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache*. Zweite, gänzlich neubearbeitete Auflage. Halle.

FGjSSh – *Fjalor i gjuhës së sotme shqipe*. Tiranë, 1980.
Gazulli, N. 1941: *Fjalorth i ri: Fjalë të rralla të përdoruna në Veri të Shqipnis*. Tiranë.
Jokl, N. 1911: *Studien zur albanischen Etymologie und Wortbildung*. Wien.
Kazanskaya, M.N. 2002: Antichnye korni formuly «blazhen, kto…» u Pushkina [Ancient Origins of the Formula «Happy is he, who…»]. In: *V mezhvuzovskaya nauchnaya konferenciya studentov-philologov*. Tezisy. [*5th Inter-university Research Conference of Philology Students*] Saint-Petersburg, 72.
Казанская, М.Н. 2002: Античные корни формулы «блажен, кто…» у Пушкина. В сб.: *V Межвузовская научная конференция студентов-филологов*. Тезисы. СПб., 72.
Levinton, G.A. 2010: «Blazhen, kto…» K istorii formuly [«Happy is he, who…»: on the History of the Formula]. In: *Russkaya sud'ba krylatykh slov* [Russian Fate of Winged Words]. Saint-Petersburg.
Левинтон, Г.А. 2010: «Блажен, кто…» К истории формулы. В сб.: *Русская судьба крылатых слов*. СПб.: Наука,.
Orel, Vl. 1998: *Albanian etymological dictionary*. Leiden Boston Köln: Brill.
Pokorny, J. 1947–1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1.
Sviyasov, E.V. 2010: Poeticheskaya formula «Blazhen, kto…» v russkoy kul'ture XVIII–XIX vv. [Poetic formula «Happy is he, who» in Russian culture of 18–19 centuries]. In: *Russkaya sud'ba krylatykh slov* [*Russian Fate of Winged Words*]. Saint-Petersburg.
Свиясов, Е.В. 2010: Поэтическая формула «Блажен, кто…» в русской культуре XVIII–XIX вв. В сб.: Русская судьба крылатых слов. СПб.: Наука.
Vasmer, M. 1964: *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [*Etymological Dictionary of the Russian Language*]. Transl. from German by O. N. Trubachev, ed. by B. A. Larin. Moscow: Progress.
Фасмер, М. 1964: *Этимологический словарь русского языка.* Пер. с нем. О. Н. Трубачева, под ред. Б. А. Ларина. М..
www.albanianorthodox.com/bibla/chc.htm

A. V. Zhugra. Albanian *lum* 'happy' < *leu̯bh- 'to wish, love' (on the history of functional development)

This paper deals with the unchangeable Albanian word *lum* that can be traced back to the Indo-European root **leu̯bh-*. In the modern language the word *lum* is multifunctional and can be used a) in the predicative function with the meaning 'blessed, happy'; b) as an interjection to express the feeling of great joy, happiness, praise, glorification; c) if used as a form of address in combination with kinship terms and proper names it expresses particularly affectionate feelings towards someone.

Keywords: Albanian, *lum*, unchangeable word, blessed, praise, interjection, address.

А. В. Журбина

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ВЕРГИЛИЙ: АВТОР ИЛИ АВТОРИТЕТ? КАЗУС ФУЛЬГЕНЦИЯ[1]

В статье рассматривается аллегорический комментарий Фульгенция (5–6 вв. по Р.Х.) на «Энеиду» Вергилия, в котором Вергилий самолично является разъяснить тайный смысл поэмы автору. Основной вопрос: как воспринимается поэт у Фульгенция, как автор или как авторитет? Означает ли личное появление Вергилия традиционный для классической античности интерес Фульгенция к собственно личности поэта? Приводится небольшой обзор бытования понятия автора (по статье Аверинцева), прослеживается традиция рецепции фигуры Вергилия.

Ключевые слова: Вергилий, «Энеида», аллегория, Фульгенций, автор, авторство, авторитет.

В своей статье «Авторство и авторитет» С. С. Аверинцев (Аверинцев 1994) рассматривает вопрос о развитии осмысления понятия автора от библейских текстов до классической грекоримской античности и отмечает, что если в архаику понятие «автора» по сути не означало ничего сугубо индивидуального, автор являлся по выражению Аверинцева как бы «поручителем» за текст или группу текстов (даже ему и не принадлежащих), а «авторитетное имя могло функционировать как знак», то в классическое время, начиная с Гесиода, Архилоха и других, личность автора постепенно выходит на первый план, сперва через критику их как авторов и авторитетов, а затем и путём создания в тексте образа автора, пусть даже несоотносимого с живым поэтом во плоти и крови, но постоянно просвечивающего тем или иным образом в тексте. Наша работа будет посвящена одному позднеантичному тексту авторства некоего Фульгенция, в котором он зовёт Вергилия комментировать его, вергилиев, текст, а именно «Энеиду». Кто как не сам автор сможет лучше всех рассказать, какие тайны скрывает в себе эта поэма, что он хотел сказать тем или иным поворотом сюжета, персонажем, словесным выражением? Наша задача будет состоять в рассмотрении образа Вергилия в контексте традиции, о которой писал Аверинцев, в попытке

[1] Статья подготовлена при поддержке РГНФ: грант а(ф) 16-04-50030.

понять, что означает в данном случае появление Вергилия и что оно даёт читателю.

Писателей с именем Фульгенций известно несколько, причем сведения о каждом из них весьма скудны (Hays 2003). Одному из них, Фабию Планциаду Фульгенцию (Fabius Planciades Fulgentius), североафриканскому писателю конца V – начала VI вв., приписывается написание четырех произведений, общее авторство которых было доказано еще их первым издателем Рудольфом Хельмом (Helm 1898), – это *Мифологии* (Mitologiae, аллегорическая интерпретация античных мифов; далее все цитаты даются по изданию Helm 1898, 83–107), *Изложение старых слов* (Expositio sermonum antiquorum, разъяснения значения устаревших или непонятных слов), *О веках мира и человека* (De aetatibus mundi et hominis, специфическое описание мировой истории) и *Изложение содержания Вергилия* (Expositio Vergilianae Continentiae, аллегорическая интерпретация *Энеиды* Вергилия)[2].

В последнем произведении, которое и является объектом нашего интереса[3], Вергилий является автору Фульгенцию, чтобы объяснить смысл своей собственной поэмы: «Энеида» – это аллегория человеческой жизни, возрастания, обучения и стремления к счастью человеческой души. Вергилий начинает с интерпретации начальных строк поэмы, вкладывая аллегорический смысл в те слова, которые представляются как самые важные. Это arma = аллегорически означает virtus, vir = мудрость и знание, primus = намёк на princeps, интерпретируемый как умение (собой) руководить. Дальнейший текст написан в том же аллегорическом духе (относительно подробный разбор вплоть до кульминационного спуска в Аид и затем несколько скомканное окончание), с привлечением этимологий как дополнительного метода, – подобная традиция, лишь зарождающаяся во времена Фульгенция, принесёт позже, в Средние века, обильные плоды. Но нас в данном случае будет интересовать не столько аллегория, сколько сам факт явления Вергилия автору. Вот как это описывается у Фульгенция:

---

[2] Хельм в том же томе опубликовал также и пятое произведение, *Super Thebaiden*, или аллегорический комментарий к *Фиваиде* Стация, однако, Грегори Хейз (Hays 2002) убедительно показал, что это средневековый текст.

[3] Об этом тексте см. также тезисы доклада: Zhurbina 2013.

Haec tam parua precatio credo quod Uirgilianis satisfecerit Musis. Cede mihi nunc personam Mantuani uatis, quo fugitiuos eius in lucem deducamus amfractus. Nam ecce ad me etiam ipse Ascrei fontis bractamento saturior aduenit, quales uatum imagines esse solent, dum adsumptis ad opus conficiendum tabulis stupida fronte arcanum quiddam latranti intrinsecus tractatu submurmurant.

(Helm 1898: 85, 11–16)

'[после стиха с призыванием Муз] Эта небольшая мольба, надеюсь, удовлетворит вергилиевых Муз. Пошли же ныне, [Муза], самого мантуанского пророка, чтобы мы с его помощью могли вывести на свет его уклончивые изгибы. И вот ко мне он сам приходит, исполненный влагой аскрейского источника, каковыми и бывают образы пророков, когда они, взяв для написания своих трудов таблички и наморщив лоб, бормочут про себя что-то таинственное для <??> рассмотрения'. (перевод мой – А.Ж.).

Сама по себе идея явления умершего Вергилия в некотором смысле появляется уже у Горация, если считать, что в 12 оде 4 книги речь идёт именно о поэте[4]:

Будит жажду весна! Хочешь, Вергилий, пить
В Калах выжатый сок, Либера дар? Так знай:
Ты получишь вина, юношей знатных друг, –
Нарда только достань ты мне.
Нарда малый оникс выманит амфору…

(Гораций, *Оды*, 4, 12. 13–17. Перевод Н. С. Гинцбурга)

Четвёртая книга Од была опубликована около 13 г. до Р.Х., Вергилий к тому моменту уже несколько лет как умер, и потому, видимо, Гораций просит его об ониксовом флаконе с нардом, что, вероятно, говорит о связи с римским погребальным ритуалом[5]. Далее в оде он приглашает Вергилия поспешить прийти с ониксом (упомянутый «мрачный», то есть, возможно, погребальный костёр даёт лишний повод предположить, что речь может идти об умершем поэте):

[4] Есть также более распространённое мнение, что в данном стихе речь идёт не о поэте Вергилии, а о некоем его однофамильце, торговце или враче. Комментатор Вергилия Порфирион придерживается этого последнего мнения, в то время как Акрон считает упомянутого Вергилия именно поэтом.

[5] ср. у Проперция II, 13. 30.

Помня мрачный костер, можно пока, дерзай
С трезвой мыслью мешать глупость на краткий срок:
Сладко мудрость забыть порой.
(Гораций, Оды, 4, 12. 26–28. Перевод Н. С. Гинцбурга)

В данном случае Вергилий (если считать, что речь о поэте) – тень умершего друга, и мы можем визуализировать данную фигуру, ведь текст Горация создаёт вполне живой образ вполне живых отношений.

Отношение к Вергилию в непосредственно следующие века вполне укладывается в те рамки развития понятия авторства/авторитетности, о которых писал Аверинцев. Как пишет Эндрю Лэрд (Laird 2009, 2)[6], с одной стороны, этому периоду свойственно критиковать авторов, находиться как бы в споре с ними: достаточно прочитать хотя бы Vita Вергилия Светония/Доната, где после рассказа о том, что Вергилий писал не по порядку, многие стихи оставил недоделанными, закончить не успел, а потому на смертном одре хотел поэму сжечь, следует как указание на множество попыток дописать «Энеиду», так и целый список критиков поэта.

С другой стороны, сама идея сохранения и даже изменения текста автора помимо его воли отделяет автора от текста и в этом смысле делает его бессмертным и несколько обезличенным, авторитетным, как его назвал бы Аверинцев. Однако на самом деле личность автора остаётся центральной в текстах. И общая традиция восприятия Вергилия того времени – это признание присутствия поэта в тексте и попытка понять его личность через текст.

Клавдий Тиберий Донат (IV в.) в прологе к своему гигантскому комментарию к «Энеиде» пишет, что

....quisquis Vergilii ingenium, mortalitatem, dicendi notitiam, scientiam, mores, peritiamque rhetoricae disciplinae metiri volet, necessario primum debet advertere, quem susceperit carmine suo laudandum (Donatus 1575: 365B) …
'… тот, кто хочет оценить дух Вергилия, его смертность, умение говорить, знания, опытность в науке риторике, должен обязательно сперва обратить [внимание] на то, кого [Вергилий] взял в своей поэме для восхваления…' (пер. мой – А.Ж.)

[6] Мы также во многом опираемся на доклад Э. Лэрда на Гаспаровских чтениях в РГГУ в апреле 2015 года, который представляет собой развитие тезисов данной статьи, но, насколько нам известно, не был опубликован.

И далее Донат читает поэму как похвалу Энею и как риторическое упражнение Вергилия, в котором проявляется именно он сам, сам поэт. Подчёркивают именно риторские качества Вергилия и Макробий в «Сатурналиях»[7], и Квинтилиан в «Наставлении оратору»[8], да и знаменитый комментарий Сервия – это «попытка реконструировать окружение, культуру, историю ради того, чтобы понять характер самого Вергилия, понять, что он хотел сказать, обозначить индивидуальность его риторического, а значит, авторского высказывания» (Laird 2009: 2).

Итак, несмотря на всевозможную критику и вмешательство в текст, личный, индивидуальный голос автора – искомый элемент в классический и постклассический периоды античности. Квинтилиан писал, что «таков обычай у литературы/слов, что она сохраняет голоса и словно что-то отложенное передаёт читателям»[9]. Поэтому нет ничего удивительного, по-видимому, в том, что Вергилий зримо является Фульгенцию! Кроме того, и до него, и в современной Фульгенцию литературе нам известно немало примеров появления фигуры толкователя, тем более что текст Фульгенция написан в аллегорической традиции: достаточно вспомнить «Утешение Философии» Боэция; ещё ближе, видимо, Макробий и его «Комментарий ко сну Сципиона» из 6 книги «О государстве» Цицерона.

Идея же тайного знания и тень Вергилия – довольно логичный вывод из текста самой «Энеиды», где в шестой книге мы видим скиамантию – призывание тени (а не мёртвых). Ну и кроме того, «тень», покров означает и аллегорию:

> Боги, властители душ, и вы, молчаливые тени,
> Хаос, и ты, Флегетон, и равнины безмолвья и мрака,
> Дайте мне право сказать обо всем, что я слышал; дозвольте
> Все мне открыть, что во мгле глубоко под землею таится.
> (Вергилий, Энеида, VI, 264–267. Пер. С. А. Ошерова)

И тем не менее, в такой традиции Фульгенций выбивается из общего ряда.

В отличие от Цицерона и Макробия, где присутствуют видения и интерпретации, у Фульгенция впервые сам автор зримо, в человеческом облике, приходит прокомментировать свой же текст.

---

[7] Macrobius, Saturnalia 5.1.1.
[8] Quint., Inst.oratoria, 10.185-6.
[9] Hic enim est usus litterarum, ut custodiant uoces et uelut depositum reddant legentibus. Quint., I, 7, 31.

Если раньше мы видим (в списке Светония/Доната) немало ругателей Вергилия, то здесь сам Фульгенций неоднократно описывает себя разными принижающими словами (например, *sed tantum illa quaerimus leuia, quae mensualibus stipendiis grammatici distrahunt puerilibus auscultatibus* ‘мы ищем только то лёгкое [для понимания], что за месячную плату грамматики разбирают для детских ушей’. (Helm 1898: 86, 4–6 – перевод мой – А.Ж.), да и Вергилий всячески его унижает, например:

> *Tum ille contracto rugis multiplicibus supercilio: ‘Putabam, inquit, uel te, homuncule, creperum aliquid desipere, in cuius cordis uecturam meas onerosiores exposuissem sarcinulas, at tu telluris glabro solidior adipatum quidpiam ruptuas.*
>
> ‘Тогда [Вергилий], сдвинув брови и сморщившись, говорит: я думал, что ты, человечишко, глупо задумал что-то непонятное, и я бы тогда сгрузил в твоё сердце и раскрыл тот мой багаж, который будет потяжелее, а ты, тупее комка земли, обращаешься ко мне с чем-то напыщенным’[10].
>
> (Helm: 86: 6–10 – перевод мой – А.Ж.)

Сначала между Фульгенцием и Вергилией – большая дистанция, Вергилий неизмеримо выше своего «ученика» (и вообще образ школы закономерно витает над всем текстом – Вергилий является как учитель и ведёт себя как учитель, кроме того, в Средние века школа как раз и была тем местом, где можно было – в переносном смысле, конечно, – встретить Вергилия).

Фульгенций, в силу своих христианских убеждений (а он именно христианин), становится сперва равным, а потом, в общем, и выше Вергилия и даже ближе к концу поучает его, а тот признаёт, что, несмотря на всё своё дарование, настоящая истина ему не открылась:

> *Ad haec ego: O uatum Latialis autenta, itane tuum clarissimum ingenium tam stultae defensionis fuscare debuisti caligine? Tune ille qui dudum in bucolicis mystice persecutus dixeras:*
> *‘Iam redit et uirgo, redeunt Saturnia regna;*
> *iam noua progenies caelo promittitur alto’,*
> *nunc uero dormitanti ingenio Academicum quippiam stertens ais: ‘Sublimes animas iterumque ad tarda reuerti corpora’. Num quidnam oportuerat te inter tanta dulcia poma mora etiam ponere tuaeque luculentae sapientiae funalia caligare?*

[10] В данном месте текст сильно испорчен и с трудом поддаётся переводу.

Ad haec ille subridens: 'Si, inquit, inter tantas Stoicas ueritates aliquid etiam Epicureum non desipissem, paganus non essem; nullo enim omnia uera nosse contingit nisi uobis, quibus sol ueritatis inluxit. Neque enim hoc pacto in tuis libris conductus narrator accessi, ut id quod sentire me oportuerat, disputarem et non ea potius quae senseram lucidarem.

'На это я сказал: «О глава пророков из Лация, должен ли ты так помрачать туманом столь глупой защиты свой яснейший ум? Разве не ты – тот, кто сказал ещё давно в Буколиках (4.6–7), таинственно изучив [это]:
Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство.
Снова с высоких небес посылается новое племя'.
(пер. С. В. Шервинского)

А теперь, когда ум твой как бы во сне, что-то такое академическое ты, храпя, говоришь: «лёгкие души вновь вернутся в медлительные тела». И что заставило тебя среди стольких сладких плодов задерживаться и помрчать светильники твоей прекрасной мудрости?
На что он [ответил] с ухмылкой: «Если бы я не вставил безумно среди стольких стоических истин что-то эпикурейское, я бы не был язычником; никому ведь не досталось знать истину, кроме вас, которых одних просветила солнце истины. И я, с одной стороны, пришёл, с таким уговором, как привлечённый рассказчик в твоих книгах, чтобы то, что мне подобает знать, обсуждать, и, с другой стороны, чтобы разъяснить то, что бы мог знать».
(Helm 1898: 102, 18–22; 103, 1–13. перевод мой – А.Ж.)

Вергилий, таким образом, не может полноценно комментировать текст, так как истинной его сути он не видит. Фульгенций четырежды вклинивается в речь Вергилия с отсылками к тексту Евангелий, добавляет христианское измерение в аллегорическую интерпретацию и, в общем-то, определяет её.

Сама идея аллегории – тайный, внутренний смысл текста. Казалось бы, автор самолично должен раскрыть содержание намного лучше Фульгенция, ведь текст внутренне отражает движения именно его, автора, души, и для того его и позвали, чтобы прокомментировать и раскрыть тайный смысл, но реальность оказывается, как мы видим, не такова.

Более того, Фульгенций и Вергилий начинают местами перепутываться как участники диалога. Например:

a. *Deinde Tricerberum mellitis resopit offulis; Tricerberi enim fabulam iam superius exposuimus in modum iurgii forensisque litigii positam* (Helm 1898: 98, 23–24; 99, 1)
'[речь Вергилия:] «а басню о трёхглавом Цербере мы уже излагали ранее, интерпретируя её как ссору и разбирательство на форуме»', это отсылка к «Мифологиям», которые написал Фульгенций (Helm 1898: Myth., кн. 1, VI);

b. *unus Deus enim pater, rex omnium, solus habitans in excelsis, qui quidem scientiae dono monstrante conspicitur*
(Helm 1898: 102, 11–13)
'[Вергилий ссылается на Бога:] «один только Бог, Отец всех, Один живущий на небесах, Которого можно разглядеть в явленном даровании знания»'.

c *Deus enim omnia bona fieri et praestat et imperat, sed animus qui est in corpore medius contemnendo bona non complet reluptatque bonis inlesione sua.*
(Helm 1898: 105, 17–19; 106, 1)
'[также из речи Вергилия:] «Бог сделал и повелел всему благому быть, но дух, что в теле, в пренебрежении не исполняет благое, и противодействует благому своей повреждённостью»'.

d. Вергилий упоминает различных авторов, которые жили *после* него:

i. *ut Tiberianus in libro de (deo) Socratis memorat* (Helm 1898: 97, 9–10) 'как вспоминает Тибериан в [книге] «О божестве Сократа»'. Тибериан, поэт, жил в IV AD.

ii. *unde et Petronius in Euscion ait* (Helm 1898: 99, 1) 'как говорит и Петроний в «Евскионе»'. Петроний, писатель, – I AD.

iii. *Unde et Porfirius in epigrammate ait* (Helm 1898: 100, 19–20). Почему и Порфирий в эпиграмме говорит. Порфирий, философ-неоплатоник, III AD.

Таким образом, фигура Вергилия как автора и одновременно интерпретатора совершенно условна, Фульгенция уже не интересует Вергилий как реальный автор и как человек. Сама явившаяся фигура, равно как и идеи, текст и пр. Вергилия, интересуют Фульгенция как материал, из которого можно построить собственный текст. Собственно, от Вергилия остаётся, кроме текста, лишь пафосная учительская поза:

> *Ergo uaciuas fac sedes tuarum aurium, quo mea commigrare possint eloquia'. Itaque compositus in dicendi modum erectis in*

iotam duobus digitis tertium pollicem comprimens ita uerbis exorsus est

‘«Освободи седалища твоих ушей, чтобы моё красноречие могло бы туда поместиться». Итак, встав в позу для произнесения речи, подняв два пальца в виде буквы йоты и прижав к ним большой палец, [Вергилий] так начал свою речь…’

(Helm 1898, 86, 18–21. перевод мой – А.Ж.)

Самого автора и/или реальной дискуссии с ним нет. Вергилий – чистый авторетит, auctoritas, а не auctor, реальная личность, несмотря на всё своё грандиозное появление. Именно таким и станет доминирующее чтение авторов в Средние века.

Литература

Averintsev, S.S. 1994: Avtorstvo i avtoritet [Authorship and authority]. In: *Istoricheskaya poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya* [*Historic poetics. Literary periods and types of creative thinking*]. Moscow, 105–125.

Аверинцев, С.С. 1994: Авторство и авторитет. В сб.: *Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания*. М., 105–125.

Donatus, 1575: *Vergilii Maronis Opera; cum veris … commentariis Tib. Donati et Servii Honorati… a Georgio Fabricio Chemnicense emendatis*. Basileae, Ex officina Henrici Petrina.

Hays, Gregory 2002: The Pseudo-Fulgentian Super Thebaiden. In: *Vertis in Usum: Studies in Honor of Edward Courtney*. Munich and Leipzig, 200–219.

Hays, Gregory 2003: The Date and Identity of the Mythographer Fulgentius. *Journal of Medieval Latin* 13, 163–252.

Helm, Rudolf (ed.) 1898: *Fabii Planciadis Fulgentii V.C. Opera* (Leipzig, 1898, rpr. Stuttgart, 1970).

Irvine, Martin 2006: *The Making of Textual Culture: 'Grammatica' and Literary Theory 350–1100*. Cambridge Studies in Medieval Literature. Vol. 19. Cambridge University Press. P. 155–160.

Laird, Andrew 2009: *Virgil: Reception and the Myth of Biography*. CentoPagine III, 1–9.’

Wolff, Étienne 2009: *Fulgence, Virgile dévoilé, traduit, présenté et annoté par Étienne Wolff, édition bilingue latin-français*, Villeneuve-d'Ascq, Presses universitaires du Septentrion.

Zhurbina, A.V. 2013: “Tolkovanie na “Eneidu”” Fulgentsiya: pozdneantichnaya allegoricheskaya interpretatsiya mifa [Fulgentius’ “Expositio Continentiae Vergilianae”: late Antiquity allegory of a myth]. *Novye rossijskie gumanitarnye issledovaniya*. 8 [*New Russian studies in Humanities*. 8], 20. http://www.nrgumis.ru/articles/305/

Журбина, А.В. 2013: «Толкование на «Энеиду»» Фульгенция: позднеантичная аллегорическая интерпретация мифа. *Новые*

российские гуманитарные исследования. 8, 20. Режим доступа (15 мая 2016 г.): http://www.nrgumis.ru/articles/305/.

A. V. Zhurbina. Vergil of Late Antiquity: an author or an authority? Fulgentius' problem

The article deals with the Expositio Vergilianae Continentiae written by Fulgentius, a North African writer of the late Antiquity (5–6 cent. AD). The text is an allegorical interpretation of Vergil's Aeneid, where the poet himself upon being called through Muses by Fulgentius comes to interpret his own work. The main question is who is Vergil as an author for Fulgentius, why does he call him and what he probably represents, an individual author interesting for Fulgentius or an authority (in the question of author and authority we follow the article by S.S.Averintsev, 1994).

Laying aside the first probable case of Vergil's reappearance from the dead (one can consider Odes IV. 12 by Horace, though many scholars argue that the Vergil mentioned there is not the Mantuan poet) the article goes on to survey the tradition of reception of writers in classical Antiquity. Here we roughly following the 2009 article of A.Laird on Virgil's fate, emphasizing three aspects: arguing with the poet and even criticizing him (cf. the list of examples in Vita Vergilii by Suetonius), detaching the poet from the text and thus de-individualizing him and developing a great interest in the persona of the poet himself through the interest in his rhetorical qualities, seeing the author through the text (like Donatus, Quintilian, Servius).

In Expositio Vergil appears as a teacher with a superior know-it-all attitude, but that slowly changes through the text, as it turns out that the poet, the 'real' author of the Aeneid as he is, cannot properly interpret the poem because he is not Christian. The two, Fulgentius and Vergil start to blend in their dialogue. The article argues that Virgil's figure has become in Fulgentius an authority and not the author, interesting as an individual, and that is probably a start to a new medieval tradition.

Keywords: Virgil, Aeneid, allegory, Fulgentius, author, authorship, authority.

С. В. Иванов

«ПРЕНИЕ ЖЕСТАМИ» В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ФОЛЬКЛОРЕ

Рассматриваются различные варианты сюжета о прении жестами и предлагается классификация, ориентированная на сравнительно-литературоведческое изучение бытования текста и возможных заимствований, прежде всего, в рамках устоявшихся литературных жанров.

Ключевые слова: литературоведение, «прение жестами», религиозный диспут, юридические тексты, exempla, шванк.

Nihil ita bonum est, quod male interpretando depravari non possit[1]
Stephanus Forcatulus

Прение с помощью жестов – чрезвычайно популярный сюжет, присутствующий в литературе и фольклоре многих народов[2] и обязанный своей популярностью необычным и комическим коллизиям, к которым он располагает. Здесь нас будет интересовать специфический подвид – прение жестами, в ходе которого один из участников исходит из интерпретаций, обусловленных числовым значением христианских символов (один – Бог един, три – три ипостаси и т. п.). Первоначальной задачей было рассмотреть несколько вариантов этого сюжета в русской литературе с привлечением параллелей из других литературных и фольклорных традиций, но в ходе работы стало ясно, что выполнить такое исследование даже в самом кратком обзорном виде в рамках одной статьи невозможно. Поэтому данная статья содержит обзор и классификацию подвидов прения жестами в различных литературных традициях, тогда как исследование собственно русского материала будет представлено в отдельной работе.

Этот сюжет часто обыгрывался в литературных произведениях: самый известный пример – у Рабле (см., например, Roloff 1974; Traninger 2012). Однако бытование сюжета как в устной, так и в письменной традиции, а в рамках последней – его отра-

---

[1] «Ничто не хорошо настолько, чтобы его нельзя было бы исказить ложным толкованием».

[2] Ср. Whitaker 1964/5 о восточноазиатских версиях, Hertel 1914 об индийской.

жение в сочинениях разных жанров и адресованных самой разной аудитории, – также ставит ряд сложных проблем, не в последнюю очередь вопрос о взаимосвязях отдельных произведений, в которых он фигурирует. При этом переходы между устной и письменной традицией могли совершаться неоднократно и в обе стороны. Точно так же множественные переходы могли происходить и между различными культурами.

Исследование подобных сюжетов осложняется еще и тем, что обычно они изучаются в рамках отдельных национальных филологий, которые естественным образом уделяют наибольшее внимание литературе данного народа, привлекая параллели из других традиций отрывочно и лишь в качестве фона (ср. De Looze 1998: 139).

Особый интерес прение жестами может вызывать у семиотиков в связи с тем, что центральное место в нем занимает проблема интерпретации, кода и различных знаковых систем (см. ibid.). Нередко в сюжете видели пример одной из средневековых теорий знака, восходящих к Августину, см. Barletta 2012, с литературой[3].

Отдельного рассмотрения заслуживают индексы мотивов, так как они обычно являются первыми справочниками, к которым принято обращаться за литературой и источниками. В индексе Томпсона (Thompson 1955) этот сюжет обозначен как H607.1 и H607.2.1, однако индексы, разработанные применительно к отдельным традициям, ссылки на которые включены в индекс Томпсона, нередко содержат неточности. Так, в индексе сюжетов итальянских новелл (Rotunda 1942: 26) соответствующий раздел почему-то обозначен как спор между священником (теологом) и иудеем (*bricklayer*), тогда как в текстах, на которые даются ссылки (Серкамби, см. ниже тип C и Хуан Руис, см. ниже тип Ab), фигурируют другие персонажи. В индексе ирландской литературы в соответствующем разделе значится текст, не имеющий никакого отношения к данному сюжету (Cross 1952: 341). Тубах (Tubach 1969: 182, № 2275) ссылается только на работы Gering 1882/3 и Liebrecht 1860, хотя в списке обработанных источников числится «Schimpf und Ernst» Йоханнеса Паули (Johannes Pauli), где содержится точно такой же сюжет (см. ниже тип Aa) (см. сходную критику индексов и

[3] В контексте средневековой жестикуляции см. Barrow 2002, обсуждение данного сюжета на сс. 67–68; в целом о жестах как знаковой системе в различные эпохи см. также Bremmer, Roodenburg 1991.

дополнительные примеры у Lacarra 2000). Таким образом, до последнего времени наиболее полные и досконально проверенные сведения можно было почерпнуть в работах, посвященных бытованию сюжета в немецкой традиции, особенно в Köhler/Bolte 1900: 479–494. Положение значительно улучшилось с недавним выходом Enzyklopädie des Märchens, где статья Chesnutt/Kawan 2014 отличается не только наиболее полным учётом источников, но и разумной попыткой их классификации.

Словарная статья имеет специфические цели и по необходимости дает недостаточно подробный обзор вариантов. Так, авторы выделяют три основные группы: 1) прения ведутся послом и тем самым вписываются в политический контекст, 2) прения ведутся между представителями разных религий, 3) ученый диспут. Эта классификация построена на параметрах ситуации, в которой происходит диспут, и принимает во внимание прежде всего личность участников. Вместе с тем эти три основные группы не являются взаимоисключающими, потому что намеченные при этом различительные признаки могут совмещаться в лице участников, ср., например, тип Ec ниже, где прения носят характер религиозного диспута, поскольку одним из участников является принц-мусульманин, но по остальным параметрам относятся скорее к ученому, точнее даже университетскому типу диспута. Посол в поздних версиях сюжета часто является одновременно ученым, а его официальный статус и иностранное происхождение автоматически превращают прения в защиту чести и учености родной страны (ср. тип Eb). Для наших целей важна более дробная классификация, в основу которой положены не только различительные признаки участников, но и причина (мотивировка) и результат прений, создающие общую нарративную канву. Сами жесты и их толкования служат вспомогательными признаками, так как обладают наивысшей вариативностью. Тем не менее, ситуации, в которых дается своеобразная трактовка толкований – например, с включением арбитра, высказывающего собственные интерпретации (то есть, начинающего играть роль непосредственного участника) – выделяются в особый тип, см. тип C.

Детальный анализ необходим для установления параллелей и взаимовлияния в тех литературных жанрах, которые склонны передавать сюжет в наименее видоизмененной форме. Очевидно, что во множестве случаев специфика передачи текста (устная традиция или во многом опирающиеся на нее сборники анекдотов и занимательных историй) и накопленные изменения

делают определение непосредственного источника затруднительным. Однако в пределах установившихся литературных форм нередки прямые заимствования, которые и могут быть выявлены при максимально широком охвате материала и учёте особенностей каждого варианта[4].

Так как наша задача сводилась к анализу источников Средневековья и раннего Нового времени, позднейшие материалы, в том числе фольклорные, учитывались лишь постольку, поскольку они необходимы для полноты картины.

Тип A

Вариант Aa

Участники: греческий мудрец, римский простак.

Причина: передача римлянам греческих законов.

Прения:

I аргумент. 1. Грек поднимает один палец = один Бог, ложное толкование = угроза выколоть глаз;

2. Римлянин поднимает два пальца (и большой, который выставился сам по себе) = угроза выколоть оба глаза, ложное толкование = Троица;

II аргумент. 1. Грек показывает открытую ладонь = всеведение Божие, ложное толкование = угроза дать оплеуху;

2. Римлянин показывает кулак = угроза ударить кулаком, ложное толкование = Бог держит все в длани[5].

Результат: поражение грека, римлянам даруются законы.

Свидетельства[6]: Accursius (1627: 24), Odofredus (1550, fol. 10r), Maranta (1557: 39–40), Antonio de Nebrija (1994: 157), Forcatulus (1550:

[4] Пример произвольного выбора материала и проистекающей отсюда ненадежности выводов можно наблюдать в работе Classen 2003. Автор сравнивает варианты Паули (см. ниже Aa), Хуана Руиса (Ab) и Розенплюта (Fa) и приходит к выводу о том, что, с оговорками, нельзя исключать «более или менее прямых заимствований» («Die drei Erzählvarianten erweisen sich aber als so eng miteinander verzahnt, daß mehr oder weniger direkte Entlehnung nicht auszuschließen ist, wenngleich es sich deutlich um eine Wandererzählung handelt, die in vielen Bereichen des menschlichen Lebens angewandt werden konnte», ibid.: 225), хотя при выбранном методе то же самое можно сказать о любой другой паре или тройке из множества текстов, содержащих данный сюжет.

[5] В дальнейшем аргументы спора приводятся в сокращенном виде, с указанием жеста I.1, I.2 и т.д. и, при явном совпадении с жестами того или иного варианта, с указанием его номера по принятой классификации; например, I.1 = Aa.

[6] Среди свидетельств учитываются только источники с полным текстом рассказа; упоминания не включаются.

45–50), Gheyloven (2013: 2), Bernardinus de Bustis (1498, II: 22v), Gritsch (1495, serm. XXVIII), Pauli (Pauli/ Österley 1866: 33–34, von ernst xxxii; Pauli/Bolte 1924: I, 26–27).

На данный момент самой ранней письменной фиксацией мотива является глосса Аккурсия (ум. 1263) к Своду Юстиниана (D. 1,2,2,4)[7]. Комментируя происхождение законов 12 таблиц, полученных по преданию римлянами от греков, законовед сообщает следующую историю. Греки послали в Рим мудреца, чтобы он выяснил, достойны ли римляне законов. Римляне выставили от себя глупца (quendam stultum), чтобы посмеяться, если проиграет[8]. Мудрец начал диспут и поднял один палец, подразумевая одного Бога. Глупец, подумав, что тот хочет выколоть ему глаз, поднял два пальца, а вместе с ними и большой, как само собой получилось (sicut naturaliter evenit), показывая, что выколет греку оба глаза. Однако мудрец решил, что римлянин подразумевает Троицу. Тогда грек показал открытую ладонь: всё открыто и явлено Богу. Глупец, испугавшись, что тот отвесит ему оплеуху, показал кулак. Грек рассудил, что Бог содержит всё в своей длани, и решив, что римляне достойны законов, вернулся домой.

Популярность комментариев Аккурсия привела к тому, что эта глосса получила широкую известность у законоведов. Ее повторяет Одофред (ум. 1265) в главе De origine iuris, особо подчеркивая, что речь идет о подлинном историческом событии («hic talem historiam non dico fabulam: quia fabula non est vera: sed historiam dico invenit in tabulis romanorum»). Без каких-либо оговорок приводит рассказ существенно позже и Роберто Маранта (ум. 1530 или 1539).

Между тем в самом рассказе Аккурсия содержится две неувязки. Во-первых, когда римлянин показывает греку два пальца, грек должен истолковать этот жест как обозначающий Троицу, и Аккурсий поясняет, что римлянин вместо двух пальцев на самом деле показал три, так как большой палец поднялся сам собой, естественным образом (naturaliter). Вторая сложность заключается в совмещении двух хронологических срезов –

[7] На текст Аккурсия указал еще Кёлер (Köhler 1859), первым исследовавший этот сюжет в различных традициях. О рецепции глоссы среди юристов см. Maragno 2010, указавшую в том числе на Одофреда, Форкаделя, Буде, Маранту, Цазия и Риттерсхаузена.

[8] Ut si perderet, tantum derisio esset. По тексту неясно, кто проиграет – глупец или мудрец.

анахронизме, благодаря которому грек и римлянин обсуждают вопросы триадологии за 450 лет до рождества Христова.

Именно это обстоятельство привлекло внимание ряда законоведов-гуманистов, которые поставили под вопрос авторитетность Аккурсия. Так, Антонио де Небриха (ум. 1522) в труде «Obseruationes in libros Iuris Ciuilis», изложив рассказ Аккурсия, обрушивается на него с жестокой критикой.[9] Гийом Бюде (ум. 1540) открыто обвиняет Аккурсия в невежестве (Accursiana ignorantia) на основании того, что он принял россказни (fabulamentum) за подлинную историю (pro uerissima historia), см. Budé 1551: 87. Такого же мнения вслед за Бюде придерживается и Конрад Риттерсхаузен (ум. 1613) в «Dodeca deltos, sive in duodecim tabularum leges commentarius novus» (см. Maragno 2010: 184–185, ср. также Maragno 2015).

С точкой зрения Бюде не согласился Ульрих Цазий (ум. 1536), который полагал, что рассказ Аккурсия был скорее шуткой и что уж во всяком случае сам Аккурсий прекрасно понимал его неисторичность, а ошибочная трактовка этой fabula как подлинной истории лежит на совести следующих комментаторов, например, Одофреда (см. Maragno 2010: 188). Своеобразную линию защиты Аккурсия выстроил Этьен Форкадель (Forcatulus, ум. 1573), отстаивавший историчность описанных событий и выдвинувший предположение, согласно которому гречес-

[9] Не стесняясь в выражениях, см. Nebrija 1994: 157: «O miserrimam saeculi nostri condicionem qui haec audimus et patimur. ec quis unquam talia deliramenta nisi a mulierculis lanificio intentis audiuit. et non uidet homo perditus non habita ratione temporum et personarum sibi ipsis repugnantia dicere. Quod si tanta erat illi in historia mentiendi libido at debuit saltem aliquod dicere quod nos falleret. Nunc uero ea per crapulam ructat quae nec credent pueri scribit constat esse factum trecentesimo altero anno ab urbe condita hoc est ante natalem christianum annos circiter quadringentos quinquaginta: quo pacto graecus et romanus de trinitate personarum atque unitate substantiae in diuinis disputare poterant!» («О несчастнейшее положение нашего века, когда мы слышим и терпим подобное. Кто-нибудь когда-либо слышал такой вздор кроме как от девок за пряжей? Не принимая во внимание времена и лица, не видит заблудший человек, что они противоречат сами себе. И ведь если ему так хотелось приврать, то он должен был по крайней мере сказать что-то такое, что могло бы ввести нас в заблуждение. Он же изблевывает во хмелю то, чему не поверят и дети. Пишет, что шел трехсотый год от основания города, то есть примерно четыреста пятидесятый до рождества Христова. Как же могли грек и римлянин спорить о троице ипостасей и единосущности божества!») В связи с данным сюжетом ср. Puyol y Alonso 1906: 183–184.

кий мудрец был пифагорейцем (отсюда диспут знаками), а единый Бог был хорошо знаком философам древности под именем монады. Что касается Троицы, то Форкадель ссылается на легендарные прорицания о пришествии Христа, относимые к античности: пророчества Сивиллы и оракула Аполлона Милетского (нет ничего невозможного в том, что мудрецу могла быть известна идея Троицы). См. также Maragno 2010, Toldo 1903.

Интересно, что в литературе по сей день прослеживаются две линии интерпретаций, восходящие к этой гуманистической полемике. Естественно, никто уже не считает рассказ Аккурсия имевшим место в действительности, и расхождения касаются причин, по которым он был включен в комментарии к Пандектам. Часть ученых склонялась к традиционному объяснению «невежеством Аккурсия» (Wolodkiewicz 1995; Plattard 1910: 71; Lecoy 1938: 164), в то время как в последнее время принято видеть в рассказе скорее шутку или даже элемент критики текста (De Looze 1998: 142; Maragno 2010: 209).

Помимо юридических трактатов[10] этот же тип сюжета появляется в качестве примера (exemplum) в сборниках проповедей. Так, у Арнольда Гейловена (ум. 1442) в компендиуме канонического права и теологии «Gnotosolitos magnus» рассказ приведен в прологе, причем он практически не отступает от текста Аккурсия (Gheyloven 2013: 2). В «Розарии» Бернардина де Бусти (ум. 1500) он приведен в проповеди de peccato lingvae на библейскую цитату Притчи 17:28 «И глупец, когда молчит, может показаться мудрым, и затворяющий уста свои – благоразумным»[11]. У де Бусти рассказ приведен с небольшим отличием, здесь жесту II.2 (кулак) кроме привычного толкования (Бог держит все в своей длани) приписывается дополнительное альтернативное (тайный Божий суд нам сокрыт и неведом). Также мы находим рассказ у Конрада Гритча – впрочем, в контексте, трактующем различные виды законов (Gritsch, Sermo XXVIII). Тем не менее, это свидетельствует о переходе сюжета

[10] В юридической литературе этот тип рассказа передавался и далее, вплоть до конца XVIII в., ср. Taylor 1786: 11–12, текст перепечатан по изданию Маранты.

[11] Текст де Бусти первым привлек к рассмотрению Эстерлей, см. Pauli/Österley 1866: 476. Кроме альтернативного толкования жеста II.2 добавлены следующие детали: развернутое описание переодевания глупца в докторские одежды; римляне рассчитывают, что если афинянин победит, то победит лишь глупца, но если победит глупец, то победят все римляне.

в жанр exempla, для которого он по своей развлекательной натуре подходил как нельзя лучше.

Наконец, переходный этап на пути к жанру фацеций знаменует появление этого сюжета в сборнике Йоханнеса Паули (ум. ок. 1532) «Schimpf und Ernst», который, хотя и создавался как сборник exempla для проповедников, уже носит скорее развлекательный характер. У Паули мы видим те же незначительные отличия, которые характеризуют вариант Бернардина де Бусти, включая мораль («Однако если бы дурак раскрыл рот, всем стало бы ясно, что он за человек, как и ныне случается со многими советниками») – вероятно, прямую отсылку к цитате из Притч, которую комментирует де Бусти. Это позволяет предположить в данном случае непосредственную связь между двумя этими источниками.

Вариант Ab

Участники: = Aa.
Причина: = Aa.
Прения: I.1 = Aa.
I.2 Римлянин поднимает три пальца = угроза выколоть оба глаза и выбить зубы, ложное толкование = Aa.
II.1 Грек показывает открытую ладонь = все подчинено Божьей воле, ложное толкование = Aa.
II.2 Римлянин показывает кулак = Aa, ложное толкование = Бог держит всю вселенную в своей власти (~ Aa).
Результат: = Aa.
Свидетельства: Ruiz 1978, st. 44–70; русский перевод см. Хуан Руис 1991: 21–25.

Хуан Руис, священник из Хиты (ум. 1350) внес рассказ об обретении римлянами законов в поэму «El Libro de Buen Amor» (ср. также Puyol y Alonso 1906: 181–183) – произведение, весьма разнообразное по содержанию и включающее в себя молитвы, нравоучительные истории, буколики, но также и сюжеты комического характера (см. Lacarra 2004). Рассказ Руиса непосредственно примыкает к типу Aa. Основное отличие заключается в трактовке затруднительного места, когда римлянин должен показать три пальца, чтобы грек мог интерпретировать этот жест как относящийся к Троице. У Руиса римлянин поднимает именно три пальца (в отличие от типа Aa, где он показывает два, а большой палец выставляется сам собой), а к угрозе выколоть оба глаза добавляется угрозы выбить зубы.

Есть и ряд других менее существенных отличий: вводится мотивировка, почему диспут ведется с помощью знаков («Mas porque non entendien él lenguaje non usado / Que disputasen por señas, por señas de Letrado»); значительное внимание уделено тому, что глупец одевается в одежды доктора; толкования жестов обоими участниками помещаются после рассказа о прениях, а не параллельно с каждым жестом, как в варианте Aa. Жесты подробно описаны, в отличие от прочих версий[12].

Первым в сравнительно-литературном контексте этот текст привлек Либрехт (Liebrecht 1860); без ссылки на эту работу далее Тольдо (Toldo 1904). Исследования в основном сосредоточивались на вопросе о функции и значении этого рассказа в составе «Libro de buen amor». Обзор основных точек зрения см. Parker 1976. Дейермонд (Deyermond 1970: 57–60) видит в нем многоуровневую пародию (на ученые диспуты, на язык знаков, на translatio studii и даже на экзегезу Писания); другие исследователи особо выделяют сатирическую направленность и высмеивание греческого мудреца, проигрывающего диспут глупцу. Хотя и сатирическая, и пародийная составляющая присутствуют в тексте, их значение не следует преувеличивать, так как они естественным образом включаются в общий комический, развлекательный характер сюжета. Как подчеркивает Майкл (Michael 1970: 185), рассказ служит иллюстрацией к предупреждению, с которым автор обращается к читателю, призывая его правильно понять, что он хочет сказать.[13] Таким образом, по своей функции у Хуана Руиса рассказ сближается с exempla средневековых проповедей.

Вариант Ac

Участники: = Aa.

Причина: = Aa.

Прения: I.1 = Aa.

I.2 Римлянин поднимает два пальца, ложное толкование = Отец и Сын.

II.1 Грек показывает три пальца = Троица, ложное толкование: открытая ладонь = угроза дать оплеуху.

---

[12] De Looze (1998: 143) ошибается, полагая, что глупец вызвался участвовать в прениях сам: римляне обращаются к нему с просьбой.

[13] «Non me contesca contigo commo al doctor de greçia / con nel rribaldo romano e con su poca sabiençia» («да не случится мне с тобой, как случилось греческому мудрецу с римским глупцом и его малой мудростью»).

II.2 = Aa.
Результат: = Aa.
Свидетельства: Placides et Timéo (1980: 192–197).

Во французском диалоге Пласид и Тимей (конец XIII в.), содержащем сведения энциклопедического характера, сюжет о споре грека и римлянина рассказывается в части, повествующей о появлении законов у разных народов.

Основное отличие от прочих версий заключается, как обычно, в трактовке знаков, долженствующих означать Троицу, и логическом сопряжении остальных этапов спора. Здесь римлянин показывает именно два пальца (а не два пальца с большим, как в Aa, и не три, как в Ab), что грек истолковывает как символ Отца и Сына и показывает в ответ три пальца, обозначая Троицу. Таким образом обходится затруднение версии Aa, связанное с тем, что грек должен истолковать жест римлянина, показывающего два пальца, как относящийся к Троице. Однако устранение этой сложности влечет за собой возникновение другой: в жесте тремя пальцами римлянин должен увидеть открытую ладонь, чтобы интерпретировать его, в соответствии с общей схемой, как угрозу дать оплеуху.

Прочие особенности: глупец сам вызывается отвечать на вопросы мудреца; толкование жестов происходит после прений; хронологические неувязки обходятся («тогда мудрец, который нашел пророчества о христианской вере и внимательно их изучил, показал ему три пальца»), ср. Thomasset 1982: 233.

Вариант Ad

Участники: = Aa.
Причина: = Aa.
Прения: I.1 = Aa.
I.2 Римлянин поднимает три пальца = выколю тебе все глаза, даже пусть у тебя будет их три, ложное толкование = Aa.
II.1 Грек показывает открытую ладонь = Бог держит все творение, ложное толкование = Aa.
II.2 Римлянин показывает кулак = Aa, ложное толкование = Бог охватывает своей дланью все сотворенное (~ Aa).
III.1 Грек показывает пальцем в воздух = Бог выше всего сотворенного, ложное толкование = повешу тебя на виселице.
III.2 Римлянин показывает пальцем в землю = ты отправишься в ад, если меня повесишь, ложное толкование = Бог властвует не только в вышине, но и в глубине.
Результат: = Aa.

Свидетельства: Islendzk Æventyri (Gering I 239–244, пер. и коммент. Gering II 175–179).

Этот вариант содержится в сборнике исландских легенд и рассказов, изданном Гуго Герингом по рукописи середины XV в. Главные особенности: римлянин показывает три пальца, но, чтобы согласовать этот жест с угрозой выколоть глаза, дается своеобразное толкование (выколю тебе все глаза, даже пусть у тебя будет их три); появляется третья пара жестов (указание пальцем в воздух и в землю).

Прочие особенности: толкования помещаются после прений; подчеркивается, что греки еще до пришествия Христа знали, что есть один лишь истинный бог; рассказ завершается цитатой из Притч Соломона. Эта черта сближает данный вариант с текстами де Бусти и Паули (см. тип Aa).

Вариант Ae

Участники: = Aa.
Причина: = Aa.
Прения: I.1 = Aa.
I.2 Римлянин показывает два пальца = Aa, ложное толкование = Бог на небе и на земле господин над всею тварью видимой и невидимой.
II.1 Грек показывает открытую ладонь = Богу открыто прошлое и грядущее, ложное толкование = Aa.
II.2 Римлянин кулак = Aa, ложное толкование = в Божьей длани вся власть (~ Aa).
Результат: = Aa.
Свидетельства: Hans Sachs 1903: 6–8.

В стихотворении Ганса Сакса «Der narr mit dem doctor» (1545 г.) сюжет почти полностью совпадает с типом Aa, за исключением некоторых толкований и жестов. Здесь римлянин показывает, а грек видит именно два пальца, но им соответственно дается иное символическое толкование.

Тип B

Участники: карфагенский посол, римский простак.
Причина: испытание римлян; вступать ли с ними в войну.
Прения: I.1 Карфагенянин поднимает один палец = Бог-Отец, ложное толкование = Aa.
I.2 Римлянин поднимает два пальца = Aa, ложное толкование = Бог-Отец и Бог-Сын (= Ac).

II.1 Карфагенянин поднимает три пальца = Бог-Отец, Бог-Сын и Святой Дух, ложное толкование = угроза двумя пальцами выколоть глаза, а третьим дать в лицо (ср. Ab).

II.2 Римлянин показывает три пальца и кулак = угроза выколоть глаза и ударить кулаком, ложное толкование = эти три лица являются одним Богом.

Результат: поражение карфагенянина, карфагеняне отказываются от войны.

Свидетельства: Rajna 1880.

В Карфагене возник спор – вести ли войну с римлянами. Было решено отправить в Рим посла, который должен был изъясняться только знаками, чтобы проверить мудрость и ученость римлян. Когда посол прибыл, собрался Сенат, и посол начал прения первым жестом. Сенат пришел в замешательство; тогда один глупец (pazzo) встал, поднялся на трибуну и провел диспут с карфагенянином. В итоге посол признал свое поражение и, вернувшись на родину, отговорил сограждан от войны с Римом.

Данный вариант содержится в итальянской стихотворной версии «Семи мудрецов», см. Rajna 1881, в рукописи, ныне хранящейся в Biblioteca Marciana, Венеция It. IX 621 (= 10697), 51r-175v, terminus a quo 1467–68 (Bartolucci 2003). Повесть о семи мудрецах была весьма популярна в Средние века в Западной Европе, но не менее широкое обращение она имела и на Востоке, в том числе в мусульманском мире, см. Lundt 2007, с библиографией. Рамочная конструкция облегчала включение в повествование самых разных сюжетов, но прение жестами засвидетельствовано только в этой версии.

Несмотря на существенные отличия в сюжете, касающиеся участников прений и причины диспута, этот вариант весьма близок к типу A, поскольку у них совпадают сам ход диспута, жесты и их толкования, а также их соотнесенность с теологическими вопросами триадологии (в интерпретации мудреца). В интерпретации некоторых знаков прения сближаются с вариантами Ac и Ab.

Прочие особенности: глупец сам вызывается отвечать на жесты мудреца (как в Ac); толкования жестов распределены особенным образом: интерпретация глупца дается по ходу прений, интерпретации мудреца отнесены в конец рассказа; особо подчеркивается, что посольство имело место уже после рождества Христова.

Тип С

Участники: профессор теологии, глупец.

Причина: соревнование в мудрости.

Прения: I.1 Профессор показывает кулак = Бог держит всё в своей длани, ложное толкование = угроза ударить кулаком.

I.2 Глупец показывает один палец = угроза выколоть глаз, ложное толкование арбитра = Господь держит все на одном пальце, ложное толкование участника = один Бог.

II.1 Профессор показывает один палец = согласие, Бог один, ложное толкование = угроза выколоть глаз.

II.2 Глупец показывает два пальца = угроза выколоть оба глаза, ложное толкование арбитра = есть один отец, но и один сын.

III.1 Профессор показывает два пальца = Отец породил Сына, ложное толкование = угроза выколоть два глаза.

III.2 Глупец показывает три пальца = выколю тебе глаза и выпущу кишки, ложное толкование арбитра = три ипостаси составляют одного Бога.

IV.1 Профессор достает из сумки яйцо = форма сотворения мира; ложное толкование = съестное.

IV.2 Глупец достает хлеб = съестное, ложное толкование арбитра = Господь сверх того сотворил и хлеб, которым управляется природа человека.

Результат: поражение испытующего, глупец признается ученейшим мудрецом.

Свидетельства: Sercambi (1889: 173–185, Novella XX).

Весьма своеобразную форму сюжет получает в «Новеллах» Джованни Серкамби (ум. 1424). Сюжет включен в устойчивую комбинацию сюжетов, известную под названием «Доктор-всезнайка» («Doktor Allwissend»), в которой необразованный простак с помощью дерзости и везения приобретает славу мудреца и стяжает почести и богатство (Dömötör 1981).

Содержание новеллы: В окрестностях Сиены жил юноша по имени Грилло, Сверчок, который работал на обжиге кирпичей. Увидев однажды, как живет законовед, он подумал: Был бы я нотариусом, я получал бы много денег, без тяжелой работы. И тут же решил назваться сером Мартином и больше не таскать кирпичи. Поселившись в Сиене, он открыл практику и залучил первых клиентов. Все юридические вопросы он разрешал с помощью еврея мессера Кассесепете, который из-за своего происхождения испытывал недостаток в клиентах и которому Грилло за помощь отдавал половину гонорара. Со временем слава о сере Мартине разошлась по всей Тоскане.

В Витербо возник спор между некими мудрецами, и префект предложил обратиться к серу Мартину. Тот прибыл в Витербо, где принял участие в прении знаками (см. описание) и получил от префекта богатые дары.

Однажды префект отправился на верховую прогулку за город, и сер Мартин с ним. И случилось так, что, когда префект проезжал по лугу, из травы выпрыгнул кузнечик (сверчок, grillo). Префект поймал его и, держа в кулаке, предложил серу Мартину под страхом смерти отгадать, что у него в руке. Сер Мартин, вспомнив те времена, когда он таскал кирпичи, сказал с большим страхом: Grillo, grillo! Вот от чьей руки пришла твоя смерть! Префект в присутствии всех разжал кулак и сказал: Сер Мартин, вы лучший философ на свете.

В сюжете о диспуте жесты дублируются, так как испытующий и испытуемый обмениваются одинаковыми жестами, и сверх того, увеличивается количество толкований, так как жесты глупца толкуются также арбитром (префектом), интерпретации которого иногда отличаются от интерпретаций профессора; с другой стороны, часто толкования профессора отсутствуют, по-видимому, совпадая с толкованиями арбитра. В целом создается впечатление, что дублирование жестов и умножение рядов интерпретаций могло возникнуть из-за стремления совместить несколько вариантов сюжета.

В любом случае, отметим появление дополнительной пары жестов, когда участники предъявляют друг другу съедобные предметы[14].

Тип D

Данная версия зафиксирована в «Scala coeli» – известнейшем собрании exempla, написанном Жаном Гоби между 1323 и 1330 гг. (см. о нем Polo de Beaulieu 1993, издание Scala coeli 1991: 372–373, № 505; в связи с данным сюжетом впервые отмечено Köhler/Bolte 1900). В почти дословном переводе этот текст выглядит так:

Некий глупец, приведенный на спор еретиков с католиками, не должен был использовать слов. Еретики, имея в виду единство лиц, показали ему один палец. Глупец, подумав, что они хотят выколоть ему один глаз, поднял два, а они три.

[14] С этим вариантом весьма схож рассказ из чешской «Frantova prava», которая будет подробно рассмотрена во второй части работы, посвящённой сюжету о прениях в русской литературе.

Глупец сжал кулак и поднял его, и они решили, что он имеет в виду истину сущности и троицу лиц. Одержав победу, католики с радостью удалились.

Сбивчивость изложения может означать как то, что автору была известна именно такая версия рассказа, как и то, что автор рассчитывал на знакомство аудитории с данным сюжетом. Неэксплицированность ряда толкований не позволяет соотнести этот рассказ с другими типами сюжета. В любом случае, конфликт и состав участников – правоверные и еретики – не находят дальнейших параллелей, что заставляет выделить этот рассказ в отдельный тип.

Тип E

Для данного типа характерно перемещение в университетскую среду: в роли испытующего часто выступает профессор или иное лицо, желающее проверить уровень того или иного университета; главным критерием является наличие человека, сведущего в языке знаков. Другим отличительным признаком является введение дополнительной пары вопросов-ответов, заключающихся в показе съедобных предметов (яблока / апельсина и краюхи хлеба / лепешки), ср. тип C. Основная масса свидетельств относится уже к XIX в. и представляет собой записи устных рассказов. Переход сюжета в область (студенческого) фольклора привел к значительному разнообразию вариантов, которые с трудом поддаются классификации, поэтому мы сосредоточим внимание на нескольких главных подтипах.

Вариант Ea

Участники: ученый, столяр.

Причина: поиск человека, который понимает язык жестов; соревнование в учености.

Прения: I.1 Ученый поднимает один палец = ?, ложное толкование = угроза выколоть глаз.

I.2 Столяр поднимает два пальца = угроза выколоть оба глаза, ложное толкование = ?

II.1 Ученый поднимает три пальца = ?, ложное толкование = угроза выколоть оба глаза и поднять за нос.

II.2 Столяр показывает кулак = угроза ударить кулаком, ложное толкование = ?

III.1 Ученый показывает яблоко – ?, ложное толкование = «хочет успокоить меня, как ребенка».

III.2 Столяр показывает кусок хлеба = у меня есть хлеб, т.е. что-то получше; ложное толкование = ?

Результат: ученый полагает, что встретил самого образованного и умного человека; честь достается университету и/или городу.

Свидетельства: Béroalde de Verville (1879: 366–367); d'Ouville (1651: 294–297); Samuel Columbus (1935: 46–47); Wright 1879.

Самым ранним известным на данный момент свидетельством этого типа является произведение «Moyen de parvenir» Бероальда де Вервиля (1е изд. 1616 г.); действие происходит в Женеве, куда приезжает ученый Жискель (Jysquel), а в диспут с ним вступает столяр из Монтаржи. Главная особенность этой версии заключается в том, что читатель так и не узнает толкования ученого; однако толкования столяра идентичны с типами A и B (ср. ложное толкование II.1, которое весьма сходно с типами Ab и B).

В сборнике анекдотов, вышедшем под именем сьера д'Увиля в 1651 г., спор ведут человек, явившийся в один из французских университетов и вызвавший на диспут знаками ученых докторов, и проезжий шутник, вызвавшийся спасти честь университета. Здесь наличествуют оба ряда толкований, причем толкования шутника отличаются от прочих толкований этого типа.

Толкования ученого: один палец = один Бог, два пальца = Отец и Сын, три пальца = Отец, Сын и Святой Дух, кулак = эти три лица являются одним Богом, яблоко = Бог сотворил мир круглым, хлеб = недостаточно сотворить мир и заселить его, не дав пропитания (ср. тип C).

Толкования шутника: один палец = у меня один рог; два пальца = дважды рогоносец, три пальца = трижды рогоносец, кулак = изобью, яблоко = дар, чтобы меня успокоить, хлеб = у меня есть что поесть.

В передаче Самуэля Колумбуса (ум. 1679) диспут происходит между иностранцем и шведским кузнецом в Упсале; здесь приводятся толкования и иностранца, и кузнеца, однако интерпретации последнего отличаются. О шведских вариантах сюжета см. Liungman 1961: 318.

Толкование иностранца: один палец = один Бог; два = Отец и Сын; три = Отец и Сын и Святой Дух, кулак = они все одно; яблоко = вот что нас разрушило; хлеб = хлеб Жизни нас поддерживает.

Кузнец: один палец = я решил, что он надо мной шутит; два пальца = ты опять; три пальца; я сжал кулак; яблоко = намек, что я голоден; хлеб = у меня есть что получше.

В устном рассказе, записанном Томасом Райтом в конце XIX в., иностранный профессор испытывает Кембридж; вводится дополнительный мотив: студенты разделились группами и, переодевшись рабочими, говорили с ним на латыни и греческом. Тогда профессор решил испытать кембриджцев знаками. На диспут они выставляют переодетого мельника. Перечень вопросов и ответов соответствует тексту Бероальда де Вервиля. Важное отличие заключается в том, что мельник крив на один глаз (как в следующих подтипах). Толкования мельника совпадают с текстом Бероальда, кроме вопросов III.1 и III.2: Он хотел кинуть в меня яблоко, а я пригрозил запустить в него хлебом. Толкования профессора совпадают с текстом Колумбуса.

Вариант Eb

Участники: посол / профессор, кривой простолюдин.[15]

Причина: поиск человека, который понимает язык жестов.

Прения: I.1 Посол показывает один палец = один Бог, ложное толкование = у тебя только один глаз.

I.2 Простолюдин показывает два пальца = мой один глаз стоит твоих двух, ложное толкование = Бог-Отец и Сын.

II.1 Посол показывает три пальца = Отец, Сын и Святой Дух, ложное толкование = у нас три глаза на двоих.

II.2 Мясник показывает кулак = угроза ударить кулаком, ложное толкование = все три являются одним.

III.1 Посол показывает апельсин = благость Божья, который дает людям не только необходимое, но и роскошь; ложное толкование = ваша бедная страна не рождает таких плодов.

III.2 Мясник показывает кусок хлеба / лепешка = мне хватает этого; ложное толкование = материя жизни, которая дороже любой роскоши.

Результат: посол полагает, что встретил самого ученого и умного человека; честь достается университету и/или городу.

Свидетельства: литовская версия Caland 1914, английские Robertson 1840: 205–208; Napier 1880, валлонская Colson 1894.

Для следующих вариантов типа E отличительными признаками являются: отвечающий крив на один глаз; его толкования сосредотачиваются на его физическом недостатке; вместо яблока в вопросе III.1 фигурирует апельсин.

[15] Профессия и происхождение обоих участников могут варьировать, ср. пары испанец – шотландский мясник (Caland, Robertson), испанский профессор – шотландский башмачник (Napier). Также может различаться и место проведения диспута – университет Глазго (Caland) или Абердин (Robertson, Napier).

Валлонская версия (Colson) отличается от прочих рядом толкований со стороны профессора: два пальца = две природы в Боге; апельсин = Бог поместил нас в этот мир; хлеб = ты будешь добывать хлеб в поте лица своего. Кроме того, здесь профессор и простолюдин являются соотечественниками.

В литовском варианте толкования профессора отсутствуют, как у Бероальда де Вервиля в варианте Ea.

В версии, переданной Напьером, несколько отличаются знаки: жестом II.1 профессор показывает три пальца и большой = Отец, Сын и Святой Дух, а вместе один Бог; соответственно изменяется толкование профессором жеста II.2 (кулак) = ипостаси едины в сущности, мудрости и власти. Толкование простолюдином жеста II.1: три пальца и большой = наши три глаза стоят всего лишь одного хорошего.

Поскольку этот вариант сюжета широко представлен в устной традиции, а основная масса свидетельств относится к фольклорным записям XIX века, ему присуще значительное варьирование в отдельных деталях. Однако самым распространенным является подтип, который можно назвать «английским», по наиболее вероятному происхождению прототипа. Участниками диспута здесь являются испанский посол или профессор и шотландский простолюдин, а местом действия – Глазго, Эдинбург или Абердин. Историю английского варианта прослеживает Джайлс (Giles 1913–1914), однако вслед за Робертсоном допускает неточность, напрямую возводя его к рассказу у Тейлора (Taylor 1786), хотя тот принадлежит к типу A (см. выше) и не может иметь непосредственной связи с этой поздней фольклорной версией.

«Английский» вариант обязан своей популярностью не в последнюю очередь газетам и журналам, где анекдот часто перепечатывался именно в этом виде (см. Köhler), и, по-видимому, через этот канал проникал в иноязычные и инокультурные традиции, в том числе в немецкую и литовскую.

Вариант Ec

Участники: индийский принц, кривой простолюдин Кеес.

Причина: поиск человека, который понимает язык жестов.

Прения: I.1 Принц поднимает один палец = один Бог Аллах, ложное толкование = у тебя только один глаз.

I.2 Простолюдин поднимает два пальца = мой один глаз стоит твоих двух, ложное толкование = по вашей вере, Мухаммед лишь немногим уступает ему в чести.

II.1 Принц поднимает три пальца = вы христиане веруете в Троицу, ложное толкование = у нас три глаза на двоих.

II.2 Простолюдин показывает кулак = угроза ударить кулаком, ложное толкование = эти три лица суть один Бог.

III.1 Принц показывает апельсин = мы признаем того же Бога, который сотворил мир и создал такую красоту; ложное толкование = противник хотел со мной помириться.

III.2 Простолюдин показывает кусок хлеба = поешь-ка хлеба; ложное толкование = человек живет не хлебом единым, но словом Божьим.

Результат: посол полагает, что встретил самого ученого и умного человека; честь достается университету и/или городу.

Свидетельства: голл. версия Caland 1914.

Эта версия, зафиксированная в голландской традиции, отклоняется от прочих вариантов: в качестве мудреца здесь выступает индийский принц-мусульманин, приехавший в университет Лейдена, и диспут принимает характер прений о вере между представителями разных религий, как в типе F. Как и у Райта (Wright 1879), вводится дополнительный мотив: переодетые простолюдинами студенты говорят с испытующим на латыни, греческом и древнееврейском.

Тип F

Варианты этого типа представляют собой прения между иудеями и христианами.

Вариант Fa

Участники: мудрец-иудей, бродяга-христианин.

Причина: конфликт между иудеями и христианами; проигравшая сторона должна покинуть город.

Прения: I.1 Иудей показывает один палец = праведный путь может быть только один, ложное толкование = угроза выколоть глаз.

I.2 Бродяга показывает два пальца = угроза выколоть оба глаза, ложное толкование = два пути, и оба правых – один к блаженству, другой к мукам.

II.1 Иудей показывает открытую ладонь = милосердие Божие открыто для всех людей без изъятия, ложное толкование = угроза дать оплеуху.

II.2 Бродяга показывает кулак = угроза ударить кулаком, ложное толкование = милость Божия закрыта и не распространяется на всех людей, ибо никто не знает, насколько слышны его молитвы, и кто

надеется на его милость, тем дольше пребывает в грехах и не помнит о наказании, так что может легко проспать милость и хуже всего грешить в последние свои часы (ср. Aa, вариант Бернардина де Бусти).

III.1 Иудей кладет палец в рот = всякая речь – злая и добрая – идет из уст, ложное толкование = противник голоден.

III.2 Бродяга проводит ладонью по животу = я сыт; ложное толкование = всякая речь уст исходит из сердца, пусть уста иногда говорят противное тому, что думает сердце, и все же сердце источник, если даже уста говорят ложь.

Результат: поражение иудея, иудеи покидают город, бродяга живет в чести и довольстве.

Свидетельства: Rosenplüt; 1e изд. Keller 1858: 1115–1124, последнее изд. Grubmüller 1996: 978–1001.

В стихотворении Ганса Розенплюта «Диспут бродяги с иудеем» («Ein Disputatz eins Freiheits mit eim Juden»)[16] сюжет приходит к логическому оформлению: теологический спор ведется не греком и римлянином или ученым и простолюдином, а представителями разных религий. Жесты и их теологические толкования также существенно отклоняются от обсуждавшихся выше: акцент смещается с триадологии на вопросы праведности и благодати. Возможно, это связано с тем, что по логике сюжета в противном случае триадологические толкования должен был бы давать иудей, что противоречит самой сути спора между иудаизмом и христианством.

Вариант Fb

Участники: мудрец-иудей, бродяга-христианин.

Причина: = Ea.

Прения: I.1 Иудей показывает один палец = имеет ли Христос лишь одну природу, ложное толкование = угроза выколоть глаз.

I.2 Бродяга показывает два пальца = угроза выколоть оба глаза, ложное толкование = две природы – божественную и человеческую (ср. Eb, Colson).

II.1 Иудей прикладывает ладонь к груди = милосерден ли ваш Христос, ложное толкование = угроза дать оплеуху.

II.2 Бродяга показывает кулак = угроза ударить кулаком, ложное толкование = он не только милосерден, но и справедлив и карает за грехи.

[16] Авторство Розенплюта иногда ставится под сомнение: Фишер (Fischer 1983: 542) высказывается за Розенплюта, Рейхель (Reichel 1985: 96) считает, что вопрос остается открытым, Глир (Glier 1988: 145) считает его наиболее вероятным автором.

III.1 Иудей кладет палец в рот = должно ли признавать Христа устами, ложное толкование = противник голоден.

III.2 Бродяга проводит ладонью по животу = я сыт; ложное толкование = не только признавать устами, но и носить в сердце.

Результат: поражение иудея, иудеи покидают город, гость получил щедрую награду.

Свидетельства: Simplicissimus 1682: 513–520; von Arnim 2008: 387–388.

В Симплициссимусе рассказчик в итальянском кабаке подсаживается к веселой кампании, в которой были еврей и выходец из Каринтии, который рассказал такую историю. В его родном городе евреев стало так много, что они уже не могли разойтись миром с христианами и предложили устроить диспут в три вопроса жестами. Кто проиграет, народ того должен покинуть город. Выступить на диспуте вызвался один молодой советник, но по мере того, как приближался день диспута, он все больше боялся. Тем временем в трактир, который принадлежал советнику, заявился гость, который узнал от него об этой истории и обещал помочь. Гость подтвердил свое обещание перед советом, и ему посулили пожизненное содержание в случае победы. Далее следует рассказ о прениях.

Интересно, что в отличие от прочих вариантов, теологическая составляющая прений содержит вопросы не триадологического, а христологического характера, хотя подобное можно отметить и в записанном гораздо позже валлонском варианте (Eb, Colson 1894).

Текст Симплициссимуса практически дословно воспроизведен у Ахима фон Арнима, который добавляет к рассказу мотив оплеухи (христианин, подставь другую щеку).

Вариант Fc

Участники: иудей, слуга-христианин.

Причина: тяжба между иудеем и священником.

Прения: I.1 Иудей показывает пальцем вверх = Бог создал небо, ложное толкование = мы отправимся на небо.

I.2 Слуга показывает пальцем в землю = ты отправишься в ад, ложное толкование = Бог также создал и ад.

II.1 Иудей направляет палец на слугу = Бог создал тебя, ложное толкование = угроза выколоть глаз.

II.2 Слуга направляет два пальца на иудея = угроза выколоть оба глаза, ложное толкование = Бог создал нас обоих.

III.1 Иудей обводит рукой вокруг = Бог создал мир вокруг, ложное толкование = угроза избить всего кругом.

III.2 Бродяга показывает два кулака = угроза избить кулаками; ложное толкование = Бог создал мир вокруг всей своей силой

Результат: поражение иудея, священник выигрывает тяжбу.

Свидетельства: Gaál 1983: 130–135; Hroch 1912.

В хорватской версии (Gaál) прения проходят между иудеем и священником, которые таким образом решили разрешить свою тяжбу. Священник сказывается больным и выставляет вместо себя своего слугу Янчи. Жесты и толкования существенно отличаются от привычных. С другой стороны, первая пара жестов встречается также в типе Ad, но с частично пересекающимися толкованиями.

К этому варианту весьма близок чешский рассказ (Hroch), в котором диспут между собой ведут торговец Якеш и Мартин, слуга каплана, который, как и в хорватском рассказе, вызывается заменить своего господина. Первые пары жестов здесь практически идентичны с жестами хорватского варианта (палец в небо, палец в землю, один палец, два пальца), далее небольшие отличия (Якеш кладет палец на землю, а Мартин обе руки), однако толкования даются другие:

Якеш поднимает один палец вверх = один Бог на небе, ложное толкование = повешу тебя на виселице;

Мартин показывает пальцем в землю = упаду вниз, ложное толкование = и тот же Бог на земле;

Якеш выставляет палец перед грудью = один человек был на земле, ложное толкование = угроза выколоть глаз;

Мартин показывает два пальца = выколю оба глаза, ложное толкование = два человека;

Якеш положил палец на землю = Бог строгий, ложное толкование = повалю тебя на землю;

Мартин кладет на землю обе руки = изобью, ложное толкование = он карает.

Чешский рассказ имеет черты, общие с другими типами этого сюжета. Так, отсутствие религиозных и этнических различий между диспутантами сближает его с некоторыми вариантами типа E, а специфическое толкование «вздерну тебя на виселице» зафиксировано в исландском рассказе (тип Ad).

Тип –F

Участники: христианский священник, еврейский портной.

Причина: угроза изгнать иудеев из города.

Прения: I.1 Священник поднимает три пальца = три ипостаси, ложное толкование = ?

I.2 Портной показывает один палец = ?, ложное толкование = по Торе есть только один Бог.

II.1 Священник поднимает один палец = один человек, ложное толкование = ?

II.2 Портной показывает два пальца = ?, ложное толкование = из двух элементов – души и тела.

III.1 Священник высыпает перловку в миску с водой = Бог рассеял иудеев по всему миру, ложное толкование = ?

III.2 Портной собирает ее и завязывает в платок = жена приготовит кашу; ложное толкование = Бог соберет их воедино по пришествии мессии и введет в родную землю.

Результат: поражение христианина, иудеи остаются в городе.

Свидетельства: Anderson 1920–22: 62–65; Loewe 1918.

Тип F имеет также зеркальный вариант –F, в котором функциями меняются участники диспута. В роли мудреца выступает христианин (чаще всего, духовное лицо), а в роли глупца – иудей, который побеждает христианина и спасает соплеменников от изгнания. Этот вариант засвидетельствован в фольклорных записях конца XIX – начала XX в. в Восточной Германии, Польше, Белоруссии и Литве.

В варианте Андерсона присутствует дополнительный вопрос. Портной спрашивает, что значит eini jedeia («не знаю»). Священник отвечает по-польски Nie wiem. Что касается толкований жестов, то осмысленные толкования дает только священник. Портной не понимает, что происходит и почему священник показывает что-то пальцами; его ответы случайны. В варианте Loewe интерпретации иудея укладываются в известную схему физических контактов («Бродяга: он хотел меня схватить, я его ударить, он хотел меня уколоть, а я его поколотить, он хотел меня почесать, а я дать ему оплеуху».)

Восточные параллели

Выше уже указывалось, что рассказы о прении знаками и близкие к ним сюжеты о разгадке загадок, загадываемых жестами, широко распространены на Востоке. Здесь мы будем рассматривать только те сюжеты, содержащиеся в восточной передаче, которые формально соответствуют западному типу сюжетов, то есть включают два ряда интерпретаций жестов, один из которых связан с учеными толкованиями, а другой – с темой физического насилия.

Келер, первым подробно разобравший этот сюжет на широком материале, склонялся к гипотезе о восточном его происхождении, однако большинство собранных им примеров имеют лишь самое общее сходство с рассматриваемыми западными типами, сводясь главным образом к толкованиям загадок, задаваемых жестами. Вместе с тем, он указал на одну восточную параллель, имеющую непосредственное отношение к западным вариантам (Köhler/Bolte 1900: 485–486).

В турецком сборнике рассказов «Сорок визирей», написанном для султана Мурада II (ум. 1451), содержится новелла с вставным рассказом о споре христианского монаха и мусульманского ученого (Behrnhauer 1851: 111–113). Один царь решил взимать с неверных поземельный налог, но они прислали монаха сказать, что выполнят это требование, если он ответит на два вопроса. Царь согласился и созвал своих ученых. Отвечать вызвался посвященный в тайные науки ученый по имени Абдаль.

I.1 Монах растопырил пять пальцев на руке, показал открытую ладонь, а затем снова опустил пять пальцев = даны ли вам пять урочных молитв от Бога? ложное толкование = хочет меня ударить.

I.2 Абдаль показывает кулак = ударю тебя по шее, ложное толкование = да, от Бога.

II.1 Монах опустил пять пальцев = почему идет дождь? ложное толкование = угроза схватить за шею.

II.2. Абдаль раскрыл кулак, вытянул пальцы и указал ими вверх = схвачу тебя за горло, ложное толкование = чтобы произрастали травы и деревья.

Увидев это, монах отдал деньги и вышел.

«Сорок визирей» имеют рамочную конструкцию, сходную с «Семью римскими мудрецами» (см. выше) и восходящую к «Книге Синдибада». Сам рассказ в свою очередь включен в одну из новелл в качестве иллюстрации (exemplum), образцового сюжета о непонимании, призванного объяснить свойственную юности склонность буквального толкования, и тем самым по функции сближается с многочисленными западными вариантами, в которых этот сюжет выполняет роль exemplum'а.

В любом случае, его соотношение с западными версиями остается под вопросом, поскольку, как отметил еще Келер (Köhler/Bolte 1900: 488–489, ср. Grubmüller 1996: 1343), о восточном происхождении сюжета на основании этой параллели нельзя делать выводов уже по той причине, что она датируется

гораздо более поздним временем, чем первые фиксации сходного рассказа на Западе.

Другая параллель была отмечена Больте (Pauli/Bolte 1924: 265). В сборнике анекдотов, кратких рассказов и историй Ибн Асима аль-Гарнати (1359–1426), законоведа из Гранады, посвященном эмиру Юсуфу II (1391–1392), есть и история о прении жестами.

Один мусульманский владыка получил известие, что некий ромейский (христианский) царь задумал на него напасть, чтобы захватить часть земель. Он собрал советников и вельмож, и все посоветовали ему отправить своего лучшего служителя или лучшего воина, чтобы просить мира. И только один дал совет отправить человека нерассудительного, без достоинств и красноречия с тем, чтобы посланник обязательно вернулся, выполнив поручение (а не перебежал к врагу?).

I.1 Царь показал пальцем в небо = Бог на небе, ложное толкование = я подниму тебя кончиком пальца.

I.2 Посол показал пальцем в небо и на землю = я тебя так же подниму и брошу на землю, ложное толкование = Бог и на небе, и на земле.

II.1 Царь показал один палец = один прародитель Адам, ложное толкование = выколю тебе глаз.

II.2 Посол показал два пальца = выколю оба глаза, ложное толкование = Адам и Ева.

III.1 Царь показал оливку = смотри, какая странная природа у этого плода, ложное толкование = мне нечего тебе дать, кроме оливки, которая осталась от обеда.

III.2 Посол показал яйцо = мне лучше, чем тебе, потому что у меня осталось яйцо, ложное толкование = природа яйца еще страннее, ибо из этого вылупляется животное.

Царь остался доволен и приказал принять его с почестями. Позже его поручение было рассмотрено, и мир не был нарушен.

Этот источник, созданный на территории современной Испании, был недавно рассмотрен в связи с «El libre de buen amor» Хуана Руиса (вариант Ab), см. Lacarra 2000: 1048–1049, Bernabé Pons 2002 (без упоминания Lacarra). Эта географическая близость привела Бернабе Понса к предположению, согласно которому сюжет имеет арабское происхождение. Автор исходит из того, что полисемичное обозначение христианина «рум» могло быть переведено по схожести звучания с кастильским roman как «римлянин» (ibid., 229–230) и в каком-то виде была известна Хуану Руису. Эта гипотеза требует слишком много непро-

веряемых допущений; в конечном итоге исследователю приходится допустить, что эта арабская история была распространена в Европе еще до Аккурсия, причем из нее исчез противник-мусульманин, а сама она была перенесена на обретение римлянами законов (ibid., 240). Кроме того, следует принимать во внимание позднюю фиксацию арабского рассказа (более ста лет после Аккурсия), а также учитывать другие восточные параллели, не упомянутые Бернабе Понсом. Интересно также, что зачин близок к зачину типа B, в котором карфагеняне отправляют к римлянам посла, чтобы предотвратить войну.

Третью параллель из устной арабской традиции, зафиксированную в антологии Амины Шах «Arabian Fairy Tales», отметила Маргарет Паркер (Parker 1994).

Ученый персидский визирь отправляется в Египет, чтобы диспутировать с придворными мудрецами. Прибывает визирь и, ничего не говоря, показывает жест. Мудрецы не могут отгадать и просят отсрочки в шесть дней. На городской площади сидел некий Абдаллах, который торговал морковью и яйцами. Его богато одели и привели ко двору. Перс показал ему один палец, подняв руку вверх и показав на курицу, Абдаллах показал два пальца, опустив руку к земле и показал яйцо, которое принес с собой. Перс объявил, что тот ответил на его вопрос и достоин быть его учителем. Царь одарил всех, затем два разных толкования.

Эту устную арабскую версию Паркер считает ближайшей параллелью к истории Хуана Руиса, как по изложению, так и по элементам, отсутствующим у Аккурсия и в Тимее. Исследовательница отмечает, правда, что этот рассказ из устной ближневосточной традиции, а также «не нашла других арабских аналогий или свидетельств хождения этой арабской версии в Испании, а потому не может утверждать, что поэт был с ней знаком». Вряд ли можно надежно сопоставлять фольклорный вариант, записанный сравнительно недавно, с рассказом Хуана Руиса.

Наконец, следующая параллель в сопоставлении с западными типами сюжета была отмечена лишь недавно в статье «Enzyklopädie des Märchens» (Chesnutt/Kawan 2014). Она содержится в сборнике арабских рассказов, известном по единственной рукописи начала XIV в., написанной в Сирии или Египте. Рукопись хранится в библиотеке Св. Софии в Стамбуле. Один из рассказов повествует о ткаче Абу Дисе по прозвищу воробей

(Усфур) (Wehr 1959: 155–194) и представляет собой вариант «Доктора-всезнайки».

Желая лучшей жизни и по наущению жены, Усфур выдает себя за астролога и успешно справляется с несколькими заданиями, предсказывая рождение султанских внуков, раскрывая кражу из султанской казны, найдя пропавшее кольцо султана и победив прочих султанских астрологов в следующем испытании:

В саду султан поймал воробья и кузнечика. Затем он призвал астрологов и Усфура, чтобы они угадали, что он держит в руках. Астрологи не смогли угадать, а Усфур пока размышлял о своей несчастной судьбе. Когда очередь дошла до него, он сказал: Если бы не кузнечик (Джарада – так звали его жену), воробей (Усфур) не попал бы в руки султана. Восхищенный султан выпустил из рук кузнечика и воробья, и все пришли в изумление.

Прение жестами происходит, когда к султану приезжает астролог византийского царя.

I.1 Византиец встряхивает руками и кладет их на землю = вопрос: кто простер плоскую землю? Ложное толкование = угроза разложить меня на земле как на погребальных носилках.

I.2 Усфур протягивает обе руки, трясет ими и поднимает вверх = подниму тебя вверх и брошу оземь, ложное толкование = тот же, кто вознес небеса.

II.1 Византиец показывает один палец = Бог создал Адама, ложное толкование = угроза выколоть один глаз.

II.2 Усфур показывает два пальца = угроза выколоть оба глаза, ложное толкование = Адама и Еву.

III.1 Византиец вытаскивает из сумки яйцо = Бог создал это яйцо между калом и кровью, ложное толкование = он ест яйца.

III.2 Усфур достает кусок сыра = я ем сыр, ложное толкование = сыр вышел оттуда же.

Византиец обратился в ислам, и султан богато одарил его и Усфура.

Заключение

Наибольшей стабильностью текст обладает в типе Aa, что легко объяснимо авторитетом исходного текста Аккурсия[17] и спецификой жанра юридического комментария. Одновременно

[17] Вряд ли когда-нибудь выяснится, каков был источник самого Аккурсия. Этот рассказ мог ходить в устной традиции, мог возникнуть из других форм, к которым близок – загадок или пословиц, а мог, например, действительно использоваться в качестве наглядного примера для разъяснения триединства.

тексту обеспечивалась непрерывная и хорошо прослеживаемая трансмиссия. Анекдотичность сюжета делает его прекрасным иллюстративным материалом. В XV в. он начинает активно использоваться в сборниках примеров для проповедей (exempla), а позже проникает в сборники фацеций, выполняя уже функцию развлекательного рассказа per se. При этом вариант Паули совпадает с вариантом exemplum'а у де Бусти, вместе с последним отклоняясь в одних и тех же деталях от исходного текста.

У Хуана Руиса (Ab) на передний план выходит, как представляется, иллюстративная функция, также сближающая рассказ в его передаче с жанром exempla. Тем не менее, ряд отличий говорит о том, что Хуан Руис позаимствовал текст не напрямую у Аккурсия, а из другого источника.

Текст «Пласид и Тимей» («Placides et Timeo») (Ac) по жанру примыкает к юридическим трактатам, так как рассказ о прениях включен в законоведческую часть этой эротапократической энциклопедии. Сходным образом в типе Aa у Гритча рассказ входит в состав exempla, но приводится при обсуждении законов.

Исландский вариант (Ad), несмотря на существенные отличия от основного типа Aa, имеет черты, сближающие его с отдельными текстами. Так, для Ad, де Бусти и Паули характерно использование сюжета в качестве примера к цитате из Притчей 17:28 «И глупец, когда молчит, может показаться мудрым, и затворяющий уста свои – благоразумным».

Тип B сближается с типом A не только сходным количеством и толкованиями жестов, но и отнесением действия к римской эпохе. Интересно его включение в состав новелл, объединенных рамочной конструкцией Семи мудрецов, как и в типе C, который трактует рассказ в рамках сюжетного комплекса Doktor Allwissend. Впрочем, тип C служит образцом для многих позднейших вариантов в том, что здесь принадлежность участников к разным народам уже не играет принципиальной роли: ученый может быть как иностранцем, так и соотечественником глупца (ср. различные варианты типа E), а также в том, что к жестам добавляются съестные предметы. При этом сами прения лишаются глобальной мотивировки (спасение от войны, получение законов) и превращаются просто в соревнования в мудрости.

В поздних вариантах типа E, фиксируемых с XVII в., появляется фигура кривого на один глаз глупца, служащая мотивировкой для ряда толкований. Для характеристики того, с какой легкостью видоизменяется сюжет, хорошим примером

служит тип Ec, где при сохранении места действия, структуры прений и мотивировки толкований глупца (кривость), соответствующих прочим вариантам типа E, замена ученого на индийского принца-мусульманина выводит на передний план различие религий, как в типе F, для которого эта составляющая является особенно важной. Здесь спор ведется всегда между иудеем (мудрецом в типе F и глупцом в типе –F) и христианином, а главная причина часто заключается в споре, приводящем к изгнанию иудеев из города.

Сопоставление с параллелями из восточных традиций не может дать ответа на вопрос о конечном источнике сюжета уже потому, что в применении к столь популярным и по своей развлекательной природе предназначенным к устному хождению сюжетам такие вопросы зачастую бессмысленны. Впрочем, то, что в данном случае все восточные параллели зафиксированы позже западноевропейских, также не является свидетельством ни за, ни против восточного происхождения сюжета. Мы можем отметить лишь ряд особенностей, сближающих те или иные тексты или типы. Вариант «Сорока визирей» включен в рамочную конструкцию, подобно типу B. С текстом B сближается и рассказ Ибн Асима: в обоих вариантах причина прений заключается в предотвращении войны. Новелла об Усфуре чрезвычайно напоминает тип C, вплоть до сопутствующих сюжетов и деталей, включая толкование имени главного героя, которое помогает ему пройти очередное испытание (Grillo и Usfur).

Параллельное бытование различных вариантов в одно время и в рамках одного культурно-языкового пространства хорошо засвидетельствовано итальянской традицией, где должны были параллельно передаваться как латинский вариант Aa, входивший в университетскую программу, так и собственно итальянские типы B и C, а также, например, немецкой традицией, где на рубеже XV–XVI вв. сосуществовали варианты Aa (Pauli), Ae (Hans Sachs) и Fa (Rosenplüt). При этом нужно, как всегда, учитывать не только не дошедшие до нас варианты, но и, поскольку мы имеем дело с сюжетом в авторской передаче, вопрос о том, насколько каждый автор адаптировал этот, известный ему из того или иного источника, сюжет к собственным целям и являются ли отличия от прочих вариантов в каждом отдельном случае свидетельством существования особого источника (или устной традиции?) или же авторскими изменениями.

Библиография

Источники

Accursius 1627 = *Corpvs ivris civilis Ivstinianei*, cvm commentariis Accvrsii, scholiis Contii, et D. Gothofredi lvcvbrationibvs ad Accvrsivm (…) Tomus hic primus digestum vetus continet. Lvgdvni, 1627.

Anderson, W. 1920/1922: Ēni jōdē'a. *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde* 30–32, 62–65.

von Arnim, L. Achim. 2008: *Texte der deutschen Tischgesellschaft*, hrsg. von S. Nienhaus. Tübingen (= Ludwig Achim von Arnim. *Werke und Briefwechsel*. Historisch-kritische Ausgabe, Bd. 11).

Behrnhauer, W. 1851: *Die vierzig Veziere oder weisen Meister. Ein altmorgenländischer Sittenroman*. Leipzig.

Béroalde de Verville, F. 1879: *Le moyen de parvenir: œuvre contenant La raison de tout ce qui a esté, est et sera*. Paris.

Budé 1551 = *Annotationes Gvlielmi Bvdaei Parisiensis, secretarii regii,* in xxiiii. Pandectarvm libros, ad Ioannem Deganaium Franciae Cancellarium. Lugduni.

de Bustis 1498 = *Rosarium sermonum predicabilium*, ad faciliorem predicantium co[m]moditatem nouissime co[m]pilatum (…). Pars 2, Secunda pars rosarii de Bustis. Uenetijs.

Caland, W. 1914: Der Schwank vom Zeichendisput in Litauen und Holland. *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde* 24, 88–90.

Colson, O. 1894 : La discussion mimée. In : *Wallonia: Recueil de littérature orale, croyances et usages traditionnels* 2, 81–83.

Columbus, Samuel. 1935 *Mål-roo eller roo-mål*. ed. Bengt Hesselman. Uppsala (= Nordiska texter och undersökningar 6).

Forcatulus 1550 = *Penvs ivris civilis, sive de alimentis tractatvs*. Item Auiarium iuris Ciuilis. Ad haec, Ardua sapientis cuiusdam Graeci cum stulto Romano disputatio nutu habita. Stephano Forcatvlo Bliterensi ivriscons. avtore. Lugduni.

Gaál, K. 1983: *Erzählgut der Kroaten aus Stinatz im südlichen Burgenland kroatisch und deutsch*. Wien.

Gering, H. 1882/1883: *Islendzk Æventyri. Isländische Legenden, Novellen und Märchen*. I. Bd. Text. II. Bd. Anmerkungen und Glossar mit Beiträgen von Reinhold Köhler. Halle.

Gheyloven 2013 = Weiler, A.G. (ed.). *Arnoldi Gheyloven Roterodami Exempla e tribus versionibus eius libri Gnotosilotos extracta*. Nijmegen.

Gritsch 1495 = *Quadragesimale Gritsch vna cum registro sermonum de tempore et de sanctis per circulum anni*. Lugduni.

Grubmüller 1996 = *Novellistik des Mittelalters. Märendichtung*, hrsg., übers. und komm. von Klaus Grubmüller. Frankfurt a.M., 1996 (Bibliothek des Mittelalters 23).

Hroch, M. 1912: Dvojitý výklad učené hádky posunkovou řečí. *Český lid* 22, 251–252.

Juan Ruiz, archipresbyter from Hita. 1991: *A book of divine love*. M.A. Donskoy, Z.I. Plavskin (eds.). Leningrag.

Хуан Руис, архипресвитер из Иты. 1991: *Книга благой любви*. Изд. подготовили М.А. Донской, З.И. Плавскин. Л., 1991.
Keller, A. 1853: *Fastnachtspiele aus dem fünfzehnten Jahrhundert*. Teil III. Stuttgart, 1853.
Loewe, H. 1918: Der Schwank vom Zeichendisput. *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde* 28, 126–129.
Maranta 1557 = Rob, D. *Marantae venvsii ivreconsvlti clarissimi tractatus de ordine ivdiciorvm, uulgo Speculum aureum et Lumen aduocatorum* (…). Lugduni.
Napier, J. 1880: Notes: The Miller at the Professor's Examination. *The Folk-Lore Record* 3, No. 1, 127–129.
de Nebrija 1994 = Perona Sánchez, J. Las Obseruationes in libros Iuris Ciuilis de A. de Nebrija. In: *Antonio de Nebrija: Edad Media y Renacimiento*, ed. Carmen Codoñer, Juan Antonio González Iglesias. Salamanca, (Acta Salmanticensia, Estudios Filológicos 257). P. 151–159.
Odofredus 1550 = *Domini Odofredi in iure absolutissimi matura, diligentissimeque repetita interpretatio*, in vndecim primos pandectarum libros (…). Lvgdvni, 1550. (= Odofredvs Lectvra svper digesto veteri I. Bologna (= Opera ivridica rariora 2).
d'Ouville 1651 = *Les contes avx hevres perdves dv Sr d'Ovville*, ov le recveil de tous les bons mots, reparties, equiuoques, brocards, simplicitez, naifuetcz, gasconades, et autres contes facecieux, non encores imprimez. Paris.
Pauli/Bolte 1924 = Johannes Pauli *Schimpf und Ernst*, hrsg. von Johannes Bolte. 2 Teile. Berlin.
Pauli/Österley 1866 = *Schimpf und Ern*st von Johannes Pauli, hrsg. von Hermann Österley. Stuttgart (= Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart 85).
Placides et Timéo 1980 = *Placides et Timéo ou Li secrés as philosophes*, ed. Claude Alexandre Thomasset. Genève: Paris.
Rajna 1880 = *Storia di Stefano figliuolo d'un imperatore di Roma*. Versione in ottava rima del Libro dei Sette Savi, ed. Pio Rajna. Bologna.
Robertson 1840 = [Robertson, J.] *Deliciae Literariae*: A New Volume of Table-Talk. London.
Ruiz 1978 = *Libro de buen Amor* by Juan Ruiz, Arcipreste de Hita, ed. by G. B. Gybbon-Monypenny. Madrid.
Sachs 1903 = *Sämtliche Fabeln und Schwänke* von Hans Sachs, hrsg. von Edmund Goetze und Carl Drescher. Bd. 4. Halle.
Scala coeli 1991 = *La Scala coeli* de Jean Gobi, ed. Marie-Anne Polo de Beaulieu. Paris.
Sercambi 1889 = *Novelle inedite* di Giovanni Sercambi tratte dal codice Trivulziano CXCIII, ed. Rodolfo Renier. Torino (= Biblioteca di testi inediti o rari 4).
Simplicissimus 1682 = *Deß Frantzösischen Kriegs-Simplicissimi, Hochverwunderlicher Lebens-Lauff* (…) Freyburg.
Taylor, I. 1786: *Elements of the civil law*. London.
Wright, Th. 1879: The Miller at the Professor's Examination. *The Folk-Lore Record* 2, 173–176.

Wehr 1959 = *Wunderbare Erlebnisse, seltsame Begebnisse*. Arabische Erzählungen, übersetzt von Hans Wehr. Hattingen.

Литература

Barletta, V. 2012: The Greeks and the Romans: Language and the Pragmatics of Performance in the Libro del buen amor. *Hispanic Review* 80 (3), 349–370.

Bartolucci, L. 2003: Ancora sul "Libro dei Sette Savi di Roma": "Erasto manoscritto". In: *Medioevo romanzo e orientale*. Macrotesti fra Oriente e Occidente: IV colloquio internazionale, Vico Equense, 26–29 ottobre 2000: atti. Soveria Mannelli, 325–340.

Bernabé Pons, L. F. 2002: 'El signo islámico de la profesión de fe: la 'Disputa entre griegos y romanos' en el Libro de buen amor. In: Mejías-López, W. (ed.). *Morada en la palabra*: homenaje a Luce y Mercedes López Baralt, San Juan, 219–41.

Bremmer, J., Roodenburg, H. (eds). 1991: *A Cultural History of Gesture: From Antiquity to the Present Day*. Oxford.

Burrow, J.A. 2002: *Gestures and Looks in Medieval Narrative*. Cambridge (= Cambridge Studies in Medieval Literature 48).

Chesnutt, M., Kawan, Ch. Sh. 2014: Zeichendisput. *Enzyklopädie des Märchens* 14. Berlin, Boston. Col. 1229–1237.

Classen, A. 2003: Die deutsche Predigtliteratur des Spätmittelalters und der Frühneuzeit im Kontext der europäischen Erzähltradition: Johannes Paulis Schimpf und Ernst (1521) als Rezeptionsmedium. *Fabula* 44, 209–236.

Cross, T.P. 1952: *Motif-Index of Early Irish Literature*. Bloomington, (= Indiana University Publications, Folklore Series 7).

Deyermond, A.D. 1970: Some aspects of parody in the 'Libro de buen amor'. In: G.B. Gybbon-Monypenny (ed.). *'Libro de buen amor' studies*. London, 53–79.

Dömötör, Á. 1981: Doktor Allwissend. *Enzyklopädie des Märchens* 3. Col. 734–742.

Fischer, H. 1983: *Studien zur deutschen Märendichtung*, 2. Auflage besorgt von Johannes Janota. Tübingen.

Giles, P. 1913/1914: A Far-travelled Story. *The Aberdeen University Review* 1, 259–264.

Glier, I. 1987: Hans Rosenplüt als Märendichter. In: *Kleinere Erzählformen im Mittelalter*. Paderborner Colloquium 1987. München, 137–149.

Hertel, J. 1914: Zum Schwank vom Zeichendisput. *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde* 24, 317–318.

Köhler, R. 1859: Rosenblüts Disputaz eines Freiheits mit einem Juden. *Germania* 4, 482–493.

Köhler/Bolte 1900 = *Kleinere Schriften von Reinhold Köhler*. Bd. II. Zur erzählenden Dichtung des Mittelalters, hrsg. von Johannes Bolte. Berlin.

Lacarra, M. J. 2000: Tipos y motivos folclóricos en la literatura medieval española: "La disputa de los griegos y los romanos" entre la tradición oral y la escrita. In : *Actas del VIII Congreso Internacional de la Asociación Hispánica de Literatura Medieval*. Santander, 22–26 de septiembre de 1999. Santander, 1039–1050.

Lacarra, M. J. 2004 : Ruiz, Juan. *Enzyklopädie des Märchens* 11. Col. 883–886.
Lecoy, F. 1938: *Recherches sur le Libro de buen amor de Juan Ruiz*. Paris.
Liebrecht F. 1860: Rosenblüts Disputatz eines Freiheits mit einem Juden. *Germania* 5, 487.
De Looze, L. 1998: To Understand Perfectly Is to Misunderstand Completely: "The Debate in Signs" in France, Iceland, Italy and Spain. *Comparative Literature* 50(2), 1998, 136–154.
Liungman, W. 1961: *Die schwedischen Volksmärchen: Herkunft und Geschichte*. Berlin (= Veröffentlichungen des Instituts für deutsche Volkskunde, 20).
Lundt, B. 2007: Sieben weise Meister. *Enzyklopädie des Märchens* 12. Col. 654–660.
Maragno, G. 2010: Pomponio, l'ambasceria in Grecia e la glossa di Accursio tra historia e fabula, Conversazioni „ala mutescha" nella tradizione medievale. *Annali dell'Università di Ferrara, Nuova Serie, Sezione V, Scienze Giuridiche* 24, 177–209.
Maragno, G. 2015: Wie der weise Accursius für einen Narren gehalten wurde: Die Geschichte eines missverstandenen Scherzes. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Romanistische Abteilung* 132, 499–510.
Michael, I. 1970: The function of the popular tale in the 'Libro de buen amor'. In: Gybbon-Monypenny, G.B. (ed.). *'Libro de buen amor' studies*. London, 177–219.
Parker, A.A. 1976: The Parable of the Greeks and Romans in the Libro de Buen Amor. In: Deyermond A.D. (ed.). *Medieval Hispanic Studies presented to Rita Hamilton*. London, 139–147 (= Colección Támesis, Serie A 42).
Parker, M. 1994: Another analogue, another reading. Libro de buen amor 44–63: Greeks and Romans. *La Corónica* 23, 35–45.
Plattard, J. 1910: *L'invention et la composition dans l'œuvre de Rabelais*. Paris.
Polo de Beaulieu, M.-A. 1993: Johannes Gobi Junior. *Enzyklopädie des Märchens* 7. Col. 596–601.
Puyol y Alonso, J. 1906: *El arcipreste de Hita: estudio critico*. Madrid.
Rajna, P. 1881: Una versione in ottava rima del Libro dei Sette Savi. *Romania* 10, 1–35.
Reichel, J. 1985: *Der Spruchdichter Hans Rosenplüt: Literatur und Leben im spätmittelalterlichen Nürnberg*. Stuttgart.
Roloff, V. 1974: Zeichensprache und Schweigen: Zu Rabelais, Pantagruel XVIII–XX und Tiers Livre XIX–XX. *Zeitschrift für romanische Philologie* 90, 99–140.
Rotunda, D.P. 1942: *Motif-index of Italian novella in prose*. Bloomington.
Thomasset, C. 1982: *Une vision du monde à la fin du XIIIe siècle*. Commentaire du dialogue de Placides et Timéo. Genève, 1982 (= Publications romanes et françaises 161).
Thompson, S. 1955: *Motif-Index of Folk Literature*. Rev. ed. Bloomington.
Toldo, P. 1903: La fumée du roti et la divination des signes. *Revue des études rabelaisiennes* 1, 13–28.

Toldo, P. 1904: Encore la divination des signes. *Revue des études rabelaisiennes* 2, 40–43.
Traninger, A. 2012: Embodying Hermeneutics: Rabelais and the Pythagorean symbola. In: *The Authority of the Word: Reflecting on Image and Text in Northern Europe, 1400–1800*, hg. von Celeste Brusati, Karl A.E. Enenkel und Walter S. Melion. Leiden, 101–121.
Tubach, F.C. 1969: I*ndex exemplorum: A Handbook of Medieval Religious Tales*. Helsinki (= FF Communications 204).
Whitaker, K.F.K. 1964/1965: A Cantonese version of a mock disputation. *Asia Major*. New Series 11, 233–239.
Wolodkiewicz, W. 1995: Les remarques d'Accurse sur les origines grecques de la Loi des XII Tables. In: *Collatio iuris romani: Etudes dédiées à Hans Ankum à l'occasion de son 65e anniversaire*. Amsterdam, 643–646 (= Studia amstelodamensia ad epigraphicam, ius antiquum et papyrologicam pertinentia 35A-B).

S. V. Ivanov. "The Debate in Signs" in European literature and folklore

The paper considers various versions of the story of dispute in signs and offers a classification aimed at an analysis in the field of comparative literature, especially for such purposes as studies in text transmission and text borrowing in well established genres.

Keywords: comparative literature, "debate in signs", religious dispute, juridical texts, exempla, Schwank.

А. И. Илиади

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКЕ СЛОВАКИИ: НЕСКОЛЬКО САРМАТСКИХ ГИДРОНИМОВ

Статья посвящена этимологическому анализу группы топонимов, обозначавших различные географические объекты на территории исторической Словакии. Структура этих слов не поддается объяснению в рамках славянского или венгерского вокабуляра, напротив находя соответствия в рамках иранского словаря, что дает основания считать их следами сармато-аланского присутствия в ареале архаичной славянской (словацкой) топонимии. Полученные предварительные результаты позволяют реконструировать ряд сармато-аланских терминов топографической номенклатуры.

Ключевые слова: этимология, форма, семантика, реконструкция, гидроним, иранская лексика, сарматы.

1. Словацкое водное название *Metrbos*, зафиксированное в гидронимии бассейна Нитры, в специальном исследовании Ю. Гладкого признается этимологически неясным (Hladký 2004: 134), более поздняя попытка интерпретации гидронима также закончилась выделением в нем неясной основы **Metrb-* (метатеза псл. **mьrtva* (?)) с венгерским суфф. *-os* (Шапошников 2010: 255). По поводу последней версии отметим, что метатеза в венгерском – это способ устранения несвойственных его фонетике звукокомплексов, которые встречаются в заимствованиях (ср. *kulcs* ~ рус. *ключ*, *szerda* ~ рус. *среда* (Майтинская 1976: 410)), а потому перестановка *mrtv-* (слвц. рефлекс **mьrtv-*) > венг. *metrb-* лишена смысла, т. к. она бы просто заменила одно чуждое венгерской речи сочетание звуков другим. Потому предположение о венгерской адаптации слав. **mьrtva* выглядит сомнительным.

Отдавая должное степени сложности анализа эндемических (а мы имеем дело именно с одним из таких) гидронимов, чья форма со временем по разным причинам часто претерпевала значительные изменения, сильно отдаляясь от исходной, мы все же не склонны относить слвц. *Metrbos* к разряду безнадежно «темных». Кажется допустимым видеть в *Metrbos* сармат. **Netr-fus* < иран. **naitra-paśu-*, первый компонент которого, вероятно, морфологически тождествен др.-инд. *netrá-* (**naitra-* – произв. с суфф. *-tr-* от *náyati* ‘вести’ ~ авест. *naye^{i}ti* ‘нести,

вести') 'провод, проход' (см. о нем в субстратной топонимии: (Трубачев 1999: 120)), а второй связан с иран. **paśu-* 'овца', ср. скиф./сармат. Φόσακος = осет. *fus* + суфф. *-ak* (Абаев 1979: 298). Общий характер семантики этого сложения «Овечий проход (брод?)», возможно, указывает на перенос названия на водоем с какого-то иного, смежного с ним географического объекта. Попутно заметим, что сарматские элементы могли попасть в древнюю гидронимию Словакии (и в частности – в бассейн Нитры) после появления тут в I в. н. э. сарматского племени языгов. Из них, наряду с другими представителями варварского мира, согласно политике Цезаря Друза, вполне вероятно, создавали «буферное» государство между провинциями Рима и беспокойными даками (см.: Щукин 1994: 222–224: с литературой).

Разумеется, предложенная этимология (как, впрочем, и любая другая) содержит процент условности, т. к. приходится мириться с неизбежностью искажений исконного облика слова в процессе его адаптации в иноязычной (славянской, венгерской) среде, допускать неоднократную перестройку его структуры на пути (иран. **naitra-paśu-* >) сарм. **Netr-fus* > др.-слвц. **Metrpus*, **Metrbus* (?)[1] > венг. *Metrbos*. И все это при отсутствии документированных вариантов гидронима, позволивших бы установить стадии его трансформации. Тем не менее, как нам кажется, удалось выделить те черты рассматриваемого слова, которые позволят пойти дальше в освещении его истории и определении круга родственных (арийских) образований.

Поиски возможных связей нашего слова получают неожиданную перспективу внутри круга индоарийских лексических реликтов, ср. географически наиболее приближенное к **naitra-paśu-* индоар. **netra-* (совр. слвц. *Nitra*, в бассейне которого локализуется *Metrbos*), **ǰiga-netra-* (совр. *Чигенитра-богаз* – топоним в Крыму) с первой частью, соотносительной с др.-инд. *jígāti*, *jigeti* 'идти', т. е. «пеший проход» (Трубачев 1999: 120). В свете сказанного позволительно сделать еще одно предположение – о возможной принадлежности *Metrbos* к следам Indo-

[1] Изменение анлаутного иран. **n-* > *m-* в славянском может быть связано как с фактором слав. диалектной фонетики (мена носовых, как в слвн. *navje* > *mavje* и под.; Trubachev, Zhuravlev 24, 1997: 50), так и с действием народной этимологии, выделившей **net-* и связавшей его со слав. **metъ*, ср., напр., такие его рефлексы, как серб., хорв. *mêt* 'место заброса сети на рыбной ловле', слвн. *met* 'пруд' и под. (Trubachev, Zhuravlev 18, 1991: 122).

arica. Тогда реконструируемое в новом ракурсе индоар. **netra-pasu-* (вероятно, позднее сарматизованное как **netr-fus*) становится еще одним звеном в цепочке индоар. **netra-* : **netra-pasu-* : **ǰiga-netra-* : др.-инд. *netrá-*.

2. Местное название, отмеченное в топонимиконе бассейна Нитры *Asswarra*, 1206 г., рассматривают как напоминающее прагерм. сложение **ass-* < **ans-* ‘этникон или разряд божеств, Ассы’ и **war-* ‘стража, охрана, караул’ или **wer* ‘муж, воин’ ~ *Uiduarii* – этноним. Не исключается и сарматское происхождение названия, которое в этом случае толкуют в связи с осет. *as* [*āš*] ‘величина, количество’, авест. *Vara* – сакральная обитель и скиф. **vara-* ‘город’ (Шапошников 2010: 245).

Обе версии опираются на поверхностное сходство топонима с приведенными герм. и иран. лексемами, общая идея сложения подобных компонентов оказывается неясной. Нам представляется, что *Asswarra* – неточная запись вместо **Afswara*, за которым стоит сарм. **āfš-xvar* ‘место водопоя’, ср. близкое по составу хор. *’b-xw’rc* ‘место питья, водопой’ – композита **āfš-* (< **āp-* ‘вода’) и рефлекса **x^{v}ar-* (приведены по: Расторгуева, Эдельман 1, 2000: 314).

3. Слвц. исторический топоним (бассейн Нитры) *Fius* (1075, 1156 гг.), *Fus* (1209 г.), *Fys* (1227, 1256 гг.), *Fyvs* (1231 г.), *Fis* (1237 г.), *Phys* (1255 г.), *Fyuz* (1299 г.), *Inferior Fyus*, *Toufyus* (1313, 1321, 1322 гг.), *Nagy-Fews* (1564 г.), *Fiss* (1773 г.), *Fiš* (1808 г.) при отсутствии убедительной венгерской этимологии ранее возводился к осет. *фос* ‘скот’, ‘имущество, добро, состояние’ или *фыс* ‘овца’ (Шапошников 2010: 250), с чем можно согласиться с некоторой оговоркой, что речь, видимо, идет о гидрообъекте – озере, судя по древней венгерской фиксации *Toufyus*, где начальное *tou-* = венг. *tó* [*tava*] ‘озеро’, а потому здесь вполне вероятна частичная калька *Toufyus* с **Fus-čāta* = *Овечье озеро*.

4. Слвц. *Hangon* – правый приток Сланой на венгерской территории (в Боршоде), *Hangony* – приток Сланой на территории Венгрии. Исторические формы: под 1230 г. – как *Hango*, 1286 г. – *Hangos*, у анонимного автора – *Hongvn* (Šmilauer 1932: 388: «этимология неясна»). Если за исторически наиболее авторитетные взять все-таки фиксации форм с конечным *-n/-ny*, в них можно усматривать искаженный вост.-иран. рефлекс праиран. **han-kana-* (произв. от **kan-* ‘копать, рыть’), ср., напр., осет. *ingæn* ‘могила’, авест. *hankana-* ‘подземелье’. Семантика реально засвидетельствованных лексем вряд ли подходит для

прояснения мотива номинации водоема, однако, учитывая многочисленные случаи образования слов со знач. ‘ров’, ‘канал’, ‘ручей’ и под. в гнезде иран. **kan-* : **čan-/*xan-* ‘копать, рыть’ (ср. согд. *prkn* ‘ров с водой’, бактр. kıvo ‘канава, канал’, ягн. *xan-ór̥a* ‘большой арык; ручей’ и др.; Расторгуева, Эдельман 4, 2011: 206), логично предположить близкие им значения у предполагаемого вост.-иран. топографического термина, отраженного в *Hangon*, *Hangony*. Славяне и мадьяры, видимо, усвоили среднеиранскую (более архаичную, чем, напр., осет. *ingæn*) форму **hankan* из речи местного аланского населения (короткую историко-археологическую сводку об аланах и сарматах на территории современных Словакии и Венгрии на протяжении I тыс. н. э. см., напр., в: Щукин 1994: 222–224; Кузнецов 1993: 88–92).

5. Слвц. местное название *Kohnad* (1329 г.), фигурирующее в топонимиконе р-на течения Нитры, в ономастической литературе недавнего времени справедливо признается неродственным слвц. имени собственному *Kochnáč*, с которым оно сопоставлялось ранее. Взамен предполагается двусоставность *Kohnad* как сложного имени: туранск. **kokh-* ‘гора, горный’ и **nadi-* ‘река’ (Шапошников 2010: 254).

Мысль об иранской этимологии в принципе приемлема с учетом вполне реальной возможности консервации в архаичной ономастике слабо засвидетельствованного иран. **nadi-* (ср. **nadī-* ‘река, поток’ в: Расторгуева, Эдельман 5, 2015: 417–418), след которого угадывается и в *Kohnad*. Однако независимо от того, имеем ли мы дело с венгерской или же славянской фонетической адаптацией предполагаемой иранской формы, графема *h* (славян. – фрикативный, венг. – гортанный звук) мало подходит для передачи *kh* в некой «туранской» форме. Потому при всей внешней привлекательности объяснения **kokh-* & **nadi-* предложенное толкование оказывается сомнительным, разве что предположить в *Kohnad* искажение формы типа **Kofnad* = сарм. **kof-nadi-* с первой частью, восходящей к иран. **kaufa-* ‘гора, холм’ («нетуранского» вида).

С другой стороны, не является ли *Kohnad* порчей **Kafnad*: сарм. **kaf-nadi-* ‘рыбная река’ (ср. алан. *kafa* ‘рыба’, осет. *kæf* ‘то же’)? Ср. такие типологически однородные слав. гидронимы, как слвц. *Rybnica* (Bezlaj II, 1961: 153–154: к псл. **ryba*), *Rebnyce*, 1337 г. («in fluvio *Rebnyceuizy*», «ubi fluvius *Rebnyce*»; Šmilauer 250: *Rebnyceuizy* – мадьяризация слав. названия при помощи венг. *viz* ‘вода’, ‘река’), которые часто представляют

собой свернутые сочетания типа пол. *Rybna Struga*, *Rybny Potok* и под. (NWP I, 2001: 240).

6. Слвц. *Gardubarto*, *Gardubartu*, *Karduberka*, *Chaduwocha* – название притока Малого Дуная с неясной этимологией, как отмечается в ономастической литературе (Šmilauer 1932: 296). Известный из старых источников, этот гидроним, судя по имеющимся вариантам, явно несет отпечаток сильного искажения. Не исключено, что за ними стоит скиф., сарм. **kard-porata* или **xard-porata* ‘мутная, грязная река’ с первой частью, соотносительной с хор. *xθrk-β’m* ‘серый, пепельного цвета’, пшт. *xəṛ* ‘бурый, серый’, ‘мутный’ и др. (к иран. **xard-* **kard-* ‘пачкать, мазать’, ‘грязь’; Расторгуева, Эдельман 4, 2011: 290), и второй – со скиф., сарм. *porata* ‘река’, осет. *ford* ‘большая река’ (Абаев 1979: 299). Характер второй части *-bart* в формах *Gardubarto*, *Gardubartu* указывает на возможность отражения в них фонетически более продвинутого варианта, стоящего ближе к указанному осет. *ford*.

7. Слвц. *Parkan* – приток Дуная (Šmilauer 1932: 541), название которого, вполне возможно, сохраняет среднеиранскую (алан.?) лексему **parkan*, подобную согд. *prkn* ‘ров с водой’, ср.-перс. *pargīn* ‘ров’, парф. *pārgēn* {*p’rgyn*} ‘яма, ров’ ~ авест. *para-kan-* ‘перекапывать, перерывать’ (Расторгуева, Эдельман 4, 2011: 205, 206). Ср. еще согд. *Barkanān* – название ворот < иран. **para-kana* ‘перекоп’ (Лурье 2004: 69).

8. Древнее слвц. местное название (р-н бассейна Нитры) *Poth* (1260, 1268 гг.), *Paach* (1396 г.), *Path* a. m. Kywrth (1464 г.), *Patince* (1956 г.) сопоставляют с кимр. *poeth* ‘горячий’, допуская, однако, возможность отражения в топониме слав. диал. варианта псл. **pǫtь* ‘путь’ (Шапошников 2010: 260). Однако исторические формы этого названия (в том числе и *Patince*, указывающая на его словообразовательное освоение в словацком) открывают путь иному объяснению – как скиф., сарм. **paθ-* ‘путь’ (~ др.-инд. *patha-* ‘дорога’, ‘тропа’). Подразумевается вариант, предшествовавший **fat-*, представленному в осет. *fætæg* ‘вождь’ (как ‘путеводитель’), ср. различные состояния скиф. **paθ-* в формах антропонима Παταικος, Φιατακος = осет. *fætæg* (Абаев I, 1958: 464). К примерам использования апеллативов со знач. ‘путь’ в иранской гидронимии ср. хрестоматийное Παντικάπης – название реки в Скифии = **panti-kapa* ‘рыбный путь’ (Абаев 1979: 297).

9. Слвц. *Tarkan* – приток Кралевского Хлумца в р-не Вигорлата (Šmilauer 1932: 544), видимо, продолжает сарм. сложение

**tār-kan* ‘темный источник, родник’ или ‘канал’, ср., с одной стороны, иные сармато-аланские гидронимы-композиты с иран. **kan-/*xan-*, локализуемые в словацком ареале, а с другой – осет. *tar* ‘мрачный’, ‘темный’, сак. *ttāra-* ‘темный’, перс. *tār* ‘темный’, ‘мрачный’ (Абаев III, 1978: 229–230).

10. Старый гидроним бассейна Нитры *Hasztergán* (1890 г.), *Hor. Hastrgán* (1930 г.), *Hor. Hastrgáň* (1958 г.) ранее объяснялся либо как тюркизм на *-ган*, либо как еще более древнее сарматское название. Отмечалось, что в субстратной гидронимии Северного Причерноморья исход *-гань* – это продолжение сарм.-алан. **khani-* ‘источник; кладезь; рудник’, хотя о прототипе **hast*[*e*]*r-* ничего определенного сказано не было (Шапошников 2010: 251).

Соглашаясь в принципе с тем, что это название можно толковать в рамках сарматского вокабуляра, заметим, что «прототип **hast*[*e*]*r-*» – это фантом реконструкции, полученный из-за некритической оценки графических вариантов гидронима. Видимо, мы имеем дело с сарм. **astur-xan* или **astur-kan*, в котором вторая часть действительно является одним из иран. названий источника, колодца, а первая тождественна скиф., сарм. **stur*, осет. *stur* ‘большой’ (см. о нем в скиф. и сарм. ономастике, напр.: Абаев 1979: 304). При этом препозитивное **stur-* имеет протетическое *a-*, которое, наряду с *u-*, появляется у *stur* в диалектах осетинского (ирон. *ыстыр* = *стыр*, дигор. *ustur-don* ‘большая река’), и древность форм с протезой косвенно подтверждается этимологией совр. *Днестр* < **Dan-æst(u)r* или **Dan-ust(u)r* ~ осет. *ustur-don* (Камболов 2006: 114). Итак, предполагаемая сарм. лексема **astur-xan*/**astur-kan* ‘большой колодец’/‘большой источник, родник’ коррелирует с осет. *ustur-don* ‘большая река’. Начальное *h-* в известных вариантах отражает славянскую протезу, которая указывает на изначально славянскую фонетическую адаптацию гидронима, несколько изменившую его облик.

В принципе, не исключено толкование *Hasztergán*, *Hastrgán*, *Hastrgáň* как искаженных в слав. речи (и в этом случае венг. фиксация *Hasztergán* также передает слав. произношение с диал. *h*-протезой) сарм. **ās-tarkān-*/**ās-tarxān-*, т. е. ‘ставка асского военачальника (тархана)’, ср. *ās-* ‘сарматское племя’, ‘асы’, ‘яссы’, ‘осетины’ & скиф. **tarxān-* ‘привилегированное лицо’, согд. *tryʾn*, *trχʾn* [*tarxān*] ‘титул’ (его носил князь Девештич); Абаев 1979: 281; Абаев III, 1978: 276–277; Дыбо 2007: 119). Правда, при таком объяснении приходится

допускать вторичность переноса названия на водный объект с какого-то иного.

11. Для старого местного названия *Wezeken* (1318 г.), *Vozokany* (1773 г.), *Vezekényi patak* (1898 г.), отмеченного в топонимии территории вдоль течения Нитры, Я. Станислав ранее предложил славянскую этимологию, поддержанную Р. Крачовичем. Недавняя попытка А. К. Шапошникова по-новому осмыслить структуру топонима ориентирует его на др.-инд. *vásu-khāni* ‘рудник с кладом, рудник богатства’ и название столицы митаннийских арийцев *Ua-šu-ka-ne* (XV–XIII вв. до н. э.!). Опираясь на очень скромный и формально неоднозначный материал, автор этой версии без необходимых в таких случаях пояснений делает громкий вывод: топоним – «наследие некой индоарийской этнической группы, вероятно, северопричерноморского происхождения» (Шапошников 2010: 264).

Однако несмотря на очевидную фантастичность подобного утверждения цельнолексемная неславянская этимология все же возможна. Имеется в виду отражение в *Wezeken*, *Vozokany* сармат. лексемы **vaza-xan*/**vaza-kan* с постпозитивным названием источника, родника, канала и препозитивным производным от иран. **u̯aź-* ‘двигаться, течь’, ср. к последнему авест. поздн. inf. *vazaiδyāi* ‘втекать, впадать в’ (Bartholomae 1904: 1389), а также осет. *awæzt* ‘запруда’, согд. *’’w’z’k*, *’’w’zh /āwǎž(e)/* ‘озеро’, бел. *gwaz* ‘арык’ и др. < иран. **ā-vaza-* (см.: Лурье 2004: 146). Название «втекающий источник», видимо, относилось к местности, где родник или канал впадали в один из притоков реки Нитры.

Возможно, такого же происхождения и венг. *Vozokany* – название притоков Златой Моравцы и Врабли в Погронье (Šmilauer 1932: 542).

Литература

Abaev, V. I. 1958–1989: *Istoriko-ètimologicheskiy slovar’ osetinskogo yazyka* [*Historic-Etymological Dictionary of Ossetian Language*]. *Moscow ; Leningrad.*
Абаев, В. И. 1958–1989: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. М. ; Л.

Abaev, V. I. 1979: Skifo-sarmatskie narechiya [Scythian-Sarmatian Dialects]. In: *Osnovy iranskogo yazykoznaniya*: *Drevneiranskie yazyki* [*The basics of iranian linguistics: Ancient Iranian Languages*]. Moscow.
Абаев, В. И. 1979: Скифо-сарматские наречия. В кн.: *Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки*. М., 272–364.

Bartholomae, Chr. 1904: *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg.
Bezlaj, F. 1961: *Slovenska vodna imena*. Ljubljana. D. II.
Dybo, A. V. 2007: *Lingvisticheskie kontakty rannikh tyurkov: leksicheskiy fond: pratyurkskiy period* [*Linguistic contacts of Ancient Turks: Proto-Turkic period*]. Moscow.
Дыбо, А. В. 2007: *Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период*. М.
Hladký, J. 2004: *Hydronymia povodia Nitry*. Trnava.
Kambolov, T. T. 2006: *Ocherk istorii osetinskogo yazyka* [*An Essay of Ossetian Language history*]. Vladikavkaz.
Камболов, Т. Т. 2006: *Очерк истории осетинского языка: Учеб. пособие для вузов*. Владикавказ.
Kuznetsov, V. A. 193: *Alano-osetinskie ètyudy* [*Alan-Ossetian Essays*]. Vladikavkaz.
Кузнецов, В. А. 1993: *Алано-осетинские этюды*. Владикавказ.
Lurye, P. B. 2004: *Istoriko-lingvisticheskiy analiz sogdiyskoy toponimii* [*A historical-linguistic analysis of Sogdian Toponymy*]. St.-Petersburg.
Лурье, П. Б. 2004: *Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии: Дисс. … канд. филол. наук*. СПб.
Maitinskaya, K. E. 1976: Vengerskiy yazyk [Hungarian Language]. In: *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya* (*mariyskiy, permskie i ugorskie yazyki*) [*The basics of Finno-Ugric linguistics* (*Mari, Permian and Ugric Languages*)]. *Moscow*, 342–414.
Майтинская, К. Е. 1976: Венгерский язык. В кн.: *Основы финно-угорского языкознания* (*марийский, пермские и угорские языки*). М., 342–414.
Rastorgueva, V. S., Èdel'man, D. I. 2000–2015: *Ètimologicheskiy slovar' iranskikh yazykov* [*Etymological Dictionary of the Iranian Languages*]. *Moscow*.
Расторгуева, В. С., Эдельман, Д. И. 2000–2015: *Этимологический словарь иранских языков*. М.
Shaposhnikov, A. K. 2010: Ètimologicheskie zametki na polyakh «Hydronymia povodia Nitry» [*Etymological essays on the margins of* «Hydronymia povodia Nitry»]. In: *Lexika slovenskej onymie : Zborník materiálov zo 17. slovenskej onomastickej konferencie* (*Trnava 12. – 14. 9. 2007*). Bratislava, 244–267.
Шапошников, А. К. 2010: Этимологические заметки на полях «Hydronymia povodia Nitry». In: *Lexika slovenskej onymie : Zborník materiálov zo 17. slovenskej onomastickej konferencie* (*Trnava 12. – 14. 9. 2007*). Bratislava, 244–267.
Shchukin, M. B. 1994: *Na rubezhe èr. Opyt istoriko-arkheologicheskoy rekonstruktsii politicheskikh sobytiy III v. do n. è – I v. n. è. v Vostochnoy i Tsentral'noy Evrope* [*On the frontier of eras. An experience of historic-archeological reconstruction of political events III cent. B.C. – I cent. B.C. in Eastern and Central Europe*]. St.-Petersburg.
Щукин, М. Б. 1994: *На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе*. СПб.
Šmilauer, Vl. 1932: *Vodopis starého Slovenska*. Praha ; Bratislava.

Szulowska, W., Wolnicz-Pawłowska, E. 2001: *Nazwy wód w Polsce*. Warszawa. Cz. I.

Trubachev, O. N., Zhuravlev, A. F. (eds) 1974–2013: *Ètimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [*An Etymological Dictionary of the Slavonic Languages: Proto-Slavonic lexical stratum*]. *Moscow*.

Трубачев, О. Н., Журавлев, А. Ф. (ред.) 1974–2013: *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. М.

Trubachev, O. N. 1999: *Indoarica v Severnom Prichernomor'e* [*Indoarica in the Northern Black Sea Region*]. *Moscow*.

Трубачев, О. Н. 1999: *Indoarica в Северном Причерноморье*. М.

A. I. Iliadi. On the Slovac historical onomastics: several Sarmatian hydronyms

The article deals with the etymological analysis of a toponymic grope, which denoted several geographical objects on the territory of historical Slovakia. The structure of these words can not be explained with the Slavonic or Hungarian vocabulary; on the opposite, it corresponds to some lexemes in the Iranian vocabulary. This fact and also the analysis of other etymological versions allow the researchers to suppose that these toponyms are presumably traces of the Sarmatian-Alan presence in the area of archaic Slavonic (Slovac) toponymy. Due to the preliminary results of etymological analysis and reconstruction it is arguable that some of the analyzed (presumably Sarmatian-Alan) lexemes were being used as geographical terms: **netr-fus* (< **naitra-paśu-*) 'sheep ford', **āfš-xvar* (~ khorezm. *'b-xw'rc*) 'watering place', **fus-čāta* 'sheep lake', **hankan*, **kaf-nadi-* 'river abounding with fish', **kard-porata* or **xard-porata* 'a dirty river', **parkan* (~ sogd. *prkn*, Middle Pers. *pargīn*), **paθ-* '(water)way', **tār-kan* 'a dark well', **astur-xan* or **astur-kan* (~ osset. digor. *ustur-don*) 'a big well', **vaza-xan* or **vaza-kan* 'a place of confluence the river and the irrigation ditch'. Perhaps the most ancient stratum of these toponyms goes back to the earliest AD. It is possible that **netr-fus* is just an Iranian (Sarmatian) adaptation of a more ancient Indo-Aryan geographical name.

Key words: etymology, form, semantics, reconstruction, hydronym, Iranian vocabulary, Sarmatians.

Е. В. Илюшечкина

METUS SEPTENTRIONALIS КАК ТОПОС В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕГО РИМА*

Речь в статье идет о литературном топосе *metus septentrionalis* («страх Севера/ перед Севером»), рассматриваемом в контексте политической ситуации, сложившейся в Римском государстве в эпоху перехода от республиканской формы правления к императорскому режиму. Основываясь на анализе историко-географических представлений римлян о северных территориях по ту сторону Альп от Италии, отраженных в произведениях Цезаря, Ливия и др., сделана попытка воссоздать «риторизованный» образ античного Севера и связанных с ним коннотаций, аллюзий, стереотипов, которые в разное время и различными слоями политической элиты использовались в качестве пропагандистского инструмента в период с I в. до н. э. по II в. н. э.

Ключевые слова: образ античного Севера, политическая риторика, Римская республика, эпоха принципата, metus septentrionalis («страх Севера/ перед Севером»).

Тема экзистенциальной опасности для Рима со стороны Севера была привнесена в современную научную дискуссию публикацией Г. Беллена[1]. В этой небольшой, но впоследствии часто цитировавшейся работе автор разбирает комплекс «страха» римлян перед галлами, впервые возникший во время нашествия кельтов на Рим в 387/390 гг. до н. э. и повлиявший в III–II вв. до н. э. на политическую практику Рима, прежде всего, во время Пунических войн. Беллен связывает этот комплекс с так называемой «теорией *metus hostilis* («страх перед внешним врагом»)» в античной историографии[2], и исследует феномен

* Работа выполнена в рамках коллективного проекта ШАГИ РАНХиГС «Интеллектуальные модели взаимодействия общества и власти в античной и раннесредневековой литературе» (руководитель д.ф.н. Н. П. Гринцер).

[1] Bellen 1985. См. также рец.: Chr. Gizewski // Historische Zeitschrift, 244/2 (1987), S. 393–396; P. Schrömbges // Bonner Jahrbücher, 187 (1987), S. 733–734.

[2] Согласно этой теории (упоминаемой уже у Фукидида, Полибия и Варрона, но, прежде всего, у Саллюстия в *Cat.* 10, 1 и *Iug.* 41, 2), возникший из-за внешней угрозы «страх» способствует мобилизации внутренних сил ради общегосударственных целей, а после одержанной над внешним врагом победы «страх» становится движущей

«страха» на конкретном материале религиозных практик в республиканском Риме.

Тему «страха» римлян перед галлами отчасти продолжает А. Кнеппе в своей монографии о политике и обществе периода ранней Римской империи[3]. На основе литературных, эпиграфических и нумизматических источников в книге прослеживается динамика «страха», его функции и стадии развития, а также его влияние на политические взаимоотношения между императором и его окружением в I–II вв. н. э.[4]. Так, несколько параграфов Кнеппе посвящает исследованию феномена *metus hostilis* и *metus gallicus*[5]: автор книги отмечает, что «страх» римлян перед рассеянными на огромном пространстве галлами и германцами представлял долговременную угрозу для Рима в отличие от их «страха» перед Карфагеном, который ассоциировался у римлян с определенным местом и, тем самым, был преодолен в результате одержанной Римом победы в Пунических войнах (S. 57).

Следует упомянуть также исследование К. Николе, в котором подробно анализируются способы восприятия римлянами географического пространства ранее известных и завоеванных ими территорий, а также приемы использования географических знаний и навыков в августовской пропаганде[6]. Николе касается вопросов военно-политической экспансии императорского Рима и проблем легитимизации римской власти на вновь захваченных территориях (прежде всего, основываясь на «Деяниях Августа», или *Res gestae*, а также на свидетельствах Плиния Старшего и Тацита о морских экспедициях римлян вдоль побережья Северного океана к устью Эльбы и п-ову Ютланд). Представляется важным, что Николе исследует совокупность географических представлений римлян об окружающем мире в

силой для достижения частных целей. Ср.: Heldmann 1993, особ. S. 9–11; Lefèvre 2004, S.11–20.

[3] Kneppe 1994.

[4] Ср. филологические работы по теме «страха»: Wolff-Rüdiger 1975 и Mastellone 1989.

[5] Kneppe 1994, 53–57: Kap. 2 „*rei publica pericula*. Typen von Angstursachen in der römischen Republik“, где обосновывается положение о том, что истоки феномена социально-политического «страха» времен Римской империи коренятся в исторической почве республиканского Рима.

[6] Nicolet 1988.

тесной связи с военно-политическими устремлениями администрации Римской империи[7].

С течением времени концепт *metus hostilis* (и схожие с ним инварианты *metus punicus* и *metus gallicus*) стали общим местом римской историографии и одним из важных элементов при интерпретации такого сложного исторического явления как кризис поздней Римской республики: в качестве пропагандистского лозунга *metus hostilis* служил в свое время единению и укреплению республиканского Рима, в то время, как ослабление значимости содержания этого лозунга хронологически совпало с эскалацией конфликтов внутри самого римского общества и, как результат, с возникновением гражданской войны, повлекшей кризис поздней Римской республики.

Тем не менее, несмотря на упомянутые выше концепции, до сих пор не предпринималась попытка исследовать образ Севера в античной нарративной традиции в свете римской политической риторики и на фоне военно-политических процессов, происходящих в Риме в конце I в. до н. э. – нач. II в. н. э. Представляется важным исследовать на материале сочинений Цицерона, Цезаря, Ливия, Страбона, Плиния Старшего, Тацита и др., каким образом функционировала топика «северных» образов, мотивов и *loci communes* в политических контекстах на рубеже эпох. Речь идет о новом концепте «страха Севера / перед Севером», т. е. о *metus septentrionalis* в качестве топоса в политическом контексте переходного периода от римской республики к принципату. Причем исследовать феномен *metus septentrionalis* я предполагаю в двух дополняющих его модификациях: с одной стороны, выявить стереотипы и мыслительные шаблоны в античной нарративной традиции, которые связаны с темой «Севера» и «страха перед Севером», с другой – представить возникшие под влиянием этих сложившихся форм и мотивов свидетельства легитимизации римской власти в отношении северных территорий и народов. В мою задачу не

[7] Несколько другое направление в раскрытии темы «Рим и Север» встречаем в работах, занимающихся вопросами противоборства между римлянами и германскими племенами. В связи с этим здесь следует обратить особое внимание на публикации Д. Тимпе (например, Timpe 1968; Timpe 1995; Timpe 2006) и А. А. Лунда (например, Lund 1990; Lund 1995, 4–20; Lund 1996, 12–23; Lund 1998; Lund 2001, 29–45). Эти работы содержат важные наблюдения и критические замечания по теме, однако, представляют собой отдельные исследования по определенным сюжетам.

входит изучение конкретных военных стратегий римлян в отношении северных народов или военных походов римлян в северные страны; цель моя – проанализировать те способы и механизмы, с помощью которых античные авторы создавали в своих произведениях риторические образы-картины подобных столкновений, испытывая при этом влияние современной им политической конъюнктуры.

В контексте нашествия кельтов (в IV в. до н. э.), кимвров и свевов (во II в. до н. э.), галльско-германских войн Цезаря (в сер. I в. до н. э.) и завоевания Октавианом Августом Германии в конце I в. до н. э. Рим сталкивался с феноменом «Север» и «северные народы». Первые столкновения римлян с нашествием народов с Севера произошли в 387 г. до н. э. (по свидетельству Варрона, в 390 г. до н. э.) на их собственной территории, в непосредственной близости от метрополии на Тибре, и поселили в Риме страх и ужас перед этим огромным и доселе незнакомым римлянам пространством, заселенным дикими варварами. Однако, литературные описания той исторической ситуации возникли лишь столетия спустя, и известны нам, прежде всего, благодаря Полибию и Ливию; особенно впечатляют риторические описания Ливия с характерной для них топикой и формулами. Можно предположить, что Ливий перенес мотив страха из прежних времен в его собственное время. Однако почему оба историка описывают историческую ситуацию таким образом? Следует ли усматривать здесь отголоски реального в прошлом страха, или же вымышленное и облеченное в риторическую форму повествование, под завесой которого скрыт правдивый рассказ о нашествии кельтов? Нуждался ли переходный период в героической легенде о римском национальном характере, способном в постоянной борьбе против экзистенциальной опасности обеспечить Риму мировое господство? Или же Ливий, ко времени жизни которого Галлия уже давно стала римской провинцией, осознанно прибегает к риторизации своего текста, чтобы с использованием риторической техники нагляднее изобразить «диких» и «брутальных» северных варваров в контексте идеологически и политически обусловленной ситуации его времени? Кто же тогда (все еще) испытывает этот страх перед Севером? И кто использует этот страх и стереотипы прошлого времени в политической практике современного Ливию Рима?

Примечательна подчеркнутая Ливием изначальная локализация галлов, напавших на Рим – «от Океана, от самого края

мира» (Liv. V 37, 1). Схожее описание местонахождения галлов находим в плутарховой биографии Камилла, где упоминается Гераклид Понтийский, младший современник исторических событий, который, вероятно, от себя писал о тех же галлах. Так, он сообщает, что «с запада докатилась молва, будто издалека, от гипербореев, пришло войско и захватило город Рим» (Plut. *Cam.* 22). Тем самым, внешние враги Рима соотносятся с традиционными мифологическими представлениями. Благодаря отсылкам к мифологии и красочным преувеличениям враги Рима наделяются почти сверхчеловеческими чертами: что это за удивительный народ, которой преодолел необозримые пространства, оставаясь полным сил и боевого духа?! Кажется, словно весь Север напал на Рим, словно весь природный мир Севера наступает на Рим. В этой связи возникает вопрос: насколько специфичен этот изначальный мотив страха римлян перед кельтами/галлами IV в. до н. э.? Существовало ли в реальности для римлян различие между кельтами, германцами и скифами, или же речь в нарративных источниках шла об общем для римлян страхе или риторическом «удивлении» перед Севером в целом.

Впервые галлов и германцев различает Цезарь и тем самым превосходит уровень сведений Посидония (который, по-видимому, их еще не отличал друг от друга). Однако, Цезарь проводит это различие не с этнографической, но с географической точки зрения: он отличает правобережных германцев и, тем самым, стремится обозначить для сенаторов в Риме проведение четкой границы провинции Галлии и одновременно продемонстрировать, что он, Цезарь, при желании сможет нарушить эту границу. Благодаря цезаревским *Commentarii de bello Gallico* мы получаем первые в латинской литературе аутентичные сведения о северных территориях. На примере текста Цезаря прослеживаются механизмы трансформации этногеографических сведений в политическую стратегию и идеологию: с одной стороны, Цезарь стремится оправдать перед сенатом собственные действия в Галлии, с другой – как раз в результате развязанной им войны зародились и сформировались представления римлян о политических отношениях с недавно захваченными северными территориями. Однако, вопрос, насколько Цезарь мог игнорировать элементы римского международного права в отношении «северных народов», остается открытым.

Одновременно возникает вопрос, спровоцировал ли Цезарь сам войну сначала с галлами, а затем с германцами? Вероятно, да. Судя по свидетельствам Цицерона, Саллюстия и, прежде всего, Полибия, согласно внешнеполитическим установкам конца Римской республики у Рима больше нет серьезных противников. Однако, чтобы придать легитимность своим действиям в Галлии, Цезарь обыгрывает внутриполитическую ситуации и события римского прошлого, используя мотив изначального страха римлян перед галлами (Caes. *BG* I 33, 3-4, ср. Tac. *Germ.* 37). В контексте впечатляющих ассоциаций с кимврами видно, что Цезарь словно примеряет на себя роль нового Мария, в то время как Цицерон, примерно в то же время в речи «О консульских провинциях», преуменьшает значимость Мария, возвеличивая Цезаря (Cic. *Prov. Con.* 32). Менее чем за одно десятилетие Цезарь завоевывает весь галльский регион вплоть до Рейна; кроме того, Цезарь открывает две до того практически неизвестные Риму территории – Британию и Германию. Благодаря этому Цезарь навсегда остается в римской историографии в качестве победителя северных варваров и даже более того: можно сказать, что он одержал победу над изначальным *metus gallicus*, а не только над галлами (ср. Cic. *Prov. Con.* 34). Иными словами, Цезарь словно задал политическую модель взаимоотношений с северными территориями, на которую вынуждены были равняться последующие правители Рима.

В начале императорского периода функции концепта *metus septentrionalis* в Риме претерпевают изменения. С одной стороны, можно говорить о трансформированной роли политики в римском обществе: гражданское самосознание замирает в период империи, власть концентрируется в руках принцепса, в обязанности которого, помимо всего, входит и решение вопросов, касающихся северных, недавно завоеванных территорий. С другой стороны, «страх римлян перед Севером» несколько редуцируется в связи с расширением границ империи и увеличением информации об отдаленных северных областях. Писатели обращаются не к сфере политического красноречия (что свойственно республиканскому периоду), а к тематике, связанной, в частности, с областью *mirabilia*, «удивительного» и «сверхъестественного». Исторически обусловленными клише о Севере античные авторы передают поражающие воображение явления северной природы и удивительный образ жизни северных народов.

Так, например, у Плиния Старшего наряду со списками городов Галлии, перечнями германских племен или масштабными расчетами Агриппы (среди прочего, и в отношении размеров Германии) сосуществуют упоминания мифических гипербореев, аримаспов или Рипейских гор, традиционно локализуемых на севере. Плиний отмечает, что «живущим дальше от [Средиземного] моря народам [...] присуще многое, что, я не сомневаюсь, другим покажется удивительным и невероятным» (*NH* VII 1, 6), и объясняет это «силой и величием природы» (*NH* VII 1, 7). Так, дикари далекой Скифии напоминают «проживающих по ту сторону Альп народы (т. е. галлов), у которых распространен обычай человеческих жертвоприношений» (*NH* VII 2, 9), однако, Плиний добавляет к описанию скифов жуткие подробности про обычай пить во время застолий из человеческих черепов и повязывать на грудь кожи с волосами, пользуясь ими как полотенцами (*NH* VII 2, 12) – в результате чего, соседствующие с римлянами галлы с их человеческими жертвоприношениями кажутся более безобидными. «Меньше всего животных порождает Скифия, поскольку в ней мало деревьев и кустарников; соседняя с ней Германия производит также немногочисленные породы [...]», однако, исключительно сильные и быстрые (*NH* VIII 15, 38). Как и Цезарь (*BG* VI 26–28), Плиний пишет о загадочном северном животном с несгибающимися ногами, которое спит прислонившись к дереву; по сравнении с информацией Цезаря, Плиний дополняет свое описание подробностями в парадоксографическом стиле (*NH* VIII 16, 39)[8].

Литература

Bellen, H. 1985: *Metus gallicus – metus punicus. Zum Furchtmotiv in der römischen Republik*. Akad. d. Wiss. u. d. Literatur, Mainz. – Stuttgart, Steiner-Verlag-Wiesbaden-GmbH.

Hardie, P.R. (ed.). 2009: *Paradox and the Marvellous in Augustan Literature and Culture*, Oxford.

Heldmann K. 1993: *Sallust über die römische Weltherrschaft. Ein Geschichtsmodell im* Catilina *und seine Tradition in der hellenistischen Historiographie*. Stuttgart: Teubner (Beiträge zur Altertumskunde; Bd. 34).

Kneppe, A. 1994: *Metus temporum: zur Bedeutung von Angst in Politik und Gesellschaft der römischen Kaiserzeit des 1. und 2. Jhdts. nach Chr*. Stuttgart: Steiner.

[8] Ср. Schepens and Delcroix 1996; Hardie 2009.

Lefèvre, E. 2004: Romidee und Romkritik bei Sallust und Vergil. *Latein und Griechisch in Baden-Württemberg*, 32, S.11–20.
Lund, A. A. 1990: *Zum Germanenbild der Römer. Eine Einführung in die antike Ethnographie.* Heidelberg: Winter.
Lund, A. A. 1995: Die Erfindung der Germanen. *Der Altsprachliche Unterricht*, 38/2, 4–20.
Lund, A. A. 1996: Caesar als Ethnograph. *Der Altsprachliche Unterricht*, 39/2, 12–23.
Lund, A. A. 1998: *Die ersten Germanen. Ethnizität und Ethnogenese.* Heidelberg: Winter.
Lund, A. A. 2001: Die Erfindung Germaniens und die Entdeckung Skandinaviens in Antike und Mittelalter. In: Annelore Engel-Braunschmidt, Gerhard Fouquet, Wiebke von Hinden, Inken Schmidt (Hrsgs.). *Ultima Thule. Bilder des Nordens von der Antike bis zur Gegenwart.* Frankfurt/Main: Lang, 29–45).
Mastellone I., E. 1989: *Paura e angostia in Tacito. Implicazioni ideologiche e politiche*. Napoli: Loffredo.
Nicolet Cl. 1988 : *L'inventaire du monde. Géographie et politique aux origines de l'Empire romain*. Paris: Fayard.
Timpe, D. 1968: *Der Triumph des Germanicus. Untersuchungen zu den Feldzügen der Jahre 14–16 n. Chr. in Germanien*. Bonn: Habelt.
Timpe, D. 1995: *Romano-germanica. Gesammelte Studien zur Germania des Tacitus.* Stuttgart: Teubner.
Timpe, D. 2006: *Römisch-germanische Begegnung in der späten Republik und frühen Kaiserzeit. Voraussetzungen, Konfrontationen, Wirkungen, gesammelte Studien*. München: Saur.
Schepens, G. & Delcroix, K. 1996: Ancient Paradoxography. Origin, Evolution, Production and Reception. In: *La letteratura di consumo nel mondo greco-latino*, edited by Oronzo Pecere and Antonio Stramaglia, 373–460. Cassino.
Wolff-Rüdiger, H. 1975: *Die Furcht als politisches Phänomen bei Tacitus*. Amsterdam: B. R. Grüner (Heuremata; Bd. 4).

E. V. Ilyushechkina. Metus septentrionalis as a topos in the political context of Ancient Rome

This paper is a part of my larger current project on the topos *metus septentrionalis* ("fear/ terror of the north"), which I intend to examine from diverse points of view in the context of the geo-political situation in ancient Rome during the transitional period from the Republic to the Empire. Starting from the analysis of Roman historic-geographical conceptions about the northern territories beyond the Alps I will reconstruct a cumulative image of the ancient North, which was used as an instrument of propaganda at different times and by diverse layers of the political elite from the 1st century BCE to the 2nd century CE. The first clash with these huge, wild and uncontrolled forces generated a decades-long fear in Rome of this unknown geo-ethnographic space (*metus septentrionalis*), which later took on a rhetorical shape and was differently used depending on the artistic talents of the ancient authors and on the political conjuncture of the moment – ranging from historically received clichés and stereotypical ideas to rhetorically formed "images" about the opposition "own/alien".

Rhetorical figures and literary stock phrases connected with the theme of the European North reflect in a certain degree changes within the social-political elite, and were used by Roman rulers as an instrument to legitimize their actions concerning the neighboring northern territories and tribes. The intention of my project is to analyze and to find argumentatively supported answers to the following questions: whether geographically connoted "northern" passages in ancient sources were used as an instrument of ideology, propaganda or the legitimization of power; to what extent these rhetorical passages were a response to actual political tendencies and momentary requirements of elite in certain periods in the history of Rome; and how much real influence did the literary stereotypes and clichés about the ancient North have on the relevant political discourses. In addition it is important to follow a gradual transformation of the topos *metus septentrionalis*, which served to consolidate the social-political layers of Roman society against the external enemy during the Republic, and which then developed a compensatory function as the Empire became stronger and enlarged its geographical control, reducing the matter to curiosities (*curiositas*) and descriptions of strange habits and tempers of the northern tribes as well as miraculous (*mirabilia*) characteristics of the northern nature.

Keywords: image of the ancient North, political rhetoric, Roman republic, Principate, metus septentrionalis.

M. N. Kazanskaya

PLATO, *RESP.* 331A: QUOTATION PLUS ALLUSION?

Статья посвящена пассажу из начала *Государства* Платона (330e–331a), в котором Кефал цитирует отрывок из утраченного стихотворения Пиндара (fr. 214 Maehler). На основании анализа прозаической парафразы пиндаровской мысли высказывается предположение, что под своеобразным синтаксисом фразы ἡδεῖα ἐλπὶς ἀεὶ πάρεστι καὶ ἀγαθὴ γηροτρόφος скрывается прежде не отмечавшаяся аллюзия на Гомера (*Od.* 9, 27).

Ключевые слова: Платон, Пиндар, гомеровская рецепция, архаическая лирическая поэзия, γηροτρόφος, κουροτρόφος.

Editors of Plato' *Republic*, as well as those among Pindar's editors who choose to print the verses recited by Cephalus (Pind. fr. 214 Maehler) together with the preceding sentence at *Resp.* 331a, face a considerable difficulty when determining how to articulate Cephalus' description of the feelings of an elderly man whose conscience is burdened by no wrongdoing, τῷ δὲ μηδὲν ἑαυτῷ ἄδικον συνειδότι ἡδεῖα ἐλπὶς ἀεὶ πάρεστι καὶ ἀγαθὴ γηροτρόφος ὡς καὶ Πίνδαρος λέγει (Plat. *Resp.* 331a). It is not easy to decide whether ἀγαθή qualifies ἐλπίς or γηροτρόφος, word that Cephalus admits to have borrowed from Pindar[1]. This might seem a question of minor importance, but in this case the articulation of the phrase has direct bearing on the delimitation of poetic material in Cephalus' speech and on our understanding of Pindar's fr. 214. We will start by examining the approaches to this passage that have been hitherto proposed.

The passage occurs in the longest speech of the elderly Cephalus at the beginning of the *Republic*. Socrates has just asked him what he considers the greatest benefit of being rich (330d), and in the course of his answer (see especially 331b) Cephalus makes it clear that he values wealth principally as means for paying one's debts, both before gods and men, when one is nearing death. To show the importance of being able to acquit oneself of one's obligations, Cephalus starts by describing the cares and thoughts of the elderly,

[1] The exact sense and the poetic connotations of γηροτρόφος will be discussed below.

opposing the fears of those who have done wrong and the hopeful assurance of those who have lived their life justly and piously:

> ὁ μὲν οὖν εὑρίσκων ἑαυτοῦ ἐν τῷ βίῳ πολλὰ ἀδικήματα καὶ ἐκ τῶν ὕπνων, ὥσπερ οἱ παῖδες, θαμὰ ἐγειρόμενος δειμαίνει καὶ ζῇ μετὰ κακῆς ἐλπίδος· τῷ δὲ μηδὲν ἑαυτῷ ἄδικον συνειδότι ἡδεῖα ἐλπὶς ἀεὶ πάρεστι καὶ ἀγαθὴ γηροτρόφος, ὡς καὶ Πίνδαρος λέγει. χαριέντως γάρ τοι, ὦ Σώκρατες, τοῦτ' ἐκεῖνος εἶπεν, ὅτι ὃς ἂν δικαίως καὶ ὁσίως τὸν βίον διαγάγῃ,
>
> γλυκεῖά οἱ καρδίαν
> ἀτάλλοισα γηροτρόφος συναορεῖ
> ἐλπὶς ἃ μάλιστα θνατῶν πολύστροφον
> γνώμαν κυβερνᾷ.
>
> εὖ οὖν λέγει θαυμαστῶς ὡς σφόδρα (Plat. *Resp.* 330e–331a)[2].

Judging from the kerning used by Burnet and others to emphasize the Pindaric insertion, the sentence must be understood in the following way: only γηροτρόφος is taken from Pindar, while ἀγαθή must be Cephalus' addition; the expression ἀγαθὴ γηροτρόφος, "good nourisher of old age", then functions as an attribute of ἐλπίς, and as such is coordinated with the adjective ἡδεῖα by the conjunction καί. From the point of view of syntax, this understanding of the text is perfectly legitimate. Still, one is obliged to recognize that Cephalus has supplemented Pindar's striking qualification of hope as γηροτρόφος with a trite and largely superfluous epithet ἀγαθή[3].

---

[2] The text follows Burnet's 1905 edition in all particulars, including the use of emphasis; the presentation of the text is the same in Schroeder 1900: 472; Paoli 1959: 13 (cf. Tucker 1900: 8; Slings 2003: 6, who omit the comma before ὡς καὶ Πίνδαρος λέγει). This view of the text is shared by Jowett and Campbell (1894, III: 12, *ad* 331A: "the order of the words is not ἐλπὶς ἡδεῖα καὶ ἀγαθὴ, but ἡδεῖα πάρεστι καὶ πάρεστιν ἀγαθὴ γηροτρόφος"), as well as by Emlyn-Jones and Preddy, as is evident from their use of hyphens in the translation: "But if a person is conscious of having done no wrong, sweet hope is ever present to cheer him and to be the good 'nourisher of old age' as Pindar himself has it". Here and later only the editions where kerning, use of punctuation marks or the accompanying translation show the editor's interpretation of this passage will be taken into account.

[3] Indeed, some of the translators that follow this interpretation, are moved to render ἀγαθή by an adjective more elaborate than "good": cf. "il y a toujours près de lui une douce espérance, *bienfaisante* nourrice de sa vieillesse" (Chambry 1932: 8); "hope is ever present to cheer him (ἡδεῖα) and to be his *kindly* nurse in age" (Jowett, Campbell 1894: III, 12). In both cases emphasis is mine.

A different interpretation of the text was adopted by Adam (1961: 10) who in his edition marked γηροτρόφος as a borrowing, while separating it from the text by commas on both sides: τῷ δὲ μηδὲν ἑαυτῷ ἄδικον ξυνειδότι ἡδεῖα ἐλπὶς ἀεὶ πάρεστι καὶ ἀγαθή, γ η ρ ο τ ρ ό φ ο ς, ὡς καὶ Πίνδαρος λέγει[4]. Adam explained this punctuation as follows: he would have both ἡδεῖα and ἀγαθή qualify ἐλπίς, the latter adjective being added in order to create an antithesis to the expression δειμαίνει καὶ ζῇ μετὰ κακῆς ἐλπίδος in the preceding sentence; he states specifically that ἀγαθή is not part of the quotation and concludes that "γηροτρόφος is best taken by itself and not with ἀγαθή"[5]. Despite Adam's well-argued position, from the point of view of style the separation of ἀγαθή and γηροτρόφος is not plausible[6]: had Plato wished ἐλπίς to be defined by two adjectives followed by an apposition, it would surely have been more natural to place the two epithets side by side, without risking the misconstruction ἀγαθὴ γηροτρόφος.

Finally, Race has recently proposed a different interpretation of Plato's text preceding Pindar's verses: "Ever attendant upon the man who is conscious of no wrong deed is 'sweet hope,' that 'good nurse of old age,' as Pindar says" (Race 2012: 423). By means of hyphens Race qualifies the expressions ἡδεῖα ἐλπίς and ἀγαθὴ γηροτρόφος as extraneous to Cephalus' speech, thus escaping the principal flaws of the two previous interpretations – the unnatural separation of ἀγαθή and γηροτρόφος, on the one hand, and the triteness of the adjective ἀγαθή (if one supposes that it was added by Cephalus), on the other. Unfortunately, the format of the Loeb edition left Race no possibility to justify his editorial choice, which was anything but

[4] Adam was not the first to propose this division (cf. Schmelzer 1884: 13; Maass 1921: 6–7; Shorey 1937: 19 had a similar view of this sentence, as is evident from his translation: "But on him who is conscious of no wrong a sweet hope ever attends and a goodly, to be the nurse of his old age…"). However, Adam was the only one to argue his view of the passage; his punctuation is often accepted (cf. Newman 1987: 90, n. 3; Ford 2004: 212 n. 7, specifically referring to Adam's edition).

[5] Adam 1961: 10, *ad* 331 a, 1. One further argument, not mentioned by Adam, could be added in support of this view: ἀγαθὴ ἐλπίς is an established religious term, used to describe the award that awaits the pious after death (more precisely, those initiated to Eleusinian mysteries). The term ἀγαθὴ ἐλπίς has been described in detail by Cumont 1949: 401–405; cf. Shorey 1937: 18. For its use in Pind. *Isthm.* 8, 15, see Newman 1987: 89–90; Newman, Newman 1984: 137; Day 1991: 52–53. These religious connotations are, of course, well suited to the context.

[6] Cf. Tucker 1900: 97, *ad* 331A: "The order is altogether against construing as if it were ἡδεῖα καὶ ἀγαθὴ ἐλπὶς ἀεὶ πάρεστι γηροτρόφος".

evident, as neither ἀγαθός, nor its synonyms appear in the Pindaric fragment. In the following pages, I would like to present arguments in favour of this subtle and perceptive articulation of Plato's text and to suggest that the identification of the expression ἀγαθὴ γηροτρόφος as a poetic borrowing allows us to discover a supplementary allusion in Cephalus' words.

The first question to consider concerns the syntactic status and function of γηροτρόφος in the phrase τῷ δὲ μηδὲν ἑαυτῷ ἄδικον συνειδότι ἡδεῖα ἐλπὶς ἀεὶ πάρεστι καὶ ἀγαθὴ γηροτρόφος. In surviving texts γηροτρόφος is normally used as a noun, principally masculine, as suits the meaning "provider of nourishment for the elder" (duty principally reserved for sons in Ancient Greece). For example, it is paired with another noun in Admetus' promise to be a dutiful child to anyone who can bring Alcestis back: κείνου λέγω // καὶ παῖδά μ' εἶναι καὶ φίλον γηροτρόφον (Eur. *Alc.* 667–668); in the *Republic* 8 Socrates likewise describes the tyrant as "a patricide and a bad provider for the elder": πατραλοίαν, ἦν δ' ἐγώ, λέγεις τύραννον καὶ χαλεπὸν γηροτρόφον… (Plat. *Resp.* 569b); similarly, syntactic parallelism of the antithesis in Demades' repudiation of war shows that γηροτρόφος is used as a noun: ἀντιστροφὴ γὰρ γίνεται πραγμάτων τῷ πολέμῳ· θάπτει πατὴρ τὸν παῖδα γάρ, γέρων τὸν γηροτρόφον (Demad. fr. 78). It should be noted that the situation in *Resp.* 331a is different, since γηροτρόφος is paired with an adjective (ἡδεῖα… καὶ ἀγαθὴ γηροτρόφος). As regards the semantics, the verb γηροτροφέω, as well as his synonyms γηροβοσκέω and γηροκομέω, are well attested as social terms: in oratory and drama they are used to designate the duty of grown-up children towards their elderly parents[7]. The *nomina agentis* γηροτρόφος, γηροβοσκός, γηροκόμος, and *nomina actionis* γηροτροφία, γηροβοσκεῖα, γηροκομία, are also used, but are less frequent[8]. If γηροτρόφος is

[7] In the Attic legal system, taking care of one's parents was obligatory since the time of Solon (see Solon, *Test.* 454–456f. Martina = fr. 104b Ruschenbusch).

[8] In oratory γηροτροφέω appears, for example, in Demosth. 24, 203; 40, 32 and 36; Lys. 13, 45; Lycurg. *In Leocrat.* 144; Isocr. 14, 48; Isaeus, 1, 39; 2, 10. The verb γηροβοσκέω is preferred by drama (Eur. *Alc.* 663; *Med.* 1033; Aristoph. *Ach.* 678; cf. Xen. *Oec.* 7, 13), as well as the noun γηροβοσκός (Soph. *Aj.* 570; Eur. *Suppl.* 923; *Phoen.* 1436; cf. Xen. *Oec.* 7, 19). The word γηροκόμος is the earliest attested compound with this meaning, as it appears in Hesiod (*Theog.* 605); in the classical period, on the other hand, its use seems to recede; both γηροκομέω and γηροκόμος return into frequent use in the Hellenistic and Roman period (Call. *ep.* 50; A. P. 7,

considered a noun in Pindar's verses and in Cephalus' paraphrase, its use as an attribute of ἐλπίς may suggest that hope for a good afterlife is as important for the sustainment of the old as is their children's material aid[9].

It is alternatively possible to interpret Pindar's γηροτρόφος as a poetic epithet of the type κουροτρόφος (e.g., Hes. *Op*. 228; Eur. *Bacch*. 420), ἱπποτρόφος (Hes. *Op*. 507; Bacchyl. 10, 114) or λαοτρόφος (Pind. *Ol*. 5, 4; 6, 60)[10]. If γηροτρόφος is taken as an adjective, it must be considered an antonym of the more frequent compound κουροτρόφος, "nourisher of the young", known as an epiclesis and epithet from the times of Homer that can be applied to a number of deities or notions[11]. The practice of modifying established epithets is, of course, typical of Pindar's poetics (cf. Sotiriou 1998: 55–64 for a list of such examples), and if one accepts that this is the case in fr. 214, the change of κουροτρόφος into γηροτρόφος would implicitly oppose youth that stands in need of food and other material goods and old age, principally sustained by hope for a happy life in the next world.

The second interpretation seems preferable, and in fact, there is one indication that at least a part of ancient readers saw γηροτρόφος in Plato and Pindar as a variation of κουροτρόφος. Among the

606; 8, 75; Opp. *Hal*. 5, 85; Ael. *Nat. animal*. 10, 16; Maxim. *Dial*. 34, 76; etc.).

[9] Cf. Tucker 1900, 97, *ad* 331A: "Ελπίς is personified. The γηροτρόφοι [...] were usually the sons or daughters".

[10] For a list of such compounds see Chantraine 1977: 1134, s.v. τρέφω, c.4.d. With regard to Pindar's λαοτρόφος, however, Sotiriou 1998, 60 postulates an analogical formation on the basis of κουροτρόφος.

[11] Κουροτρόφος appears as an epiclesis of a group of feminine deities believed to watch over children's growth to adulthood – especially Gaia and Demeter, but also Persephone, Hecate, Hera, Aphrodite, Artemis and Athena; moreover, epigraphic sources (cf. Aristoph. *Thesm*. 298–300) show that Κουροτρόφος was worshiped as a separate deity (the fullest overview of Κουροτρόφοι, especially in art, is Hadzisteliou-Price 1978; see also Jeanmaire 1939: 283–297; Pirenne-Delforge 2004). Besides this religious use, κουροτρόφος develops a non-religious usage in poetry as an epithet that can be applied to (a) a specific land (Eur. *Tro*. 566; Call. *Hymn*. 4, 2 and 276; cf. *Od*. 9, 27 which will be discussed in detail below); or (b) to (personified) abstract notions: the first example of this sort occurs in Hesiod, where κουροτρόφος qualifies peace, but is juxtaposed with the word γῆ so that it is probably a modification of a formular expression, εἰρήνη δ' ἀνὰ γῆν κουροτρόφος (*Op*. 228). For other archaic examples, see Beck 1991.

numerous sources that quote Pindar fr. 214[12], several replace the compound γηροτρόφος with κουροτρόφος:

> οἱ δὲ ἀγαθοὶ κἂν μυρία πάσχωσι κακὰ, κατὰ Πίνδαρον, ἐλπίδα κουροτρόφον ἔχουσιν οὐκ ἀφιεῖσαν τῶν παρόντων κακῶν αἴσθησιν λαβεῖν; (Ioann. Chrysost. *Adversus oppugnatores vitae monasticae* 2, 10 = PG 47, 347 Migne);
>
> ὥστε ἣν ὕμνησε τὴν ἐλπίδα ὁ Πίνδαρος περὶ ἀνδρὸς λέγων εὐδαίμονος, ὅτι ἄρα αὐτῷ γλυκεῖα καρδίαν ἀτάλλοισα κουροτρόφος συναορεῖ ἐλπίς, ἃ μάλιστα θνατῶν πολύστροφον γνώμαν κυβερνᾷ, φαίη τις ἂν οὐ περὶ τῆς ὕπαρ λέγεσθαι, τῆς ἀπατηλῆς, ἣν ἡμεῖς ἑαυτοῖς διαπλάττομεν (Synes. *De insomniis*, 13)[13].

This divergence in the tradition has led Q. Cataudella to suggest that κουροτρόφος was Pindar's original reading that Plato modified into γηροτρόφος (both in his own text and in the verses he quoted) in order to suit the character of Cephalus, as he famously did on another occasion, when quoting the beginning of Pind. fr. 169 in *Gorg.* 484b[14]. Cataudella argued that nothing in Pindar's fragment, apart from the epithet, indicated that his γνώμη was applied exclusively to people of older age, and that if several authors, independently of one another, read κουροτρόφος for γηροτρόφος, a distinct textual tradition must have existed: he concludes that κουροτρόφος deserves to be taken seriously and included into Pindar's *apparatus criticus* as an alternative reading to γηροτρόφος. These arguments are certainly important, but do not seem to be conclusive as regards Pindar's text. Seeing that γηροτρόφος is rarely used as a poetic epithet while κουροτρόφος is fairly common, and that the idea of hope as a "nourisher of old age" is more complex[15], γηροτρόφος is the *lectio difficilior* and must be retained as such.

---

[12] Maehler lists Stob. 4, 31, 118; Iustin. *Coh. gent.* 26, p. 25; Synes. *De insomn.* 17, p. 149; [Aristot.] *Oec.* 2, 167 (p. 654 Rose), Plut. *De tranq. an.* 19; Theod. Metoch. p. 350; Dexipp. *in Aristot. categ.* 3, 1; Olympiod. *in Plat. Alcib. prior.* 23, 14 as the most important references.

[13] It is worth noting that Synesius' commentator Nicephorus Gregoras gave the other reading, γηροτρόφος, in his note to this passage. Cataudella 1972, 165 also mentions that ἐλπὶς κουροτρόφος appeared in Michael Choniates.

[14] When his article first appeared in 1964, Cataudella spoke only of Plato's modification of Pindar's text, but in the second edition he added that it is equally possible that κουροτρόφος/γηροτρόφος was Pindar's authorial variant (Cataudella 1972: 168).

[15] For a more customary idea of hope that sustains everyone, cf. ἐλπὶς δὲ πάντας κἀπιπειθείη τρέφει / ἄπρηκτον ὀρμαίνοντας (Semonid. fr. 1, 6–7; on the relationship between Pind. fr. 214 and this passage, see Theunissen 2000: 383–384).

Moreover, the expression γηροτρόφος ἐλπίς is not only attested in a greater number of sources, but was also imitated by later writers[16], not to mention that the substitution of κουροτρόφος for γηροτρόφος would abolish the delicate contrast at the end of the fragment between the special importance of hope for those nearing the end of their life and the part that it plays in every man's life, regardless of age (ἐλπὶς ἃ μάλιστα θνατῶν πολύστροφον // γνώμαν κυβερνᾷ, Pind. fr. 214, 3–4). However, although κουροτρόφος is no rival for γηροτρόφος, this substitution, whether it be due to a lapse of memory or to a deliberate modification of the Pindaric expression (thus Theunissen 2000, 387 on John Chrysostom), points to an influential literary parallel that left its mark on Pind. fr. 214 and that Plato alluded to in the phrase ἡδεῖα ἐλπὶς ἀεὶ πάρεστι καὶ ἀγαθὴ γηροτρόφος.

One of the most striking examples of κουροτρόφος in archaic poetry occurs in Odysseus' loving description of his homeland at Alcinous' banquet at the beginning of *Odyssey* 9. Odysseus starts the account of his travels by revealing his name and descent, and telling his host where he comes from (*Od.* 9, 19–20); he next speaks of Ithaca, mentioning its geographical position and relief, and is moved by these details, dry in themselves but dear to him, to express the love and longing that he feels for his island:

> αὐτὴ δὲ χθαμαλὴ πανυπερτάτη εἰν ἁλὶ κεῖται
> πρὸς ζόφον, αἱ δέ τ' ἄνευθε πρὸς ἠῶ τ' ἠέλιόν τε,
> τρηχεῖ', ἀλλ' ἀγαθὴ κουροτρόφος· οὔ τι ἐγώ γε
> ἧς γαίης δύναμαι γλυκερώτερον ἄλλο ἰδέσθαι (*Od.* 9, 25–28).

The same sentiment will be repeated a few lines later, after Odysseus mentions how Calypso and Circe each tried to detain him, but to no avail (vv. 29–33), concluding this prefatory part of his long account with the maxim ὡς οὐδὲν γλύκιον ἧς πατρίδος οὐδὲ τοκήων // γίνεται… (vv. 34–35). Odysseus' speech with its recognition of Ithaca's disadvantages with regard to other lands and its avowal of love despite the island's imperfections was one of the well-known passages of the Homeric epics. For example, a reference to the verse ὡς οὐδὲν γλύκιον ἧς πατρίδος οὐδὲ τοκήων (*Od.* 9, 34) opens Lucian's essay Πατρίδος ἐγκώμιον[17], is characterized as the wisest

[16] The expression γηροτρόφος ἐλπίς appears in a number of later texts without specific reference to Pindar (cf. A.P. 8, 165, 4; A.P. ep. sep. 197, 10 = GV 1420 Chios; Greg. Naz. *De vita sua*, 1942).

[17] Ὅτι μὲν οὐδὲν γλύκιον ἧς πατρίδος, φθάνει προτεθρυλημένον. ἆρ' οὖν ἥδιον μὲν οὐδέν, σεμνότερον δέ τι καὶ θειότερον ἄλλο; (Luc. *Patr. enc.* 1).

thing that Homer had ever written by Dio Chrysostom[18], and is playfully quoted by Palladas at the beginning of his epigram on the true – gastronomic – reasons for Odysseus' return[19]. In archaic poetry the verse was alluded to in a poem of the Theognidean corpus, where the poet enumerates the rich and fertile lands that he had seen on his travels, but that could not rival his home city[20].

Verses 27–28 of Odysseus' speech, and especially the paradox τρηχεῖ', ἀλλ' ἀγαθὴ κουροτρόφος, were also popular. Rhiannus began his epigram on Empedocles with praise for Troezen: Ἡ Τροιζὴν ἀγαθὴ κουροτρόφος (A.P. 12, 58, 1). The expression τρηχεῖ', ἀλλ' ἀγαθὴ κουροτρόφος was applied to the monkfish for a comic effect ("rough, but good for nourishing young men") by Matro of Pithane in his *Convivium Atticum* (fr. 534 SH = fr. 1, 56–58 Olson, Sens). Clement of Alexandria allegorically applied Odysseus' description of Ithaca to the notion of truth: ἀλλ' ἡ μὲν εἰς τὸ βάραθρον ὠθεῖ, ἡ συνήθεια, ἡ δὲ εἰς οὐρανὸν ἀνάγει, ἡ ἀλήθεια, «τραχεῖα» μὲν τὸ πρῶτον, «ἀλλ' ἀγαθὴ κουροτρόφος»… (Clem. *Protr.* 10, 109). Archaic poetry also preserves several passages containing recognizable allusions to this verse. Thus, Solon in one of his minor fragments speaks of the earth as λιπαρὴ κουροτρόφος (Sol. fr. 43 West). Unfortunately, only these words survive, making the reconstruction of the original context impossible, but it is tempting to think that Solon applied this expression not to any land, but specifically to Attica[21]. More importantly still, a structurally

[18] Τῷ γὰρ ὄντι πολλὰ σοφὰ καὶ θεῖα εἰρηκὼς Ὅμηρος οὐδὲν σοφώτερον ἔφη τούτου τοῦ ἔπους οὐδὲ ἀληθέστερον "ὡς οὐδὲν γλύκιον ἧς πατρίδος" (Dio Chrysost. 44, 1).

[19] „Ὡς οὐδὲν γλύκιον ἧς πατρίδος," εἶπεν Ὀδυσσεύς· // ἐν γὰρ τοῖς Κίρκης ἔκχυτον οὐκ ἔφαγεν, // οὗ μόνον εἰ καὶ καπνὸν ἀποθρῴσκοντ' ἐνόησεν, // εἶπεν ἂν οἰμώζειν καὶ δέκα Πηνελόπαις (A.P. 9, 395). Since Palladas typically chooses the best-known Homeric passages for his parodies (*Il.* 1, 1–5 serves as basis for A.P. 9, 173; Aeolus' bag of winds in *Od.* 10, 19–27 – for A.P. 9, 484; etc.), there is little room for doubt that Odysseus' speech was one of the stock pieces. See Guichard (in press) for a useful overview of Homeric references and allusions to Homer in Palladas' epigrams.

[20] Theogn. 783–788. The Homeric intertext for the last verse of this passage has been noted by Hudson-Williams 1910: 226 and van Groningen 1966: 303.

[21] Solon's words are quoted by Choricius of Gaza: γῆ μὲν γὰρ τοῖς ἐνοικοῦσιν ἐπίσταται φέρειν, ὅσα τίκτουσιν ὧραι, ὑπτία τε πᾶσα καὶ καθειμένη καί, τὸ τοῦ Σόλωνος, λιπαρὴ κουροτρόφος· θάλαττα δὲ μικρὸν ἄπωθεν τῇ πόλει διακονεῖ… (Choric. *Or.* 2. 6 Foerster–Richtsteig). Due to the shortness of the fragment, scholars tend to interpret κουροτρόφος here as a religious epiclesis (Jeanmaire 1939: 296; Noussia-Fantuzzi 2010: 516).

identical expression qualifies civil strife in another of Pindar' fragments:

> τὸ κοινόν τις ἀστῶν ἐν εὐδίᾳ
> τιθεὶς ἐρευνασάτω μεγαλάνορος Ἡσυχίας τὸ φαιδρὸν φάος,
> στάσιν ἀπὸ πραπίδος ἐπίκοτον ἀνελών,
> πενίας δότειραν, ἐχθρὰν κουροτρόφον
> (Pind. fr. 109 Maehler = Stob. 4, 16, 6).

The last verse consists of two oxymora serving as attributes to στάσις, both resulting from a modification of an epic expression: the first, πενίας δότειραν "giver of poverty", evokes the epic formula δωτῆρες ἑάων "givers of good things"[22], while ἐχθρὰν κουροτρόφον "hateful nourisher of the young"[23] transforms in the same manner the Homeric expression ἀγαθὴ κουροτρόφος. The principle idea that Pindar seeks to convey by inverting these epic expressions is that στάσις brings with it the exact opposite of the blessings traditionally associated with peaceful life (Ἡσυχία of v. 2; on this concept in Pindar, see Hornblower 2004, 60–63).

In view of the celebrity of the Homeric passage (*Od.* 9, 19–36) and the existence of several recognizable allusions to τρηχεῖ', ἀλλ' ἀγαθὴ κουροτρόφος in early Greek poetry, Plato's ἀγαθὴ γηροτρόφος would have been identified as a Homeric allusion by his readers who at this point of the dialogue are prepared for all kinds of poetic references by Socrates' and Cephalus' previous conversation. A Homeric allusion is suspected in the first words that Cephalus addresses to Socrates (οὐ δὲ θαμίζεις ἡμῖν καταβαίνων εἰς τὸν Πειραιᾶ, *Resp.* 328c)[24]; in *Resp.* 328e Socrates describes the "road

---

However, in Choricius, as in Plato, the juxtaposition of two epithets in asyndeton is more likely to stem from an accurate rendering of Solon's syntax, as the marker of the quotation τὸ τοῦ Σόλωνος also shows.

[22] For the expression δωτῆρες ἑάων, see Hom. *Od.* 8, 325 and 335 cf. *Il.* 19, 44; Hes. *Theog.* 46; 111; 633; 664. Schmitt 1967: 142–149 interprets this expression as an old, possibly Indo-European poetic formula. it should be noted that there are at least two early contexts where this formular expression was transformed in a negative way: cf. δὼς ἀγαθή, ἅρπαξ δὲ κακή, θανάτοιο δότειρα (Hes. *Op.* 356); ὀιστοὶ… θανάτοιο λαθιφθόγγοιο δοτῆρες (*Scut.* 130–131).

[23] For interpretation of ἐχθρὰ κουροτρόφος, see Boekh 1874: 348–349; Wilamowitz-Moellendorff 1922: 193, and other scholars cited by Davidson 1966, 16. The latter, not content with the meaning of the expression, considers changing the form of the adjective into κουροφθόρος, according with the emendation that had been proposed by Keil.

[24] Cf. the formula πάρος γε μὲν οὔ τι θαμίζεις (*Il.* 18, 386 and 425; *Od.* 5, 88). The resemblance has been noted by Jowett, Campbell 1894: 8–9,

of old age" that he wants to interrogate his host about following a Hesiodic pattern (cf. Hes. *Op.* 287–292; see Gifford 2001, 63–64) and phrases his first question concerning his host's views on old age with reference to the formular expression ἐπὶ γήραος οὐδῷ (328e)[25]; in his reply, Cephalus illustrates the advantages of maturity by Sophocles' quip about his relief on being released from the tyranny of love (329c), and will in his next speech quote Pindar for an admirable formulation of a sentiment that he shares (331a).

Thus, given the context, Plato's audience would be ready to recognize an additional allusion in the phrase introducing the Pindaric quotation. However, the reasons for introducing this allusion and the hint or association that it meant to convey are not evident. Two explanations seem possible, but in the absence of a broader context for Pindar's poem, it is impossible to give decisive preference to either.

(1) In qualifying hope as ἀγαθὴ γηροτρόφος Plato was bringing out a Homeric allusion already present in Pindar, that would have been more evident in a fuller context than is apparent in the surviving fragment. Indeed, as Plato's ἡδεῖα ἐλπὶς… γηροτρόφος repeats Pindar's γλυκεῖα… γηροτρόφος… ἐλπίς, the adjective ἀγαθός may also have appeared at some point in the poem[26]. The suggestion that Pindar in fr. 214 was closely following a Homeric model (ἀγαθὴ κουροτρόφος) is rendered all the more likely by the fact that he had already done so once, when he created the expression ἐχθρὰ κουροτρόφος in fr. 109. The image of hope steering the minds of mortals, as if they were ships (γνώμαν κυβερνᾷ), and the epithet πολύστροφος, though not as significant in themselves, also contribute to the epic colouring of fr. 214. It should

Shorey 1937: 7; Gifford 2001: 62 n. 37, among others. On the other hand, Adam 1969, 5 *ad* 328e33 (cf. Tucker 1900: 82) notes that the verb θαμίζω is not solely poetic and does not prove that Plato was thinking of Homer; however, the resemblance is warranted not only by the choice of words but also by the phrasing and its placement at the beginning of the speech.

[25] See *Il.* 22, 60; 24, 487; *Od.* 15, 246; 15, 348; 23, 212; Hes. *Op.* 331; *Hymn. in Aphr.* 106. Although the expression appears both in poetry and in prose, Socrates' formulation ὃ δὴ "ἐπὶ γήραος οὐδῷ" φασιν εἶναι οἱ ποιηταί (*Resp.* 328e) shows that he is referring to it as an element of the poetic tradition, not as a proverbial expression.

[26] It would, of course, be tempting to use Olympiodorus' summary of Pindar, κἀκ τῶν ἐναντίων ὁ λυρικός· 'ἐλπὶς δ' ἀτάλλοισα καὶ ἀγαθὴ γηροτρόφος' (Olympiod. *in Plat. Alcib.* 23), as an argument in favour of this view; however, Olympiodorus seems to be quoting from Plato, not directly from Pindar.

be noted, however, that the poetic quotation in Plato does not seem syntactically incomplete, and one is obliged to rely too heavily on the argument *ex silentio*.

(2) Alternatively, Cephalus' words may present a conflation of two poetic references – the first to Homer (left for the reader recognize), the second to Pindar (followed by a quotation of the original passage). This melding of two sources would have triggered an association between the hope for a good afterlife that determines the pious man's conduct (cf. the religious notion ἀγαθὴ ἐλπίς) and Odysseus' love and yearning for his home (τρηχεῖ', ἀλλ' ἀγαθὴ κουροτρόφος)[27].

Whichever explanation is preferred, this free use poetic allusions and references qualifies Cephalus as well-read, urbane man whose views on life are largely shaped by poetry (cf. Ford 2004: 212–213). He may prove a disappointing interlocutor for Socrates who demands much more independence of thought and intellectual audacity from his partners in dialogue[28], and indeed, Cephalus is not able to give a satisfactory answer to Socrates' question on what the road of old age is like; but personally for him, stories (such as the anecdote on Sophocles) and verses are a guide and support, and the portrait that Plato draws of this elderly metic, characterizing him (among other traits) by his extensive knowledge of poetry, is a touching representation of the calm wisdom of old age.

Bibliography

Adam, J. (ed.) 1965: *The Republic of Plato, edited with critical notes, commentary and appendices*. Introd. by D. A. Rees. [2]Cambridge.

Annas, J. 1981: *An Introduction to Plato's Republic*. Oxford.

Baracchi, C. 2001: Beyond Comedy and Tragedy of Authority: The Invisible Father in Plato's *Republic*. *Philosophy and Rhetoric* 34, 151–176.

[27] See Tarrant 1951: 60 for other examples of Plato using Homeric quotations that speak of the journey home in order to refer symbolically to death.

[28] There is a tendency in recent works on the *Republic* to judge Cephalus' character very critically, to the point of harshness. This tendency started with Annas 1981: 19–23 who showed in her analysis that "there are enough malicious touches in Plato's picture of Cephalus to show us that we are being presented with a limited and complacent man" (p. 19), and further developed in Baracchi 2001 and Gifford 2001: 52sqq. The reading of this part of the dialogue proposed by Lycos 1987: 21–23, 26–31, with a just appraisal of Cephalus' venerable traits, as well as his shortcomings, seems to be much closer to the picture presented by Plato. For a moderate position, see also Schütrumpf 1997: 34–35.

Beck, W. 1991: s.v. κουροτρόφος. In: *Lexikon des frühgriechischen Epos*. Bd. 2. Göttingen, 1512–1513.
Boeckh, A. 1874: De fragmento Pindarico a Polybio servato. In: F. Ascherson, E. Bratuschek, P. Eichholtz (eds.), *August Boeckhs Gesammelte Kleine Schriften*, Bd. 4: *Opuscula academica Berolinensia*. Leipzig, 346–349.
Burnet, J. (ed.) 1905: *Platonis opera*. Vol. 4, *Tetralogiam VIII continens*. Oxford.
Cataudella, Q. 1972: Ἐλπὶς γηροτρόφος ed ἐλπὶς γηροτρόφος. In: Q. Cataudella, *Intorno ai lirici greci: contributi alla critica del testo e all'interpretazione*. Roma, 161–168.
Chambry, É. (ed.) 1932: *Platon. Œvres complètes*. Vol. 6 : *La République* : livres I–III. Paris.
Chantraine, P. 1977: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris.
Cumont, F. 1949: *Lux perpetua*. Paris.
Davidson, J. A. 1966: Pindar Fr. 99b Bowra (109 Snell), *Classical Review* 16, 16.
Day, J. W. 1991: The Poet's *Elpis* and the Opening of *Isthmian* 8. *Transactions of the American Philological Association* 121, 47–61.
Emlyn-Jones, C. J., Preddy, W. (eds.) 2013: *Plato, Republic: Books 1–5*. Cambridge MA, London.
Ford, A. 2004: *Origins of Criticism: Literary Culture and Poetic Theory in Classical Greece*, Princeton NJ, Oxford.
Gifford, M. 2001. Dramatic Dialectic in *Republic* Book I. In: *Oxford Studies in Ancient Philosophy* 20, 35–106.
Groningen, B. A. van. 1966: *Théognis : le premier livre édité avec un commentaire*. Amsterdam.
Guichard, L. A. From School to Desacralisation, or how Palladas read Homer. In: Y. Durbec (ed.) *Traditions épiques et poésie épigrammatique. Présence des épopées archaïques dans les épigrammes grecques et latines*. Louvain, Paris, Walpole MA. (in print).
Hadzisteliou-Price, Th. 1978: *Kourotrophos: Cults and Representations of the Greek Nursing Deities*, Leiden.
Halliwell, S. 2000: The Subjection of Muthos to Logos: Plato's Citations of the Poets. *Classical Quarterly* 50, 94–112.
Hornblower, S. 2004. *Thucydides and Pindar: Historical Narrative and the World of Epinikian Poetry*. Oxford, New York.
Hudson-Williams, T. 1910: *The Elegies of Theognis and Other Elegies Included in the Theognidean Sylloge*. London.
Jeanmaire, H. 1939: *Couroi et Courètes : essai sur l'éducation spartiate et sur les rites d'adolescence dans l'Antiquité hellénique*. Lille.
Jowett, B. Campbell, L. (eds.) 1894: *Plato's Republic. The Greek Text, edited with notes and essays*. Vol. I–III. Oxford.
Lycos, K. 1987: *Plato on Justice and Power: Reading Book I of Plato's Republic*. Albany NY.
Maass, O. 1921: *Platons Staat: Kommentar*. Bielefeld, Leipzig.
Maehler, H. (ed.) 1989: *Pindarus*. Pars II: *Fragmenta – Indices*. Leipzig.
Newman, J. K. 1987: Pindarica. *Rheinisches Museum für Philologie* 130, 89–93.

Newman, J. K., Newman, F. S., 1984: *Pindar's Art: Its Tradition and Aims*. Hildesheim.
Noussia-Fantuzzi, M. 2010: *Solon the Athenian, the Poetic Fragments*. Leiden, Boston.
Paoli, U. E. (ed.) 1959: *Platone. La Reppublica. Passi scelti e annotati con introduzione e sommaria esposizione del dialogo*. Firenze.
Pirenne-Delforge, V. 2004: Qui est la Kourotrophos athénienne ? In: V. Dasen (ed.) *Naissance et petite enfance dans l'Antiquité : Actes du colloque de Fribourg, 28 novembre – 1er décembre 2001*. Fribourg, Göttingen, 171–185.
Race, W. H. (ed.) 2012: *Pindar*. Vol. 2: *Nemean Odes, Isthmian Odes, Fragments*. [2]Cambridge MA, London (Loeb classical library; 485).
Rutherford, I. 2001: *Pindar's Paeans: A Reading of the Fragments with a Survey of the Genre*. Oxford.
Schmelzer, C. (ed.) 1884: *Platos Ausgewählte Dialoge*. Bd. 7: *Der Staat*. Berlin.
Schmitt, R. 1967: *Dichtung und Dichtersprache in Indogermanischer Zeit*. Wiesbaden.
Schroeder, O. (ed.) 1900: *Pindari Carmina*. Lipsiae.
Schütrumpf, E. 1997: Konventionelle Vorstellungen über Gerechtigkeit. Die Perspektive des Thrasymachos und die Erwartungen an eine philosophische Entgegnung (Buch I). in: O. Höffe (ed.) *Platon. Politeia*. Berlin, 29–54.
Shorey, P. 1969: *Plato. The Republic: Books I–V, with an English translation*. Cambridge MA, London.
Slings, S. R. (ed.) 2003: *Platonis Respublica*. Oxford.
Sotiriou, M. 1998: *Pindarus Homericus: Homer-Rezeption in Pindars Epinikien*. Göttingen. (Hypomnemata; 119).
Tarrant, D. 1951: Plato's Use of Quotations and Other Illustrative Material. *Classical Quarterly* 45, 59–67.
Theunissen, M. 2000: *Menschenlos und Wende der Zeit*. München.
Tucker, T. G. (ed.) 1900: *Πλάτωνος πολιτείας προοίμιον: The Proem to the Ideal Commonweath of Plato. An Introduction to the Language and Method of the 'Socratic' Dialogues*. London.
Wilamowitz-Moellendorff, U. von. 1922. *Pindaros*. Berlin.

Summary: The article studies the passage in the beginning of Plato's *Republic* (330e–331a) where Cephalus quotes a fragment of Pindar's lost poem (fr. 214 Maehler). An examination of Cephalus' paraphrase of Pindar's thought suggests that the peculiar syntax of the phrase ἡδεῖα ἐλπὶς ἀεὶ πάρεστι καὶ ἀγαθὴ γηροτρόφος conceals an allusion to Homer (*Od.* 9, 27) that has not been noticed before.

Key words: Plato, Pindar, Homeric reception, archaic lyric poetry, γηροτρόφος, κουροτρόφος.

В. П. Казанскене

ЛИТОВСКИЙ КРЕСТ ДО ХРИСТИАНСТВА: К ЭТИМОЛОГИИ ЛИТ. *KRÌKŠTAS*

В статье исследуются значения литовских слов *krìkštas*, *krìkštyti*, *krikštẽlis*. Показывается, что их первоначальное употребление не связано с христианским обрядом, и что, вопреки распространенным представлениям, их происхождение не может объясняться заимствованием. С принятием христианства эти слова из повседневного обихода перешли в религиозную сферу.

Ключевые слова: литовский язык, христианская лексика, этимология слов *krìkštas*, *krìkštyti*, *krikštẽlis*.

Известно, что к 13 в. фактически вся Европа уже была христианской: были крещены жители немецких земель, скандинавских стран, славянских. Чехи, поляки стали принадлежать к западной церкви, болгары, русские христианство получили из Византии. При этом языческая по преимуществу Литва в отношении религии отличалась от остальной Европы, что побуждало крестоносцев вторгаться под предлогом крещения.

В этом отношении показательно послание Гедиминаса, который именуется королем литовцев и русских, правителем и князем Земгалии, от 26 мая 1323 г. монахам ордена миноритов (францисканцев): «Мы приглашаем епископов, священников, духовных лиц любого Ордена, в особенности вашего, которому мы уже выстроили две церкви, одну в нашем королевском городе, именуемом Вильна, другую в Новогородке, в котором назначьте в этом году нам четырех братьев, знающих польский, земгальский и русский языки… А также мы приглашаем священников Ордена проповедников – доминиканцев, которому мы предоставим в скором времени церковь… Также общаясь с народом и братьями, уведомляйте в городах, местах и деревнях, что рыцарей и оруженосцев мы обеспечим доходом, а купцам, мастерам, тележникам, серебреникам, соледобытчикам и, равно, ремесленникам любого состояния |предоставим| возможность свободного входа в нашу землю и выхода через земли князя Мазовии господина Бонислава |без| всяких налогов, торговых пошлин… совершенно беспрепятственно.» (Pašuta, Štal, 1966: 52–54; перевод И. В. Шталь).

Как отмечает Альвидас Никжентайтис (Nikžentaitis 1989: 29), Гедиминас первым из литовских правителей понял необходимость крещения Литвы. О готовности иметь связи с христианским миром говорит и приведенная цитата. Поэтому в основном благодаря политике Гедиминаса к моменту официального крещения Литвы в 1387 (это было одним из условий договора в Креве об унии с Польшей) в Великом Княжестве Литовском создалась уникальная ситуация: в нем сосуществовали разные в своей основе культуры и разные конфессии, звучали разные языки – литовский, русский, польский, немецкий. При этом юридические, административные акты и переписка велась на латинском, а также на т. н. западнорусском, польском и немецком языках, а первая литовская книга появилась только спустя полтораста лет.

Поэтому легко понять, что при таких обстоятельствах христианская терминология в литовском языке бóльшей частью оказалась заимствованной. Так, еще К. Буга отметил, что из русского языка заимствованы следующие термины: *kalėdos* ‘рождество’, *kūčios* ‘сочельник’, *velýkos* ‘пасха’, *verba* ‘верба’, *gavėti* ‘поститься’ *bažnýčia* ‘католическая церковь’ и др. (Būga 1958: 348). Интересно замечание К. Буги, что «все эти христианские термины уже использовались до 1386 г.; в противном случае на месте русских терминов мы имели бы польские» (там же). Этот факт на самом деле подтверждает сосуществование разных культур уже в дохристианской Литве.

С другой стороны, известно, что наряду с заимствованием имеется и иной путь возникновения терминов – используя уже имеющиеся слова, которые меняют свою семантику. В связи с этим нам кажется возможным пересмотреть вопрос о происхождении некоторых слов из этой семантической группы: я имею в виду лит. *krìkštas* ‘крещение’; ‘крест’, *krìkštyti, krìkštinti* ‘крестить’, и *kryžius* ‘крест’, которые традиционно считаются заимствованными.

Так, существительное *krìkštas*, засвидетельствованное начиная с самых ранних литовских памятников (Mažvydas 587; Sirvydo Žodynas 27), ученые обычно считают заимствованием. В. Урбутис (Urbutis 2010: 56) убедительно критикует мнение Ф. Славского (Sławsky 1952: 85–86), полагавшего, что *krìkštas* восходит в польскому *chrzest*, *krzest* с тем же значением. Однако, как правило, лит. *krìkštas* считается заимствованным из древнерусского *krьstъ* ‘крест’: такого мнения придерживаются авторы основных этимологических словарей: Э. Френкель

(Fraenkel 1955: 297–298), В. Смочински (Smoczyński 2007: 314), В. Хок (Hock 2015: 525–526). При таком сопоставлении возникают две проблемы: соотношение согласных в литовской лексеме krìkštas и отсутствие **-k-** в славянской форме, а также проблема вокализма корня. К. Буга оба вопроса решает, сопоставляя литовские формы с латышскими: восточно-латышскому *krists* = *крьстъ* в остальных говорах соответствует форма *krusts*, которой в свою очередь соответствует **кръстъ*. Следовательно, в древнерусском, из которого название креста было заимствовано и в литовский, и в латышский языки, существовали две формы. Во вторых, исконной является литовская форма без *-t-* в корне: переход **kristas* > *-kstas* > *-kštas* происходил уже на литовской почве (Būga 1958: 341). Наконец, в «Этимологическом словаре славянских языков» под праформой **krьstъ* приводятся лексема «крест» фактически во всех славянских языках и делается заключение: «Заимствовано из др.-в.-нем. (или гот.?) формы имени Христа в докирилломефодиевское **время в придунайских землях**» (ЭССЯ 1987: 76). М. Фасмер считает «крест» заимствованием из старославянского: «потому что в противном случае ожидалось бы ё». Он предлагает следующий путь семантического развития: первоначально **кръстъ* означало ‘Христос’ и произошло из д.-в.-н. *krist*, *christ* и только потом появилось значение ‘распятие’ (Фасмер 1964: 374).

Подводя итог сказанному, отметим, что, видимо, нельзя считать ни одну из предложенных этимологий убедительной и поиск должен быть продолжен. Мне кажется, стоит попытаться найти ответ, пересмотрев две аксиомы, которые присутствуют фактически во всех предложенных этимологиях литовских лексем *krìkštas* ‘крещение’; ‘крест’, и *krýžius* ‘крест’:

1. Являются литовские слова заимствованиями?

2. Обязательно ли следует связывать словообразовательное значение этих лексем с именем Христа?

Ни в коем случае не вдаваясь в подробности толкования славянских форм, отметим, однако, некоторые сомнения фонетического и семантического плана.

На самом деле в литовском языке фонетический переход, на который указывает К. Буга – **kristas* > *-kstas* > *-kštas*, хорошо известен. Но с другой стороны, в русском языке известно и обратное явление: утрата согласных, закрывающих слог (внутри слова): «*k* из *k* или *g* исчезло, согласно наиболее распространенному мнению, перед t + гласный заднего ряда, а перед

гласным переднего ряда *kt* изменилось в палатализованный или палатальный звук» (Ван-Вейк 1957: 82).

Кажется, трудно найти также и изосемантический ряд, аналогичный ряду Христос – крест.

Концентрируя внимание на материал литовского языка, основным возражением против того, чтобы считать *krìkštas* заимствованием, мог бы служить тот факт, что при выяснении происхождения этого слова учитывается только та часть его значений, которая связана с христианством. Однако имеются и другие значения этого слова, относящиеся, возможно, к более ранней эпохе. В частности, такого мнения придерживается А. Греймас, который выясняя исконное происхождение литовского зимнего праздника *krikštaĩ*, связывает его с лунным (а не солнечным) календарем, свойственным литовскому язычеству, и видит в этом слове название языческого Нового года (Greimas 1990: 314–321). Например, такое значение *krikštaĩ* ‘середина зимы’ и поговорка: *Per krikštùs meška ant kito šono apsiverčia* ‘Во время *krikštaĩ* медведица переворачивается на другой бок’.

Приведем здесь по двадцатитомному словарю литовского словаря (LKŽ) и другие значения семантического поля лит. *krìkštyti*, *krìkštinti* и *krìkštas*, напрямую не связанные с религией:

1. ***krìkštinti*** – во **временно́м значении** – начинать что-нибудь делать: *jau krikštysim obuolius – pradėsime valgyti* ‘Уже будем крестить яблоки, т.е. начнем есть’

2. с сужением значения – ‘попробовать, есть понемножку’: *niekur nieko nepadėsi, vis pelės krikštija* ‘Ничего нигде не поставишь, все мыши крестят’;

3. сдобрить, что-нибудь добавить для улучшения вкуса: *Biskį pakrikštinom (blynus): vieną kiaušinuką indėjom, biskį pieno* ‘Немного покрестили (блины), добавили яйцо, чуточку молока’;

4. Применительно к сельскохозяйственным работам: поставить первые 3–4 снопа, на которые потом кладутся другие: *Katrie krikštij, tai tris keturis pėdus suriš ir pastato* ‘Кто крестят, то 3–4 снопа связывают и ставят’ отсюда и *krìkštas* ‘крест снопов; бабка снопов’ – это те первые снопы для начала всего сооружения. Интересно, что по Далю, по-русски это тоже называется ‘крест, крестенка’; крест снопов – это первая их кладка на жниве. Даль приводит пословицы, например: *один крест, хлеба не ест*.

В пространственном значении крест может обозначать точку или место, из которого выходят две или более линий:

5. угол, самое почетное место за столом, сюда же относятся и сложные слова *krikštasuolė*, *krikštastalė*, *krikštalangis* ‘красный угол’;

6. *krikštelis arba krikšto kelias* ‘перекресток’, досл. ‘крестовая дорога’, ср. у Даля диал. *кресты* ‘перекресток, раздорожье, распутье, ростани’. Обратим внимание, что и *перекресток*, в несомненно родственный форме *кресты*, имеет огласовку корня -о-.

7. Гибрид *krikštavonė*, *kryžiavonė – kas kryžmai sudėta, sunerta* ‘что скрещено, сложено крест-накрест, вставлено одно в другое’; *kryžiavonė* – ‘основа какого ни будь изделия столярного или строительного дела’: *Padarysiu kryžiavones, apkalsiu lentomis – ir durys* ‘Сделаю остов их скрещенных брусков, обколочу досками, вот вам и дверь’. Ср. у Даля *крестъ* ‘бревно с набитыми поперек грядками, брусками, вместо лестницы’.

8. Наконец, *krìkštas* – это ‘небольшой крест’, который отличается от лит. *krýžius*. Даль описывает изготовление его так: ‘крест, крыж’, ‘две полосы или два бруска, один поперек другого’; ‘две черты напересечку другой’.

Литовский *krìkštas* со значением ‘крест’ является этнографическим реликтом, который сохраняется в Малой Литве, на Куршской косе. Как правило, он изготовляется из скрещенных, украшенных узором досок, с равными концами; часто ставится на месте, где погиб человек.

Из сказанного видно, что было бы трудно исходя из религиозного значения слов *krìkštyti*, *krìkštinti* и *krìkštas* объяснить все случаи употребления этих слов в повседневной, практической жизни, поэтому стоит поискать их родственников в самом литовском языке.

Также интересны семантические соответствия в русском языке, часто обозначающие предметы повседневной деятельности.

С точки зрения словообразования следует выделить суффикс *-stas*, который, как уже говорилось, отмечает З. Зинкявичюс (Zinkevičius 1980: 146), после гуттурального закономерно перешел в *-štas* (еще ср. *raukšlė* < **rauk-slė* ‘морщина’, *minkštas* < **mink-stas* ‘мягкий’, *auk-štas* < **aug-stas* ‘высокий’ и др.

Следовательно, во всех этих литовских примерах имеется корень в нулевлй ступени **krik-* с ожидаемой полной огласовкой **kreik-*/**kroik-*, на литовской почве **kraik-*. Учитывая частое сосуществование звонкого и глухого *k*/*g* в парах слов с одним и тем же значением, стоит привлечь к рассмотрению и произ-

водные от корня **kreig-/*kraig-/*krig-* (для такого чередования ср. диал. *griaũnos / kriaũnos*, *vigrùs / vikrùs*, *vizgėti / viskėti* (Zinkevičius 1980: 166).

Если в качестве основной семантики слова krìkštas принять пространственное – 'скрещивание', то, пожалуй, самым близким соответствием с вариантным корнем является: ***kraígas***, ***kraĩkas***, *kreigas* 'верх крыши, конек крыши': *kopėčios ilgos, siekia per visą stogą iki kraikui* 'лесенка длинная, через всю крышу доходит до верха крыши' (ср. также ***kraĩgliai***, *reketùkai*, *krijelis* – слово, имеющее то же значение, что и *krikštavonė* приспособление для разматывания нити – две крест-накрест скрепленные рамы).

Количество слов, обозначающих «скрещенные» предметы, можно было бы увеличить, но, на наш взгляд, достаточно отчетливо видно, что нет ни фонетических, ни словообразовательных препятствий в лит. слове *krìkštas* видеть производное с суффиксальным **-(s)to-* от корня **kreik- / *kroik- / *krik-*. Если учесть чередование огласовки корня в русских производных крест – перекресток, можно думать, что это родственные слова, представляющие одну и ту же словообразовательную модель.

В качестве изосемантического ряда для лит. *krìkštas* в значении 'крест' можно привести греческое слово σταυρός, встречаемое уже у Гомера: σταυροὺς δ' ἐκτὸς ἔλασσε διαμπερὲς ἔνθα καὶ ἔνθα / πυκνοὺς καὶ θαμέας 'снаружи он возвел частокол с одной и с другой стороны, частый и густой' (Hom. *Od.* 14, 11–12); ἀμφὶ δέ οἱ μεγάλην αὐλὴν ποίησαν ἄνακτι / σταυροῖσιν πυκινοῖσι 'Вокруг же они своему господину сделали большой двор, [оградив] частым частоколом' (Hom. *Il.* 24, 453–454). Σταυρός в этих стихах обозначает 'плетенный забор', 'частокол', удивительно совпадающий по значению с лит. *krỹžinis, kryžmai sustatytas sustatytas* 'составленный крест-накрест', 'плетеный забор' cf. ***kryžinė tvora***, *kryžiniai statiniai, kryžiniai vartai* 'крестовые ворота'. В христианскую эпоху греческое σταυρός стало термином, обозначающим символ веры – 'крест'. Надо сказать, что вообще христианский крест восходит к языческим терминам, каковым был σταυρός (ср. также латинское *crux*, который обозначал разные инструменты пыток).

На наш взгляд, основным возражением против заимствования лит. *krìkštas* и *kryžius* мог бы служить тот факт, что при этом учитывается только часть значений, связанных с христианством. Однако другая их часть, возможно, относится к более ранней эпохе. В частности, такого мнения придерживается

А. Греймас, который в литовском празднике *krikštai* видит название языческого Нового года. (Greimas 1990: 314–321). При этом он отмечает, что *krikštas* во временном значении это ‘начало какого-нибудь действия‘, а в пространственном – ‘точка, из которой выходит две или больше линий’ (ср. ‘угол, самое почетное место’, *krikštelis* ‘kryžkelė, перекресток’). Этим словом могли быть названы и отдельные предметы – знаки, которые по явно языческим обрядам ставились как мета начала или конца отдельных сельскохозяйственных работ (напр., *krikštas* ‘крест снопов; бабка снопов’) или вообще событий. Значение креста как символа католической веры также не исчерпывает семантических возможностей и литовского слова *kryžius*: можно упомянуть, например, хотя бы анатомический термин ‘крестец’.

Таким образом, нам кажется перспективным пересмотр вопроса о происхождении этих литовских слов, представляющих в современном литовском языке основные христианские понятия, и разнесение их по нескольким областям бытования, отражающим и дохристианское, и христианское содержание. Возможно, что сращение значений, обнаруживаемое в этих словах, отражает и скрещение культурного плана.

Литература

Būga, K. 1958: *Rinktiniai raštai*. Vol. 1. Vilnius.

Fraenkel, E. 1955: *Litauisches etymologisches Wörterbuch.* Bd. 1. Heidelberg, Göttingen.

Greimas, A. J. 1990: *Tautos atminties beieškant*. Vilnius.

Hock, W. 2015: *Altlitauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. N–Ž.* Unter der Leitung von W. Hock und der Mitarbeit von E.-J. Bukevičiūtė und Chr. Schiller bearbeitet von R. Fecht, A. H. Feulner, E. Hill und D. Wodtko. Hamburg: Baar.

LKŽ: *Lietuvių kalbos žodynas*. URL: www.lkz.lt.

Nikžentaitis, A. 1989: *Gediminas*. Vilnius.

Pašuta, V., Štal, I. (ed.) 1966: *Gedimino laiškai*. Vilnius.

Sławsky, F. 1952: *Słownik etymologiczny języka polskiego.* Vol. 1: *A–J.* Kraków.

Smoczyńsky, W. 2007: *Lietuvių kalbos etimologinis žodynas*. Vilnius.

Urbutis, V. 2010: *Knygos apie žodžius*. Vilnius.

Van Wijk, N. von. *Istorija staroslavianskogo yazyka [History of the Old Church Slave Language]*. Moscow.
Ван-Вейк, Н. 1957: История старославянского языка. Москва.

Vasmer, M. 1964: *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [*Etymological Dictionary of the Russian Language*]. Transl. from German by O. N. Trubachev, ed. by B. A. Larin. Vol. 2. Moscow: Progress.

Фасмер, М. 1964: *Этимологический словарь русского языка.* Перевод с немецкого О. Н. Трубачева, под ред. Б. А. Ларина. Т. 2. Москва: Прогресс.
Zinkevičius, Z. 1980*: Lietuvių kalbos istorinė gramatika*. Vol. 1. Vilnius.
ESSYa – Trubachev, O.N. (ed.). 1987: Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. T. 8. Moscow.
ЭССЯ – Трубачев, О.Н. (ред). 1987: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 13. М.

V. P. Kazanskiene. Lithuanian *cross* before the Christianization: on the etymology of Lithuanian *krìkštas*

The article examines the meaning and etymology of Lithuanian words *krìkštas*, *krìkštyti* and *krikštẽlis*. It is shown that these words were not initially connected with Christian rites and that, contrary to widely accepted views, their origins cannot be explained through a lexical borrowing from Slavic languages. Following the Christianization of Lithuania these words passed from everyday use to the religious language.

Key words: Lithuanian language, Christian vocabulary, etymology of words *krìkštas*, *krìkštyti*, *krikštẽlis*.

Н. Н. Казанский

РАСШИРИТЕЛЬ КОРНЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА[1]

В статье рассматриваются возможности и предлагается оценка различных подходов к определению происхождения индоевропейского расширителя корня – от сближения с суффиксацией до предположения о связи части расширителей с клитиками, непосредственно присоединявшимися к корню.

Ключевые слова: расширители индоевропейского корня, словообразование, клитики.

Определение «расширителя» корня можно сформулировать несколькими способами, включая простейший – вариант корня, отличающийся от варианта без наращения на одну фонологическую единицу: **gheu-* или **gheud-* ‘лить’ (LIV: 179 sq.). Примерно такое определение дают в последнее время наиболее авторитетные пособия, включая книгу Бенджамина Фортсона IV, который определяет расширитель следующим образом: «Root extensions are additions of one or two sounds, often plosives, to the end of a root which do not seem to change its meaning»[2]. Б. Фортсон завершает раздел, посвященный расширителям, неутешительной фразой «The source of these extensions is not known» (Fortson 2004: 70–73).

Здесь отчетливо реализуется подход, при котором расширитель рассматривается фактически как древний суффикс (хотя Б. Фортсон его так не называет), присоединявшийся к корню и в засвидетельствованных языках уже не влиявший на семантику. Важнейшей особенностью расширителя является отсутствие семантической составляющей – значение корня не изменяется вследствие добавления расширителя, в отличие от суффикса, присоединение которого способно менять значение исходных форм. Очевидная и многими разделяемая точка зрения, соглас-

[1] Исследование выполнено в рамках гранта РНФ, проект № 14-18-03585 «Праиндоевропейский корень и основообразующие форманты».

[2] Фортсон иллюстрирует это примером с корнем *(s)teu-:
For *(s)teu- ‘to push, hit, thrust’, we can reconstruct *(s)teu-k- > Ancient Greek τύκος (túkos) ‘hammer’, *(s)teu-g- > English *stoke* (Germ. *k* goes back to PIE *g.), *(s)teu-d- > Vedic *tudáti* ‘beats’.

но которой расширитель представляет собой десемантизированный суффикс, представлена во многих трудах, ср. например, формулировку Ги Жюкуа: «Под расширителем мы будем понимать элемент, предшествующий флексии, единственная функция которого состоит в различении лексем. Переход функции от суффикса к расширителю происходит тогда, когда суффикс теряет свою различительную функцию на уровне *лекса*, или когда расширитель берет на себя эту последнюю функцию»[3]. Эта точка зрения, однако, не позволяет видеть те структурные особенности корня, расширителя и суффикса, которые отметил Э. Бенвенист (Benveniste 1935) и которые до сих пор не оспорены убедительными примерами. Речь идет о взаимодействии расширителя и корня. Хорошо известно, что суффикс присоединяется к корню, имеющему четко зафиксированную аблаутную структуру. Так, древний суффикс *-es-/-os* присоединяется только к корням с огласовкой *-e-* (например, лат. *genus*, *generis* n., греч. γένος, γένους n.), причем нарушаются правила, которые соблюдаются в случае с расширителями, когда последовательность двух полных ступеней подряд (и в корне, и в расширителе) невозможна, как это показал Э. Бенвенист.

Эти формальные ограничения следует иметь в виду – расширители четко подчиняются аблаутным правилам, выступая то в полной, то в нулевой ступени в зависимости от огласовки части корня, предшествующей расширителю – то, что Бенвенист называл первым и вторым состоянием индоевропейского корня.

Иное определение расширителя может быть сформулировано (вслед за Ги Жюкуа) как появление элемента между корнем и суффиксом или флексией. Оба определения в равной степени указывают 1) на самостоятельность морфемы, класс которой не установлен; 2) на некогда самостоятельное существование этой морфемы и 3) на возможность обнаружить эту морфему как после исхода двухконсонантного корня, так и перед началом сложного суффикса. Последнее обстоятельство предельно важно, поскольку свидетельствует об относительной самостоятельности расширителя еще в достаточно позднюю эпоху, когда структура праиндоевропейского языка уже основывалась на

[3] «Nous entendrons par élargissement un é1ément antédésinentiel dont la fonction unique consiste à différencier des lexèmes. Le passage de la fonction de suffixe à celle d'élargissement s'opère lorsqu'un suffixe perd sa fonction distinctive au niveau des *lexies* ou lorsqu'un élargissement acquiert cette dernière fonction». (Jucquois 1972: 86).

фузии, то есть уже имела тот флективный вид, который мы можем достоверно реконструировать, сравнивая морфологические показатели родственных индоевропейских языков.

Самостоятельность формального элемента предполагает значение, которое может быть словообразовательным как у суффиксов, однако при этом следует иметь в виду, что расширители во многих случаях не вошли в систему и.-е. суффиксации, что может объясняться иной их природой и иными, отличными от суффиксов функциями.

Чуждость расширителя, соединенного с суффиксом, совершенно очевидна в примерах, которые приводил еще П. Шантрен в исследовании по древнегреческой суффиксации (Chantraine 1933: 149): δυσμή, а также δυσμαί ‘заход, закат’ и δυθμή, δυθμαί ‘то же’ (только у Каллимаха). Оба слова по внутренней форме слова обозначают ‘погружение’ и очевидным образом связаны с глаголом δύω ‘погружаться, опускаться на дно’, δύνω ‘погружаться, проникать’ (δύνFω). Для более обычного δυσμή можно предполагать влияние со стороны производного δύσις (< *-ti-), но для δυθμή объяснить появление -θ- подобным образом совершенно невозможно[4]. Кроме того, засвидетельствован и глагол δύπτω ‘нырять, погружаться’, в котором расширителем служит -p-. Возможно, что эти же значения, связанные с ‘облачением’ или ‘погружением’ в одежду являются вполне древними. Обычно эти слова относят к корню **deu-* ‘входить’. Бекес вслед за Френкелем предлагает сравнение с формой композита λωπο-δύτης ‘вор, крадущий одежду’ (Beekes 2010: 361; Fraenkel 1910: 225f.). В нескольких случаях расширитель, как кажется, присоединяется не к корню, а к суффиксу, например: σταθμός ‘логово, стойло, хлев, жилье, дверной косяк, весы’. Все перечисленные лексические значения имеют общие семы «то, где останавливаются, место остановки» и «то что стоит вертикально» (в том числе и ‘стойка весов’).

Можно было бы предполагать, что ἐφέτμη (ἐφίημι) ‘предписание, повеление, указание просьба’ (по внутренней форме «посыл») включает нулевую ступень корня и суффиксальное *-to- пассивного причастия, от которого с помощью суффикса *-m- было образовано существительное. Но в других случаях

[4] Далеко не во всех случаях можно объяснить появление -s- каким-то влиянием: в слове αἰχμή f. при мик. a_3-ka-sa-ma /aiksmans/ ‘наконечник копья, копье’ (Il.) <**h₂eik-(s)m-* мы безусловно имеем дело с расширителем.

появление суффикса *-m- легко объяснимо, тогда как появление расширителя остается загадкой: νέος ‘молодой, юный, новый’, в котором легко увидеть корень с тематическим гласным в качестве суффикса, νεοχμός ‘новый’, νεσσός ‘птенец, детеныш’.

Эти редкие типы суффиксации в целом ряде случаев определенно отражают древние типы формообразования.

Во всех перечисленных примерах исключается возможность поменять местами тот элемент, который может представлять собой древний расширитель, и собственно суффикс -m-, то есть ситуация напоминает то, что мы наблюдаем в суффиксации именных форм глагола. В качестве примера такого рода употребления можно привести интерпретацию отглагольных именных форм, т. е. причастий и инфинитивов, которые укладываются в четкую последовательность суффиксальных морфем: -m-; -t-; -w-; -s-; -n/r-; -dh-; -y-; -e-; -a-; -i. Эта последовательность определяется на основе греческих прилагательных на *-*tewos* и ведийских деепричастий на *-tvī*, *-tvā* (*-tuvā*), *-tvaya*, скр. инфинитивов на *-am* и *-tum*, латинского супина на *-tum* и *-tu*; сюда же относятся причастия на *-nt-*. Подробную таблицу и анализ примеров см.: Казанский 2010. Сами эти показатели-конглютинаты уже неразложимы ни в одном из языков с точки зрения синхронного описания (суффикс *-sani* для ведического санскрита и др.). При этом совпадения отдельных частей суффиксов в разных индоевропейских традициях показательны, и с точки зрения истории их формирования могут интерпретироваться как фиксированная последовательность морфем.

В случае с расширителями корня картина оказывается более сложной: с одной стороны мы можем выстроить жесткую последовательность: πίμπλημι – πλήθω – πλήθος – πληθύω – πληθύνω, включив в нее и греч. πλησμή ‘прилив’, так что в пределах греческого языка сможем наблюдать четкую последовательность присоединения элементов, часть из которых отчетливо представляет собой суффиксы, тогда как -θ- и -σ- могут рассматриваться как расширители корня.

Одновременно наблюдаются случаи, в которых те же элементы -θ- и -υ- меняются местами, ср. гомер. ἤλυθον при аттич. ἦλθον. В гомеровской форме можно наблюдать иной порядок тех же элементов -υ- и -θ-, которые скорее должны рассматриваться как расширители.

Такая свобода предполагает изначальную самостоятельность расширителя как морфемы в рамках словоформы и иную ее природу, отличную от суффиксальной.

Самостоятельность расширителей напоминает самостоятельность частиц, которые могут иметь разное происхождение, но которые сохраняют свою относительную независимость даже в современных флективных языках, зачастую меняя свое место в пределах одного слова. Особенно отчетливо такую свободу можно наблюдать в употреблении возвратных частиц, например, в литовском языке *džiaugė-si* ‘радовался’ и *pa-si-džiaugė* ‘порадовался’ показывают свободу перемещения частицы *-si* по отношению к глагольной основе от конечной позиции к позиции после приставки перед корнем.

Определенные аргументы в пользу того, чтобы рассматривать расширители именно как древние частицы, слившиеся с корнем, существуют[5]. Их активно использовал О. Н. Трубачев, показывая различия между славянскими и балтийскими языками (Трубачев 2003: 21). Так, например, можно с достаточной определенностью говорить о включении частиц в форму императива. С одной стороны, мы имеем императивы от глагола «идти» без усиливающих частиц: греч. аттич. ἔξ-ει, лат. *ī*, лит. *eik* (уже с частицей) и греч. гомер. ἴθι, рус. *иди*, скр. *idhi*, причем в русском языке, похоже, императивная частица уже объединилась с корнем в качестве расширителя. Есть также случай, когда императивная форма полностью вошла в основу глагола. По крайней мере, так часто объясняют происхождение греч. ἐσθίω < *H_1ed-dhi- (Chantraine 1968–: 312; Beekes 2010: 375). При этом Э. Хэмп (Hamp 1981: 153) считал возможным видеть в основе этой формы *ed-dh-, возводя исконную форму к расширенному корню. Последнее тем более правдоподобно, что хеттские формы императива архаических глаголов содержат флексию *-t*. Последняя наблюдается в ряде императивных форм (*uwatet* ‘принеси!’, *tēt* ‘говори!’, *īt* ‘иди!’), а также от глаголов с суффиксом *-nu-* (Hoffner, Melchert 2008: 182). Мелчерт и Хоффнер отмечают отсутствие конечного *-i* в хеттских формах (в противном случае мы бы наблюдали следы ассибиляции) и

[5] Др.-прусск. императив *eykete*, *eyckete* считается литуанизмом (Hock 2015: I 261). В литовском языке *-k-* однозначно определяется как частица, усиливающая императив. Сложнее обстоит дело с именными образованиями, такими как лит. *eigà* ‘ход, движение’, словом, которое может быть соотнесено с греч. οἴχομαι в едином корне с расширителем (или суффиксом?) *-gh-: *$h_3$eig^{h}- (Hock 2015: I 258).

вслед за Дж. Клаксоном принимают возможность интерпретировать его как самостоятельную частицу с побудительным значением (optional particle – Clackson 2007: 128). Появление этой частицы в формах императива (при том, что такая форма во многих языках равна чистой основе и не имеет окончания), как кажется, должно скорее усиливать побуждение к действию (просьбу и приказ). Интенсифицирующее значение уже давно усматривают в семантике расширителя *-dh-* в глагольных основах как греческого, так и других индоевропейских языков[6].

Следует, впрочем, специально отметить, что между расширителями корня и частицами также нет полного совпадения по форме: Дж. Дункель (Dunkel 2014) подчеркнул, что существуют определенные ограничения в фонемном составе праиндоевропейских частиц, указав, что в частицах не представлены фонемы *b* и h_3, а также лабиовелярные (Dunkel 2014: I, 15). Древность многих частиц, восстанавливаемых как праиндоиндоевропейские, не вызывает сомнений. Определенным аргументом в пользу сопоставления расширителей и частиц также могла бы служить их атонность и то обстоятельство, что как частицы, так и расширители обладают определенной свободой своего положения в составе морфологической и синтаксической последовательности.

Как можно видеть, к интерпретации расширителей возможны несколько взаимоисключающих подходов, в основе которых всякий раз оказываются идеи, основанные на понятии лингвистической деривации в том виде, как она понимается сегодня[7]. В настоящее время ни в одном из существующих описаний морфологической деривации праиндоевропейских языковых форм не нашлось места для расширителей корня. Современные модели деривации вообще не учитывают расширение как таковое. Не исключено, что проблема оказывается более общелингвистической, нежели сугубо индоевропеистической.

---

[6] Интенсифицирующее значение *-dh-* при образовании глагольных основ отмечается в этимологических словарях уже давно, а само выделение этого расширителя в разных языковых традициях – славянской (ЭССЯ 8: 247–248), германской (Lehmann 1942: 127; Cowgill 1960: 486 sq.) и др. стало также едва ли не общим местом.

[7] О морфологической деривации в праиндоевропейском языке см. «Краткое введение в индоевропеистику» Л. Г. Герценберга (Герценберг 2010), а также монографию А. С. Николаева «Исследования по праиндоевропейской именной морфологии» (Николаев 2010).

Литература

Ammer, K. 1952. Studien zur indogermanischen Wurzelstruktur. *Die Sprache* 2,193–214.

Beekes, R.S.P. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden, Boston, 2010.

Benveniste E. 1935 *Origines de la formation des noms en indo-européen.* Paris.

Chantraine P. 1933: La formation des noms en grec ancien. Paris: Champion.

Chantraine, P. 1968: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris.

Clackson, J. 2007 *Indo-European Linguistics. An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Cowgill, W. 1960: Gothic *iddja* and Old English *ēode*. *Language* 36 (4), 486–501.

Dunkel, G.E. 2014: *Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämme*. Bd. 1–2. Heidelberg, K. Winter Universitätverlag.

ESSYa: Trubachev, O.N. (ed.). 1981: Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. T. 8. Moscow.
ЭССЯ – Трубачев, О.Н. (ред). 1981: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 8. М.

Fortson, B. W., IV, 2004: *Indo-European Language and Culture. Blackwell Publishing*.

Fraenkel, E. 1910 *Geschichte der griechischen Nomina agentis auf* -ter, tor, -tes. Bd. I. Strassburg.

Hamp, E.P. 1981: 'Eat' in Greek. *Glotta* 59 (3–4), 155–157.

Herzenberg, L.G. 2010: *Kratkoe vvedenie v indoevropeistiku* [*A concise introduction to Indo-European linguistics*]. St. Petersburg: Nestor-Historia.
Герценберг, Л.Г. 2010: *Краткое введение в индоевропеистику*. СПб.: Нестор-История.

Hock, W. 2015: *Altlitauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. N–Ž.* Unter der Leitung von W. Hock und der Mitarbeit von E.-J. Bukevičiūtė und Chr. Schiller bearbeitet von R. Fecht, A. H. Feulner, E. Hill und D. Wodtko. Hamburg: Baar.

Hoffner, H.A., Melchert, H.C. 2008: A Grammar of the Hittite Language. Vol. I: Reference grammar. Winona Lake: Eisenbrauns.

Jucquois, G. 1972: La théorie de la racine en indo-européen (suite et fin). *La Linguistique* 8 (1), 73–103.

Kazansky, N.N. 2010: Grammatika poryadkov i problemy praindoevropeyskoy rekonstruktsii [Order of morphemes in Grammar and some problems of PIE reconstruction]. In: Dem'jankov, V.Z., Porkhomovskiy, V.Ya. (eds.). *V prostranstve yazyka i kul'tury: Zvuk, znak, smysl. Sbornik statey k 70-letiyu V.A. Vinogradova* [*In the Area of Language and Culture: Sound, sign, meaning. Studies Presented to V.A. Vinogradov on the Occasion of his 70th Birthday*]. Moscow:Yazyki slavyanskikh kul'tur, 589–597.

Казанский, Н.Н. 2010: Грамматика порядков и проблемы праиндоевропейской реконструкции. В сб.: В. З. Демьянков, В. Я. Порхомовский (ред.) В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл: Сб. ст. к 70-летию В. А. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 589–597.

Lehmann, W.P. 1942 : The Indo-European *dh*-determinative in Germanic. *Language* 18 (2), 122–132.

LIV – Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. Unter Leitung von H. Rix ... bearbeitet von M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer, 2. Auflage. Wiesbaden: Reichert. 2001

Nikolaev, A.S. 2010: *Issledovaniya po praindoevropeiskoy imennoy morfologii* [*Studies in Proto-Indo-European Nominal Morphology*]. St. Petersburg.
Николаев, А.С. 2010: *Исследования по праиндоевропейской именной морфологии.* СПб.: Наука, 2010.

Sihler, A. 1995. New Comparative Grammar of Greek and Latin. Oxford University Press, 1995.

Trubachev, O.N. 2003: *Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya* [*Ethnogenesis and culture of the eldest Slavs. Linguistic studies*]
Трубачев, О.Н. 2003: *Этногенез и культура древнейших славян.*

N. N. Kazansky. Root extension as a linguistic problem

The article examines different possibilities of approaching the question concerning the origins of PIE root extenders, ranging from the interpretation of the extender as a fossilized suffix to the hypothesis that compares its use to that of clitics, only in this case attached immediately to the root. The stronger and weaker points of existing approaches are assessed.

Key words: PIE root extenders, word formation.

Л. Н. Каминская

К ВОПРОСУ О ФОНЕТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ АЛБАНСКОЙ ЛЕКСИКИ В СЛОВАРЕ П. С. ПАЛЛАСА «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы»

В статье рассматриваются вопросы адаптации албанской лексики, входящей в первый российский многоязычный словарь под редакцией П. С. Палласа «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы» (1787, 1789 гг.). Подробно описываются принципы фонетической интерпретации лексического материала, позволившие максимально адекватно, насколько это позволяла лексикографическая наука того времени, отразить звуковой состав лексики, представленной в словаре. На основании анализа албанской составляющей словаря подтверждается тезис о том, что приоритетным было отображение фонетического облика слова, а не его графическое изображение. Проведенное исследование позволяет судить о диалектной принадлежности, путях и методах, применяемых при сборе и составлении албанского лексикона словаря П. С. Палласа.

Ключевые слова: словарь П. С. Палласа «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы», албанский язык, история албанского языка, история албанской лексикологии и лексикографии.

Первый российский многоязычный словарь, «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы»[1] под редакцией П. С. Палласа, отразил в себе достижения лингвистической науки второй половины XVIII века, и в частности, уровень развития фонетические представлений того времени[2].

Вопросам передачи точного произношения слов в анализируемых материалах уделялось особое внимание, поскольку в соответствии с научными представлениями того времени этимологические схождения базировались, прежде всего, на внешнем созвучии слов (Gordina 2006: 163–166).

---

[1] Сравнительные словари всѣх языковъ и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе перьвое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіатскіе языки. Часть перьвая, Въ Санктпетербург ѣ, Печатано въ Типографіи у Шнора 1787 года. Часть вторая, 1789.

[2] Об истории создания Словаря см.: Kaminskaia 2010: 125–134; Kaminskaia 2013: 112–122; Kaminskaia 2013: 399–405

Среди 200 языков, представленных в словаре Палласа, впервые в отечественной лексикографии фигурирует и албанский язык. Всестороннее изучение албанской составляющей словаря, в частности, аспектов, связанных с фонетической адаптацией лексики, позволяет пролить свет на многие вопросы, относящиеся как к истории создания словаря, развитию албано-российских научных и культурных контактов, так и собственно к истории и диалектологии албанского языка.

Поскольку графическая система русского языка служит в словаре для передачи звуковой системы албанского языка (наряду с другими языками мира), представляется важным выявить, в какой степени графический облик албанских лексем отражает их звуковой состав, насколько он оказывается искаженным в результате работы переписчиков, переходе с латиницы на кириллицу и обратно и как принципы фонетической записи слов, определенные в Словаре П. С. Палласа, оказались применимы к албанскому материалу[3].

Фонетическая система албанского языка существенно отличается от русской, поэтому использование букв русского алфавита для передачи звукового состава албанских слов неизбежно влечет за собой искажение их фонетического облика. Далее будут рассмотрены некоторые наиболее интересные способы передачи албанских гласных и согласных с помощью графической системы русского языка.

Из вокалической системы албанского языка определенный интерес представляет передача гласного [e] с помощью графических возможностей русского языка: гласный регулярно передается соответствующей русской буквой ***е*** (см. табл. 1):

Перенди ‘БОГЪ’ (1[4]), ср.: алб. p**e**ndi

Веттула ‘БРОВИ’ (21), ср.: алб. v**e**tulla

Шендетїа ‘ЖИЗНЬ’ (68), ср.: алб. sh**e**nd**e**t

Верекетъ ‘ПЛОДЫ’ (134), ср.: алб. b**e**r**e**q**e**t

В начальной позиции албанское [e] в двух лексемах передано русской буквой ***е***:

---

[3] В первой части словаря, вышедшей в 1787 г., в Предисловии, написанном по-латыни и на русском языке, Паллас отмечает, что слова изображены Российскими буквами *«сходственно с самим выговором тех народов и соответственно с произношением того языка, на коем оне написаны»*.

[4] Здесь и далее числа в скобках обозначают номер соответствующего русского слова в Словаре. Русские слова даются в орфографии словаря Палласа.

Еммеръ ‘ИМЯ’ (54), ср.: алб. **e**mër

Едуа ‘ЛЮБИТЬ’ (234), ср.: алб. **e** dua

В двух лексемах – буквой **э**, что более точно соответствует произношению этого звука:

Эръ ‘ВѢТРЪ’ (79), ср.: алб. **e**rë

Эмунда ‘ПОБѢДА’ (188), ср.: алб. **e** munda

Единичным является случай передачи [e] буквой **ѣ**:

В**ѣ**ра ‘ЛѢТО’ (91) , ср.: алб. v**e**ra

И с помощью диакритики ***é***:

В**é**ръ ‘ВИНО’ (180), ср.: алб. v**e**rë

О том, как произносить этот гласный с диакритикой, у Палласа пояснений нет.

Таблица 1. Варианты отображения [e]

Алб. гласный	Русские буквы	Примеры
[e]	**е**	**Е**ренди (алб. p**e**rendi), **Е**ттула (алб.v**e**tulla)
	э	**Э**ръ (алб. **e**rë), **Э**мунда (алб. **e** munda)
	ѣ	В**ѣ**ра (алб. v**e**ra)
	é	В**é**ръ (алб. verë)

Наибольшее разнообразие представляет передача [ə] с помощью графических средств русского языка. Качество этого звука существенно зависит от качества звуков, его окружающих, от позиции по отношению к ударению. Наличие или отсутствие этого звука в безударной позиции является маркером диалектной принадлежности лексики (Desnickaja 1968: 267).

В первой группе примеров отсутствие гласного можно интерпретировать как попытку максимально адекватно передать фонетический состав слова, в частности явление полной редукции гласного:

Вла ‘БРАТЪ’ (7), ср.: алб. v**ë**lla

Бруля ‘ЛОКОТЬ’ (34), ср.: алб. b**ë**ryll

Дборъ ‘СНѢГЪ’ (85), ср.: алб. d**ë**borë

Кфель ‘ГЛУБИНА’ (114), ср.: алб. k**ë**thell

Для позиции абсолютного конца слова характерна полная редукция гласного. Орфографически этому соответствует русский **ъ**:

Буръ ‘МУЖЪ’ (9), ср.: алб. burr**ë**

Ундъ ‘НОСЪ’ (18), ср.: алб. hund**ë**

Балъ ‘ЛОБЪ’ (24), ср.: алб. ball**ë**

Кїафъ ‘ШЕЯ’ (32), ср.: алб. qaf**ë**

В следующих двух примерах безударный конечный гласный передан в русской орфографии буквой ***е***, что соответствует севернотоскскому типу произношения (Desnickaja, 1968: 267):

Ат**е** ‘ОТЕЦЪ’ (3), ср.: алб. at**ë**

Васаз**е** ‘ДѣВА’ (11) , ср.: тоск. vashëz**ë**

В ряде лексем можно наблюдать отсутствие редукции в предударной и заударной позициях:

Вогг**е**ль ‘МАЛЬЧИКЪ’(12), ср.: алб. vog**ë**l

Нер**е**шъ ‘ЛЮДИ’ (15), ср.: алб. njer**ë**z

Мек**е**ръ ‘БОРОДА’ (31), ср.: алб. mjek**ë**r

Зем**е**ръ ‘СЕРДЦЕ’ (46), ср.: алб. zem**ë**r

Феретъ ‘ГОЛОСЪ’(53), ср.: алб. th**ë**rret

Емм**е**ръ ‘ИМЯ’ (54), ср.: алб. em**ë**r

Бертетъ ‘КРИКЪ’ (55), ср.: алб. b**ë**rtet

М**е**нгкесъ ‘УТРО’ (89) , ср.: алб. m**ë**ngjes

К**е**рфиза ‘СУКЪ’(137), ср.: алб. k**ë**rthiza

Приведенные выше примеры указывают на тоскское происхождение этих лексем.

Представляют интерес лексемы, в которых на месте гипотетического [ə] выступают русские буквы ***о***, ***а***, ***ы***. Эти факты свидетельствуют в пользу попыток зафиксировать реальное звучание албанского /ə/, имеющего различную окраску в зависимости от фонетического окружения:

П**о**лумбъ ‘ГОЛУБЪ’ (164), ср.: алб. p**ë**llumb

Вог**о**ль ‘МАЛЬЧИКЪ’ (12), ср.: алб. (i) vog**ë**l

Вас**а**зе ‘ДѣВА’ (11), ср.: алб. vash**ë**z**ë**

Ст**а**пи ‘ДОМЪ’(168), ср.: алб. sht**ë**pi

С**ы**пать ‘ТОПОРЪ’(175), ср.: алб.s**ë**pat

Таблица 2. Варианты отображения [ə]

Алб. гласный	Русские буквы	Примеры
[ə]	-	**Вл**а (алб. v**ë**lla), **Дб**оръ (d**ë**borë), **Бр**уля (b**ë**ryll), Ка**мс**ъ (kamb**ë**s), **Кф**ель (k**ë**thell)
	ъ	Бур**ъ** (burr**ë**), Ундъ (hund**ë**), Балъ (ball**ë**), Кїаф**ъ** (qaf**ë**), Дор**ъ** (dor**ë**), Нат**ъ** (nat**ë**)
	е	Нер**е**шъ (njer**ë**z), Вогг**е**ль (vog**ë**l), Мек**е**ръ (mjek**ë**r), Емм**е**ръ (em**ë**r), Зем**е**ръ (zem**ë**r), **Ф**еретъ (th**ë**rret), **Б**ертетъ (b**ë**rtet)
		Ат**е** (at**ë**), Васаз**е** (vash**ë**z**ë**)
	о	**П**олумбъ (p**ë**llumb), Вог**о**ль (vog**ë**l)
	а	Вас**а**зе (vash**ë**z**ë**), Ст**а**пи (sht**ë**pi)
	ы	С**ы**пать (s**ë**pat)

Рассмотрев основные типы передачи албанских гласных при помощи графических возможностей русского языка, можно подтвердить высказанное предположение о том, что в словаре предпринята попытка максимально точно передать звучание албанских гласных.

В системе албанских согласных наиболее интересные вопросы связаны с передачей звуков, не имеющих соответствий в фонетической системе русского языка. Поэтому передача этих звуков графическими возможностями русского алфавита представляет определенные трудности.

Албанскому согласному [h] соответствует графема ***х***. Она представлена в следующих лексемах:

Пох**ъ** ‘ВРЕМЯ’ (96), ср.: алб. ko**h**ë

Ха ‘ЯСТИ’ (227), ср.: алб. **h**a

Мерах**ь** ‘БИТЬ’ (230), ср.: алб. me rra**h**

Известно, что для севернотоскской диалектной области характерно ослабление фарингального щелевого [h] ‘h’ вплоть до нуля звука (Desnickaja, 1968: 272, 331). Отметим, что и графический облик слова в большинстве случаев стремится передать эту особенность. Этот факт является свидетельством тоскского генезиса рассматриваемых форм.

В следующих лексемах [h] на письме не отражается:

Ундъ ‘НОСЪ’ (18) , ср.: алб. **h**undë

Плюръ ‘ПЫЛЬ’ (104) , ср.: алб. plu**h**ur

Фроотъ ‘СТУЖА’ (72) , ср.: алб. fto**h**të

У ‘КОЛЪ’ (129) , ср.: алб. **h**u

Илеть ‘ЛЕГОКЪ’ (214) , ср.: алб. i le**h**të

Ангерь ‘ЯСТИ’ (227), ср.: алб. **h**angër

В материалах словаря зафиксирован один случай перехода конечного -h > -f, отражающий, по всей видимости, северно-тоскский тип произношения, возникший под влиянием южногегской диалектной зоны (Desnickaja, 1968: 272, 299).

Ше**ф**ъ ‘ЗРЬНЇЕ’ (49), ср.: алб. she**h**, гегск. she**f**

Таблица 3. Варианты отображения [h]

Алб. гласный	Русские буквы	Примеры
[h]	-------	Ундъ (алб. hundë), Плюръ (pluhur), Фроотъ (fto**h**të), У (**h**u), Илеть (i le**h**të), Ангерь (**h**angër)
	h	Пох**ъ** (ko**h**ë), **Х**а (**h**a), Мерах**ь** (me rra**h**)
	f	Ше**ф**ъ (she**h**)

Албанские согласные [ɫ] и [l], отображаемые в албанской графике как **ll** и **l**, перцептивно противопоставлены как твердый и мягкий. В корпусе словаря разграничение этих звуков и обозначение твердости и мягкости происходит не регулярно.

В позиции абсолютного конца слова мягкость согласного [l] обозначается в соответствии с орфографическими нормами русского языка мягким знаком ***ь***:

Воггел**ь** Ивогол**ь** ‘МАЛЬЧИКЪ’ (12), ср.: алб. vogë**l**, i vogo**l**

Тебе**ль** ‘ЛѢНЬ’ (191), ср.: алб. dëmbe**l**

Вого**ль** ‘МАЛО’(207), ср.: алб. (i) vogë**l**

ѣси**ль** ‘ЗЕЛЕНО’ (211), ср.: алб. jeshi**l**

Гада**ль** ‘ТИХО’ (224), ср.: алб. ngadal**ë**

В других позициях, а именно в начале и середине слова, мягкость согласного в соответствии с нормами русской орфографии передана сочетанием согласного и гласных переднего ряда:

ле: **Ле**шъ ‘ВОЛОСЪ’ (25), ср.: алб. **l**esh

Ленгатъ ‘БОЛЬ’ (61), ср.: алб. **l**engat

Фле ‘СПАТЬ’ (231), ср.: алб. f**l**e

Лемашка ‘ПЕНЬ’ (132) , ср.: алб. **l**emushk, myshk

ли: **Ли**куръ ‘КОЖА’ (42), ср.: алб. **l**ikur

Лисъ ‘ДЕРЕВО’ (128), ср.: алб. **l**is

Кел**и** ‘ПѢТЕЛЬ’ (152), ср.: алб. gje**l**i

Йотированного ***ю***:

Люмъ ‘РѢКА’ (100), ср.: алб. **l**umë

П**лю**ръ ‘ПЫЛЬ’ (104), ср.: алб. p**l**uhur

я: **Ля**рхъ ‘ШИРИНА’ (116), ср.: алб. **l**arg

Лякара ‘ЗЕЛЕНЬ’ (130), ср.: алб. **l**akra

Бру**ля** ‘ЛОКОТЬ’ (34), ср.: алб. bërry**l**

десятеричным ***ї*:**

Лїопа ‘КОРОВА’ (149), ср.: алб. **l**opa

Пул**ї**а ‘КУРИЦА’ (161), ср.: алб. pu**l**a

Во всех приведенных выше примерах фонетически корректно обозначена мягкость [l] при помощи графической системы русского языка.

В следующих словах графический облик слова не отражает мягкость сонорного, что можно рассматривать как транслитерацию:

Балтъ ‘ГЛИНА’ (103), ср.: алб. bal**t**ë

Малъ ‘ГОРА’ (106), ср.: алб. ma**l**

Налтъ ‘ВЫСОТА’ (115), ср.: алб. (i) na**l**t

Калъ ‘КОНЬ ЛОШАДЬ’ (152), ср.: алб. ka**l**ë

Бесе**лъ** ‘ГРАДЪ’ (83), ср.: алб. bize**l**e

Лакь ‘СТАРЪ’ (202), ср.: алб. p**l**ak

Лаврить ‘ПАХАТЬ’ (239), ср.: алб. **l**avrit

Твердость албанского велярного [ɬ] передана в следующих словах в конечной позиции сочетанием ***лъ***:

Кїе**лъ** ‘НЕБО’ (21), ср.: алб. qie**ll**

Ба**лъ** ‘ЛОБЪ’ (24), ср.: алб. ba**ll**ë

Дїе**лъ** ‘СОЛНЦЕ’ (75), ср.: алб. die**ll**

Аку**лъ** ‘ЛЕДЪ’ (86), ср.: алб. aku**ll**

Пи**лъ** ‘ЛѢСЪ’ (126), ср.: алб. py**ll**

В середине слова и в начальной позиции [ɬ] отображается как ***л*** в соответствии с нормами русской орфографии.

Вла ‘БРАТЪ’ (7), ср.: алб. vë**ll**a

Веттула ‘БРОВИ’ (21), ср.: алб. vetu**ll**a

Полумбъ ‘ГОЛУБЪ’ (164), ср.: алб. pë**ll**umb

В следующих лексемах графический облик не отражает твердость согласного:

Ав**ли** ‘ДВОРЪ’ (170), ср.: алб. av**ll**i

Или ‘ЗВѢЗДА’ (77), ср.: алб. y**ll**i

Таблица 4 . Варианты отображения [ɬ] и [l]

Алб. согласный	Русские буквы	Примеры
[l]	**ль**	Воггель Ивоголь (алб. vogël, i vogol), Тебель (dëmbel), Воголь ((i) vogël), ѣсиль (jeshil), Гадаль (ngadalë)
	ле	Лешъ (lesh), Ленгатъ (lengat), Фле (fle), Лемашка (lemushk)
	ли	Ликуръ (likur), Лисъ (lis), Кели (gjeli)
	лю **ля**	Люмъ (lumë), Плюръ (pluhur), Лярхъ (larg), Лякара (lakra), Бруля (bërryl)
	лї	Лїопа (lopa), Пулїа (pula)
[ɬ]	**лъ**	Кїелъ (qiell), Балъ (ballë), Дїелъ (diell), Акулъ (akull), Пилъ (pyll)
	л	Вла (vëlla), Веттула (vetulla), Полумбъ (pëllumb)

Проведенный анализ расширяет наши представления об уровне развития лингвистической науки второй половины 18 в. Можно с уверенностью сказать, что разработанные принципы фонетической транскрипции при составлении двуязычных и многоязычных словарей были впервые применены к албанскому материалу, представленному в словаре.

Несмотря на трудности, связанные с существенным различием между албанской и русской фонетическими системами, в словаре предпринята попытка максимально точно воспроизвести произношение слов албанского языка, а не их графическое изображение.

Отображение албанских слов, их графический облик дают основания судить о диалектной принадлежности, путях и методах, применяемых при сборе и составлении албанского лексикона словаря П. С. Палласа.

Литература

Desnickaja, A.V. 1968: *Albanskij jazyk i jego dialekty.* [Albanian language and its dialects]. Leningrad.
Десницкая А.В. 1968: *Албанский язык и его диалекты.* Л.

Gordina, M.V. 2006: *Istorija foneticheskih issledovanij.* [Phonetic studies history]. St.-Petersburg.
Гордина, М. В. 2006: *История фонетических исследований.* СПб.

Kaminskaia, L.N. 2010: Albanskaja sostavljajusshaja v lingvisticheskih materialah slovarja P.S. Pallasa. [Albanian materials in P.S. Pallas dictionary]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* (9); 4, [*Journal of St.-Petersburg University*] (9); 4, St.-Petersburg, 125–134.
Каминская, Л.Н. 2010: Албанская составляющая в лингвистических материалах словаря П.С. Палласа. *Вестник Санкт-Петербургского университета.* (9); 4, Санкт-Петербург, 125–134.

Kaminskaia, L.N. 2013: Ob istichnikah albanskoj leksiki v slovarje P.S. Pallasa. [The sourses of Albanian words in P.S. Pallas dictionary]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* (9; 4), [*Journal of St.-Petersburg University*] (9); 4, St.-Petersburg, 112–122.
Каминская Л.Н. 2013: Об источниках албанской лексики в словаре П.С. Палласа. *Вестник Санкт-Петербургского университета* (9); 4, Санкт-Петербург, 112–122.

Kaminskaia, L.N. 2013: Slovar' P.S. Pallasa «Linguarum totius orbis vocabularia comparative Augustissimae cura collecta» (1787, 1789) kak istochnik foneticheskogo issledovanija [P.S. Pallas dictionary as a sourse of phonetic studies]. *Verbum* 4, Vilnius, 71–79.
Каминская, Л.Н. 2013: Словарь П.С. Палласа «Linguarum totius orbis vocabularia comparative Augustissimae cura collecta» (1787, 1789) как источник фонетического исследования. *Verbum* 4, Vilnius, 71–79.

Pallas, P.S. 1787: *Sravniteljnyje slovari vsjeh jazykov i narejchij, sobtannyje Desniceju vsevysochajshej osoby. Otdelenije pervoje, soderzheshcheje v sebe evropejskije i aziatskije jazyki. Chastj pervaja. V Sanktpeterburge.* [Linguarum totius orbis vocabularia comparative Augustissimae cura collecta], St.-Petersburg.
Паллас, П.С. 1787: Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нар ѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе

перьвое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіатскіе языки. Часть перьвая. Въ Санктпетербургѣ.

Pallas, P.S. 1789: *Sravniteljnyje slovari vsjeh jazykov i narejchij, sobtannyje Desniceju vsevysochajshej osoby. Otdelenije pervoje, soderzheshcheje v sebe evropejskije i aziatskije jazyki. Chastj vtoraja. V Sanktpeterburge.* [Linguarum totius orbis vocabularia comparative Augustissimae cura collecta], St-Petersburg,

Паллас, П.С. 1789: Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе перьвое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіатскіе языки. Часть вторая. Въ Санктпетербургѣ.

L.N. Kaminskaia. Phonetic adaptation of Albanian lexical material in P.S. Pallas multilingual dictionary «Linguarum totius orbis vocabularia comparativa Augustissimae cura collecta» (1787, 1789)

The article deals with the principles of phonetic adaptation of Albanian lexical material in Peter S. Pallas multilingual dictionary «Linguarum totius orbis vocabularia comparativa Augustissimae cura collecta». The principles of phonetic interpretation of lexical material, that enabled to describe as close as the lexicography of that period permitted, phonetic interpretation of the material, are described in detail.

The analysis of the Albanian part of the dictionary proves the thesis, that the priority was the phonetic component and not the graphic. The study conducted gives judgment about dialect nature, ways and methods used during the work over Albanian part of the dictionary. The analysis done gives us thorough understanding of the achievements of linguistics in the second half of the 18 century. We now know that the principles of phonetic transcription were for the first time established in dictionary under discussion describing the Albanian materials. In spite of the difficulties issuing from difference between Russian and Albanian phonetic systems, the dictionary gave rather adequate pronunciation of Albanian words. The way Albanian words were rendered and their graphical pictures give us possibility to judge about their dialect origin, and ways and methods used in gathering the Albanian lexicon of the Pallas dictionary.

Key words: P.S. Pallas dictionary «Linguarum totius orbis vocabularia comparative Augustissimae cura collecta», Albanian language history and dialectology, Albanian lexicography and lexicology.

А. В. Каргальцев

ИСТОРИЯ ОДНОЙ МИСТИФИКАЦИИ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ГОНЕНИЯ ДЕЦИЯ*

Римская политика в отношении христиан в середине III в. до сих пор вызывает неутихающие споры в историографии. В особенности это касается жертвоприношений 249–250 гг., организованных Децием, которые вылились в первое общеимперское преследование христиан. Эдикт Деция не сохранился, и мы располагаем лишь обрывочными свидетельствами христианских авторов, из которых сложно понять подлинные намерения императора. Однако существует издание так называемого «Эдикта Деция Августа против христиан», осуществленное французским гуманистом Бернардом Медонием в 1664 г., подлинность которого сомнительна, но которое, тем не менее, позволяет поставить вопрос, возможна ли реконструкция эдикта Деция на основании известных данных источников.

Ключевые слова: ранее христианство, Церковь, гонения Деция, Римская империя.

В 1664 г. французский гуманист Бернард Медоний (Bernardus Medonius) опубликовал источник, известный как «Decii Augusti imperatoris edictum adversus christianos». Его изданию предшествовала почти детективная история. Б. Медоний получил некую древнюю рукопись от своего друга Иоганна Кроя (Iohannes Crojus), которая впоследствии бесследно исчезла[1]. Во всяком случае, обратившийся к этому сюжету столетие спустя Л. С. де Тиллемон не обнаружил оригинальный пергамен и анализировал только издание Б. Медония (Le Nain de Tillemont 1732: 309–310). Об авторе публикации известно немногое. Безусловно, Б. Медоний принадлежал к числу образованных людей своего времени. Его основная творческая активность приходилась на середину – вторую половину XVII в. Б. Медоний жил и работал в Тулузе, вероятно, принадлежал ко двору тулузского архиепископа, на что указывали его связи с католическим духовенством. Состоял в переписке с виднейшим библиофилом и собирателем древностей Николаем Хейнсием

* Подготовка материала выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-01260а2 «Раннехристианская агиография в контексте позднеантичной культуры».

[1] Decii Edictum ex antiquissimis membranis erutum (Medonius 1664: 1).

Старшим. Б. Медоний интересовался региональной историей, в частности, опубликовал документ о происхождении цветочных игр в Тулузе и несколько биографических портретов современников, однако его подлинный интерес вызывала история ранней Церкви. Так, например, он подготовил к изданию сборник житий, который перевел с греческого оригинала («Explicatio officiorum sanctae ac magnae ecclesiae, iuxta eorum ordinem», 1655). Очевидно, Б. Медоний и сам был собирателем рукописей, именно поэтому в его руках оказался «Эдикт Деция», который он издал, снабдив небольшим комментарием и приложив свидетельства христианских авторов о дециевом гонении. Во всяком случае, иные его публикации не позволяют считать Б. Медония ни «изобретателем» многочисленных «древних актов», что, в общем, было характерно для гуманистов раннего Нового времени, ни критическим исследователем, насколько вообще это понятие можно применить к гуманистическим антикварным штудиям. Во всяком случае, упомянутый сборник житий в массе своей содержит также полулегендарные сведения. Вероятно, автором антихристианского «Эдикта Деция» мог быть кто-то из гуманистов той эпохи.

Важность публикации такого источника, в случае его подлинности трудно было бы переоценить. В отличие от других крупных преследований (гонений при Марке Аврелии, гонений Валериана, гонений Диоклетиана), причины, побудившие Деция организовать всеобщие жертвоприношения, которые и вылились в избиение христиан, не ясны. Существовавший в научной литературе до середины XX в. консенсус, опиравшийся на свидетельства христианских писателей: Евсевия (Euseb. HE, VI, 40, 1–42, 6), Киприана (Cypr. Ep., 3–44), Лактанция (Lact. De mort. pers., 4, 1) и др., – что император, обеспокоенный ростом Церкви или даже покровительством ей своего предшественника Филиппа Араба, свергнутого в результате гражданской войны 248 г., решился на борьбу с ней, организовав жертвоприношения, дабы выявить скрывающихся христиан, сегодня уже однозначно пересмотрена[2]. Не устояла и гипотеза, в соответствии с которой Деций представлялся римским идеалистом, стремившимся к возрождению традиционной римской религии (Циркин 2009: 315). Во-первых, нет ясных свидетельств источников о том, что религиозная политика Деция была именно традицио-

[2] Подробнее анализ точек зрения в историографии см. Kargaltsev 2016: 155–157.

налистской, то есть направленной не только против христиан, но и засилья других восточных культов, обосновавшихся в начале III в. в святая святых Вечного города. Во-вторых, проведение столь продолжительной и затратной компании, в которой участвовало без преувеличения все население государства, сопровождавшейся затратами на организацию, жертвенное мясо и вино, представляется явно избыточным в свете борьбы с христианами. Тот факт, что в жертвах, действительно, участвовали широкие массы населения, подтверждается наличием либелл – свидетельств, которые выдавались после принесения жертв. Эти небольшие документы были обнаружены в конце XIX в. в Египте (Knipfing 1923: 345–390). Высказывалась гипотеза, что они могли выдаваться лишь в отдельных регионах. Однако упоминание их обладателей в числе христианских отступников (*lapsi*) и даже выделение этой категории отступников в отдельную группу Карфагенским собором 251 г. (*libellatici*) свидетельствуют, что либеллы, несомненно, имели широкое хождение и на западе Империи[3]. Наконец, косвенно об этом говорит молчание языческих авторов, которые в числе проблем вставших перед императором в начале его правления называют узурпаторов, военную угрозу, гражданскую войну, но ни разу не упоминают о христианах. По всей видимости, в перечне проблем новой власти они, действительно, занимали не главное место. Таким образом, сопоставление всех свидетельств источников о религиозной политике Деция ставит перед исследователями непростую задачу. С одной стороны, нет оснований оспаривать тот факт, что христиане подверглись массовому избиению. Погибли предстоятели крупнейших кафедр: Рима, Антиохии, Иерусалима и др., а Киприан Карфагенский и Дионисий Александрийский спаслись лишь потому, что вовремя успели скрыться. С другой стороны, нельзя говорить, что жертвоприношения Деция имели изначально именно антихристианскую направленность. В последние годы выдвигалось несколько гипотез: религиозные мероприятия императора рассматривались как празднества по случаю вступления его на престол (Selinger 2002: 137–155), как борьба со сторонниками свергнутого Филиппа Араба (Bleckmann 2006: 65–66), наконец, как попытка успокоить население накануне варварского вторжения,

[3] Карфагенский собор 251 г. сделал различие между sacrifi cati – участниками жертвоприношений и libellatici, получившими свидетельства без участия в жертвах (Kargaltsev 2015: 436).

но ни одна из них не получила однозначной поддержки, поскольку не учитывала всю совокупность данных источников. Ответ на вопрос мог быть получен в случае обнаружения самого дециева эдикта или его описания. Таким образом, издание Медония в случае обнаружения им подлинного эдикта или хотя бы редакции последнего позволило бы разрешить существующие противоречия.

Что же представляет собой текст памятника? Он разделен на две части. Первая озаглавлена как «Decii Augusti imperatoris edictum adversus christianos», то есть собственно «Эдикт Деция против христиан», в котором от имени Деция Августа и Деция Цезаря (очевидно, Гренния Этруска) содержится обращение к армии и опосредованно, через сенат, чиновникам римских провинций. Вторая часть – это «Imperatorem Decii et Valeriani edictum», небольшой текст, содержащий указание о победе этих императоров над врагами с помощью богов, почитание которых отвергают христиане. Трудно сказать, что легло в основу легенды об, очевидно, соправителях Деции и Валериане, свидетельство ли «Авторов жизнеописаний августов» о назначении Децием Валериана принцепсом сената (SHA Val., 5–6) или ошибочное ли объединение обоих гонений в одно. Так или иначе, второй фрагмент небольшой и малоинформативный и не содержит каких-либо ценных уточнений для эпохи Деция и Валериана. Напротив, первая часть представляет несомненный интерес. Тот факт, что автор упоминает Деция и его младшего соправителя, может свидетельствовать о том, что в основе лежит надежная историческая традиция (Aur. Vict. Caes., 29, 1). Можно выделить несколько основных мыслей указа. Риму противостоят многочисленные враги, в частности варвары, противостояние которым возможно лишь при заступничестве богов, почитание оговаривается в эдикте. Примечательно, что процедура жертвоприношений не описана детально, лишь говорится, что это обязанность государя и всего римского народа. Однако, почитанию богов противятся христиане[4]. Сам по себе, этот факт еще не поясняет, почему их деяния потребовали вмешательства императора. Безусловно, к середине III в., существовали, как законодательная база, восходящая, как принято считать, к переписке Плиния Младшего с Траяном, так и сочинения античных авторов, развенчивающих христианские

[4] nisi quoddam genus hominum Christianae sectae conatus nostros praepediret (Medonius 1664: 2).

суеверия. Преследование верующих возлагалось на провинциальные власти, которые прежде успешно справлялись с этой задачей. Что же изменилось, что потребовало общеимперского эдикта? Во-первых, христиане стали весьма многочисленны и распространились во всех социальных слоях Империи, что было плохо само по себе (Medonius 1664: 4–5)[5]. Во-вторых, своими молитвами они нарушали заведенный порядок жертвоприношений (Medonius 1664: 5). Здесь можно отметить несколько обстоятельств. Существует гипотеза, что эдиктов Деция могло быть несколько, в этом случае в распоряжении Б. Медония мог оказаться один из позднейших указов, предписывающий расправу над верующими после всеобщих жертвоприношений[6]. Однако все известные свидетельства, связанные с преследованием христиан в это время указывают, что верующие подвергались гонениям не за «имя» как раньше, а именно за отказ принести жертвы. Так, Пионий, пресвитер из Смирны, несколько раз отказался жертвовать, несмотря на уговоры римских чиновников (Pass. Pion., 3, 2–3; 4, 1; 4, 3; 7, 2; 8, 2–4, и пр.). Напротив, местный епископ Эвктимон, принесший жертву, не подвергся никакому наказанию (Pass. Pion., 15, 3). Даже в полулегендарном «Мученичестве Конона» жертвоприношение занимает центральное место, а также упоминается некий императорский эдикт, предписывающий почтить богов (Mart. Conon. 2, 2). Иными словами, если предположить, что «Эдикт» Б. Медония появился позднее, когда римское правительство обнаружило, что христиане противятся жертвам и решилось на массовое избиение верующих, то подтверждения этому не будет обнаружено в источниках. Второе обстоятельство связано с боязнью язычников, что молитвы христиан нарушают их религиозные обряды. Этот феномен зафиксирован традицией, но более поздней. Действительно, как свидетельствует Лактанций, в 298 г. во время традиционного жертвоприношения, проводимого гаруспиками в присутствии Диоклетиана, христиане стали осенять себя крестным знамением, в результате чего «из-за бегства демонов» церемония была нарушена. Это вызвало бешенство императора, который приказал всем присут-

[5] Ut universum Christianorum genus, per omnes gradus, Ingenuus, Manumissus, Nobilis, Illistris, Servilis, Civis Romanus... offerant.

[6] В одном из посланий Киприан говорит о «диких эдиктах» (feralia edicta) во множественном числе, что дало основание ряду ученых говорить о нескольких волнах преследований (Cypr. Ep., 55, 9): Frend 1965, 406–407; Sordi 1994: 102–105.

ствующим во дворце принести жертвы; тех, кто откажется, бить плетьми, а солдат освобождать от службы (Lact. De mort. pers., 11, 1). Здесь важно отметить, что, безусловно, страхи перед христианскими обрядами существовали и во II–III вв., но на уровне высшей власти Империи описание Лактанция, пожалуй, одно из ранних свидетельств такого рода. Наконец, в последней части эдикта говорится, что христиане должны подвергнуться специальному розыску. При этом не поясняется, кто должен заниматься, равно, как и в целом не конкретизируется, какая именно участь ждет верующих. Важно отметить, что отсутствует в эдикте – проигнорированы либеллы, которые были, безусловно, новостью для религиозной практики Империи.

Издание Б. Медония имело два очевидных следствия. Во-первых, это был историографический феномен. Исследователи XVIII–XIX вв. редко обходили вниманием этот источник, поскольку он, безусловно, отвечал взглядам историографии того времени и отчасти формировал эти взгляды[7]. Так, в науке существовал консенсус, что религиозная политика Деция была именно антихристианской, и можно было оспаривать подлинность «Эдикта», изданного Б. Медонием, но существование подобного документа не оспаривалось. Пожалуй, интерес к памятнику начал ослабевать после его детального исследования, осуществленного Б. Обэ, который не только подверг критике сам источник, но и поставил под сомнение факт существования подобного эдикта (Aubé 1886: 16–19). В современных исследованиях он потерял былое значение, и упоминание эго стало данью научной эрудиции (Fargnoli 2014: 199). Тем не менее, вопросы, которые возникают в связи с «Эдиктом», требуют, на наш взгляд, нового осмысления.

По сути дела, мы имеем дело с попыткой представить документ такого рода, то есть исследованием, выраженным в специфической форме гуманистических традиций XVII в. Автор памятника опирается на одну часть исторической традиции – сообщения христианских авторов, и дает понять, что взятая в отрыве от остального комплекса источников она представляется несостоятельной. По сути, исследование в русле «Эдикта» Б. Медония, что наблюдалось и по-прежнему наблюдается в историографии, не дает ответа на вопрос об обсто-

[7] Среди многочисленных примеров отсылок к «Эдикту» Б. Медония, как неаутентичному, но верному по сут можно выделить (Mosheim 1835: 48).

ятельствах гонения. Равно как, если взглянуть на проблему шире, коль скоро комплекс источников об этом событии расширился незначительно, попытка реконструировать эдикт Деция представляет трудной задачей, и требует, как представляется, введения в оборот новых данных.

Второе наблюдение историографического плана. Можно проследить, как «Эдикт» Б. Медония появляется в работах XVIII в. и сведения из него некритично приводятся как свидетельства источников, подтверждая общее представление, что религиозная политика Деция была именно антихристианской. Если, например, Лактанция или других христианских писателей можно было обвинить в тенденциозности, то обладание «Эдиктом» или даже его поздней редакцией снимало любые вопросы. Позднее псевдопервоисточник уходит из научного оборота, но сформулированная с его помощью масса исследований продолжает оказывать влияние на последующую научную мысль. Иными словами, сам факт игнорирования подделки полностью не избавляет от выводов ей продуцируемых. В этой связи, на наш взгляд, было уместно обратиться к исследованию памятника и показать не его примере, что вопрос о характере религиозной политики Деция не разрешен, и не может быть разрешен исключительно в пользу версии об антихристианском преследовании.

Литература

Aubé, B. 1986: *L'Église et l'état dans la seconde moitié du IIIe siècle (249-284)*. Paris.

Bleckmann, B. 2006: Zu den Motiven der Christenverfolgung des Decius. In: K.-P. Johne , T. Gerhardt, U. Hartmann (eds.), *Deleto paene imperio Romano* Stuttgart, 57–71.

Fargnoli, I. 2014: Tückischer Tyrann oder glänzender Herrscher? Zur Gesetzgebung des Kaisers Decius. In: M. Hallebeek, R. Schermaier, E. Fiori, J.-P. Metzger (eds.), *Inter cives necnon peregrines.* Goettingen, 199–217.

Frend, W.H. C. 1965: *Martyrdom and Persecution in the Early Church.* Oxford.

Kargaltsev, A.V. 2015: Afrikanskie sobory III v.: episkopy i ispovedniki [The Third century African Councils: Bishops and Confessors]. *Mnemon* 15, 432–445.
Каргальцев, А.В. 2015: Африканские соборы III в.: епископы и исповедники. *Мнемон* 15, 432–445.

Kargaltsev, A.V. 2016: Gonenija Decija i Cerkov' serediny III v.: mucheniki i vlasti [Decius' Persecutions and the Church in the Middle of the 3rd Century: Martyrs and Authorities] *Problemy*

istorii, filologii, kul'tury,1 [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies, 1], 153–165.

Каргальцев, А.В. 2016: Гонения Деция и Церковь середины III в.: мученики и власти. *Проблемы истории, филологии, культуры* 1, 153–165.

Knipfing, J. R. 1923: The libelli of the Decian persecution. *The Harvard Theological Review* 16, 345–390.

Le Nain de Tillemont, L. S. 1732: *Mémoires pour servir à l'histoire ecclésiastique des six premiers siècles.* T. 3. Bruxelles.

Medonius, B. 1664: *Decii Augusti imperatoris edictum adversus christianos*. Tolosae.

Mosheim, J. L. von. 1835: *Commentaries on the Affairs of the Christians Before the Time of Constantine the Great*. Vol. 3. London.

Selinger, R. 2002: The *Mid-Third Century Persecutions of Decius and Valerian*. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien.

Sordi, M. 1986: *The Christians and the Roman Empire*. London.

Tsirkin, Ju.B. 2009: Imperator Decij: popytka vozrozhdenija Rima [The Roman Emperor Decius: The Attempt of the Revival of Rome]. *Mnemon* 8, 313–328.

Циркин, Ю.Б. 2009: Император Деций: попытка возрождения Рима. *Мнемон* 8, 313–328.

A. V. Kargaltsev. A history of a falsification: concerning sources about Declan persecution.

This article analyzes the falsified ancient manuscript «Decii Augusti imperatoris edictumadversus christianos» published in 1664 by humanist Bernardus Medonius. He was a philosopher and a historian, interested in the history of the ancient Church; that was quite typical for intellectuals of the confessional era. In the edition he pretends to publish the edict that appeared in 248-249, when Decius declared an empire-wide sacrifice resulting in the first wide persecution of Christians. A study of the text carried out by scientists in the 17–19th centuries strictly defined it as a forgery. However, the text is interesting for two reasons. Firstly, this historiographical phenomenon had a significant impact on scientific thought of several centuries, when the edict of Decius was basically interpreted as anti-Christian. Secondly, it could be seen as an attempt to reconstruct the edict on the basis of the existing text-sources. It has to be admitted that the source base has slightly changed over past century. In general, only libellis, evidence that the inhabitants of the Empire received after the sacrifices, were found. But from testimonies of Cyprian and other writers it was known about their existence in the 16th century already. Thus, modern science operates generally on the same sources as those studied by Medonius. The problem is that the edict was not preserved, and, therefore, it is difficult to explain the contradiction, why, on the one hand, the entire population of the Empire was involved in the sacrifices, and, on the other hand, why Christians became its main victims. Medonius's attempt to reconstruct the anti-Christian edict of Decius shows that motives of religious policy of the Emperor weren't clear for the researchers already in

the 17th century. Today among scholars there also is no consensus on this matter. Therefore, Medonius's publication once again proved that an attempt to reconstruct the edict of Decius on the basis of the existing sources is doomed to failure. Scientists should hope that new authentic testimonies about the period and the emperor's policy would be found. Medonius's attempt, however, remains a symbol of his own epoch, with his ambition to understand tyrannical policy and religious persecutions of the late antiquity should have been an attempt to understand modern circumstances.

Keywords: early Christianity, Church, Decian persecution, Roman Empire.

Б. А. Каячев

ЭПИТАФИЯ ДОРИХЕ
(Посидипп, XVII Gow–Page)

Работа предлагает прочтение эпиграммы Посидиппа, посвященной Дорихе, возлюбленной брата Сапфо Харакса. Привелечение новых параллелей позволяет уточнить интерпретацию эпиграммы в ряде деталей. В частности, проясняется ключевой момент поэтики Посидиппа: двойственная природа эпиграммы как прикладного и как литературного текста.

Ключевые слова: Посидипп, Сапфо, эпиграммы, эпиграфика, памятники, пирамиды, папирус, память, Египет

В тринадцатой книге «Пира мудрецов» Афиней рассказывает историю Дорихи, египетской возлюбленной брата Сапфо Харакса, цитируя в том числе посвященную ей эпиграмму Посидиппа (13.596c–d)[1]:

Δωρίχα, ὀστέα μὲν †σ' ἁπαλὰ κοιμήσατο δεσμῶν
χαίτης ἥ τε μύρων ἔκπνοος ἀμπεχόνη,
ᾗ ποτε τὸν χαρίεντα περιστέλλουσα Χάραξον
σύγχρους ὀρθρινῶν ἤψαο κισσυβίων·
Σαπφῶαι δὲ μένουσι φίλης ἔτι καὶ μενέουσιν
ᾠδῆς αἱ λευκαὶ φθεγγόμεναι σελίδες.
οὔνομα σὸν μακαριστόν, ὃ Ναύκρατις ὧδε φυλάξει
ἔστ' ἂν ἴῃ Νείλου ναῦς ἐφ' ἁλὸς πελάγη.

Дориха, твои кости давно украсила лента для волос
и та дышащая духами накидка,
которой ты некогда укрывала красавца Харакса
и, прильнув к нему, пила из предрассветных чаш.
Сапфиной же милой песни ясные страницы
продолжают и продолжат возглашать
твое блаженное имя: так Навкратис будет его хранить,
покуда идут корабли из Нила в море.

Как известно, текст «Пира» изобилует ошибками, и эпитафия Дорихи – не исключение, что осложняет ее трактовку. Общая структура эпиграммы ясна: тленные останки Дорихи (ὀστέα μέν) противопоставлены ее непреходящей славе в стихах

[1] Текст по изданию: Gow, Page 1965: 1.171. Перевод отражает те исправления текста, которые будут оговорены ниже.

Сапфо (Σαπφῷαι δέ). Однако ход мысли внутри как первого, так и второго четверостишия менее очевиден.

Для первого стиха было предложено множество различных исправлений[2], но вариант Казобона по-прежнему представляется наиболее удачным: σὰ πάλαι κοσμήσατο δεσμός (Casaubon 1600: 556). В плащ (ἀμπεχόνη)[3], которым Дориха когда-то укрывала Харакса[4], уже давно оказались завернуты ее собственные кости[5]. Такое прочтение поддерживается аллюзией: περιστέλλειν – гомеровский гапакс с неясным значением, Посидипп его поясняет, обыгрывая его изначальный контекст[6] – будучи уверен, что Одиссей погиб, Лаэрт печалится, что мать не могла его оплакать, περιστείλασα (Od. 24.293). В позднейших текстах глагол часто значит ‘готовить к погребению, хоронить’, Посидипп же, очевидно, предлагает более точное значение: «заворачивать (в саван)». Делая объектом περιστέλλειν живого человека, а не мертвое тело, он подчеркивает мотив сходства ложа смертного и ложа любовного [7] (напротив, κοσμεῖν, более уместное в

[2] Gow, Page 1965: 2.497 упоминают некоторые из предлагавшихся исправлений, не принимая ни одного (даже конъектуру Казобона, в которой глагол им представляется неподходящим). Из недавних предложений можно упомянуть σὰ πάλη κὠσμῆς ἄπο δέσμα (Angiò 1999: 153) и σὰ πάλαι κόνις ἦν ὅ τε δεσμός (Austin, Bastianini 2002: 158); однако мысль, что кости рассыпаются в пыль, не характерна для надгробных эпиграмм, обычно кости фигурируют наравне с прахом как то, что остается от человека.

[3] Как справедливо указывает Di Benedetto 2004, вопреки распространенному пониманию, ἀμπεχόνη у Посидиппа не значит «шаль».

[4] Sens 2011: 6–7 приводит много параллелей для данного мотива. Особого упоминания заслуживает место из «Пира» Платона, где Алкивиад рассказывает о попытке соблазнить Сократа (219b): ἀμφιέσας τὸ ἱμάτιον τὸ ἐμαυτοῦ τοῦτον <…> ὑπὸ τὸν τρίβωνα κατακλινεὶς τὸν τουτουί, περιβαλὼν τὼ χεῖρε τούτῳ <…> κατεκείμην τὴν νύκτα ὅλην. Посидипп неслучайно изображает Дориху и Харакса на пиру: симпосии играли важную роль в жизни александрийских поэтов, см. McKechnie 2005.

[5] Это может отражать гомеровскую практику: ср. Il. 23, 252–254 ὀστέα λευκὰ | ἄλλεγον ἐς χρυσέην φιάλην καὶ δίπλακα δημόν, | ἐν κλισίῃσι δὲ θέντες ἑανῷ λιτὶ κάλυψαν и 24.793–796 ὀστέα λευκὰ λέγοντο <…> καὶ τά γε χρυσείην ἐς λάρνακα θῆκαν ἑλόντες, | πορφυρέοις πέπλοισι καλύψαντες μαλακοῖσιν; см. также комментарий Richardson 1993: 199–200.

[6] Di Nino 2009: 55–56. Di Nino 2009: 49–57 подробно анализирует, как Посидипп обыгрывает этот гомеровский гапакс еще в одной эпиграмме, 93.3 A.–B.

[7] Схожим образом у Проперция 4.7.94 *mecum eris et mixtis ossibus ossa teram* отсылает к 19–20 *pectore mixto | fecerunt tepidas pallia nostra*

отношении живого человека, имеет своим объектом кости).

Текст второй половины эпиграммы сохранился лучше, но и здесь не все очевидно. Как связаны бессмертие стихов Сапфо и память о Дорихе, хранимая Навкратисом? Традиционный подход не усматривает прямой связи: с одной стороны, Дориха воспета в лирике Сапфо, с другой, ее имя увековечено памятником (и помещенной на нем эпиграммой Посидиппа; ср. Gow, Page 1965: 2.498). Такое прочтение кажется естественным, и, на первый взгляд, его поддерживают две другие эпиграммы, которые могут быть прямо или косвенно связаны с Посидипповой. Одна – написанная неким Пинитом, предположительно в I веке н. э. (A.P. 7.16; см. Gow, Page 1968: 464):

ὀστέα μὲν καὶ κωφὸν ἔχει τάφος οὔνομα Σαπφοῦς,
αἱ δὲ σοφαὶ κείνης ῥήσιες ἀθάνατοι.

Однако Пинит не просто различает, а противопоставляет свою немую (κωφόν) эпиграмму бессмертным речам Сапфо. Это скорее говорит о том, что памятник Дорихе и эпитафия Посидиппа также находятся в подчиненном положении по отношению к стихам Сапфо. Другая эпиграмма была высечена на кенотафе и, как и эпиграмма Посидиппа, датируется третьим веком до н. э. (A.P. App. ep. sep. 166)[8]:

ὀστέα μὲν κρύπτει Τμῶλος νεάταισιν ὑπ᾽ ὄχθαις
Ἑρμίου, ὀγκωτὰ δὲ ἀμφιβέβακε κόνις
τηλεφαής· ξεστὰ δὲ πέτρα καθύπερθε ἀγορεύει
τὸν νεκὺν ἀφθόγγῳ φθεγγομένα στόματι.
τοῦτο δέ οἱ κενέωμα τάφου ποθέοντες ἑταῖροι
Σμύρνης ἀγχιάλοις χεῦαν ἐπ᾽ ἀιόσιν.

Примечательно, что в эпитафии говорится о двух памятниках: могиле у подножия Тмола и о кенотафе неподалеку от Смирны. В своей эпиграмме Посидипп мог следовать похожей схеме. Тогда стихи Сапфо оказываются своего рода надгробьем, а эпиграмма Посидиппа – надписью на кенотафе (ср. ὧδε с τοῦτο δέ). Стоит особо отметить, что смирнская эпиграмма использует ту же метафору говорящего текста, что и Посидипп применительно к стихам Сапфо, причем употребляя тот же глагол φθέγγομαι в той же метрической позиции (φθεγγομένα, ср. φθεγγόμεναι). Наличие прямого дополнения в смирнской эпи-

uias, где *pallia* можно сравнить с ἀμπεχόνη (ср. Coutelle 2015: 767). См. также Seaford 1987, о смерти как браке.

[8] См. Petzl 1982: 214; Merkelbach, Stauber 1998: 528.

грамме (τὸν νεκύν, хотя формально оно скорее зависит от ἀγορεύει) говорит в пользу того, чтобы видеть в οὔνομα σὸν μακαριστόν не самостоятельное предложение, а прямое дополнение, зависимое от φθεγγόμεναι. Итак, памятник в Навкратисе и написанная на нем эпиграмма Посидиппа вторичны по отношению к поэзии Сапфо: Сапфо произносит имя Дорихи, Посидипп же ей лишь вторит.

Вторичность эпиграммы Посидиппа дополнительно оттеняется отсылкой к гомеровскому контексту. Ожидаемым образом, слово πάλαι не характерно для настоящих надгробных эпиграмм, которые обычно пишутся сразу, а не по прошествии лет. Однако оно появляется у Гомера, в знаменитом пассаже, где Гектор говорит о своей будущей славе, увековеченной могилой убитого им грека (Il. 7.87–91):

> καί ποτέ τις εἴπῃσι καὶ ὀψιγόνων ἀνθρώπων
> νηὶ πολυκλήιδι πλέων ἐπὶ οἴνοπα πόντον·
> ἀνδρὸς μὲν τόδε σῆμα πάλαι κατατεθνηῶτος,
> ὅν ποτ’ ἀριστεύοντα κατέκτανε φαίδιμος Ἕκτωρ.
> ὥς ποτέ τις ἐρέει· τὸ δ’ ἐμὸν κλέος οὔ ποτ’ ὀλεῖται.

Античные комментаторы отмечали эпиграмматический характер стихов 89–90 и спорили о том, имел ли Гомер в виду настоящую надгробную эпиграмму (позиция по этому вопросу зависела от относительной датировки сочинения гомеровских поэм и изобретения письменности, см. Petrovic 2016: 48–50). Посидипп, очевидно, дает понять, что гомеровская «эпиграмма» вторична по отношению к устной эпической традиции, точно так же, как его собственная эпиграмма – написанная как раз одним из ὀψιγόνων ἀνθρώπων – вторична по отношению к поэзии Сапфо. Память хранят слова, а не камни.

Эту же мысль подчеркивает еще один подтекст – знаменитый отрывок из Феогнида, в котором тот обращается к Кирну (Theogn. 245–252; ср. Klooster 2011: 29–30):

> οὐδέποτ’ οὐδὲ θανὼν ἀπολεῖς κλέος, ἀλλὰ μελήσεις
> ἄφθιτον ἀνθρώποισ’ αἰὲν ἔχων ὄνομα,
> Κύρνε, καθ’ Ἑλλάδα γῆν στρωφώμενος, ἠδ’ ἀνὰ νήσους
> ἰχθυόεντα περῶν πόντον ἐπ’ ἀτρύγετον,
> οὐχ ἵππων νώτοισιν ἐφήμενος· ἀλλά σε πέμψει
> ἀγλαὰ Μουσάων δῶρα ἰοστεφάνων.
> πᾶσι δ’ ὅσοισι μέμηλε καὶ ἐσσομένοισιν ἀοιδὴ
> ἔσσῃ ὁμῶς, ὄφρ’ ἂν γῆ τε καὶ ἠέλιος.

Если у Гомера мореплаватель должен приплыть к берегу Трои (νηὶ πολυκλήιδι πλέων ἐπὶ οἴνοπα πόντον), чтобы узнать о подвиге Гектора, у Феогнида Кирн сам пересечет море (ἰχθυόεντα περῶν πόντον ἐπ᾽ ἀτρύγετον), чтобы прославиться по всему греческому миру. Какую ситуацию имеет в виду Посидипп, когда пишет, что Дориху будут помнить, покуда плавают корабли? На первый взгляд кажется, что эпиграмма должна следовать гомеровской модели: проплывая Навкратис, мореход увидит памятник и прочтет эпитафию. Однако более внимательный читатель заметит, что корабль в эпиграмме плывет не в Навкратис, а из Навкратиса. Была высказана привлекательная догадка, что плывущий из Египта корабль может везти папирусные издания – как Сапфо, так и самого Посидиппа[9].

В действительности, эти два прочтения не взаимоисключающи. Если эпиграмма в самом деле была высечена на памятнике Дорихе в Навкратисе, для прохожего ὅδε будет привязано к этому конкретному месту. Однако для читающего ее на папирусе (а Посидипп, несомненно, предусматривал публикацию) ὅδε будет указывать, во-первых, на конкретный свиток («здесь») и, во-вторых, на такой способ бытования поэзии вообще («так»). Для литературного эпиграмматиста это ключевой жанровый парадокс: хотя камень – материал куда более долговечный, только папирус может обеспечить стихам бессмертие и всемирную славу[10]. Как литературный, а не прикладной текст эпиграмма Посидиппа оказывается не столько противопоставлена стихам Сапфо, сколько связана с ними: вступая в литературный диалог, Посидипп умножает славу и продлевает жизнь также и им[11] (ἔστ᾽ ἂν ἴῃ Νείλου ναῦς ἐφ᾽ ἁλὸς πελάγη, в конечном счете, сродни: «покуда поэзия продолжает читаться»).

В заключение, несколько слов о том, о чем Посидипп умалчивает. Как уже было отмечено, эпиграмма прямо не говорит о памятнике, для которого она могла быть написана. Но есть еще один памятник, неупоминание о котором может быть тоже неслучайным. По свидетельству Геродота, некоторые греки считали, что пирамиду Микерина в действительности построила Дориха (Hdt. 2.134; см. Lidov 2002). Возможно, отсутствие упоминания пирамиды у Посидиппа объясняется

[9] Кажется, первой такое прочтение предложила Rosenmeyer 1997: 132. См. более подробно у Bing 2005: 132.
[10] Ср. прочтение так называемой «сфрагиды» Посидиппа (118 А.–В.), предложенное Gauly 2005.
[11] Ср. Acosta-Hughes 2010: 3.

тем, что он, как и Геродот, в это предание не верил[12]. Однако умолчание Посидиппа может иметь более глубокий смысл[13]. Пирамиды – в некотором смысле идеал памятника как носителя эпиграфических надписей. Отказывая им в упоминании, Посидипп может намекать, что надеется на сохранение своих эпиграмм не на камне, а в памяти[14].

Литература

Acosta-Hughes, B. 2010: *Arion's Lyre: Archaic Lyric into Hellenistic Poetry*. Princeton.

Angiò, F. 1999: Posidippo di Pella, l'*ep.* XVII Gow-Page e l'Αἰθιοπία. *MH* 56, 150–158.

Austin, A., Bastianini, G. 2002: *Posidippi Pellaei quae supersunt omnia.* Milano.

Bing, P. 2005: The Politics and Poetics of Geography in the Milan Posidippus Section One: On Stones (AB 1–20). In: K. Gutzwiller (ed.). *The New Posidippus: A Hellenistic Poetry Book*. Oxford, 119–140.

Casaubon, I. 1600 *Animadversionum in Athenaei Dipnosophistas libri XV*. Leiden.

Coutelle, E. 2015: *Properce, Elégies, livre IV*. Bruxelles.

Di Benedetto, V. 2004: Il falso scialle di Dorica. *RCCM* 46, 315–318.

Di Nino, M.M. 2009: Lost at Sea: Pythermus as an Anti-Odysseus? *AJPh.* 130, 47–65.

Gauly, B.M. 2005: Poseidipp und das Gedichtbuch: Überlegungen zur

[12] В комментарии к «Памятнику» Горация Nisbet, Rudd 2004: 366 упоминают эпиграмму Посидиппа, но ограничиваются констатацией: "though Doricha was wrongly connected with a pyramid <…>, nothing is said of that in the epigram".

[13] Как известно, александрийские поэты почти полностью игнорировали египетскую культуру. Однако в последнее время стали появляться работы, показывающие, что на имплицитном уровне они нередко отсылали к египетским реалиям; см. в особенности Stephens 2003: 171–237 (о параллелях между походом аргонавтов и египетским солярным мифом). Что касается эпиграммы Посидиппа, было высказано предположение, что плывущий по Нилу корабль может отсылать к мифологической Ладье Солнца (см. Acosta-Hughes 2010: 3 n. 9), тем самым, сближая посидипповский контекст с феогнидовским ὄφρ' ἂν γῆ τε καὶ ἠέλιος. Имплицитная отсылка к египетской Ладье Солнца может служить косвенным доводом в пользу того, что Посидипп думал также и о пирамидах. Наконец, внимание, уделяемое не только останкам Дорихи, но и ее одежде, может намекать на практику мумификации, казавшуюся грекам экзотической, а то и вовсе извращенной; о греческом отношении к мумиям, ср. Montserrat 1998: 164–168. Память о Дорихе жива не потому, что ее тело мумифицировали и похоронили в пирамиде, а потому что о ней писала Сапфо.

[14] Написанию настоящей работы поспособствовало гостеприимство Fondation Hardt.

Sphragis und zum Mailänder Papyrus. *ZPE* 151, 33–47.
Gow, A.S.F., Page, D.L. 1965: *Hellenistic Epigrams*. 2 vols. Cambridge.
Gow, A.S.F., Page, D.L. 1968: *The Garland of Philip*. Vol. 2. Cambridge.
Klooster, J. 2011: *Poetry as Window and Mirror: Positioning the Poet in Hellenistic Poetry*. Leiden.
Lidov, J.B. 2002: Sappho, Herodotus, and the *Hetaira*. *CPh* 97, 203–237.
McKechnie, P. 2005: Beau Monde and Demi-Monde in Alexandria, 323–116 BC. *AC* 74, 69–82.
Merkelbach, R., Stauber, J. 1998: *Steinepigramme aus dem griechischen Osten*. Bd. 1. Stuttgart.
Montserrat, D. 1998: Unidentified Human Remains: Mummies and the Erotics of Biography. In: D. Montserrat (ed.) *Changing Bodies, Changing Meanings: Studies on the Human Body in Antiquity*. London, 162–197.
Nisbet, R.G.M., Rudd, N. 2004: *A Commentary on Horace: Odes, Book III*. Oxford.
Petrovic, A. 2016: Archaic Funerary Epigram and Hector's Imagined *Epitymbia*. In: A. Efstathiou, I. Karamanou (eds). *Homeric Receptions across Generic and Cultural Contexts*. Berlin, 45–58 (in print).
Petzl, G. 1982: *Die Inschriften von Smyrna*. Teil I. Bonn.
Richardson, N. 1993: *The Iliad: A Commentary*. Vol. 6: Books 21–24. Cambridge.
Rosenmeyer, P.A. 1997: Her Master's Voice: Sappho's Dialogue with Homer. *MD* 39, 123–149.
Seaford, R. 1987: The Tragic Wedding. *JHS* 107, 106–130.
Sens, A. 2011: *Asclepiades of Samos: Epigrams and Fragments*. Oxford.
Stephens S.A. 2003: *Seeing Double: Intercultural Poetics in Ptolemaic Alexandria*. Berkeley.

Boris Kayachev. Doricha's Epitaph (Posidippus, XVII Gow–Page)

The study offers a detailed reading of Posidippus' epigram on Doricha, the Egyptian beloved of Sappho's brother Charaxus. It advocates accepting Casaubon's old emendation of line 1 (σὰ πάλαι κοσμήσατο δεσμός), suggesting that Posidippus alludes to the Homeric practice of wrapping the bones in cloth after cremation. A revealing parallel for the structure of the epigram is pointed out in *App. Anth.* 166, a third century B.C. epigram found on a cenotaph in Smyrna. Two important models are suggested in Homer (*Iliad* 7.87–91) and Theognis (245–252), which highlight Posidippus' appreciation of the double nature of epigram as both an (imagined) *ad hoc* inscription and a piece of poetry. Finally, it is argued that Posidippus may be intentionally suppressing the legend (reported by Herodotus at 2.134) that one of the pyramids was built by Doricha: Posidippus may thus have wanted to indicate that he preferred papyrus to stone as a medium for his poetry.

Keywords: Posidippus, Sappho, epigrams, epigraphy, monuments, pyramids, papyrus, memory, Egypt.

М. Л. Кисилиер

ИЗ ИСТОРИИ НОВОГРЕЧЕСКОГО ПЕРФЕКТА*

В статье рассматриваются глагольные словосочетания с ἔχω ‘иметь’ на материале ряда памятников ранней новогреческой литературы. Эти словосочетания часто трактуются как формы перфекта, однако предпринятый анализ позволяет усомниться в том, что в раннем новогреческом вообще существовал перфект, хотя, вероятно, отдельные оттенки его значения наблюдаются у конструкций с глаголом ‘быть’. Также можно утверждать, что, несмотря на ряд существенных морфонологических трудностей, в основе форм новогреческого перфекта/плюсквамперфекта лежит именно инфинитив, а не какая-либо иная глагольная форма.

Ключевые слова: язык ранней новогреческой литературы, новогреческий перфект, новогреческий футурум, аналитические формы в новогреческом языке, «Стихотворения» Птохопродрома, «Поэма о Дигенисе Акрите», Гротта-Ферратская версия, Эскуриальская версия, «Морейская хроника», «Эротокрит», «Жертвоприношение Авраама»

В самом начале своей диссертации, посвященной истории развития перфектных форм в греческом языке, Амалия Мозер отмечает, что новогреческий перфект крайне плохо изучен (Mozer 1988: 1). Хотя с тех пор прошло уже без малого три десятилетия, и появилось много работ, посвященных новогреческому перфекту, это высказывание не перестало быть справедливым и сегодня. Несмотря на относительно подробное исследование Евы Хедин (Hedin 1987), значение и функции новогреческого перфекта не до конца выяснены. Можно точно утверждать, что они принципиальным образом отличаются от значения и функций английского перфекта; ср. следующие примеры, приводимые Амалией Мозер (Mozer 1994: 50):

* Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00394. Основой для настоящей статьи стал доклад «А был ли перфект?», прочитанный автором совместно с Д. В. Галиной на рабочей конференции «Перфект на Балканах и вне Балкан» (25.04.2011, Греческий институт филологического факультета СПбГУ). Некоторые материалы доклада также отражены в дипломном сочинении Д. В. Галиной (Galina 2011), которую автор, пользуясь случаем, благодарит за помощь в подборе материалов. Кроме того, хочется выразить благодарность Ф. А. Елоевой, В. В. Федченко и Д. А. Черноглазову за полезные советы и консультации.

(1) *Ian **has arrived***
Ο Γιάνν-ης **έχ-ει**
DEF.M.SG.NOM Яннис-SG.NOM **иметь.PRS-PRS.3SG**
φτάσ-ει
приезжать.PFV-PRF/PPF
'Яннис приехал'[1]

(2) *Ian, **have** you **been** to Iran?*
Γιάνν-η, **έχ-εις** **πά-ει**
Яннис-SG.OBL **иметь.PRS-PRS.2SG** **идти-PRF/PPF**
ποτέ σ-το Ιράν;
никогда в-DEF.N.SG.NGEN Иран
'Яннис, ты когда-нибудь бывал в Иране?'

(3) *Ian **has** always **lived** there*
Ο Γιάνν-ης **μέν-ει**
DEF.M.SG.NOM Яннис-SG.NOM **жить.IPFV-PRS.3SG**
ανέκαθεν εδώ
издавна здесь
Ο Γιάνν-ης **έ-μεν-ε**
DEF.M.SG.NOM Яннис-SG.NOM **PST-жить.IPFV-PST.3SG**
πάντα εδώ
всегда здесь
'Яннис всегда жил здесь'

(4) *Ian **has** just **won** a prize*
Ο Γιάνν-ης μόλις
DEF.M.SG.NOM Яннис-SG.NOM только.что
κέρδισ-ε το λαχεί-ο
выигрывать.PFV-PST.3SG DEF.N.SG.NGEN лотерея-SG.NGEN
'Яннис только что выиграл лотерею'

Кроме того, далеко не всегда понятно распределение функций и значения между перфектом и плюсквамперфектом (ср., напр.: Galina 2009). Усложняет ситуацию также и тот факт, что перфект в средневековом греческом и в новогреческом может использоваться в функции стилистического приема (Eloeva, Chernoglazov 2016).

Другая проблема связана с описанием особенностей формообразования новогреческого перфекта (прежде всего, как результата процессов грамматикализации)[2]. В частности, простой тест с использованием местоименной клитики демонстрирует

[1] Здесь и далее глоссирование и шрифтовое выделение мое – *МК*.
[2] Развитие и формирование новогреческого перфекта в том числе интересно в контексте прочих балканских языков (см., напр.: Adamou 2012; Asimopoulos 2015).

очевидное различие между аналитическими формами перфекта и футурума, хотя в обоих случаях имеет место грамматикализация глагольной формы (примеры из: Hedin 1987: 28):

(5) **το** έχ-ω ήδη δ-ει
3.N.SG.NGEN= иметь.PRS-PRS.1SG уже видеть.PFV-PRF/PPF
αυτ-ό το έργ-ο
этот-N.SG.NGEN DEF.N.SG.NGEN дело-SG.NGEN
'[я] уже видел это произведение'

(6) θα **της** **το** π-ω
FUT= **3.F.SG.GEN=** **3.N.SG.NGEN=** говорить.PFV-PRS.1SG
'[я] **ей это** скажу'

Уместно предположить, что интерпозиция клитик в (6) вызвана тем, что здесь грамматикализации подвергся не только глагол θέλω 'желать', но частица να (< ἵνα 'чтобы'). Принципиально иными представляются примеры употребления конструкций с причастием, которые условно можно назвать результативом, где регулярно имеет место интерпозиция неместоименного дополнения (7):

(7) έχ-ω **το** **βιβλί-ο**
иметь.PRS-PRS.1SG **DEF.N.SG.NGEN** **книга-SG.NGEN**
γραμ-μέν-ο
писать-PASS-N.SG.NGEN
'[я] написал книгу'

Скорее всего, можно утверждать, что такие конструкций не подверглись грамматикализации, и их следует рассматривать не столько с позиции морфологии, сколько с точки зрения морфосинтаксиса (ср.: Елоева, Черноглазов 2016: 18).

* * *

Перечисленные выше проблемы не могут быть в полной мере разрешены на синхронном уровне, то есть исключительно на современном языковом материале, и актуальным оказывается вопрос об истории появления форм аналитического перфекта. Хорошо известно, что предпосылки для их появления были еще в древнегреческом языке (ср.: Mozer 1988: 77f), а отдельные примеры фиксируются в ранних византийских текстах, образуемые при помощи двух вспомогательных глаголов – ἔχω 'иметь' и εἰμι 'быть' (Kisilier 2011: 59 сл.). И хотя в византийских текстах фиксируется довольно много примеров с синтетическими формами перфекта, образованными по древнегреческой модели (Hinterberger 2014), их скорее стоит рассматривать как стилистический прием (Eloeva, Chernoglazov

2016: 11–16), нежели считать живым языковым фактом. В период т. н. **Позднего койне** в написанном в начале VII в. патерике «Луг Духовный» (иначе известном в русской традиции как «Лимонарь» = “Pratum Spirituale”) встречаются примеры, указывающие на то, что формы синтетического перфекта утрачивают свое специфическое значение. Так, в (8) однородными оказываются причастия перфекта и аориста:[3]

(8) τοῦτ-ο **ἀκηκο-ὼς** <…>
3SG.N-N.SG.NGEN **слышать.PRF-PRF.M.SG.NOM**
καὶ **θεωρ-ήσ-ας**
и **смотреть-AOR-AOR.M.SG.NOM**
‘…это **услышав** <…> и **посмотрев**’ (Migne 1863: 3073A1–2)

* * *

Если развитие перфектных форм со вспомогательным глаголом ‘быть’ представляется более или менее ясным – по крайней мере с точки зрения формообразования (они так в полной мере и не грамматикализовались)[4], то формы со вспомогательным глаголом ‘иметь’ долгое время вызывали дискуссии. Одни, как Антониос Йаннарис (Jannaris 1897: 558–559), считали, что форма новогреческого перфекта (например έχω γράψει ‘[я] написал’) восходит к сочетанию вспомогательного глагола ‘иметь’ (έχω) и смыслового глагола в 3 л. ед. ч. конъюнктива аориста (γράψει). Другие же, например, Йоргос Хадзидакис (Chatzidakis 1905: 598–609), утверждали, что форма смыслового глагола восходит к древнегреческому инфинитиву аориста, утратившему /-n/. Последняя гипотеза сейчас является доминирующей, хотя ее и нельзя назвать безупречной. Стоит отметить, по крайней мере, две связанные с ней проблемы:

1. Даже в эпоху Позднего койне у большинства глаголов инфинитив аориста заканчивался на -σαι, а не на -ειν.

[3] По мнению Эрики Михевч-Габровеч, в «Луге Духовном» везде вместо синтетического перфекта мог бы стоять аорист (Mihevč-Gabroveč 1960: 66).

[4] Пожалуй, главная трудность здесь связана с тем, чтобы не спутать формы перфекта с перифрастическими конструкциями с глаголом ‘быть’, особенно широко использовавшимися в эпоху койне для обозначения имперфекта; ср. с соответствующей ошибкой у Эрики Михевч-Габровеч, которая предлагает понимать ἦν ἡσυχάζ-ων <быть.PST.3SG успокаиваться.IPFV-IPFV.M.SG.NOM> ‘[он] поселился в уединении’ как перфект (Mihevč-Gabroveč 1960: 67), хотя на самом деле здесь форма имперфекта (подробнее см.: Kisilier 2011: 61).

Возможно, здесь могли оказать аналогическое влияние инфинитивы типа εἰπ-εῖν <говорить.AOR-INF> ‘сказать’.

2. Ударение в инфинитиве несигматического аориста падало на окончание, например, παθ-**εῖν** <страдать.AOR-INF>, однако в новогреческой форме перфекта ударение может оказываться на другом слоге – ἔχ-ει **πά**θ-ει <иметь.PRS-PRS.3SG претерпевать. PFV-PRF/PPF> (обсуждение проблемы см.: Mozer 1988: 80–83).

3. С V по XII вв. сочетание ἔχω с инфинитивом (прежде всего, аориста) выступало в функции формы футурума совершенного времени (Abdrakhmanova 2002: 36–37)[5]. Если признать гипотезу Хадзидакиса, получается, что после XII в. по каким-то причинам конструкция, использовавшаяся для футурума, вдруг начинает обозначать перфект[6]. Иногда изменение средств выражения футурума объясняют исчезновением инфинитива и его заменой на νὰ + сослагательное наклонение (ср.: Markopoulos 2009: 147). Это объяснение кажется довольно убедительным, но тогда непонятно, почему инфинитив, который более неуместен для перифрастических форм будущего времени, прекрасно сохраняется в формах перфекта (см. пример в сн. 6). В этом случае надо либо признать, что прав не Хадзидакис, а, скорее, Йаннарис – то есть в формировании аналитических форм перфекта принимал участие не инфинитив, а конъюнктив[7],– либо еще раз обследовать те словосочетания с глаголом ἔχω, которые принято/можно трактовать как формы перфекта.

* * *

Именно последнее и было проделано в рамках настоящего исследования на материале нескольких текстов, относящихся к т. н. ранней новогреческой поэзии. Для анализа были взяты «Стихотворения» Птохопродрома (XII в.) по изданию Ханса Айденайера (Eideneier 1991), Гротта-Ферратская (XIV в.) и Эскуриальская версии (XVI в.) «Поэмы о Дигенисе Акрите» по изданию Элизабет Джеффрис (Jeffreys 1998), «Морейская хроника» (ок. XIV в.) по изданию Хосе Эхеа (Egea Sanchez 1996), а также два текста XVII в., относящиеся к литературе т. н.

[5] Возможно, датировку следует вести с еще более раннего периода (Markopoulos 2009: 63f).

[6] В частности, именно как перфект Роберт Браунинг трактует пример из «Морейской хроники» (XIV в.) ἔχ-ει ἐλθ-εῖ <иметь.PRS-PRS.3SG идти.PFV-PRF/PPF> ‘[он] пришел’ (Browning 2002: 110).

[7] Стоит отметить, что это не противоречит идее Хадзидакиса, согласно которому формы перфекта были построены по аналогии с формами футурума (Chatzidakis 1905: 600–601).

«Критского Возрождения» – «Эротокрит» (Kornaros 1995) и «Жертвоприношение Авраама» (Bakker, van Gemert 1995). Хотя все эти произведения относятся к разным жанрам,[8] их объединяют языковые особенности – многочисленные черты, в большей или меньшей степени отражающие раннее новогреческое состояние (см. подробнее: Kisilier, Fedchenko 2011: 415–428).

Для объективности исследования в указанных текстах путем сплошной выборки были отобраны сочетания глагола έχω во всех наклонениях и временах с другой глагольной формой. Всего удалось обнаружить 186 примеров:

(9)

Птохопродром	1
Гротта-Ферратская версия	3
Эскуриальская версия	8
«Морейская хроника»	144
«Эротокрит»	26
«Жертвоприношение Авраама»	4

«Стихотворения» Птохопродрома – самый архаичный из обследованных литературных памятников; в нем достаточно широко используются древнегреческие частицы и даже встречается субстантивированный инфинитив (подробнее см.: Kisilier 2008). В этом тексте практически не наблюдаются

[8] «Стихотворения» Птохопродрома, по-видимому, можно считать поэмой, «Морейская хроника» и «Эротокрит», несомненно, являются рыцарскими романами, «Жертвоприношение Авраама» — это драма. Более сложно определить жанр «Поэмы о Дигенисе Акрите» (Kaplanis 2010: 83). Традиционно ее называют эпосом (Krumbacher 1897: 829; Syrkin 1960: 127 сл.), хотя в ней есть ряд черт, несвойственных эпосу. Некоторые исследователи предлагают ассоциировать разные версии поэмы с разными жанрами и считать Эскуриальскую версию романом (Ricks 1989: 194). В рамках настоящей статьи нет возможности подробно исследовать данную проблему, однако можно высказать предположение, что «Поэму» следует рассматривать как типичный позднеантичный роман с ярко выраженным фольклорным бэкграундом (своего рода коллекцию разнообразных фольклорных сюжетов), типологически сходный с «Повестью о Бове Королевиче». Если это так, то различия между разными версиями связаны не с развитием сюжета «Поэмы» или ходом литературного процесса, а зависят исключительно от интенции автора/редактора/переписчика. Более того, уместно предположить, что версий «Поэмы» могло быть намного больше, чем известно на данный момент. Поскольку «Поэма» не относилась к высокому жанру, ее и не указывали в списках библиотек – все известные списки были обнаружены случайно.

аналитические формы,[9] и едва ли аналитическую форму стоит усматривать в примере (10):

(10) Τούτ-ων λεχθ-έντ-ων,
3SG.N-PL.GEN говорить.AOR.PASS-AOR.PASS.OBL-PL.GEN
δέσποτ-α, τί **ἔχ-ει**
господин-SG.OBL что.SG.NOM/ACC **иметь.PRS-PRS.3SG**
παθ-εῖν ὁ λέγ-ων
страдать.AOR-INF DEF.M.SG.NOM говорит.IPFV-PRS.SG.NOM
'После того, как это сказано, господин, что говорящий **может/должен претерпеть**…' (*P.*IV.499)

Даже если попытаться трактовать ἔχει παθεῖν как аналитическую форму, то речь должна идти о будущем времени, а не о перфекте.

* * *

Очевидно, что и в Гротта-Ферратской (11) и в Эскуриальской (12) версиях «Поэмы о Дигенисе Акрите» конструкции ἔχω + инфинитив связаны не с перфектом, а с футурумом:

(11) ἱστά-μην δὲ ἐγὼ τηρ-ῶν
стоять.IPFV-PST.PASS.1SG же 1SG.NOM смотреть-PRS.PL.GEN
εἰ **ἐγερθῆ-ναι** **ἔχ-ει**
если **поднимать.AOR.PASS-INF** **иметь.PRS-PRS.3SG**
'…я же стоял, наблюдая, **сможет** ли [он] **подняться**' (*G.*6.507)

(12) Καὶ ἂν οὐδ-ὲν ἔλθ-ῃς
и если ничто-N.SG.NOM/ACC идти.PFV-SBJV.2SG
τὸ γοργ-όν,
DEF.N.SG.NOM/ACC энергичный-N.SG.NOM/ACC
κατέβ-ην **ἔχ-ω** εἰς Μάγγε
спускаться.PFV-INF **иметь.PRS-PRS.1SG** в Мекка
'И если [ты] не придешь быстро, [я] **буду на пути** в Мекку' (*E.*288)

* * *

Как можно увидеть из (9), «всплеск» употребления конструкций с ἔχω приходится на «Морейскую хронику». Здесь нет возможности разбираться в причинах подобного всплеска –

[9] Впрочем, Д. Р. Абдрахманова (Abdrakhmanova 2002: 43) предлагает считать аналитическим будущим словосочетание θέλ-εις σύρ-ειν <хотеть-PRS.2SG тащить-INF> '[ты его] потащишь [за ворота]' (IV.509), поскольку в следующей строке встречаются две формы сигматического футурума (σπρώσ-εις <толкать.FUT-PRS.2SG> и λακτίσ-εις <пинать.FUT-PRS.2SG>, которые, по-видимому, являются однородными сказуемыми с указанным словосочетанием.

нельзя исключать франкского или диалектного влияния — тем не менее, это тема отдельного исследования. Для настоящей статьи актуально, что во всех примерах из «Морейской хроники» можно усматривать оттенок модальности, но не перфекта:

(13) ἀπήρ-ασιν βουλ-ὴν τὸ πῶς
брать.PFV-PST.3PL решение-SG.ACC DEF.N.SG.NOM/ACC как
νὰ **ἔχ-ουν** **πράξ-ει**
SBJV= **иметь.PRS-PRS.3PL** **делать.PFV-INF**
'[франки] приняли решение о том, что **должны сделать**'
(*Ch.M.*752)

Форма πράξει ничем не отличается от формы смыслового глагола, которая используется в стандартном новогреческом при образовании перфекта/плюсквамперфекта; ср. с примерами (1), (2) и (5). Именно такие формы встречаются повсеместно в «Морейской хронике» в сочетании с глаголом ἔχω. Эту форму, по-видимому, следует считать инфинитивом с отпавшим /-n/. Подобные формы фиксируются и в Эскуриальской версии «Поэмы о Дигенисе Акрите», причем как в сочетании с глаголом ἔχω, например: εἶχ-αν εὑρ-εῖ <иметь.PST-PST.3PL находить.PFV-INF> '[они] нашли' (*E.*141), где можно было бы усомниться, что это инфинитив, так и в сочетании с модальными глаголами (14) или независимо (15):

(14) οὐκ ἠμπορ-εῖ **ὑπομέν-ει**
NEG мочь.IPFV-PRS.3SG **выдерживать.IPFV-INF**
'[жена полководца] не могла **выдержать**…' (*E.*1015/16; ср.: Mackridge 1996: 199)

(15) οὐκ ἔχ-ω τί **ποιήσ-ει**
NEG иметь.PRS-PRS.1SG что.SG.NOM/ACC **делать.PFV-INF**
'не знаю, что **делать**' (*E.*869; ср.: Mackridge 1996: 200)

Форму ποιήσει из (15) следует понимать как инфинитив, поскольку, если бы это был конъюнктив, то это был бы конъюнктив 3 л. ед. ч., тогда как речь идет о первом лице. В истории греческого языка известны конструкции, когда на этапе реанализа объединяются глагольные формы в разных лицах, например, для обозначения футурума: γράφ-**ω** θέλ-**ει** <писать.IPFV-PRS.**1**SG хотеть-PRS.**3**SG> 'буду писать(?)', γράφ-**εις** θέλ-**ει** <писать.IPFV-PRS.**2**SG хотеть-PRS.**3**SG> 'будешь писать(?)' и проч. (примеры из: Abdrakhmanova 2002: 42). Тем не менее, из приведенных примеров видно, что тогда, во-первых, изменяемым оказывается именно смысловой глагол, а не вспомогательный, а во-вторых, между вспомогательным и смысловым

глаголом никак не может стоять местоимение τί, разделяющее предложение на части. Иными словами, если бы в примере (15) был конъюнктив, а не инфинитив, он должен был бы выглядеть так: *οὐκ ἔχει ποιήσω или *οὐκ ἔχω ποιήσω. Несомненно, примеры типа (14) и (15) подтверждают гипотезу Хадзидакиса, согласно которой в основе форм новогреческого перфекта лежит инфинитив, однако они, к сожалению, не приближают к решению морфонологических и морфологических проблем, связанных с этой гипотезой и кратко описанных выше.

* * *

Позднее на смену инфинитиву постепенно приходит конструкция νὰ + сослагательное наклонение, например, в «Жертвоприношении Авраама»:

(16) Ἐτούτ-η ἡ χέρ-α σήμερον
этот-F.SG.NOM DEF.F.SG.NOM рука-SG.NOM сегодня
ἔχ-ει νὰ θανατώσ-ει
иметь.PRS-PRS.3SG SBJV= убивать.PFV-PRS.3SG
‘Это рука сегодня **должна убить**’ (*S.A.*271)

И в «Жертвоприношении», и в «Эротокрите» χω в презенсе в рамках глагольной группы встречается только в конструкциях с частицей νά, где речь идет о долженствовании, и нет оснований говорить об аналитической форме, будь то футурум или перфект.

* * *

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в текстах, относящихся к ранней новогреческой поэзии, сочетания глагола ἔχω в презенсе с инфинитивами или другими глагольными формами либо не являются глагольными формами, либо не обозначают перфект. Стоит отметить, что Роберт Браунинг ошибся, приводя выражение ἔχει ἐλθεῖ из «Морейской хроники» как пример перфекта (см. сн. 6). В действительности в тексте встречается другая форма:

(17) **εἶχ-ε ἐλθ-εῖ** ἀπὸ τὸν
иметь.PST-PST.3SG идти.PFV-INF от DEF.M.SG.ACC
βασιλέ-αν μαντατοφόρ-ος εἰς αὐτ-όν,
король-SG.ACC гонец-SG.NOM в 3-M.SG.ACC
ἐ-παρηγόριζ-ἐ τον
PST-утешать.IPFV-PST.3SG =3-M.SG.ACC
‘от короля к нему **прибыл** гонец, утешал его’ (*Ch.M.*4901)

Благодаря контексту ясно, что выражение εἶχε ἐλθεῖ связано с выражением одного из прошедших времен, описывая действие либо одновременное тому, что описывает форма имперфекта ἐπαρηγόριζέ (то есть '[гонец] пришел [и] утешил'), либо предшествующее ('[гонец] пришел [и] стал утешать'). Последний вариант представляется более правдоподобным, так как позволяет трактовать ἐπαρηγόριζέ как *imperfectum de conatu*, а εἶχε ἐλθεῖ – как плюсквамперфект, каковой эта форма и является в стандартном новогреческом.

Таким образом, в рассмотренных текстах не наблюдаются формы перфекта со вспомогательным глаголом ἔχω, но есть плюсквамперфект, который может использоваться при согласовании времен (17) или для выражения ирреального условия. Последнее можно проиллюстрировать на примере из «Эротокрита»[10]:

(18) Κι ἂς **εἶχ-α** **γενν-ηθ-ῆ**
и SBJV **иметь.PST-PST.1SG** **рождать-AOR.PASS-PRF/PPF**
φτωχ-ή, φτωχ-ὸ νὰ
бедный-F.SG.NOM/ACC бедный-M.SG.ACC SBJV=
'χ-α **ἀγαπήσ-ει**
иметь.PST-PST.1SG **любить.PFV-PRF/PPF**
'И пусть бы [я] **родилась** бедной [и] бедного бы **полюбила**'
(*Er.*723)

Значит ли все вышесказанное, что раннем новогреческом языке не было перфекта? С одной стороны, положительный ответ позволил бы объяснить, (а) почему в новогреческом языке, в отличие от прочих балканских, нет эвиденциалиса, который как раз и выражается с помощью форм перфекта и (б) почему перфекта практически нет по диалектам[11]. С другой стороны, в текстах, относящихся к ранней новогреческой литературе, обнаруживается много конструкций с глаголом 'быть', которые, по-видимому, достаточно рано приобрели значение результатива, однако они требуют отдельного исследования.

[10] Подобные примеры встречаются во всех рассмотренных в рамках настоящего исследования текстах, кроме «Стихотворений» Птохопродрома.

[11] В тех диалектах, где перфект наблюдается, он, скорее всего, появился относительно поздно и под влиянием стандартного новогреческого.

Сокращения источников

Ch.M. – «Морейская хроника»; *E* – Эскуриальская версия «Поэмы о Дигенисе Акрите»; *Er.* – «Эротокрит»; *G* – Гротта-Ферратская версия «Поэмы о Дигенисе Акрите»; *P* – «Стихотворения» Птохопродрома; *S.A.* – «Жертвоприношение Авраама».

Список условных сокращений

= – показатель клитики; 1, 2, 3 – лицо у глаголов и местоимений; ед. ч. – единственное число; л. – лицо; ACC – аккузатив; AOR – аорист; DEF – определенная форма/показатель определенности; F – женский род; FUT – будущее время; GEN – генитив; INF – инфинитив; IPFV – имперфектив;; M – мужской род; N – средний род; NEG – отрицание; NGEN – негенитив; NOM – номинатив; OBL – косвенный падеж; PASS – неактивный залог; PFV – перфектив; PL – множественное число; PPF – плюсквамперфект; PRF – перфект; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; SBJV – конъюнктив; SG – единственное число.

Литература

Abdrakhmanova, D. R. 2002: *Oformlenie grammemy budushchego vremeni v novogrecheskom yazyke i ego dialektakh* [*The Grammeme of the future in Modern Greek and its dialects*]. Diploma paper. Saint Petersburg State University, Department of Byzantine and Modern Greek studies. Saint Petersburg. Manuscript.
Абдрахманова, Д. Р. 2002: *Оформление граммемы будущего времени в новогреческом языке и его диалектах.* Дипломная работа. СПбГУ, отделение византийской и новогреческой филологии. СПб. На правах рукописи.

Adamou, E. 2012: Le parfait avec ‘avoir’ dans l'aire balkanique: approche multifactorielle diversifiée d'une balkanisme In: C. Chamoreau, L. Goury (éds.), *Changement linguistique et langues en contact.* Paris: CRNS éditions, 101–119.

Asimopoulos, P. 2015: The use of the pluperfect in Modern Greek and Serbian language. *Studii şi cercetări de onomastică şi lexicologie* VIII.1–2, 116–129.

Bakker, W. F., van Gemert, A. F. (eds.). 1995: *I Thysia tou Avraam* [*The Sacrifice of Abraham*]. Critical edition. Heraklion: Crete University Press.

Bakker, W. F., van Gemert, A. F. (επιμ.). 1995: *Ἡ Θυσία τοῦ Ἀβραάμ.* Κριτική έκδοση. Ηράκλειο: Πανεπιστημιακές εκδόσεις Κρήτης.

Browning, R. 2002: *I Meseoniki kai Nea Elliniki glossa* [*Medieval and Modern Greek*]. New edition supplemented with two articles by the author. Transl. by M. N. Konomi. 3rd edit ion. Athens: Dim N. Papadimas Publishing.

Browning, R. 2002: *Η Μεσαιωνική και Νέα Ελληνική γλώσσα.* Νέα έκδοση συμπληρωμένη με την προσθήκη δύο άρθρων του συγγραφέα. Μετάφρ. Μ. Ν. Κονομή. 3 έκδ. Αθήνα: Εκδόσεις Δημ. Ν. Παπαδήμα.

Chatzidakis, G. N. 1905: *Meseonika kai Nea Ellinika* [*Medieval and Modern Greek*]. Vol. 1. Athens: Typography of P. D. Sakellarios.

Χατζιδάκις, Γ. Ν. 1905: *Μεσαιωνικὰ καὶ Νέα Ἑλληνικά*. Τ. Α΄. Ἐν Ἀθήναις: Τύποις Π. Δ. Σακελλαρίου.

Egea Sanchez, J. M. 1996: *La Crónica de Morea*. Madrid: Consejo superior de investigaciones científicas (Nueva Roma: Biblioteca Graeca et Latina Aevi Posterioris. T. 2).

Eideneier, H. 1991: *Ptochoprodromos*. Köln: Romiosini, 1991. (Eideneier H. (hrsg.). Neograeca Medii Aevi. Vol. V).

Eloeva, F. A., Chernoglazov, D. A. 2016: Grecheskiy porfekt kak stilisticheskiy priem [Greek perfect as a stylistic device]. *Voprosy Jazykoznanija* [*Issues of Linguistics*] 1, 7–24.
Елоева, Ф. А., Черноглазов, Д. А. 2016: Греческий порфект как стилистический прием. *Вопросы языкознания* 1, 7–24.

Galina, D. V. 2009: *Osobennosti upotrebleniya plyuskvamperfekta v novogrecheskom yazyke* [*On the use of the pluperfect in Modern Greek*]. Diploma paper. Saint Petersburg State University, Department of Byzantine and Modern Greek studies. Saint Petersburg. Manuscript.
Галина, Д. В. 2009: *Особенности употребления плюсквамперфекта в новогреческом языке*. Дипломная работа. СПбГУ, отд. византийской и новогреческой филологии. На правах рукописи.

Galina, D. V. 2011: *Formy perfekta v tekstakh ranney novogrecheskoy literatury* [*The perfect forms in the Early Modern Greek Literature*]. Diploma paper. Saint Petersburg State University, Department of Byzantine and Modern Greek studies. Saint Petersburg. Manuscript.
Галина, Д. В. 2011: *Формы перфекта в текстах ранней новогреческой литературы*. Диплом. работа. СПбГУ, отд. византийской и новогреческой филологии. На правах рукописи.

Hedin, E. 1987: *On the use of the perfect and the pluperfect in Modern Greek*. Stockholm: Coronet Books Inc. (Studia Graeca Stockholmiensia. Vol. 6).

Hinterberger, M. 2014: The syntactic perfect in Byzantine literature In: M. Hinterberger (ed.), *The language of Byzantine learned literature*. Turnhout: Brepols Publishers n. v., 176–204. (Altripp M., Hoffmann L. M. (eds.). Byzantios. Studies in Byzantine history and civilization. Vol. 9).

Jannaris, A. N. 1897: *An historical Greek grammar, chiefly on the Attic dialect*. London: Macmillan.

Jeffreys, E. M. 1998: *Digenis Akritis. The Grottaferrata and Escorial Versions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. (Cambridge Medieval Classics. Vol. 7).

Kaplanis, T. A. 2010: O Digenis kai i Maximou sti diaskevi E: glossa, paradosi kai poiitiki mias erotikis synentevxis [Digenis and Maximou in the version E: language, tradition and poetics of an erotic encounter]. *Byzantina* [*Byzantine*], 30, 83–100.

Καπλάνης, Τ. Α. 2010: Ο Διγενής και η Μαξιμού στη διασκευή Ε: γλώσσα, παράδοση και ποιητική μιας ερωτικής συνέντευξης. *Βυζαντινα* 30, 83–100.

Kisilier, M. L. 2008: Chitaya Ptokhoprodroma [While reading Ptokhoprodromos]. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] XII, 240–245.

Кисилиер, М. Л. 2008: Читая Птохопродрома. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XII, 240–245.

Kisilier, M. L. 2011: *Mestoimennye klitiki v «Luge Dukhovnom» Ioanna Moskha* [*Pronominal clitics in the "Pratum" by John Moschos*]. St. Petersburg: Nestor-Istoria.

Кисилиер, М. Л. 2011: *Местоименные клитики в «Луге Духовном» Иоанна Моска*. СПб.: Нестор-История.

Kisilier, M. L., Fedchenko, V. V. 2011: O yazyke novogrecheskoy literatury [Some Remarks on the language of Modern Greek Literature]. *Acta linguistica Petropolitana* VII.1, 409–444.

Кисилиер, М. Л., Федченко, В. В. 2011 О языке новогреческой литературы. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* VII.1, 409–444.

Kornaros, Vitsentzos 1995: *Erotokritos*. Critical edition, introduction, notes and glossary by St. Alexiou. 2nd ed. Athens: Estia.

Κορνάρος, Βιτσέντζος 1995: *Ερωτόκριτος*. Κριτική έκδοση, εισαγωγή, σημειώσεις, γλωσσάριο. Εκδ. Στ. Αλεξίου. 2 έκδ. Αθήνα: Εστία.

Krumbacher, K. 1897: *Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527–1453)*. 2. Ausgabe. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.

Mackridge, P. H. 1996: The Medieval Greek infinitive in the light of modern dialectal evidence In: C. N. Constantinides, N. Panagiotakis, E. M. Jeffreys, A. D. Angelou (eds.), *Φιλέλλην. Studies in Honour of Robert Browning*. Venice: Instituto Ellenico, 191–204 (Istituto Ellenico di Studi Bizantini e Postbizantini di Venezia. Bibliotheke. T. 17).

Markopoulos, T. 2009: *The future in Greek: from Ancient to Medieval*. Oxford; New York: Oxford University Press.

Migne, J.-P. 1863. *Patrologiae cursus completus*. Paris: J.-P. Migne (Series Graeca Prior. T. 87.3).

Mihevč-Gabroveč, E. 1960: *Études sur la syntaxe de Joannes Moschos*. Ljubljana: Univ. v Ljubljani. Razpravi.

Mozer, A. 1988: *The history of perfect periphrases in Greek*. Dissertation submitted for the degree of Doctor of Philosophy. University of Cambridge. Queens' Colledge.

Mozer A. 1994: *Poion kai apopseis tou rimatos* [*Aspect and aspectuality of the verb*]. Athens: National and Kapodistrian University of Athens (Journal "Parousia" ["Presence"]. Supplement No 30).

Μόζερ, Α. 1994: *Ποιόν και απόψεις του ρήματος*. Αθήνα: Εθνικό και Καποδιστριακό Πανεπιστήμιο Αθηνών (Περιοδικό "Παρουσία". Παράρτημα Αρ. 30).

Ricks, D. 1989: Is the Escorial *Akrites* a unitary poem? *Byzantion* LIX, 184–207.

Syrkin, A. Ya. (transl., introd., comment.) 1960: *Digenis Akrit* [*Digenis Akritis*]. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR.

Сыркин А. Я. (перевод, статьи и коммент.) 1960: *Дигенис Акрит*. Москва: Издательство Академии Наук СССР.

M. L. Kisilier. About the perfect forms in Early Modern Greek

Early Modern Greek texts demonstrate many linguistic features that are absent from the Byzantine literary tradition. Some of them resemble modern situation, so it is possible to use term 'Early Modern Greek literature' for Medieval Greek literature in vernacular. In some papers however the history of certain morphological forms becomes longer and less complicated than it really is. In this article I investigate verb phrases with *ἔχω* in four poems by Ptochoprodromos, the Grottaferrata and Escorial versions of Digenes Acritas, "Chronicle of the Morea", "Erotocritos" and "The Sacrifice of Abraham". Most of these 186 examples deal with Modality or Future while some of them may be regarded as Pluperfect, but none should be treated as a form of Perfect. It is very tempting to say that in Early Modern Greek there was no Perfect at all, because it could explain why Modern Greek has no Evidentiality unlike other Balkan languages, and why Modern Greek dialects lack genuine Perfect. However many VPs with the verb 'to be' seem to have the meaning of Resultative, though, probably, they cannot be called Perfect forms in a modern sense of the term.

Key words: Early Modern Greek Literature in vernacular, Modern Greek Perfect forms, Modern Greek Future forms, Ptochoprodromos, the Grottaferrata and Escorial versions of Digenes Acritas, "Chronicle of the Morea", "Erotocritos", "The Sacrifice of Abraham".

S. D. Kleyner

TRANSLATING THE GREEK ACTIVE WITH THE GOTHIC PASSIVE[1]

В статье рассматриваются 12 случаев перевода греческих глаголов в активном залоге на готский язык при помощи пассивных форм. Все эти переводы безусловно являются окказионализмами, результатами конкретных переводческих решений. Тем не менее, такие решения позволяют увидеть возможности готского языка, и сделать вывод о различии и сходстве между синтетическим и перифрастическим пассивами готского языка при передаче глаголов с медиальной семантикой.

Ключевые слова: готский язык, древнегреческий язык, активный залог, синтетический пассив, перифрастический пассив.

0. Introduction

Gothic has two kinds of passive: the synthetic passive (mediopassive, as it is regularly referred to (Ferraresi 2005:98, Gukhman 1998:174, Lehmann 1994: 36, etc), and the periphrastic passive formed with two 'auxiliaries', *wesan* 'to be' and *wairþan'* to become'. The difference between the two passives and the emergence of the periphrasis is a matter of discussion; a popular viewpoint (Abraham 1992) suggests that the mediopassive was too ambiguous to convey an exact meaning, and was on its way to being replaced by reflexives on the one hand and the periphrastic passive on the other. Another viewpoint (Drinka 2011) sees the Gothic Bible as a slavish translation that borrows heavily from Greek, and thus, among other things, periphrastic passives become more grammaticalized.

In this paper, we are interested in the instances when a passive Gothic verb or phrase translates an active Greek verb. Given the nature of the Gothic text, this phenomenon should be rare and should not be systematic; rather, it is every time a translator's decision – but such decisions show what's possible in a language. These cases may provide a better understanding of the difference (or similarities) between the two passives; perhaps, the synthetic passive

[1] This research has been carried out with the financial support of РГНФ (Project № 14-04-00394). I am ever thankful to S. Ivanov for his comments and interest.

is used to translate the Greek active voice more frequently, or one of the passives limits itself to certain verbs only.

1. The Data

In all, there are 7 such instances for the synthetic passive, and 6 for the periphrastic passive. There are 264 synthetic passive cases in total, as well as 311 cases of all periphrastic passives, so synthetic passive may be slightly better suited for this function, but the statistics isn't large enough to make such a claim.

Synthetic passive:

Luke 6:38

CA gibaid, jah gibada izwis, mitads goda jah ufarfulla jah gawigana jah ufargutana **gibada** in barm izwarana; þizai auk samon mitadjon þizaiei mitid mitada izwis.

δίδοτε, καὶ δοθήσεται ὑμῖν: μέτρον καλὸν πεπιεσμένον σεσαλευμένον ὑπερεκχυννόμενον **δώσουσιν** εἰς τὸν κόλπον ὑμῶν: ᾧ γὰρ μέτρῳ μετρεῖτε ἀντιμετρηθήσεται ὑμῖν.

Give, and it shall be given unto you; good measure, pressed down, and shaken together, and running over, shall men give into your bosom. For with the same measure that ye mete withal it shall be measured to you again.

Luke 6:21

CA audagai jus gredagans nu, unte sadai wairþiþ. audagai jus gretandans nu, unte **ufhlohjanda**.

μακάριοι οἱ πεινῶντες νῦν, ὅτι χορτασθήσεσθε. μακάριοι οἱ κλαίοντες νῦν, ὅτι **γελάσετε**.

Blessed are ye that hunger now: for ye shall be filled. Blessed are ye that weep now: for ye shall laugh.

Romans 7:3

A þannu þan at libandin abin **haitada** horinondei, jabai wairþiþ waira anþaramma; iþ jabai gaswiltiþ wair, frija ist þis witodis, ei ni sijai horinondei waurþana abin anþaramma.

ἄρα οὖν ζῶντος τοῦ ἀνδρὸς μοιχαλὶς **χρηματίσει** ἐὰν γένηται ἀνδρὶ ἑτέρῳ: ἐὰν δὲ ἀποθάνῃ ὁ ἀνήρ, ἐλευθέρα ἐστὶν ἀπὸ τοῦ νόμου, τοῦ μὴ εἶναι αὐτὴν μοιχαλίδα γενομένην ἀνδρὶ ἑτέρῳ.

So then if, while her husband liveth, she be married to another man, she shall be called an adulteress: but if her husband be dead, she is free from that law; so that she is no adulteress, though she be married to another man.

Mark 7:10

CA Moses auk raihtis qaþ: swerai attan þeinana jah aiþein þeina; jah: saei ubil qiþai attin seinamma aiþþau aiþein seinai, dauþau **afdauþjaidau**.

μωϋσῆς γὰρ εἶπεν, τίμα τὸν πατέρα σου καὶ τὴν μητέρα σου, καί, ὁ κακολογῶν πατέρα ἢ μητέρα θανάτῳ **τελευτάτω**:

For Moses said, Honour thy father and thy mother; and, Whoso curseth father or mother, let him die the death:

Timothy II 2:26

A jah **usskarjaindau** us unhulþins wruggon, fram þammei gafahanai habanda afar is wiljin.

καὶ **ἀνανήψωσιν** ἐκ τῆς τοῦ διαβόλου παγίδος, ἐζωγρημένοι ὑπ' αὐτοῦ εἰς τὸ ἐκείνου θέλημα.

And that they may recover themselves out of the snare of the devil, who are taken captive by him at his will.

Mark 4:29

CA þanuh biþe **atgibada** akran, suns insandeiþ gilþa, unte atist asans.
ὅταν δὲ **παραδῷ** ὁ καρπός, εὐθὺς ἀποστέλλει τὸ δρέπανον, ὅτι παρέστηκεν ὁ θερισμός.

But when the fruit is brought forth, immediately he putteth in the sickle, because the harvest is come.

Corinthians I 7:28

A aþþan jabai nimis qen, ni frawaurhtes, jah jabai **liugada** mawi, ni frawaurhta, iþ aglon leikis gastaldand þo swaleika. iþ ik izwis freidja . . . .

ἐὰν δὲ καὶ γήμῃς, οὐχ ἥμαρτες: καὶ ἐὰν **γήμῃ** ἡ παρθένος, οὐχ ἥμαρτεν. θλῖψιν δὲ τῇ σαρκὶ ἕξουσιν οἱ τοιοῦτοι, ἐγὼ δὲ ὑμῶν φείδομαι.

But and if thou marry, thou hast not sinned; and if a virgin marry, she hath not sinned. Nevertheless such shall have trouble in the flesh: but I spare you.

Periphrastic passive:

John 16:21

CA qino, þan bairiþ, saurga habaid, unte qam hveila izos; iþ biþe **gabauran ist** barn, ni þanaseiþs ni gaman þizos aglons faura fahedai, unte gabaurans warþ manna in fairhvau.

ἡ γυνὴ ὅταν τίκτῃ λύπην ἔχει, ὅτι ἦλθεν ἡ ὥρα αὐτῆς: ὅταν δὲ **γεννήσῃ** τὸ παιδίον, οὐκέτι μνημονεύει τῆς θλίψεως διὰ τὴν χαρὰν ὅτι ἐγεννήθη ἄνθρωπος εἰς τὸν κόσμον.

A woman when she is in travail hath sorrow, because her hour is come: but as soon as she is delivered of the child, she remembereth no more the anguish, for joy that a man is born into the world.

Mark 3:21

CA jah hausjandans fram imma bokarjos jah anþarai usiddjedun gahaban ina; qeþun auk þatei **usgaisiþs ist**.

καὶ ἀκούσαντες οἱ παρ' αὐτοῦ ἐξῆλθον κρατῆσαι αὐτόν, ἔλεγον γὰρ ὅτι **ἐξέστη**.

And when his friends heard of it, they went out to lay hold on him: for they said, He is beside himself.

Mark 3:9

CA jah qaþ þaim siponjam seinaim ei skip **habaiþ wesi** at imma in þizos manageins, ei ni þraiheina ina.

καὶ εἶπεν τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ ἵνα πλοιάριον **προσκαρτερῇ** αὐτῷ διὰ τὸν ὄχλον ἵνα μὴ θλίβωσιν αὐτόν:

And he spake to his disciples, that a small ship should wait on him because of the multitude, lest they should throng him.

Thessalonians II 3:7

A . . . . ist galeikon unsis, unte ni **ungatewidai wesum** in izwis,

αὐτοὶ γὰρ οἴδατε πῶς δεῖ μιμεῖσθαι ἡμᾶς, ὅτι οὐκ **ἠτακτήσαμεν** ἐν ὑμῖν

For yourselves know how ye ought to follow us: for we behaved not ourselves disorderly among you;

Corinthians II 6:14

A ni **wairþaiþ gajukans** ungalaubjandam; unte hvo dailo garaihtein miþ ungaraihtein aiþþau hvo gamainduþe liuhada miþ riqiza?

μὴ **γίνεσθε ἑτεροζυγοῦντες** ἀπίστοις: τίς γὰρ μετοχὴ δικαιοσύνῃ καὶ ἀνομίᾳ; ἢ τίς κοινωνία φωτὶ πρὸς σκότος;

Be ye not unequally yoked together with unbelievers: for what fellowship hath righteousness with unrighteousness? and what communion hath light with darkness?

Timothy I 1:14

B iþ **ufarassiþ** <**warþ**> ansts fraujins miþ galaubeinai jah friaþwai þizai in Xristau Iesu.

ὑπερεπλεόνασεν δὲ ἡ χάρις τοῦ κυρίου ἡμῶν μετὰ πίστεως καὶ ἀγάπης τῆς ἐν χριστῷ ἰησοῦ.

And the grace of our Lord was exceeding abundant with faith and love which is in Christ Jesus.

1. 1. General observations

It is quite clear that the synthetic passive is more diverse in the terms of the Greek moods it translates; this holds true for the Greek passive forms as well. It is also apparently the default method of translating the Greek future tense (80 instances in total vs 2 for all the periphrases combined), so the synthetic examples are to be expected to contain some instances with the Greek future, unlike their periphrastic counterparts. More interestingly, in no case does the Gothic passive translate a Greek active perfect – all the underlying Greek perfects are mediopassive in the synthetic and periphrastic rendering alike. Importantly, there seem to be no syntactic regularities or specific contexts that could make such translations systemic.

1. 2. The words, their meaning and their contexts

δίδωμι: 'to give'. The case of Lk 6:38 is unusual: there are plenty of active forms of δίδωμι in the New Testament, but only one of them was translated with the passive voice. The context, however, provides a possible explanation: the *gibaid*, *jah gibada izwis* in the beginning of the sentence may call for parallelism rather than for an active impersonal construction.

χρηματίζω: 'to transact business, to be called'; there is no occurrence of this verb in the active voice in the parts of the NT that exists in Gothic (from here onwards – GNT) other than Rom 7:3. The meaning of this verb is medial.

γελάω: 'to laugh'; there is 1 other instance of this verb in the active voice in the NT (Luke 6:25, γελῶντες, translated with the present participle *hlahjandans*) beside Luke 6:21. The meaning is medial.

τελευτάω: 'to come to an end'; there are 6 more instances of active usage in the GNT; 4 personal forms (Mt. 9:18, Mk. 9:44,46,48) are translated with *gaswiltan* and *gadauþnan* 'to die' (Mk 9:48); the infinitive ἤμελλεν τελευτᾶν in Luke 7:2 is translated with *swultawairþja* 'dying', and the perfect participle in Jn 11:39 is simply rendered as *dauþs* 'dead'. It is interesting, however, that in the context of Mk 7:10 the translator did not use the 4-class verb *gadauþnan* which fits the context perfectly, but preferred a 1-class

causative *afdauþjan* in the passive form. In the Gothic Bible, there are 2 more occurrences of this verb (Mk 14:55, Rom 8:36), and both times we see the verb θανατάω in the meaning 'to kill'. It is unclear whether it was the presence of the word θανάτῳ that prompted the translator's choice, or, perhaps, he understood the overall meaning as 'let him be killed by death'.

ἀνανήφω: 'come to one's senses'. 2 Tim 2:26 is the only occurrence of this verb in the whole of New Testament. Its meaning is clearly medial.

παραδίδωμι: 'to deliver, to betray'. There are 37 occurences of the active voice in GNT; 13 are translated with *galewjan* 'to betray', 8 with *anafilhan* 'to deliver', 15 with *atgiban* 'to give', and 1 (Mk 15:1) is left untranslated. In Mk 4:29, the context is again medial: ὅταν δὲ παραδῷ ὁ καρπός, the fruit gives itself.

γαμέω: 'to marry'. In 1 Cor 7:28 the one marrying is a woman[2]; in contexts when rules for men as well as women are set, the usual expression seems to be οὔτε γαμοῦσιν οὔτε γαμίζονται (*ni liugand ni liuganda*; Mk 12:25, Lk 20:34–35; or *liugaidedun jah liugaidos wesun* in Lk 17:27). In 1 Cor 7:28 there also is a second usage of the same verb, γήμῃς, aimed at men, but the Gothic translation is *nimis qen*, and it looks more 'authentic'. Overall, there are 18 instances of γαμέω in the active voice in GNT; most are about men or people in general; some, like 1 Tim 5:14, are describing a woman, but contain an infinitive which in Gothic cannot be passive. It looks like while in Greek one can say 'a woman marries', it does not seem possible in Gothic.

γεννάω: 'to give birth, to become'. There are only 4 other active voice instances in GNT (Lk 1:13, 1:57, Gal 4:24, 2 Tim 2:23); all are translated with (*ga*)*bairan* in the meaning 'to bear, to give birth'. It is interesting that in Jn 16:21 in Greek, the subject of the sentence is likely to be the woman, and not the child; but in Gothic, the phrase is reinterpreted, and the child is the subject. If this was how the Greek original was understood by the translator, he committed a mistake. Perhaps, he changed the structure on purpose; but then the next verb, *gaman*, would also refer to the child, as there is no indication of the subject switching back to the woman.

[2] Interestingly, in Mk 10:12 the Byzantine version contains γαμήθη vs Westcott/Hort's γαμήσῃ, and seems to be more correct, because the line talks about a woman getting married. More on that specific verb, as well as on the infinitive *liugan* in 1 Cor 7:9 and 1 Tim 5:14 in H. Kern (1867).

ἐξίστημι: ‘to be mad; to be astonished’. There are 3 more active usages in the GNT; 2 mean ‘to be astonished’ (Mk 5:42, Lk 8:56), and one means 'to be mad' (2 Cor 5:13). All are translated with the 4-class verb *usgeisnan*, which renders the medial meaning perfectly. We see that in Mk 3:21 the 1-class *usgaisjan* is used. We have already seen such a change in gadauþnan/gadauþjan above. This is the only time usgaisjan is employed in GNT, so it is unclear why in the very similar contexts of 2 Cor 5:13 and Mk 3:21 different forms are used. A 4-class active form and a 1-class passive form are interchangeable just as it was for τελευτάω; if so, there seems to be no difference between the synthetic and periphrastic passive in this aspect.

προσκαρτερέω: ‘to attend upon, to wait’; there are three more instances in GNT; in Col 4:2 and Rom 12:12 τῇ προσευχῇ προσκαρτερεῖτε and τῇ προσευχῇ προσκαρτεροῦντες are translated as *bidai haftjandans*; in Rom 13:6, εἰς αὐτὸ τοῦτο προσκαρτεροῦντες is translated as *in þamma silbin skalkinondans*. In Mk 3:9 ἵνα πλοιάριον προσκαρτερῇ αὐτῷ is rendered as *ei skip habaiþ wesi at imma*; this is an interesting construction, seen nowhere else in the Gothic Bible. Actually, nowhere else in the Gothic Bible nor in Skeireins is haban used as a past participle. This seems to be an occasional usage.

ἀτακτέω: ‘to behave’; 2 Thess 3:7 is the only occurrence of this verb in the New Testament; its medial semantics is obvious. It is not clear whether *ungatewiþs* was perceived as an adjective more than as a participle – and this is its only occurrence in the GNT – but technically it is a participle and there is no reason not to see it as such.

ἑτεροζυγέω: ‘to be yoked up differently’; 2 Cor 6:4 is the only occurrence of this verb in the New Testament; its medial semantics is obvious, but the Gothic *ni wairþaiþ gajukans* is also a literal translation of μὴ γίνεσθε ἑτεροζυγοῦντες.

ὑπερπλεονάζω: ‘to abound exceedingly’; 1 Tim 1:14 is the only occurrence of this verb in the New Testament. In Gothic, *warþ* is traditionally added because *ufarassjan* is a 1-class verb, and *ufarassiþ* represents half of the periphrastic passive. This Gothic verb is used in the active voice in 3 other lines (2 Cor 4:15, 9:8, 9:12), where it translates Greek περισσεύω ‘to abound’. περισσεύω is frequent in GNT, and is translated in a wide variety of ways: *aflifnan* (Jn 6:12, 6:13, Lk 9:17), *biauknan* (1 Thess 4:10, Phil 1:26), *managnan* (2 Cor 4:15, 8:2, 8:7), *ufarassau* + verb (2 Cor 1:5, 8:7, Phil 4:12,) *ufarwisan* (1 Thess 4:1), *ufarfulljan* (1 Cor 15:58),

managizo wairþan (Mt 5:20) and *gaaukan* (1 Thess 4:1). Both verbs have a medial meaning.

2. Discussion and Conclusion

As we see, most verbs in both lists are denominative and formed with a *y$^{e}/_{o}$ suffix. The few exceptions are δίδωμι, παραδίδωμι, ἀνανήφω and ἐξίστημι. Of those four, only δίδωμι in Lk 6:38 does not clearly have a medial meaning and probably is a result of a stylistically motivated decision. The passive voice that translates γεννάω in Jn 16:21 may be the result of a misunderstanding. All the other verbs are clearly medial in meaning, and were perceived as such by the Gothic translator (perhaps, with the exception of τελευτάω)

Thus, regarding the passive forms that translate Greek active voice, there is no difference in the function of the two passive forms; both can be used to convey a medial meaning, sometimes very similar (like ἀνανήφω and ἐξίστημι that both mean a state of mind). The only difference may be in the quantity of such examples: if γεννάω is indeed translated wrongly, and *ungatewiþs* was perceived more as an adjective, then the periphrastic passive could be used to convey medial meaning less frequently. This is indirectly corroborated by its propensity to translate Greek perfects and thus to denote states, and not actions.

A separate issue is the ability of Gothic to substitute a 4-class active voice with a 1-class passive voice. A detailed overview of this issue and some other examples of such a synonymy can be found in Ferraresi (2005: 111–117); the main conclusion here is that it does not seem to matter much whether the passive is formed synthetically or periphrastically.

Overall, in the respect of translating active verbs with medial meaning into Gothic, the difference between the two passives seems to be more quantitative than qualitative.

References

Abraham, W. 1992: The emergence of the periphrastic passive in Gothic. *Leuvense Bijdragen* 81, 1–15.

Drinka, B. 2011: The sacral stamp of Greek: periphrastic constructions in New Testament translations of Latin, Gothic, and Old Church Slavonic. *Oslo Studies in Language* 3(3), 41–73.

Ferraresi, G. 2005: *Word order and phrase structure in Gothic*. Peeters.

Gukhman, M.M. 1998: *Gotckiy yazyk* [*The Gothic Language*]. Moscow. Гухман, М.М. 1998: *Готский язык*. Москва.

Kern, H. 1867. Eine imperativform im gothischen. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen* 16 (6. H), 451–453.
Lehmann, W. P. 1994: Gothic and the reconstruction of Proto-Germanic. *The Germanic Languages*, 19–37.
Pollak, H. 1964: Zu den Funkzionen des Gotischen Präteritums. *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur* 86, 25–61.

S. D. Kleyner. Translating the Greek Active with the Gothic Passive

The paper examines 12 cases when Greek active verbs are translated into Gothic with the passive voice. All these translations are clearly occasional and are the product of a deliberate choice made by the translator. Still, such decisions allow us to see what is possible in Gothic, and whether there is a difference between the synthetic and periphrastic Gothic passives in terms of their capability to render active verbs with medial meaning.

Keywords: Gothic, Greek, active voice, synthetic and periphrastic Gothic passives.

А. С. Коньков

ИЗМЕНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ ПО ДАННЫМ ПОЛНОГЕНОМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДРЕВНЕЙ ДНК

Миграции эпохи неолита и бронзы, связанные напрямую или косвенно с распространением индоевропейцев, оказали влияние на генофонд окраинных зон Западной Европы. В Скандинавии и на Иберийском полуострове, местное население испытало ощутимый вклад со стороны неолитических земледельцев, но при этом сохранило и высокую долю автохтонного компонента. Генофонд ирландских популяций испытал воздействие 2 миграционных волн: 1) со стороны земледельцев эпохи неолита, 2) новых переселенцев эпохи бронзы, которые принесли с континента восточноевропейский компонент.

Ключевые слова: Западная Европа, Ирландия, Скандинавия, Иберийский полуостров, индоевропейцы, неолит, бронза, древняя ДНК, древнее население, миграции, неолитическая революция, земледельцы.

Масштабные полногеномные исследования древней ДНК из европейских могильников позволили получить исключительно ценную информацию о прошлом индоевропейцев (Allentoft 2015: 167–172, Haak 2015: 207–211, Lazaridis 2014: 409–413). Хотя полученные данные генетики сами по себе не позволяют решить проблему происхождения индоевропейцев, они существенно уточнили схему миграций в эпоху неолита и бронзы, которые являются ключевыми периодами в индоевропейской истории. Установлено, что популяции Центральной Европы в ранний период формирования и расселения индоевропейцев испытало мощное демографическое влияние: 1) во время миграции земледельческого населения со стороны Анатолии, которое принесло неолитическую революцию, и 2) со стороны восточноевропейских мигрантов в начале бронзового века (Allentoft 2015: 167–172, Haak 2015: 207–211, Lazaridis 2014: 409–413). В Восточной Европе и Центральной Азии была создана достаточно убедительная реконструкция миграций бронзового века, за счет были прояснены многие спорные вопросы в отношении происхождения населения андроновской, синташтинской и афанасьевской культур (Allentoft 2015: 167–172). В отношении же западного направления миграций индоевропейского целостную

картину было построить нельзя. Так, например, вплоть до самого последнего времени, не было никаких данных по полногеномным исследованиям древней ДНК из Британских островов (Cassidy 2016: 368–372), но в то же врем Скандинавия была одним из первых регионов, где был проведен масштабный полногеномный анализ большого числа останков из древних погребений (Skoglund 2014: 747–750). В связи с этим, было интересно построить общую картину того, как бурные популяционные события эпохи бронзы и неолита отразились на населении окраинных областей Западной Европы, таких как Скандинавия, Британские острова или Иберийский полуостров.

Здесь важно, сделать важную оговорку, и обратить внимание на то, что здесь говорится именно про полногеномные исследования из старых образцов, а не про исследования древней ДНК вообще. Так, митохондриальная ДНК из старых могильников уже давно изучается в течение нескольких последних десятилетий. Особый интерес именно к полногеномным исследования по древней ДНК связан с тем, что полногеномные панели обладают важными преимуществами в сравнении с маркерами митохондриальной ДНК и Y-хромосомы в реконструкции прошлого. Прежде всего, анализ панелей полных геномов показывает 1) всю генетическую информацию, которая достается индивиду по всем восходящим линиям предков; в то время как анализ маркеров митохондриальной ДНК и Y-хромосомы выявляет лишь часть наследственной информации, и только ту, что передается лишь через одну из ветвей прямых предков по женской или мужской линии (например, в этом случае полностью теряется информация от дедушки по женской линии или бабушки по отцовской). Это дает больший объем входной информации за счет чего, используя такие биоинформатические методы и алгоритмы как ADMIXTURE, GLOBETROTTER, ALDER, TreeMix, fineSTRUCTURE и пр., можно изучать более сложные нюансы и сценарии в отношении древней истории населения. В случае исследования ДНК из древних останков, когда исследователи нередко вынуждены иметь дело с очень небольшими размерами выборок, недостаток информации является существенной проблемой, которую можно отчасти преодолеть именно благодаря полногеномному анализу (Lazaridis 2014: 409–413). Другим важным преимуществом полногеномных маркеров, является то, что 2) их информация в меньшей степени подвержена действию дрейфа генов (процесса случайного колебания генов, который

стирает генные летописи в маленьких популяциях) и вносит искажения в интерпретацию популяционной истории. Поэтому применение полногеномного анализа позволяет проверить и скорректировать данные, полученные по митохондриальной ДНК и Y-хромосоме. Все эти причины вызывают вполне обоснованный интерес именно к данным полногеномного анализа древней ДНК, который закономерно отражается в росте числа публикаций с его применением (Cassidy 2016: 368–372; Allentoft 2015: 167–172, Haak 2015: 207–211, Lazaridis 2014: 409–413, Skoglund 2014: 747–750).

Полногеномные исследования древней ДНК из могильников неолита и бронзы Скандинавии (Skoglund 2014: 747–750), Иберийского полуострова (Gunther 2015: 11917–11922) и Британских островов (Cassidy 2016: 368–372) выявили различия во взаимоотношениях между пришлым и местным населением. В Скандинавии и на Иберийском полуострове местное население испытало ощутимый вклад со стороны неолитических земледельцев, но оно сохранило и высокую долю автохтонного компонента характерного для мезолитического населения всей Западной и Северной Европы (Skoglund 2014: 747–750; Gunther 2015: 11917–11922). Доля мезолитического компонента была здесь заметно выше, чем у населения культуры Линейно-ленточной керамики в Центральной Европе. Это говорит о том, что демографическое давление со стороны земледельческого населения, хотя и оставалось ощутимым, но его сила в направлении севера и юго-запада Европы в значительной степени ослабевала. В этих двух регионах пришельцы не вытесняли прежних жителей, а интенсивно смешивались с ними. В Скандинавии такое метисированное население, к которому относились местные земледельцы, еще и сосуществовало с поздними охотниками-собирателями, сохранившими свой автохтонный генофонд в прежнем состоянии без примеси пришлых компонентов. Особенно интересно, что время этого сосуществование было достаточно длительным, и по самым острожным оценкам оно продолжалось в течение как минимум одной тысячи лет (Skoglund 2014: 748).

История крайнего северо-запада Европы выглядит в этом отношении гораздо сложнее. Полногеномный анализ неолитического могильника Баллинахати из северо-восточной Ирландии (имеющего возраст 3343–3020 до н. э.) установил, что европейские земледельцы донесли свой генофонд из Анатолии до Ирландии (Cassidy 2016: 369–370). Причем его доля на

новом месте оказалась равна доле вклада в генофонд у носителей линейно-ленточной керамики Центральной Европы. Важно, что этот факт находится в противоречии с некоторыми прежними реконструкциями популяционной истории Европы. Так согласно данным Кавалли-Сфорца, популяционное влияние мигрантов из Анатолии должно было равномерно убывать от Анатолии в сторону западных и северных окраин Европы (Cavalli-Sforza 1994: 290–295), будучи минимальным именно в зоне Британского архипелага. Поэтому было ожидаемо, что местный субстрат должен иметь в генофонде неолитического населения Ирландии больший вес, чем в остальных областях Европы. Более того, совершенно исключается и такая компромиссная версия, согласно, которой группа пришельцев была просто изолирована от других возможных групп, и поэтому не получила более ощутимого вклада со стороны автохтонного генофонда также. Этому противоречит сделанная оценка общей гомозиготности генома – параметра который позволяет определить долю близкородственных браков. Она не выявила протяженных гомозиготных участков (гомозиготные популяции появляются часто в маленьких группах, где ограничен обмен браков) (Cassidy 2016: 370–371). Впрочем, не исключено, что данные из новых могильников Британского архипелага могут все-таки обнаружить неоднородность населения этого региона в эпоху неолита. Интересно, что в соответствии с результатами биоинформатического анализа, неолитические мигранты из Центральной Европы попали в Ирландию из Центральной Европы не напрямую (через Бельгию, Нидерланды), а в обход, через Испанию и западное побережье Франции (Cassidy 2016: 371). В этом отношении были бы крайне интересны сопоставления генетических реконструкций с археологическими и данными по данному региону.

В эпоху бронзы новая переселенческая волна принесла в Ирландию с континента восточноевропейский компонент, который преобладал у представителей шнуровой керамики и ямной культуры. Согласно данным из могильника Ратлин (имеющим 2026–1534 до н.э.) эта миграция должна была произойти не позднее середины II тыс. до н. э. Оставляя в стороне все сложные вопросы, взаимоотношения между населением ямной культуры и шнуровой керамики и существующие противоречия между данными археологии и генетики, отметим, что носители восточноевропейского компонента так или иначе достигли Ирландии. Возможно – этот перенос происходил не напрямую,

например Л. М. Кассиди предполагает в нем участие населения Колоколовидных кубков (Cassidy 2016: 372). Но такое предположение требует серьезного обсуждения со стороны археологов. И уточнение этого маршрута требует привлечения новых данных по древней ДНК.

Генофонд людей эпохи бронзы Ирландий, сформировавшийся в результате двух вышеописанных миграционных потоков эпохи неолита и бронзы, стал уже в значительной степени близок к генофонду современных валлийцев, ирландцев и шотландцев (Cassidy 2016: 371–372). В последующем генофонд населения Британского архипелага, испытав в раннем Средневековье влияние еще одной, третьей, популяционной волны со стороны англосаксонских переселенцев, уже окончательно приблизился к современному состоянию (Martiniano 2016: 10326).

Миграции эпохи неолита и бронзы, связанные напрямую или косвенно с миграциями индоевропейцев, оказали влияние на окраинные зоны Западной Европы. Общая картина популяционной истории окраинных зон Западных Европы, во время эпохи неолита и бронзы, предполагает следующий сценарий. 1) В раннем неолите популяции генетически связанные с населением Анатолии, принесли неолитическую революцию в Центральную Европу, заместив прежнее население (Haak 2015: 208–210). Отсюда производящее хозяйство вместе со своими носителями продолжило свое распространение в остальные регионы Западной Европы. 2) В Скандинавии и на Иберийском полуострове, местное население испытало ощутимый вклад со стороны неолитических земледельцев, но сохранило и высокую долю автохтонного компонента, характерного для мезолитического населения всей Западной и Северной Европы. В этих двух регионах пришельцы не вытесняли прежних жителей, а интенсивно смешивались с ними. В Скандинавии местные метисированные земледельцы, еще и длительное время сосуществовали с поздними охотниками-собирателями, которые сохранили свой автохтонный генофонд в прежнем состоянии без примеси пришлых компонентов. История крайнего северо-запада Европы выглядит в этом отношении гораздо сложнее. 3) Носители неолитической революции донесли свой генофонд из Анатолии до Ирландии. Вклад генофонда переселившихся земледельцев был в неолитическом населении Ирландии был выше чем в Скандинавии и на Иберийском полуострове. Мигранты-земледельцы двигались в Ирландию не напрямую, а

в обход, через территорию современной Испании и атлантическое побережье современной Франции. 4) В эпоху бронзы новая переселенческая волна принесла в Ирландию с континента восточноевропейский компонент, который преобладал у представителей шнуровой керамики и ямной культуры.

Полученные данные являются важным материалом, который могут учитывать лингвисты, археологи и историки для проверки своих гипотез при реконструкциях миграционной истории индоевропейцев. Но при сопоставлении данных разных наук требуется определенная осторожность. Приведенные данные могут быть дополнены и скорректированы, при появлении информации по древней ДНК из новых могильников с иными культурными маркерами. Кроме того, популяционная и культурная история не всегда происходят синхронно друг с другом.

Литература

Allentoft, M. E. et al. 2015: Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature* 522, 167–172.

Cassidy, L.M. et al. 2016: Neolithic and Bronze Age migration to Ireland and establishment of the insular Atlantic genome. *Proceedings of the National Academy of Sciences, U.S.A.* 113 (2), 368–373.

Cavalli-Sforza, L,-L., Menozzi, P., Piazza, A. 1994: *The History and Geography of Human Genes.*

Günther, T. et al. 2015: Ancient genomes link early farmers from Atapuerca in Spain to modern-day Basques. *Proceedings of the National Academy of Sciences, U.S.A.* 112 (38), 11917–22.

Haak, W. et al. 2015: Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature* 522, 207–211.

Lazaridis, I. et al. 2014: Ancient human genomes suggest three ancestral populations for present-day Europeans. *Nature* 513, 409–413.

Martiniano, R. et al. 2016: Genomic signals of migration and continuity in Britain before the Anglo-Saxons. *Nature Communications* 7. Epub. ahead at print.

Skoglund, P. et al. 2014: Genomic diversity and admixture differs for Stone-Age Scandinavian foragers and farmers. *Science* 344, 747–750.

A. S. Kon'kov. Changes of population in Western Europe in the Neolithic and Bronze Ages according to the genome wide study of ancient DNA

The general picture of population history of Western Europe borderlands under Neolithic and Bronze Ages, when intensive migrations of Indo-European population happened, supposes the existence of the following scenario. Populations that are genetically connected with the population of Anatolia made an agricultural revolution in the Central Europe and displaced the resident population under early Neolithic Age. Producing

economy continued its expansion with its supports to other regions of Europe. Resident populations in Scandinavia and on the Iberian Peninsula embraced the tangible contribution from Neolithic agriculturalists, but they maintained a high share of autochthonous component, that is typical for the Mesolithic population of all Western and Northern Europe. Newcomers did not displace local populations in these two regions, but blended into them actively. Resident mongrel agriculturalists coexisted with late hunter-gatherers in Scandinavia. These hunter-gatherers maintained their autochthonous gene pool in the same state. The history of far north-west of Europe looks more complicated for that matter. Supports of Neolithic revolution brought their gene pool from Anatolia to Ireland and its proportion was equal to the contribution of carriers of *Linearbandkeramik* in the Central Europe to the gene pool. Thereat, migrants transmigrated to Ireland not broadly, but by sidestepping, through the territory of present-day Spain. In the Bronze Age the new resettlement wave brought the East-European component from the continent to Ireland that prevailed among carriers of Corded Ware and Yamnaya culture. This data should be taken into consideration in reconstructions of migration history of Indo-Europeans. But this data should not be overestimated, because it could be updated and corrected when using novel data from new archeological sites with other culture markers. Besides that, it should be always took into account during comparison of the information from different sciences that population and cultural history do not happen synchronously in each case.

Keywords: Western Europe, Ireland, Scandinavia, the Iberian Peninsula, Indo-Europeans, Neolithic and Bronze Ages, ancient genomes, autochthonous population, migration, Neolithic revolution, agriculturalists.

П. А. Кочаров

ПРОБЛЕМА ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ ДИСТАНЦИИ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ РАСШИРЕННЫХ ВАРИАНТОВ ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ

(*k^{u}ei-, *k^{u}eis-, *k^{u}eit-)

В статье рассмотрена серия корней: *k^{u}ei- ‘обращать внимание на к.-л./ч.-л.’, ‘чтить к.-л.’, ‘постигать ч.-л.’, *k^{u}eis- ‘обращать (ч.-л.) внимание на ч.-л.’, *k^{u}eit- ‘чтить’, ‘учитывать, принимать во внимание (→ считать, читать)’. Перечисленные корни сопоставляются с точки зрения их представленности в дочерних языках, уточняются области пересечения реконструируемых для них лексических значений, предпринята попытка определить грамматический потенциал выделяющихся на формальных основаниях элементов *s и *t с опорой на лексическую семантику.[1]

Ключевые слова: праиндоевропейский язык, структура корня, расширители корня, морфология, морфонология.

1. Введение

Проблема праиндоевропейских корневых расширителей заключается в реконструкции для праязыка корней со сходным значением и различающимся исходом. При исследовании этого явления необходимо в каждом отдельном случае обосновать достаточность лексической близости сопоставляемых корней, исключить возможность возникновения расширенного корня в истории отдельной ветви или группы близкородственных ветвей и, наконец, попытаться определить распределение расширителей по корневым морфемам праязыка там, где их общеиндоевропейский статус установлен. Теоретически, распределение расширителей может отражать как историческое чередование в фонемном составе праязыковых корневых алломорфов, так и следы грамматических показателей, претерпевших полную или частичную лексикализацию еще в праязыке. Какие-либо выводы о природе корневых расширителей возможны только после скрупулезного изучения оснований для рекон-

[1] Исследование выполнено в рамках проекта «Праиндоевропейский корень и основообразующие форманты» при финансовой поддержке гранта РНФ 14-18-03585.

струкции вариантов корня в каждом отдельном случае с последующей систематизацией полученных результатов.

Сложности этимологического анализа корней с расширителями и подход к их преодолению продемонстрированы в данной статье на примере корней *k^{u}ei- ‘обращать внимание на к.-л./ч.-л.; чтить к.-л.; постигать ч.-л.’ (LIV^{2}: 377 и сл. “bemerken, wahrnehmen”), *k^{u}eis- ‘обучать; обращать ч.-л. внимание на ч.-л.; смотреть’ (LIV^{2}: 381 и сл. “auf etwas achten, wahrnehmen”) и *k^{u}eit- ‘чтить; считать; читать’ (LIV^{2}: 382 и сл. “bemerken, erkennen”). Эти три корня часто рассматривались в этимологических источниках как имеющие общее происхождение. В то время как *k^{u}eit- традиционно интерпретируются как расширенные варианты корня *k^{u}ei- (IEW: 636) без какого-либо объяснения природы данного чередования, *k^{u}eis- предлагалось рассматривать как лексикализовавшийся морфологический дезидератив от *k^{u}ei-: ‘bemerken’ → дезид. ‘bemerken wollen’ > ‘auf etw. achten’ (см. LIV^{2}: 381). Дезидеративная интерпретация корня с исходом на *s при этом кажется достаточно условной. Круг лексических пересечений между *k^{u}ei- и *k^{u}eis- можно объяснить и, не прибегая к семантике дезидератива. Следует отметить, что наряду с дезидеративом, *s реконструируется и в составе других глагольных основообразующих формантов (например, сигматический аорист; презенс на *-se/o-). Кроме того ожидает детального исследования вопрос о праиндоевропейском расширителе *s (ср. Watkins 1962: 99). Неоднозначность интерпретации внутренней структуры перечисленных корней побуждает вновь обратиться к вопросу об их общем происхождении и природе расширителей. В случае если корни *k^{u}eis- и *k^{u}eit- могут быть признаны общеиндоевропейскими вариантами корня *k^{u}e̯i-, целесообразно обозначить грамматический потенциал *s и *t с опорой на лексическое значение корней и особенности строения глагольных парадигм, в той мере, в которой они поддаются реконструкции. Этот грамматический потенциал, несмотря на свою гипотетичность, может быть учтен при сравнении с другими случаями реконструкции расширителей *s и *t.

Перечисленные корни реконструируются на основании данных, имеющих следующее распределение по ветвям индоевропейских языков:

Ветви языков	*k^{u}ei-	*k^{u}eit-	*k^{u}eis-
Анатолийские	?		
Индийские	+	+	
Иранские	+	+	+
Древнегреческий	+		
Балтийские		+	
Славянские		+	
Кельтские			+

Несмотря на разную степень представленности корней в дочерних языках, есть основания для реконструкции всех трех корней для праязыкового состояния после отделения тохарской и анатолийской ветви, а возможно, и для более древнего состояния.

Представленный ниже анализ расширенных вариантов корня основан на традиционной этимологии, согласно которой *k^{u}ei- восстанавливается благодаря сравнению данных индоиранских (вед. *cā́yati* ‘почитать’, ст.-ав. *caiiah-* ‘внимание, уважение’, мл.-ав. *vīkaiehe* gen.sg. ‘свидетеля’, парф. *wyg'h* ‘свидетель’ и проч.), древнегреческого (τίω ‘почитать’) и славянских языков (ст.-сл. *чаяти* ‘надеяться’[2]), см. EWAia 2: 531; DELG 1115; Werba 1997: 182; LIV^{2}: 377 и сл.; Cheung 2008: 28 и сл. Во всех перечисленных источниках *k^{u}ei- связывается общим происхождением с *k^{u}ei-t-[3]. Более того, именно на этимологичес-

[2] Едва ли можно согласиться с Р. Липпом (LIV^{2}: 377) в том, что ст.-сл. *каяти сѧ* ‘каяться, раскаиваться; жалеть, огорчаться’ (Tsejtlin et al. 1994: 283) продолжает морфологический каузатив *k^{u}ōi̯-i̯e- от корня *k^{u}ei- ‘чтить; обращать внимание на к.-л.’. Гораздо более убедительно выглядит сближение *каяти сѧ* с ав. *cikaē-* ‘искупать’, *kaēnā*, др.-греч. ποινή ‘цена’, ст.-слав. *цѣна* и проч. (ср. ESSJa 9: 115–116; Derksen 2008: 219) от омонимичного корня *k^{w}ei- ‘платить; расплачиваться’ (LIV^{2}: 379 и сл.). Только признав для *k^{w}ei- семантическое развитие (или синхронную полисемию) ‘оценивать’ → ‘ценить; уважать; чтить; оценивающе рассматривать’ (ср. др.-греч. τίω ‘чтить; ценить (о человеке)’ наряду с ‘оценивать (о предмете)’, e.g. *Il.* 23, 703), можно свести *чаяти* и *каяти сѧ*, также как др.-греч. τίω и τίνω, др.-инд. *cā́yate* и *cáyate*, ав. *caiiah-* и *cikaē-*, к общему источнику (ср. Frisk 1960: 906 и сл. против DELG: 1123).

[3] В качестве альтернативной этимологии предлагалась реконструкция *k^{u}eh$_1$-i-/*k^{u}h$_1$-i- (ср. DELG: 1123; Melchert 1984: 164). Эта реконструкция опирается на продленную ступень в вед. *cā́yati*, прил. *cāyú-* ‘почтительный’, на акцентуацию ст.-сл. *чаяти* (Derksen 2008: 78). Й. Расмуссен (Rasmussen 1989: 65 и сл.) в качестве допустимых реконструкций для старославянского и древнеиндийского глаголов

кой связи между *k^{u}ei- и *k^{u}ei-t- основана реконструкция лабиализованности начального велярного в *k^{u}ei-t-.

Следует сразу отметить, что круг значений, связанных с корнем *k^{u}ei-, указывает на некоторые лексико-грамматические черты, учет которых может оказаться важным для определения функции расширителей *s и *t.

Прежде всего, следует отметить, что *k^{u}ei- можно отнести к стативным глагольным корням независимо от того, выражал ли он в праиндоевропейском значение ‘уважать, почитать’ или ‘наблюдать; обращать внимание’.

Хотя корневой аорист для корня *k^{u}ei- не засвидетельствован, Р. Липп (LIV^{2}: 377) квалифицирует данный корень как «аористный», опираясь на интерпретацию перфекта, который реконструируется для данного корня на основании данных греческой и индоиранской ветвей (ср. др.-греч. τετῑμένος ‘почитаемый’, др.-инд. *cikāya* ‘наблюдать; постигать’)[4], как результативного деривата от базового пунктивного предиката. Кроме этого отмечается производный характер презентной основы в др.-греч. τίω ‘почитать’ (*i̯e/o-презенс). Такая интерпретация

предлагает *k^{u}eh$_1$i̯-e- и *k^{u}eh$_1$-i̯e-. Особенно последовательно этой реконструкции придерживаются противники реконструкции презентных основ с продленной ступенью. Так, Р. Бекес объясняет засвидетельствованное у Гомера чередование форм τίω с ῐ̆ и ῑ̄ как результат смешения *k^{u}eh$_1$i̯-e/o- (*tēje/o- → *tīje/o- > τῑ́ε/o-) и *k^{u}h$_1$i̯-e/o- (*tije/o- > τῐ́ε/o-), двух тематизированных вариантов аблаутирующей презентной основы на *-i-: *k^{u}eh$_1$-i̯-/*k^{u}h$_1$-i̯- (Beekes 2010: 1490). Чистый корень *k^{w}eh$_1$- постулируется для др.-греч. τηρέω ‘наблюдать; стеречь’. Так, Й. Расмуссен (*loc. cit.*) интерпретирует τηρέω как деноминативный глагол от *k^{w}eh$_1$-re/o-; τηρός ‘страж’ (Aesch. Suppl. 248, ненадежное чтение) признается вторичным образованием (DELG: 1115). В случае если реконструкция *k^{u}eh$_1$i̯- верна, дальнейших анализ *k^{u}eit- и *k^{u}eis- как родственных корней затруднителен. В данной статье исследуется традиционная реконструкция, не в меньшей степени отвечающая формальным критериям.

[4] Возведение лув. *kuwaya-* к праиндоевропейскому перфекту с редупликацией (см. также Kümmel 2000: 171) является спорной в свете дискуссии о реконструкции редуплицированного перфекта для общеиндоевропейского состояния и его соотношения с анатолийским *ḫi*-спряжением. Кроме того, сама корневая этимология лув. *kuwaya-* как производное от *k^{u}e(h$_1$)i- ‘почитать’ может быть оспорена. Так, Мелчерт (Melchert 1994: 274) допускает для лувийского и ликийского звуковой переход *du̯- > ku̯-, что согласуется с этимологией *du̯oi- ‘бояться’ > лув. *kuwaya-* (Laroche 1967: 46 и сл.); ср. знаменитый переход начального дентального в велярный в и.-е. *du̯- > др.-арм. *erk-*, произошедший в смежном ареале.

кажется не вполне оправданной. Исследуемый глагол можно отнести к числу перфекто-презентных глаголов, представленных в греческой и индоиранской ветвях, для которых перфектную основу *k^{u}e-k^{u}oi- можно рассматривать как вторичный имперфектив, образованный от предельного коррелята исходного непредельного глагола, ср. русск. *говорить/сказать* → *сказывать* (др.-инд. перф. перф. *āha* ‘говорю, сказываю’, др.-греч. перф. *ἄνωγα* ‘приказываю’). В этому типу относятся глаголы, обозначающие непредельные процессы и состояния, допускающие моментализацию, при которой моментальная фаза кореферентна длительной фазе, а не следует за ней, как это происходит в случае с предикатами, относящимися к акциональному классу предельных процессов (ср. парные глаголы, непредельные формы которых выражают состояния и непредельные процессы в русском языке типа *говорить/сказать*, *чувствовать/почувствовать*; Zalizniak et al. 2015: 64–69). Хотя морфологические особенности общеиндоевропейских глаголов данной функциональной группы еще плохо изучены, для них едва ли следует реконструировать корневой аорист на основании одного факта наличия у них формы перфекта.

Указанная грамматическая особенность проявляется в употреблении форм аориста и имперфекта др.-греч. τίω ‘почитать; ценить’, ср.:

(1) *Ил.* VI, 172–173: ἀλλ' ὅτε δὴ Λυκίην ἶξε Ξάνθόν τε ῥέοντα,
προφρονέως μιν τῖεν[imperf.] ἄναξ Λυκίης εὐρείης…
‘Мирно достиг он ликийской земли и пучинного Ксанфа;
Принял [букв. ‘выказал уважение’ – *П. К.*] его благосклонно ликийских мужей повелитель…’ (пер. Н. И. Гнедича).

(2) *Ил.* I, 411–412: γνῷ δὲ καὶ Ἀτρεΐδης εὐρὺ κρείων Ἀγαμέμνων ἣν ἄτην ὅτ' ἄριστον Ἀχαιῶν οὐδὲν ἔτισεν[aor.]. ‘Сам же сей царь многовластный, надменный Атрид, да познает, Сколь он преступен, ахейца храбрейшего так обесчестив [букв. ‘не выказал уважения’ – *П.К.*]’ (пер. Н. И. Гнедича).

Аспектуальное противопоставление длительной и моментальной фаз глагола τίω в приведенных контекстах кажется в значительной степени нейтрализованным. С этой точки зрения, как презентная основа на -ιε/ο-, так и сигматический аорист могут считаться результатом формального обновления основ, и не дают достаточных оснований для реконструкции праиндоевропейского корневого аориста (глагола с базовым предельным значением). Эта точка зрения поддерживается данными древнеиндийского и старославянского языков.

В Ригведе представлены личные формы перфекта и интенсивной редупликацией (e.g. *cikā́ya* X, 89.3d), плюсквамперфекта (*aciket* X, 51.3c) и формы дезидератива (e.g. *cikīṣate* VIII, 78.6b), а также причастия, образованные от тематической презентной основы (e.g. *cā́yamānaḥ* VII, 18.8.d), перфекто-презентной основы (*ni cíkyat* IV, 38.4c), отглагольные субстантивы на *-ta-* (*ni citáḥ* II, 12.13c) и *-ya-* (e.g. *cā́yya* I, 105. 18c); полный список контекстов Ригведы см. в Lubotsky 1997, 1: 530. Обращает на себя внимание отсутствие личных форм презенса и аориста (подробнее о морфологических особенностях данного глагола в древнеиндийском см. Kümmel 2000: 169–171). Формы перфекта выражают как длительную, так и моментальную фазу соответствующего предиката, ср.:

(3) *Ригведа* VIII, 25.9: *akṣṇáḥ cit gātuvíttarā anulbaṇéna cákṣasā / ní cin miṣántā nicirā́ ní cikyatuḥ*[5] //
'(Те) двое, что находят выход даже лучше, чем глаз, (Они) со своим безошибочным зрением, Даже моргая, они (всё равно) наблюдают как наблюдатели.' (пер. Т. Я. Елизаренковой).

(4) *Ригведа* X, 114.9cd: *kám ṛtvíjām aṣṭamám śū́ram āhuḥ hárī índrasya ní cikāya káḥ svit* //
'Какого героя называют восьмым из жрецов? Кто поистине постиг пару буланых коней Индры?' (пер. Т.Я. Елизаренковой).

Ст.-сл. *чаяти* 'ждать, ожидать; надеяться' (Tseitlin et al. 1994: 777) представляет собой непредельный глагол.

Таким образом, есть основания реконструировать для корня *k^{u}ei- ряд глагольных значений 'наблюдать; чтить; постигать', предполагающих наличия в ситуации одушевленного субъекта, либо осуществляющего контролируемую ментальную деятельность (древнеиндийский, древнегреческий), либо претерпевающего психологическое состояние (старославянский). Такая интерпретация допускает широкий спектр аспектуальных значений, которые мог выражать непроизводный глагол; при этом наименее вероятна реконструкция для данного корня морфологических особенностей, типичных для глаголов, выражавших предельные процессы. Значения, представленные в индоиранских языках и древнегреческом, допускают синтаксически переходные конструкции при слабой семантической переходности (объект наблюдения не подвергается активному воздействию со стороны субъекта); значение старославянского гла-

[5] Здесь и далее текст Ригведы цитируется по электронному изданию Й. Гипперта (http://titus.uni-frankfurt.de).

гола предполагает в качестве базового синтаксически непереходное употребление.

Корень *k^{u}eis- засвидетельствован из индоиранских языков только в иранских (общ.-ир. *čaiš-/*kaiš-, для которого восстанавливается значение ‘назначить; объяснить; обучить’ (Cheung 2008: 30 “assign, make known, teach”), либо ‘предоставлять’ (ср. Kellens 1995: 22 “fournir”). Р. Липп исходит из предельного значения *‘увидеть’ → *‘беспокоиться; заботиться’ → ‘назначать; указывать’ (LIV^2: 381 “eine Vision bekommen, etw. für jmdn. sehen, providere” → “*besorgen für” → “(religiös-magisch) bestimmen: zuweisen, festlegen”). В авестийском данный корень представлен глаголом со значением ‘назначать; обучать’, для которого надежно засвидетельствованы формы корневого атематического аориста (ср. ст.-ав. *cōišt*, e.g. *Y* 45.10) и назального презенса (ср. мл.-ав. *cinahmī*, e.g. *Y* 12.1), а также производным существительным *kaēša-* ‘учение’.

Тот же корень со значением ‘видеть’ засвидетельствован в ряде кельтских языков, ср. др.-ирл. през. *ad-cí*, перф. *-ac-cae* ‘смотреть; воспринимать’ (eDIL s.v. *as-cí*), предположительно из през. *ad-k^{u}is-e- (LIV^2: 381) или *ad-k^{u}is-je- (Matasović 2009: 180) и перф. *ad-k^{u}i-k^{u}ois-e (LIV^2: 381).

Предположительно, для индоевропейского состояния, предшествовавшего разделению индоиранской и кельтской ветвей, можно восстанавливать корень *k^{u}eis- с медиальным значением ‘смотреть; рассматривать’, от которого в (индо-)иранских языках с помощью вторичного назального инфикса был образован каузатив ‘обучать’. Этому новообразованию должна была предшествовать стадия отождествления корневой основы, по крайней мере в части употреблений, с пунктивным предикатом ‘рассмотреть; узнать’, откуда кауз. ‘обучать’.

Значение ‘видеть/увидеть’, реконструируемое для *k^{u}eis- на основании кельтских данных, хорошо соотносится с кругом значений корня *k^{u}ei-. Оно предполагает наличие одушевленного субъекта испытывающего стимульное воздействие. Синтаксическая транзитивность сопровождается отсутствием активного воздействия субъекта на объект, выраженный прямым дополнением. По сравнению с *k^{u}ei- корень *k^{u}eis- выглядит менее агентивным, поскольку в его лексическое наполнение в меньшей степени предполагает контроль субъекта над ситуацией (ср. *k^{u}ei- ‘почитать’). В этой связи обращает на себя внимание гипотеза К. Уоткинза о связи сигматического аориста с архаичной интранзитивирующей морфологией (Watkins 1962:

97–110). Каузативное значение ‘назначать’, представленное в иранских языках, по-видимому, следует объяснять деривационной семантикой инфиксального парадигматического типа. Если корень *k^{u}eis- был образован в ходе общеиндоевропейского развития, инфиксальный презенс следует считать для данного корня вторичным образованием, возможно, развившемся уже в индоиранской ветви. Тот факт, что корень *k^{u}eis- имел в инфиксальном классе корневой аорист, едва ли можно использовать в качестве аргумента для реконструкции акциональных характеристик корня (например, предельности), поскольку корневой аорист при вторичном назальном презенсе был бы образован уже под давлением парадигмы.

Корень *(s)k^{u}eit- восстанавливается на основании древнеиндийских, балтийских и славянских данных. Для славянских языков восстанавливается глагол *čisti, ср. ст.-сл. *чистu* ‘читать; чтить, почитать; соблюдать’ (Tseitlin et al. 1994: 779; ESSJa 4: 119; Derksen 2008: 89 и сл.), а также итеративно-дуративный глагол *čitati, ср. серб.-хорв. *čìtati* ‘читать’, *čȉtati* ‘воздавать почести’, русск. *читать*, диал. *читать* ‘почитать за кого’, ‘считать’, ‘делать что-либо, требующее постоянного расчета, напр. вязать сети’ (ESSJa 4: 123; Derksen 2008: 90). Славянский глагол невозможно рассматривать в отрыве от лит. *skaitýti* ‘читать; считать’, лтш. *šķist* ‘предполагать’ (Hock 2015: 919f.). Реконструируемая для балтославянского состояния корневая основа *(s)k^{u}eit-e-/(s)k^{u}it-e-, по-видимому, может быть соотнесена с непредельным значением и далее с др.-инд. *cétati* ‘замечать’. Нет достаточных оснований реконструируемую таким образом презентную основу считать инновацией, которая в двух ветвях независимо заместила исконную инфиксальную основу, ср. LIV^{2}: 382 и сл. Напротив, инфиксальную основа, надежно восстанавливаемую только для индоирнской группы языков (вед. *cintayati* ‘обдумывать’, ст.-ав. *fracinas* ‘узнает’) следует считать инновацией этой группы. Как и в рассмотренном выше случае с *k^{u}eis-, реконструкция корневого аориста наряду с инфиксальным презенсом на основании только индоиранских данных может быть ошибочной. То же самое можно сказать об образовании основы перфекта *k^{u}e-k^{u}oit- (наряду с интенсивной основой *k^{u}ei-k^{u}oit-) в рамках формообразовательной модели перфекто-презентных глаголов, которая может быть надежно реконструирована только для общего праязыка греческой и индоиранской ветвей (см. Kümmel 2000: 179; Werba 1997: 183f. о презентных употреблениях перфекта данного гла-

гола). Относительно поздняя хронология инфиксальной основы поддерживается гипотезой о родстве корней *k^{u}ei- и *k^{u}eit-.

В целом грамматический потенциал *k^{u}eit- в большей степени чем в случае с *k^{u}eis- совпадает с *k^{u}ei-, поскольку лексическое значение этого корня предполагает наличие одушевленного субъекта выполняющего контролируемое ментальное действие. Так же, как и в случае с *k^{u}ei- и *k^{u}eis- синтаксическая транзитивность сопровождается отсутствием активного воздействия субъекта на объект, выраженный прямым дополнением. Для глаголов, образованных от данного корня нехарактерны непереходные стативные употребления. Учитывая тот факт, что корень *k^{u}eit- совместим с непредельными значениями, кажется целесообразным сопоставить этот элемент с презентным суффиксом *-to-, который характеризует непродуктивный класс глаголов (в LIV^{2} этот тип реконструируется для *pleḱ- и *peḱ-; см. также Brugmann 1913: 362–372). В качестве возможных источников презентного суффикса К. Бругманн (Brugmann 1913: 362), предложил рассматривать именную основу на *-to- (лат. *plectō* ‘плести’ наряду с др.-греч. πλεκτός ‘плетеный’), а также окончание 3sg. *-t(i). Все же нельзя полностью исключать вероятность того, что в элемент *-t- продолжает грамматический показатель, функционально связанный с непредельными предикатами. Эта гипотеза требует детального исследования других случаев корней с расширителем *-t-: *dieu̯- (др.-инд. *dyauḥ*) ‘небо’ : *dieu̯-t- (др.-инд. *dyautāná-* ‘сияющий’) ‘сиять’; *sker- (др.-греч. κείρω ‘стричь’): *sker-t- (вед. *kr̥ntáti* ‘резать’) ‘срезать’ и проч.

Рассмотренные лексико-грамматические особенности корней *k^{u}ei-, *k^{u}eis- и *k^{u}eit- позволяют объединять их общим происхождением и определяют базовый грамматический потенциал, с которым так или иначе могли быть связаны функции расширители *s и *t.

Литература

Brugmann, K. 1913: *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen.* II/3. Strassburg.

Cheung, Johnny. 2008: *Etymological dictionary of the Iranian verb.* Leiden, Boston.

DELG = Chantraine, P. 1968–1977: *Dictionnaire étymologique de la langue greque, histoire des mots.* Paris.

Derksen, R. 2008. *Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon.* Leiden, Boston.

Beekes, R. 2010: *Etymological dictionary of Greek.* Leiden, Boston.

eDIL = *Electronic Dictionary of the Irish Language* (http://www.dil.ie/).

ESSJa = Trubačev O.N. (ed.). 1974–: *Etimologičeskij slovar' slavjanskih jazykov.* Moskva.
EWAia = Mayrhofer, M. 1992, 1996: *Etymologisches Wörterbuch des Altidoarischen.* 2 Bde. Heidelberg.
Frisk, H. 1960, 1970, 1972: Griechisches etymologisches Wörterbuch. 3 Bde. Heidelberg.
IEW = Pokorny, J. 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch.* Bern.
Hock, W. 2015: *Altlitauisches etymologisches Wörterbuch.* 3 Bde. Hamburg.
Kellens, J. 1995: *Liste du verbe avestique.* Wiesbaden.
Kümmel, M. 2000: *Das Perfekt im Indoiranischen: eine Untersuchung der Form und Funktion einer ererbten Kategorie des Verbums und ihre Weiterentwicklung in den altindoiranischen Sprachen.* Wiesbaden.
Laroche, E.1967: Comparaison du louvite et du lycien. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris* 62, 46–66.
LIV^2 = Rix, H. et al. 2001: *Lexikon der indogermanischen Verben.* 2 Aufl. Wiesbaden: Reichert.
Lubotsky, A. 1997: *Rigvedic Word Concordance.* New Haven.
Matasović, R. 2009: *Etymological dictionary of Proto-Celtic.* Leiden, Boston.
Melchert, C.H. 1984: *Studies in Hittite Historical Phonology.* Göttingen.
Melchert, C.H. 1994: *Anatolian Historical Phonology.* Amsterdam, Atlanta.
Rasmussen, J.E. 1989: *Studien zur Morphophonemik der indogermanischen Grundsprache.* Innsbruck.
Tseitlin, R.M. et al. (eds.). 1994. *Staroslavianskii slovar' (po rukopisiam X–XI vekov).* [*Old Church Slavonic (according to manuscripts of the X–XI centuries)*]. Moskva.
Zalizniak A.A., I.L. Mikaelian, A.D. Shmel'ev: *Russkaja aspektologija: v zasčitu vidovoj pary.* Moskva.
Waktins, C. 1962: *Indo-European origins of the Celtic verb. I. The sigmatic aorist.* Dublin: The Dublin Institute for Advanced Studies.
Werba, Ch. 1997: *Verba Indoarica. Die primären und secundären Wurzeln der Sanskrit-Sprache.* Wien.

P. A. Kocharov. The issue of lexical and grammatical distance of PIE extended roots (*k^{u}ei-, *k^{u}eis-, *k^{u}eit-)

The paper is dedicated to a series of roots: *k^{u}ei- 'consider; respect', *k^{u}eis- 'consider, observe', *k^{u}eit- 'revere; take into account (→ count, read)'. The analysis is based on the distribution of these roots across the branches of the daughter languages, the lexical overlap between them; the grammatical potential of the root extensions is determined on the grounds of the reconstructed lexical meanings.

Keywords: Proto-Indo-European, root structure, root extensions, morphology, morphonology.

Е. В. Кравченко

УЧАСТИЕ СИНОНИМОВ МОРЯ В ПРИЁМЕ ЭПИЧЕСКОЙ ВАРИАЦИИ В «БЕОВУЛЬФЕ»

Эпическая вариация системно построена на субординации ее семантико-синтаксических единиц – вариата и варианса. Внутри эпической темы «морское путешествие» варианты включают в себя как обозначения моря (например, sǣ, holm), так и разнообразных морских реалий (например, ȳð ‘волна’, strēam ‘течение, поток’), а также слово wæter ‘вода’. Как показано в статье, синонимичность подобных слов – это не данность языка, а создание поэтической речи, и эпическая вариация служит важнейшим ее инструментом. Вариация трансформирует семантику слова: не стирая исходных денотативных различий, она выявляет системные, иерархические отношения между словами, определяемые их дистрибуцией в вариате и варианте.

Ключевые слова: вариация, вариат, варианс, синонимы, система, иерархия.

Эпическая вариация – это способ организации поэтической речи, при котором на синтаксическом уровне формируются семантико-синтаксические единицы, при этом её основу составляет тождество понятий и мыслей (Brodeur 1959: 40). Ф. Робинсон в своей диссертации “Variation: A Study in the Diction of *Beowulf*” называет вариацией «воспроизведение синтаксической структуры и семантики, сопровождаемое лексическим варьированием» (Robinson 1961: 32; цит. по Harris, 1982: 98). Особое внимание уделяется тому, что воспроизведение не происходит внутри синтаксического целого. Напротив, наблюдается разрыв синтаксических связей и явление паратаксиса, заключающееся в отсутствии формальных средств связи, позволяющих установить логическое соотношение между вариантами (Robinson 1985: 3). Эпическая вариация служит развёртыванию эпической темы с помощью «особых постпредикативных структур в рассказе, то есть структур, которые завершают, обобщают, суммируют предшествующие им предикативные структуры – предложения» (Gvozdetskaya 1995: 42).

По условию, члены эпической вариации включают синонимы, составляющие их семантическое ядро. Распространено мнение, что вариация служит умножению синонимов в тексте. Согласно нашей точке зрения, эпическая вариация не может

рассматриваться как формально-технический механизм «нанизывания» синонимов на нить эпического повествования (O'Keeffe, K. O'Brien 1997: 85). Более того, сама синонимизация слов происходит в поэтической речи, и её инструментом служит прежде всего приём эпической вариации: 212b–213a strēamas wundon, // sund wið sande 'волны бились, море против песка'.

Синонимы – это не готовые единицы ПЯ, а создание поэтической речи. Организация синонимов внутри ПЯ и их синтаксическое включение в текст происходит наиболее ярко в случаях эпической вариации. Иными словами, синонимы становятся вполне таковыми в составе вариации, которая уподобляет слова как элементы вариативных пар или цепочек. При этом уподобление не должно пониматься как отождествление. Эпическая вариация *служит выявлению неравнозначности, или, точнее, неравноценности синонимов, ведёт к умножению семантической информации об означаемом эпического повествования*. Уже само употребление синонимичных лексем в разных позициях зависит от их метрико-синтаксической включённости в повествование, свидетельствует об их иерархизации, а также может быть обусловлено их денотативными различиями. Эпическая вариация имеет целью отражение и утверждение существующей между ними внутренней системной иерархии в условиях аллитерационного стиха. Таким образом, вариация строится на двух уровнях – семантико-синтаксическом и (собственно) лексическом. Если сказать иначе, синонимизация – это функция от эпической вариации.

В наиболее простом и типичном случае эпическая вариация имеет два члена – *вариат* (первый член) и *варианс* (второй член), которые следуют друг за другом. При этом образуются конструкции, переходящие через границы ДС. Обычно оба члена расположены контактно: они помещаются в смежные долгие строки (ДС), где вариат занимает сильную позицию второй краткой строки (II КС), а границы варианса совпадают с первой краткой строкой (I КС): 545b–546a oþ þæt unc flōd tōdrāf, // wado weallende / wedera cealdost 'пока нас течение не разделило, воды бушующие, в самую холодную погоду', 212b-213a strēamas wundon, // sund wið sande 'волны бились, море против песка', 1630b–1631 Lagu drūsade, // wæter under wolcnum, / wældrēore fāg 'Озеро было неподвижно, вода под облаками, смертельной кровью окрашенная'. Вариация связывает принадлежащие разным ДС отдельные стихи между собой

(часто два полустишия), осуществляя переход синтаксической конструкции за пределы одного стиха, и в этом уподобляется аллитерации. Вместе с тем, на денотативном уровне фиксируется «семантическая аллитерация, повторение значения в различных выражениях» (Steblin-Kamenskiy 1978: 15). Смежность обоих вариантов, однако, необязательна. Порядок членов эпической вариации строго фиксирован, но они могут быть дистанцированными. При этом оба варианта могут быть разделены одной ДС: 1359b–1361a ðǣr fyrgenstrēam // under næssa genipu / niþer gewīteð, // flōd under foldan ‘там горное течение в тени скал вниз стремится, поток под землёй’. Гораздо реже вариация состоит из трёх или более членов: 579b-581a Đā mec sǣ oþbær, // flōd æfter faroðe / on Finna land // wadu weallendu ‘Тогда меня море унесло, поток по течению, к земле финнов, воды бушующие’ (ср. также Pätzel 1913: 174–175).

Вариатом является одно слово, которое задаёт означаемое. Вторым членом эпической вариации часто становится именное словосочетание, заполняющее двухвершинную строку: 1689b-1690a syðþan flōd ofslōh, // gifen gēotende, / gīganta cyn, // frēcne gefērdon ‘после того как потоп погубил, море нахлынувшее, род великанов, страшное постигли’, 515b–516a geofon ȳþum wēol, // wintrys wylm[um] ‘море волнами пенилось, водоворотами зимы’. Но в редком случае вариансом также может быть отдельное слово, как правило, сложное: 2411b–2412a holmwylme nēh, // ȳðgewinne ‘рядом с бурным морем, водоворотом’. Особенностью варианса является отсутствие предикативной связи. Для стиха важна метрико-синтаксическая целостность варианса: его варьирующие элементы слитны с КС, равноценны строке, обладают ритмико-синтаксическим единством, поэтому зачастую связаны между собой двойной аллитерацией и допускают дистанцированность от главного члена, задающего означаемое: «Будучи оформленными как самостоятельные единицы стиха, они превращаются... и в самостоятельные единицы мысли – особые содержательные структуры текста» (Gvozdetskaya 2004: 44)

Благодаря эпической вариации возникают условия приравнивания синонимов, важнейшим из которых, наряду с общим означаемым, является одинаковая синтаксическая функция. Ср. в строках 515b–516a geofon **ȳþum** wēol, // wintrys **wylm**[um] ‘море волнами пенилось, водоворотами зимы’ слова ȳþ и wylm имеют функцию инструмента действия; в строках 238b–240a þē þus brontne cēol // ofer **lagustrǣte** / lǣdan cwōmon, // hider ofer

holmas? ‘которые так высокий корабль по морскому пути привели, сюда по морям?’ слова lagustrǣt и holm входят в состав предложного локатива; в строках 2411b–2412a **holmwylme** nēh, // **ȳðgewinne** ‘рядом с бурным морем, водоворотом’ слова holmwylm и ȳðgewin употребляются в качестве предложного локатива. Таким образом, приём эпической вариации строится на том, что единство означаемого подчёркивается общей синтаксической функцией его синонимов. Вместе с тем, воспроизводимая синтаксическая структура оставляет свободу для расподобления синонимичных обозначений. Лексемы сохраняют денотативные различия, умножая информацию об означаемом эпического повествования.

Вариация включает в себя синонимы, но это лишь её строевой материал. Благодаря эпической вариации синонимы сводятся вместе, выступая именно как единицы одной синонимической системы. Они объединяются общим означаемым эпического повествования по определению. Так, слово mōr варьирует с другим обозначением болота fen: mǣre mearcstapa, / sē þe **mōras** hēold, // **fen** ond fæsten 103–104a ‘печально известный преступник границы, тот что пустошь стерёг, болото и крепость’. Слово mere, занимающее особое положение как обозначение жилища Гренделя и его матери, не употребляется в составе вариации, что говорит о пограничном положении данной лексемы в системе поэтического языка. Вместе с тем, она встречается в позиции первого компонента композита, выступающего в функции первого члена эпической вариации: 532b–534 Sōð ic talige, // þæt ic **mere**strengo / māran āhte, // earfeþo on **ȳþum**, / ðonne ænig ōþer man ‘Истину я говорю, что я большей морской мощью обладал, противоборством на волнах, чем какой-либо другой человек’. Это подтверждает принадлежность данной лексемы синонимической системе моря.

Иногда варьирование синонимов (точнее же их умножение в тексте) и варьирование членов эпического высказывания (т. е. синтаксических единиц) очень тесно сплетено, ср.: 1908b–1910 **sǣ**genga fōr, // flēat fāmigheals / forð ofer ȳðe, // bundenstefna / ofer **brimstrēamas** ‘корабль шёл, плыл пенношеий вперёд по волнам, прочная корма по морским теченим’. Композиты sǣgenga (с синонимом моря в позиции первого компонента) и bundenstefna являются вариантными обозначениями корабля. Очевидно, что компоненты сложных слов **sǣ**genga и brimstrēamas тоже участвуют в вариации. Следовательно, в данном случае варьируют обозначения корабля и синонимы

моря в составе членов эпической вариации. Таким образом, выделяется два уровня варьирующих единиц: синтаксически связанные обозначения денотата (вкупе с атрибутами и т. п.) на синтаксическом уровне и означаемые эпического повествования и синонимы в составе членов эпической вариации (в качестве первого компонента и в функции уточняющего синтаксического элемента) на лексическом уровне.

В составе эпической вариации синоним моря в функции первого или второго компонента композита может варьировать с синонимичной лексемой, включённой в варианс. В строках 238b–240a þē þus brontne cēol // ofer **lagu**strǣte / lǣdan cwōmon, // hider ofer **holmas**? ‘которые так высокий корабль по морскому пути привели, сюда по морям?’ единицей эпической вариации являются обозначение моря lagustrǣt и holm, но и сам первый компонент композита lagu тоже является синонимом моря. Внутри эпической вариации композит и простое слово равноправны. Ср. также: 1261–1262a sē þe **wæter**egesan / wunian scolde, // cealde **strēamas** ‘та что морской ужас населять должна была, холодные течения’. Аллитерационную коллокацию, выполняющую функцию варианса, образуют лексемы, синонимичные первым компонентам композита, являющегося главным членом эпической вариации: 532b-534 Sōð ic talige, // þæt ic **mere**strengo / māran āhte, // earfeþo on **ȳþum**, / ðonne ænig ōþer man ‘Истину я говорю, что я большей морской мощью обладал, противоборством на волнах, чем какой-либо другой человек’; 1359b-1361a ðǣr fyrgen**strēam** // under næssa genipu / niþer gewīteð, // **flōd** under foldan ‘Там горное течение в тени скал вниз стремится, поток под землёй’.

Эпическая вариация может строиться только на сложных словах: 2409b–2412a Hē ofer willan gīong // tō ðæs ðe hē eorðsele / ānne wisse, // hlǣw under hrūsan / **holm**wylme nēh, // **ȳð**gewinne ‘Он против воли отправился к той единственной пещере, которую он знал, курган под землёй рядом с бурным морем, водоворотом’; 1908b–1910 **sǣ**genga fōr, // flēat fāmigheals / forð ofer **ȳðe**, // bundenstefna / ofer **brimstrēamas** ‘корабль шёл, плыл пенношеий вперёд по волнам, прочная ладья по морским течениям’. В композите, созданном как единица эпической поэзии, эксплицируется семантический признак, присущий воспроизводимому слову. Сложные слова отдают предпочтение I КС, формируя первую вершину и тем самым меняя позицию первого члена эпической вариации. Вместе с тем, меняется позиция и второго члена, при этом чем больше он дистанцируется

от вариата, тем меньше расшатывается его формульно-синтаксическая структура, приобретая целостность и метрическую независимость: 533–534a þæt ic **mere**strengo / māran āhte, // earfeþo on **ȳþum** ‘что я большей морской мощью обладал, противоборством на волнах’. Вариант здесь – это всё формульное словосочетание. Ср. также: 238b–240a þē þus brontne cēol // ofer **lagu**strǣte / lǣdan cwōmon, // hider ofer **holmas**? ‘которые так высокий корабль по морскому пути привели, сюда по морям?’; 541b-543a Nō hē wiht fram mē // **flōdȳþum** feor / flēotan meahte, // hraþor on **holme** ‘Не мог он хоть немного дальше меня по морским волнам уплыть, быстрее по морю’; 1593–1594a þæt wæs **ȳð**geblond / eal gemenged, // **brim** blōde fāh ‘[увидели], что был водоворот весь взбаламучен, прибой, кровью окрашенный’.

Эпическая вариация строится с учётом денотативных различий синонимов и с соблюдением внутренней иерархии синонимической системы. Порядок включения лексем в варьирование показывает, в каком отношении находятся метрические позиции и денотативные различия. При этом построение строго отражает ранг поэтической лексики. В основе эпической вариации лежит цепочка синонимов, в роли начального звена которой получает преимущество выступать лексема с наиболее обобщённым значением, активно участвующая в образовании композитов. Синонимы, часто используемые в составе сложных наименований, имеют высокий ранг и занимают главные позиции в системной иерархии. Вместе с тем, употребительная в качестве компонента сложного слова лексема имеет широкое семантическое поле и способна принимать наиболее общее значение, в том числе как представитель синонимической системы в целом.

Заглавная лексема синонимической системы моря sǣ открывает череду, занимая препозицию по отношению к остальным синонимам: 579b–581a Đā mec **sǣ** oþbær, // **flōd** æfter **faroðe** / on Finna land // **wadu** weallendu ‘Тогда меня море унесло, поток по течению, к земле финнов, воды бушующие’; в том числе в составе композита: 1908b–1910 **sǣ**genga fōr, // flēat fāmigheals / forð ofer **ȳðe**, // bundenstefna / ofer **brimstrēamas** ‘корабль шёл, плыл пенношеий вперёд по волнам, прочная корма по морским теченияm’. Так же и в сложных предложениях: 506–510a ‘Eart þū sē Bēowulf, / sē þe wið Brecan wunne, // on sīdne **sǣ** / ymb **sund** flite, // ðǣr git for wlence / **wada** cunnedon // ond for dolgilpe / on dēop **wæter** // aldrum nēþdon?’ ‘Ты и есть тот Беовульф, который с Брекой состязался, в открытом море в плавании соревновался,

где вы из удали во́ды изведали и для хвастовства в глубоком море жизнь испытывали?' 544-548 Đā wit ætsomne / on **sǣ** wǣron // fīf nihta fyrst, / oþ þæt unc **flōd** tōdrāf, // **wado** weallende, / wedera cealdost, // nīpende niht, / ond norþanwind // heaðogrim ondhwearf; / hrēo wǣron **ȳþa**. 'Тогда мы вместе в море были в течение пяти ночей, пока нас течение не разделило, воды бушующие, в самую холодную погоду, темнеющая ночь, и северный ветер леденящий подул; страшные были волны'. Как видим, в составе эпической вариации один и тот же синоним может употребляться в разных позициях. Ср. в строках 579b–580a Đā mec **sǣ** oþbær, // **flōd** æfter **faroðe** заглавная лексема sǣ помещается в позицию ключевой аллитерации, смещая синоним flōd на более слабую первую вершину, при этом такого рода «оттеснение» компенсируется двойной аллитерацией и синтаксическим развёртыванием варианса в составе формулы: 579b–581a Đā mec **sǣ** oþbær, // **flōd** æfter **faroðe** / on Finna land // **w*a*du** weallendu 'Тогда меня море унесло, поток по течению, к земле финнов, воды бушующие'. Когда же главный синоним sǣ не участвует в эпической вариации, в позицию ключевой аллитерации в функции I члена помещается лексема flōd: 545b–546a oþ þæt unc **flōd** tōdrāf, // **wado** weallende 'пока нас течение не разделило, воды бушующие'.

После заглавной лексемы sǣ порядок употребления синонимов определяется их рангом[1] (в том числе в составе аллитерационной коллокации). Так, в строках 579b–581a Đā mec **sǣ** oþbær, // **flōd** æfter **faroðe** / on Finna land // **w*a*du** weallendu 'Тогда меня море унесло, поток по течению, к земле финнов, воды бушующие' основной синоним моря sǣ в функции вариата задаёт означаемое, а его варьирующими элементами в составе варианса являются синонимы flōd и faroð. В аллитерационной коллокации flōd æfter faroðe, заполняющей I КС, порядок употребления синонимов моря обусловлен их иерархией: слово flōd формирует первую сильную вершину, занимая наиболее характерную для него позицию (ранг +3); так же и слово faroð помещается на вторую сильную вершину, которая является для него наиболее предпочтительной (ранг +2). При этом внутри аллитерационной коллокации синонимы выстраиваются независимо от последующих вариантов, подчёркивая синтакси-

[1] Ранги поэтических синонимов моря в «Беовульфе» приводятся в соответствии с классификацией О. А. Смирницкой (Smirnitskaya 1994: 245).

ческую обособленность варианса. Атрибутивный комплекс в функции третьего члена эпической вариации формирует двухвершинную строку. В сочетании с аллитерирующим постпозитивным эпитетом слово wadu помещается на сильную первую вершину, которая для него характерна в той же степени, что и для слова flōd (оба синонима принадлежат рангу +3). Однако несмотря на равное соотношение употреблений данного слова в первой сильной позиции и общего количества контекстов (5 из 15 для слова flōd и 1 из 3 для слова wadu, что составляет третью часть в обоих случаях), на первое место выходит наиболее употребительный синоним flōd, а редкое слово wadu включается в состав второго варианса. Ср. тот же порядок включения синонимов flōd и wadu в эпическую вариацию в строках, при этом варианс представляет собой формульный повтор: 545b-546 oþ þæt unc **flōd** tōdrāf, // **wado** weallende, / wedera cealdost ‘пока нас течение не разделило, воды бушующие, в самую холодную погоду’. Присутствующая в эпической вариации иерархия синонимов подтверждается также активностью их участия в образовании сложных слов, ср. основное обозначение моря sǣ является первым элементом 20 композитов, слово flōd выполняет функцию субстантивного атрибута только в одном случае (ср. 542a flōdȳð ‘морская волна’), а лексемы faroð и wadu вовсе не встречаются в составе композитов.

Кроме основного обозначения моря sǣ в функции первого члена эпической вариации встречаются синонимы flōd, strēam, lagu и ȳð. В контекстах, где не употребляется слово sǣ, основанием семантико-синтаксического построения периода также является движение от сильного синонима к слабому. Ср. следующий пример участия синонимов моря в составе эпической вариации: 1630b–1631a **Lagu** drūsade, // **wæter** under wolcnum ‘Озеро было неподвижно, вода под облаками’ (слово lagu всегда аллитерирует, в том числе в составе композитов, тогда как его вариант wæter встречается также в слабой позиции, имея нулевой ранг). Присутствие иерархии наблюдается также в строках 515b–516a **geofon** **ȳþum** wēol, // wintrys **wylm**[um] ‘море волнами пенилось, водоворотами зимы’. Слово geofon получает ранг +3, занимая первую сильную вершину в трёх случаях из четырёх (в одном случае оно помещается в позицию ключевой аллитерации). За ним следует слово ȳð с нулевым рангом, встречающееся как в сильных, так и в слабых позициях. Его вариантом является слово wylm, употреблённое в составе атрибутивного комплекса с аллитерирующим косвен-

ным атрибутом, заполняющего двухвершинную строку в функции второго члена эпической вариации. Это слабое специализированное слово (ранг -2) тяготеет к слабой четвёртой вершине: в данной позиции оно употребляется в 4 контекстах из 7, а в остальных случаях аллитерирует 1 раз на первой вершине и 2 раза на второй вершине. Оно не является ни обозначением моря, ни его синонимом в строгом смысле, однако благодаря приёму эпической вариации оно втягивается в синонимическую систему, варьируя с синонимом моря ȳð (ср. слово mere, которое в качестве обозначения жилища чудовищ всё же не включается в эпическую вариацию с синонимами болота mōr и fen, сохраняя принадлежность синонимической системе моря).

Если в составе эпической вариации оба сильных синонима принадлежат одному и тому же рангу, их порядок определяется долей употребления лексемы в позиции ключевой аллитерации. Так, в строках 1689b–1690a syðþan **flōd** ofslōh, // **gifen** gēotende ‘после того как потоп погубил, море нахлынувшее’ варьируют сильные синонимы ранга +3 flōd и gifen (слово flōd формирует первую вершину 6 раз из 15 контекстов, что составляет 40% всех случаев, а слово gifen – 3 раза из 4 контекстов, что составляет 75% всех случаев). При этом вариатом является занимающее позицию ключевой аллитерации слово flōd, которое 5 раз из 15 контекстов занимает третью вершину, что составляет третью часть общего количества контекстов с ним. В составе варианса употребляется слово gifen, которое встречается на третьей вершине лишь 1 раз. Та же закономерность присутствует в порядке употребления синонимов в составе эпической вариации в строках 212b–213a **strēamas** wundon, // **sund** wiþ sande ‘волны бились, море против песка’. Обе лексемы strēam и sund являются сильными синонимами ранга +4. В функции вариата выступает слово strēam, которое помещается в позицию ключевой аллитерации 2 раза из 3 контекстов, или в 67% всех случаев. Вариансом является заполняющая двухвершинную строку аллитерационная коллокация, в составе которой употребляется слово sund. Этот синоним занимает третью позицию 7 раз из 11 контекстов, или в 64% всех случаев, немного уступая слову strēam. Как видим, слова strēam и sund почти равноправны.

В эпической вариации иерархия синонимов соблюдается и в том случае, когда они употребляются в составе композита. Определяющую роль в порядке употребления сложных слов иг-

рает их первый компонент. Так, в строках 1908b–1910 **sǣ**genga fōr, // flēat fāmigheals / forð ofer ȳðe, // bundenstefna / ofer **brimstrēamas** ‘корабль шёл, плыл пенношеий вперёд по волнам, прочная корма по морским течениям’ синтаксическое построение осуществляется при участии композитов. Первым членом эпической вариации является выполняющее функцию агенса обозначение корабля **sǣ**genga с главным синонимом моря в качестве первого компонента. Второй член эпической вариации представлен аллитерационной коллокацией bundenstefna ofer brimstrēamas, состоящей из композитов и заполняющей ДС. Она включает в себя предложный локатив, выраженный обозначением моря **brim**strēamas, первый компонент которого синонимичен слову sǣ и следует за ним в системной иерархии. Дистанцированность варианса от вариата сопровождается появлением подобной предложной конструкции ofer ȳðe в функции локатива, включающей синоним моря нулевого ранга, который помещается в четвёртую позицию. В результате модифицированного синтаксического построения последовательность синонимов моря, употреблённых также в качестве первого компонента композита, принимает вид $sǣ^{+4}$ – $ȳð^{0}$ – $brim^{+4}$ вместо ожидаемого $sǣ^{+4}$ – $brim^{+4}$ – $ȳð^{0}$ в соответствии с их распределением по рангам Таким образом, изменение порядка синонимов, отражающего системную иерархию, может быть вызвано разрывом между членами эпической вариации на синтагматическом уровне.

Порядок употребления синонимов в однородных синтаксических конструкциях также обусловлен разделением на метрические ранги. Так, в строках 506-510a ‘Eart þū sē Bēowulf, / sē þe wið Brecan wunne, // on sīdne **sǣ** / ymb **sund** flite, // ðǣr git for wlence / **wada** cunnedon // ond for dolgilpe / on dēop **wæter** // aldrum nēþdon?’ ‘Ты и есть тот Беовульф, который с Брекой состязался, в открытом море в плавании соревновался, где вы из удали во́ды изведали и для хвастовства в глубоком море жизнь испытывали?’ синонимическая последовательность продиктована метрическими характеристиками входящих в неё лексем: первым употребляется главный синоним моря sǣ (ранг +4), с ним аллитерирует синоним того же ранга sund (слово sǣ чаще употребляется в позиции ключевой аллитерации, чем слово sund – 73% и 64% соответственно), затем следует слово wadu, предпочитающее первую вершину (ранг +3), и на слабую четвёртую позицию помещается замыкающий цепочку синоним нулевого ранга wæter. В этом сложноподчинённом предло-

жении, осложнённом однородными сказуемыми, обозначения моря выполняют преимущественно локативную функцию.

Иерархия синонимов прослеживается и в строках 544-548 Đā wit ætsomne / on **sǣ** wǣron // fīf nihta fyrst, / oþ þæt unc **flōd** tōdrāf, // **wado** weallende, / wedera cealdost, // nīpende niht, / ond norþanwind // heaðogrim ondhwearf; / hrēo wǣron **ȳþa**. ‘Тогда мы вместе в море были в течение пяти ночей, пока нас течение не разделило, воды бушующие, в самую холодную погоду, темнеющая ночь, и северный ветер леденящий подул; страшные были волны’. Внутри этого сложного предложения последовательность синонимов определяется их рангом: за главным обозначением моря $sǣ^{+4}$, употреблённом в локативной функции, следуют агенсы, выраженные синонимами $flōd^{+3}$ и $wadu^{+3}$ в составе эпической вариации, а также словом $ȳþ^{0}$, замыкающим цепочку в четвёртой позиции.

Явление эпической вариации предполагает как умножение числа синонимов, так и варьирование слов внутри формул. Как отмечает Н. Ю. Гвоздецкая, «рождение формулы в тексте легче всего прослеживается на примерах эпической вариации» (Gvozdetskaya 2004: 44). Синонимы оказываются связаны вариативностью в составе повествовательных единиц, поскольку «варьируется не слово, а высказывание» (Там же). Главное – различать воспроизводимые, формульные структуры и структуры единичные. Варьирование служит инструментом включения синонимов в формулу. Это не произвольное воспроизведение синонимов, а некое построение, в котором формируется другое высказывание и синонимы приобретают свои свойства в составе формул, составляющих основу вариативности.

При этом, что особенно важно отметить, формулы одновременно участвуют в вариативности и сохраняют самоценность: это «семантически и эстетически значимый компонент стихотворного текста» (Gvozdetskaya 2004: 38). Образуя разные синтаксические конструкции, вариат и вариант заполняют разные типы формул. Эпическая вариация, как уже было сказано, не служит синтаксическому развёртыванию высказывания, она строится на сохранности формул. В функции первого члена эпической вариации обычно выступает формирующий позицию ключевой аллитерации сильный синоним в сочетании с личной формой глагола, которая не включается в эпическую вариацию, но сообщает главному члену повествовательную функцию, помещая «сообщаемый факт во временную цепочку событий» (Gvozdetskaya 2000: 139). При этом предикат занимает слабую

четвёртую вершину ДС. Данный тип синтаксической структуры многократно воспроизводится: 212b–213a strēamas **wundon**, // sund wið sande ‘волны бились, море против песка’; 515b–516a geofon ȳþum **wēol**, // wintrys wylm[um] ‘море волнами пенилось, водоворотами зимы’; 545b oþ þæt unc flōd **tōdrāf**, // wado weallende ‘пока нас течение не разделило, воды бушующие’; 579b Đā mec sǣ **oþbær**, // flōd æfter faroðe ‘Тогда меня море унесло, поток по течению’; 1630b–1631a Lagu **drūsade**, // wæter under wolcnum ‘Озеро было неподвижно, вода под облаками’; 1689b syðþan flōd **ofslōh**, // gifen gēotende ‘после того как потоп погубил, море нахлынувшее’.

Ф. Робинсон отмечает, что в древнеанглийской поэзии, излюбленным приёмом которой является эпическая вариация, постпозитивные конструкции «особенно богаты имплицитным значением» (Robinson 1985: 4). Эпическая вариация «превращает динамику рассказа в статику картины и требует формирования номинативных единиц, насыщенных коннотациями» (Gvozdetskaya 2004: 46). При этом она способствует героизации: освещается с разных сторон, наполняется новыми смыслами главенствующий денотат темы. Эта особенность стиля обращает нас к проблеме семантического преобразования синонимов в составе эпической вариации. В позиции первого компонента композита синоним берёт на себя не основную номинативную функцию, а употребляется в качестве эпитета. Несамоочевидное значение субстантивного эпитета раскрывается именно через эпическую вариацию. Так, в строках 198–201 Hēt him **ȳð**lidan // gōdne gegyrwan; / cwæð, hē **gūðcyning** // ofer swanrāde / sēcean wolde, // **mærne** þēoden, / þā him wæs manna þearf. ‘Велел ему корабль хороший оснастить; сказал, что он славного конунга за морем навестить хочет, знаменитый князь, коль скоро ему была нужда в людях’ композит gūð-cyning ‘славный конунг’ (ср. gūð ‘бой’) варьирует с сочетанием mærne þēoden ‘знаменитый князь’ (Хродгар): «повторяя значение в других выражениях, вариант, будучи в большинстве случаев именем существительным, несёт на себе первое метрическое ударение нового стиха и является первым аллитерирующим словом этого стиха, как бы задавая новую аллитерацию, и становясь отправной точкой нового стиха» (Steblin-Kamenskiy 1978: 15–16, 34).

Ср. также сочетание **sǣ**gēap naca ‘сводчатый корабль’ (нагруженный дарами корабль героя) в окружении поэтизмов с субстантивными эпитетами **here**wæd (hapax legomenon) и

hordgestrēon ‘драгоценное сокровище’ в строках: 1896-1899 Þā wæs on sande / **sæ**gēap naca // hladen **here**wǣdum / hringedstefna, // mēarum ond māðmum; / mæst hlīfade // ofer Hrōðgāres / **hord**gestrēonum. ‘Тогда был на песке сводчатый корабль нагружен доспехами, ладья с изогнутым носом, конями и сокровищами; мачта возвышалась над драгоценными сокровищами Хродгара’. Синоним моря, сохраняя в данном случае своё номинативное значение, освещает денотат, связывает с морской стихией, придаёт героический облик. Ср. строки 1623–1625 Cōm þā tō lande / lidmanna helm // swīðmōd swymman; / **sæ**lāce gefeah, // **mægen**byrþenne / þāra þe hē him mid hæfde. ‘Поплыл тогда к берегу мореплавателей защитник сильный духом; морской добыче радовался, огромному грузу, из тех что он с собой взял’, где сложное слово **sæ**lāc ‘морская добыча’ (обозначение головы матери Гренделя) варьирует с композитом **mægen**byrþen, первый компонент которого имеет в атрибутивном употреблении чисто усилительное значение. В случае употребления синонима моря sǣ в качестве субстантивного эпитета окачествленная семантика ‘победный’, ‘славный’, которую сообщает ему варьирующая с ним лексема, не отменяет его предметно-логического значения ‘морской’. Ср. также строки: 1908b–1910 **sæ**genga fōr, // flēat fāmigheals / forð ofer **ȳðe**, // bundenstefna / ofer **brimstrēamas** ‘корабль шёл, плыл пенношеий вперёд по волнам, прочная корма по морским теченият’. Употребление поэтизмов с субстантивным эпитетом внутри эпической темы в совокупности с вариацией усиливает героизацию повествования.

Другая особенность эпической вариации, которую описывает Н. Ю. Гвоздецкая в своей докторской диссертации и в статье «Нарративные основы формульности древнеанглийского поэтического текста» связана с функциональной нагруженностью вариата и варианса. Варианс в типичном случае метрически укладывается в краткую строку. Он синтаксически независим и существует на правах включения в речь без нарушения синтаксических связей, характеризуясь при этом отсутствием предикативной связи и большой плотностью синтаксических связей. Обозначение денотата может содержать несколько слов, представляющих собой слитное, связанное синтаксическое целое. Синтаксическая целостность варианса, где компоненты принадлежат друг другу, приводит к образованию более тесной связи между лексемами: «Словосочетание в I КС объединяет обычно слова, принадлежащие одной тематической группе и

гармонирующие друг с другом в эпической картине мира. Создаваемый ими образ напоминает образы гномических стихов, рисующих законы мироустройства...» (Gvozdetskaya 2004: 46).

В «Беовульфе» многократно воспроизводятся примеры, образующие формульную систему из предложно-именных словосочетаний с синонимом моря на первой вершине. У этой постпредикативной формулы выделяется единая метрическая схема (тип А) и двойная аллитерация, которая фиксирует целостность всего этого словосочетания. Это не просто синтаксическое развитие высказывания, а построение, которое детализует образ, выявляет новую сторону и вносит определённую поэтическую информацию, развивая мысль, выраженную первым членом: 211b–213a Beornas gearwe // on stefn stigon, – / **strēamas** wundon, // **sund** wið sande; ‘мужи с готовностью на корабль всходили, – волны бились, море против песка’; 579b-580a Đā mec **sæ** oþbær, // **flōd** æfter **faroðe** ‘Тогда меня море унесло, поток по течению’; 1359b–1361a ðær fyrgen**strēam** // under næssa genipu / niþer gewīteð, // **flōd** under foldan. ‘Там горное течение в тени скал вниз стремится, поток под землёй’; 1630b–1631 **Lagu** drūsade, // **wæter** under wolcnum, / wældrēore fāg. ‘Озеро было неподвижно, вода под облаками, смертельной кровью окрашенная’.

В примере 579b–580a Đā mec **sæ** oþbær, // **flōd** æfter **faroðe** ‘Тогда меня море унесло, поток по течению’ формула как номинативная единица и является вариантом слова sæ. При этом вся формула обретает синтаксическую двойственность и может быть понята 1) как номинативная единица (‘море унесло, (что?) поток по течению’) или 2) как связанная с предикатом и приближающаяся по функции к обстоятельству (‘море унесло, (как?) поток по течению’). Статика, которая возникает в результате вариативности, не окончательна: это связано с двойственностью синтаксического членения поэтического текста, сообщающая ему появляется динамичность.

Особый интерес для анализа представляет соотношение вариата и варианса. В двухчастном строении эпической вариации и в примерах употребления постпредикативных структур (в первую очередь, отмеченных двойной аллитерацией формульных именных сочетаний) «ясно обнаруживается тенденция к разграничению разных смысловых пластов повествования, в которых противопоставлены два информативных типа строк-высказываний: высказывание-рассказ и высказывание-образ»

(Gvozdetskaya 2000: 139). Тесное словосочетание, заполняющее варианс – это высказывание-образ, которое не распространяет предложение, но включается в высказывание. Оно «как бы фиксирует вневременной «слепок» с того же факта, выявляя его вечные идеальные черты» (Там же). Соотношение первого и второго членов эпической вариации отражает «взаимодействие динамики и статики», лежащее в основе нарратива (Там же).

Варианты в составе эпической вариации являются единицами поэтической речи. Границы иерархического построения синонимов совпадают со стихотворным высказыванием, в основе синтаксического развёртывания которого лежит цепочка синонимов, отражающая их поэтический ранг. Но выявленная иерархия не распространяется на синонимы в составе сложных слов, выполняющих функцию однородных членов. В данном случае порядок употребления композитов определяется частотностью появления слов с таким же первым компонентом в позиции ключевой аллитерации: 221–223b þæt ðā līðende / land gesāwon, // **brim**clifu blīcan, / beorgas stēape, //sīde **sæ**næssas ‘так что мореплаватели землю увидели, как морские скалы сияют, крутые берега, широкие мысы’. Таким образом, слово sǣ, для которого характерна позиция ключевой аллитерации, и композиты с ним в функции, близкой к субстантивному эпитету, заметно тяготеют ко II КС, если только они не имеют при себе атрибута, образуя атрибутивный комплекс, заполняющий, как правило, двухвершинную I КС.

Итак, синонимы моря употребляются: 1) в качестве единиц поэтической речи (часто в составе формулы); 2) в составе других обозначений, при этом меняется их функция; они сближаются с субстантивным эпитетом, но им не становятся; появляется семантика высказывания-образа. В процессе эпической вариации происходит выделение разных уровней номинативных единиц, служащих обозначению разных реалий или являющихся составной частью этих обозначений. В высказывании-рассказе выдвигаются на первый план денотаты, означаемые повествования. Они все включаются в ином качестве в структуру более сложных единиц (композитов и формул) и при этом утрачивают своё агентивное значение, входя в состав высказывания-образа. Умножение простых синонимов моря в эпическом повествовании имеет разные функции в поэтическом языке. Сближение синонимов моря, их синонимизация, происходит именно в эпическом повествовании, в составе синтаксических единиц – членов эпического высказывания. Вместе с

тем, в составе эпической вариации воспроизводимые типы варьирования предполагают сближение синонимов, не перерастающее в равнозначность. Варианты семантически не дублируют друг друга, а служат умножению информации об основных (ключевых) означаемых эпической темы.

Литература

Brodeur, A.G. 1959: *The Art of Beowulf*. Berkley and Los Angeles.

Gvozdetskaya, N.Yu. 1995: *Yazyk i stil' drevneangliyskoy poezii (Problemy poeticheskoy nominatsii)* [*Language and style of Old English poetry (The problem of poetic nomination)*]. Ivanovo.
Гвоздецкая, Н.Ю. 1995: *Язык и стиль древнеанглийской поэзии (Проблемы поэтической номинации)*. Иваново.

Gvozdetskaya, N.Yu. 2000: *Problemy semanticheskogo opisaniya drevneangliyskogo poeticheskogo slova (opyt tekstotsentricheskogo analiza): Diss. dokt. filol. nauk* [*A problem of semantic description of an Old English poetic word (experience of text-based analysis): PhD dissertation*]. Ivanovo.
Гвоздецкая, Н.Ю. 2000: *Проблемы семантического описания древнеанглийского поэтического слова (опыт текстоцентрического анализа): Дисс. докт. филол. наук*. Иваново.

Gvozdetskaya, N.Yu. 2004: Narrativnye osnovy formul'nosti drevneangliyskogo poeticheskogo teksta [The narrative basis of formulaic diction in the Old English poetic text]. In: Smirnitskaya O.A. (ed.), *Atlantika: Zapiski po istoricheskoy poetike*. Vyp. VI [*Atlantica: Essays on historical poetics*. Issue VI], 37–48.
Гвоздецкая, Н.Ю. 2004: Нарративные основы формульности древнеанглийского поэтического текста. В кн.: О.А. Смирницкая (ред.). *Атлантика: Записки по исторической поэтике*. Вып. VI, 37–48.

Harris, A. Leslie. 1982: Techniques of Pacing in *Beowulf*. *English Studies*. Vol. 63, № 2, 97–108.

Jónsson, F. 1966: *Lexicon Poeticum antiquæ linguæ septentrionalis*. København.

O'Keeffe, O'Brien, K. 1997: Diction, variation, the formula. In: R.E. Bjork, J.D. Niles (eds.), *A Beowulf handbook*. Lincoln, 85–104.

Pätzel, W. 1913: *Die Variationen in der alt-germanischen Alliterationspoesie*. Berlin.

Robinson, Fred C. 1962: *Variation: A Study in the Diction of Beowulf. Diss*. University of North Carolina.

Robinson, Fred C. 1979: Two Aspects of Variation in Old English Poetry. In: *Old English Poetry: Essays on Style*. Berkeley and Los Angeles, California, 127–145.

Robinson, Fred C. 1985: *Beowulf and the Appositive Style*. Knoxville.

Smirnitskaya, O.A. 1994: *Stikh i yazyk drevnegermanskoy poezii* [*The verse and language of Old Germanic poetry*]. Moscow.
Смирницкая, О.А. 1994: *Стих и язык древнегерманской поэзии*. М.

Steblin-Kamenskiy, M.I. 1978: *Substantivny epitet v drevneangliyskoy poezii (k voprosu o razvitii drevneangliyskogo poeticheskogo stilya)* [The substantive epithet in Old English poetry (on the development of Old English poetic style)]. In: *Istoricheskaya poetika* [*Historical poetics*]. Leningrad, 4–39.
Стеблин-Каменский, М.И. 1978: Субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии (к вопросу о развитии древнеанглийского поэтического стиля). В кн.: *Историческая поэтика*. Л., 4–39.

E. V. Kravchenko. Synonyms for sea in the technique of epic variation in *Beowulf*

Restatement of the idea in a set of different words, or variation, is a most important device (technique) of epic narration. Variation is system-based on subordination of its semantic-syntactic elements – variat and varians. Within the epic theme of sea voyage variants include not only words for sea (such as sǣ, holm) but also multifarious designations of denotates (realia) more or less closely adjoining sea (i.e. ȳð "wave", strēam "stream, current") and the word wæter "water", as well. The close examination of the material makes it evident that functioning of such words as synonyms is not a fact of poetic language, but formation of poetic diction, variation serving as its essential instrument. Variation transforms words semantics: preserving their initial denotative difference, it creates and reveals system relations between synonyms determined by their distribution in variat and varians. In other words, it presents synonyms as units of a complicated hierarchical system.

Key words: variation, variat, varians, synonyms, system, hierarchy.

А. Н. Крюкова

РАНЕЕ НЕ ИЗВЕСТНАЯ РЕДАКЦИЯ «ЖИТИЯ КСЕНОФОНТА, СУПРУГИ ЕГО МАРИИ, И ДЕТЕЙ ИХ АРКАДИЯ И ИОАННА»

В одной из греческих рукописей из собрания Российской государственной библиотеки была обнаружена ранее неизвестная редакция «Жития Ксенофонта, супруги его Марии, и детей их Аркадия и Иоанна», на примере которого можно проследить влияние античного романа на раннехристианскую литературу.

Ключевые слова: греческая рукопись из собрания Российской государственной библиотеки, античная литература, генезис раннехристианской литературы, античный роман, византийская агиография, неизданная редакция «Жития Ксенофонта, супруги его Марии, и детей их Аркадия и Иоанна».

Генезис христианской литературы в последнее время все чаще и чаще рассматривается зарубежными и отечественными филологами и литературоведами в контексте влияния, которое оказала на этот процесс античная литература[1]. Особое место в исследованиях занимают агиографические произведения (деяния, мученичества, жития), жанровое разнообразие которых уходит корнями в античность. Среди них был выделен ряд произведений, имеющих несомненное сходство с античными романами в плане развития сюжетной линии, например: «Житие Евстафия Плакиды», «Житие Галактиона и Епистимии», «Акты Ксанфиппы, Поликсены и Ревекки» (далее: *Акты*) и другие.

Последнее из перечисленных сочинений остается недостаточно изученным до сегодняшнего дня. В связи с этим, при работе над докладом для выступления на XXI Всероссийской научной сессии византинистов, нами были рассмотрены романические черты в *Актах*[2]. В статье Э. Жюно (Junod 1989: 83–105), посвященной данному произведению, имеется указание, что выдающийся агиограф Ф. Алькен обнаружил в

---

[1] См., напр.: Averintsev 1983: 501–515; Aune 2000; Delehaye 1955[4]; Eliot 2004: 282–296; Hanson 1980: 1395–1421; Krüger 1969[r]; Moreschini, Norelli 2005; Popova 1975; Pouderon, Norelli 2008.

[2] Среди отечественных исследований данной темой занимался А. Н. Веселовский: Veselovskiy1886: 29–64.

московской Библиотеке им. В. И. Ленина[3] рукопись с шифром Bibl. Lénine. gr. 68 (521), в которой на листах 86об.–101об. содержался текст о Ксанфиппе, Поликсене и Ревекке. Поскольку *Акты* издавались лишь однажды в конце XIX в. по единственной известной в то время рукописи (BNF. Paris. gr. 1458, XI в.)[4], сведения, сообщенные Жюно, вызвали вполне оправданный интерес[5]. В Описании греческих рукописей из собрания П. И. Севастьянова[6] (фонд 270 / Ia), где в настоящее время хранится указанный Алькеном манускрипт, говорится, что под № 68 (Ин. 521) данного собрания, действительно, содержится Сборник слов и житий святых, но на листах 86об.–101об., которые после реставрации рукописи получили новые номера – 80об.–96, находятся не *Акты*, а «Житие Ксенофонта, супруги его Марии, и детей их Аркадия и Иоанна» (далее: *Житие*). Таким образом досадная для изучения *Актов* неточность западных исследователей дает повод обратиться к *Житию* как к еще одному памятнику византийской литературы, до настоящего времени недостаточно изученному. Среди отечественных исследователей о *Житии* писала О. Н. Афиногенова (Afinogenova 2015, 208–209), из зарубежных коллег П. Булоль касался лишь отдельных сюжетных особенностей данного произведения (Boulhol 1996: 260; 2013).

В классическом справочнике по греческой агиографической литературе «Bibliotheca hagiographia Graeca» [7] указаны две

---

[3] В настоящее время Российская государственная библиотека (РГБ).

[4] James 1893, 58–85.

[5] Впоследствии лишь немногие западные ученые обращались к данному произведению и обнаружили еще два греческих манускрипта, содержащие сказание о Ксанфиппе, Поликсене и Ревекке: московскую рукопись XI в., хранящуюся в Государственном историческом музее (ГИМ. Син. греч. № 161 (379). Л. 259–272) и манускрипт XII в. из Апостольской библиотеки Ватикана (Vat. gr. № 803. Fol. 66–79v).

[6] Viktorov 1881: 27–28. В настоящее время постепенно издается новый Каталог греческих рукописей РГБ, в котором будет представлено более современное и подробное описание всех греческих рукописей, хранящихся в фондах НИОР РГБ, но, к сожалению, описание Собрания П. И. Севастьянова (ф. 270 / Ia) в данном каталоге еще не издано. См.: Shchyegoleva 2014: 1/2 (33/34), 323–374; Idem. 2014, 3/4 (35/36), 319–358; Idem. 2015, 1/2 (37/38), 331–392.

[7] Bibliotheca hagiographia graeca (принятое сокращение: BHG), первые два тома которой вышли в 1895 и 1909 гг. трудами знаменитого болландиста И. Делеэ, впоследствии дополнялась и переиздавалась Ф. Алькеном (в 1957 г., 1986 г.). В 1969 г. и в 1984 г. Алькен издал добавления к BHG – Auctarium и Novum Auctarium, куда внес новые

«семьи» рукописей *Жития* – более ранняя – «семья А», и «семья В», к которой относится переработанная версия *Жития* (BHG, N 1878), составленная Симеоном Метафрастом во второй половине X в.[8], а также редакция текста (BHG, N 1879), опубликованная в 1903 г. А. Галантом (Galante 1903: 383–394). «Семья А» сохранилась в многочисленных рукописях и имеет несколько редакций, выделенных болландистами на основе разных эксплицитов (BHG 1877u–1877y)[9]. На сегодняшний день ни один из вариантов *Жития*, относящийся к «семье А», не издан.

Рукопись из собрания РГБ (далее: М), в которой был обнаружен список одной из редакций *Жития*, имеет размер в 4° (21, 9 × 14, 6 см) и в Описании А. Е. Викторова (Viktorov 1881: 27) датируется XV в. Сборник слов и житий святых, содержащийся в рукописи М, составлен из нескольких тетрадей, написанных в разное время, разными писцами, о чем свидетельствует наличие нескольких почерков. Всего в книге 400 бумажных листов, однако из-за плохой сохранности и повреждения сыростью некоторые из них, особенно в начале манускрипта, практически полностью утрачены, во многих местах текст размыт и читается крайне плохо. Художественные украшения в рукописи представлены в виде орнаментированных заставок и заглавий, как правило, выполненных красными чернилами. Инициал, с которого начинается произведение, имеет растительный орнамент, большие и средние инициалы в тексте написаны красными чернилами. На полях некоторых листов чернилами черного или красного цвета изображены птицы, рыбы и святые с указанием их имен. Помимо *Жития*, в рукописи содержатся поучительные слова и беседы Василия Великого, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, а также жития святых Иоанна Кущника, Алексия человека Божия, Кира и

сведения о рукописях и изданиях агиографических текстов. В данном справочнике имена святых следуют в алфавитном порядке, указывается дата их смерти и день церковного почитания, рукописи и/или издания житий или мученичеств, посвященных святым, сведения о перенесении мощей, рассказы о чудесах и панегирики. Важно отметить, что в более поздних изданиях новые номера для уже указанных святых не добавлялись и в случае появления неучтенных ранее материалов, их помещали под тем же номером с добавлением литеры.

[8] Текст жития издан: Migne 1864: 1011–1044.

[9] Halkin 1957: 316–318. В «Novum Auctarium bibliothecae hagiographiae graecae» были обозначены дополнительные рукописи с редакциям дометофрастовского *Жития* (BHG, N 1877xb, 1877yf, 1877yg, 1877yh): Halkin 1984: 214.

Иоанна, семи отроков Ефесских, апокрифические «Деяния апостола Андрея», сказания о чудесах, слово на перенесение мощей святителя Иоанна Златоуста и некоторые другие произведения византийской литературы (см.: Viktorov 1881: 27–28).

Сопоставление инципита и эксплицита текста *Жития* из рукописи M с данными из «Bibliotheca hagiographia Graeca» показало его наибольшую близость, по сравнению с другими редакциями, с версией *Жития* BHG N 1877y, относящейся к «семье A» и сохранившейся приблизительно в семи рукописях, среди которых манускрипт из Британского музея (далее: B) в Лондоне в настоящее время доступен для просмотра в интернете[10]. Это предположение нашло подтверждения после предварительного сравнения *Жития* по рукописям M и B: в тексте из обоих манускриптов имеются лишь незначительные разночтения, касающиеся порядка слов в предложениях и употребления падежей, а также в написании географических названий. Также был проведен предварительный сравнительный анализ *Жития* из московского и лондонского манускриптов с текстом, изданным Галантом. В результате, было установлено, что опубликованный вариант, вероятно, представляет собой сокращенную версию рассказа о святом Ксенофонте и его сродниках из рукописей M и B. В изданной редакции отсутствует лишь один важный эпизод – сон Ксенофонта, через который главный герой повествования получил откровение от Бога о своем скором выздоровлении. Однако основная сюжетная линия из-за этого пропуска принципиально не меняется и в дальнейшем практически полностью совпадает с повествованием *Жития* из рукописей M и B. Сокращения в версии изданной Галантом касаются прежде всего диалогов и монологов как главных, так и второстепенных героев. Впрочем, ввиду того, что в опубликованном тексте утеряно окончание *Жития* и текст обрывается еще до того места, где говорится о счастливом воссоединении семьи Ксенофонта после долгой разлуки, вопрос о связи между редакцией из рукописей M и B и изданным *Житием* остается открытым. Дальнейшее более детальное изучение *Жития* и сопоставление текста из рукописи M с вариантами из других рукописей может привести к

[10] Brit. Mus. Add. 10073, fol. 208v–223v. Бумага, XVI в. Рукопись озаглавлена: «Сочинения Григория Назианзина, Епифания Кипрского и других. Синаксарь», имеет 338 листов размером 19,0 × 15,0 см. Рукопись представлена на сайте Британской библиотеки: http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Add_MS_10073

подготовке нового критического издания этого поистине уникального памятника византийской агиографической литературы.

Как отмечалось выше, *Житие* представляет собой памятник византийской агиографической литературы, созданный, по мнению П. Булоля[11], немного ранее середины VI в. одним из палестинских монахов для своих собратьев. В основе *Жития* лежит рассказ о разлуке и последующем воссоединении богатой и благочестивой супружеской пары из Константинополя Ксенофонта и Марии, с их сыновьями Аркадием и Иоанном. Отправившись для обучения в Берит (совр. Бейрут, Ливан), где в то время находилась знаменитая школа права[12], юноши потерпели кораблекрушение и, считая друг друга погибшими, разошлись по разным монастырям. Данный сюжет разлуки и узнавания близких людей широко представлен в античном романе, например, в «Истории Аполлония, царя Тирского». Но, как на примере *Актов* показал А. Н. Веселовский (Veselovskiy 1886: 29–64), при сходстве сюжетной линии христианское житие принципиально отличается от античного романа идейным содержанием. Мотив любви, занимающий главное место в греческом романе и играющий решающую роль в дальнейшем развитии событий, в *Житии* также присутствует, но само понятие любви заметно меняется. Ксенофонт и Мария, которые, видимо, еще до вступления в брак приняли христианство, после рождения сыновей решают полностью отказаться от супружеских отношений, тогда как для героев античного романа, например, Клитофонта и Левкиппы, брак является основной целью, к которой они стремятся, преодолевая различные препятствия. Ксенофонт и Мария также вынуждены скитаться по разным странам, чтобы получить известия о своих пропавших сыновьях и найти их живыми или мертвыми. И в этом поиске супругам помогает Божественное провидение. Как и в античном романе, нередко главные герои *Жития* узнают о своей дальнейшей судьбе при помощи сверхъестественного вмешательства: Ксенофонт видит вещий сон о том, что его болезнь не смертельна, после чего отпускает сыновей в Берит и их корабль тонет в море; Аркадий, который сильно скорбит о

[11] Boulhol 2013, http:// www. ch.hypotheses.org/tag/bhg-1877.

[12] Школа права в Берите была основана ок. 200 г. по приказу императора Септимия Севера и просуществовала до 551–555 гг., когда сильное землетрясение разрушило город, после чего данное учебное заведение не восстанавливалось.

потере брата, придя в церковь в некоем селении, получает во сне откровение, что Иоанн также жив. Тогда юноша решает посвятить свою жизнь Богу. Ксенофонт и Мария, узнав от слуги, что их сыновья, возможно, утонули, вместо того, чтобы впасть в отчаяние, всю ночь взывают к Богу, и Он посылает обоим супругам утешительный сон, что дети их удостоились Божественной славы. Таким образом в *Житии*, как и в античном романе, мотив вещего сна или сна-утешения направляет ход событий в нужное русло. С помощью сна герой повествования получает или предупреждение о предстоящих ему испытаниях, или, наоборот, – утешение в уже постигших его несчастьях. После долгих скитаний Ксенофонт и Мария находят некоего благочестивого старца, с помощью которого впоследствии происходит счастливая встреча и узнавание всех членов семьи. Но вместо того, чтобы вернуться на родину и прожить в благополучии и достатке остаток дней, супруги, следуя примеру сыновей, решают посвятить жизнь монашеству, и каждый из главных героев удаляется в свою обитель. В античном романе, напротив, встреча влюбленных после долгой разлуки венчается супружескими узами.

Таким образом, очевидно, что *Житие* содержит черты античного романа и представляет собой христианский роман-житие. Анонимный автор *Жития* избрал широко распространенную в античности тему семейной разлуки, но описания приключений главных героев в данном произведении имеют своей целью не только и не столько развлечь читателя, сколько внушить душеполезные мысли. Как и другие произведения подобного рода, *Житие* не направлено на установление культа святых или на их прославление в каком-то определенном месте[13]: ни время жизни главных героев[14], ни точное место их кончины в тексте не указаны[15].

---

[13] В церковных календарях день памяти преподобных Ксенофонта, Марии и их сыновей Аркадия и Иоанна отмечен под 26 января. Местом особого почитания Ксенофонта является лавра преподобного Саввы Освященного на западном берегу Иордана, в которой хранится череп святого. Грабница святой Марии находится в монастыре преподобного Феодосия Великого в Иудейской пустыне, в 11 км к востоку от Вифлеема.

[14] Большинство исследователей считает, что святые жили во времена правления императора Юстиниана I (527–565). См. ст.: Afinogenova 2015: 209.

[15] Согласно византийскому преданию, сведения из которого не подтверждены, Ксенофонт основал монастырь на Афоне, получивший

Литература

Afinogenova, O. N. 2015: Xenofont, Maria, Arkady i Ioann [Xenophon, Mary, Arcadius and John]. In: *Pravoslavnaya Entsiklopedia* [*Orthodox Encyclopedia*]. Moscow, 39, 208–209.
Афиногенова, О. Н. Ксенофонт, Мария, Аркадий и Иоанн. В изд.: *Православная энциклопедия*. Т. 39. М., 2015, 208–209.

Aune, D. E. 2000: *The New Testament in Its Literary Environment* / trans. V. V. Polosin, red. A. L. Khosroev. St.-Petersburg.
Ауни Д. *Новый завет и его литературное окружение* / Пер. с англ.: В.В. Полосин; под ред. А.Л. Хосроева. СПб., 2000.

Averintsev, S. S. 1983: Istoki i razvitie rannekhristianskoy literatury [Beginnings and Development of the Early Christian Literature]. In: *Istoriya vsemirnoy literatury* [*The History of World Literature*] / Otv. red.: I. V. Braginskiy. Moscow, I, 501–515.
Аверинцев С. С. Истоки и развитие раннехристианской литературы. В изд.: *История всемирной литературы* / отв. ред.: И. В. Брагинский.М., 1983. Т. 1, 501–515.

Boulhol, P. 1996: *Ἀναγνωρισμος. La scène de reconnaissance dans l'hagiographie antique et médiévale*. Aix-en-Provence.

Boulhol, P. 2013: Attention: un Xénophon peut en cacher un autre ! In.: *Connaissance Hellénique*. Blog, n° 134. http:// www. ch.hypotheses.org/tag/bhg-1877.

Delehaye, H. 1955[4]: *Les légendes hagiographiques*, Bruxelles.

Eliot, T. S. 2004: Vergiliy i khristianskiy mir [Virgil and the Christian world]. In: On ge. *Izbrannoe: Religiya, kul'tura, literatura* [*Selection: Religion, Culture, Literature*]. Moscow, 282–296.
Элиот Т. С. Вергилий и христианский мир. В изд.: Он же. *Избранное: Религия, культура, литература*. М., 2004, 282–296;

James, M. R. 1893: *Apocrypha anecdota*. Cambridge, 1893. T. 1, 58–85.

Junod, E. 1989: Vie et conduite des saintes femmes Xanthippe, Polyxène et Rebécca (BHG 1877). In: D. Papandreou et al. (eds.), *Oecumenica et Patristica: Festschrift für Wilhelm Schneemelcher zum 75*. Stuttgart, 83–105.

Halkin, F (ed.). 1957: *Bibliotheca hagiographia graeca*. Bruxelles, 316–318.

Halkin, F (ed.). 1984: *Novum auctarium bibliothecae hagiographiae graecae*. Bruxelles, 214.

Hanson, J. S. 1980: Dreams and visions in the Graeco-Roman World and Early Christianity. *Aufstieg und Niedergang der römischen welt*. II. 23. 2, 1395–1421.

название от его имени. По другой традиции, Иоанн является одним лицом с преподобным Иоанном Лествичником, автором знаменитого аскетического сочинения «Лествица Божественного восхождения», точное время рождения которого неизвестно. В толковании на «Лествицу» Никифор Каллист Ксанфопул писал: «Сей, как говорят некоторые, является сыном святого Ксенофонта. У него был и брат Аркадий» (*Niceph. Callist.* Exegesis. Σ. 13).

Galante, A (ed.). 1903: Vita SS. Xenophontis et sociorum. *Analecta Bollandiana*. 22, 383–394.

Krüger, G. 1969[r]: *History of early Christian literature in the first three centuries* / transl. Ch. R. Gillett. New York.

Migne, J.-P. (ed.). 1864: *Partologiae cursus completes. Series Graeca*. Paris, 114, 1011–1044.

Moreschini, C., Norelli, E. 2005: *Early Christian Greek and Latin Literature* / transl. M. J. O` Connell. Peabody (Mass.).

Popova, T. V. 1975: Antichnaya biografiya i vizantiyskaya agiografiya [Ancient biography and Byzantine hagiography]. *Antichnost' i Vizantiya* [Antiquity and Byzantium], Moscow.
Попова Т. В. Античная биография и византийская агиография. *Античность и Византия*. М., 1975.

Pouderon, B., E. Norelli, E. 2008 : *Histoire de la littérature greque chrétienne*. Paris.

Shchyegoleva, L. I. 2014: Grecheskie rukopisi, khranyashchiesya v Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteke [Greek manuscripts in the Russian State Library]. *Vestnik tserkovnoy istorii* [Journal of Church History], 1/2 (33/34), 323–374.
Щёголева, Л. И. Греческие рукописи, хранящиеся в Российской государственной библиотеке. *Вестник церковной истории*. 1/2 (33/34), 323–374.

Shchyegoleva, L. I. 2014: Grecheskie rukopisi, khranyashchiesya v Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteke [Greek manuscripts in the Russian State Library]. *Vestnik tserkovnoy istorii* [Journal of Church History], 3/4 (35/36), 319–358.
Щёголева, Л. И. Греческие рукописи, хранящиеся в Российской государственной библиотеке: фонд 181. Часть 2. *Вестник церковной истории*. 2014, 3/4 (35/36), 319–358.

Shchyegoleva, L. I. 2015: Grecheskie rukopisi, khranyashchiesya v Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteke [Greek manuscripts in the Russian State Library]. *Vestnik tserkovnoy istorii* [Journal of Church History], 1/2 (37/38), 331–392.
Щёголева, Л. И. Греческие рукописи, хранящиеся в Российской государственной библиотеке: фонд 181. Часть 3. *Вестник церковной истории*. 2015, 1/2 (37/38), 331–392.

Veselovskiy, A. N. 1886: *Iz istorii romana i povesti: materialy i issledovaniya. Vyp. 1. Greko-vizantiyskiy period* [*From the History of the Novel and Tale: Materials and Researches. Vol. 1. Greco-Byzantine Period*]. St.-Peterburg, 29–64.
Веселовский, А. Н. *Из истории романа и повести: материалы и исследования. Греко-византийский период*. СПб., 1886. Вып. 1, 29–64.

Viktorov, A. E. 1881: *Sobranie rukopisey P. I. Sevast'yanova* [*The collection of the manuscripts of P. I. Sevasyanov*]. Moscow, 27–28.
Викторов, А. Е. *Собрание рукописей П. И. Севастьянова*. М., 1881, 27–28.

A. N. Kryukova. Earlier unknown version of the «Vita of Xenophon, his wife Mary, and their children Arcadious and John»

In one of the Greek manuscripts from the collection of the Russian State Library was discovered an earlier unknown version of the «Vita of Xenophon, his wife Mary, and their children Arcadious and John», an example of the influence of the Ancient novel on Early Christian literature.

Keywords: Ancient literature, the Genesis of the Early Christian literature, Ancient novel, Byzantine hagiography, unknown version of the «Vita of Xenophon, his wife Mary, and their children Arcadious and John» Greek from the collection of manuscripts in the Russian State Library.

Е. Р. Крючкова

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЕ КОРНИ С НАЧАЛЬНЫМ *k^h*-[1]

В работе рассматриваются возможные этимологические связи некоторых древнеиндийских корней с начальным *k^h*-, этимологии которых до сих пор остаются неясными. Как известно, и в Ригведе, и в более позднем санскрите отмечаются отдельные черты, характерные для среднеиндийского этапа развития индоарийских языков. Исходя из этих соображений, можно некоторые глагольные корни с начальным *k^h*- трактовать как пракритские, претерпевшие среднеиндийские фонетические изменения и, таким образом, связать их с возможными индоевропейскими корнями.

Ключевые слова: Индоевропейские корни *(s)ker-, *sek-, др.-инд. корни *k^hara-*, *k^hard-*, *k^haḍ-*, Ригведа, расширители корня.

Как известно, глухие придыхательные являются отдельной большой проблемой в индоевропеистике. Старая четырехчленная схема, включающая ряд глухих придыхательных, которую младограмматики реконструировали для индоевропейских смычных на основе древнеиндийского консонантизма, всегда вызывала серьезные возражения из-за недостаточного числа надежных соответствий, позволяющих предполагать существование глухих придыхательных на индоевропейском уровне, хотя такие соответствия все-таки есть (Gertsenberg 2010: 29–30). В последние годы аргументы в пользу возвращения к четырехчленной схеме приводит П. Эльборн (Elbourne 1998; 2012), высказывая предположение, что уже в самом древнегреческом глухие придыхательные в определенных фонетических позициях (после s, r, l, m, n) утратили аспирацию, а в других позициях она сохранялась, т. е. при сопоставлении данных разных языков следует учитывать более поздние позиционные изменения в каждом из сопоставляемых языков.

Идея о возникновении глухих придыхательных из сочетаний глухой + ларингал была высказана еще Соссюром и разрабатывалась на протяжении более века многими индоевропеистами; к настоящему времени она нашла свое отражение в наиболее авторитетных изданиях, в т. ч. в LIV.

---

[1] Исследование выполнено в рамках гранта РНФ, № 14-18-03585 «Праиндоевропейский корень и основообразующие форманты».

Предметом дискуссий до сих пор остается проблема, к какому времени относится процесс становления глухих придыхательных – к общеиндоевропейскому периоду (так считал, например, Э. Стёртевант (Sturtevant 1941), находивший рефлексы индоевропейских глухих придыхательных в латинском языке), или этот процесс происходил позднее, уже в общеиндоиранский период – аргументы в пользу такого мнения приводили, например, Е. Курилович и В. Леманн (Lehmann 1952, гл. 11).

Иное решение проблемы возникновения индоарийских глухих придыхательных предлагали еще ранние индоевропеисты – Ф. Бопп, А. Шлейхер, Г. Курциус, А. Кун и др., столкнувшиеся с непреодолимыми трудностями при поисках соответствий для древнеиндийских форм с придыхательными в других индоевропейских языках, даже в тех из них, где можно найти следы придыхательного ряда. Они предлагали считать глухие придыхательные в санскрите результатом ранних заимствований из пракритов, приводя для подкрепления этой идеи многочисленные примеры переходов санскритских консонантных кластеров *kṣ* и *sk* в придыхательный *k^h* в пали и пракритах (Kuhn 1862: 303).

В последние десятилетия эта проблема рассматривается с позиций генеративной фонологии. Так, М. Кобаяши, монография которого посвящена исследованию фонологических изменений индоарийских согласных от праиндоевропейского периода к ведийскому (Kobayashi 2004), отметил особый статус индоевропейского сибилянта *s- перед глухими взрывными в анлауте, где, как предполагается в соответствии с универсальным принципом сонорной иерархии, *s- не может входить в состав начального кластера корня, а является сверхслоговым элементом, в частности характеризующимся фонологическим признаком [spread glottis] (придыхательность); этот признак при ассимиляции анлаутной группы «*s + глухой взрывной» переходит на взрывной.

Таким образом, для индоарийского k^h, который в большинстве случаев считается не исконно индоевропейским, предлагаются следующие источники:

а) $*k + h_2 > k^h$

б) $*s + k > k^h$;

Частотность глухих придыхательных в Ригведе намного ниже, чем у других классов фонем (Elizarenkova 1974: 103–110). В санскритских текстах, относящихся к разным периодам,

встречается очень мало глагольных форм, образованных от корней с начальным k^h-. В Ригведе таких корней всего пять: *k^han-* ‘копать’, *k^hād-* ‘разгрызать, есть, пожирать’, *k^hid-*, (*sk^{h}id-*) ‘ударять, рвать’, *k^hud-* ‘вонзать; втыкать’, *k^hyā-* ‘смотреть, казаться’. Для объяснения глухого придыхательного в трех из них предлагается реконструировать ларингал: *k^han* < *keh_2, *k^hād* < *kh_2ed, *k^hid* < *keh_2d (LIV, s.v.).

Списки древнеиндийских корней (Dhātupātha)[2] в грамматических трудах как самого Панини, так и его комментаторов и последователей, фиксируют в общей сложности 70 корней с начальным *k^h*-, для большинства из которых, как правило, трудно предложить надежные этимологии. При этом значительная часть корней из этих списков реально не засвидетельствована в текстах, и поэтому, по мнению большинства исследователей, их не следует привлекать в этимологических штудиях, считая их искусственными конструктами, не имеющими отношения к реальным языковым фактам. Так, У. Уитни (Whitney 1885) приводит реально засвидетельствованные образования только от 11 таких корней, а у Х. Вербы (Werba 1997) рассматривается только 6 корней на *k^h*. Однако следует заметить, что некоторые из приводимых только грамматиками, но не представленные в текстах в составе глагольных форм корни сохранились в составе имен.

Уже давно даже в Ригведе отмечались отдельные среднеиндийские черты, это характерно и для более позднего санскрита. Исходя из этих соображений, можно некоторые глагольные корни с начальным *k^h*- попытаться трактовать как пракритские, претерпевшие среднеиндийские фонетические изменения и, таким образом, связать их с возможными индоевропейскими корнями.

Как известно, наиболее регулярными для среднеиндийского периода являются переходы в анлауте: kṣ- > k^h- и sk- > k^h- (Pischel 1957: 214–215).

В LIV по крайней мере один такой переход признается, для корня *(s)ken$\hat{g}^{(i)}$- ‘хромать’: пали *khajati* ‘хромает’ (< др.-инд.

[2] Перечни корней приводятся по конкордансу Г. Б. Палсуле (Palsule 1955: 29–30), где сопоставлены списки из 11 различных «Дхатупатх», принадлежавших не только комментаторам Панини, но и другим грамматическим школам. Систематизация и сопоставление исследований в этом направлении приводятся в недавней диссертации М. Ю. Гасунса (Gasuns 2014).

**skaj-*, в классическом санскрите среднеиндийская форма *k^hajati* ‘хромает’ – ср. IEW: 2686 – корень (s)keng-; KEWA I: 297).

Еще один корень, относительно которого уже высказывались предположения о возможном переходе sk > k^h, – это *khaj-* ‘мешать, перемешивать’. Он зафиксирован в Ригведе только в составе именных форм *k^haja-kṛt* (6.18,2; 7.20,3; 8.1.7) и *k^hajaṃ-kará-* (1.10,6) ‘вызывающий возбуждение (битву)’ как эпитет Индры – но при этом по большей части в древнейших мандалах и в достаточно устойчивых сочетаниях:

sá yud^{h}máḥ sátvā k^{h}ajakṛ́t samádvā
tuvimrakṣáḥ nadanumā́n ṛjīṣī́ / (RV 6, 18, 2)
‘Этот воин, боец, возбуждающий столкновения, воинственный
Губительный, бушующий, наступающий’.

yud^{h}máḥ anarvā́ k^{h}ajakṛ́t samádvā
śū́raḥ satrāṣā́ṭ janúṣā īm áṣāḷ^{h}aḥ /(RV 7, 20, 3)
‘Воин непобедимый, возбуждающий столкновения,
воинственный,
Герой всепобеждающий, от рожденья непокоренный’.

álarṣi yud^{h}ma k^{h}ajakṛt puraṃdara
prá gāyatrā́ agāsiṣuḥ // (RV 8, 1, 7)
‘Ты волнуешься, о воин, возбуждающий столкновения,
разрушитель крепостей;
Уже гимны пропели’.

Глагольные формы от этого корня в текстах вообще не засвидетельствованы, но при этом «Дхатупатха» определяют его как глагол I класса (*k^hájati*). Однокоренное существительное *khája-* m. ‘взбалтывание; ложка, черпак, мутовка; схватка’ встречается в Махабхарате и в ряде других текстов (MW 335).

Этимология корня *k^haj-* и его производных не имеет общепризнанного решения. Сторонники объяснения этих форм как ведийских пракритизмов обычно ссылаются на обширное исследование Р. Хирше (Hiersche 1964: 80 сл.). В IEW 2672–73 допускается возможность возведения этого корня к и.-е. корню *(s)kek-, *skeg- ‘прыгать, спешить, трясти’, к которому там же относится широкий круг предполагаемых соответствий из различных и.-е. языков. М. Майрхофер (EWA I: 442) считает этимологию *k^haj-* и его производных неясной, а Ф. Б. Кейпер включает его в свой список иноязычных элементов словарного состава Ригведы (Kuiper 1991: 89–93; также Kuiper 1955). В LIV для корня *skek- ‘быстро двигаться, прыгать’ приводятся только германские, славянские и кельтские параллели.

Как представляется, для корня *kʰaj-* индоевропейская этимология через этап пракритских фонетических изменений сейчас может считаться наиболее обоснованной, хотя и не безусловной.

Исходя из вышеизложенного, можно и некоторые другие древнеиндийские слова с начальным *kʰ*, не имеющие этимологий, попытаться связать с известными индоевропейскими корнями через промежуточный «практирский» этап.

В 106-м гимне поздней 10-й мандалы Ригведы есть два сложных прилагательных с первой частью *kʰara-*: *kʰará-jru-* ‘резкий или быстрый в движениях’ (10. 106, 7) и *kʰara-majrá-* ‘грубо, резко очищающий’ (их значения определены приблизительно в соответствии с комментарием к Ригведе Саяны; как пишет Т. Я. Елизаренкова, стихи 5–7 в этом гимне непереводимы – Elizarenkova 1999: 508–509). Г. Грассманн (323), ссылаясь на А. Фика, связывает прилагательное *kʰara-* ‘острый, резкий, грубый’ с корнем *kʰar-. В более поздних текстах это прилагательное встречается достаточно широко как самостоятельно, так и в составе сложных слов.

Если восстановить исходный корень для этого прилагательного как *sker-, то для него можно найти достаточно много соответствий.

Так, в LIV (s.v.) представлено несколько корней типа «*(s)ker + еще какой-то элемент», при этом у них можно отметить и заметную близость значений:

[2]*(s)ker- ‘отрезать, царапать,’
*(s)kerbʰ- ‘быть острым’
*skerdʰ- ‘резать, колоть, протыкать’ (?);
*(s)kerH- ‘отделять’
*(s)kerp- ‘отрезать, ощипывать’
*(s)kers- ‘царапать, чесать (шерсть)’
*(s)kert- ‘разрезать (на куски); изрезать’
*(s)kreb- ‘царапать; скрести, скоблить’
*s(ḱ)reiḇʰ- ‘царапать; скрести; вырезать, надрезать’ (?)

В словаре Ю. Покорного (IEW 2704 sqq.) словарная статья [4](s)ker- с вариантами (s)kerə-, (s)krē- в значении ‘резать’ объединяет широкий круг слов из разных и.-е. языков. Для исходной, не осложненной расширителями, формы корня, предлагаются, в частности, и древнеиндийские соответствия: *ava-*, *apa-skara-* ‘нечистоты’, *kr̥ṇuti*, *kr̥ṇóti* ‘повреждать, убивать’, *utkīrṇa-* ‘вырезанный, просверленный’ и др. с греческими, германскими, италийскими, балтийскими и др. параллелями. Далее предлагаются

соответствия для этого же корня с целой группой расширителей, в т. ч. с дентальными расширителями: (s)ker-d-; (s)ker-t-, kre-t- – сюда предлагается относить в том числе и древнеиндийские *kr̥ntáti* и *kartati* ‘режет’, а к образованиям с лабиальными расширителями (s)ker-p-, (s)kre-p- – др.-инд. *kr̥pāṇa-* m. ‘меч’, *kr̥pāṇī* f. ‘нож, ножницы’.

Как мы видим, древнеиндийские примеры иллюстрируют только корень без начального *s-, однако, если допустить возможность реконструкции др.-инд. k^h- < *sk-, то сюда же могут попасть еще и такие древнеиндийские корни, зафиксированные у Панини и отвечающие формуле *sker-d-, как *k^hard-* ‘кусать, клевать, жалить’ и *k^haḍ-*, с близким значением ‘разбивать’ На самом деле это скорее всего один корень, поскольку фонетический переход *-rd- > -ḍ-* является закономерным для пракритов (Pischel 1957: 204–205). К последней форме может восходить и реально засвидетельствованное в текстах (в том числе в Махабхарате и Рамаяне) существительное *khaḍ-ga-* ‘меч’, ‘носорог, рог носорога’ (*-ga-* как суффикс существительных рассматривается у Ваккернагеля – AiGr. II, 2: 544). При этом М. Майрхофер (EWA I: 443–444) считает это слово неясным по происхождению и вероятно заимствованным.

Большая группа корней, имеющих форму «*sk- + расширитель», объединены общей семантикой «резать, разбивать» (исходный корень без расширителей *sek- > лат. *seko*, IEW: 2660); т. е. в соответствии с теорией корня Бенвениста все они представляют собой образования II типа – корень в нулевой степени, расширитель с огласовкой (Бенвенист 1955: 195)[3]. А. Лубоцкий предлагает в эту семантическую группу включить и др.-инд. корни *chā-* (*chāyáti*) ‘отрезать, разрезать’ и *chid-* (*chinátti*/*chintté*) ‘резать, отрезать’, которые принято возводить к и.-е. корням с палатовелярным -k̂-: *sk̂eh$_2$- и sk̂eid-. Он высказывает предположение, что для древнеиндийских форм нет необходимости реконструировать и.-е. кластер *sk̂: все факты могут быть объяснены как разные рефлексы группы *sk, возникшие под влиянием фонетической позиции в слове или при аналогическом выравнивании парадигмы (Lubotsky 2001: 54).

Таким образом, если учитывать фонетические процессы, происходившие уже на индоиранском и индоарийском уровнях,

[3] О современном состоянии изученности проблемы выделения корневых расширителей см.: Казанский 2015: 328–340 и Кочаров 2015: 442–453.

появляются возможности значительно расширить число др.-инд. форм, семантически и формально связанных с и.-е. корнем *sek- и его производными.

Литература

AiGr. II, 2 – Wackernagel, J. 1954: Altindische Grammatik. Band II,2. Nominalsuffixe, ed. by A. Debrunner. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Benveniste, E. (1935): Origines de la formation des noms en indo-européens. Paris. Бенвенист. Э. Индоевропейское именное словообразование. 1955.

Elbourne P. (1998). Proto-Indo-European voiceless aspirates. *Historische Sprachforschung* 111, 1–30.

Elbourne P. 2012: A rule of deaspiration in ancient Greek. Probert, Ph., Willi, A. (eds.). *Laws and Rules in Indo-European*. Oxford: Oxford University Press, 125–133.

Elizarenkova, T.Ya. 1974: I*ssledovaniyz po diakhronicheskoy fonologii indoariyskikh yazykov* [*Essays on the diachronical phonology of Indo-Aryan languages*]. Moscow: Nauka.
Елизаренкова, Т. Я. 1974: *Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков*. М.: «Наука», 1974.

Elizarenkova, T.Ya. 1999: *Rgveda. Mandala IX–X*. Moscow: Nauka. Елизаренкова, Т.Я. 1999: *Ригведа. Мандалы IX–X*. М.: «Наука».

EWA – Mayrhofer M. 1986–2001: Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Heidelberg: Carl Winter.

Gasuns, M. Yu. 2014. *Sostav i stroy drevneindiyskikh korney. Istoriya izucheniya* [*Structure and system of Old Indian roots. The history of researches*]. PhD thesis. Moskow.
Гасунс М. Ю. 2014. *Состав и строй древнеиндийских корней: история изучения*. КД. М.: ИЯ РАН.

Gertsenberg, L.G. 2010: Kratkoe vvedenie v indoevropeistiku [A concise introduction to Indo-European linguistics]. St. Petersburg. Герценберг, Л.Г. 2010: Краткое введение в индоевропеистику. СПб.: Нестор-История,.

Grassmann – Grassmann, H. 1873: *Wörterbuch zum Rig-Veda*. Leipzig, 1873 (= Delhi, 1999).

Hiersche, R. 1964: *Untersuchungen zur Frage der Tenus Aspiratae im Indogermanischen*. Wiesbaden.

IEW – An Etymological Dictionary of the Proto-Indo-European Language. A Revised Edition of Julius Pokorny's Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch / A. Lubotsky, G. Starostin. Indo-European Language Revival Association, 2007 (http://dnghu.org/)

Kazansky, N.N. 2015: Semanticheskaya nedifferentsirovannost' korney i problema rasshiriteley v praindoevropeyskom yazyke [Semantic non-differentiation of roots and the issue of root-extenders in PIE (the case of *terH1-, *triHx-b-, etc.)]. *Indoevropeiskoe yazyko-znanie i klassicheskaya filologiya*. T. 19 [*Indo-European linguistics and classical philology*. Vol. 19], 328–340.

Казанский, Н. Н. 2015: Семантическая недифференцированность корней и проблема расширителей в праиндоевропейском языке (*terH_1-, triH_x-b- etc.). *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Т. 19, 328–340.

KEWA – Mayrhofer, M. 1956-1976: Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd 1–4. Heidelberg: C. Winter.

Kobayashi, M. 2004: *Historical Phonology of Old Indo-Aryan Consonants*. Tokio (= Study of Languages and Cultures of Asia and Africa Monograph Series, no. 42).

Kocharov, P. A. 2015: Sochetaniya soglasnykh v iskhode praindoevropeyskogo kornya i problema kornevykh rasshiriteley [The PIE root final consonant clusters and root extensions]. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. T. 19 [*Indo-European linguistics and classical philology*. Vol. 19], 442–453.
Кочаров, П. А. 2015: Сочетания согласных в исходе праиндоевропейского корня и проблема корневых расширителей. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Т. 19, 442–453.

Kuhn, A. 1862: Rez. A. Schleicher. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. I. // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen ..., Bd. 11. S. 300-317 (sT, Ts > Th - 303, соответствия из пали)

Kuiper, F.B.J. 1955: Rigvedic loanwords. In: O. Spies (ed.). *Studia Indologica. Festschrift für Willibald Kirfel*. Bonn, 137–185.

Kuiper, F.B.J. 1991: Aryans in the Rigveda. Amsterdam: Rodopi, 89–93 (= Leiden Studies in Indo-European 1).

Lehmann, W. P. 1952: *Proto-Indo-European Phonology*. Austin: Univ. of Texas Press and Linguistic Society of America. (Online version.)

LIV – Rix, H.(ed.). 2001: *Lexikon der Indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildung*. Zweite, erweiterte und verbesserte Auflage. Wiesbaden: Ludwig Reichert Verlag.

Lubotsky, A. 2001: Reflexes of Proto-Indo-European *sk in Indo-Iranian. *Incontri linguistici* 24, 25–57.

MW – Monier Williams, M. 1899: *A Sanskrit-English dictionary: Etymologically and philologically arranged with special reference to Cognate Indo-European languages*. Oxford, The Clarendon Press. (2008 revision).

Palsule, G. B. *A Concordance of Sanskrit Dhātupāthas*. Poona, 1955 (= DCDS 14).

Pischel R. Comparative Grammar of the Prākrit Languages (transl. by S. Jha). Varanasi, 1957

RV – Ṛgveda-Saṃhitā. TITUS Text collection / J. Gippert // titus.uni-frankfurt.de/texte/ etcs/ind/aind/ved/rv/mt/rv.htm

Sturtevant, E. H. 1941: The Indo-European Voiceless Aspirates. *Language* 17 (1), 1–11.

Werba, Ch. 1997: *Verba Indoarica: die primären und sekundären Wurzeln der Sanskrit-Sprache*. Wien: Verl. der Osterr. Akad. der Wiss., 1997.

Whitney, W. D. 1885: *The Roots, Verb-Forms and Primary Derivatives of the Sanskrit Language. A Supplement to his Sanskrit Grammar.* Leipzig: Breitkopf und Härtel.

E. R. Kryuchkova. Sanskrit roots with initial k^{h}-

The present paper agues that several Vedic and Sanskrit roots without a reliable Indo-European etymology, such as *$k^{h}ar$- ‘to be hard, sharp’, $k^{h}ard$- ‘to bite, sting’, $k^{h}aḍ$- ‘to divide, break’ could be connected with the well-known Indo-European roots *(s)ker-, *sek- ‘to cut’ compounded with root extensions. When discussing the probable etymological relations of this words, it is essential to take into consideration possible sound changes in consonant clusters caused by the Middle-Indo-Aryan phonetic developments that began to work as early as the Vedic peroid (viz. sk > k^{h}).

Keywords: Indo-European roots *(s)ker-, *sek-, Sanskrit roots *$k^{h}ar$-, $k^{h}ard$-, $k^{h}aḍ$-, Ṛgveda, root extensions.

А. Е. Кузнецов

БЛАГОДАРНОСТЬ КАТУЛЛА

Haud male egit gratias.
Plaut., Aul. 658

Carmen 49 – одно из наиболее спорных стихотворений Катулла. Искренность адресованных Цицерону похвал часто ставилось под сомнение, и стихотворение толковалось в ироническом ключе. Статья посвящена языковым соотношениям между С. 49 и речами Цицерона. Именно языковые особенности С.49 считаются основным аргументом в пользу иронического понимания поэмы. В статье показано, что эта точка зрения неосновательна. В С. 49 Катулл много цитирует выражения, использованные Цицероном в речах *post reditu,* однако это не может подкрепить как ироническое, так и хвалебное понимание поэмы. Представляется, что сама эта оппозиция предполагает упрощенный подход к тексту и утонченная языковая техника Катулла предполагает более тонкую и сложную прагматическую стратегию.

Ключевые слова: Цицерон, Катулл

Catulli C. 49

1 Disertissime Romuli nepotum,
2 quot sunt quotque fuere, Marce Tulli,
3 quotque post aliis erunt in annis,
4 gratias tibi maximas Catullus
5 agit pessimus omnium poeta,
6 tanto pessimus omnium poeta,
7 quanto tu optimus omnium patronus.

Цель этой статьи – исследовать некоторые языковые детали Carmen 49 Катулла, которым до сих пор не уделялось должного внимания[1].

Это стихотворение Катулла соединяет в себе простоту (благодаря чему оно прочно поселилось в учебниках и хрестоматиях) и загадочность. Критический XIX в. увидел в восторженных восхвалениях в адрес «лучшего адвоката» и подозрительном самоуничижении «худшего поэта» иронию. Как утверждает Беренс (Baehrens 1876: 1893, 251), об ироническом

[1] Некоторые материалы настоящей стати были изложены впервые в докладе, прочитанном в на кафедре классической филологии МГУ в 1999 г., в 2004 г. доклад был прочитан на латинском языке в Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg.

понимании С. 49 впервые заявил в 1850 г. Karl Theodor Clumper, о котором Беренс замечает: homo cetera insigniter peruersus[2]. Комментарий Клумпера нетрудно процитировать целиком: Hoc quoque carmen ironice est accipiendum. Ciceronem Catulli fuisse inimicum, inde effici potest, quod amicus fuit Cornificii, de quo supra memoratum [scl. ad C. 38], inimmicus autem Catulli familiaribus, Asinio Pollioni, quem Carm. XII et Calvo, quem Carm. LIII meminit (Clumper 1850: 150).

Неясность намеков на жизненные обстоятельства свойственна вообще стихотворениям Катулла, но С. 49 отличается неопределенностью самой авторской позиции. Несмотря на это, понимание стихотворения в ироническом смысле прочно утвердилось. Ограничусь одной пространной цитатой. Один из значительных современных исследователей римской литературы, Джефри Тейтом (Jeffrey Tatum), завершает свою статью, посвященную обсуждаемому стихотворению следующим образом (Tatum 1974: 184): «We may fantasize about whatever commerce actually existed between these two fascinating men, but to draw specific conclusions from this poem is to go beyond the evidence. Nevertheless, it requires no privileged information to discern that the obvious and emphatic irony of lines five and six transforms the last line of the poem into a subtle, urbane taunt which mocks Cicero's political and social pretensions». Здесь мы находим серьезное противоречие. *Очевидная и подчеркнутая* (obvious and emphatic) *ирония* есть вещь сама по себе едва ли мыслимая, но и скрытую иронию трудно (если вообще возможно) выявить методом анализа текста. Ирония в целом не может быть ключом для анализа и понимания текста, но презумпция иронии может быть инструментом конструирования контекста, что, собственно, и представляют собой ученые *фантазии* об отношениях между Катуллом и Цицероном (наподобие толкования Клумпера), на которые намекал Тейтомом[3]. Пафос С. 49

[2] Клумпер, оказавшийся начинателем столь важного направления в исследовании Катулла, известен мне, кроме этой заметки, только диссертацией, представленной в Лейдене в 1835 г.: Specimen literarium inaugurale, exhibens annotationes nonnullas in Lucii Annaei Senecae libellum De brevitate vitae.

[3] Даже простое перечисление высказанных мнений было бы невозможно, относительно полные обзоры содержатся в Fredricksmeyer 1973; McMaster 2010. В вышедшем недавно компендии Skinner 2007 С. 49 специально не рассматривается и принимается как данное, что мы имеем дело с the ironic verses on Cicero's eloquence, написанными после процесса Ватиния (Konstan 2007: 81). Наконец, стихотворение

кажется преувеличенным, но в этом отношении стихотворения Катулла едва ли сильно отличается, например, от «Памятника» Горация. Между тем, поэтическая личность Горация гораздо в большей степени располагает к ироническим толкованиям, чем поэтическая личность Катулла. Беренс выдвинул весьма сильный аргумент против иронического истолкования (на который, насколько мне известно, не было дано убедительного возражения): nego omnino hanc tectam inrisionem quadrare in Catulli indolem. aperte ille aut amare solet aut odisse (Baehrens 1876: 252).

Наблюдения, сделанные в этой статье, должны показать, что сама по себе антитеза *хвалебный ~ ироничный* упрощена и непродуктивна для понимания Катулла, а прагматические стратегии Катулла были более гибкими и утонченными.

1. **Время создания.** Благодаря проницательности Отто Скутча C. 49 может быть довольно точно датировано вне связи с историческими интерпретациями. Скутч установил, что *легкие* (преимущественно трохеические) варианты эолийской базы появляются в одиннадцатисложниках Катулла в относительно поздний период, а в стихотворениях относительно ранних доминирует спондеический вариант (Skutsch 1969; Skinner 2007a: 43). C. 46 (*iam ver egelidos*) посвящено предстоящему отъезду поэта из Вифинии, C. 10 (*Varus me meus*) написано вскоре после возвращения (56 г.), – оба имеют строго спондеическую эолийскую базу. Таким образом, C. 49, как и другие *легкие* одиннадцатисложники (включая *цикл Лесбии*), относится к очень короткому временному промежутку от 55/54 г. до публикации сборника.

Правление Гая Меммия (претор 58 г.) в Вифинии началось в 57/697 консульском году, но точная дата не может быть установлена[4]. Мы не знаем также, присоединился ли Катулл к Меммию в самом начале его правления. Что касается Цицерона, то он вернулся в Рим из изгнания, вероятно, в начале фенологического лета 57 г. (Prid. Non. Sept. по римскому календарю). Таким образом, нельзя полностью исключить того, что Катулл был свидетелем возвращения Цицерона. Несомненно, Катулл мог читать речи Цицерона, и C. 49 предполагает знакомство

признано не только двусмысленным, но и *undecidable* в детальном, но одностороннем обзоре (Selden 2007). Тщательный анализ в пользу иронического истолкования дает (Deroux 1985).

[4] Гай Меммий (отождествляется с народным трибуном 54 г.) чеканил монеты, возможно, для наместника Вифинии 57 г. (Harlan 1995: 78–84).

поэта с речами *post reditu* и более ранними[5]. На основании С. 10 можно установить, что Катулл вернулся в Рим к концу фенологической весны 56 г. Вероятно, он мог слышать важнейшую для понимания С. 49 речь Цицерона Pro Sestio, произнесенную в 56 г. за несколько дней до Мартовских Ид по римскому календарю[6]. Примерно через два месяца была, вероятно, произнесена в Сенате речь De haruspicum responsis (Lenaghan 1969: 22–27). Эллис (Ellis 1889: 170) в целом правильно утверждал, что С. 49 'синхронно' речам Цицерона 57–56 гг., однако метрика позволяет отнести непосредственный повод написания стихотворения к несколько более позднему времени.

2. **Благодарственные стихи**. С. 49 – далеко не единственное поэтическое произведение в римской литературе, в котором выражается акт благодарности[7]. Несколько неожиданно то, что, за исключением комедии, обычная формула *gratias agere* встречается в поэзии только в С. 49 и единственном стихотворении Марциала[8] (для которого в данном случае Катулл не был непосредственным образцом). Благодарственный текст Марциала заслуживает некоторого внимания: Epigr. IX, 5:

1 Tibi, summe Rheni domitor et parens orbis,
2 Pudice princeps, gratias agunt urbes:
3 Populos habebunt ...

8 Qui nec cubili fuerat ante te quondam,
9 Pudor esse per te coepit et lupanari.

Стихотворение посвящено эдиктам Домициана, нацеленным на укрепление нравственности (Henriksén 1998: 76–80). Скопление хвалебных эпитетов ожидаемо, но последние строки могут

[5] О публикации речей Цицерона: Crawford 1984: 2–10.
[6] Согласование римского календаря с ретроградным юлианским представляет очень большие трудности. В обсуждаемый период римские даты, вероятно, соответствовали более ранним юлианским в пределах 1–2 месяцев (Brind'Amour 1983: 42).
[7] Этой теме посвящена недавно изданная диссертация McMaster 2010, в которой дается интересный и здравый анализ С. 49.
[8] Редкость gratias agere в поэзии отчасти объясняется метрическими соображениями (формула не вписывается в дактилический метр). В комедии наряду с *gratias agere* встречается выражение *gratiam habere,* которое также не засвидетельствовано в других поэтических жанрах. Все появления этих формул в комедии представляют собой изображения речевых актов благодарности, а не *благодарственные тексты*.

показаться абсурдными, что, разумеется не делает их ироничными. Однако для понимания C. 49 поучительно другое: Марциал, поэт и частный человек, доносит до императора благодарность *народов и городов,* при этом поэт не является получателем благодеяний (нет никаких оснований думать, что Марциал был лично заинтересован в спасительных указах). Катулл обращается к Цицерону от своего лица, но это не означает, что поводом для благодарности (искренней или ироничной) были непременно личные взаимоотношения. Торжественный тон C. 49 и очевидные аллюзии к политическим речам Цицерона, позволяют думать, что Катулл имел в виду, скорее, общественное благодеяние консуляра. Таким образом, C. 49 свидетельствует о личных отношениях Катулла и Цицерона ничуть не больше, чем IX 5 Марциала свидетельствует об отношениях эпиграмматиста и Домициана, и *благодарность* Катулла могла быть откликом на политическую деятельность Цицерона.

Официальное *Marce Tulli* (Adams 1978) совершенно неуместно в приватном благодарственном тексте, – но это обращение связывает благодарность Катулла с торжественным ораторским стилем[9], а через стилистический мимесис – с очень важным для речей Цицерона топосом отдавания и получения благодарностей. Поводы для благодарностей могут быть различными, но особое значение имеют ситуации, когда государство и народ выступают как одна из сторон благодарности. Для Цицерона выражение и принятие благодарностей, несомненно, было одним из инструментов политического самоутверждения: формула *gratias agere* в политическом приложении встречается, кроме благодарственной речи *in Senatu* 1; 30; 31, и в других речах 57–54 гг.: De domo sua 85; Pro Sestio 13 (Капуя благодарит Сестия); Pro Sestio 117 (римляне выражают благодарность в связи с решением о возвращении Цицерона); Pro Sestio 128; 146 (благодарности Сената городам, принявшим Цицерона); Pro Plancio 74 (Цицерон вспоминает о своей благодарственной речи в Сенате).

В *Ad populum* 16 мы находим близкое соответствие (и, вероятно, непосредственный источник) для *quot sunt quotque*

[9] Выделенность этого обращения кажется столь значительной, что в нем можно видеть не просто имитацию торжественного ораторского стиля, но и прямую цитацию. Цицерон обращается к себе таким образом в In Cat. 1, 27: etenim si mecum patria, quae mihi vita mea multo est carior, si cuncta Italia, si omnis res publica loquatur: M. Tulli, quid agis?

fuere, Катулла[10]. Представляется важным, что формула *какие были, есть и будут* используется Цицероном для восхваления благодетеля Помпея, которого он благодарит, сопоставляя благодеяния, оказанные Помпеем с одной стороны 'частному другу' Цицерону, с другой стороны – государству, для нашего анализа важно и появление здесь слова *omnium*: Ad populum 16: Quorum princeps ad cohortandos vos et ad rogandos fuit Cn. Pompeius, vir *omnium qui sunt, fuerunt, erunt, virtute sapientia gloria princeps*: qui mihi unus uni privato amico eadem omnia dedit quae universae rei publicae, salutem, otium, dignitatem[11].

3. **optimus patronus**. Едва ли правы комментаторы, которые утверждают, что слово *patronus* указывает исключительно на судебного оратора. Цицерон в C. 49 – *лучший патрон*, что, несомненно, указывает на высшее положение в профессиональной и социальной иерархии. Для человека, называемого *patronus*, высшим будет статус покровителя общины. Цицерон уделяет немало внимания претензиям Верреса быть *omnium Siculorum patronum* (In Verr. 2, 2, 14), и, среди прочего, его статуе в Сиракузах с надписью, где он назывался patronus и Σωτήρ (In Verr. 2, 2, 154) (Nicols 2014: 172–176). В конце своей карьеры Цицерон будет в высшей степени возмущен надписью *Quinque et triginta tribus patrono* на статуе Луция Антония на Римском Форуме (Nicols 2014: 65–67).

Примечательно, что сам Цицерон, несмотря на все свои заслуги, не называет себя в речах против Верреса *патроном Сицилии.* Но квестор Цицерон не мог претендовать на то, что присвоил себе претор Веррес. Только во время своего консульства Цицерон с чрезвычайной осторожностью назовет себя патроном римского народа: De lege agraria 3, 4: praesertim qui oti et concordiae patronum me in hunc annum populo Romano professus sim. Тогда же жители Капуи провозгласили Цицерона *единственным патроном* и поставили ему золоченую статую

[10] Эту формулу, но в ином метрическом размещении Катулл использует в Carm. 21 и 24 – оба стихотворения имеют строго спондеическую эолийскую базу.

[11] Нельзя исключать того, что, несмотря на полное несходство изображаемой ситуации, непосредственным источником Цицерона был Плавт Pers. 778–780. – Значение плавтовского субстрата C. 49 для проблемы Цицерон~Катулл был предметом недавнего исследования (Karakasis 2014), с историческими интерпретациями которого я не могу согласиться.

(Pro Sest. 9, In Pisonem 25 – оба места отличаются должной пышностью)[12].

Статус патрона предполагает получение и выражение благодарностей в соответствии с рангом патроната. Статус Верреса был подкреплен, кроме статуи и надписи, формальным благодарственным письмом от публиканов, которое очень беспокоило Цицерона (In Verr. 2.3, 165). В уже упомянутом эпизоде Pro Sest. 9 Цицерон как патрон Капуи санкционирует вынесение благодарности квестору Публию Сестию: (Capua) huic apud me P. Sestio maximas gratias egit, – а патронат Цицерона в процессе Сестия 56 г. был открыто заявленным актом благодарности (Pro Sest. 31). Представляется очевидным, что C. 49 созвучно этой симфонии благодарностей и патетических воспоминаний о консульстве 63 г., которые составляют главную тему речей Цицерона *post reditu*.

4. **omnium patronus**. Следует признать невозможным выделение этой синтагмы, которая должна бы давать смысл ‘патрон для *tutti quanti*’. Эллис предполагал синтаксический сдвиг от *optimus omnium* к *omnium patronus*, – что должно придавать фразе утонченную двусмысленность. Это понимание стало одним из основных аргументов в пользу иронического истолкования[13]. Синтаксический сдвиг предполагает узнаваемость и привычность второй синтагмы, которой приходится конкурировать с сильной грамматической связью *optimus omnium*. Однако *omnium patronus* – необычное выражение. Эллис и Беренс (отрицавший это понимание) указали на письмо Авла

[12] Не являясь в то время гражданской общиной, Капуя не имела права назначать себе муниципального патрона (Nicols 2014: 60), но в силу этой правовой неясности решение капуанцев делало Цицерона как бы патроном всего римского народа. Благодарственная формула, которая приведена в Pro Sest. 9, намекает на заслуги Цицерона перед Римом (следует отметить употребление слова *urbs* по отношению к Капуе): qua de causa et tum conventus (это слово указывает на политическую несамостоятельность Капуи) ille Capuae, qui *propter salutem illius urbis consulatu conservatam meo* me unum patronum adoptavit...

[13] Интерпретация неоднократно выдвигалась и в новейшей (Selten 2007), и в старой литературе. «Nimis enim nasuti erant, qui nuper adludi ad dictum illud putavere, quo ‘omnium patronus’ (h. e. malorum bonorumque reorum sine dilectu defensor) audiit bonus Cicero» (Baehrens 1876: 251). Беренс имел в виду, вероятно Рудольфа Вестфаля, который писал ... hätte Cicero, wie er «optimus omnium patronus» ist, sich auch als optimus patronus des Catull gezeigt. (Westphal 1870: 242).

Цецины к Цицерону как на параллельное место (мы можем утверждать, что единственное): Ad fam. 6.7.4: ubi hoc *omnium patronus* facit (scl. Cicero), quid me, veterem tuum, nunc omnium clientem, sentire oportet? Однако здесь *omnium patronus* является безусловно хвалебной характеристикой, адресованной Цицерону, и означает ‘патрон всех’, а не ‘кого угодно’, что соответствует коннотациям слова *patronus,* описанным выше. Письмо относится к концу римского 46/708 г., поэтому можно предположить, что *omnium patronus* Цецины было шутливым переосмыслением стиха Катулла. Если это толкование правильно, то письмо Цецины дает нам, возможно, самую раннюю и к тому же точно датированную цитату из Катулла. Будет также необходимо признать, что стихотворение Катулла было известно в окружении Цицерона и едва ли воспринималось как инвектива.

В оксфордском издании 1910 г. Эллис дает не принятое последующими издателями чтение quanto tu optimus omnium's *patronum* – но *patronus* имеет хорошую рукописную поддержку (manus prima Cod. Oxoniensis), и, как мы теперь видим, подтверждается письмом Цецинны.

5. **disertissime**. Само выражение *omnes patrones* встречается у Цицерона (In Caecilium 16), ср. Pro Roscio Amerino 89: verum ego forsitan propter multitudinem patronorum in grege adnumerer. Однако это свидетельствует только о конкуренции внутри класса (*multitudo, grex*) патронов, в результате которой выделяются ‘лучшие’. Цицерон использует слово *disertissimus* как обозначение лучших ораторов, начиная с Сосиппа из Агригента, упоминаемого в Verr. 2.3, 204. В «Бруте» как *disertissimi* упоминаются, например, Диофан из Митилены и Лукий Папирий из Фрегелл (Brut. 104;170). Нет оснований думать, что эти, равно и другие *disertissimi* вызывали у Цицерона особый восторг. Слово *disertissimus,* несмотря на превосходную степень, нельзя рассматривать как средство создания риторического пафоса, и у Катулла оно, как и *patronus*, появляется в своем прямом (возможно, ‘техническом’ смысле) и является нейтральным выражением[14].

[14] Нет оснований полагать, что disertus могло иметь какой-то уничижительный смысл: интерпретация Basson 1980 опирается на ошибочное понимание противопоставления disertus ~ eloquens.

6. **dissertissimus poeta**. Оппозиция «dissertissimus, optimus, patronus» *versus* «pessimus, poeta» ассиметрична. Равновесие предполагает некоторое определение для поэта, которое отрицало бы *dissertissimus*. В связи с этим в круг цицероновских реминисценций C. 49 необходимо включить парадоксальное сочетание *dissertissimus poeta* в Pro Sestio 122, которое соседствует с *optimus actor*: sed tamen illud scripsit disertissimus poeta pro me, egit fortissimus actor, non solum optimus, de me ... Речь идет о постановке «Еврисака» Акция, которая была воспринята народом как аллегория изгнания Цицерона. В контексте этого понимания поэт и актер упрекали римский народ в *неблагодарности*[15]. Таким образом, *красноречивейший поэт* выполняет в этом эпизоде общественные функции оратора и патрона. Невозможно понимание поэзии более чуждое Катуллу, который в этой системе действительно оказывается не-красноречивым[16].

7. **Romuli nepotum**. Колорит C. 49 – пышный риторический, но описательное выражение *Romuli nepotes* – поэтическое[17], и является, возможно, цитатой. Римский миф об основании легко перемещался в эротическую плоскость: Propert. 2.6, 19–22:

> cur exempla petam Graium? tu criminis auctor,
> nutritus duro, Romule, lacte lupae:
> tu rapere intactas docuisti impune Sabinas:
> per te nunc Romae quidlibet audet Amor.

У Катулла помещены в обсценную плоскость и *Remi nepotes* (C. 58, 5), и *Romulus* (C. 29), но и у Цицерона мы находим *tamquam in Romuli faece* (Ad Att. 2. 1, 8).

Для *Romuli nepotes* этот сдвиг был облегчен тем, что *nepos* имело смысл ‘расточитель’. В специально посвященной этому вопросу статье Muse 2009 показано, что *nepos* может иметь более узкий смысл ‘человек, пользующийся услугами гетер’. Это словоупотребление было хорошо известно Цицерону, в интересующий нас период оно находится в одной из инвектив против Клодия: De harusp. resp. 59: quis umquam nepos tam libere

---

[15] Accius Trag. 364 Ribb. 365 Dangel: O ingratifici Argivi, immunes Graii, immemores benefici! (Kaster 2006: 352–355).

[16] Релевантную параллель мы находим у Петрония Sat. 96: o poetarum disertissime.

[17] Servius Auctus in Naevius Aen. I. 273 (p. 102, 21 Thilo): Ennius Aeneae ex filia nepotem Romulum conditorem urbis tradunt. Sibylla ita dicit Ῥωμαῖοι, Ῥώμου παῖδες.

est cum scortis quam hic cum sororibus volutatus? – выпад, косвенно затрагивающий Катулла.

Автор статьи о *nepos* Muse 2009: 307 полагает, что Катулл метил в расточительность и роскошь Цицерона (это мне кажется сомнительным), но если слова *Romuli nepotes* могли иметь хотя бы слабый оттенок непристойности, то это было бы замечено Цицероном[18].

8. **gratias maximas.** Отношение *gratia* не может быть большим или малым. Поэтому определение *maximas* здесь неожиданно, хотя и привычно. Доступные базы данных показывают, что это выражение практически не встречается ни в литературных, ни в эпиграфических текстах. Единственным корпусом, где *gratias maximas agere* оказывается частотной формулой, является переписка Цицерона: Ad. Att. 3.5.1: Terentia tibi et saepe et maximas agit gratias, – и еще около 10 примеров исключительно в письмах, написанных Цицероном[19]. Если в случае с *Romuli nepotes* можно подозревать намек на сленговое выражение из речи тех же *nepotes*, то *gratias maximas* представляется чертой цицероновского идиолекта.

Необычная формула встречается в позднейших речах, не интересующих нас здесь по хронологическим соображениям (Pro Marcello 33; Phill. 1.15; 3, 25; 10; 1), но они указывают на то, что Цицерон признавал ее успешной и приемлемой. Впервые в известных нам речах *gratias maximas* появляется в цитированном выше отрывке Pro Sest. 9. Итак, в С. 49 мы можем установить точную аллюзию к этой речи 56 г.

8. **gratias maximas.** Кроме Цицерона обсуждаемая благодарственная формула обнаруживается только в немногих текстах императорского времени[20], но под влиянием писем Цицерона

[18] Цицерон оставил небольшой трактат на тему непристойных выражений (Ad fam. 9.21, ad Paetum), о Катулле: (Lateiner 2007), где, впрочем, не учтена специфическая семантика *nepos*. – Есть у самого Катулла прозрачная параллель к С. 49: o furum optime balneariorum (C.33,1).

[19] Ad Att. 1.20,7; 3.8,4; 10.4,11; 14.17a, 1Ad Fam. 6.11,2; 9, 14,1; 13, 6 a; 13, 24, 2; 13. 54,1; 15. 2,5; 13, 6 a; Ad Quint. 1.2,11.

[20] Fronto Ad Caes. 5. 24; Apul. Fl. 16: quantas maximas possum gratias ago atque habeo (вариант, независящий от Цицерона, похожая формула у Витрувия: 6, praef.). – Phaedr. Appendix, Lepus et bubulcus (fab. 131 Havet): linguae prorsus non nego | habere atque agere maximas me gratias .

gratias maximas входит в эпистолярный язык авторитетных латинистов Нового времени[21].

В доступных эпиграфических памятниках удается найти всего пять поздних надписей[22].

Между тем, у Плавта и Теренция встречается выражение *gratias magnas*[23].

В Евнухе Теренция (391 sqq.) мы находим ряд *gratias magnas – ingentes – maximas*:

391. (Thraso) Magnas vero agere gratias Thais mihi?
(Gnatho) ingentis. .....
397. ..... (Thraso) vel rex semper maxumas
mihi agebat quidquid feceram: aliis non item.

Эпизод обсуждается Цицероном (Laelius 98), и это позволяет предположить, что комедия была источником цицероновской инновации.

9. **optimus omnium**. Это, на первый взгляд обычное, выражение встречается помимо Цицерона крайне редко. У Цицерона оно появляется в одной из речей *post reditu*: De domo sua 125: L. Ninnius, vir omnium fortissimus atque optimus, – и в поздних диалогах[24]. В поздних речах *omnium optimus* не обнаруживается.

В диалоге De re publica, написанном после речей *post reditu,* встречается фраза, которая, возможно показывает, что для Цицерона *optimus omnium* (уже?) не было нормальным употреблением: 3.27: vir denique *optimus omnium existimatione* et dignissimus omni fortuna optima iudicetur... Очевидно, Цицерон не опасался, что *optimus* перетянет к себе *omnium (*сравним *omnium patronus).*

Возможно, и в этом случае мы имеем дело с новшеством в идиолекте Цицерона, мотивированном комедией:

Здесь благодарственная формула может объясняться влиянием комедии, но подлинность ‘Добавлений Пероти’ сомнительна.

[21] Sylloges Epistolarum a viris illustribus scriptarum. Tomi quinque collecti et digesti per P. Burmannum. Leidae, 1727 *passim*.

[22] CIL 6.26158 = Dessau 8435; CIL 14. 2850 = Dessau 3689; Riv. Arch. Crist., 37, 1961, 251; Suppl. It. 2, 1983, 129-131 no. 3 (надпись 383 г.); CIL 6, 29149.

[23] Например, в благодарностях богам: Plautus: Asinaria 143; Captivi 922; Poen. 1274; Terentius Phorm. 894.

[24] De fin. 2.58: Sextus Peducaeus, Sex. F. ... omnium vir optimus et iustissimus; Brut. 122: nobis quidem pueris haec (oratio) omnium optima putabatur.

Plaut. Amph. 676: Amphitruo uxorem salutat laetus speratam suam,
quam omnium Thebis vir unam esse optimam diiudicat ... –
Plaut. Boeotia, fr. v. 24–25 (Ernout) = Gell. (3.3.5):
nam <unum> me puero uenter erat solarium
multo omnium istorum optimum et uerissimum ...

Редкость этой конструкции имеет понятное семантическое объяснение. За исключением субстантивированного *optimi* ‘лучшие, достойные люди’, *optimus* не обозначает никакого конкретного признака, но указывает на полноту класса и сочетается со словом, обозначающим класс: *optimus poeta* или *optimus poetarum*. На полноту класса указывает и *omnes*, поэтому *optimus omnium patronus* Катулла является плеоназмом. Как показывают своды латинских текстов этот плеоназм избегается.

Веллий Лонг (7. 54, 4 GLK) приводит загадочного происхождения пример на выпадения конечного *m* перед гласным *omnium optimum*. Единичные примеры можно найти в прозе[25].

Обсуждаемые здесь выражения были редкими и, вероятно, узнаваемыми, но для нас невозможно оценить их по какой-либо лингвистической шкале – в силу той самой редкости, которая была для нас критерием их выявления. Катулл мог цитировать их, осуждая языковые вольности Цицерона, но более правдоподобно то, что он относился к ним одобрительно. Цитации из Цицерона используются Катуллом для имитации риторического пафоса, но оказывается, что эти же цитации близки языковой практике самого Катулла[26].

10. **pessimus omnium poeta**. Все сказанное о выражении *optimus omnium* можно повторить и здесь. Марциал в 7. 34, 2 перефразирует Катулла: ut vir pessimus omnium Charinus, – и несколько примеров можно найти у прозаиков[27].

[25] Celsus De Med. 3.2.5: igitur si quid ex is, quae proposita sunt, incidit, omnium optima sunt quies et abstinentia; Quintilian. Decl. minor. 318.2: optimus omnium amicorum); Hist. Aug. Galien. 14.2: vir omnium optimus.
[26] Ср. характеристику языка Катулла в Sheets 2007: 197 как ‘просторечье образованного римлянина’.
[27] Celsus De Med. 7.3.2 : deficere tamen animam uel ipsa curatione uel postea pessimum omnium est; Plin. Nat. Hist. 9. 69, 150: pessimum omnium genus est earum...; Plin. Nat. Hist. 25. 54, 99: ordiendumque malorum omnium pessimo est, serpentium ictu; Quintilian. 8.3.56: cacozelon ... omnium in eloquentia uitiorum pessimum; Gellius 2. 6. 10: ... inlaudatus est isque omnium pessimus deterrimusque est.

Но *pessimus* представляет здесь самостоятельный интерес. Простого перечня достаточно, чтобы показать, что *pessimus* – важное для Катулла слово. Кроме C. 49, дважды упоминаются *pessimi poetae* (C. 14; 36), в C. 36 они соседствуют с *pessima puella* (36, 9)[28], наконец, *pessimae puellae* появляются в C. 55.

Значимость этого слова в стихотворении, обращенном к Цицерону будет понятна из того, что в обширнейшем корпусе цицероновских речей *pessimus* встречается реже, чем в книге Катулла[29], и ни разу не появляется в потоках брани и насмешек, изливаемых в речах *post reditu*.

Таким образом, *pessimus* – демонстративно чуждое языку речей Цицерона слово, которое можно рассматривать как σφραγὶς Катулла.

Здесь мы можем вспомнить, что в C. 36 *pessimus poeta* отнесено к самому Катуллу (Baehrens 1874: 15), но выяснение возможных связей C. 49 и C. 36 как между собой, так и с общими концепциями поэта и поэзии выходит за границы этого комментария.

Литература

Baehrens, E. 1874: *Analecta Catulliana*. Iena.
Baehrens, E. 1876: *Catulli Veronensis Liber*. Lipsia. (Iterum ed. 1893).
Basson, W. P. 1980: The Riddle Of Catullus 49: Some Notes On Its Interpretation. *Acta Classica*, 23, 1980, 45–52.
Brind'Amour, P. 1983: *Le Calendrier romain. Recherches chronologiques*, Ottawa.
Clumper, C. T. 1850: Annotationes ad Catulli Epigrammata. In: *Miscellanea philologa et paedagogica, Ediderunt gymnasiorum batavorum doctores societate conjuncti*. Fasc. 2. Amstelodami, 1850, 146–150.
Crawford, J. W. 1984: *M. Tullius Cicero: The lost and unpublished orations*. Göttingen.
Deroux, C. 1985: Catulle et Cicéron ou les raisons d'un silence. In: *Les Études Classiques* 53, 221–246.
Fredricksmeyer, E. A. 1973: Catullus 49, Cicero, and Caesar. *Classical Philology*, 68, 268–278.

[28] Непростое место: 'pessima' ... in bonam partem 'callida et versuta' valet (germanice 'das Teufelmaedchen': Baehrens ad loc. Между тем, Беренс справедливо указывал на антитезу *pessimus poeta* ~ *pessima puella* в C. 36, что как будто должно означать, что *pessima* имеет смысл in malam partem.

[29] Pro Roscio comoedo 30; In Verr. 2.3, 117; Pro Caecina 25; Philipp. 3. 18; сюда можно добавить и наречие *pessime*: Pro Rosc. Am. 60; In Verr. 2.3, 119; Philipp. 14, 18.

Gaisser, H. G. (ed.). 2007: *Catullus*, Oxford (Oxford Readings in Classical Studies).
Harlan, M. 1995: *Roman Republican Moneyers And Their Coins 63 BC–49 BC*. London.
Henriksén, Ch. 1998**:** *Martial, Book IX A Commentary*. Vol. 1. Uppsala.
Karakasis, E. 2014**:** Cicero Comicus – Catullus Plautinus. Irony and Praise in Cat. 49 Reexamine. In: E. Karakasis (ed.). *Plautine Trends: Studies in Plautine Comedy and its Reception*, Berlin, N.Y., 2014, 197–224. (Trends in Classics – Supplementary Volumes; 29)
Kaster, R. A. 2006: *Marcus Tullius Cicero. Speech On Behalf Of Publius Sestius. Translated With Introduction And Commentary*, Oxford.
Konstan, D. 2007: The Contemporary Political Context. In: Skinner 2007, 72–91.
Lenaghan, J. O. 1969: *A Commentary On Cicero's Oration De Haruspicum Responso*. The Hague.
McMaster A. 2010: *Liberalitas In Late Republican And Early Augustan Roman Poetry*. (Diss. University of Toronto).
Nicols J. 2014: *Civic Patronage in the Roman Empire*. Leiden.
Selden, D. 2007: Ceveat lector. In: Gaisser 2007, 490–559.
Sheets G. A. 2007: Elements of Style in Catullus. In: Skinner 2007, 190–211.
Skinner M. B. 2007a: Authorial Arrangement of the Collection: Debate Past and Present. In: Skinner 2007, 35–54.
Skinner, M. B. (ed.). 2007: *A Companion To Catullus*. Blackwell Publishing.
Tatum, W. J. 1974: Catullus' Criticism of Cicero in Poem 49. *TAPA* 118, 1988, 179–184.
Westphal, R. 1870: *Catull's Gedichte in ihrem geschichtlichen Zusammenhange übersetzt und erläutert*. 2te Ausg., Breslau, 1870.

Учтенный корпус текстов

The Packard Humanities Institute. Latin Texts (PHI-5).
Bibliotheca Teubneriana Latina. München: K.G. Saur; Turnhout : Brepols, 2002.
CORPUS CORPORUM: repositorium operum Latinorum apud universitatem Turicensem (online).
Die Epigraphische Datenbank Clauss-Slaby (online).

A. E. Kuznetsov. Catullus' Words of Gratitude

Carmen 49 is the most notorious problem of catullian studies. The sincerity of Catullus' laudations has been questioned, and the poem is often considered a hidden sarcastic attack on Cicero. The paper deals mainly with linguistic correspondence between the C.49 and Cicero's speeches. While the main reasons for finding irony in the C.49 are drawn from its language, I demonstrate that there are no linguistic arguments to support this view. Catullus so heavily cites some odd expressions used by Cicero in the speeches *post reditu*, that the C.49 is almost entirely assembled from ciceronian quotations. This, however, does not immediately support either 'sarcastic' or 'laudatiry' reading of the poem. It appears that the 'praise vs irony approach' is rather simplified, and Catullus' sophisticated linguistic skill implies more subtle pragmatic strategy than in has been generally presumed by commentators of the C.49.

Keywords: Cicero, Catullus.

Ю. К. Кузьменко

ДРЕВНЕГЕРМАНСКИЙ СТИХ В НАДПИСЯХ СТАРШИМИ РУНАМИ

В статье показано, что не только несколько, как считалось раньше, а большинство надписей старшими рунами, состоящих из более чем трех слов, можно рассматривать как поэтический текст. Основная единица этого текста четырех- или шестивершинная длинная строка, состоящая либо из двух двухвершинных строк (как в скандинавском форнюрдислаге), либо из двух трехвершинных строк. Во многих надписях можно предположить и размер, соответствующий льодахатту и гальдралагу. Главная черта рунического стиха (и по-видимому раннего германского стиха) изохрония тактов и изохрония полустиший, что обеспечивалось возможностью окказионального сокращения долгих слогов и удлинения кратких слогов. Однако рунический стих, оказывается гораздо более свободным, чем известные нам древнегерманские размеры. В большинстве длинных строк две краткие строки связаны аллитерацией, как в известных нам древнегерманских размерах, однако в рунических стихах возможны строки, изохрония которых определяется только метром, что позволяет нам увидеть стадию развития древнегерманского стиха, предшествующую аллитерационному стиху. В статье предложена и модель исполнения древнегерманского стиха, основанная на гипотезе об изохронии стоп и полустиший, предполагающая исполнение стиха под лиру в музыкальном размере $^{4}/_{4}$ и $^{3}/_{4}$.

Ключевые слова: надписи старшими рунами, древнегерманские размеры, исполнение древнегерманского стиха.

Тацит сообщает нам о древних песнопениях (*carminibus antiquis*) германцев, которые были «единственным видом повествования о былом» (Tac. Germ. 2). Позднее Йордан писал о существовании у готов сказаний (*fabulae*) о героях (Iordanes 79), однако ни песни, о которых писал Тацит, ни сказания, о которых писал Иордан до нас не дошли. Первые доступные нам поэтические произведения на древних германских языках относятся к гораздо более позднему времени: самую старую из двух сохранившихся рукописей Хелианда датируют IX веком, рукопись древнеанглийского Беовульфа и рукопись отрывка из Песни о Хильдебранде датируют XI веком, а рукопись Старшей Эдды (*Codex regius*) еще моложе (XIII век).

Если мы обратимся к надписям младшими рунами (VIII–XII вв.)[1], то в них мы обнаружим уже абсолютно сложившийся эпический размер, ср., напр., строфу форнюрдислага о Теодорихе в надписи на камне из Рёка, IX в. (Ög 136), и скальдический дротткветт, ср. надпись на камне из Карлеви (Öl 1). И форнюрдислаг, и дротткветт в скандинавских младшеруническ их надписях не отличаются от размеров поэтических произведений, засвидетельствованных в древнеисландских рукописях, которые более чем на двести лет младше рунических надписей младшими рунами со стихами. Задача настоящей статьи установить, насколько надписи старшими рунами (II–VII вв.), которые намного старше поэтических памятников на древних германских языках, могут рассматриваться как стихи, и насколько они могут пролить свет на историю древнегерманского стихосложения.

Старших рунических надписей (II–VII вв.) немного (тех надписей, в которых рунологи находят связный текст или отдельные слова не больше 150), причем большинство этих надписей состоит либо только из одного, либо из двух слов, т.е. в них трудно предположить стихотворную форму. Однако в надписях, состоящих из более чем трех слов, отмечают возможность стихотворной формы с аллитерацией и метрическим выделением ударных слогов. В качестве примера приводят обычно надпись на золотом роге из Галлехуса, надпись на оселке из Стрёма и надпись на камне из Эггъюма (см., напр., Krause 1966: 97–103; 110–113; 227–235). Стихотворную форму предполагают, однако, лишь для небольшого количества надписей. В статье о рунической поэзии авторитетнейшего многотомного словаря древнегерманских древностей (RGA) только семь надписей (Галлехус, Тюне, Чюркё, Стрём, Стентофтен, Бъёркеторп и Эггъюм) считаются надписями, написанными в поэтической форме (Naumann 2003: 514).

В своей книге 1994 года О. А. Смирницкая отказывается видеть в надписях старшими рунами стихи поскольку, по ее мнению, в них отсутствует членение на строки, и все ритмические закономерности рунических надписей являются не свойством стиха, а свойством языковой организации надписей. Сходство отдельных рунических надписей с целыми строками или даже строфами определяется, по мнению О. А. Смирницкой тем, что они строятся на фразовом ритме языка. И даже

[1] Надписей младшими рунами со стихотворными вставками ок. 160.

аллитерация, характерная для многих надписей, не меняет дела (Смирницкая 1994: 141). Такое отношение к руническим текстам связано с тем, что О. А. Смирницкая считает, что и в письменных памятниках на древних германских языках также нет особого поэтического метра, отличного от языковой просодики, поскольку в аллитерационном древнегерманском стихе «метрика как мера еще не отделилась от языка как измеряемого материала», и «стиховое членение совпадает с языковым» (Смирницкая 1994: 45, см. также Russom 1998: 196). Встает вопрос, что вообще считать стихом. Основа стиха – регулярность повторов просодической структуры. Причем для стиха необходимо, чтобы была больше чем одна строка. Во многих случаях к метрической регулярности добавляются другие элементы, организующие стих, например, рифма или аллитерация, но именно метрическая организация стиха – основа стихосложения. Другими словами, стих должен отличаться от прозы, и в нем «кроме общеязыкового членения на предложения, части предложений, группы предложений и пр., (…) присутствует еще и другое деление – на соотносимые и соизмеримые отрезки (…)» (Гаспаров 1989: 8).

М. И. Стеблин-Каменский обратил внимание на то, что по своему содержанию надписи старшими рунами ближе к скальдической поэзии, чем к эддической, поскольку сообщают «актуальные для своего времени факты, сообщаемые для оказания определенного действия…» (Стеблин-Каменский 1979: 15). Он же отметил, что вырезание рун и скальдическая поэзия сходны как типы творчества – владение определенной формой для оказания воздействия (ibid.). Рунические тексты на камнях – это не рассказы о жизни богов и подвигах героев, какими были тексты эпической традиции на древних германских языках. Отличаются они и от рунических надписей младшими рунами эпохи викингов, основная задача которых увековечить память об умершем и утвердить право на наследство человека, поставившего камень. Основная функция надписей на старшерунических камнях – защитить рунический камень. В нескольких поздних надписях старшими рунами (Эггъюм, Стентофтен, Бъёркеторп) и в ряде ранних надписей младшими рунами (Трюггевэльде, Главендруп, Скъерн 2, Глемминге, Сённер Винге 2, Салебю) эта задача выражена эксплицитно. Большинство этих надписей заканчиваются проклятием тому, кто сломает камень или утащит его для другого. Однако есть и просто надпись «защита от злодеяний» (Эггъюм) или просто «защит-

ное» слово **alu** (Эгелмсем). В большинстве надписей старшими рунами на камнях нет ни имени того, в честь кого поставлен камень, ни имени того, кто поставил камень, а только имя того, кто написал надпись (что абсолютно немыслимо в надписях младшими рунами). Именно написанное рунами имя мастера рунического письма и должно было защитить камень (или другой предмет на который была нанесена надпись). Поэтому предположение о том, что и формально такое заклинание могло быть написано в поэтической форме, не кажется слишком смелым. Интересно, что и слово руна могла иметь значение не только рунической надписи и тайного знания, но и значило заклинание. Латинское слово *fabulae*, которое в написанной на латыни Церковной истории Беды VIII (книга 4, гл. 20, по другой нумерации гл. 22) обозначает заклинания, приводящие к тому, что путы пленника развязываются[2], в древнеанглийском переводе IX века переведено как *alȳsendlīcan rūne* «развязывающая руна» (Bosworth, Toller 1898–1921: 36).

На то, что некоторые надписи старшими рунами написаны в поэтической форме, указывает и ряд формальных признаков. Большинство из надписей пронизаны аллитерацией, причем аллитерацией связывающей краткие строки (см. ниже), подобно аллитерации известной нам древнегерманской поэзии. Кроме того, в двух надписях используются кеннинги, причем кеннинги не эддического типа, т. е. взятые из традиции, а кеннинги, сочиненные мастером рунического письма, подобно кеннингам скальдической поэзии. В надписи на камне из Эггъюма для обозначения крови используется сложное слово *náséo* «море трупа», ср. скальдический кеннинг типа *hræsær* или *hræs sær* с тем же значением (Meissner 1921: 207), а в надписи на брактеате из Чюркё для обозначения золота употреблено сложное слово *walhakurne* (Dat. Sg.) ‘зерно кельтов’, которое не только соответсвует древнеисландскому кеннингу *valamalmr* ‘руда (или металл) кельтов’ (Hyndl. 9), но и, вероятно, подразумевает знание какой-то истории, объясняющей почему золото названо именно зерном, см., например, объяснение Снорри в Младшей Эдде, почему золото названо *sáð Kraka* ‘посев Краки’. Кроме того, на

[2] Беда Достопочтенный рассказывает историю о неком Имме, попавшем в плен, однако, сколько его ни связывали, у него всегда разрывались путы, поскольку его брат молился за него. Считается, что этот мотив связан с языческим «развязывающим заклятием», с которым мы встречаемся и в древневерхненемецком Первом Мерсебургском заклятии (Grimm 1968 (1875–1878), II, 1029).

поэтический характер рунического текста может указывать и порядок слов, что проявлялось в постановке в позицию первой вершины второго полустишия самого важного в смысловом отношении аллитерирующего слова (*ek HlewagastiR HoltijaR horna tawido* ‘Я Хлевагастир из Хольта (или из рода Хольта) рог сделал’ вместо нейтрального **ek Hlewagastir HoltijaR tawido horna* ‘Я Хлевагастир из Хольта сделал рог’)[3]. Основной вопрос настоящей статьи, насколько и самый главный признак стиха, метрическая структура надписей старшими рунами, соответствует представлению о древнегерманском стихе.

Основной единицей древнегерманского стихотворного размера, который в скандинавской традиции называется форнюрдислагом (*fornyrðislag* ‘размер древних слов’), является длинная строка, состоящая из двух связанных аллитерацией полустиший. В каждом из полустиший, как правило, по две вершины[4]. Однако кроме двухвершинного предполагалась возможность и трехвершинного и даже четырехвершинного полустишия (см. Sievers 1905; Pope 1966). Количество безударных слогов могло варьироваться. Первый икт второго полустишия, всегда несущий аллитерацию, самый важный (он назывался по- исландски *höfuðstafr* ‘главная буква’), самое важное в смысловом отношении слово стояло именно в этой позиции. Остальные икты назывались подпорками (*stuðlar*). Эти правила были установлены еще классиками германистики, в первую очередь Ригером и Сиверсом в конце XIX века (Rieger 1876; Sievers 1893), и сейчас никем не оспариваются (см., напр., Marold 2006: 233). Традиционно считается, что древнегерманский стих был основан на счете ударных слогов, и что краткосложные слова подобно долгосложным имели ударение на корне, т. е. *táwidō* (см.,

[3] Отстаиваемая многими идея о том, что в общегерманский период немаркированным порядком слов был SOV (см., напр., Lehmann 2005–2007), основывается только на порядке слов в памятниках древнегерманской поэзии и надписей старшими рунами (в частности на надписи на золотом роге из Галлехуса), где появление дополнения перед глаголом объясняется стремлением поставить его на место «главной буквы». В прозаических текстах, ср., напр., древнеанглийские хроники, не говоря уже о древнеисландских сагах, в простых предложениях немаркирован порядок слов SVO (напр., Haugan 2000).

[4] Сиверсу считал, что для древнегерманского стиха были характерны пять типов полустиший ABCDE: A: / x | / x, B: x / | x /, C: x / | / x, D1: / | / \ x, D2: / | / x \ , E1: / \ x | / , E2: / x \ | / (Sievers 1893: 31), где / биморная вершина, x – спад, а \ дополнительная вершина с второстепенным ударением.

напр., Lehmann 1971: 28–29), однако возможность так называемого распущения, когда два кратких слога или краткий слог и следующий за ним долгий слог, могли в стихе занимать место одного долгого, т. е. просодическая приравниваемость двух мор, неразделенных согласным ММ, двум морам, разделенным согласным МСМ, свидетельствует о том, что ударным мог быть весь биморный комплекс МСМ, т. е. в нашем случае *tawi-*. О том, что это было действительно так свидетельствует и балансная апокопа (отпадение гласного после долгого слога, но сохранение после краткого в древних западногерманских языках и в части скандинавских диалектов) и современные шведские и норвежские диалекты с сохранившейся краткосложностью и сохранившимся моросчитанием, в которых двусложные краткосложные слова имеют так называемое равновесомое ударение (т.е. оба слога ударены здесь одинаково)[5].

Если основываться на традиционном определении древнегерманского стиха, то следует признать, что многие надписи старшими рунами имеют стихотворную форму и представляют собой длинную строку, состоящую из двух связанных аллитерацией кратких строк, в каждой из которых по две вершины или реже по три вершины. Вопрос о том, существовали ли в древних германских языках дополнительные ограничения, которые бы сопутствовали выделению четырех (или шести) метрических вершин в долгой строке разделил всех германистов на два лагеря. Сиверс и его последователи считали, что нет метрического единства полустиший, а есть пять типов метрических моделей, которые фактически соответствуют просодическим моделям прозы древних германских языков, и которые свободно чередовались в полустишиях (Sievers 1893; 1905; Смирницкая 1994; Russom 1998). Однако, если древнегерманский эпос пелся (а именно об этом говорят термины, описывающие германскую эпическую традицию у античных авторов, ср. лат. *canere, cantare, psallere, carmen, cantus*[6] и находки лир у древних германцев[7]), то без метрической изохронии обойтись было

[5] Подробнее об этом см. Кузьменко 1991: 20–22.

[6] Такие обозначения античными авторами германских песнопений приводит Сиверс (Sievers 1905: 5; см. также Heusler 1929: 36–39).

[7] С древних времен существовало два вида струнных инструментов, отличающихся расположением струн и резонатора по отношению друг к другу и рядом других признаков. Традиционно принято называть эти два типа арфой и лирой. Под арфой понимают инструмент, струны и резонатор которого находятся под углом 90° друг к другу, с

10–25 струнами разной длины и без подставки. У лиры струны и резонатор расположены параллельно, количество струн от 3 до 12, все струны одинаковой длины и есть подставка для струн (см, напр., Betz 1999: 3–9). Если мы обратимся к археологическим находкам струнных инструментов в германоязычных странах и к рисункам этих инструментов в раннесредневековых рукописях и сравним эти данные с названием этих музыкальных инструментов в древних германских языках, то окажется, что арфой на древних германских языках (ср. др.англ. *hearpe,* др.вн. *harpfa*, др.исл. *harpa* < герм. **harpō*, ср. германское заимствование *harpu* в финском) называется то, что соответствует лире. Германская лира имеет симметричную форму с укрепленными на подставке струнами одинаковой длины, количество которых обычно не больше шести – Bruce-Mitford 1970: 9). На территории современной Германии археологи нашли 18 лир (V–IX вв), наиболее хорошо сохранившаяся из них была найдена сравнительно недавно в местечке Троссинген (Баден-Вюртемберг), см. Theune-Großkopf 2008. В Англии найдено шесть лир (вернее то, что от них осталось), самая ранняя из них лира V века из Эбингдона (Беркшир) (Bruce-Mitford 1970: 7–10). Самая известная древнеанглийская лира найдена в Саттон Ху (рубеж VI–VII века) в захоронении в ладье (ibid.). В древнеанглийской поэзии мы находим обозначение лиры и простым словом (*hearpe*) и кеннингами (*gomenwudu* ‘дерево радости’ или *gleobeam* ‘поющее дерево’). Прямое указание на исполнения «песнесказания» под аккомпанемент лиры мы находим в древнеанглийском Видсиде (стр. 103–105) ‘…мы со Скиллингом возгласили / голосами чистыми / зычно перед хозяином / песносказание (*song*!) наше / под звуки арфы (*bi hearpan*), / звонко текущие’ (Пер. В. Г. Тихомирова).

Считается, что древнезападногерманские певцы исполняли эпос в сопровождении лиры, а в скандинавской традиции не было музыкального сопровождения (Russom 1998: 11). Однако и в Скандинавии в двух местах были найдены детали лир, ср. костяную подставку из местечка Бруа на Готланде (около 800 г.) и части двух лир из Хедебю (IX век) (Lawson 1984: 151–159). Арфы (др.исл. *harpa,* обозначающее лиру) упоминаются в Старшей Эдде в Прорицании провидицы (Völ. 42) говорится о том, что пастух великанши веселый Эггдер играет на арфе, а в Гренландской песни об Атли (Akv. 31) и Гренландских речах Атли (Am. 66), на арфе пальцами ног играет Гуннар. И этот мотив, судя по изображениям на рунических камнях и резным фигурам в древненорвежских деревянных церквях, был очень распространенным. Возможно, подобно исполнению Калевалы и под аккомпанемент струнного инструмента (*harpu*), и без аккомпанимента (см., напр., Andersson 1936: 70–72) в скандинавской традиции были возможны два типа исполнения, т.е. пение и под аккомпанемент лиры, и без него. В древнеисландском исполнение текста обозначалось глаголом *kveða*, который значил и говорить, и петь. Существительное *kvæði* обозначало поэтический текст и песнь. Т. е. язык не делал различия между проговариванием и пением поэтических текстов. Однако считается, что когда в сагах подчеркивается красота голоса, как в частности при

нельзя. Поскольку предполагаемое Сиверсом свободное метрическое чередование пяти типов никак не укладывалось в представление о пении германского эпоса, Сиверс предполагал, что германский эпос не пелся, а исполнялся речитативом (Sievers 1905: 4).

По другому пути пошел Хойслер, который считал, что метрика стиха не всегда соответвует просодике языка, и именно этим древнегерманская поэзия (и поэзия вообще) и отличается от прозы. Именно поэтому Хойслер обвинял Сиверса в том, что тот проводил исследование языкового материала, из которого состоят стихи, а не сами стихи (Heusler 1969: 693). Древнегерманский стих, каким мы его застаем в дошедших до нас памятниках, отличался по Хойслеру от прозы не только аллитерацией, а, прежде всего, просодической структурой. Для древнегерманского стиха была характерна изохрония полустиший и изохрония двух тактов внутри каждого полустишия. По Хойслеру все такты оказываются просодически равноценными и составляют 4/4. В том случае, когда не хватает просодической массы для достижения изохронии, в полустишьях появляются паузы (ср. музыкальный такт). Манипуляции Хойслера с паузами могут показаться произвольными, и действительно, можно, вероятно, предположить и другие комбинации распределения долей и пауз, в частности усилить вершины и убрать таким образом часть пауз, делая все аллитерирующие долгие слоги не половинными долями как у Хойслера, а трехчетвертными. На такую возможность указывал сам Хойслер (Heusler 1956: 31). Хойслер признавал и возможность окказионального удлинения долгих слогов. В таком случае при подольном пропевании можно предположить выделение каждой моры долгого слога (¼ ¼ – *ru-un*), а в случае окказионального метрического удлинения и увеличение долей до трех (¼ ¼ ¼ - *ru-u-un*), четырех и более долей (¼ ¼ ¼ ¼ *ru-u-u-un*), как это происходит, например, в саамских йойках. Что касается числа безударных слогов, то по Хойслеру, чем больше их было, тем быстрее они пропевались (Heusler 1943: 380).

Признавая возможность окказионального удлинения и сокращения долгого слога, Хойслер отрицал возможность

описании колдовства в Саге об Эйрике Рыжем (гл. 4) *með fegri raust kveðit* «исполнила красивым голосом», или красота исполнения, как в описании колдовства в Саге о Людях из Лососиной долины (гл. 37) *fögur var sú kveðandi* ‘красивым было это исполнение (песнь)’, речь идет именно о пении (см., напр., Heusler 1929: 39).

окказионального удлинения краткого слога (Heusler 1969: 700–701; 1956: 139). Так же думал и последователь Хойслера Поуп (Pope 1966: XIII), которрый считал, что древнегерманский аллитерационный стих исполнялся не в размере 4/4, как у Хойслера, а в размере 4/8 (ibid., 26). Более радикальной в своих ранних работах была О. А. Смирницкая, предполагавшая не только возможность сокращения долгих гласных, но и удлинения кратких гласных: «стих, рассчитанный на устное исполнение, а тем более декламируемый под музыкальный аккомпанемент, обязательно обладает свойством изохронии единиц, т. е. приблизительно одинаковой их протяженностью во времени». Такая изохрония «**неминуемо приводила к деформации языковых долгот, к растяжению кратких гласных и сокращению долгих**» (Выделение мое ЮК) – (Смирницкая 1970: 76–77). К сожалению, Ольга Александровна не развила эту мысль, приняв впоследствии гипотезу Сиверса о полном соответствии языковой и стиховой просодики. Однако именно предположение о возможности окказионального удлинения кратких слогов представляется мне важнейшим при интерпретации древнегерманской поэзии.

Старшерунические размеры близкие к форнюрдислагу

Равносложные строки

В нескольких надписях можно обнаружить равное количество слогов в кратких строках. Самая очевидная равносложная стихотворная надпись-заклинание со сквозной аллитерацией нанесена на оселок из Стрёма (Strøm, Норвегия, 600 г.?) **watehalihinohorna / hahaskaþihaþuligi** *wātē halli hino, horna / hāha skaþi, hāþu liggi* «Смачивай этот камень, рог! Серп, срезай! (букв. вреди), Скошенная трава, лежи!». Здесь также сквозная аллитерация на /h/ всех четырех ударных корней (АА/АА) в двух длинных строках. Причем в трех слогах с аллитерацией на /h/ аллитерируют целые слоги /ha/. В этой надписи отмечают не только аллитерацию, но и строгий хореический ритм, заключающийся в чередовании ударных и безударных слогов (в каждой строке по восемь слогов) – (Krause 1966: 112). Если мы посчитаем моры, то окажется, что в первом и во втором полустишии разное количество мор (12–10). Хотя путем добавления пауз можно добиться изохронии строк, в их языковом просодическом виде, однако более естественным кажется окказиональное сокращение долгого

(безударного) ē в *wātē* и окказиональное удлинение *i* в *hino* и *a* в *skaþi* (именно такие изменения и произойдут впоследствии в скандинавских языках), что превращает заклинание в стих не только с равным количеством слогов в полустишьи, но и с равным количеством мор. В размере 4/4 эту надпись можно представить себе как[8]: ¾ ¼ (сокр.) / ¾ ¼ // ¾ (удл.) ¼ / ¾ ¼ /// ¾ ¼ / ¾ (удл.) ¼ // ¾ ¼ / ¾ ¼. Возможен и даже более естественен в данном случае и размер 3/4, т. е. ½ ¼ / ½ ¼ // ½ ¼ / ½ ¼ // ½ ¼ / ½ ¼ // ½ ¼ / ½ ¼. Хотя задачи у рунического заклинания на оселке из Стрёма и руническими надписи на памятных камнях разные, думается, что функционально мы можем найти много общего между ними (и то, и другое заклинание, см. выше).

Возможно, одна из самых ранних надписей старшими рунами, в которой мы обнаруживаем две равносложные краткие строки (с одним затактом *ni*) с аллитерацией - это надпись на части ножен из Торсберга (Thorsberg, Дания, KJ 20, 160–240 гг.) **owlþuþewaR / niwajemariR** *Wolþuþewa*R */ ni**w**aje-māri*R* Вольтутевар (Слуга Улля), немало известный»[9]. В размере 4/4 эта надпись выглядит ¾ ¼ / ¾ (удл.)¼ // (*ni* – затакт) ¾ (удл.) ¼ / ¾ ¼, но и в данном случае более естественным кажется размер 3/4: ½ ¼ / ½ ¼ // x ½ ¼ / ½ ¼ (*wo-ll-þu þe-e-waR (ni) wa-jj-je ma-a-riR*). Эта надпись II–III вв. н. э. показывает нам уже абсолютно сложившуюся длинную строку форнюрдислага с четырьмя вершинами и с аллитерацией на /w/, связывающей две краткие строки. В данном случае мы тоже сталкиваемся с равным количеством слогов в каждом полустишье, однако и в этом случае следует предположить возможность окказионального удлинения в *þewaR* >**þēwaR* и *waje* > **wajje* (в таком случае получаются абсолютно просодически симметричные строки не только с равным количеством слогов, но и с равным количеством мор (6) и долей (6 при зазмере 3/4 или 8 при размере 4/4) в каждом полустишье.

В надписи на камне из Ерсберга (Järsberg, Швеция, VI век?) **...ubaRhite harabanaR | hait | ekerilaR | runoRw | aritu |** *UbaR h(a)itē, HrabnaR hait(ē), / ek erilaR rūnōR wrītu.* «Коварным называюсь, вороном называюсь, я, эрилар (мастер руницеского письма), пишу руны» тоже равное количество слогов (по 8) и

[8] / – граница такта, // – граница полустишия, /// граница долгой строки.
[9] Предполагается, что **ow** ошибочно написано вместо **wo** (т. е. **owlþuþewaR** вместо ***wolþuþewaR**) – (Düwel 2001: 26).

неравное количество мор (13 vs 11). Окказиональное сокращение безударного *ē* в *haitē* и окказиональное удлинение начального краткого гласного в *UbaR* и *erilaR* позволяет достичь в двух полустишьях равного количества мор (по 12). В таком случае первая долгая строка надписи в размере 3/4 *UbaR / h(a)itē // HrabnaR / hait(ē)//* выглядит не только изохронично, но и абсолютно симметрично ½ ¼ / ½ ¼ // ½ ¼ / ½ ¼ . Соответственно вторая строка *ek erilaR / rūnōR wrītu* могла бы выглядеть как ¾ (*e-e-ek*) / ¼ ¼ ¼ // ½ ¼ / ½ ¼ (с удлинением до трех долей *ek* и сокращениями во втором слоге *rūnōR*). Аллитерация на /h/ в первой строке не распространяется на вторую краткую строку, которая, однако может быть связана с первой краткой строкой аллитерацией на гласный ***U**baR – **e**rilaR*. В подольном исполнении эта надпись могла выглядеть так: *u-u-baR ha-ai-te / hra-ab-naR /ha-ai-te // e-e-ek / e-ri-laR // ru-u-noR wri-i-tu.*

В рунических надписях нет свойственного скандинавской традиции запрета на аллитерацию в четвертой вершине, см. выше надпись на оселке из Стрёма. Такую аллитерацию (AB/CA) показывает и равносложная надпись на брактеате из Вэсбю и Эскаторпа (Väsby, Äskatorp, Швеция, V–VI вв.): **uuigaReeilaRfxhiduuuilald** ***W**īgaR* (или ***W**ingaR) erilaR // fāhidō **w**īlald* «Вигар эрилар, я написал на брактеате (букв. на искусно сделанной вещи)». В этой надписи равное количество слогов в полустишье (по 5) в размере 4/4 (¾ ¼ / ¼ ¼ ¼ ¼(пауза) или окказиональное удлинение первого слога в *erilaR* // ½ ¼ ¼ (сокр.) ½ ½) , однако и в данном случае можно предположить размер 3/4 (т. е. ½ ¼ / ¼ ¼ ¼ // ¼ (сокр.) ¼ ¼ (сокр.) / ½ ¼).

Неравносложные строки

В части надписей неравное количество слогов в кратких строках. В таком случае, если соблюдать требование изохронии, приходится предполагать либо паузы, следуя Хойслеру, либо окказиональное удлинение кратких или сокращение долгих слогов.

В надписи на золотом роге из Галлехуса (Gallehus, Дания, 400 г.) можно увидеть и аллитерацию и предположить четырехтактную длинную строку **ekhlewagastiR holtijaR / horna tawido** *Ek **H**lewagastiR **H**oltijaR / **h**orna tawidō* ‘я, Хлевагаст из Хольта (или из рода Хольтов), сделал рог’ (см. литературу Naumann 1998: 702). Ритмическую структуру этой надписи можно представить в размере 4/4 как *ek* (затакт) *HlewagastiR* ¼

¼ ¼ (сокр)¼ *HoltijaR* ½ ¼ ¼ // *horna* ¾ ¼ *tawidō* ¼ ¼ ½ (или при разделение на четвертные доли (*ek* затакт) *hle-wa-ga-stir ho-ol-ti-jar // ho-o-or-na ta-wi-do-o*).

Аллитерацию на разные гласные можно увидеть в надписи на камне из Росселанна (Rosseland, Норвегия, V век?) **ek wagigaR irilaR agilamudon** *Ek WagigaR **i**rilaR / **A**gilamu(n)dōn* (дат. или род.) ‘Я, Вагиг, мастер рунического письма (эриль), Агиламунде’ или ‘Я, Вагиг, эриль Агиламунды’. В зависимости от того в родительном или в дательном стоит имя Агиламунда можно предположить разную структуру длинной строки: либо *Ek WagigaR **i**rilaR / **A**gilamu(n)dōn* (дат.), либо *Ek WagigaR / irilaR Agilamu(n)dōn* (род.). Во втором случае приходится вставить паузу в $^{4}/_{4}$ вместо второй стопы, поэтому метрически более вероятна первая трактовка и размер 4/4 или 3/4. Вместо пауз, которые должны были бы быть в этом тексте, если бы мы следовали Хойслеру, можно предположить возможность окказионального удлинения кратких в *irilaR* и *Agilamu(n)dōn,* что кажется мне более естественным решением: ¼ ¼ ¼ ¼ / ½ (удл.) ¼ ¼ // ½ (удл.) ¼ ¼ / ½ ½ . Если вынести *ek* в затакт, то мы получаем размер 3/4: *ek* (затакт) ¼ ¼ ¼ / ¼ ¼ ¼ // ¼ ¼ ¼ / ½ ¼ (сокр.), с единственным окказиональным просодическим изменением (сокращение безударного долгого *o* в последнем слоге).

В надписи из Бю (By, 71, Норвегия, VI век?)

ekirilaRhroRaRhroReRorteþataRinautalaifudR…| rmþï

*Ek, **i**rilaR, HrōRaR HrōReR, // **o**rtē þat **a**Rina **ū**t **A**laifu(?)...*

‘Я, эриль, Хрор из рода Хрора приготовил эту (каменную) плиту для Алайва…’

мы сталкиваемся с аллитерацией на гласные, которая связывает первую и вторую краткие строки. Как мы видим все слова второй строки, кроме *þat*, начинаются на гласные, т. е. структура аллитерации оказывается ABB/AAAA. Во второй строке больше мор и слогов, поэтому можно предположить в ней большие сокращения, в частности рассмотрение первых двух слов ***o**rtē þat* как $^{1}/_{8}{}^{1}/_{16}$ (сокр), $^{1}/_{16}$ + в позиции «главной буквы» стоит ***a**Rina* («каменная плита» ¼ ¼ ¼). Весь текст ¼ ¼ ¼ ¼ / ¼ (сокр.) ¼ ¼ (сокр.) ¼ // $^{1}/_{8}$ $^{1}/_{16}$ $^{1}/_{16}$ (затакт) ¼ ¼ ¼ ¼ (сокр.) / ¼ ½ ¼[10]. И в данном случае возможен размер 3/4, если мы представим *ek* как ¾ (*e-e-ek*).

[10] Если справедливо, что последовательность **rmþï** обозначает *ristilaR mistilaR þistilaR īwaR* (защитная формула «резало (инструмент для

В надписи на камне из Рейстада (Reistad, Норвегия V? Век) можно предположить двойную аллитерацию ABAB: **iuþingaR ekwakaR : unnam wraita** ***J**uþingaR ek **W**akaR / **u**ndnam **w**raita* ‘Юдинг, я Вакар умею резать руны’ с аллитерацией на гласный (с ударной приставкой) в традиционных для форнюрдислага позициях и с аллитерацией на согласный /w/ в нетрадиционных для форнюрдислага позициях. Такого типа двойная аллитерация нехарактерна для поэзии скандинавских письменных памятников, но есть в западногерманской поэзии. Ритмическую структуру надписи в размере 4/4 можно представить себе в виде ¼ ¼ (сокр.) ¼ ¼ / ¾ (удл.) ¼ // ¾ ¼ / ¾ ¼. Более естественно представление этой надписи в размере 3/4 с окказиональным сокращением второго слога в *JuþingaR*.

Возможно, четвертая вершина аллитерирует (повтором) и в плохо сохранившейся надписи на камне из Рё (Rö, Швеция, около 400 г.) **ekhraRaRsatidoxtain /// swabaharjaR**..... / **sxirawidaR ///stainawarijaRfahido** *Swābaharjaʀ... / s(a)irawīdaʀ. // **St**ainaw**a**rijaʀ / (f)āhidō. ek Hra(ʀ)aʀ satidō [s](t)ain[a] ana* ??? (AB/AC // A. ‘Свабахаръяр …с большими ранами. Я, Стайнаваръяр, начертал (собств. окрасил). Я Храрар поставил камень на…’. Начало этой надписи ***S**wābaharjaʀ **s**(a)irawīdaʀ. **St**ainaw**a**rijaʀ (f)āhidō* можно представить в размере 4/4 как ¾ ¼ / ¾ ¼ // ¾ ¼ / ¾ ¼ // ¾ ¼ / ¾ ¼ // ¾ ¼ ½ ½, но и в данном случае более естественен размер 3/4 (½ ¼ / ½ ¼ // ½ ¼ / ½ ¼ /// ½ ¼ / ½ ¼ // ½ ¼ / ½ ¼ / ½ ¼ (пауза) или удлинение долгого *o* до трех долей, т. е. *fa-a-hi do-o* +¼ пауза или *fa-a-hi do-o-o*).

Еще одна особенность, отличающая рунический размер от скандинавского форнюрдислага, и в большей степени соответствующего западногерманскому размеру – это аллитерация на одинаковые гласные. Такая аллитерация была редкой и в древней западногерманской поэзии, но относительно часто встречается в рунических надписях. Наиболее яркий пример аллитерации такого типа это надпись на пряжке из Вимосе (Vimose, Дания, 210–260 гг.), где мы имеем дело с аллитерацией на носовую гласную (см. этимологию слова «ас», др.исл. *áss* < **ansuz*) или, по другой трактовке, на сочетание /an/. Надпись

нанесения рун), омела, чертополох, тис», см. подробнее об этом Кузьменко 2015), то и эта строка может быть представлена как две кратких строки либо в размере 4/4 (½ ¼ ¼ / ½ ¼ ¼ // ½ ¼ ¼ / ¾ ¼), либо в размере 3/4 при сокращении первых слогов в *ristilaR, mistilaR* и *þistilaR* (¼ ¼ ¼ / ¼ ¼ ¼ // ¼ ¼ ¼ / ½ ¼) .

aadagasu / laasauwija читается и интерпретируется Зеебольдом как **a a(n)da g a(n)sula a(n)sau wija** *Ás(au) anda gebo ansula ansau wīja* «Ас(у) (название руны **a**) с предлогом – наречием **a(n)da** в постпозиции (т. е. «Асу») дар (название руны **g**) фибулу посвящаю (Seebold 1994)[11]. Теоретически можно представить себе эту надпись либо как одну длинную строку ***Á**s(au) **a**nda gebō // **a**nsula **a**nsau wīja* либо как сочетание трех пар двухвершинных кратких строк ***Á**s(au) **a**nda // gebō **a**nsula // **a**nsau wīja.* По первой трактовке мы получаем аллитерацию на четвертй вершине, по второй, более вероятное смысловое и метрическое членение (¾ ¼ / ¾ ¼ // ½ (удл.) ½ / ½ ¼ ¼ // ¾ ¼ / ¾ ¼). Можно представить себе и более регулярную метрическую структуру с повторяющимся типом ¾ ¼, если предположить возможность количественного изменения в *gebō **a**nsula* (¾ ¼ / ¾ ⅛ ⅛) т.е. ¾ ¼ / ¾ ¼ // ¾ ¼ / ¾ ⅛ ⅛ // ¾ ¼ / ¾ ¼). Возможно в данном случае мы имеем строку, состоящую не из двух, а из трех кратких строк, что метрически больше похоже на льодахатт (см. ниже). И эту надпись можно представить себе в размере 3/4, с более естественным распределением долей, т. е. не ¾ ¼, а ½ ¼.

Аллитерацию на одинаковые слоги мы находим и в «полной» строке размера, соответствующего льодахатту, в надписи на камне из Туне (подробннее об этой надписи см. ниже) ***ar**bija **ar**jōstēR **ar**bijanō* «Тризну (приготовили) – самые знатные из наследников».

Только размер 3/4 можно предположить и для надписи на брактеате из Скодборга (Skodborg, Дания, V–VI вв.) **aujaalawinaujaalawinauja alawinjalawid** ***A**uja **Ala**win, / **au**ja **Ala**win, / **au**ja **Ala**win, / j(ār) **Ala**wīd* ‘удача Алавин, удача Алавин, удача Алавин, хороший год Алавид’, в которой можно увидеть аллитерацию на одинаковые гласные: ½ ¼ / ¼¼¼ // ½ ¼ / ¼¼¼ /// ½ ¼ / ¼¼¼ // ¾ / ¼ ¼ ¼(сокр.). При выделении каждой доли мы получаем такой ритм *a-u-ja / a-la-win... ja-a-ar / a-la-wid* (сокр.). В данной надписи не две, а три краткие строки связаны сквозной аллитерацией.

---

[11] Существуют и другие чтения и интерпретации этой надписи (см. KRP), однако большинство из них не противоречит трактовке этой надписи как строки форнюрдислага. См., напр., у Краузе : *a* (название руны **a** «ас») – *an Andags, Ansula, asau wiju* « Ас (название руны). Андага (аккузатив), посвящаю я, Ансула, асу» (Krause 1966, 60).

Размеры, близкие к льодахатту

Однако не только форнюрдислаг и близкие к нему размеры встречаются в надписях старшими рунами. Здесь есть и прообраз льодахатта (*ljóðaháttr* «размер песень») и его разновидности гальдралага (*galdralag* «размер заклинаний»). В льодахатте после двух кратких строк, связанных аллитерацией, идет двухвершинная или трехвершинная строка с внутренней аллитерация, которую Сиверс называл «полным стихом» (Sievers 1893), а в гальдралаге таких строк с внутренней аллитерацией больше чем одна.

Прообраз льодахатта мы встречаем в надписи на брактеате из Чюркё (440–560 гг.) **wurte runoR an walhakurne heldar kunimu(n)diu** ***W****ur(h)tē rūnōR an* ***w****alhakurnē HeldaR Kunimu(n)diu* ‘Сделал руны на зерне кельтов Хельдар Кунимунду’. Эту надпись можно представить как четырехвершинную длинную строку, состоящую из объединенных аллитерацией на /w/ двух кратких строк ***W****ur(h)tē /rūnōR // an* ***w****alha/kurnē,* за которой следует трехвершинная («полная») строка *Hel**d**aR Kuni-mu(n)diu.* При предположении об изохронии стоп надпись можно представить себе и в размере 4/4: ½ ½ (или при сокращении безударного слога в *wurhtē* ¾ ¼) ½ ½ (или при сокращении безударного слога в *rūnōR* ¾ ¼) // x ¾ ¼ ¾ ¼ (сокр.) // ¾ ¼ / ¾ (удл.) ¼ / ¾ ¼ и размер 3/4 с сокращением безударных слогов в *wurhtē* и *rūnōR* и с удлинением краткого корневого слога в *Kuni-*. В соответствии с правилом скандинавского льодахатта в этой надписи после двух связанных аллитерацией кратких строк ***W****ur(h)tē rūnōR // an* ***w****alha****k****urnē* следует строка с тремя иктусами *HeldaR* ***K****uni-mu(n)diu.* Однако, в отличие от традиционного скандинавского льодахатта, в котором третья строка всегда имеет аллитерацию внутри строки (см., напр., *ek veit ein / at aldri deyr /* ***d****omr um* ***d****auðan hvern* ‘Я знаю одно, что никогда не умирает, слава о каждом умершем’ Háv. 77), в надписи на брактеате из Чюркё такой внутренней аллитерации в третьей строке нет, хотя сохраняется традиционная трехвершинная структура строки. Отсутствие внутренней аллитерации в третьей строке сочетается с необычной для традиционного льодахатта аллитерацией, связывающей третью строку со второй (*walha****k****urnē* – ***K****unimu(n)diu*). Связь третьей строки со второй была возможна и в традиционном скандинавском льодахатте (см. начало стиха процитируемого выше) ***D****eyr fé /* ***d****eyia frændr /* ***d****eyr sjálfr it sama* (Háv. 77) ‘Уми-

рает скот, умирают родичи, и ты сам умрешь', где аллитерация на *d* и повтор слова связывают третью строку с двумя предыдущими при сохранении традиционной аллитерации внутри третьей строки (*sjálfr it sama*). В надписи на брактеатте из Чюркё такой внутренней аллитерации нет, но сохраняется трехвершинная просодическая структура, характерная для последней строки льодахатта.

Размер сходный с льодахаттом, в котором строфа завершается строкой с внутренней аллитерацией использован и на камне из Туне (Tune, Норвегия, 400 г.?) **ekwiwaRafterwoduri / dewitadahalaiban : worahto / Rwoduridestaina / þrijoRdohtriRdalidun / arbijarjosteRarbijano** *ek WīwaR after Wōdurīde wita(n)dahlaiban worhtō ...(rūnō)R. Wōdurīde staina þrījōR dohtriR dālidun arbij(a) arjōstēR arbijanō* 'Я Вивар в честь Водурида, хранителя хлеба (т. е. господина) нанес (руны). Водуриду камень поставили три дочери, тризну (приготовили) – самые достойные из наследников' Краузе и многие всед за ним читают последние слова как *arbija arjōstēR arbijanō* «Тризну (приготовили) – самые знатные из наследников» (см. Krause 1966 и KRP)[12]. Можно представить эту надпись как две длинных строки в размере 4/4, каждая из которых состоит из двух кратких строк с двумя вершинами и со сквозной аллитерацией AA AA 1. *ek WīwaR* x ¾ ¼ */after Wōdurīde* $^{1}/_{16}$ $^{1}/_{16}$ ½ ⅛ ⅛ (сокр) ⅛ // 2. *wita(n)dahlaiban* ½ (удл) ¼ ¼ ¾ ¼ / *worhtō (rūnō)R* ¾ ¼ (сокр.) ¾ ¼ (сокр.) // за которыми следует строка с тремя вершинами в каждой краткой строке *Wōdurīde staina* ¾ ¼ / ¾ ¼ / ¾ ¼ // *þrījōR dohtriR dālidun* ¾ ¼ (сокр.) ¾ ¼ ½ ¼ ¼. Первое слово этой строки связывает ее алитерацией с двумя предыдущими длинными строфами. Заканчивается надпись полной строкой льодахатта с тремя вершинами и не только с тройной аллитерацией одинакового гласного (*a*), но и с аллитерацией целых ударных слогов ***ar****bija* ***ar****jōstēR* ***ar****bijanō* (см. выше). Ритмическая структура последней строки надписи из Туне могла быть такой ½ ¼ ¼ / ½ ¼ (сокр.)¼ (сокр.) / ½ ¼ ⅛ ⅛ (сокр.).

Гальдралагом, размером связанным с льодахаттом, написана и надпись на камне из Нолебю (Noleby, Швеция, 400 г.). Хотя не все в этой надписи ясно, очевидно, что надпись пронизана аллитерацией, а заканчивается она двумя строками, каждая из

[12] Существуют и альтернативные чтения и интерпретации этой строки (см. и KRP)

которых имеет аллитерацию только внутри строки: **runo(f)ahiraginakudotoje(*k*)a / unaþou : suhurah** (?) **: susi** (?) **(hw)atin / hakuþo** *Rūnō fāhi raginaku(n)dō tōj-eka unaþu suhurah (?) susi (?) (hw)atin hakuþo* «Руну пишу (окрашиваю) я, происходящую от высших сил, даю (умершему) покой, *suhurah (?) susi (?),* (пусть эти слова) подстегнут (букв. заточат) Хакодура». Надпись заканчивается двумя «полными строками», т. е. строками только с внутренней аллитерацией, *suhurah (?) susi (?)* и *(hw)atin hakuþo*, характерными для размера заклинаний (*galdralag*), который отличается от льодахатта с одной «полной строкой» дополнительными «полными строками». Что касается начала надписи, то здесь тоже есть аллитерация *Rūnō fāhi raginaku(n)dō*. Эту строчку можно представить как длинную строку, состоящую из двух связанных аллитерацией кратких строк *Rūnō fāhi / raginaku(n)dō*. Единственная строка без аллитерации – это *tōj-eka unaþu*, если только не предполагать маловероятную аллитерацию на гласные в ***e**ka – **u**naþu*. Однако и в этой строке очевидна двухвершинная структура так же как и у всех остальных пар. Соответственно, мы можем предположить гальдралаг, состоящий из длинной строки *Rūnō fāhi / raginaku(n)dō* и трех «полных строк» */ tōjeka unaþu / suhurah (?) susi (?)/ (hw)atin hakuþo*. В отличие от надписи на камне из Туне в «полных строках» не три, а две вершины. Метрическая структура этой строки в размере 4/4 *Rūnō fāhi* ¾ ¼ / ¾ ¼ // *raginaku(n)dō* ½ (удл.) ¼ ¼ / ¾ ¼ /// *tōjeka unaþu* ½ ¼ ¼ / ½ (удл.) ¼ ¼ // *suhurah (?) susi (?)* ½ ¼ ¼ / ¾ (удл.)¼ // *(hw)atin hakuþo* ¾ (удл.) ¼ ½ (удл.) ¼ ¼. Вполне соответствует в этой надписи и размер 3/4, т. е. интерпретация слов с долгим первым слогом и кратким (или сокращенным) вторым не как ¾ ¼, а как ½ ¼. Использование размера заклинаний в надписи на камне из Нолебю, в которой употреблены и два магических слова неясного значения (*suhurah (?) susi (?)*) вполне уместно. Отметим также, что техника стиха в данном случае гораздо более свободна, чем в традиционном, известном нам из Эдды гальдралаге, поскольку в стих включены строки, связь которых с предыдущими обеспечивается только метром, но не аллитерацией (*tōjeka unaþu*), ср. надпись на брактеате из Чюркё и на камне из Туне.

Особый тип гальдралага с повтором полной строки мы можем предположить в надписи на древке копья из Крагехуля (Kragehul, Дания 400–500 гг.)

ekerilaʀasugisalasmuhahaitegagagaginugahe[?]lija[?]hagalawij ubig[?] | *ek Erilaʀ Āsugīsal(a)s mūha haitē. G(eba) a(nsuR), g(eba) a(nsuR), g(eba) a(nsuR)* (или *g(ibu) a(uja)* три раза), *ginnunga-ga he...lija ... hagal(a) wī[g]ju bi g[aiʀa]* ‘Я, эриль, называюсь воином (или сыном) Асугисла. Дар (название руны **g**) асу (название руны **a**), т. е. вотивный клад асу, или даю удачу (три раза), огромный дар асу **ga.** (или огромную удачу) ??? Погибель (букв. «град»-название руны **h).** Освящаю копье (???)’.

Эту надпись можно представить как длинную строку 4/4: ***Ek Erilaʀ Āsugīsal(a)s / mūha haitē***, ¼ ¼ ¼ ¼ / ½ ⅛ ⅛ (сокр.) ⅛ ⅛ // ¾ ¼ / ¾ ¼ (сокр.), без связывающей краткие строки аллитерации, за которой следует еще одна длинная строка с троекратным повтором *g(eba), a(nsuR)* (или *g[ibu] a[uja]*) с еще одним упоминанием **ga** (*ginnunga* **ga**), которое следует читать дважды (**ginuga** = *ginnunga-ga*) т.е. ***g****(eba) a(nsuR),* ***g****(eba), a(nsuR) /* ***g****(eba), a(nsuR) /* ***g****innunga-g(eba) a(nsuR)* с аллитерацией на /g/, пронизывающей всю длинную строку. Возможно в конце этой части надписи мы имеем дело с трехвершинным выделением, характерным для льодахата и гальдралага ***g****innunga-****g****(eba) a(nsuR).* Конец надписи сильно испорчен, но мы можем и в данном случае предположить аллитерацию на /h/ (*he….- hagala*).

Надписи на камнях из Листера (Стентофтен, Бъёркеторп) и на на камне из Эггъюма

Самые объемные старшерунические тексты мы находим на камнях из Стентофтена и Бъёркеторпа и на камне их Эггъюма. Предположение о поэтическом характере надписи из Эггъюма (Eggjum, Норвегия, 600–700 г.) уже неоднократно высказывалось (см., напр., Krause 1966: 227–235). Рассмотрим эту надпись с точки зрения исполнения этого заклинания. Трудности чтения (целый ряд рун не читаются) и толкования (надпись из Эггъюма не имеет аналогий) самой длинной надписи старшими рунами определили возможность нескольких интерпретаций части надписи, однако многое читается всеми рунологами одинаково. То, что в надписи понятно, позволяет заключить, что перед нами стихотворная или частично стихотворная форма, правда часто гораздо более свободная, чем формы скандинавской эпической поэзии, см., надпись с предполагаемым разделением на слова и на фразы по Краузе:

ni (i)s solu sot uk ni sAkse stAin skorin, ni xxxx maR nAkdan isnx(x)rxxR, ni wiltiR manR lAgi // hin wArb nAseu maR, mAde þaim kAibA i bormoþA huni. huwAR ob kam hArisa hi a lat gotnA fiskR oR fxxnAuim suwimade, fokl i fxaxx xxx gAlande // Alu misurki. 1). *Ni's sólo sótt /ok ni saxe stæin skorinn. //* 2). *Ni l[æggi] mannr* ***n****ækðan, / is* ***n****iþ rinnr. //* 3). *Ni viltiR mænnR / læggi a[b]. //* 4) *Hin(n) varp náséo* ***m****annR, / **m**áðe þæim kæipa í bor**m**óða húni //* 5). ***H****uæR ob kam **h**æriáss (?)* ***h****í á land gotna //* 6). ***F****iskr ór* ***f****[ir]na- *vim svimmande, / **f**ogl í **f**[i]an[da lið] galande // Alu *missyrki!* 'Камень не был освещен солнцем, и не был резан ножом; люди не должны обнажать камень при уменьшающейся луне, и безумные люди пусть не двигают его. Его обмазал человек морем трупа (т. е. кровью) и втер его (эту кровь) в уключены утомленной от просверливания (?) ладьи. Какой Войско-Ас пришел сюда в страну коней (или людей). Рыба из страшного? потока плывущая, птица в отряд врагов поющая. Защита от злодеяний'.

Это толкование в основном следует Краузе (Krause 1966: 228–232). Существуют и другие толкования (см. литературу в KRP), некоторые из которых значительно отличаются от приведенного выше.

Метрически надпись можно представить себе в размере 4/4 следующим образом: 1) *Ni's sólo sótt ok ni saxe stæin skorinn* (затакт *ni's*) ¾ ¼ / $^{4}/_{4}$ (сверхдолгтй слог) // ¼ ¼ ¼ ¼ / ½ / ¼ ¼ /// 2). *Ni l[æggi] mannr* ***n****ækðan, is* ***n****iþ rinnr.* (затакт *ni*) ¾ ¼ / ½ ¼ (сокр.) ¼ // ¼ ¾ (удл.) / $^{4}/_{4}$ (или ¾ и пауза ¼) /// 3). *Ni viltiR mænnR / læggi a[b]* (затакт *ni*) ¾ ¼ $^{4}/_{4}$ (или ¾ + пауза ¼) // ¾ ¼ / ¾(удл.) ¼ (пауза). Возможно третья строка была не длинной строкой форнюрдисдага, а строкой, соответствующей полной строке льодахатта, только без алитерации, а с выделением трех вершин, т. е. *Ni viltiR mænnR læggi a[b]* = (затакт *ni*) ¾ ¼ / $^{4}/_{4}$ / ¾ ¼) ///. 4) *Hin(n) varp náséo* ***m****annR, / **m**áðe þæim kæipa í bor**m**óða húni* (затакт *hin(n) varp*) ¾ ¼ (сокр.) / $^{4}/_{4}$ // ½ ¼ ¼(сокр.) / ½ ¼ ¼ // ¼ ½ ¼ / ¾ ¼ ///. 5) ***H****uæR ob kam **h**æriáss (?)* ***h****í á land gotna* ½(удл.) ¼ ¼ / ¼ ¼ ½ // ½ ¼(сокр.)¼ (сокр.) / ¾ ¼) /// 6) ***F****iskr ór* ***f****[ir]na-vim svimmande, / **f**ogl í **f**[i]an[da lið] galande.* Две последние строчки очевидно поэтические, где появляется редкая в таких случаях рифма. Можно предложить несколько вариантов размера этих строк (5/4, 3/4), но больше соответствует количественным соотношениям размер 4/4: ¾ ¼ (сокр.) / ½ ¼ ¼ / ½ ¼ ¼ // ¾ ¼ (сокр.) /½ ¼ ¼ / ½(удл.)¼ ¼ ///.

В данном случае также как и в длинной строке № 4 каждая краткая строка имеет не по две, а по три вершины. В целом длинные строки можно представить себе следующим образом 1. 4 вершины (2+2), 2. 4 вершины (2+2), 3. 4 вершины (2+2), 4. 6 вершин (3+3). 5. 4 вершины (2+2), 6. 6 вершин (3+3). Вне стиха *alu *missyrki.*

Все строки, кроме двух (*Ni viltiR mænnR / læggi a[b]* и *alu *missyrki!*) имеют аллитерацию: 1. AA/AA, 2. BA/AC, 3. 0, 4. BA/AA, 5. AA/AB, 6. AA/AA. Надпись начинается и заканчивается сквозной аллитерацией. В надписи на камне из Эггъюма наряду с аллитерацией и особым метром используются и другие поэтические средства. Здесь мы встречаем кеннинг для крови *náséo* ‘озеро (т.е. вода) трупа’, см. выше.

В надписи на камне из Стентофтена (Stentoften, Швеция (Блекинге), 650 г.?) и на сходной надписи на камне из Бъёркеторпа (Björketorp, Швеция, 675 г.?) также наряду с в основном связанными аллитерацией строками можно увидеть строки, где можно предположить только метрическое сходство с остальными. Ср. надпись из Стентофтена:

niuhAborumR / niuhagestumR / haþuwolAfRgAfj /
hAriwolAfRmAxxusnuhxe /
hideRrunonofelAhekAhederAginoronoR /
herAmAlAsARArAgeuwelAdudsAþAtbAriutiþ *Niu hAborumR niu ha(n)gestumR HAþuwolAfR gAf j(āra). HAriwolAfR mA[gi]u [i]s nū h[l]ē. H[a]ideRrūnōron(u) felAheka hedera gin(u)rūnōR herAmAlA[u]sAR ArAgeu wēlAd[a]ud[e] sā þAt bAriutiþ*

‘Девятью козлами, девятью жеребцами[13] Хадувольв дал «урожайный год» (название руны **j**). Харивульв мальчику (сыну?) теперь защита (?). Ряд славных рун прячу я здесь, волшебных рун. Да будет тот во власти беспокойства и беспутства, и умрет тот коварной смертью, кто это разрушит’.

Первые три вершины первой длинной строки надписи объединены аллитерацией *Niu*[14] ***h****AborumR, niu* ***h****angestumR / HAþuwolAfR gAf j(āra)*, причем аллитерирует не только согласная /h/, но сочетание /h/ с /a/ (***hA****borumR - **h**ang(i)stumR - **HA**þuwol^{a}fʀ*). Без вставных гласных получается размер 4/4: ¾ ¼/ ¾ ¼ // ¾ ¼ / ¾ ¼ /// ¾ (удл.) ¼ / ¾ ¼ // $^{4}/_{4}$ (удл.) / ¾ ¼ или ¾ (½ ¼ и т.д.). Первая длинная строка сохраняет правила

[13] Я принимаю чтение и толкование начала надписи, предложенную Л. Сантессон (Santesson 1989).
[14] В общескандинавском *i* в *niu* было долгим (др.шв., др.исл. *nío*)

форнюрдислага с отсутствием аллитерации на четвертой вершине. Дальнейший текст испорчен, но, если следовать чтению Краузе, можно и в следующем предложении увидеть длинную строку и аллитерацию, причем сквозную АААА: ***H**ariwol^{a}fR ma(gi)u [i]s nū (**h**l)ē / **h**[a]ideRrūnōron(u) fel^{a}heka **h**edera gin(u)r(ū)nōR.* В последней строчке надписи *her^{a}mala[u]saR ar^{a}geu wēlad[a]ud[e] sā þat b^{a}riutiþ,* которая, начинаясь на /h/, т.е. объединена аллитерацией с предыдущими строками, нет аллитерации, связывающей краткие строки этой длинной строки. Можно предположить, что в этом случае мы имеем дело не с аллитерационной, а только с метрической связью, т. е. увидеть в последней строчке длинную строку с цезурой после *wēlad[a]ud[e]*, т. е. *her^{a}mala[u]saR ar^{a}geu wēlad[a]ud[e] / sā þat b^{a}riutiþ.* Однако по смыслу более вероятна интерпретация заклинания ‘Да будет тот во власти беспокойства и беспутства, и умрет тот коварной смертью, кто это разрушит!’ как трех строк гальдралага (размера заклинаний) *her^{a}mala[u]saʀ / ar^{a}geu wēlad[a]ud[e] / sā þat b^{a}riutiþ* размера заклинаний, с двухвершинным выделением, но с отсутствием внутренней аллитерации. Сходную надпись мы находим и на камне из Бьёркеторпа (Björketorp, Швеция (Блекинге), 675?), большая часть которой совпадает с надписью из Стентофтена.

Мы видим, что в надписи на камне их Эггъюма и в надписях на камнях из Стентофтена и Бъёркеторп, также как и в надписях из Нолебю, Крагехуля наряду с краткими строками, в которых аллитерация сочетается с двумя или тремя вершинами возможны строки без аллитерации, стихотворный характер которых обеспечивается только метром. Встает естественный вопрос, не могут ли рунические тексты, где вообще нет аллитерации рассматриваться как стихотворные в том случае, если в них можно предположить метрическую повторяемость.

Надписи без аллитерации, связывающей полустишья

Из 18 рассмотренных выше надписей, в которых можно предположить регулярный повтор метрической структуры, 14 регулярно используют аллитерацию для связи кратких строк или аллитерацию внутри третьей строки льодахатта, но в четырех надписях одна из нескольких длинных строк или одна из «полных» строк не имеет связывающей краткие строки аллитерации или аллитерации внутри третьего полустишия. Именно эти четыре надписи позволяют нам предположить, что

и в надписях без аллитерации могла быть метрическая изохрония. Равное количество слогов (по 4) и равное количество мор (по 5) в двух кратких строках характерно для надписи на брактеате из Сконе I (Skåne I, V–VI вв.) **laþulaukaR gakaRalu** в которой приведены четыре формульных слова ***laþu, laukaR / ga(u)kaR, alu*** ‘приглашение, лук, кукушка, защита’. Если считать, что в каждой строке должно быть два такта по 4/4, можно предположить не паузы, как это сделал бы Хойслер, а удлинение кратких слогов в *laþu* и *alu:* ¾ (удл.) ¼ ¾ ¼ // ¾ ¼ ¾ (удл.)¼. Более естественным для этой надписи кажется и размер 3/4 (с тактом ½ ¼). В этой надписи аллитерация размещена только в первой краткой строке и не связывает краткие строки. Связь кратких строк определяется только повтором ритма.

Надпись на брактеате из Зеландии I (Seeland I, Дания, V–VI века) также можно представить как три кратких строки в размере 4/4 с аллитерацией только внутри первой краткой строки. Не исключено, что надпись заканчивается еще одной (теперь уже трехвершинной) строкой, которая заключена в комбинированной руне **ttt**: **hariuhahaitika farauisa gibuauja ttt** ***Ha****riūha* ***ha****iteka fārawīsa, // gibu auja / ttt* (*Týr, Týr, Týr*) «Хариухой называюсь, знающим опасность. Даю удачу. (Тюр, Тюр, Тюр – название руны **t**» ¼ ¼ ¼ ¼ / ½ ¼ ¼ // ¾ ¼ / ¾ ¼ // ½(удл.) ½ / ¾ ¼ // ½ ¼ (сокр.) ¼ (сокр.).

В надписи на скале из Вальсфьюра (Valsfjord, Норвегия, около 400 г.?) **ekhagustaldaRþewaRgodagas** *Ek hagustaldaR / þewaR Gōdagas* ‘Я, (молодой) воин, дружинник (или слуга) Годага’ можно также предположить повторяемость метрической структуры. Причем в первой полустроке возможно и *Ek hagustaldaR,* и *Ek hagu-staldaR.* Во втором полустишии также две вершины *þewaR Gōdagas.* Если предположить изохроническое исполнение в размере $^{4}/_{4}$, то эту надпись можно представить как ½ ¼ ¼ (или затакт + ¾ удл. ¼) / ¾ ¼ // ¾ (удл.) ¼ ½ ¼ ¼. Можно себе представить и размер ¾ (¼ ¼ ¼ / ½ ¼ // ½ (удл.) ¼ / ¼ (сокр.) ¼ ¼).

Возможна и только метрическая связь двух кратких строк в надписи на брактеате из Небенштедта I (Nebenstedt I, Нижняя Саксония, 400–500 гг.) **glïaugiRu ïurnR** *Glī-augiR / wī(j)u r(ū)nōR* «Я, Блескоглазый, освящаю руны», которую можно интерпретировать как 4/4 / ¾¼ // ¾¼ / ¾¼(сокр.), которая тоже могла быть произнесена и в размере 3/4 (¾/ / ½ ¼ // ½ ¼ / ½ ¼) предполагая окказиональное удлинение *glī-* до четырех (при

размере 4/4 или трех, при размере 3/4, долей, и сокращение безударного слога в *r(ū)nōR* до одной доли.

В некоторых надписях без аллитерации можно увидеть строку с тремя вершинами, которые были возможны в древней германской поэзии (см. выше), ср. надпись на амулете из Линдхольмена (Lindholmen, Швеция, начало VI века?) **ekerilaRsawilagaRhateka** *Ek erilaR / SawilagaR* (или *sā wīlagaR*) / *ha(i)teka* ‘Я, эриль, хитроумным (или Савилагом «Солнечным») называюсь’ ¼ ¼ ¼ ¼ / ¼ ¼ ¼ ¼ / ½ ¼ ¼ (4/4 x 3). Три вершины с равным количеством слогов (4+4+4) можно предположить и в надписи на камне из Мёйбру (Möjbro, Швеция, 450?) **frawaradaR anahahaislaginaR** *FrawarādaR ana hāhai is slaginaR* «Фраварадар на коне убит»[15] ¼ ¼ ¼(сокр.)¼ / ¼ ¼ ¼ (сокр.) ¼ / ¼ ¼ ¼ ¼ с сокращением долгого *ā* в *FrawarādaR* и *hāhai* (т.е. $^{4}/_{4}$ x 3).

Трактовка надписей такого типа как стиха наиболее уязвима, поскольку в этих надписях либо нет аллитерации, либо она не выполняет функции связи двух кратких строк, напоминая аллитерацию в Калевале. Однако, если справедливо предположение о сходстве метрической структуры этих надписей с метрической структурой надписей со связующей аллитерацией, то именно такие надписи могут показать нам, каким мог быть древний германский стих в раннюю эпоху.

Выводы

Такты: Если следовать гипотезе изохронии стоп и строк, то наиболее часто встречающиеся такты в надписях старшими рунами – это 4/4 и 3/4. Причем 17 надписей могли быть исполнены и в размере 4/4 и в размере 3/4, причем в некоторых из них размер 3/4 представляется более предпочтительным, поскольку он больше соответствует языковой просодике. Пять надписей соответствуют только размеру 4/4, а в одной надписи очевиден размер 3/4. Наиболее частотная единица это слово или часть слова, состоящее из биморного корня и одноморного окончания. При размере 4/4 это слово выглядит как ¾ ¼ с тремя долями долгого слога и одной долей краткого (др.-исл. *bi-i-i-ta*), при размере 3/4 это слово выглядит как ½ ¼, что более соответствует просодической структуре языка (на долгий слог приходится две доли (две моры), а на краткий одна доля (одна

[15] Есть и другие интерпретации этой надписи, см. KRP

мора), т. е. *bi-i-ta (др.исл. bíta)*, но *vi-ta* (др.-исл. *vita*). Предполагаемая возможность окказионального сокращения и удлинения слогов находится в русле тенденции просодических изменений. Вызванное требованием метра сокращение долгого гласного, как правило, затрагивает безударные суффиксальные долгие гласные (*rūnōR* > **rūnoR, fāhidō* > **fāhido, wātē* > **wāte* и т. п.), которые впоследствии и подверглись сокращению, а предполагаемые удлинения затрагивают только корневые краткие гласные (*þewaR* > **þēwaR, wakaR* > **wākaR, laþu* > **lāþu* и т.п.), которые впоследствии и подверглись удлинению.

Строка и размеры. Основной единицей метра старшерунических надписей была стопа с вершиной и спадом, как в известной нам древнегерманской поэзии. Именно разное количество стоп и их расположение в строке и приводило к появлению разных размеров. Наиболее часто надписи старшими рунами можно интерпретировать, как длинную строку, состоящую из двух кратких строк, каждая из которых имеет по две вершины (ср. надписи из Торсберга, Эйкеланна, Вэсбю, Эскаторпа, Сконе, Галлехуса, Росселанна, Опедала, Бю, Рейстада), что соответствует традиционному древнегерманскому размеру. В нескольких надписях мы обнаруживаем две и более длинные строки (Стрём, Ерсберг, Крагехуль Стентофтен, Рё, Эггъюм). Причем в некоторых из них четырехвершинные длинные строки (2+2) чередуются с шестивершинными 3+3 (Эггъюм, Стентофтен, Крагехуль). Есть несколько надписей, в которые состоят только из трехвершинной строки (Скодборг, Вимосе, Линдхольм, Мёйбру). При сочетании длинной строки с четырьмя вершинами с «полной строкой» или с несколькими «полными» строками с тремя или двумя вершинами в старших рунических надписях возникает размер, соответствующий льодахатту или гальдралагу. Именно такой размер можно предположить для надписей из Чюркё, Туне, Нолебю, Линдхольма и частично для надписей из Стентофтена, Бъёркеторпа, Эггъюма.

Аллитерация. В большинстве надписей аллитерация связывает краткие строки, что соответствует функции аллитерации в известной нам древнегерманской поэзии. Из 24 рассмотренных надписей в 14 аллитерация, связывающая полустишья регулярна, в 4 нерегулярна , и только в 6 ее нет вовсе. Причем в некоторых случаях аллитерация обнаруживает признаки, которые отличают ее от древнескандинавской и соответствуют древнезападногерманской аллитерации, ср. аллитерацию на

одинаковые гласные или на даже на целые слоги (Вимосе, Туне, Скодборг, Стрём), аллитерацию в последней четвертой вершине долгой строки (Вэсбю и Эскаторп), двойную ABAB (Рейстад) и сквозную аллитерацию AAAA (Туне, Рё, Стентофтен, Эггъюм). Однако несмотря на то, что в большинстве старших рунических надписях аллитерация традиционна в целом ряде надписей, в некоторых длинных строках ее может не быть (при наличии ее в других строках той же надписи, см. Нолебю, Эггъюм, Стентофтен. Бъёркеторп). Нет аллитерации и в нескольких надписях, где можно предположить повторяющуюся метрическую структуру и изохронию стоп и кратких строк (Сконе, Зеландия, Небенштедт, Вальсфъёрд, Линдхольм, Мёйбру). Если справедлива наша реконструкция размера старших рунических надписей, то следует предположить, что не аллитерация, а именно изохрония стоп и кратких строк была первоначальным требованием древнегерманского стиха.

Литература

Andersson, O. 1936: Framförandet av Kalevala-runorna. *Budkavlen* 15 (2), 65–80.

Betz, M. 1999: Harfe und Leier. *Reallexikon der germanischen Altertumskunde* (далее RGA). Bd 14. Berlin, New York, 3–9.

Bosworth, J., Toller, T. 1898–1921: *An Anglo-Saxon dictionary based on the manuscript collection edited and enlarged by T. N. Toller.* Oxford.

Bruce-Mitford, R., Bruce-Mitford M. 1970: The Sutton Hoo Lyre, Beowulf, and the Origin of the Frame-harp. *Antiquity* 44, 7–13.

Düwel, K. 2001: *Runenkunde.* 3. Aufl. Stuttgart; Weimar.

Gasparov, M.L. 1989: *Ocherk istorii evropeyskogo stiha* [*Outline of the history of European verse*]. Moskva.
Гаспаров, М.Л. 1989: *Очерк истории европейского стиха.* Москва.

Grimm, J. 1968: *Deutsche Mythologie*. Bd I–III. (Nachdruck der 4. Aufl.). Wiesbaden, 1968 (1875–1878).

Haugan, J. 2000: *Old Norse word order and informative structure*. Trondheim.

Heusler, A. 1929: *Die altgermanische Dichtung* (Handbuch der Literaturwissenschaft). Wildpark-Potsdam.

Heusler, A. 1943: Deutsche Verskunst. *Kleine Schriften I.* Berlin, 1943 (1925), 379–411.

Heusler, A. 1956: *Deutsche Versgeschichte* I. Berlin, 1956 (1925).

Heusler, A. 1969: Der *Ljóðaháttr.* Eine metrische Untersuchung. *Kleine Schriften II.* Berlin, 1969 (1889), 690–750.

Krause, W. 1966: *Die Runeninschriften im älteren Futhark*. Mit Beiträgen von H. Jankuhn. Göttingen.

Kristjánsson, J. 1994: *Eddas und Sagas. Die mittelalterliche Literatur Islands*. Hamburg.

KRP – Kieler Runenprojekt (http:/www.runenprojekt.uni-kiel/de)

Kuz'menko, Yu.K. 1991: *Fonologicheskaya evoliutsiya germanskih yazykov* [*Phonological evolution of the Germanic languages*]. Leningrad.

Кузьменко, Ю.К. 1991: *Фонологическая эволюция германских языков*. Ленинград.

Kuz'menko, Yu.K. 2015: Sokrashchennyy variant runicheskogo zaklinaniya **-istil(aR) [**A shortened variation of the runic spell **-istil(aR)**]. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* 19 [*Indo-European linguistics and classical philology* 19], 513–541.

Кузьменко, Ю.К. 2015: Сокращенный вариант рунического заклинания **-istil(aR)** *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 19, 513–541.

Lawson, G. 1984: Zwei Saiteninstrumente aus Haithabu. *Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu* 19, 151–159.

Lehmann, W.P. 1971: *The development of Germanic verse form*. New York.

Lehmann, W.P. 2005–2007: *A Grammar of Proto-Germanic*. Ed. by J. Slocum. Austin.

Marold, E. 2006: Vers und Versmaß. *RGA* Bd 32. 233–239.

Naumann H.-P. 2003: Runedichtung. *RGA* 25, 512–518.

Naumann, H.-P.: 1998 Runeninschriften als Quelle der Versgeschichte. *Runeninschriften als Quelle interdisziplinären Forschung*. Hg. K. Düwel (Ergänzungsband zu RGA Bd. 15). Berlin; New York, 694–714.

Pope, J.C. 1966: *The Rythm of Beowulf*. 2nd ed. New Haven, London, 1966.

Rieger, M. 1876: Die alt- und angelsächsische Verskunst. *Zeitschrift für deutsche Philologie* 7, 1–64.

Russom, G. 1998: *Beowulf and Old Germanic Metre*. Cambridge.

Santesson, L. 1989: En blekingsk botinskrift. En ny tolkning av inledningsraderna på Stentoftenstenen. *Fornvännen* 84, 221–229.

Seebold, E. 1994: Die sprachliche Deutung und Einordnung der archaischen Runeninschriften. *Runische Schriftkultur in kontinental-skandinavischer und angelsächsischen Wechselbeziehung*. Hg. von K. Düwel unter Mitarbeit von H. Neumann u. S. Nowak. (Ergänzungsband zu RGA 10), 56–94.

Sievers, E. 1893: *Altgermanische Metrik*. Halle.

Sievers, E. 1905: Altgermanische Metrik. *Grundriss der germanischen Philologie*. Hg. von H. Paul. 2. Aufl. II Bd, 2. Abt. Strassburg, 1–38.

Smirnickaya, O.A. 1970: Lingvisticheskie factory razvitiya i gibeli alliteratsionnogo stiha v Anglii [Linguistic factors of development and decline of the alliterative verse in England]. *Voprosy angliyskoy filologii*. Vyp. III. Tula, 1970, 71–89 [*Studies in English Philology*. Issue III]. 1970, 71–89.

Смирницкая, О.А. Лингвистические факторы развития и гибели аллитерационного стиха в Англии. Вопросы английской филологии. Вып. III. Тула. 1970. 71–89.

Smirnitskaya, O.A. 1994: *Stih i yazyk drevnegermanskoy poezii* [*Verse and language of the Old Germanic poetry*]. Moskva, 1994.
Смирницкая, О.А. *Стих и язык древнегерманской поэзии*. Москва, 1994.
Steblin-Kamenskiy, M.I. 1979: *Istoriya drevneskandinavskoy literatury* [*History of the Old Scandinavian literature*]. Leningrad.
Стеблин-Каменский, М.И. *История древнескандинавской литературы*. Ленинград, 1999.
Theune-Großkopf B. 2006: Die vollständig erhaltene Leier des 6. Jhs aus Grab 58 von Trossingen. *Germania* 84, 93–142.

Yu. K. Kuz'menko. Old Germanic verse in the inscriptions in elder runes

In the present paper it is suggested, that not only few, as it has been supposed earlier, but even the great part of the runic inscriptions in elder futhark, consisting of more than three words, can be interpreted as verses. The main unit of this verse is a line with four or six lifts, consisted of two or three half-lines with two (as in Scandinavian *fornyrðislag*) or three lifts. In some inscriptions we can also find verses partly corresponding to Scandinavian *ljóðaháttr* and *galdralag*. The main feature of a runic verse is isochrony of bars and of half-lines, which could be provided by the possibility of the occasional metrical shortening of long syllables and lengthening of short syllables. But the runic verses are much freer than the known Old Germanic metres. In many inscriptions the half-lines are connected by the alliteration, but in some of them only metrical isochrony can be evidence of a verse, which can testify the stage of development of the Germanic verse preceding the alliteration as a tool, connecting half-lines. A model of the musical performance of the Old Germanic verse (in 4/4 or 3/4 bars) to the lyre, based on the isochrony hypothesis has also been suggested in the present paper.

Key words: elder runic inscriptions, Old Germanic verse, performance of the Old Germanic verse.

С. В. Кулланда, А. Солькà

ЩИТ ОЛЕГА[1]

В статье подробно обосновывается гипотеза о том, что водружение Вещим Олегом щита на воротах Константинополя, о котором сообщает «Повесть временных лет», было не символом победы, а знаком готовности к мирным переговорам.

Ключевые слова: «Повесть временных лет», саги, викинги, щит, Олег.

Поскольку правящая династия Киевской Руси была основана варягами-викингами, скандинавские параллели могут помочь в интерпретации некоторых феноменов, описываемых русскими летописями. В связи с этим любопытно вспомнить известное сообщение Повести временных лет о том, как после удачного похода на Царьград в 6415 (907) году войско русско-варяжского князя Олега «повѣси щи^{т} свои во врате^{х} показоуа побѣду» (PSRL I, стлб. 32; в данном случае в Лаврентьевском списке пропуск, восполняемый по другим спискам, прежде всего Радзивиловскому) (сказуемое и дополнение в единственном числе, речь идет об Олеге); «повѣсиша щиты своіа во вратѣхъ показающе побѣду» (сказуемое и дополнение во множественном числе, подразумевается все войско) (по Ипатьевскому списку, PSRL II, стлб. 23). Остается только проверить, насколько адекватна интерпретация этого, будь то реального или или мнимого, события летописцем, считающим водружение щита на всеобщее обозрение знаком победы. Для этого необходимо обратиться к особенностям общества викингов, к которому принадлежали Олег и его дружина.

Надо сказать, что скандинавские параллели вывешиванию щита Олегом отмечались еще на заре позапрошлого века. Так, А. Л. Шлёцер приводил в качестве одной из аналогий поступку Олега эпизод из времен франкского императора Карла III Толстого, когда ютландские викинги, разорявшие Нидерланды, подняли щит в знак перемирия, заманив тем самым множество франков в свой лагерь, а затем, сорвав щит, захватили их в плен

[1] Мы благодарны Иэну Керби (Ian Kirby), С. Л. Никольскому, В. Я. Петрухину и Жану Рено (Jean Renaud), прочитавшим работу в рукописи и сделавшим ряд ценных замечаний. За все возможные ошибки несут ответственность только авторы.

(Schlözer 1805, 291). Приведем соответствующий отрывок из «Фульдских анналов» (Annales Fuldenses, Pars III, a. 882).:

> [Liutwartus pseudoepiscopus]… Gotfridem ducem illorum imperatori praesentavit; quem imperator more Achabico, quasi amicum suscepit et cum eo pacem fecit, datis ex utraque parte obsidibus. Quod Nordmanni acceperunt pro omine; et ut pax ex illorum parte rata non dubitaretur, clipeum iuxta morem suum in sublime suspenderunt et portas munitionis aperserunt. Nostrates autem calliditatis illorum expertes eundem munitionem ingressi sunt alii quidam causa negotiandi, alii vero pro loci firmitate consideranda. At Nordmanni ad consuetam calliditatem conversi clipeum paci deponunt, portas claudunt et omnes ex nostris intus inventos aut occiderunt aut catenis ferreis ligatos ad redimendum servaverunt.
>
> ‘[Лжеепископ Лиутвард]… представил их вождя Готфрида императору; император, подобно Ахаву, принял его как друга и заключил с ним мир; от обеих сторон были выданы заложники. Норманны сочли это добрым предзнаменованием, и чтобы не было сомнений, что мир их незыблем, по своему обычаю высоко вывесили щит и отворили ворота крепости. Наши же, не зная об их коварстве, вошли в крепость, одни ради торговли, другие же осмотреть укрепления. Норманны же, вернувшись к своему обычному коварству, спустили щит мира, затворили ворота и всех наших, вошедших внутрь, либо убили, либо связали железными цепями для последующего выкупа’.

О водружении предводителем на всеобщее обозрение белого щита как о знаке перемирия у скандинавов писал в связи с летописным рассказом о щите Олега А. И. Лященко (Lyashchenko 1925: 285–286). К сожалению, плодотворная идея оказалась впоследствии прочно забытой, и даже единственный, насколько мы можем судить, специалист, ссылавшийся в связи с нею на Шлёцера и Лященко, Г. И. Магнер, с порога отверг сравнения предшественников (Magner 2009: 122–123). Поэтому мы считаем необходимым привести дополнительные аргументы в пользу трактовки водружения щита как обозначения намерений вступить в переговоры.

Викинги наряду с военными экспедициями и захватом добычи вели торговлю (Lebedev 1985, 100 = Lebedev 2005, 222), архаические виды которой осмысливались как в основе своей враждебный акт, тесно связанный с грабежом, поединком, и допустимый поэтому лишь в отношениях с чужеземцами (Freidenberg 1978: 69; см. также комментарий Н. В. Брагинской

[там же, 548, прим. 8], где приводятся примеры того, как даже на пороге нового времени в европейских обществах чурались торговли у себя на родине). Эта двойственность – торговля/захват добычи – нашла отражение и в языке. Так, к праиндоевропейскому *lh_2-/*leh$_2$- восходят и слова, обозначающие воинов и военные действия (хетт. *laḫḫ-* ‘военный поход, путешествие’, др.-ирл. *láech* ‘воин’), а также военную добычу, награбленное добро (санскр. *lotra*), и слова для обозначения ‘выгоды, прибыли’ (лат. *lucrum*), ‘вознаграждения, оплаты’ (нем. *Lohn*, гот. *laun*) (см. Benveniste 1969 I, 166–169; Gamkrelidze, Ivanov 1984: 740; Vaan 2008: 349–350). Очень интересное и, на первый взгляд, противоречащее образу военного вождя сообщение Атхарваведы [AV III, 15, 1], где Индра именуется ‘торговцем’ (*vaṇíj*): «Индру-торговца я подгоняю» (*índram ahám vaṇíjaṃ codayāmi*; пер. Т. Я. Елизаренковой) также может быть истолковано в этом ключе. Контекст гимна-заклинания на удачу в торговле дела не проясняет, и, насколько нам известно, больше нигде в ведах о связи Индры с торговлей речь не идет[2]. Тем не менее, можно попытаться показать, что именование Индры торговцем – не случайность. Так, Рудра, имеющий много общего с Индрой[3], именуется «господином воров» (*stenānām pati*) и «торговцем» (*vāṇija*) (Vājasaneyi Saṁhitā 16, 20) (см. Wikander 1938, 74). Напрашивается сравнение Индры и Рудры (избитое по отношению к последнему) и Гермеса-Меркурия, бога торговли и покровителя воров. Особенно же показателен в этом отношении образ германского Вотана: будучи богом мужских союзов и воинских инициаций, он одновременно считался покровителем торговли и в этом качестве отождествлялся с Меркурием. Как писал еще Тацит (О происхождении германцев, 9), «из богов они больше всего чтят Меркурия и считают должным приносить ему по известным дням в жертву также людей» (пер. А. С. Бобовича). Недаром среда, в романских языках «день Меркурия» (франц. *mercredi*), в германских стала «днем Вотана» (нидерл. *woensdag*, англ. *Wednesday*). В том же ряду стоит наличие элемента со значением ‘вор’ (общегерманское **þeubaz*, др.-сев. *þjófr*, др.-англ.

[2] Ср. комментарий Т. Я. Елизаренковой к стихотворному переводу этого гимна, выполненному по ее подстрочнику В. Тихомировым: «Вообще в ведийской мифологии Индра к торговле не имеет никакого отношения» (Elizarenkova 1984, 246)

[3] В частности, он, как и Индра, связан с Марутами, которых называют Рудрами (см. RV I, 64, 3; I, 85, 2; V, 57, 1, и пр.).

þēof, etc.) в средневековой германской ономастике (др.-сев. *Valþjófr*, *Geirþjófr*, др.-анг. *Wælþēof*, etc.; см. Höfler 1934, 264–266; ср. Toporova 1996: 64, 70, 103, 161, 162, 176).

В связи с германскими возрастными воинскими группами и их участием в торговле интересно вспомнить о таком институте, как всем известная Ганза. В современном немецком слово *Hanse* стало именем собственным, обозначением знаменитого торгового союза северонемецких городов. В средневерхненемецком, однако, слово *hans*(*e*) обозначало торговую гильдию вообще. Еще больший интерес представляет семантическое поле готского *hansa*. В Библии этим словом передается греческое σπεῖρα, лат. *cohors* ‘воинское подразделение, когорта’: «А воины отвели Его внутрь двора... и собрали весь полк» (Марк 15, 16). Здесь латинское *totam cohortem* передано готским *alla hansa* (Benveniste 1969 I: 77–78). Э. Бенвенист, отмечая, что *hansa*, как явствует из приведенного отрывка, была воинским отрядом, высказывает предположение, что именно этим словом обозначались упоминаемые Тацитом отряды молодежи, группировавшиеся вокруг вождей: «Их (вождей – С.К.) величие, их могущество в том, чтобы всегда быть окруженными большой толпою отборных юношей, в мирное время – их гордостью, на войне – опорою», и это весьма правдоподобно. Бенвенист пишет далее, что с эволюцией общества эта дружина превратилась в торговую компанию (там же, 78–79). С учетом приведенных выше материалов можно предполагать, что торговые функции были изначально не чужды этому институту.

Итак, викинги был одновременно воинами и купцами. Однако для ведения торговли они должны были вступать в переговоры с настороженными «туземцами». Чтобы продемонстрировать добрую волю и готовность к переговорам, они вывешивали на мачте или рее белый щит. Если же целью было бросить вызов, на всеобщее обозрение выставлялся красный щит – ср. современное норвежское *det røde skjold* «вызов, брошенная перчатка», буквально «красный щит»[4]. Это можно проиллюстрировать примерами из древнесеверной литературы:

> *Eiríkr jarl svaraði, ‘Eigi er þetta Ormr enn langi,’ ok bað þá þó til leggja ef þeir vildi. Þá tók Sigvaldi jarl skeið sína ok reri út til skipanna, lét skjóta upp skildi hvítum. Þeir laða seglum ok bíða. Þetta et mikla skip er Tranan, er stýrði*

[4] «Красный… щит был вестником войны; напротив, белым выражалось требование мира» (Grot 1898: 736; ср. Kulisher 1916: 62).

Þorkell nefja, konungs frændi. Þeir spyrja Sigvalda hver eru tíðendi... («Красивая кожа» = Fagrskinna, 103–104, – ключевое слово «белый щит», *skjǫldr hvítr*).

‘Ярл Эйрик ответил: «Это не ‘Длинный змей’», но все же затем вопросил, чтобы они высказали свои намерения. Тогда ярл Сигвалди сел в свой корабль и пошел на веслах в море к (той) команде, взметнув **белый щит**. Те свернули паруса и ждали. То был великий корабль Транан, на котором Торкил направлял племянника, друга конунга. Они спросили Сигвалди, что нового…’.

Из этого отрывка явственно следует, что белый щит был сигналом к перемирию и переговорам.

Можно также привести два показательных отрывка из саги об Эйрике Рыжем. Они относятся к встречам викингов с так называемыми скрелингами, т. е. американскими индейцами (хотя так могут называться и эскимосы):

...Ok einn morgin snemma, er þeir lituðust um, sá þeir mikinn6 fjölða húðkeipa, ok var vetift trjám á skipunum, ok lét því líkast sem í hálmþúst, ok var veift sólarsinnis. Þá mælti Karlsefni: «Hvað mun þetta hafa at teikna?» Snorri Þorbrandsson svaraði honum: «Vera kann, at þetta sé friðarmark, ok tökum ***skjöld hvítan*** *ok berum at móti.» Ok svá gerðu þeir...*”

‘И однажды рано поутру, оглядевшись, они увидели множество кожаных каяков, и с кораблей махали палками, шумевшими подобно цепам, крутя их посолонь. Тогда сказал Карлсефни: «Что бы это значило?». Снорри Торбрандссон ответил ему: «Возможно, это знак мира; возьмем **белый щит** и двинемся им навстречу». Так они и сделали…’. (Глава 10).

Второй интересующий нас отрывок находим в Главе 11 той же саги, где говорится, что при нападении скрелингов люди Карлсефни взяли **красный щит** и вышли тем навстречу:

Þat bar til, at griðungr hljóp ór skógi, er þeir Karlsefni áttu, ok gellr hátt. Þetta fælast Skrælingar ok hlaupa út á keipana ok reru síðan suðr fyrir landit. Verðr þá ekki vart við þá þrjár vikur í samt. En er sjá stund var liðin, sjá þeir fara sunnan mikinn fjölða Skrælingaskipa, svá sem straumr stæði. Var þá trjánum öllum veift andsælis, ok ýla upp allir mjök hátt. Þá tóku þeir Karlsefni ***rauðan skjöld*** *ok báru at móti. Skrælingar hlupu af skipum, ok síðan gengu þeir saman ok börðust. Varð þar skothríð hörð, því at Skrælingar höfðu valslöngur. Þat sá þeir Karlsefni, at Skrælingar færðu upp á stöng knött stundar mikinn, því nær til at jafna sem sauðarvömb, ok helzt blán at lit...*

Еще одно упоминание о символике красного щита находим в «Старщей Эдде», в 34 строфе Первой Песни о Хельги убийце Хундинга (Helgakvitha Hundingsbana I):

Sinfjǫtli kvaþ | – slǫng upp viþ rǭ
Синфьётли крикнул / вздернув на мачту[5]
rauþum skildi, | rǫnd vas ōr golli;
щит червленый / с каймой золотою;
þar vas sundvǫrþr | sās svara kunni
стражем он был / в спорах искусным,
ok viþ ǫþlinga | orþum skipta –:
который героям / умел ответить!
(пер. А. Корсуна)

В следующей строфе говорится, что «Ильвинги славные, / битвы взалкав, // с востока пришли…». Таким образом, не вызывает сомнений, что белый щит был знаком мирных намерений, а красный – вызовом на бой.

Поскольку основной целью походов варягов-руси на Византию было заключение выгодных договоров о ведении торговли, весьма вероятно, что в летописном сообщении мы имеем дело с, если прибегнуть к лингвистической терминологии, «народной этимологией» скандинавского символического акта, значение которого в славянской среде было забыто. Водружение на видном месте щита[6] (видимо, белого, так как торговый договор был в конечном итоге заключен) в знак намерения мирно торговать было осмыслено как демонстрация силы[7]. Это пред-

[5] Точнее, на рею (*rá*).

[6] На то, что вместо мачты щит в «Повести временных лет» оказался водруженным на ворота города, могла повлиять библейская аллюзия, а именно описание Тира у пророка Иезекииля (27, 10): «Пєрсѧнє и̑ лудѧнє и̑ лївѵанє бѣша въ силѣ твоєй, мужіє доблїи твоѝ щиты̀ и̑ шлємы повѣсиша въ тебѣ…». Это место в качестве параллели летописному рассказу о щите Олега приводил уже Шлёцер (Schlözer 1805: 290). Согласно Данилевскому (Danilevskiy 2004: 151–154), Царьград в «Повести временных лет» предстает точным соответствием изобилующему богатствами библейскому Тиру.

[7] Ср. у А. И. Лященко: «По народному преданию и рассказу русского летописца, в 907 году около Царяграда греки просили мира у русских. Тогда и мог быть поднят Олегом щит в знак согласия на предложение греков начать переговоры…» (Lyashchenko 1925: 286) Поскольку щит во всех приведенных примерах из древнесеверной литературы демонстрировался противной стороне, мы предпочитаем это объяснение (с уточнением, что инициатива могла исходить и от самого Олега) альтернативной трактовке А. И. Лященко, согласно которой поднятием

ставляется тем более правдоподобным, что под тем же годом помещено сообщение о еще одном (фольклорном?) мотиве, встречающемся помимо «Повести временных лет» и в скандинавской «Саге об Олаве Трюггвасоне», а именно о том, как Олег, получив в качестве дани несметные богатства, приказывает сшить паруса из дорогих тканей (на эту параллель уже обращал внимание А. И. Лященко – Lyashchenko 1925: 282). Что же до Олава Трюггвасона, «говорят, после одной великой победы повернул он домой в Гарды; они плыли тогда с такой большой пышностью и великолепием, что у них были паруса на их кораблях из драгоценных материй…» (Ó. Tr. Oddr A, k. 8 – цит. по Jackson 2000: 40)[8].

На наш взгляд, приведенный материал свидетельствует, что приводимые в источниках и освященные традицией объяснения тех или иных феноменов, будь то исторических или мифологических, не должны приниматься на веру. Определенные реалии могли забываться и требовать пояснений, далеко не всегда адекватных, даже в рамках вроде бы непрерывной традиции квазиединой культуры.

щита князь мог «[о]становить русских воинов, грабивших окрестности Царяграда» (там же). Гипотезу же Г. И. Магнера, что в Олеговом щите, как и в щите, упоминаемом в связи с договором Игоря, следует видеть доску (или несколько досок, или, в случае с Игорем, золотую табличку) с начертанным текстом договора (Magner 2009: 125–128), ставят под сомнение произвольные допущения (нигде нет упоминаний о каких бы то ни было надписях на упомянутых щитах) и нежелательные эмендации летописного текста.

[8] Здесь опять-таки соблазнительно было бы видеть и библейскую аллюзию – ср. Иезекииль 27, 7, где в русском синодальном и европейских переводах на современные языки говорится о парусах из узорчатого египетского виссона, но в Септуагинте и церковнославянском переводе речь идет о покрывалах (греч. στρωμνή, церковнославянское *постєла*). В еврейском тексте стоит слово מִפְרָשׂ от корня со значением «натягивать, распростирать», которое переводят как «парус». Но во всей Библии оно встречается только еще один раз в Иов 36: 29, где скорее означает «покрывало». Возможно, «парус» здесь – контекстный перевод, поскольку речь идет о моряках, до и после этого пассажа – описание кораблей. В Септуагинте могли взять более общее значение слова и потому перевели его как στρωμνή «то, что расстилают, распростирают» (этим разъяснением авторы обязаны А. С. Десницкому). Едва ли летописец был знаком с еврейским текстом, поэтому в данном случае от сравнения, при всей его заманчивости, лучше воздержаться.

Сокращения

AV – Atharvaveda
PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Collection of Russian Chronicles].
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
RV – Rigveda

Литература

Benveniste, É. 1969: *Le vocabulaire des institutions indo-européennes*. Vol. 1–2, Paris.

Danilevskiy, I.N. 2004: *"Povest' vremennykh let"* [*"The Tale of Bygone Years"* = *"The Russian Primary Chronicle"*]. Moscow.
Данилевский, И.Н. 2004: *«Повесть временных лет»*. М.

Elizarenkova, T.Ya. 1984: *Da uslyshat menya zemlya i nebo. Iz vediyskoy poezii. Sostavlenie, perevod s vediyskogo, vstupitel'naya statya, kommentarii i slovar' T.Ya. Elixarenkovoy. Stikhotvornoe perelozhenie V. Tikhomirova* [*Let the Earth and Sky Hear Me. From Vedic Poetry. Compilation, translation from Vedic, introductory paper, commentaries and glossary by T.Ya. Elizarenkova. Versification by V. Tikhomirov*]. Moscow.
Елизаренкова, Т.Я. 1984: *Да услышат меня земля и небо. Из ведийской поэзии. Составление, перевод с ведийского, вступительная статья, комментарии и словарь Т.Я. Елизаренковой. Стихотворное переложение В. Тихомирова*. М.

Gamkrelidze, T.V., Ivanov, Vyach.Vs. 1984: *Indoevropeyskiy yazyk i indoevropeytsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskiy analiz prayazyka i ptotokul'tury* [*Indo-European and the Indo-Europeans: A reconstruction and historical analysis of a proto-language and a proto-culture*]. Tbilisi.
Гамкрелидзе, Т.В., Иванов, Вяч.Вс. 1984: *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*. Тбилиси.

Grot, Ya.K. 1898: *Trudy. I. Iz skandinavskogo i finskogo mira* [*Works. From the Scandinavian and Finnish World*]. St. Petersburg.
Грот, Я.К. 1898: *Труды. I. Из скандинавского и финского мира*. СПб.

Freidenberg, O.M. 1978: *Mif i literatura drevnosti* [*Myth and Literature of Antiquity*]. Moscow.
Фрейденберг, О.М. 1978: *Миф и литература древности*. М.

Höfler, O. 1934: *Kultische Geheimbünde der Germanen*. Frankfurt am Main.

Jackson, T.N. 2000: *Chetyre norvezhskikh konunga na Rusi* [*Four Norvegian konungs in Rus*].
Джаксон, Т.Н. 2000: *Четыре норвежских конунга на Руси*. М.

Kulisher, I.M. 1916: *Lektsii po istorii ekonomicheskogo byta Zapadnoy Evropy* [*Lectures on the history of economic life of western Europe*]. Petrograd.
Кулишер, И.М. 1916: *Лекции по истории экономического быта Западной Европы*. Петроград.

Lebedev, G.S. 1985: *Epokha vikingov v Severnoy Evrope* [*The epoch of the Vikings in northern Europe*]. Moscow.
Лебедев, Г.С. 1985: Эпоха викингов в Северной Европе. М.
Lebedev, G.S. 2005: *Epokha vikingov v Severnoy Evrope i na Rusi* [*The epoch of the Vikings in northern Europe and Rus*]. St. Petersburg.
Лебедев, Г.С. 2005: Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.
Lyashchenko, A.I. 1925: Letopisnye skazaniya o smerti Olega Veshchego [Chronicles' accounts of Oleg the Sage's death]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Rossiyskoy Akademii Nauk. 1924 god* [*Proceedings of the Department of the Russian Language and Literature of the Russian Academy of Sciences. 1924*], 30: 254–288.
Лященко, А.И. 1925: Летописные сказания о смерти Олега Вещего. *Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук. 1924 год*, 30, 254–288.
Magner, G.I. 2009: Shchit Olega na vorotakh Konstantinopolya [Oleg's shield on the gates of Constantinople]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i fililogiya* [*Bulletin of Udmurt University. History and Philology*] 2, 119–129.
Магнер, Г.И. 2009: Щит Олега на воротах Константинополя. *Вестник Удмуртского ун-та. История и филология* 2, 119–129.
Schlözer, A.L. 1805: A.L. Schlözer. *HECTOP. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache: verglichen, von Schreibfelern und Interpolationen möglichst gereinigt, erklärt, und übersetzt von August Ludwig von Schlözer, Hofrath und Professor der StatsWissenschaften in Göttingen, des Kaiserl. Russischen Ordens des heil. Vladimirs 4tes Classe Ritter. Dritter Teil.* Göttingen.
Toporova, T.V. 1996: *Kul'tura v zerkale yazyka: germanskie dvuchlennye imena sobstvennye* [*Culture in the mirror of language: Old Germanic bipartite proper names*]. Moscow.
Топорова, Т.В. 1996: *Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные*. М.
Vaan, M. de 2008: *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*. Leiden – Boston.
Wikander, S. 1938: *Der arische Männerbund. Studien zur Indo-Iranischen Sprach- und Religionsgeschichte*. Lund.

Sergey Kullanda, Alexandre Solcà. Oleg's shield

This paper attempts to further substantiate the hypothesis that Prince Oleg's alleged hanging of his shield on the gates of Constantinople related by the Russian Primary Chronicle was not a token of victory as the chronicler put it. In the Old Norse tradition a white shield was a signal of peaceful intentions while the red one was a challenge. It seems likely that setting forth a shield (probably white, since a commercial treaty was eventually concluded) for all to see as an invitation to trade was interpreted as a demonstration of force.

Keywords: Russian Primary Chronicle, sagas, Vikings, shield, Oleg

А. Д. Курилова

ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РИТОРИКИ В РОССИИ XVIII ВЕКА
(на материале рукописных руководств на латинском языке)

В статье показано, что в латинских рукописных риториках выделяются два основных пути к овладению ораторским мастерством – подражание и упражнение, которым должны предшествовать изучение теории риторики и чтение классических авторов.

Ключевые слова: риторика, преподавание, подражание, упражнение, хрия, амплификация, Россия XVIII века, рукопись.

Анализ латинских рукописных риторик, по которым велось обучение в духовных учебных учреждениях в России XVIII в., позволяет получить представление о дидактических основах преподавания риторики.

Структура риторических книг приблизительно одинакова. Она включает вводную часть о главных понятиях науки о красноречии, а также изложение основ общей и частной риторики. Теория общей риторики структурирована по частям риторического канона (inventio, dispositio, elocutio, memoria, actio), частная риторика охватывает изучение видов и жанров красноречия. Некоторые учебники построены по принципу катехизиса: формулируются вопросы и даются ответы на них, другие напоминают сжатый конспект.

Не только в теоретическом содержании курсов, но и в методике преподавания риторики можно выделить две ведущих традиции – опыт западноевропейской риторики, воспринятый главным образом сквозь призму иезуитской школы, и риторический трактат Феофана Прокоповича. Авторы руководств опираются на оба источника, несмотря на серьёзные различия между ними, контаминируют их принципы и заимствуют наиболее понравившиеся примеры и утверждения.

В вологодской риторике 1764 года изложение теоретического материала наиболее основательно дополнено практическими советами, адресованными новичкам в красноречии (tyrones eloquentiae) (Наставления 1764: 3).

Ритор называет четыре этапа на пути к овладению красноречием: изучение и повторение правил, чтение, подражание и упражнение.

На необходимость постоянного повторения правил автор риторики обращает особое внимание: «Non semel sibi discipulus praecepta per legenda putet, sed iterum atque iterum catenus percurrenda, donec memoriae bene mandentur et inhaereant» («Не один раз ученику следует прочитать правила, но вновь и вновь их пересматривать, пока они не запомнятся хорошо и не закрепятся в памяти») (Наставления 1764: 7).

Одного усвоения правил недостаточно для овладения ораторским искусством, необходимо ежедневное чтение избранных авторов. К авторам, эрудиция которых никем не оспаривается, ритор относит историков Корнелия Непота, Саллюстия, Цезаря, Ливия, Курция, Юстина, а также ораторов Цицерона, Лактанция, Сенеку, а также Теренция и Плиния. Ссылаясь на второе письмо Сенеки, ритор рекомендует выбрать лишь нескольких авторов и постоянно их перечитывать, ведь «multoque satius est, paucis te auctoribus tradere, quin errare per multos» («намного лучше обратиться к немногим авторам, чем блуждать среди многих») (Наставления 1764: 7 (об)).

Далее даются подробные советы, как следует читать книги. Ритор настаивает на том, чтобы учащиеся читали книгу не менее четырёх раз: первый раз – для понимания точного смысла текста (для этого необходим грамматический разбор предложений), второй раз – для восприятия его композиции. В третий раз необходимо обратить внимание на украшения речи, пословицы, сентенции: «quod si adagium, vel sententia, vel historia, vel similitudo non inepta, si quid acute, ingeniose dictum videbitur: haec omnia tanquam thesaurum quondam animo reponenda ducite ad usum et imitationem» («если пословица, либо сентенция, либо история, либо сравнение покажутся уместными, остроумными, талантливо сказанными, всё это, словно сокровище, сохраните в душе и извлекайте для использования и подражания») (Наставления 1764: 8 (об)). Четвёртое чтение требуется для того, чтобы усвоить всё, что касается достижения добродетели и избегания пороков («quae ad virtutem sectandam, vitiumve vitandum referri posse videantur») (Наставления 1764: 8 (об)). Хотя после многократного прочтения можно запомнить книгу почти наизусть, для надёжности автор рекомендует отметить в тексте наиболее важные места либо сделать выписки: «omnia, quae scitu necessaria sunt, aut indice vel asterisco apposito ad

notata, aut in collectaneis nostris tanquam in cella penaria recondita habeamus» («всё, что необходимо знать, следует помечать либо надписью, либо звёздочкой, либо, словно в кладовой, хранить в наших сборниках изречений») (Наставления 1764: 8 (об)).

Подражание рассматривается как необходимый этап освоения искусства красноречия. Прежде чем самостоятельно писать речи, считает автор вологодского руководства, важно научиться вести речь в стиле какого-либо из авторов. Ритор рекомендует выбрать наилучшего автора, к которому ученик приближается по своим природным наклонностям, и подражать его стилю. Тем, кто тяготеет к пространности и многословности («qui naturae impetus ad ubertatem et copiam feruntur»), следует подражать Цицерону, любящим сжатость и меткость («quibus nihil, nisi quod ad strictum ac argutum est, placet») – Плинию, а тем, кто наслаждается простой и чистой речью («qui simplici quaedam ac casto orationis genere delectantur») (Наставления 1764: 10), – Цезарю, Корнелию Непоту, Курцию. Подражание должно основываться на передаче особенностей изобретения, расположения и словесного выражения речи, а не на заимствовании отдельных слов и фраз: «non eum imitari Ciceronem, qui phrasibus ex ejus libris excerptis utitur, sed qui totum orationis Ciceronianae characterem sollerter exprimit» («не тот подражает Цицерону, кто пользуется фразами, взятыми из его книг, но тот, кто искусно передаёт весь характер Цицероновой речи») (Наставления 1764: 10).

В разделе о подражании вологодский ритор использует некоторые формулировки Феофана Прокоповича, который посвятил подражанию десятую главу первой книги своей Риторики. Однако отношение этих двух авторов к подражанию и его роли в подготовке оратора различно. В вологодской риторике рекомендуется сначала подражать признанным авторам, а затем приступать к более сложному делу – самостоятельным упражнениям. Феофан Прокопович, напротив, отводит более важную роль подражанию. Говоря о средствах достижения красноречия, он отделяет подражание от других средств: «Quaenam et quot sint adminicula et subsidia, quibus eloquentia facile comparari possit: Tria itaque sunt: natura, ars, exercitatio, et imitatio» («Каковы же средства, благодаря которым с лёгкостью можно достичь красноречия, и сколько их? Три: природа, искусство, упражнение, и подражание») (Procopovič 1982: 61). Три первых средства были выделены ещё Цицероном в трактате «Об ораторе» (I, 113–159), к ним Прокопович добавил

ещё одно – подражание, считая, что это более высокая степень овладения ораторским мастерством, чем упражнение.

Составитель нижегородской риторики склонен не выделять подражание как отдельное средство достижения красноречия, хотя и упоминает о существовании такого подхода: «Facultas autem orandi consumatur natura, arte, exercitatione cur quartam partem adjiciunt quidam imitationem, quam nos vel arti vel exercitationi accensemus» («Способность к красноречию приобретается от природы, а также искусством и практикой, к чему некоторые добавляют ещё четвёртую часть – подражание, которое мы причисляем либо к искусству, либо к практике») (Rhetorica 1766: 27 (об)).

Наилучшим автором для подражания Феофан Прокопович считает Цицерона, поскольку «omnium idem (verba sunt Iunii Melchioris) invenit acutissime, inventa disposuit prudentissime, disposita elocutus est ornatissime, copiosissime, gravissime» («по словам Юния Мельхиора, он изобретал остроумнее всех, изобретённое располагал наиболее продуманно, расположенное излагал наиболее изощренно, пространно, веско») (Procopovič 1982: 69). Но слепо подражать Цицерону, копируя даже недостатки его стиля, не следует. Со ссылкой на Квинтилиана Прокопович предостерегает от того, чтобы каждый период завершать словами «inesse videatur», чтобы не уподобиться древним персам, которые каждого человека с загнутым носом считали счастливым, потому что такой нос был у царя Кира («Ita nimirum antiqui Persae si quis apud eos incurvum nasum haberet, felicem appellabant quod Cyrus Rex eorum talem quoque habuerit») (Procopovič 1982: 67).

В вологодском руководстве, как уже было сказано, выбор автора для подражания предоставлен вкусу и наклонностям оратора. А в качестве примера приводится подражание Мурету. Мурет, французский гуманист XVI века, один из лучших латинских стилистов эпохи Возрождения, является для авторов школьных риторик образцом новолатинского красноречия. Имя Мурета часто упоминается в разных латинских рукописных риториках, приводятся примеры из его сборника латинских речей для школьного использования «Orationes, et epistolae ... ad usum scolarum selectae…». Поэтому выбор Мурета для подражания не случаен. Небольшой фрагмент его речи (22,1) тщательным образом разбирается в вологодской риторике: формулируется основная мысль (король Карл испытывает большую радость за человека, произведённого в епископы),

выделяются средства украшения речи (парные синонимы, градация). Затем по данному образцу составляется рассуждение на другую тему – о том, что благородным юношам подобает изучать науку о государстве.

Следующим методическим приёмом изучения риторики является упражнение (exercitatio), подготавливающее к самостоятельному написанию речи с опорой на три этапа риторического канона – изобретение, расположение и словесное выражение.

Одним из упражнений, оттачивающих слог ритора, является амплификация, которая определяется как «unius dictionis vel sensus in plures dilatatio» («расширение одного высказывания или смысла до многих») (Наставления 1764: 23). Как важнейшее и едва ли не единственное упражнение в подготовке оратора рассматривает амплификацию Мануил Базилевич, составитель риторики из Смоленской коллегии: «Non aliud quid est exercitium, quam sola amplificatio» («Упражнение есть не что иное, как одна лишь амплификация») (Basilevicz 1756: 39 (об)). Он определяет амплификацию так: «unius verbi vel sensus uberior quaedam explanatio» («пространное объяснение одного слова или смысла») (Basilevicz 1756: 40).

Авторы риторик различают словесную и смысловую амплификацию. Словесная амплификация представляет собой перифразу. Об этом свидетельствует пример амплификации слова pax (мир) в риторике Базилевича: «dulces quietis deliciae, summa regnorum felicitas, populi prima salus et integritas» («сладостная отрада покоя, высшее счастье царств, главное спасение и безопасность народа» (Basilevicz 1756: 40).

Смысловая амплификация предполагает умение распространять смысл речи подходящими сентенциями, сравнениями, рассуждениями, примерами: «debet enim sensus vel sententia, quae latebat, vel non plane videbatur, exporrigi: et velut thesaurus sub sigillo latens telaque convoluta exprimi in plausum» («необходимо развернуть скрытые или не вполне видные чувства и мысли, и, словно запечатанное сокровище или скрытые стрелы, показать для всеобщего одобрения») (Basilevicz 1756: 40). Особое внимание в риторике Базилевича уделено распространению речи с помощью любопытных сведений (eruditiones) и сентенций.

К упражнениям можно отнести и составление речи по хрии в соответствии с топосами. Автор вологодского руководства не советует во что бы то ни стало использовать все топосы:

«Quemadmodum enim non omnis fert omnia tellus, teste poeta: sic et quilibet locus non semper argumentum suppeditat, aut si facit, non satis habet roboris ad probandum» («Ведь не всякая почва рождает всё, как свидетельствует поэт, так же и всякий топос не всегда предоставляет аргумент или предоставляет не имеющий достаточной силы для доказательства») (Наставления 1764: 67 (об)).

Автор вологодской риторики, говоря о необходимости упражнения, подробно останавливается на ошибках, которые часто допускают новички в работе над речью. Из риторики Феофана Прокоповича он заимствует следующий совет: «Compositurus ergo aliquid, cave imiteris eos, qui nihil ad componendum aliud requiri censent, nunc pennam, chartam, saepiam, quae ut datae sunt, extemplo totum negotium peragunt» («Итак, намереваясь что-либо сочинить, остерегайся подражать тем, кто считает, что для сочинения не понадобится ничего иного, кроме перьев, бумаги и чернил, которые тотчас же выполнят всё дело») (Procopovič 1982: 65–66; Наставления 1764: 13 (об)).

Ритор предостерегает учащихся и от беспорядочного употребления в речи иностранных слов, а также от замены латинских конструкций греческими. Правда, в качестве примера приводится употребление дательного падежа вместо винительного: «quibus jusserat» вместо «quos jusserat», хотя данный пример иллюстрирует не смешение греческого и латыни (в обоих языках был бы винительный), а кальку с русского – *приказал кому*.

К подражанию и упражнению призывают учащихся и авторы других риторик. Так, важность упражнения подчёркивает составитель коломенской риторики: «Tam est oratori exercitatio necessaria, ut etiam praecepta sint frustranea, si non habeatur haec. Imo facilius est sine praeceptis comparare eloquentiam si accedat exercitatio, quam sine illa cum praeceptis» («Настолько необходимы оратору упражнения, что, если их нет, даже наставления напрасны, ведь легче достичь красноречия без наставлений, если есть упражнения, чем без них, но с наставлениями») (Praecepta 1761: 91).

В предисловии к риторике 1751–1753 гг., переписанной рукой студента Московской духовной академии Дмитрия Смирнова, говорится, что без усердия в подражании и упражнениях природная одарённость ничего не значит: «Nisi etiam assiduitate imitationis et exercitii… nihil proderit naturae felicitas» (Риторика 1751–1753: 1).

Таким образом, в основе методики преподавания риторики в России XVIII в. оставалось сохранение классической традиции красноречия. Составлению самостоятельных речей предшествовали разнообразные формальные упражнения и подражание лучшим риторическим образцам.

Литература

Nastavleniya po ritorike na primerakh iz latinskikh avtorov… Vologodskaya seminariya [*Rhetoric instructions illustrated by examples of Latin authors*. Vologda Seminary]. 1764. RGB. Velikoustyuzhskoe sobranie [Russian State Library. Veliky Ustyug Collection]. F. 122, no.14.

Наставления по риторике на примерах из латинских авторов… Вологодская семинария. 1764. РГБ. Великоустюжское собрание. Ф. 122, no. 14.

Ritorika studenta vladel'tsa Dimitriya Smirnova. Moskovskaya Slavyano-greko-latinskaya akademiya [*Rhetorica of a student owner Dmitry Smirnov*. Moscow Slavic-Greek-Latin Academy]. 1751–1753. RGB [Russian State Library]. F. 173.1, no. 348. 148 p.

Риторика студента владельца Димитрия Смирнова. Московская Славяно-греко-латинская академия. 1751–1753. РГБ. Ф. 173.1, no. 348. 148 л.

Basilevicz, M. 1756: *Opus artis oratoriae…* Smolenskaya kollegiya [Smolensk Collegium]. *RGB* [*Russian State Library*]. F. 733 (Smolen.), no. 21. 154 l.

Praecepta de arte rhetorica ex auctoribus, qui genuinam dicendi rationem attigerunt cum pernecessariis observationibus. Kolomenskaya seminariya [Kolomna Seminary]. 1761. *RGB* [*Russian State Library*]. F. 173.1, no. 357. 193 p.

Procopovič, F. 1982: De arte rhetorica libri X. *Slavistische Forschungen.* Köln; Wien.

Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam libellus. Kurs lektsiy po ritorike, chitannykh v Nizhegorodskoy seminarii [*A Course of lectures on Rhetoric, read in the Nizhny Novgorod Seminary*]. 1766. *RGB* [*Russian State Library*]. F. 312, no. 78, 95 p.

Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam libellus. Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. 1766. РГБ. Ф. 312, no. 78. 95 л.

A. D. Kurilova. Didactic aspects of rhetoric courses in Russia of the 18th century (on the material of Latin manuscript rhetorical manuals)

Two main ways to the mastery of oratorical skill were recommended in the Latin manuscript manuals in Russia of the 18th century – imitation and exercise. They had to be preceded by the study of rhetorical theory and reading of classical authors.

Keywords: rhetoric, teaching, imitation, exercise, chreia, amplification, Russia of the 18th century, manuscript.

А. В. Курицына

ЕЩЕ РАЗ О СОЮЗНОЙ ФУНКЦИИ ТОХАРСКИХ СЛОВ А *śla*, *ślak*, В *śle*, *śale*, *ślek*[1]

В статье сравнивается употребление тохарского предлога А *śla*, В *śle* «с» и родственных ему слов А *ślak*, В *śale*, *ślek*. В ряде работ формы тох. В *śle* и *śale* рассматриваются как акцентные варианты одной лексемы (Hacktsein 1997, Kim 2014). Утверждается также, что А *śla*, *ślak*, В *śale*, *śle*, *ślek* почти одинаково могут выступать в качестве соединительных союзов для слов и предложений (Thomas 1979). Результаты проведенного нами анализа показывают различия в употреблении: *śle* как союз может соединять только однородные члены предложения, выраженные именами, в то время как *śale* соединяет преимущественно предложения. Союз *ślek*, в отличие от *śle* и *śale,* может соединять синтаксические единицы разного порядка. В тох. А имеющегося материала недостаточно, чтобы с уверенностью говорить о способности А *śla* выступать в качестве союза.

Ключевые слова: Тохарские языки, предлоги, соединительные союзы, контекстный анализ.

Тохарский предлог А *śla*, В *śle* ‘с’ и родственные ему союзы В *śale*, *ślek*, А *ślak* (последние два – лексикализованные формы с эмфатической частицей *-k*) в работах по тохаристике часто рассматриваются вместе, как имеющие не только этимологическую, но и функциональную близость. В. Томас в статье «Zur Verwendung von A *śla*, B *śale*, *śle* im Tocharischen» (1979) пишет, что лексемы А *śla* и В *śle*, *śale*, а также А *ślak* и В *ślek* могут практически одинаково выступать в качестве соединительного союза как для отдельных слов, так и для предложений. При этом, как утверждает Томас, союзы В *śale* и *śle* находятся в дополнительной дистрибуции в зависимости от метрических особенностей текста, подобно наречиям В *tane* ~ *tne* ‘тут, тогда’, *ñake* ~ *ñke* ‘сейчас’, т.е. в зависимости от требуемого количества слогов в стихотворной строке (Thomas 1979: 172).

Хотя Томас пишет исключительно об общей союзной функции для данных лексем, В śale и śle часто рассматриваются

[1] Выражаю искреннюю благодарность И. Б. Иткину за ценные консультации и помощь в подготовке настоящей статьи и беру на себя возможные ошибки.

в последующих работах как акцентные варианты одной лексемы, имеющей и предложную, и союзную функцию. Так, О. Хакштайн (1997: 52) перечисляет В *śle*, *śale*, А *śla* как предлоги со значением ‘zusammen, zugleich mit’. Ср. также у Р. Кима (2014: 136): «Tocharian has only two prepositions in TB *śale* (*śle*), TA *śla* ‘with’ and TB snai, TA sne ‘without’». В словаре тохарского В языка Д. Адамса формы *śale* и *śle* также объединены в одну словарную статью: «*śale* (adv.) ‘likewise’ (sometimes the equivalent of ‘and’); (prep.) ‘with’» (Adams: 1999). То же в словаре CEToM[2] – «*śale* - Adv. ‘like, likewise’; prep. + obl. ‘with, together’».

Однако в тох. В не только нет подтверждений тому, что *śale* может выступать в роли предлога (на что косвенно указывал и сам Томас), но, на наш взгляд, нет и достаточных оснований считать В *śale* и *śle* только метрическими вариантами одного союза. В текстах тох. А примеров на употребление предлога *śla* в качестве союза также мало, а их интерпретации не являются бесспорными. В настоящей работе предпринимается анализ всех известных текстовых фрагментов с лексемами А *śla*, *ślak*, В *śle*, *śale*, *ślek* и предлагается пересмотр некоторых положений Томаса об их синхронном соотношении.

1. Соотношение форм ТВ *śle* и *śale* в функции союза

1.1. **ТВ *śle***

По утверждению Томаса, *śle*, выступая в качестве союза, может соединять как отдельные слова, так и предложения (1979: 155): «Zu rechnen hat man zweifelsohne aber auch mit einer Verwendung von A *śla*, B *śle* als Konjunktion im Sinne von „desgleichen, ebenfalls“, die von Haus aus sowohl wort- als auch satzverbindend auftreten kann». Однако те примеры, которые он приводит, иллюстрируют способность *śle* быть соединительным союзом исключительно между однородными членами предложения. Примеры, цитировавшиеся Томасом, даются здесь для краткости в виде только самих словосочетаний с союзом[3]:

B 146 b7 *[alye]k cmelne* ***śle*** *c(e) cm(e)lne*
‘(в) другом рождении и этом рождении’ (Loc.Sg.)
B 587 a4 *käṣṣī ñäktents* ***śle*** *śamnants*
‘учитель богов и людей’ (Gen.Pl.)

[2] См. http://www.univie.ac.at/tocharian/?%C5%9Bale
[3] Здесь и далее союзы выделены жирным шрифтом; в скобках даны грамматические формы однородных членов предложения.

B 396 b7 /// *śwatsanma* ***śle*** *yo(ktsanma)*
‘еда и питье’ (Nom.-Acc. Pl.)
B 31 a7 *śwātsintse* ***śle*** *yoktsintse klpauca*
‘еды и питья получатель’ (Gen.Sg.)
B 245 a1 *(sä)k* ***śl(e)*** *läkl(e)*
‘счастье и страдание’ (Nom.-Acc.Sg..)
B 408 a3 *yākṣy= āsūri* ***śle*** *gandhārvi*
‘якши, асуры и гандхарвы’ (Nom.Pl.)
IOL 80 b3 *ñäkti śamnā* ***śle*** *as(uri)* ///
‘боги, люди и асуры’ (Nom.Pl.)
B 284 b3 *pretenne* ***śle*** *lwāsāne*
‘(среди) претов и зверей’ (Loc.Pl.)
IOL 2 b2 *añmatse* ***śle*** *=lyeṅkäts*
‘себе и другим’ (Gen.Sg., Pl.)
B 63 b8, IOL 4 b6 *ṣañ* ***śle*** *alyeṅkäṃts*
‘себе и другим’ (indecl., Gen.Pl.)
B 50 a3 *ce cmelne* ***śl***= *ālye(kne)*
‘в этом рождении и в другом’ (Loc.Sg.)
B 137 a7 *ṣñ āñmäntse* ***śl***= *allye(ṅkäts)*///
‘самому себе и другим’ (Gen.Sg., Pl.)
B 20 b6, B 30 b5, B 220 a2 *ṣañ* ***śl***= *ālyeṅkäts* ‘себе и другим’ (indecl., Gen.Pl.)

Последние три примера – случаи с девокализованной формой союза, возможной только в поэзии.

Далее Томас приводит пример B 284 a6 *amiśkāññe ṣpä pälwālle śle* /// ‘уныние и стенания и/с (?)’ (Nom-Acc. Sg.). Поскольку за *śle* следует обрыв, неизвестно, была ли здесь представлена цепочка из трех однородных членов, и тогда *śle* выполняет функцию союза, или же здесь предлог *śle*, образующий с управляемым словом отдельную синтаксическую единицу (вроде условного «уныние и стенания ‘с терпением’ слушал»).

Кроме того, Томас рассматривает B 343 a3 /// *śle ynämñanā ślye ṣlyämña(nā)*/// как пример на дублирование союза, т. е. «и ходящие, и летающие (звери)» (Nom-Acc Pl. fem). Однако такая интерпретация является довольно спорной: прилагательное, управляемое *śle*, не различает Nom и Acc.Pl.fem., так что *śle/ślye* может в данном случае быть и предлогом, управляющим Acc.Pl.fem. Поскольку других надежных случаев повтора союза в тох. B не засвидетельствовано, а повтор предлога является регулярным явлением в обоих тохарских языках (Курицына: в печати), интерпретация лексемы *śle* в примере B 343 a3 как предлога представляется нам наиболее вероятной.

Можно добавить еще следующие, не приводившиеся у Томаса примеры:

PK AS 16.8 a5 *krakre-sari tsaktsaiṃ* ***śle*** *krakr(e)-ñiwi : pluseṃ skwassoñc tsrermeṃne*
'the krakre-sari-birds [and] the krakre-ñiwi birds (together with) the tsaktso-animals, they float joyful in the ditches' (Nom.Pl.) Перевод согласно (CEToM).
PK AS 17A b4–5 *nrai lwāsa* ***śle*** *prete(nne nekä)t lakle eṃsketstse : 2* ||
'(Среди) адских (существ), зверей и претов разрушишь страдание навсегда' (Loc.Pl.)
PK AS 7H b5 *: tusa stāna* ***śle*** *(sā)rmna ly· ///*
'then the trees as well as the grains ... (become fruitless)' (Nom.-Acc.Pl.) Перевод согласно (CEToM).

Все из перечисленных в данном разделе примеров являются стихотворными, кроме B 396 b7, поэтический характер которого устанавливается не вполне надежно, и бесспорно прозаического IOL 4 b6. Во всех случаях *śle* соединяет имена (преимущественно существительные, но также местоимения *ṣañ u ālyeṅkäts*).

1.2. **ТВ *śale*** :

Союз *śale* значительно менее частотен, чем *śle*: мы могли найти только **11** примеров на его употребление, и лишь пять из них достаточно сохранились для надежной интерпретации. Единственным примером, где *śale* встречается в функции соединительного союза между однородными членами предложения, является стихотворный B 128 b4:

B 128 b4 *yñ(ak)t(eṃ)* ***śale*** *yśāmna*
'среди богов и среди людей' (Adv.)

По-видимому, В. Томас рассматривает *śle* и *śale* как варианты одного союза на основе именно этого примера. Действительно, синтаксически сочетания из раздела 1.1. и B 128 b4 устроены одинаково – союз стоит между соединяемыми им однородными членами предложения. В то же время *śale* в данном примере соединяет не имена, как в 1.1., а наречия. Однако этот пример на функцию союза между однородными членами для *śale* единичен и не позволяет говорить о том, могла ли другая часть речи (не имя) быть основанием для выбора *śale* вместо *śle*.

В трех других надежных случаях *śale* соединяет предложения:

PK AS 3A a3-a4 *tesa mā upadrap tsmetär* ***śale*** *lakle ṣamäṃ*
'Так приступ не развивается, и боль стихает (букв. садится)'
B THT 1574 a2 /// *(ña)ke sāṅk tsamo ste* ***śale*** *amokäcci ṣamäṃ*
'теперь община увеличивается и мастера остаются (букв. сидят)'
B THT 1167 a5 /// *-nta pa tākaṃ tusā ksa* ***śale*** *raddhi sa ka* ///
'… будут. Потому также магическая сила…'.

Неоднозначной является интерпретация примера PK AS 7H a4, отсутствующего у Томаса:

B PK AS 7H a4 *yāmi speltke po āñmtsa āñme ket tsälpātsi tākoy* ***śale*** *ce cmelne* ***ślek*** *alye(kne)* ///
'… should make effort with his whole self, [if] he has the wish to be redeemed. Likewise in this bir(th) as in the other (birth)' (CEToM)

И. Б. Иткин (личное сообщение) допускает, что здесь представлен двойной союз *śale … ślek*. По крайней мере в тох. А эмфатическая частица *-k* может маркировать слово, уже повторявшееся ранее в тексте (Бурлак, Иткин 2005). Тогда здесь должны были бы быть представлены варианты одного союза – *śale ~ śle*, последний из которых маркирован частицей *-k* из-за предшествующего и идентичного ему *śale* (и тогда *śle-k* и *ślek* необходимо различать как омоформы). Как видно, подход, согласно которому в PK AS 7H a4 – двойной союз, отражен и в переводе CEToM. Однако такая интерпретация едва ли проверяема, поскольку других примеров с двойным союзом *śale ... ślek* в тох. В не засвидетельствовано. По нашему мнению, *śale* и *ślek* могут рассматриваться здесь как отдельные союзы, первый из которых соединяет предложения, а второй – однородные локативы *ce cmelne* и *alyekne*. Можно предложить следующий перевод фрагмента: 'Да предпримет усилие всем сердцем (тот), желание у кого освобожденным быть. Также в этом рождении и в другом…'.

Прочие контексты с *śale* фрагментарны, так что структура всего предложения неизвестна и нельзя определить, какие единицы соединяет *śale*[4].

[4] B IOL 195 a2 /// *(ne)kw(a)* ***śale*** *tsäṅkana : alyai(k)n(esa)* /// '… habe ich vernichtet, desgleichen die Triebe (?)' (Глагольная форма *nekwa* восстановлена по Thomas 1979: 160). B 46 b5 *mā wa cämpaume* ***śale*** /// – *Class* 'I cannot yet together with ...' (CEToM). B PK AS 16.5 a4 *welñe*

Таким образом, *śale* достоверно выступает в качестве соединительного союза между предложениями в трех примерах: PK AS 3A a3-a4, B THT 1574 a2 и B THT 1167 a5. Для других имеющихся фрагментов из-за обрывочности либо из-за уникальности (как в PK AS 7H a4) контекста нет однозначной интерпретации.

По мнению Томаса, *śale* и *śle* являются метрическими вариантами одного соединительного союза. В качестве аргумента он указывает на то, что *śale* встречается в прозе, в то время как *śle* – почти исключительно в поэзии (Thomas 1979: 169). Однако мы видим, что в прозаических контекстах (PK AS 3A a3-a4 и, возможно, PK AS 16.5 a4) *śale* выступает в функции, которая не засвидетельствована для *śle*. Поэтому, на наш взгляд, наличествующий тох. В материал не позволяет говорить о значимых совпадениях в употреблении союзов *śale* и *śle* и об их взаимозаменимости.

1.3. ТВ *ślek*: распределение с *śale* и *śle*

Как считает Томас, форма *ślek* обнаруживает те же самые особенности употребления, что *śale* и *śle* (1979: 162). Действительно, примеры иллюстрируют способность *ślek* соединять как отдельные слова, так и предложения. Помимо совсем фрагментарного B 133 b5 ///– *ślek su uttare*, союз *ślek* в восьми случаях соединяет предложения / стоит в начале нового предложения:

> B 282 a6 || *strivighā* – || ***ślek*** *śarsa hetubālike ṣañ palsko lalaitaṣ nenekoṣpä*
> '|| на мотив s.|| Вместе с тем осознала Хетубалика свой дух отступившим и разрушенным...'
> B 15 a3 *(kameṃ śraddheño śrāva)sti riṣṣi upāsaki käntenmasa* ***ślek*** *ri(ntsi śaul raittānte)///* [5]
> 'пришли верующие (и) миряне города Щравасти сотнями, и жизнь отрицать принялись...'
> B 365 a6 ///*[pe]rne kälpoṣṣepi täṅwsā yärke yāmṣāre śākkyamuni* ***ślek*** *pudñäkte ///*

---

keklyauṣormeṃ sämpāre po laklesa ***śale*** *///* 'Речь услышав, они … (3 Pl. Pt.) все страдания и …' (3 Pl. Pt. *sämpāre* представляет собой ἄπαξ λεγόμενον). B IOL Toch. 249 /// *[c](e)kn(e)* ***śale*** *l[v]e(kne) ///*. B THT 1379 fgm. c b1: /// ***śale*** *spä yesä – ·n· – ///*. B THT 1622 fgm. c, b5: /// *[ne]* || *[śa]le ṣp makālna – ///*.

[5] ri(ntsi śaul raittānte) – восстановлено согласно (Thomas 1979: 166).

‘Собравшему достоинства с любовью почесть воздавали. Шакьямуни же Будда…’
B 255 b6 *: e – – rsnaṃ sklokanma* ***ślek*** *ra erseṃ kleśänma*
‘… 3 Pl.Pr. (?) сомнения и вызывают мучения’.
B 274 b5 *39 saṃtke wkänm= onwāññe läṃ saṃsārṣṣe pelemeṃ 39* ***ślek*** *te yatka pūdñäkte śāriputri (prāśänne)*
‘… напиток бессмертия пьющий, освободится от хода сансары. [39] И повелел это Будда-бог на вопрос Щарипутры …’
B 217 b4 *///t no :* ***ślek*** *no tumeṃ wat ·ā – wrocce läkle tanmäskeṃ ///*
‘И потому ... большое страдание порождают...’
B PK NS 54 b1 *: ai(śa)mñe(sa)* ***(ś)l(e)k ṣäp*** *no añmālaṣke kuse tākaṃ ṣek pälsko(ṣṣe)*
‘And if he is also compassionate through wisdom, (with) constant (wish?) of the mind’
B PK NS 32 a2 *: srūkalñeṣṣe* ***ślek*** *ñäkcye* ***ṣpä*** *mār lānt yūkoym*
’И смерти (Adj.) божественного Мару царя да повергну я’ (Adj.Nom.-Acc.Sg.)

В остальных случаях *ślek* выступает как соединительный союз между однородными членами предложения. Контексты с союзом *ślek* в этой функции очень похожи на контексты с союзом *śle*:

B PK AS 7H a4 *: śale ce cmelne* ***ślek*** *alye(k)*
‘в этом рождении и в другом’[6] (Loc.Sg.)
B 20 b3 */// (ce cmelne)* ***ślek*** *alyekne*
‘(in this birth) as in the other’ (Loc.Sg.) Перевод согласно (CEToM)
B PK AS 6E b1 *dhyananma* ***ślek*** *abh(i)jñ(änta) ///*
‘the visions together with the supernatural knowledges’ (Nom.-Acc.Pl.) Перевод согласно (CEToM)
B 204 b1 *snätkūweṣ tañ pernesa indrinta* ***ślek*** *kektseñe* :
‘Durchdrungen von deiner Würde die Sinne sowie der Körper’ (Nom.-Acc. Pl., Sg.) Перевод согласно (Thomas 1979: 162)
B 41 a3-a4 *: nesäṃ yent= aupacayik* ***ślek*** *vipākak* •
‘There is [also] the aupacayika [‘coming from nourishment’], also the vipākaya’ (Nom.-Acc. Pl.) Перевод согласно (CEToM)
B 286 b4 *cwī saṃtkenta* ***ślek*** *saṃtkīnau ñässa ñṣalle :*
‘ему лекарства и лекарь страстно желанны (становятся)’ (Nom.-Acc. Pl., Sg.)
B 23 a4 *ākli yamītär śrāddhe tākoy* ***ślek****wipassu* (Adj Nom.Sg.)
‘gläubig sei er, desgleichen schamhaft’ (*ślek kwipassu*, согласно Томасу (1979: 163), но может быть также композитом *śle kwipassu* ‘стыдливый’).

[6] О проблеме интерпретации этого примера см. в 1.2.

B 220 a3 *pātärñ takāreñ sasuwa tkātärñ* ***śłek*** *ṣañ śāmna*
'… отцы мои были, сыновья, дочери да мои люди' (Nom.Pl.)
B 74 b3 */// (a)rthadarśi sujāte* ***śłek*** *sunetre :*
'Arthadarśin, Sujāta desgleichen Sunetra' (Им.собств., Nom.Sg.)
Перевод согласно (Thomas 1979: 165)
B 17 b2 *: aiśamñe spaktāṃ* ***śłek*** *ompalskoññe*
'Reason, service, also meditation' (Nom.Sg.) Перевод согласно (CEToM)
B PK NS 32 a1 *paramārth(a)darśī su pū(d)ñ(ä)kte aniruddhe* ***śłek*** *: dhṛtirāṣṭre kauṇḍinye śka-maiyya käṣṣī śaiṣṣentse 2*
'Paramārthadarśin, [and] this Buddhalord Aniruddha in [their] company, [and] Dhṛtirāṣṭra [and] Kauṇḍinya, possessor[s] of six powers, teacher[s] of the world' (Nom.Pl.) Перевод согласно (CEToM)[7].

При этом союз может быть отделен от одного или от каждого из однородных членов другими членами предложения, что не характерно для *śle,* (см. также ниже B PK AS 17F b2):

B 17 a4 ***pudñäkte*** *ka ṣp lkāṣyeṃ rupne* ***śłek*** *waiptāyar* ***ṣamāneṃ*** *:*
'Будду же они увидели в (его) облике, также отдельно монахов' (Acc.Sg., Pl.)
B PK AS 17F b2 *śaumoṣṣepi naumyentse pkāla* ***wamer*** *naumyeṣṣai* ***śłek oṅkolmai*** *:*
'Bring to the jewel of a human the gem together with the [female] elephant made of jewels!'(CEToM)

Согласно переводу CEToM, *śłek* в B PK AS 17F b2 является предлогом, что возможно по чисто формальным основаниям. Однако такая трактовка кажется менее предпочтительной, т.к. *śłek* в качестве предлога больше нигде не встречается. Кроме того, в PK AS 17F b2 śłek стоит внутри распространенной именной группы – *naumyeṣṣai oṅkolmai* (Acc.Sg.), подобных примеров для śle – союза или предлога – нет. В то же время ср. A 317 a7 *ypeṣinäs* ***śkaṃ*** *āmāśāśśi* (Gen.Pl.) 'государственных также министров', где союз *śkaṃ* также стоит внутри именной группы.

Кроме того, И. Б. Иткин (устное сообщение) обратил наше внимание на то, что в целом ряде примеров союз *śłek* предшествует энклитикам: *śłek ra*, *śłek no*, *śłek te* или *śłek ṣpä*. В пяти из восьми таких случаев *śłek* соединяет

[7] По замечанию Томаса, то, что союз śłek стоит в конце пады, характерно для служебных слов (1979: 165).

предложения (B 255 b6, B 274 b5, B 217 b4, B PK NS 54 b1 и B PK NS 32 a2), в трех случаях – однородные члены предложения:

B 46 a6 /// *(:) lāntäṃ kälymiññeṃ* ***ślek r****= āmācänta :*
'царей приграничных и министров' (Acc.Pl.)
B PK AS 7I a3 *lāre no ṣpä mäsketrä śāmnantso* ***ślek ra*** *ñäktentso*
'и дорог становится людям и богам' (Gen.Pl.)
B 521 a3 /// *(mäksu no yā)mor yāmu* ***ślek ṣpä*** *kakraupau*
'(But which is the de)ed which has been done and at the same time accumulated?' (PP Nom.Sg.) Перевод согласно (CEToM).

Союз *śle*, согласно имеющимся данным, никогда не встречается с энклитиками, но представляют интерес фрагментарные случаи B THT 1379 fgm.c b1 и B THT 1622 fgm.c b5 с союзом *śale*, цитировавшиеся в 1.2.

Здесь также есть ряд текстовых фрагментов, которые обрывочны и не дают более точной информации о синтаксических единицах, соединяемых союзом *ślek*:

B IOL 47 a3 /// (bodhisa)tv(e) ***ślek*** *ñäkcye ksa śaiṣṣe tä- ///*
'Бодхисатва и божественный мир …'
B IOL 60 a2 /// (dha)rmaskant warñai ***ślek*** *prajñapti ///*
'свод законов далее, также именование…'

Добавим, что все без исключения примеры с союзом *ślek*, для которых мы можем установить их жанровую принадлежность, – стихотворные.

1.4. **Союзы *śale*, *śle* и *ślek* vs. *wai***

Для сравнения стоит сказать о том, что в функции союза между однородными членами предложения в TB может выступать и союз *wai*, см. (Thomas 1967: 265–267; Peyrot 2008: 161), например:

B PK AS 8C a7 • *ṣalype* ***wai*** *kuñcit pūwarne hom yamaṣṣälle*
'масло и кунжут в огонь пожертвованы должны быть' (Nom.-Acc.Sg.)
B 600 b4 *srūkalñeṣṣe* ***wai*** *aikarñeṣṣe īme*
'(о) смерти (Adj) и пустоте (Adj) мысль' (Nom.Sg.)

Мы ограничимся только этими примерами, поскольку все случаи употребления *wai* приводятся у Томаса. Перечислим здесь только их адреса: G-Su 3 1, B PK AS 8B a6, B PK AS 8C a7, B 178 b4, B 197 a2, B 461 a1, B 512 b3, B 600 a1, B 600 b4, B 600 b5, B THT 4059 a3, B 369 b1 и B 591 b4. Но поскольку в (Thomas 1967) и (Peyrot 2008) не анализируется жанровая

принадлежность текстов, в которых встречается *wai*, здесь будет важно отметить, что из известных случаев все, кроме стихотворного B 591 b4 и неидентифицируемого B 369 b1, принадлежат прозаическим текстам. То есть употребление *wai* может быть противопоставлено употреблению союзов *śle* и *ślek*, для которых случаи в прозе единичны (собственно, прозаические примеры на употребление в качестве союза между словами известны только для *śle*, это B IOL 4 b6 и, возможно, B 396 b7).

Большая часть текстов с союзом *wai* отражает, согласно (Peyrot 2008: 161), поздний и разговорный язык. Тексты из разделов 1.1. и 1.3., напротив, преимущественно характеризуются CETоМ как «Classical» или «Archaic». Среди текстов, где встречается *wai*, несколько медицинских «рецептов», торговый счет и даже граффити (G-Su 3 1).

Неясно, мог ли союз *wai* быть синхронно распределен с *śle* и *ślek*, поскольку, вероятно, он стал частотным только в более позднее время. Но если мы и наблюдаем жанровое распределение союзов, соединяющих однородные члены предложения, то на примере *śle* и *ślek* с одной стороны и *wai* с другой, но не на примере *śle* и *śale*.

Ср. словосочетание «счастье и страдание»:

B 245 a1 (sä)k ***śl(e)*** *läkl(e)* (стихи, арх.)
B 197 a2 sak ***(w)ai*** *lakle* (проза, поздн.)

2. ТА *śla*, *ślak*

2.1. ТА *śla*

Для тохарского А надежного материала, подтверждающего союзную функцию *śla*, практически нет. Томас приводит три примера, причем в двух из них, по его мнению, *śla* соединяет предложения – в A 253 a5 и A 397 a9:

A 253 a5 *täm ṣurmaṣ* ***śla*** *ypeyis puk kāswonentwāśśi tsmālune mäskaträṃ* ||
'aus diesem Grunde ist ebenfalls für das Land (Gen. Sg.) ein Zunehmen aller Tugenden' (перевод согласно Thomas 1979:161)
A 397 a9 *///(krant pñintu)*[8] *kākropunt tkaṃsaṃ* ***śla*** *läñcluneyaṃ perākune mäskatär*
'...in allen Ländern (gute Verdienste) gesammelt habend entsteht Glaube zugleich mit dem Hinausgehen (Loc.Sg.)' [scil. Moenchwerden]. (Carling 2000: 83)

[8] A 397 a9 ///(krant pñintu) – восстановлено согласно (Carling 2000: 83)

В «Тохарской грамматике» (SSS 1931: 237, 282) *śla ypeyis* расценивается как композит и переводится ‘mit seinem Lande’. В примере A 397 a9, по мнению авторов, ***śla*** синтаксически связано с *perākune* (‘вера’ Nom.-Acc.Sg.), а *läñcluneyaṃ* (‘уход в монашество’ Loc.Sg.) является определением к *perākune* (SSS 1931: 282), правда, перевода этого места не предлагается. Единственный известный нам перевод A 397 a9 есть у Карлинг, которая, однако, интерпретирует здесь *śla* как предлог. Томас не дает перевода для A 397 a9, хотя и говорит, что считает союз satzverbindend (1979: 161). Он аргументирует свое прочтение тем, что следующие в этих двух примерах за *śla* существительные *ype* ‘страна’ и *läñclune* ‘уход (в монашество)’ стоят в Gen. и Loc. соответственно, в то время как предлог *śla* управляет Acc. Как считает Томас, такое решение является более простым, чем считать *śla ypeyis* и *śla läñcluneyaṃ* композитами (1979: 161). Однако, как известно, подобные композиты [предлог + им.сущ.] возможны в обоих тохарских языках, ср. A 11 a4 *sne knānmuneyā* (Perl.Sg.) ‘невежеством’ или B 282 a5 *snai yase kwīpets* (Gen. Sg.) ‘бессовестности (и бес-)стыдства’. Санскритские параллели к текстам A 253 A 397 неизвестны, но, как указал нам Д. А. Комиссаров (личное сообщение), в Vinaya-sutra встречается композит *sapravraja* в словосочетании *sapravrajānāṃ bhikṣūṇāṃ* ‘ушедших (букв. ‘с состоянием ухода’) монахов’. Таким образом, возможно, что и *śla läñcluneyaṃ* представляет собой своего рода кальку с санскритского источника в Loc.Sg.: ‘…в уходе в монашество (в состоянии ухода <?>) вера есть’. Для A 253 a5 также можно предложить прочтение сочетания *śla ype* как композита ‘владеющий страной’, тогда перевод всего предложения мог бы быть следующим: ‘Из-за этого у владеющего страной произрастание всех благ возникает’.

Третий пример, где *śla* является, по мнению Томаса, соединительным союзом, но уже между однородными членами предложения, следующий:

A 86 b4 /// ***śla*** *ālu santānaṃ* ///
‘(среди своего) и чужого (Gen.Pl.) потомства (Loc.Sg.)’

Томас сравнивает этот случай с B 50 a3 *ce cmelne śl=ālye(kne*) ‘(в) этом рождении и другом’ (Loc.Sg.). Ср. также A 10 a1: *ṣñi pat ālu pat* ‘ни для себя, ни для других’. Хотя контекст в A 86 b4 и обрывочен, с учетом возможного сходства с B 50 a3

этот пример может считаться единственным, где интерпретация *śla* как союза кажется убедительной.

2.2. ТА *śłak*

Союз *śłak* значительно менее частотен, чем его тох. В аналог *śłek*. Неизвестно ни одного случая, где бы он мог выступать в качестве союза между однородными членами предложения. Но и соединяя предложения, ТА *śłak* встречается почти исключительно в составе сложного союза *śłak śkam* ‘а также’. В большинстве случаев *śłak śkam* появляется непосредственно на границе прозаической и стихотворной частей одного текста. См. также (Thomas 1979: 167), согласно которому *śłak śkam* ‘gern vor einem Metrumsnamen und damit zu einer Strophe überleitend steht’. Поскольку *śłak śkam* является уже самостоятельным составным союзом с довольно строго фиксированной локализацией внутри литературного текста, мы не рассматриваем здесь специально случаи его употребления. Приведем лишь один пример, который, в случае если мы имеем дело действительно с союзом *śłak śkam*, отличается от остальных:

> A 222 b3 + 239 b4 *säm śāris seyā* ***śłak*** *penu : 109 mau(dgalyāyaṃnā pe* ***śkaṃ***

Этот пример приводится у Томаса без перевода. По мнению Томаса, здесь мы имеем дело с разрывом союза *śłak śkaṃ* между двумя падами (1979: 165). Если это и так, отметим, что рассматриваемый пример относится к тохарскому переводу санскритской поэмы «Maitreyāvadānavyākaraṇa», обладающему целым рядом особенностей, не представленных ни в каких других тох. А рукописях (Itkin 2002).

Что же касается самого *śłak*, то есть только два предположительных примера на его отдельное употребление. Оба принадлежат плохо сохранившимся рукописям, так что невозможно определить, что именно соединяет данный союз:

> A 120 b2 */// śłak tsälpāluneṣi ākāl rītāt* ||
> ‘you made the wish to be liberated’ (CEToM)
> A 303 b2 */// śłak б*

3. Выводы

Предпринятый нами контекстный анализ показал, что рассматриваемые тох. В союзы имеют различия в употреблении. Союз В *śle* может соединять слова (только имена), но не предложения. Союз В *śale* только в одном из имеющихся

примеров соединяет однородные члены предложения (наречия), еще в трех или четырех случаях он соединяет предложения, остальные фрагменты обрывочны и не дают представления о функции *śale*. Неизвестно ни одного случая, где бы *śale* могло быть предлогом, подобно *śle*. Следовательно, утверждение, согласно которому выбор между B *śale* и *śle* обусловлен метрически, не находит надежного подтверждения: функции обоих союзов, за исключением одного не вполне однозначного примера (B 128 b4), не совпадают. Только союз B *ślek* может соединять как однородные члены предложения, так и сами предложения. Различия в употреблении указанных тох. B союзов говорят, на наш взгляд, о том, что *śle*, *śale* и *ślek*, несмотря на общность происхождения, синхронно являются разными словами, а не вариантами одного союза с синкопой гласного *a* и/или добавлением эмфатической частицы *-k*, и потому с лексикографической точки зрения должны рассматриваться как отдельные единицы.

Для A śla имеется только один более или менее убедительный пример употребления в функции союза, причем соединяющего слова. Интерпретация двух контекстов, где для A *śla* предлагалась функция союза между предложениями, является спорной, и, вероятно, *śla* входит в обоих случаях в состав композита. Таким образом, имеющийся материал говорит, по нашему мнению, о том, что для A śla, в отличие от B *śle*, союзное употребление почти не характерно.

Литература

Burlak, S.A., Itkin, I.B. 2005: Diskursivnaya chastitsa =äk v tokharskom A yazyke [Discursive particle =äk in Tocharian A.] In: *The 4th Typology School. The International School of Linguistic Typology and Anthropology*. Moscow: RGGU, 101–104.

Бурлак, Иткин 2005 – Бурлак С.А., Иткин И.Б. Дискурсивная частица =äk в тохарском A языке. В сб.: Четвертая типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Материалы лекций и семинаров. М.: РГГУ, 101–104.

Kuritsyna, A.W. Preposition Repetition in Tocharian Languages (In work).

Adams, D.Q. 1999: *A dictionary of Tocharian B.* Amsterdam; Atlanta: Rodopi (Leiden Studies in Indo-European 10).

Carling, G. 2000: *Die Funktion der lokalen Kasus im Tocharischen*. Berlin; New York: de Gruyter.

CEToM – *A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts* (www.univie.ac.at/tocharian/).

Hackstein, O. 1997: Präverb, Post- und Präposition im Tocharischen: Ein Beitrag zur Rekonstruktion urindogermanischer Syntax. *Tocharian and Indo-European Studies* 7, 35–60.

Itkin, I.B. 2002: The linguistic features of Tocharian A manuscript Maitreyāvadanavyākarana. *Manuscripta Orientalia* 8/3, 11–16.

Kim, R.I. 2014: Ablative and comitative in Tocharian. In: Oettinger, N. (ed.). *Das Nomen im Indogermanischen. Morphologie, Substantiv versus Adjektiv, Kollektivum. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 14. bis 16. September 2011 in Erlangen*. Wiesbaden: Reichert, 129–139.

Peyrot, M. 2008: *Variation and change in Tocharian B*. Amsterdam; New York: Rodopi (Leiden Studies in Indo-European 15).

SSS 1931: Sieg, E., Siegling, W., Schulze, W. *Tocharische Grammatik*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Thomas, W. 1966: Bemerkungen zum Gebrauch von toch. A *yo* und B *wai*. *Central Asiatic Journal* 11, 264–274.

Thomas, W. 1979: Zur Verwendung von A *śla*, B *śale*, *śle* im Tocharischen. *Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung* 93, 150–173.

A. V. Kuritsyna. Once again on the conjunctional use of the Tocharian words A *śla*, *ślak*, B *śle*, *śale*, *ślek*

The aim of this article is to compare the use of the Tocharian preposition A *śla*/ B *śle* "with" and the words A *ślak*, B *śale*, *śle* etymologically related to it. In some works on Tocharian languages the forms B *śle* and *śale* have been treated as two accent variants of the same lexeme, which shows prepositional as well as conjunctional use (Hacktsein 1997, Kim 2014). It also has been argued that all the words A *śla*, *ślak*, B *śale*, *śle*, *ślek* can function as coordinating conjunctions for both the words and the sentences (Thomas 1979). According to the results of our research, the toch. B lexemes do differ in their use: B *śle* can coordinate only the nouns, while B *śale* coordinates predominantly the sentences. Only the conjunction *ślek* can join syntactical units of different level. In toch. A the available data can not be regarded as sufficient to conclude about the conjunctional use of A *śla*.

Keywords: Tocharian languages, prepositions, conjunctions, contextual analysis.